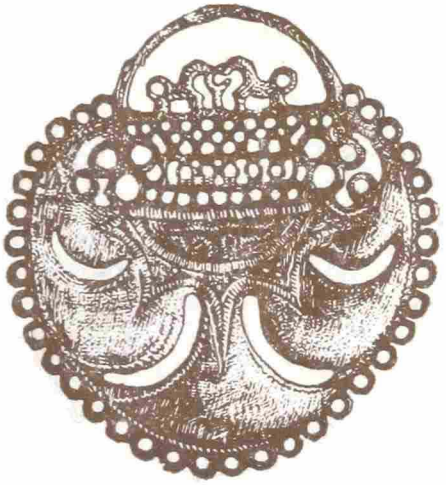
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1978

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
М. Г. Мошкова (отв. секретарь), *Р. М. Мунчаев,*
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
Б. А. Рыбаков, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Артемия Владимировича Арциховского 5
Мерперт Н. Я. (Москва). Миграции в эпоху неолита и энеолита 9
Бибиков С. Н. (Киев). Мезин. «Праздничный дом» и костяной музыкальный комплекс 29
Хлобыстина М. Д. (Ленинград). Некоторые вопросы палеосоциологической интерпретации Оленеостровского могильника 47
Авилова Л. И. (Москва). К изучению позднетрипольского погребального обряда 58
Качалова Н. К. (Ленинград). Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья 69
Блаватский В. Д. (Москва). Дионисий Ольвианский 80
Ильинская В. А. (Киев). Золотая пластина с изображениями скифов из коллекции Романовича 90
Минасян Р. С. (Ленинград). Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) 101
Перхавко В. Б. (Москва). Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы 113
Лунина С. Б. (Ташкент). Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии 127
Бадер О. Н. (Москва). Музеефикация археологических памятников . . . 138

Публикации

Козенкова В. И. (Москва). О южной границе восточной группы кобанской культуры 154
Кореняко В. А., Максименко В. Е. (Москва, Ростов-на-Дону). Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона 167
Пузикова А. И. (Москва). Городище Марица — памятник лесостепных культур скифского времени в Посеймье (по итогам работ 1973—1974 гг.) . . . 183
Дашевская О. Д. (Москва). Первые исследования Кульчукского некрополя 199
Исамиддинов М. Х. (Ленинград). Стратиграфия городища Ер-Курган в Южном Узбекистане 216

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», № 3, 1978 г.

Щапова Ю. Л. (Москва). Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III—IV вв.) 230
Кудрявцев А. А. (Махачкала). О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте 243

Критика и библиография

Шнирельман В. А. (Москва). Современные концепции происхождения производящего хозяйства (проблема механизма) 259
Формозов А. А. (Москва). Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии (обзор публикаций 1973—1976 гг.) 270
Балонов Ф. Р., Шер Я. А. (Ленинград). Doran J. E., Hodson F. R. Mathematics and Computers in Archaeology. Edinburgh, 1975 275
Третьяков В. П. (Ленинград). Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976 282
Петрухин В. Я. (г. Пушкино Моск. обл.). H. R. Ellis Davidson. The Viking Road to Byzantium. London, 1976 289
Вилинбахов В. Б. (Ленинград). Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976 294
Зарубежные рецензии на советские археологические издания 301

Хроника

Аникович М. В. (Ленинград). Совещание по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита (Ленинград, 1974 г.) 303
Синицын А. А. (Ленинград). Вопросы методики и техники исследования каменных орудий палеолита 307
Авдусин Д. А. (Москва). VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии . . 313

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.
INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 3
1978

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

A la mémoire d' Artème Vladimirovitch Artsikhovski 5
Merpert N. Ia. (Moscou). Les migrations à l'époque du néolithique et de l'énéolithique 9
Bibikov S. N. (Kiev). Mezine: «La maison des fêtes» et l'ensemble musical osseux 29
Khlobystina M. D. (Léningrad). Quelques questions concernant l'interprétation paléosociologique du champ funéraire d'Oléni Ostrov 47
Avilova L. I. (Moscou). Complément à l'étude du rite funéraire à la fin du Tripolié 58
Katchalova N. K. (Léningrad). Le plus ancien niveau des tombes à charpente dans la région de la basse Volga 69
Blawatsky W. D. (Moscou). Dionysius d'Olbia 80
Ilinskaïa V. A. (Kiev). La plaque d'or représentant des Scythes de la collection Romanovitch 90
Minassian R. S. (Léningrad). Classification des moulins à bras de l'Europe orientale (Ier millénaire de n. è) 101
Perkhavko V. B. (Moscou). L'apparition et la diffusion des éperons sur le territoire de l'Europe orientale 113
Lounina S. B. (Tachkent). Les formes de spécialisation de l'art du potier médiéval en Asie Centrale 127
Bader O. N. (Moscou). Les fouilles archéologiques converties en «musées à ciel ouvert» 138

Publications

Kozenkova V. I. (Moscou). A propes de la limite d'expansion au Sud des monuments du groupe oriental de la culture de Koban 154
Koréniako V. A., Maximenko V. E. (Moscou, Rostov-sur-le-Don). Les sépultures du début de l'Age du Fer dans le bassin du Don inférieur . . . 167
Pouzikova A. I. (Moscou). Le goroditché de Maritza: un monument de cultures sylvo-steppiques d'époque scythe sur la Seïm. (résultats des fouilles de 1973-1974) 183
Dachevskaïa O. D. (Moscou). Les premières explorations de la nécropole de Koultchouk en Crimée 199
Issamiddinov M. Kh. (Léningrad). La stratigraphie du goroditché de Er-Kourgan (sud de l'Ouzbékistan) 216
Chtchapova You. L. (Moscou). Un atelier de production du verre près du village de Komarovo (IIIe-IVe s. de n. è.) 230
Koudriavtsev A. A. (Mahatchkala). Sur la datation de premières fortifications sassanides à Derbent 243

Critique et bibliographie

Chnirelman V. A. (Moscou). Les conceptions actuelles sur l'origine de l'économie productive (le problème du mécanisme) 259
Formozov A. A. (Moscou). Les nouveaux livres sur les dessins rupestres au Caucase et en Asie Centrale (revue des publications faites de 1973 à 1976) 270
Balonov F. R., Cher Ia. A. (Léningrad). Doran J. E., Hodson F. R. Mathematics and Computers in Archaeology. Edinburgh, 1975 275

Trétiakov V. P. (Léningrad). Néprina V. I. La céramique au peigne et à fossettes du néolithique en Ukraine. Kiev, 1976 282
Pétroukhine V. Ia. (ville de Pouchkino, environs de Moscou). H. R. Ellis Davidson: The Viking Road to Byzantium. London, 1976 289
Vilinbakhov V. B. (Léningrad). Kirpitchnikov A. N. L'art militaire en Russie du XIIIe au XVe siècle. Léningrad, 1976 294
Publications étrangères sur les ouvrages soviétiques d'archéologie 301

Chronique

Anikovitch M. V. (Léningrad). Le colloque sur les questions de classification et de nomenclature des outils denticulés du paléolithique ancien (Léningrad, 1974) 303
Sinitzyne A. A. (Léningrad). Les questions de méthode et de technique dans l'étude des outils de pierre du paléolithique 307
Avdoussine D. A. (Moscou). La VIIe Conférence de l'U.R.S.S. sur l'étude de l'histoire, l'économie, la littérature et la langue des pays scandinaves et de la Finlande 313

Адрес редакции:

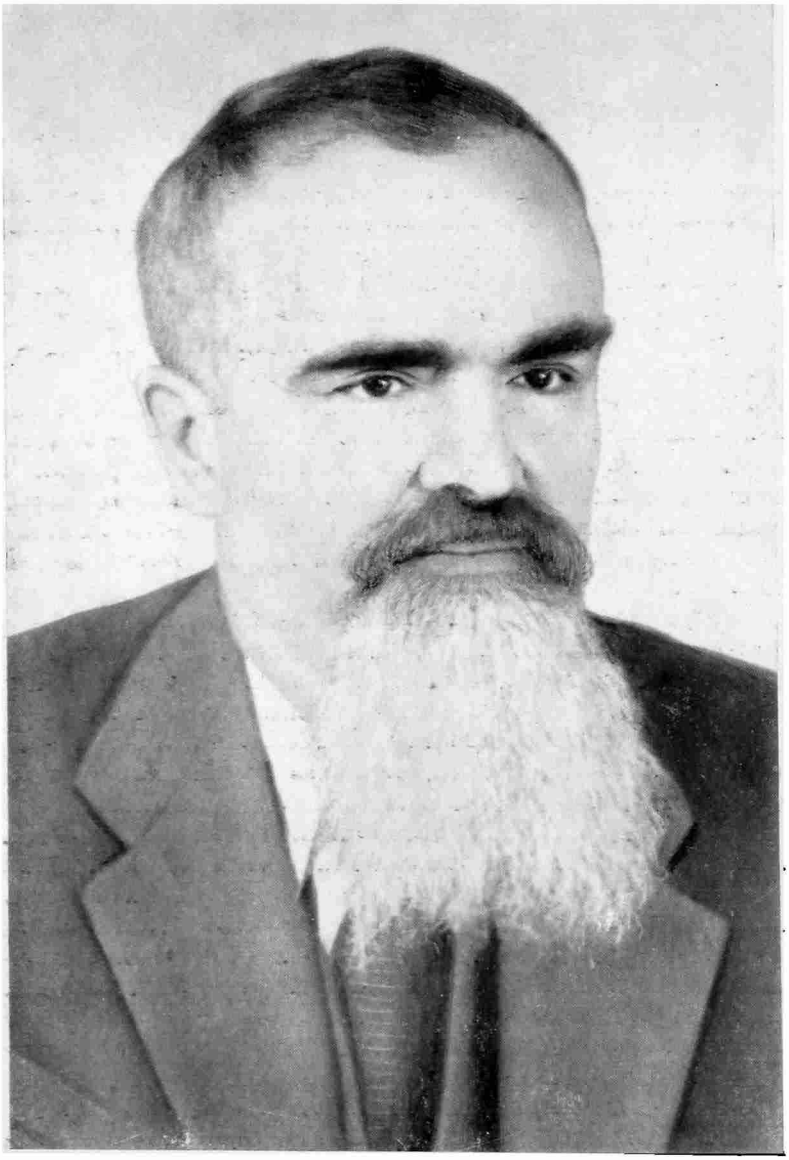
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.04.78 Подписано к печати 28.08.78 Т-09574 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0+1 вкл. Уч.-изд. л. 31,5 Бум. л. 10,0 Тираж 3320 экз. Зак. 400

Издательство «Наука», 103717, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10



АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АРЦИХОВСКИЙ
(1902—1978)

ПАМЯТИ
АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА АРЦИХОВСКОГО

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 17 февраля 1978 г. скончался Артемий Владимирович Арциховский, выдающийся археолог, один из основоположников советской археологической науки, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор, заведующий кафедрой археологии Исторического факультета Московского государственного университета, основатель и главный редактор журнала «Советская археология», лауреат Государственной премии СССР.

С именем А. В. Арциховского связаны многие выдающиеся успехи советской археологической науки, начиная с самого ее становления в качестве марксистской исторической дисциплины. Образное определение археологии как «истории, вооруженной лопатой» было сформулировано А. В. Арциховским в самый разгар споров о взаимоотношении археологии и истории и выразило стремление молодых археологов двадцатых годов к подлинному историзму.

А. В. Арциховский родился 26(13) декабря 1902 г. в Петербурге. Его отец — известный ботаник В. М. Арциховский, мать — врач. После окончания Новочеркасской гимназии он поступает в Московский университет, где занимается под руководством одного из виднейших археологов, В. А. Городцова. По окончании университетского курса в 1925 г. А. В. Арциховский становится аспирантом РАНИОН, где в то время формируются кадры ученых-марксистов. Его диссертация «Курганы вятичей», защищенная в 1929 г. и опубликованная в 1930 г., представляет собой исследование, обобщающее огромный материал русских древностей XI—XIV вв. и вводящее в науку новую методику, основанную на принципах математической статистики. Эта книга наглядно продемонстрировала безусловную обязательность источниковедческого анализа как исходной базы для социологических обобщений; она и сегодня остается образцом для археологов, изучающих другие славянские общности. Наряду с занятиями в аспирантуре Артемий Владимирович работает в Государственном Историческом музее, где руководит отделом древнерусской археологии и в 1929 г. осуществляет коренную перестройку всей музейной экспозиции по разделу древней Руси. Показ коллекций из раскопок был заменен широкой картиной исторического процесса на основе разнообразного вещевого материала. В 1928 г. А. В. Арциховский начинает свою педагогическую работу, он читает студентам МГУ специальный курс славяно-русской археологии. Огромная эрудиция, умение сочетать изучение исторических источников с археологическими, новая методика и увлеченность наукой — все это привлекало к нему студентов и делало его одним из наиболее ярких преподавателей историко-этнологического факультета МГУ.

Уже в первых своих работах А. В. Арциховский проявляет пристальное внимание к орудиям труда, т. е. к категориям, наиболее важным для исторических реконструкций общественно-экономических формаций. В те же годы для него становится очевидной методологическая необходимость обязательного сочетания городских и сельских древностей в едином анализе. Крупным вкладом в формирование марксистско-ленинской

исторической науки тридцатых годов была работа А. В. Арциховского «Археологические данные о возникновении феодализма во Владимиро-Суздальской земле». В ней впервые в советской науке была показана возможность историко-социологических построений на основе массового археологического материала.

Большие земляные работы на территории древней Москвы, связанные с постройкой метрополитена, потребовали тщательного археологического наблюдения.

Руководителем археологической бригады на строительстве первой очереди Московского метрополитена был назначен А. В. Арциховский. Успех этих работ является первым в нашей истории примером творческого сочетания интересов науки и строительства, которое в наши дни приобрело форму общенародной заботы об охране памятников истории и культуры и привело к широчайшему развитию археологических работ на новостройках.

Начав свою научную деятельность с изучения курганных древностей и археологии Москвы, Артемий Владимирович в дальнейшем выбирает себе новую большую историко-археологическую тему — Новгород Великий, тему, которой он остался верен всю свою жизнь. Работы в Новгороде принесли ему всемирную известность. Начав в 1929 г. с изучения сельских древностей Новгородской земли, он в 1932 г. переносит раскопки в город, основав старейшую из существующих ныне постоянных советских экспедиций по изучению русского средневековья. Несколько важнейших направлений работы этой экспедиции были им определены еще в довоенные годы и имеют первостепенное методическое значение.

Именно в Новгороде была найдена оптимальная методика исследования городского культурного слоя, исключающая элемент случайности,— раскопки широкими площадями, которые позволили сделать объектом археологического изучения целые усадьбы и кварталы древнего города. Другим направлением стала разработка вещевой хронологической шкалы, а затем и всего комплекса материалов для детальной характеристики стратиграфической системы культурного слоя. Наконец, анализ замкнутых в пределах определенных построек вещевых комплексов создал возможность их функционального определения и привел к открытию не только жилых домов и хозяйственных построек, но и многочисленных ремесленных мастерских.

Эта методика направлена на изучение взаимосвязей всех открывающихся при раскопках древностей во времени и пространстве. Результатом ее применения стала реконструкция динамического процесса развития усадьбы, квартала, улицы, города в целом. И знаменитое открытие в 1951 г. первых берестяных грамот с самого начала было осознано не только как обнаружение принципиально нового источника информации о прошлом, не только как свидетельство широкого распространения грамотности в древней Руси, но и как средство живого объединения материалов археологии с материалами письменных источников по новгородской истории. С момента этого открытия началось формирование новой программы археологических работ в Новгороде, которая учитывает практическую невозможность изучения его истории без постоянного синтеза данных письменных источников и археологических материалов. Важнейшее историческое и методологическое значение имеет итоговая статья А. В. Арциховского «Археологическое изучение Новгорода» (1956 г.), в которой содержится эта программа.

В составе Новгородской экспедиции А. В. Арциховский сумел объединить большой коллектив талантливых ученых, главным образом своих учеников, что позволило превратить издание трудов экспедиции в поистине энциклопедическое издание. В результате работ этого коллектива Новгород стал эталонным памятником для всех исследователей, занимающихся славяно-русской археологией.

Проблемы комплексного изучения разнообразных источников всегда привлекали А. В. Арциховского. Кроме важных работ по экономической и политической истории Новгорода он опубликовал исследования по специальным вопросам нумизматики и геральдики, но наиболее фундаментальной работой того же плана была его докторская диссертация «Древнерусские миниатюры как исторический источник», защищенная в 1940 г. и опубликованная в 1944 г. По существу значение этого своеобразного источника, названного «окнами в исчезнувший мир», было впервые раскрыто А. В. Арциховским, ставшим основоположником успешного изучения книжной миниатюры, широко развивающегося в наши дни.

Важное значение приобрели работы А. В. Арциховского посвященные прикладному искусству средневекового Новгорода, которые не только знакомят с неизвестным ранее миром бытовых художественных древностей русского средневековья и дают новую характеристику культуре XI—XV вв., но и позволяют понять истоки высочайших шедевров русской средневековой скульптуры, всегда казавшиеся загадочными.

Еще одним примером источниковедческого синтеза является предпринятое А. В. Арциховским семитомное академическое издание новгородских берестяных грамот, обнаруженных в 1951—1976 гг., комментирование которых показало сотни точек соприкосновения этих документов со всем комплексом письменных и археологических источников древней Руси.

Вклад А. В. Арциховского в становление и развитие советской археологии как университетской науки поистине неоценим. Будучи воспитанником Московского университета, А. В. Арциховский связывает с ним всю свою дальнейшую жизнь. С 1927 г. он ассистент, с 1929 г.— доцент, с 1937 г.— профессор университета. С 1939 г., когда на Историческом факультете МГУ была образована кафедра археологии он до дня своей кончины ее бессменный заведующий. В 1952—1957 гг. А. В. Арциховский — декан исторического факультета. В эти годы он возглавляет работу по написанию истории русской культуры XIII—XVI вв.

Подготовленный А. В. Арциховским курс археологии не знает прецедента в мировой педагогической практике. В нем соединены в едином изложении сведения по первобытной, античной и средневековой археологии, а проблемы русской и мировой истории впервые изложены на материалах СССР, Западной Европы и Ближнего Востока, демонстрируя поступательное движение исторического процесса от появления человека до позднего средневековья. Предназначенный для студентов и изданный в виде учебника университетский курс превратился в важнейшую обобщающую работу, излагавшую марксистско-ленинское понимание истории человечества. Не меньшее значение имеет и учебник А. В. Арциховского «Основы археологии», в котором обобщены материалы археологии СССР. В университете им был подготовлен и читался курс «Историографии археологии», знакомивший студентов с марксистской оценкой буржуазных концепций и демонстрировавший развитие отечественной археологии. Педагогическая деятельность А. В. Арциховского оказывала сильнейшее воздействие не только на его непосредственных слушателей, но и сформировала несколько поколений успешно работающих сегодня археологов. Блестящий лектор, мастер афоризма, острый полемист, Артемий Владимирович поражал слушателей разносторонностью и феноменальной памятью, умением предельно лаконично выражать свои мысли.

Следует отметить также и его постоянный живейший интерес к людям, людским судьбам. Не замыкаясь в рамках своей специальности, Артемий Владимирович прекрасно знал мировую культуру, искусство и особенно поэзию; он мог наизусть приводить целые поэмы — от Горация до Маяковского.

А. В. Арциховский был одним из деятельных организаторов нашей науки. С момента основания в 1957 г. до последнего дня он руководил

главным печатным органом отечественных археологов журналом «Советская археология». С 1956 г. он был также главным редактором журнала «Вестник Московского университета (серия: История)».

В 1960 г. А. В. Арциховский был избран в член-корреспонденты Академии наук СССР. В 1966 г. ему присуждается Ломоносовская премия Московского университета, а в 1970 г.— Государственная премия СССР. А. В. Арциховский был награжден орденом Дружбы народов, двумя орденами «Знак почета» и медалями.

Артемий Владимирович останется жить в своих трудах и открытиях, в трудах его многочисленных учеников, вдохновлявшихся его идеями, в благодарной памяти советских археологов.

Н. Я. МЕРПЕРТ

МИГРАЦИИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА *

Значительные передвижения больших человеческих групп составляют одну из закономерностей истории. Они играли весьма существенную роль на всех ее этапах, начиная с самого процесса антропогенеза, расселения предков человека и формирования первоначальной ойкумены. Прямым результатом расселения, а в ряде случаев далеких и смелых миграций явилось дальнейшее расширение ойкумены, освоение новых территорий, означавшее на заре человеческой истории подлинное открытие новых миров. К. Маркс специально подчеркивал роль передвижений как при первобытнообщинном строе, так и в классовых формациях. Для различных социально-экономических формаций им вскрыты специфика передвижений и движущие силы их. Уже для «варваров», осваивавших производящие виды экономики, К. Маркс постулировал «давление избытка населения на производительные силы», что сокращало жизненно необходимые для человеческих коллективов территории и вынуждало избыточное население к «великим переселениям» [1]. Еще более резко давление избытка населения на производительные силы проявлялось в рабовладельческой формации, и К. Маркс пишет, что в государствах античного мира «вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя» [2]. Далее К. Маркс подчеркивает принципиальное отличие миграций в условиях анархии капиталистического производства, когда производительные силы давят на население, обусловливая «вынужденную эмиграцию» [3]. На различных этапах человеческой истории, в прямой зависимости от всей суммы факторов, определяющих развитие конкретного общества,— факторов экологических, экономических, демографических, социальных, культурных — перемещения крупных человеческих масс определялись различными причинами, имели различные масштабы, направления, характер и исторические последствия.

По всем этим показателям человеческие перемещения — миграции — бесконечно многообразны. И лишь со значительной долей схематизма может быть предложен опыт их группировки и выделения определенных моделей миграций, закономерных и характерных для определенных эпох (в данном случае имеются в виду прежде всего различные периоды развития первобытнообщинного строя). Именно в порядке такого опыта могут быть предложены три модели миграций.

Модель 1. Миграции, полностью обусловленные экологическим фактором, непосредственно вызванные изменениями природных условий. Последние также достаточно многообразны: они включают и кардинальные изменения природного окружения (наступления и отступления ледников, трансгрессии и регрессии крупных водных бассейнов и т. п.), и постоянные ландшафтные изменения, связанные с климатическими колебаниями,

---

* Доклад, прочитанный на заседании Методологического семинара Института археологии АН СССР 1 февраля 1976 г.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8. М., 1957, с. 568; Архив Маркса и Энгельса, т. IX М., 1941, с. 80—85.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 567.

[3] Там же.

режимом влажности и пр., и соответствующие им изменения в составе флоры и фауны определенных областей (в том числе миграции животных и рыб), и стихийные бедствия (сейсмические явления, наводнения, лесные и степные пожары, эпидемии и эпизоотии), и другие виды экологических кризисов. Такие миграции происходили во все эпохи истории, но наиболее характерной и, более того, единственно возможной эта модель является для эпох безраздельного господства присваивающей экономики. Основной формой осуществления миграций этой модели можно считать переселение. Такие миграции еще не связаны с резкой демографической и экономической неравнозначностью различных регионов. Основные факторы, обусловливающие их, носят внешний характер. Внутренние факторы играют подчиненную роль. Ввиду крайне медленного роста народонаселения в условиях присваивающей экономики и отсутствия охватывающих значительные области демографических взрывов **давление избытка населения на производительные силы вызывается еще в основном внешними причинами** (экологической спецификой конкретных областей и ее изменениями, прежде всего состоянием ресурсов присваивающей экономики). Миграции этой модели не вызывают принципиальных экономических и социальных изменений на охваченных ими территориях: результатом их являлись расширение ойкумены, определенное увеличение плотности населения в заселенных мигрирующими группами областях без принципиальных изменений в их хозяйственной системе. При наличии в этих областях местного населения происходил закономерный процесс ассимиляции, облегченный экономической однозначностью обеих групп. В ряде случаев миграции эндогамных коллективов, вступавших в брачные связи с местным населением, могли приводить к созданию дуально-фратриальной организации. В других случаях могли иметь место вытеснение и даже истребление аборигенов. Но такие военные акции отнюдь не являлись постоянным элементом миграций, были незначительны по масштабу и не требовали ни особой организации, ни профессионального руководства. Конфликты вызывались борьбой за наиболее благоприятные для жизни территории, спорами из-за добычи, ритуальными причинами и т. п. Стремление к захвату чужого имущества еще не стало основной причиной ни миграций, ни войн, поскольку прибавочный продукт либо отсутствовал, либо был минимален равно по своей ойкумене.

Модель 2. Миграции, обусловленные в основном экономическим фактором, прежде всего появлением и распространением в ряде областей производящих видов экономики, знаменовавшими новый этап во взаимодействии человека с природой. Началось качественно новое использование природных ресурсов с целенаправленным воздействием на них со стороны человека, искусственным их умножением и распространением на новых территориях (культивация злаковых, распространение из предгорных областей их естественного произрастания на плодородные почвы речных долин, доместикация животных и неизбежно связанные с этим освоение и постоянное расширение пастбищ). Эти факторы в известной мере определяли направления миграций. Причины же их теперь в значительной мере были обусловлены именно экономической и демографической неравнозначностью различных районов. Распространение производящего хозяйства приводило к резкому росту народонаселения на охваченных им территориях, к демографическому взрыву и, следовательно, к **давлению избытка населения на производительные силы** (вызванному уже внутренними причинами), что и явилось основной причиной миграций второй модели, превратив их в неизбежную закономерность. Таким образом, основные факторы, обусловливавшие их, носят уже **внутренний характер.** В основном миграции этой модели носили характер **расселения.** Миграции эти происходили в условиях четко определившегося уже экономического неравенства регионов, носившего принципиальный характер. Ограниченным областям, в которых возникло производящее хозяйство и

действовали отмеченные выше факторы, противостояли обширные области, в которых полностью господствовало еще присваивающее хозяйство и эти факторы еще не действовали: плотность населения оставалась крайне незначительной, а давление избытка населения на производительные силы — минимальным. При таких условиях естественным направлением миграций было движение из областей первого порядка в области второго порядка, причем на этот раз миграции приводили не только к росту плотности населения, но и к принципиальным изменениям в хозяйственной системе, социальной структуре и культуре охваченных ими территорий. Движения обратного порядка были спорадическими и для данных условий незакономерными: неравенство между областями было еще слишком велико. Основной формой расселения человеческих групп этой модели была сегментация, содержание и механизм которой были раскрыты Л. Г. Морганом, считавшим подобные расселения «...столь же естественным, как и неизбежным результатом родовой организации» [4]. Последняя охватывала сравнительно немногочисленные человеческие коллективы и не могла еще играть сколько-нибудь заметной организационной и направляющей роли в переселениях, являясь здесь, по правильному замечанию В. М. Массона, фактором вторичного порядка [5]. Освоение новых сельскохозяйственных территорий, сегментация и возникновение новых независимых поселков, т. е. медленное и постепенное расселение древнейших земледельцев при отсутствии серьезной и регулярной угрозы с противостоящих территорий, не были связаны ни с обязательными военными действиями, ни со специальной организацией, осуществляющей подобные действия. Естественно, отдельные военные столкновения имели место. Иногда они носили достаточно серьезный характер и приводили к разрушению целых поселков, весьма показательным примером чего может служить сожженное и засыпанное пращевыми пулями поселение культуры Каранова II (V тысячелетие до н. э.) у Окружной больницы в г. Стара Загора (Южная Болгария). Но такие столкновения были скорее исключениями, чем закономерностью. Особенно это касается наиболее раннего расселения из первоначальных центров доместикации. Но взаимоотношения расселяющихся групп с аборигенами усложнились ввиду неоднозначности их экономических систем: аборигены либо должны были принять новую систему (если они были подготовлены к этому внутренним развитием), либо вытеснялись пришельцами [6]. Ассимиляция носит односторонний характер: в этом процессе, безусловно, доминируют пришлые (расселяющиеся) группы. Вместе с тем сегментация и самостоятельное развитие выделившихся и переселившихся групп приводили к формированию новых племен и возникновению диалектологических различий [7].

С распространением производящего хозяйства и освоением основных территорий, пригодных для наиболее ранних его форм, условия переселений заметно усложнились. Прирост населения продолжался, техника развивалась чрезвычайно медленно, избыточное население давило на слабо развитые производительные силы, что обусловливало необходимость новых передвижений. При этом переселенцы либо оказывались в новых, отличных от первоначальных земледельческо-скотоводческих центров, экологических условиях, и должны были приспосабливать к ним свою хозяйственную систему (так было на большей части территории Европы), либо расселялись на территории, уже освоенной ранее экономически однозначным им населением. В последнем случае вновь имело место

---

[4] *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934, с. 62.
[5] *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. М., 1964, с. 398, прим. 6.
[6] Там же, с. 399.
[7] *Морган Л. Г.* Ук. соч., с. 62.

перенаселение данной области и возникала «своеобразная цепная реакция последовательного перемещения племенных групп» [8].

Взаимоотношения аборигенных и пришлых групп еще более усложнились. Возможность военных конфликтов возросла. Основной причиной их являлась борьба за территорию, за наилучшие сельскохозяйственные участки, но определенным фактором стали уже также концентрация прибавочного продукта и стремление к его захвату. Отдельные группы начинают объединяться «в лигу или конфедерацию в целях взаимной защиты» [9]. Поселки группируются близ наиболее крупных и снабженных уже оборонительными сооружениями (хотя это и не стало еще закономерностью). Соответственно усложняется социальная структура. Миграции второй модели приобретают усложненный характер в целом. Возникают факторы, обусловившие уже третью модель первобытных миграций.

Модель 3. Миграции, обусловленные как экономическим, так и социальным факторами. Первым является наличие различных систем производящего хозяйства, вызвавших значительный рост народонаселения в обширных регионах, но неравнозначных по своему содержанию и продуктивности. Развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства и сформировавшихся на его базе культур в наиболее благоприятных для этого развития областях Старого Света (Средиземноморье, Передний Восток) продолжалось и достигло значительной высоты. Прибавочный продукт здесь возрастал. Появилась категория богатства и концентрация его в руках определенных коллективов (один из последних и ярчайших показателей этого — Варненский некрополь в Болгарии). Но этому региону противостояли уже не слабо заселенные области с господством присваивающей экономики, население которых не имело ни стимулов, ни сил для обратного воздействия на земледельческо-скотоводческие территории. Распространение здесь производящего хозяйства позволило реализовать ресурсы этих областей, остававшиеся ранее лишь потенциальными. На этих территориях были выработаны специфические формы производящей экономики, соответствовавшие экологическим и историческим особенностям конкретных областей. Специфика этих форм оказала решающее воздействие как на характер местного развития, так и на взаимодействие между указанным древнейшим регионом производящей экономики и более северными областями Евразии. В Центральной, Западной и Северной Европе распространилось земледелие, приспособленное к местным условиям, менее стабильное, а в ряде областей и менее продуктивное, чем на юге, но вызвавшее все же достаточно серьезные экономические, демографические и культурные изменения на этой территории [10]. В степной зоне Евразии сформировалась хозяйственная система, доминирующую роль в которой играло скотоводство в специфических подвижных его формах, требующих частых передвижений и постоянного освоения новых пастбищ. Это обусловило заселение степи, быстрое и широкое распространение больших человеческих групп, формирование гигантских общностей, а внутри них — больших племенных объединений. При этом экономическая база оставалась здесь достаточно узкой, а **давление избытка населения на ограниченные производительные силы было особенно резким.**

Пополнение жизненных ресурсов путем захвата прибавочного продукта в раннеземледельческих областях становится одним из стимулов миграций. Характер их меняется: теперь это уже не только сегментация с постепенным, последовательным и прочным расселением, но и быстрые перемещения значительных масс населения, объединенных в пусть временные, но мощные племенные союзы, созданные для ведения военных

[8] *Массон В. М.* Ук. соч., с. 401.

[9] *Морган Л. Г.* Ук. соч., с. 62.

[10] *Piggott S.* Ancient Europe. Edinburgh, 1965, p. 40–64; *Титов В. С.* Древнейшие земледельцы Европы.– В сб.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 25–37.

действий. Военный фактор для миграций этой модели становится не случайностью, а закономерностью: сама модель возникла в условиях, когда в одной зоне ойкумены появилась значительная концентрация прибавочного продукта (на базе высокопродуктивного хозяйства), а в другой сформировались уже силы, стремящиеся (ввиду недостаточной продуктивности собственной экономики) к его захвату. Целью войны становится как борьба за наиболее продуктивные территории, так и прежде всего за насильственное отчуждение прибавочного продукта. Одной из основных форм миграций этой модели можно считать военное вторжение.

«...Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей... Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» [11].

Вместе с тем миграции этой модели решительно способствовали разрыву ограниченности первоначальных очагов производящего хозяйства, распространению их экономических и культурных достижений на огромных территориях, установлению действенных контактов между различными культурными общностями. В такой же мере они способствовали консолидации больших человеческих групп и активному процессу ассимиляции, что сыграло значительную роль в этногенетическом процессе. Еще раз подчеркну, что на ряде этапов человеческой истории отмеченные модели миграций сосуществовали и находились в сложной взаимосвязи. Но вместе с тем историческая специфика каждой эпохи определяла как характер этой взаимосвязи, так и доминант определенной модели миграций. В этой связи представляется целесообразным специальное рассмотрение миграций каждого конкретного периода древнейшей истории человечества. Ниже я остановлюсь на некоторых аспектах миграций эпохи неолита и тесно связанного с ней (на ряде территорий знаменующего финал ее) энеолитического периода.

Определение неолита до сего времени остается предметом дискуссии, так же как и сами принципы его определения. В одних случаях подходят с чисто археологических позиций, выдвигая в качестве определяющих признаков изменения в материальной культуре (новые элементы в комплексе орудий, освоение шлифовки и сверления камня, изобретение керамики). В других — неолит выделялся прежде всего как историческая эпоха, в основу ее определения был положен экономический принцип, а главным признаком было сочтено возникновение производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства. Для археологического определения неолита руководящим представляется первый круг признаков. В рассматриваемой проблеме наибольшее значение имеет именно **экономическая специфика** неолита, которая наряду с экологическими факторами определила причины, направления и характер миграций этой эпохи, появление качественного своеобразия, отличающего их от палеолитических.

Миграции первой модели продолжались в неолите (прежде всего в зоне господства присваивающего хозяйства), как продолжались они и в последующие эпохи. **С экономической же спецификой неолита** связано прежде всего появление и широкое распространение миграций **второй модели,** в предшествующие эпохи исторически невозможных, а в последующие — заметно усложненных и в большинстве случаев уступивших место миграциям третьей модели. Именно в неолите существовали условия, при которых могло происходить широкое распространение резко возросшего населения передовых экономически и культурно областей по

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21. М., 1961, с. 164.

обширным слабо заселенным (или вообще незаселенным) территориям. Такое соотношение перенаселенных и практически лишь заселяемых территорий позволяет при наличии соответствующих археологических показателей отличать расселения от диффузий. Археологическими показателями являются здесь прежде всего расширение границ определенных, достаточно четко выделенных раннеземледельческих культур с распространением определяющего их комплекса материальных признаков (включая керамическую орнаментацию) на новые территории, где этот признак не растворяется, а, напротив, становится господствующим культурным явлением и основой дальнейшего развития. Подобные случаи не могут быть объяснены диффузией, здесь можно с уверенностью говорить о расселениях. Такие расселения могут быть документированы для всех областей сформировавшейся в неолите раннеземледельческой ойкумены и непосредственно примыкающих к ней территорий. Я ограничусь предельно кратким рассмотрением соответствующих материалов Ближнего Востока и материковой Европы.

На Ближнем Востоке истоки, формирование, а далее и распространение раннеземледельческих общин наиболее четко прослеживаются на примере **Месопотамии** (рис. 1). Самые ранние из них, относящиеся к IX—VII тысячелетиям до н. э. и знаменующие первую ступень становления земледелия в этом древнейшем его центре, разбросаны по узкой полосе предгорий и склонов Тавра и Загроса (Карим-Шахир, Зави Чеми Шанидар, Гандж-Даре Е, далее Малефаат, Мюрейбит, наконец Джармо, Тепе-Гуран, Тепе-Сараб, Гандж-Даре Д — В), и лишь единичные их поселения появляются у подножья гор, на границе аллювиальной долины, фактически еще не заселенной (Темерхан, Али-Кош) [12]. Расселяющиеся из этих и других центров [13] земледельцы переносят доместицированные уже пшеницу и ячмень на плодородные почвы долины Месопотамии и кладут начало земледелию северной ее части (Эль-Джезиры). В конце VII — начале VI тысячелетия до н. э. здесь распространяется культура поселений типа Телль-Сотто и Умм Дабагии [14], свидетельствующая о распространении древнейших земледельцев на значительной сплошной территории. А для второй половины I тысячелетия до н. э. можно говорить уже по меньшей мере о двух больших раннеземледельческих культурах — хассунской и самаррской, охвативших еще большие области Северной и Средней Месопотамии и знаменующих следующую ступень расселения древнейших земледельцев [15].

В первой половине V тысячелетия до н. э. в северной части долины появляется третья, чрезвычайно своеобразная и отличная от первых двух раннеземледельческая культура — халафская. Первоначальный центр сложения ее до сих пор является предметом дискуссии, но вряд ли он может быть вынесен далеко за пределы Верхней Месопотамии. Дальнейшее же активное расселение халафских земледельцев бесспорно [16]. Они фактически вытеснили создателей хассунской культуры с их исконной территории, вошедшей в основную область распространения халафских памятников. В то же время родственная хассунской самаррская культура Средней Месопотамии продолжала существовать параллельно халафу.

---

[12] *Oates J.* The Background and Development of Early Farming Communities in Mesopotamia and the Zagros.— PPS, vol. 39, p. 147—161; *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London, 1975, p. 70—90.

[13] В. М. Массон предполагает здесь движение и из области сиро-киликийского неолита (*Массон В. М.* Средняя Азия..., с. 402), возможно оно и из более западных районов самой Верхней Месопотамии, например из предгорий Синджара.

[14] *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.).— СА, 1975, № 4, с. 99—111; *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah.— Iraq, London, vol. XXXIV (1972), XXXV (1973), XXXVI (1974); *Mellaart J.* Op. cit., p. 135—146.

[15] *Oates J.* Op. cit., p 163, 171; *Mellaart J.* Op. cit., p. 141 ff.

[16] *Mellaart J.* Op. cit., p. 163—168.

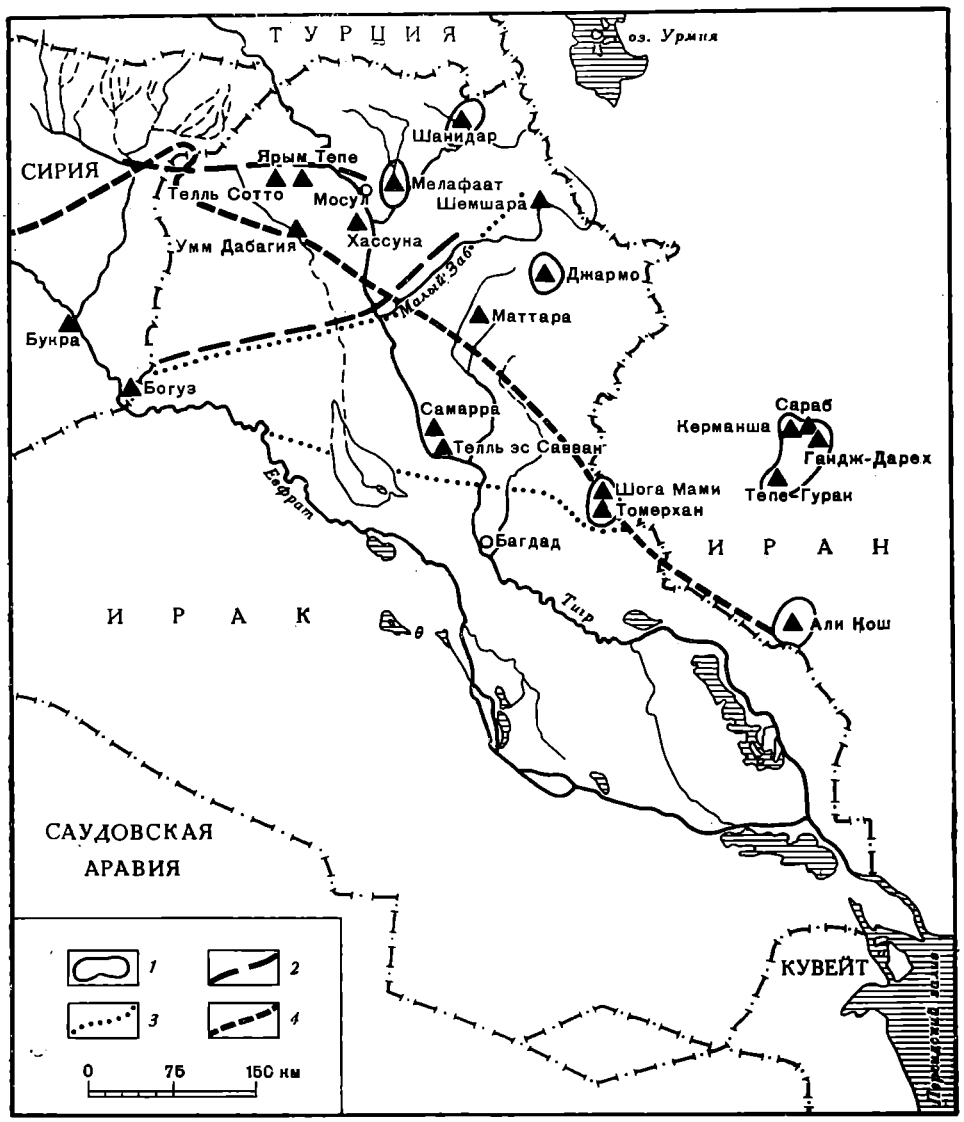


Рис. 1. Первичные земледельческие очаги и раннеземледельческие культуры Месопотамии. *1* — границы первичных земледельческих очагов, *2* — примерные границы хассунской культуры, *3* — примерные границы самаррской культуры, *4* — южная граница годичных осадков свыше 200 *мм*

Здесь можно говорить лишь о влияниях последнего или проникновении отдельных групп, тогда как полная смена культурных традиций на севере (от домостроительства до керамики и пластики) свидетельствует о широком расселении новых групп, причем о расселении на территории, уже освоенной до этого раннеземледельческим населением. Возможность такого расселения и даже вторжений халафских племен отмечалась и за пределами Месопотамии (прежде всего Д. Гарстангом для 19-го слоя Мерсина [17]; западная экспансия халафа документирована также материалами Рас-Шамры, Сакче-Гези, Кархамиша, Амука С [18]; южная — материалами Телль эс-Саввана, восточная — материалами Тильки-Тепе и др.). Эти явления соответствовали уже усложненным миграциям второй модели, постулированным выше. Весьма характерно, что во всех указанных пунктах находки относятся лишь к средней и поздней ступеням халафа.

[17] *Garstang J.* Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, p. 112.
[18] *Mellaart J.* Op. cit., p. 162.

В V же тысячелетии расселение земледельцев (скорее всего родственных создателям самаррской культуры [19]) охватывает Нижнюю Месопотамию, что документируется важнейшими материалами Эриду XIX—XVI для древнейшей ступени этого процесса; материалами Эриду XV—VI, Хаджи Мохаммад, Рас эль-Амии, Ура, Ниппура, Мандели [20] и др. для последующих ступеней. Развившееся здесь ирригационное земледелие с его высокой продуктивностью обусловило быстрое развитие этой области [21], опередившей древние центры производящей экономики более северных районов Двуречья. Весьма показательно, что и здесь наиболее ранняя ступень представлена на очень ограниченной территории, дальнейшие же, генетически с ней связанные, распространяются на значительно большие области, ранее практически не заселенные. В Южной Месопотамии формируется протошумерийская убейдская культура, распространение которой было направлено уже в основном на северо-запад, хотя ныне документировано движение ее и на юго-восток, причем достаточно раннее — начиная с фазы Хаджи Мохаммад [22]. Заселение Южной Месопотамии — классический пример миграции второй модели, когда незаселенная ранее территория покрывается густой сетью земледельческих поселений. То же следует сказать и о появлении убейдских памятников на южном берегу Персидского залива. Распространение же на северо-запад происходило по уже густо заселенной территории. Здесь определенную роль играла диффузия, но имело место и расселение (что наряду с прочими данными [23] подтверждается и показателями погребального обряда [24]), представлявшее собой усложненную форму миграции второй модели и приведшее к взаимной ассимиляции пришлых и местных групп. Последнее отражено сочетанием южноубейдских и халафских традиций в культуре так называемого Северного Убейда первой половины IV тысячелетия до н. э. Особенно показательны здесь слои XIX—XV Тепе-Гавры, где при господстве убейдских архитектурных и керамических традиций халафская керамика и постройки в виде толосов продолжают еще существовать [25].

Эта же усложненная форма миграций второй модели, связанная с движением по заселенной уже территории и взаимодействием равнозначных по своему развитию групп, характерна и для последующих этапов развития Месопотамии (урукского и Джемдет-Наср) IV — рубежа III тысячелетия до н. э. В конце же их, а особенно в раннединастический период вполне вероятны уже миграции третьей модели, хотя первые прямые свидетельства о них письменных источников относятся лишь к концу III тысячелетия до н. э. (нашествие гутиев).

В Египте (рис. 2), при любом решении дискуссионного поныне вопроса о путях появления здесь производящих форм хозяйства (были ли последние привнесены из Азии или возникли на базе собственных африканских центров доместикации), можно с уверенностью констатировать крайнюю ограниченность районов их первоначального появления. Пока известны лишь единичные поселения и некрополи ранних земледельцев и скотоводов конца VI—V тысячелетия до н. э. на Среднем Ниле (Таса, Бадари, Хемамийе) и в районе дельты (Меримде, Фаюмские поселения,

---

[19] *Oates J.* Ur and Eridu. The Prehistory.— Iraq, vol. XXII, Baghdad, 1960, p. 42, 43; *idem.* The Background..., p. 174.

[20] *Oates J.* Ur and Eridu, p. 42 ff; *idem.* The Background..., p. 172.

[21] *Массон В. М.* Поселение Джейтун.— МИА, № 180, 1971, с. 139.

[22] *Bibby G.* Looking for Dalmun. New York, 1970, p. 376—380; *Burkholder G.* Ubaid Sites and Pottery in Saud Arabia.— Archaeology. New York, vol. 25, № 4, oct. 1972, p. 264–269; *Oates J.* The Background..., p. 172–174; *idem* Prehistory of Northeastern Arabia.— Antiquity, vol. L, № 197, Cambridge, March 1976, p. 20.

[23] *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1955, с. 314.

[24] *Массон В. М.* Средняя Азия..., с. 114.

[25] *Perkins A. L.* The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1949, p. 46, 49, 65.

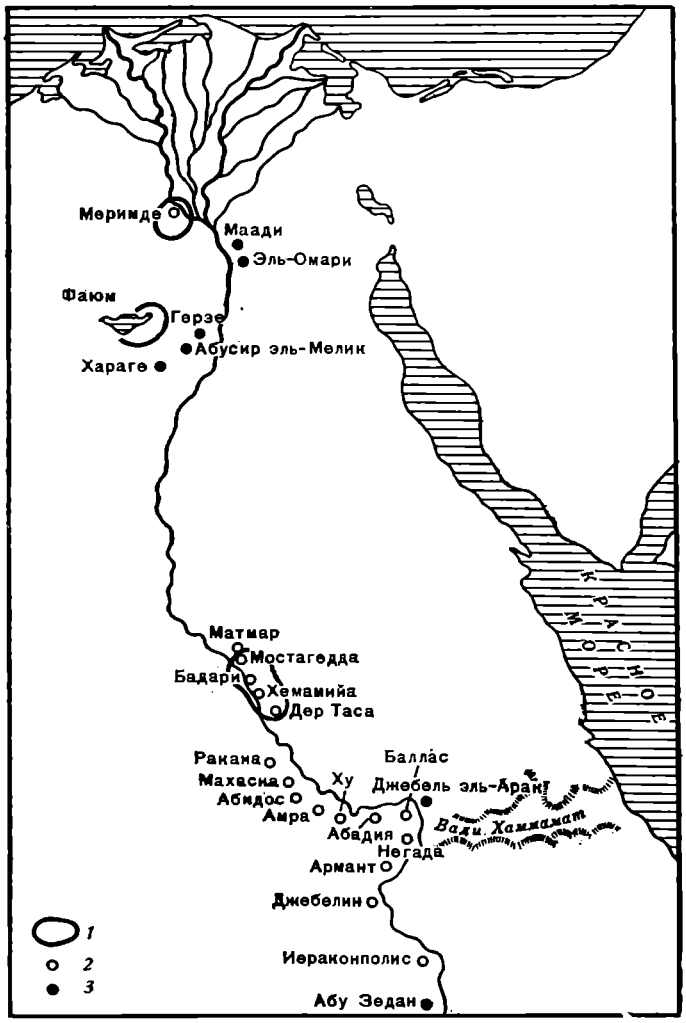


Рис. 2. Первичные земледельческие очаги и памятники раннеземледельческих культур Египта. *1* — первичные земледельческие очаги, *2* — памятники I додинастической культуры, *3* — памятники II додинастической культуры

Эль-Омари) [26]. Но даже для этого древнейшего периода нильского земледелия может быть отмечено некоторое расширение первоначальной территории: бадарийская культура, непосредственно генетически связанная с предшествующей тасийской [27], распространена уже шире последней. Подлинное же заселение долины связано с дальнейшим развитием земледелия и появлением первых ирригационных систем, начало которых некоторые исследователи относят к I додинастическому периоду [28]. Число поселений резко возрастает, главным образом на Среднем Ниле, где основная культура этого периода — амратская (вторая половина V тысячелетия до н. э.) — отмечена безусловными чертами преемственности с предшествующей бадарийской культурой той же территории [29]. Это позволяет говорить о миграции второй модели, т. е. о расселении, связанном с прогрессом производства, ростом населения и необходимостью

[26] *Кинк Х. А.* Египет до фараонов. М., 1964, с. 142, 143.
[27] *Vandier J.* Manuel d'archeologie egiptienne, t. 1, pt 1. Paris, 1952, p. 180.
[28] *Clark G.* World Prehistory, an Outline. Cambridge, 1961, p. 103.
[29] *Kantor H. J.* The Relative Chronology of Egypt and its Foreign Correlations Before the Late Bronze Age.— In: Chronologies in Old World Archaeology (ed. by R. Ehrich). Chicago, 1965, p. 3.

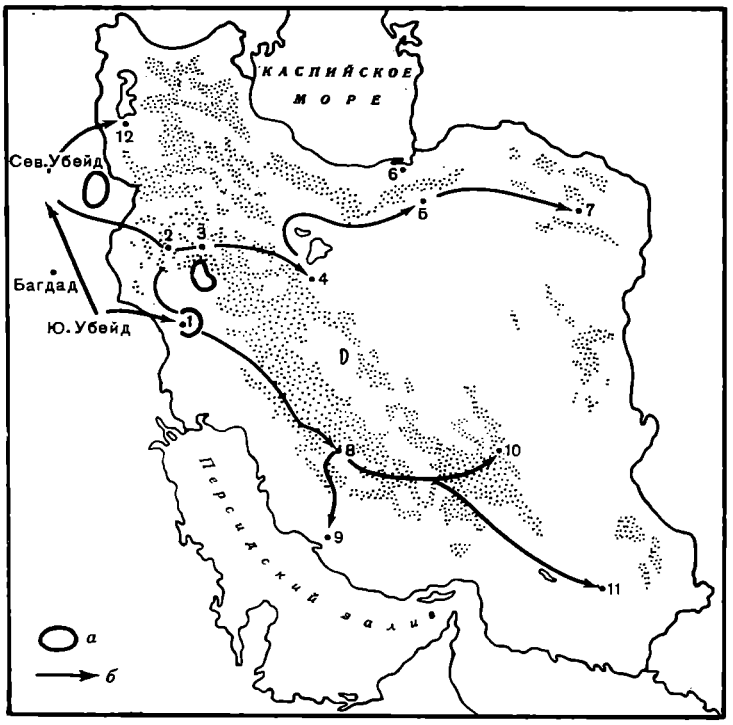


Рис. 3. Распространение раннеземледельческих культур на территории Ирана (по Р. Дайсону). *1* — стоянки Сузианы, *2* — Сиабид, *3* — Гийан, *4* — Сиалк, *5* — Гиссар, *6* — Хоту, *7* — Нишапур, *8* — Бакун, *9* — Таль-и-Пир, *10* — Таль-и-Иблис, *11* — Бампар, *12* — Пишдели. *а* — первичные земледельческие очаги, *б* — пути распространения раннеземледельческих культур

расширения сельскохозяйственной территории (особенно при учете определенной подвижности ранних земледельцев Нильской долины [30]). Дальнейшее значительное расширение раннеземледельческой ойкумены Египта связано со II додинастическим периодом (IV тысячелетие до н.э.) прежде всего с основной его культурой — герцейской, когда единообразные культурные явления комплексно распространяются от Нижнего Египта (Герце, Абусир эль Мелик) до Нубии. Наряду с чертами преемственности между основными культурами I и II периодов последний отмечен появлением ряда новых элементов и формированием новых культур, что позволяет говорить о появлении новых групп и перемещениях внутри уже заселенной ранее территории. К концу II додинастического периода относятся, несомненно, и первые для Египта миграции третьей модели, сыгравшие значительную роль в образовании Старого царства и в объединении Нармером Северного и Южного царств.

Расселение древнейших групп земледельческо-скотоводческого населения достаточно четко прослеживается и на территории **Ирана** (рис. 3). Распространение производящих форм экономики первоначально связано здесь, как и в Месопотамии, с теми же загросскими центрами. На границе с Месопотамией, в Хузистане (долина Де Луран), открыты и наиболее ранние поселки спустившихся уже из предгорий в долину земледельцев. Картина их дальнейшего расселения в Иране весьма сложна: осваивалась не сплошная территория, как в Двуречье, а ограниченные межгорные долины, что особенно способствовало появлению культурной специфики формировавшихся здесь ареалов. Первоначальные загросские центры дали импульс как диффузии, так, безусловно, и расселениям. Все

[30] *Кинк Х. А.* Ук. соч., с. 143.

это привело к образованию ряда новых, оригинальных по своему культурному оформлению земледельческих очагов VI—IV тысячелетий до н. э. Показательна хронология их возникновения. Ранее всего такие очаги сложились на территориях, непосредственно связанных с первоначальными центрами [31]: в Северо-Западном Загросе (Хаджи-Фируз — VI тысячелетие до н. э., далее — с заметными месопотамскими влияниями — Дальма, Пишдели-тепе, Гей-тепе), в Центральном Загросе (Гийян — с V тысячелетия до н. э.), в Хузистане (Юго-Западной долине Джафарабад — с начала V тысячелетия до н. э., Джови, Бендебаль, Сузы [32]), на Центральном плато (Сиалк — с начала V тысячелетия до н. э. с дальнейшим распространением его культуры на Кашанский и Тегеранский оазисы, на районы городов Кум и Саве [33]). Несколько позже подобные очаги возникли в более отдаленных районах — на Северо-Восточном плато (Гиссар) и на юго-востоке Ирана (Таль-и-Бакун, Таль-и-Пир, Таль-и-Иблис, Бампур) [34]. Сегментация первоначальных групп и расселение древних земледельцев документируются здесь распространением единых культур, зависимостью формирования культур ряда очагов от более ранних культур других очагов (например, Гиссара I от Сиалка III 1—3, юго-восточных центров — от более ранних хузистанских и т. п.), расширением границ определенных ареалов. Комплексное появление в некоторых очагах элементов ранних культур Двуречья позволяет предполагать не только влияния из этого важнейшего экономического и культурного центра, но и расселение на восток некоторых групп его населения. Характерно, что это относится более всего к убейдскому периоду [35]. В этот период и в Иране миграции второй модели, происходившие со времени появления первых земледельческих очагов, принимают в ряде случаев усложненную форму. В III же тысячелетии до н. э. и со скотоводами Иранского Загроса, и с населением Юго-Западной долины, а скорее всего и с создателями других центров Ирана связаны уже крупные завоевательные походы, т. е. миграции третьей модели.

Раннее появление земледелия на **Южном Кавказе** (вторая половина VI—V тысячелетия до н. э.) связывается, очевидно, с тем же загросским импульсом, и не только с влиянием его, не только с диффузией, но и с передвижениями отдельных групп. Первоначально его распространение здесь ограничивалось узкой территорией в среднем течении Куры, где в западных районах Азербайджана и сопредельных районах Грузии складывается шомутепинско-шулаверская культура (Шому-тепе, Тойре-тепе I, Гаргалар-тепеси, Шулавери, Имирис-гора, Арухло и др.) [36]. На дальнейших этапах ее развития, в конце V—IV тысячелетий до н. э., население ее расселяется из первоначального очага (нахичеванская группа, техутская группа). Территория земледельческих культур, генетически связанных с отмеченными выше, заметно расширяется, охватывая Мильскую и Муганскую степи [37], а отдельные земледельческие группы проникают и на север, вплоть до нагорной полосы Дагестана (поселение Гинчи) [38]. Здесь также с уверенностью можно говорить о миграциях второй модели — о постепенном расселении с охватом слабо населенных ранее областей и распространением в них новых форм экономики. В усложненной

---

[31] *Массон В. М.* Средняя Азия..., с. 192, 197.

[32] Там же, с. 198; *Le Breton A.* The Early Periods at Susa.— Iraq, vol. XIX. London, 1957.

[33] *Массон В. М.* Средняя Азия..., с. 194.

[34] Там же, с. 201; *Dyson R. H.* Problems in the Relative Chronology of Iran.— In: Chronologies... (ed. by R. Ehrich), fig. 1, 2.

[35] *Dyson R. H.* Op. cit., fig. 1; *Wright H. T., Neely J. A., Johnson C. A. and Speth J.* Early Fourth Millenium Development in Southwestern Iran.— Iran, vol. XIII. London, 1975, p. 129 ff.

[36] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 85, 115.

[37] Там же, с. 104 сл.

[38] Там же, с. 110.

своей форме миграции этой модели проявляются на Кавказе на рубеже IV и III тысячелетий до н. э.: заметная культурная смена этого сложного и динамичного периода, выразившаяся в формировании куро-аракской культуры [39], связана с новой волной передвижений, на этот раз с расселением новых групп по заселенной уже раннеземледельческим населением территории. Первоначальный ареал этих новых групп предполагается Р. М. Мунчаевым в ограниченной области Армянского нагорья, последующее же их распространение охватило почти весь Южный Кавказ, северо-западную часть Ирана, Восточную Анатолию, Дагестан, Чечено-Ингушетию, частично Северную Осетию [40]. Культурно близкие куро-аракским группы известны и далеко на юго-западе — на территории Сирии и Палестины (кирбет-керакская культура) [41].

На **юге Средней Азии** уже в VI тысячелетии до н. э. начался процесс формирования крупного, ныне хорошо изученного раннеземледельческого центра, тесно связанного с Южно-Каспийским очагом производящей экономики. Расселение здесь древнейших земледельцев путем сегментации, освоения новых сельскохозяйственных территорий, образования новых поселков, а потом и новых культурных вариантов прослеживается весьма четко. Достаточно показательны в этом отношении первоначальная концентрация раннеземледельческих поселков на ограниченной территории предгорий — джейтунская культура конца VI — начала V тысячелетия до н. э. Ранний этап ее представлен единичными памятниками, сконцентрированными в небольшом районе (Геюк-Тепинском) Южного Туркменистана (Джейтун, Чопан-Депе, Тоголок-Депе) [42]. Последующие же два этапа знаменуют безусловное расселение джейтунских земледельцев, они представлены уже «значительно большим числом памятников, территориальная удаленность которых друг от друга обусловливает появление черт локальной специфики» [43]. Еще более четко процесс расселения земледельцев Юга Средней Азии представлен на последующих ступенях их истории — в V—IV тысячелетии до н. э. Весьма показательна здесь история заселения и культурного развития Геоксюрского оазиса. Первоначально здесь формируется лишь небольшая группа поселений, отпочковавшихся от анаусской метрополии и культурно очень ей близкая (дашлыджинский период). «В целом,— пишет В. М. Массон,— ...культура времени Намазга I от Беруме до Геоксюрского оазиса обнаруживает поразительное внутреннее единство, отнюдь не заслоняемое наличием местных вариантов, не удивительных для столь обширной территории... Имеющиеся материалы позволяют заключить, что это единство отражает расселение по прикопетдагской равнине группы родственных племен...» [44]. Далее освоенная земледельцами этой группы территория заметно возрастает, покрывается сетью новых поселков, культура которых приобретает все более своеобразный характер, отличия ее от культуры и «метрополии» становятся все существеннее (ялангачский период), определив формирование в период Намазга II особого, уже геоксюрского комплекса.

В **Европе** древнейшие общины, переходившие к освоению производящих форм экономики, засвидетельствованы на **Балканском полуострове** (рис. 4). Памятники их, наиболее ранние из которых относятся еще к докерамическому неолиту (VII тысячелетие до н. э.), известны ныне прежде всего в Фессалии (Аргисса, Сескло, Суфли, Ахилейон), возможно наличие единичных поселений этого периода и в других частях Гре-

[39] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 60, 169; *Чубинишвили Т. Н.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971; *Мунчаев Р. М.* Ук. соч., с. 196.

[40] *Мунчаев Р. М.* Ук. соч., с. 149.

[41] *Mellaart J.* The Chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, p. 73—90.

[42] *Массон В. М.* Поселение Джейтун, с. 54.

[43] Там же, с. 56.

[44] *Массон В. М.* Средняя Азия..., с. 133.

ции[45]. Вопрос о характере появления производящего хозяйства (и прежде всего земледелия) в Юго-Восточной Европе по сей день остается дискуссионным. Некоторые ученые постулируют возможность сложения здесь самостоятельного земледельческого очага, независимо от ближневосточных центров[46]. Другие предполагают определенные воздействия последних, проявлявшиеся в виде не только диффузии экономических и культурных явлений, но и инфильтрации на Балканы небольших групп анатолийских земледельцев[47]. Возможно сочетание здесь обоих явлений, что же касается воздействий передневосточного очага на Балканы (в том числе и передвижений), то они представляются несомненными. Районы распространения древнейших балканских земледельцев весьма ограниченны, по культуре же своей они поразительно единообразны[48].

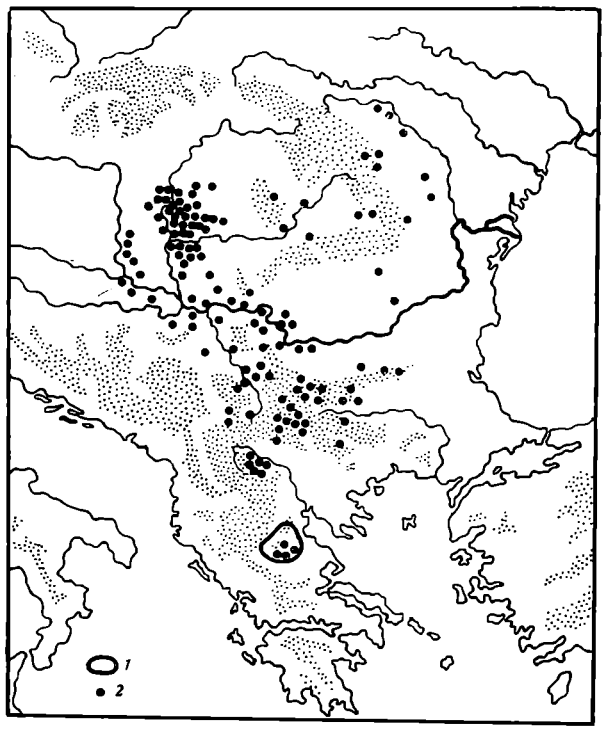


Рис. 4. Первичный земледельческий очаг и распространение раннеземледельческих культур на Балканах (по Ст. Пигготу). *1* — границы первичного очага, *2* — раннеземледельческие поселения

Миграции с Переднего Востока и расселение пришлых групп в различных районах Балкан — от Пелопонеса до Фессалии и севера полуострова — продолжались и в дальнейшие периоды неолита: с ними, возможно, связано и появление здесь некоторых специфических групп расписной и полированной керамики[49]. Но уже для периода раннекерамического неолита можно говорить и о начале активного расселения самих балканских земледельческо-скотоводческих групп и соответственно распространения их формирующихся специфических культур. Весьма рано (в первой половине VI тысячелетия до н. э.) оно зафиксировано в Македонии — в долине Вистрицы, где исследовано замечательное поселение Неа Никомедия, связи которого с первоначальными фессалийскими очагами балканского земледелия засвидетельствованы весьма четко[50]. В дальнейшем это расселение охватило как Гре-

---

[45] *Титов В. С.* Древнейшие земледельцы Европы.— В сб.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 28; *его же.* Неолит Греции. М., 1969, с. 99 сл.; *Milojčić V.* Präkeramisches Neolithikum auf der Balkanhalbinsel.— Germania, Bd 38, 1960, S. 320—335; *Milojčić V., Boessneck J. und Hopf M.* Die Deutsche Ausgrabungen auf der Argissa-Magula in Thessalien. Das präkeramische Neolithikum sowie die Tier- und Pflanzenreste. Bonn, 1962, S. 3.

[46] *Rodden R. J.* An Early Neolithic Village in Greece.— Scientific American, vol. 212, № 4, April 1965, p. 82 ff.

[47] *Титов В. С.* Древнейшие земледельцы..., с. 35; *Weinberg S.* The Stone Age in the Aegean.— In: The Cambridge Ancient History, vol. I, ch. X. Cambridge, 1965.

[48] *Титов В. С.* Неолит Греции, с. 103.

[49] *Титов В. С.* Проблема хронологии неолита и энеолита Юго Восточной Европы.— СА, 1974, № 4, с. 35.

[50] *Rodden R. J.* Op. cit., p. 82—92; *Rodden R. J.* Excavations at the Early Neolithic site at Nea Nicomedia, Greek Macedonia (1961 Season).— PPS, vol. XXVIII, 1962, p. 267—288; *Титов В. С.* Неолит Греции, с. 195—200.

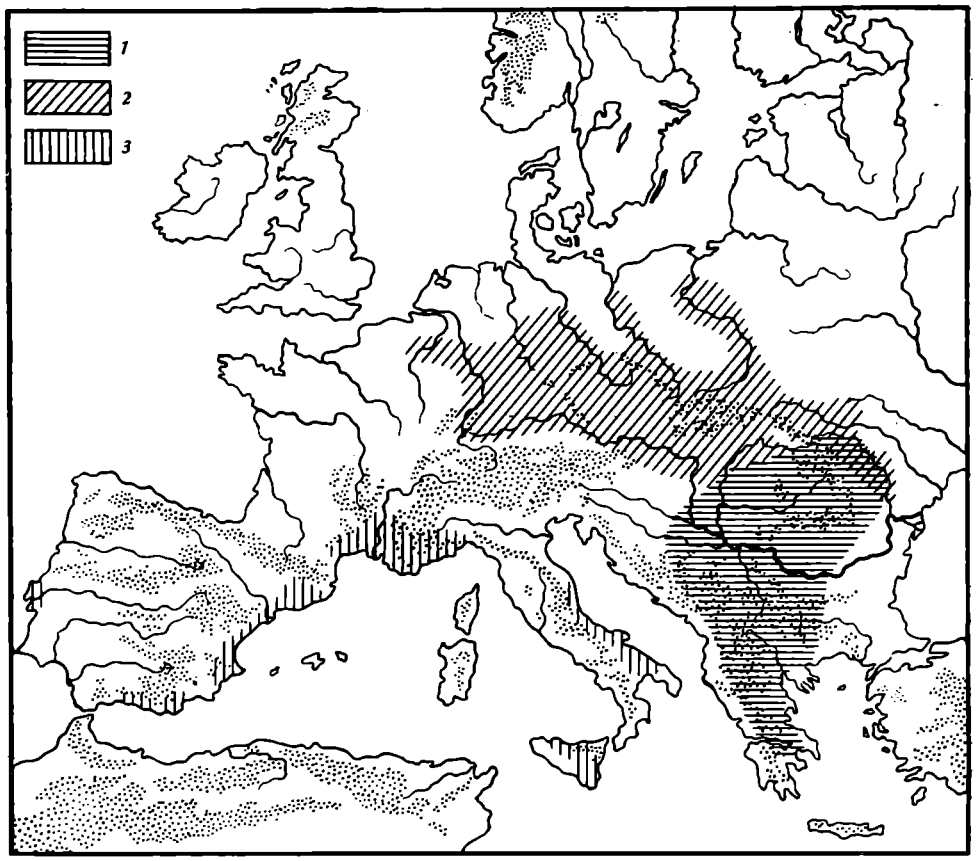


Рис. 5. Распространение раннеземледельческих культур VI—IV тысячелетий до н. э. в Европе (по Ст. Пигготу). *1* — Старчево — Криш — Караново I, *2* — культура линейно-ленточной керамики, *3* — культуры с керамикой импрессо

цию, так и северную часть полуострова (где вполне вероятны и самостоятельные связи с Анатолией), а далее — Среднее и Нижнее Подунавье и Северо-Западное Причерноморье. Распространение взаимосвязанных, а часто и близкородственных культур с постепенным расширением сельскохозяйственных территорий и заселением новых, примыкающих к изначальным районов документируют здесь серию миграций второй модели.

Результатом этих процессов явилось сложение во второй половине VI тысячелетия до н. э. обширной культурно-исторической области, состоящей из выделившихся уже, отмеченных определенным своеобразием, но безусловно взаимосвязанных, а скорее всего и близких по происхождению культур — Пресескло в Фессалии, Кремиковцы и Караново I во Фракии, Старчево в Югославии, Криш (Кёреш) в Румынии и Венгрии. Родство их связано с общностью первоначальной балканской территории («nuclear area», по определению С. Пигготта) [51], своеобразие — с расселением и спецификой развития конкретных областей. Своеобразие нарастает по мере удаления от балканского «ядра» и особенно четко проявляется на периферии культурно-исторической области. В этом отношении значительный интерес представляет древнейший очаг производящего хозяйства Европейской части СССР — буго-днестровская культура, определенным образом связанная с Балканами [52], но обладающая и рядом весьма существенных отличий от них, отражающих глубокую специфику процесса развития в Северо-Западном Причерноморье.

[51] *Piggott Sh.* Ancient Europe. Edinburgh, 1965, p. 56.
[52] *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев, 1969, с. 28.

На протяжении V и IV тысячелетий до н. э. раннеземледельческая ойкумена Юго-Восточной Европы претерпела неоднократные изменения. Формировались новые культуры и целые культурно-исторические области (рис. 5). Продолжали расширяться их границы (как и границы указанной ойкумены в целом). Менялось соотношение между ними. Наряду с расселением значительным фактором здесь стали взаимодействие различных культур и взаимная ассимиляция их носителей. Культурные влияния принимают иногда направления, обратные первоначальным. Отмечается, например, возможность фракийских влияний на Фессалию в период перехода от культуры протосескло к культуре скло [53]. Ранний неолит Греции сменился средним (культура сескло в Фессалии), затем поздним (культура Димини в Фессалии). В V тысячелетии до н. э. во Фракии сформировалась культура Караново III, а в Вардар-Моравской области — ранняя Винча. В Северо-Западном Причерноморье продолжает развиваться буго-днестровская культура, область которой охватила бассейны обеих рек с заметным единообразием памятников на всей территории [54]. Несколько позже в Румынии сложились культуры Боян и Хаманджия [55].

В IV тысячелетии до н. э. земледельческая ойкумена Юго-Восточной Европы продолжала расширяться, а культурное многообразие конкретных ее областей возрастать. Значительную территорию от Юго-Восточной Болгарии (и даже греческой Македонии) до юго-западных пределов СССР охватила культура Гумельницы (Караново V—VI в. Болгарии), в Восточной Сербии выделяется культура Бубани-хум I [56], в Северо-Западном Причерноморье формируется и все более распространяется культура Кукутени — Триполье. Несмотря на стабильность развития раннеземледельческих обществ, картина здесь оказывается достаточно динамичной. И в этой динамике наряду с внутренними факторами значительную роль продолжают играть расселения, перегруппировки населения, появление новых групп. Ныне могут быть указаны весьма четкие свидетельства этих явлений. Здесь достаточно сравнить весьма ограниченные первоначальные территории культур Боян (так называемой «протобоян») и гумельницы («протогумельница», с моей точки зрения,— культура Караново IV во Фракии) с возросшими во много раз территориями периода их расцвета. Не менее показательно распространение культуры Кукутени — Триполье из сплошной и компактной области ее сложения и раннего этапа (Восточная Трансильвания, Молдова, Поднестровье) на восток — вплоть до Буга и Среднего Поднепровья — с образованием ряда специфических и разорванных ареалов [57].

В этот период расселение на слабо заселенных землях было возможно лишь на периферии отмеченной ойкумены — в процессе ее расширения (в определенной мере это касается распространения трипольских племен). Внутри же нее расселения и перегруппировки велись на территории, уже заселенной экономически однозначным населением. Миграции второй модели приобретают здесь усложненный характер и в отдельных случаях могли быть сопряжены с военными действиями, чему соответствует и появление деревянных, земляных, а в единичных случаях и ка-

---

[53] *Титов В. С.* Неолит Греции, с. 223.

[54] *Даниленко В. Н.* Ук. соч., с. 158.

[55] *Comşa E.* Quelques données relatives à la periodisation et á l'evolution de la civilisation de Boian.— Dacia, vol. I, 1957; *Berciu D.* Une nouvelle civilisation néolithique recémment découverte en Roumanie.— In: Nouvelles etudes d'histoire. Bucarest, 1955; *idem.* Cultura Hamanjia. Bucarest, 1966.

[56] *Garasanin M. V.* Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Macedonien.— BRGK, vol. 39, 1958, S. 53—66.

[57] *Черныш Е. К.* Некоторые локальные особенности племен трипольской культуры.— Материалы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 1—12.

менных (Димини, Кукутени) фортификационных сооружений [58]. В целом вплоть до рубежа IV и III тысячелетия до н. э. здесь господствовали миграции второй модели.

Эта же модель доминировала и в процессе распространения производящего хозяйства в Центральной Европе, где начиная с середины V тысячелетия до н. э. на огромном пространстве от Среднего Дуная на юге до Брюсселя на севере и от Рейна на западе до Вислы и Днестра на востоке распространилась поразительно единообразная культура линейно-ленточной керамики. Вопрос о путях сложения этой культуры до сих пор дискуссионен: наиболее вероятным представляется наличие определенного юго-восточного импульса, первоначальное воздействие со стороны земледельческого очага Юго-Восточной Европы, возможно, инфильтрация оттуда определенных групп, принесших с собой навыки земледелия и скотоводства [59]. Несомненно, сама возможность восприятия и дальнейшего развития этого воздействия была обусловлена прежде всего экономическим и культурным уровнем самого неолитического населения Центральной Европы. Оба фактора находились здесь в органической взаимосвязи. Но с момента своего формирования культура линейно-ленточной керамики представляет собой весьма четкий пример широкого расселения по слабо заселенной ранее территории, обусловленного освоением новой хозяйственной системы (приспособлением земледелия к специфическим условиям Центральной Европы) [60], резким ростом народонаселения и давлением его на весьма еще ограниченные производительные силы. Расселение документируется постепенным расширением границ культуры (превратившейся фактически в культурно-историческую область), охватившим на позднем этапе часть Франции (Парижский бассейн), Румынии и Молдавии [61]. Специфика судеб расселившихся групп и взаимодействие их с аборигенами различных областей закономерно приводят к постепенному нарушению первоначального культурного единства, нарастающей дифференциации и, наконец, выделению из общего массива отдельных родственных культур (группа Железовце в Северо-Западной Венгрии, Юго-Западной Словакии и Восточной Австрии), развивавшихся в сложном соотношении с местными культурами (культура альфёльдской линейной керамики, культура Тисы). Некоторые из них испытывали воздействие культуры линейно-ленточной керамики уже в процессе своего формирования (культура Бюкк).

Серия миграций второй модели — постепенное расселение с расширением первоначальных границ и последующей дифференциацией — фиксируется на протяжении IV—III тысячелетия до н. э. и для ряда других больших культур Центральной Европы. Культура с накольчатым (штриховым) орнаментом, распространившись от Дуная на юге до Рейна на западе и Польши на востоке, на позднем этапе дала начало хинкельштейнской, ниерштейнско-гайдельбергской, рёссенской и другим культурам [62]. Лендьелская культура, возникнув в южной части Карпатской котловины под определенным воздействием Балкано-Дунайской раннеземледельческой ойкумены (культуры Винча) [63], далее значительно распространилась к северу от Дуная, сначала в Юго-Западную Словакию, Нижнюю Австрию и Южную Моравию, потом в Южную Польшу, Чехию и ГДР [64]. Это

---

[58] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие каменные крепости Болгарии.— В сб.: Новое в археологии. М., 1972, с. 47—49.

[59] *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 150; *Piggott S.* Ancient Europe, p. 52; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы, т. 1. М., 1973, с. 229.

[60] *Титов В. С.* Древнейшие земледельцы в Европе, с. 32.

[61] *Пассек Т. С., Черныш Е. К.* Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. М., 1963, с. 3 сл.

[62] *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации, с. 155.

[63] *Neustupny E. a.-J.* Nastin pravekych dejin Ceskoslovénska. Praha, 1960.

[64] *Монгайт А. Л.* Ук. соч., с. 234.

также привело к выделению ряда отмеченных определенной спецификой культур (культура моравско-словацкой расписной керамики, иорданмюльская культура и др.).

Все рассмотренные явления связаны с путями распространения производящей экономики из ее передневосточных центров через Малую Азию в Юго-Восточную и далее в Центральную Европу. При разработке сложного вопроса появления ее в Западном Средиземноморье и Западной Европе необходимо иметь в виду возможность и других путей — через прибрежную полосу и острова Средиземноморья и через Северную Африку [65]. Но и здесь несомненны многочисленные миграции, причем прежде всего миграции второй модели. Значительную роль в расселении сыграли здесь морские пути. Только их освоение и широкое использование могут объяснить единую керамическую традицию (керамика импрессо), широко распространившуюся начиная с V тысячелетия до н. э. на Средиземноморском побережье и островах (Лефкас, Корфу, Тремити, Мальта, Липари, Эльба, Корсика) от Южной Италии и Сицилии (культура стентинелло) до Испании (испано-мавританская культура) и Португалии [66]. Не без основания считается, что носители этих родственных культур, продвигавшиеся, вероятнее всего, из Восточного Средиземноморья, «пользовались судами для передвижения по морю, но суда еще не были приспособлены к плаванию в открытом море, навигация была каботажной» [67]. Ограниченность прибрежных полос, пригодных для первоначальной колонизации пришлыми группами, необходимость борьбы за обладание ими обусловили появление поселков, укрепленных высеченными в скалах рвами [68]. Но происходило и активное расселение в глубь материка. Подчеркивается, в частности, быстрое распространение неолитических земледельцев Италии из первых их центров на Юго-Восточном побережье Апеннинского полуострова вплоть до Лигурии и Прованса [69]. «Причина расселения очевидна: при экстенсивных формах примитивного земледелия земля истощалась через несколько лет ее эксплуатации, и рост населения заставлял его двигаться на новые плодородные земли» [70].

Западнее подобное расселение привело к широкому распространению земледелия во второй половине IV—III тысячелетий до н. э. в Испании (культура Альмерии) [71], Швейцарии (культуры кортайо и горгенская) [72], Франции (культура шассей, которую некоторые исследователи связывают с расселением с Пиренейского полуострова, далее культура Сены — Уазы — Марны) [73]. Такие же процессы происходили и на Британских островах, где несомненная внутренняя эволюция местного неолитического населения [74] отнюдь не исключала влияний и прямых переселений из Северной Франции и Бельгии [75].

В то же время (вторая половина IV — начало III тысячелетия до н. э.) земледельческо-скотоводческое хозяйство распространяется и в **Северной Европе** (рис. 6) на территориях, примыкающих к побережью Балтийского и Северного морей. В экономике и культуре местных охотников

[65] *Титов В. С.* Древнейшие земледельцы..., с. 35, рис. 8.
[66] *Монгайт А. Л.* Ук. соч., с. 292 сл.
[67] Там же, с. 293.
[68] Там же; *Piggott S.* Ук. соч., с. 58.
[69] *Монгайт А. Л.* Ук. соч., с. 295.
[70] Там же, с. 296.
[71] *Arribas A.* Le Néolithique de la Péninsule Ibérique.— In: L'Europe a la fin de l'age de la pierre. Praha, 1961, p. 489 сл.
[72] *Vogt E.* Der Stand der neolitischen Forschung in der Schweiz (1960).— In: L'Europe a la fin..., S. 466; *Gonzenbach V. von.* Die Cortaillodkultur in der Schweiz. Basel, 1949.
[73] *Bailloud G.* Les civilization énéolithiques de la France.— In: L'Europe a la fin..., p. 494 сл.
[74] *Clark J. G. D.* The Invasion Hypothesis in British Archaeology.— Antiquity, vol. XL, № 159, Cambridge, 1966, p. 172—189.
[75] *Piggott S.* The British Neolithic Cultures in their Continental Setting.— In: L'Europe a la fin..., p. 577; *idem.* Ancient Europe, p. 63.

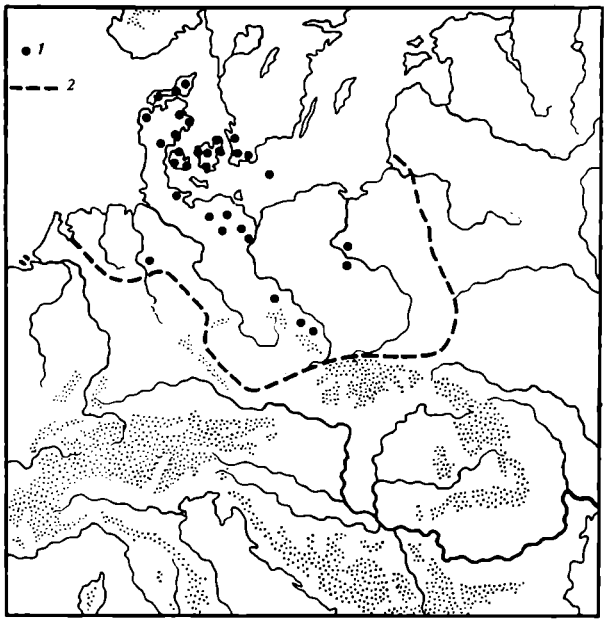


Рис. 6. Распространение культуры воронковидных кубков. *1* — поселения раннего этапа, *2* — границы культуры на позднем этапе

и рыболовов, в частности в культуре эртебелле, наступили заметные изменения. Они связываются с появлением культуры воронковидных кубков. Происхождение ее до сих пор является предметом дискуссии: известны утверждения как об автохтонном [76], так и о пришлом [77] ее характере. Но при любом решении этой проблемы без распространения раннеземледельческих групп на эту или сопредельные ей области появление производящей экономики на севере Европы было бы необъяснимо. Вряд ли оно может быть объяснено лишь «адаптацией новой экономики у земледельцев Придунавья охотниками и рыболовами северных областей» [78]. Весьма характерно расширение границы культуры воронковидных кубков, распространение ее из первоначальных территориально ограниченных очагов на Нижнем Рейне и в Ютландии на весьма значительную территорию от Нидерландов, Дании и Южной Швеции до Чехии на юге и западных областей СССР на востоке [79]. Распространение это обусловлено прежде всего новой прогрессивной экономикой, ростом народонаселения, необходимостью освоения новых земель [80]. Оно привело к выделению ряда групп, отмеченных культурным своеобразием, некоторые из которых превращаются в отдельные культуры (баальбергская, зальцмюндская, вальтерниенбург-бернбургская и др.).

Приведенные примеры касались прежде всего распространения значительных человеческих групп в различных районах неолитической ойкумены, обусловленного освоением производящих форм экономики. При всей специфике конкретных районов большинство рассмотренных передвижений подчинялось единым (в основном экономическим) закономерностям: давлению избыточного населения на производительные силы. Они соответствовали второй модели миграций. Первоначально, при наличии больших, слабо заселенных в предшествующие периоды и благоприятных для ранних форм производящего хозяйства территорий, шло постепенное их заселение. После освоения большинства таких областей передвижения приняли усложненный характер и все чаще сопрягались с военными действиями. К концу энеолита, на рубеже IV и III тысячелетий до н. э., с созданием различных по продуктивности систем производящего хозяйства в различных зонах и возникновением крупных племенных объединений, роль военного фактора еще более усилилась. Заметная культурная смена на больших, издавна заселенных и высокоразвитых территориях

[76] *Troels-Smith J.* Ertebelle Culture — Farmer Culture. Aarbøger, 1954.

[77] *Becker C. J.* Actuelle Probleme der Trichtenbecherkultur.— In: Bericht über V Internationale Kongress fur Vor- und Frügeschichte, Hamburg, 1958 (West) Berlin, 1961, S. 68—73.

[78] *Piggott S.* Ancient Europe, p. 62.

[79] Ibid., fig. 31.

[80] Значительный рост числа поселений отмечается уже на раннем этапе в первоначальном очаге культуры — см. *Титов В. С.* Древнейшие земледельцы..., с. 34.

Юго-Восточной Европы свидетельствует о значительных перегруппировках населения с безусловным притоком крупных новых групп. Весьма показательны здесь резкие изменения в Балкано-Дунайском районе, где в этот период многовековое последовательное развитие взаимосвязанных раннеземледельческих культур было прервано и сменено формированием ряда также взаимосвязанных, но абсолютно новых культур с иной — центрально- и восточноевропейской — ориентацией импульсов и основных связей. К числу их могут быть отнесены баденская культура, культуры Бубани-Хум II, Чернавода I—III, Челей, Эзеро, ранний бронзовый век Македонии. С ними же и определившими их процессами передвижений европейского населения к югу и юго-востоку связано, как я полагаю, и формирование культур раннего бронзового века Эгейско-Анатолийского района (Полиохни I—III, Троя I и последующие). В то же время сформировавшиеся в восточноевропейских степях большие скотоводческие группы (древнеямные племенные объединения) начинают активно вторгаться в раннеземледельческие центры. Темп, направленность, масштабы передвижений конца энеолита, значительное усиление военного фактора заметно отличают их от предшествующих расселений. В них можно видеть уже начало миграций третьей модели, особенно распространившихся в последующие исторические эпохи.

N. Ia. Merpert

LES MIGRATIONS A L'EPOQUE DU NEOLITHIQUE ET DE L'ENEOLITHIQUE

Résumé

Dans son article, l'auteur propose trois modèles de migration, caractéristiques pour les différents stades du développement de la société préhistorique. Modèle I.— Les migrations entièrement conditionnées par le facteur écologique, directement provoquées par les changements des conditions naturelles. Ces migrations ont eu lieu à toutes les époques, mais elles sont plus caractéristiques pour la période de domination absolue de l'économie prédative. Leur forme essentielle est la transplantation. Le résultat de ces migrations est l'élargissement de l'oekoumène, l'augmentation de la densité de la population dans les régions qu'elles ont envahies, sans changements importants dans le système économique de ces dernières. Les combats armés, lors de ces migrations, ne sont pas obligatoires. La tendance à s'emparer d'un bien n'est pas encore le stimulant de la migration, étant donné que le surproduit n'existe pas ou est également minime dans tout l'oekoumène. Modèle 2.— Les migrations déterminées essentiellement par les facteurs économiques: apparition et diffusion dans plusieurs régions de types d'économie productive, ce qui amène à un brusque accroissement de la population, à une poussée démographique et à une pesée de l'excédent de population sur les forces de production. La principale forme des migrations de ce modèle est l'établissement. Leur mouvement principal va des régions surpeuplées à économie productive, dans les régions peu peuplées à économie prédative. Le mouvement inverse est rare, étant donné que l'inégalité entre les régions est encore trop importante. La principale forme d'établissement est la segmentation, la lente et progressive pénétration des premiers agriculteurs, ce qui amène, dans les territoires occupés par eux, à des changements fondamentaux dans le système économique, la structure sociale et la culture. Certains conflits armés revêtent un caractère assez sérieux; cependant la plus grande partie de ces migrations s'effectuent de façon pacifique. Modèle 3.— Les migrations conditionnées par des facteurs tant économiques que sociaux. Le premier d'entre eux est la présence de différents systèmes d'économie productive, conduisant à une importante augmentation de la population dans de vastes régions, mais qui ne sont pas égaux par leur fond et leur productivité. Le second facteur est la différenciation sociale et de biens, l'apparition des degrés de richesse, de sa concentration entre les mains du groupe dirigeant de certaines collectivités. La pres-

sion de l'excédent de population sur des forces productives limitées devient particulièrement aiguë, et la tendance à s'emparer du surproduit forme l'un des principaux stimulants de ces migrations. Elles prennent toujours plus la forme de déplacements spontanés de grandes masses, groupées en puissantes unions tribales, crées en vue de mener des opérations militaires. Pour ce modèle de migration le facteur militaire devient la règle. A la spécificité économique du néolithique est liée avant tout l'apparition et la vaste extension des migrations du second modèle. Pour caractériser les établissements qui lui sont typiques, on s'appuie dans l'article sur les documents fournis par les cultures des premiers agriculteurs du Proche et du Moyen Orient, ainsi que de l'Europe continentale. Vers la fin de l'énéolithique, à la limite des IVe et IIIe millénaires av. n. è., se sont formées les conditions pour le début des migrations du troisième modèle, particulièrement fréquentes au cours des époques historiques suivantes.

С. Н. БИБИКОВ

МЕЗИН. «ПРАЗДНИЧНЫЙ ДОМ» И КОСТЯНОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС

Многие десятилетия Мезинское палеолитическое поселение на Десне не сходит со страниц печати, посвященной проблемам истории первобытного общества. Наиболее крупные и результативные раскопки в Мезине производились И. Г. Пидопличко и И. Г. Шовкоплясом в сезоны 1954—1957 и 1959—1961 гг. Этими раскопками были исчерпаны культурные остатки, отложившиеся на месте поселения в относительно раннюю пору мадленского времени [1].

Центральное место в исследовании Мезинского поселка по праву занял полнее всего изученный хозяйственно-бытовой комплекс № 1. В этот комплекс входят: дом (№ 1), «ветровой заслон», надворные очаги, производственные места и хозяйственные ямы. И. Г. Пидопличко реконструировал дом в виде яранги, т. е. почти полусферическую постройку с арочным входом. Убедительность доказательства И. Г. Пидопличко в пользу бытования в позднем палеолите жилищ типа яранг подтверждается археологическими, расчетными и экспериментальными данными. Общий вес постройки из костей и дерева достигал 2,5—3 *т*. Внутренняя площадь дома — около 20 *м*^{2}. Пол имел заметный уклон с северо-востока на юго-восток. На полу жилища были выявлены четыре попарно расположенных опорных гнезда (упоры, пасынки) в виде кусков костей и бивней, врытых в пол на глубину до 40 *см*. Эти гнезда служили в качестве опор для жердей-«столбов», подпиравших свод яранги, и составляли часть несущей конструкции жилья [2].

На полу дома исследователи установили следы от трех очажков диаметром до 70 *см*. С северо-восточной стороны от дома размещалось четыре крупных надворных очага. К дому 1 относятся по меньшей мере два производственных места. Одно из них, самое крупное, занимало до 10 *м*^{2} и располагалось с северо-западной стороны жилища. Другое, меньшее, находилось к юго-западу от него.

Археологические находки на поселении, естественно, сосредоточивались там, где интенсивнее протекала трудовая деятельность людей. Такими участками обычно бывают производственные места возле жилищ и в самих жилищах. Вокруг жилища, особенно на площади, занятой производственным местом (кв. 11, 12, 18, 19), в процессе раскопок было собрано около 8 тыс. только кремней.

В пределах самого дома И. Г. Шовкопляс установил залегание находок по двум горизонтам, в двух четко прослеживаемых плоскостях. Нижний горизонт находок связан с уровнем пола [3]. Количественно эта группа находок очень невелика и хорошо маркирует плоскость пола. Совсем другую картину установил И. Г. Шовкопляс в отложениях выше пола, составляющих верхний горизонт находок. Они залегают как бы в смешанном состоянии в пределах внутренней части жилья, среди костей рух-

[1] *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965; *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.

[2] Там же, с. 86—110. Остов дома реконструирован под руководством И. Г. Пидопличко по натуральным костям, изъятым с места раскопок и доставленным для экспозиции в Центральный природоведческий музей АН УССР.

[3] *Шовкопляс И. Г.* Ук. соч., с. 38—40, 51.

нувшего дома, и поцали в этот слой с потоками воды, проникавшими в дом по небольшому уклону со стороны производственного места, т. е. с северо-запада. Именно отсюда смывались различные, преимущественно производственные и бытовые, отбросы и заносились на площадь, занятую руинами дома, перекрывавшими пол жилища. Это перемещение культурных остатков с производственного места в западную часть дома отмечено и И. Г. Пидопличко на кв. 25—26 [4]. Двухгоризонтное залегание культурного слоя в пределах дома 1 подтверждено и нашими наблюдениями при посещении раскопок в Мезине.

Вполне надежно установленное двухгоризонтное залегание археологического материала в доме 1 привело исследователей к важным выводам. По мнению И. Г. Пидопличко, жилище 1 — самое крупное в Мезине и наиболее позднее по времени сооружения. Однако, как сообщает исследователь, пользоваться жилищем, очень добротно сработанным, пришлось совсем недолго. Уже в год окончания его строительства, осенью, люди покинули поселок [5]. По мнению И. Г. Шовкопляса, дом 1 — это наиболее позднее долговременно существовавшее жилое сооружение, оставленное не внезапно. Малочисленность находок на полу жилья он объясняет тем, что в доме не производилось хозяйственных работ, приготовления пищи, не было и постоянных, длительно действующих очагов. По заключению И. Г. Шовкопляса, это относится не только к жилищу в Мезине, но типично и закономерно, вероятно, «для всех без исключения позднепалеолитических стоянок» [6].

Обратившись к многочисленным публикациям позднепалеолитических жилищ, нетрудно показать, что ответственное заключение об ограниченности функций жилых домов в позднем палеолите сделано И. Г. Шовкоплясом без должного учета объективных и многочисленных свидетельств. В позднепалеолитических жилищах исследователи постоянно отмечали следы производства, отходы кремнеобрабатывающего и костерезного производства, орудия труда, кухонные отбросы. Больше того, П. И. Борисковский, например, видит в этом признак, определяющий уровень пола жилья. Впрочем, этому же следуют и многие другие исследователи [7].

Мезинский дом 1 до определенного времени был плотно населенной, хорошо обжитой постройкой. И если все то, что окружает дом 1, все его хозяйственно-бытовые объекты выглядят близкими к тому, как их оставил живой, деятельный коллектив, то сам дом внутри производит впечатление брошенного, нежилого помещения.

Изучая внутреннюю часть дома и состав находок в нем, нельзя не обратить внимания на некоторые детали интерьера, свидетельствующие о том, что мезинский дом осваивался дважды. Полное несоответствие следов функционального использования площадей в самом доме и вокруг него, отмеченное малочисленностью археологических находок в жилище и массовостью их в надворной части жилой площадки, находит свое объяснение в том, что все то, что окружает дом, связано именно с обитаемым жилищем, когда в самом жилище протекала интенсивная трудовая жизнь общины. Со временем дом пришел в ветхость. Тяжелая конструкция стен и кровли яранги угрожала обвалом. В такой обстановке дом был оставлен как жилище.

---

[4] *Пидопличко И. Г.* Ук. соч., рис. 37.

[5] Там же, с. 107, 109.

[6] *Шовкопляс И. Г.* Ук. соч., с. 56, 94, 95, 103, 277.

[7] *Черныш А. П.* Ранний и средний палеолит Поднестровья.— Тр. КИЧП, XXV, с. 42—45; *Замятнин С. Н.* Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО).— ИГАИМК, № 18, 1935, с. 34; *Тарасов Л. М.* Палеолитическая стоянка Гагарино.— МИА, № 121, 1965, с. 112, 113; *Шовкопляс І. Г.* Житла Супоневської стоянки.— Археологія, V. 1951, с. 134; *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту Дона.— МИА, № 121, 1963, с. 13; *его же.* Палеолит Украины.— МИА, № 40, с. 185—189; *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища..., рис. 21, с. 117—135; *Пидопличко И. Г., Люрин И. Б., Тимченко Н. Г.* К вопросу о хозяйстве, быте и культуре позднепалеолитического населения в связи с раскопками в с. Межиричи.— МИА, № 185, 1972, с. 191.

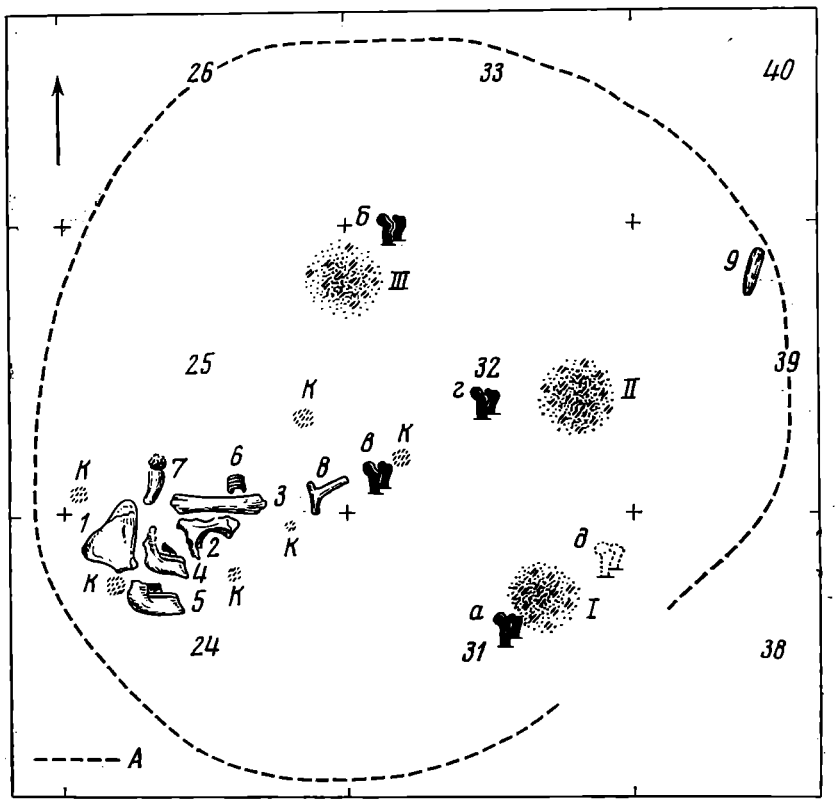


Рис. 1. План дома 1 и расположение археологических предметов на его полу (по И. Г. Подопличко)
А — граница жилища; *24—26, 31—33, 38—40* — границы квадратов; I—III — следы очагов; *К* — скопления краски; *а — д* — костяные опоры для «столбов»; *1—8* — костяной музыкальный комплекс: *1* — лопатка, *2* — таз, *3* — бедро, *4* — челюсть № 1, *5* — челюсть № 2, *6* — шумящий браслет, *7* — колотушка, *8* — молоток из рога оленя

Вероятно, вследствие увеличивающегося населения палеолитического поселка возникла потребность в общественном сооружении. Она-то и привела мезинцев к использованию обветшавшего и оставленного дома. Вместо строительства нового сооружения они предпочли использовать старый жилой дом для общественных надобностей, но предварительно основательно очистили его и укрепили свод специальными крепидами. Неудивительно поэтому, что на полу дома 1 почти не найдено бытовых и кухонных отбросов или отходов кремневого производства. Очажные места вследствие очистки пола выражены очень слабо. Сами предметы, найденные на полу дома, своеобразные и уникальные по подбору и месторасположению, свидетельствуют об определенном назначении хранящего их дома (рис. 1).

Стало возможным объяснить и присутствие в центре жилища «гнезд» для опорных жердей или «столбов»-крепид, поддерживающих кровлю изнутри дома. На четыре таких «гнезда» опирались несущие аварийную нагрузку жерди-«столбы». Присутствие подпорок в центре жилья было бы большой помехой для его обитателей, лишало бы их почти половины полезного пространства в доме, где к тому же размещались крупные, громоздкие расписные кости мамонта и четыре скопления охры. Предметы эти не составляли бытовой обстановки или оборудования жилья. Маловероятна также одновременность существования в яранге трех, пусть даже и небольших, очагов и по меньшей мере четырех подпорных «столбов» в центре жилья на площади, близкой к 8 $м^2$. Внутренние очаги размещались вблизи от деревянных опорных жердей и даже почти рядом

с очагами (например, южный очаг на кв. 31 или очаг на границе кв. 25 и 32). Такое расположение очагов помимо бытовых неудобств создавало постоянную угрозу пожаров [8].

Сейчас известно несколько десятков (более 70) остатков позднепалеолитических жилищ из костей, и ни в одном из них не обнаружено следов от опорных гнезд для подпорных центральных жердей, хотя сам принцип использования твердых опор из костей или камня для гнутых жердей каркаса был уже известен (Гагарино, Буреть [9]).

Коротко говоря, мезинский дом пережил два этапа. Сначала он был обычным жилищем, затем обветшал и был оставлен. Повторному освоению постройки предшествовало ее обновление. Дом был очищен от производственного и бытового мусора, в пол были вбиты костяные опоры для жердей и установлены сами подпоры, поддерживающие свод яранги. Только после проведения таких своего рода ремонтно-реставрационных работ мезинцы внесли в дом предметы, связанные с идеологической сферой их деятельности: орнаментированные кости мамонта и связанные с ними изделия из кости, охру и пр.

Исследователи, много путешествовавшие и обитавшие среди арктических сообществ, не раз описывали праздничные, обрядовые дома у малых народностей Севера, отмечая при этом использование для этих целей оставленные по каким-либо причинам жилые постройки. Такие обрядово-праздничные дома существовали, например, у чукчей, эскимосов и др.[10]

Залегание культурных остатков на полу дома 1 в Мезине, так же как и сам состав сделанных здесь находок, очень отличают мезинскую ярангу от всех известных сейчас жилых сооружений позднего палеолита. Среди предметов, найденных в доме, главное место принадлежит костям мамонта, имеющим роспись, а также и другим предметам, в большинстве своем на связанным с производственной деятельностью людей, посещавших «дом с подпорками» (рис. 1).

По наблюдениям И. Г. Пидопличко, отраженным в документальных данных, кости мамонта, имеющие орнамент, находились вместе, в сгруппированном состоянии [11]. На это же постоянно указывает и И. Г. Шовкопляс [12]. Лопатка, две нижние челюсти, фрагмент таза занимали северо-западную часть неполного квадрата 24. Бедро, обломок бивня с перехватом в утолщенной части, молоток из рога северного оленя найдены на самой границе кв. 24 и 25. Здесь же у бедра мамонта находился и «шумящий» браслет. Обломок черепа мамонта с росписью был найден в пределах дома. На полу яранги были найдены также небольшие костяные проколки и обломок иглы — предметы, как бы отобранные из в общем достаточно широкого ассортимента костяных орудий, обращавшихся в обиходе у мезинцев.

Сразу же после того как были обнаружены расписные кости мамонта, их определили предметами культового назначения. Такое заключение оставалось, разумеется, только предположением, не раскрывающим самого назначения найденных предметов, их смыслового содержания. Новое объяснение костяного комплекса из «дома с подпорками» пришло вместе с дальнейшим изучением всей ситуации, связанной с результатами раскопок хозяйственно-бытового комплекса № 1 в Мезине. Важной вехой в этом изучении было установление двухэтапности освоения дома 1. Вновь самое пристальное внимание привлек характер залегания культурных остатков на полу дома, сгруппированность расписных костей, их территориальная сближенность с иными находками (шумящий браслет, ко-

---

[8] *Пидопличко И. Г.* Ук. соч., рис. 37, с. 96, 97.

[9] *Тарасов Л. М.* Палеолитическая стоянка Гагарино.— КСИИМК, № 92, с. 56—60; *Окладников А. П.* Палеолитические жилища в Бурети.— КСИИМК, X, 1941.

[10] *Богораз-Тан В. Г.* Чукчи, т. II. Л., 1939, с. 84, 85.

[11] *Пидопличко И. Г.* Ук. соч., с. 98, рис. 37.

[12] *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка, с. 244.

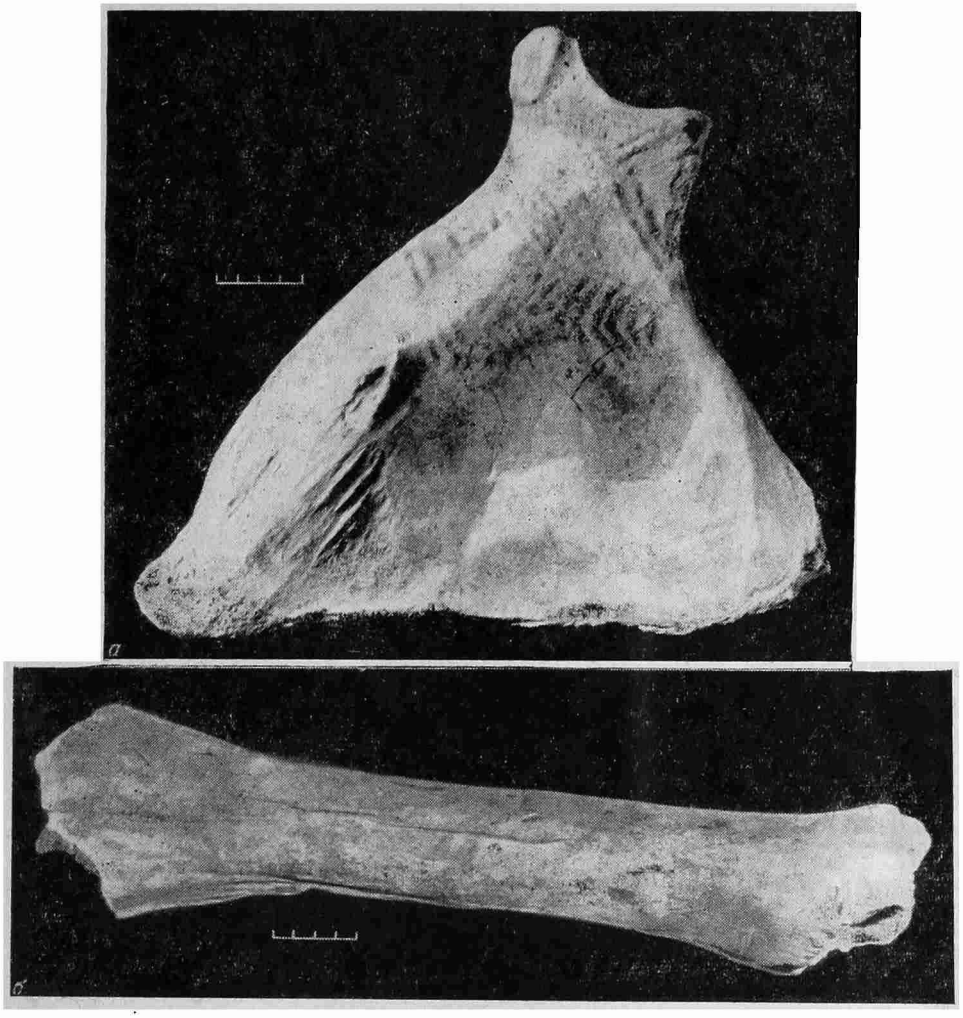
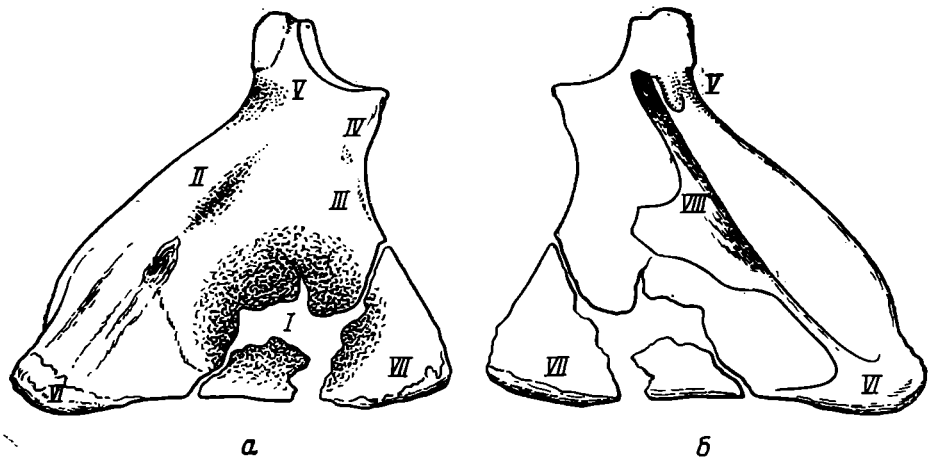


Рис. 2. *а* — орнаментированная лопатка мамонта; *б* — орнаментированное бедро мамонта

лотушка, молоток, скопления охры и пр.). Функциональная связанность расписных костей, сохранность компакты, самого вещества кости, очевидной.

Прежде всего подвергались тщательному изучению поверхности расписных костей, сохранность компакты, самого вещества кости, внешних и внутренних частей предметов. Помимо обычных археологических и палеонтологических исследований костей были использованы археолого-трасологические, судебно-экспертные, фотоаналитические и другие способы изучения костей. Самое деятельное участие в исследовании мезинских костей из дома 1 приняли: академик АН УССР И. Г. Пидопличко, В. И. Бибикова, Г. Ф. Коробкова, Р. Л. Садоков, проф. А. Ф. Рубежанский (Днепропетровский мединститут), В. Е. Бергер (Киевский НИИ судебной экспертизы), художник-экспериментатор Я. А. Шаповал и др.

При визуальном и микроскопическом изучении костей мамонта из дома 1 на 6 экз. (лопатка, бедро, таз, две нижние челюсти, обломок черепа) удалось выявить всегда определенно локализованные участки с явными нарушениями естественного состояния поверхностей на костях, а иногда и самих костей. Они опознаются по различным признакам и имеют разную степень выразительности. Такие следы могут быть разделены на три основные группы. К первой группе относятся кости с поверхностными повреждениями компакты. В этих случаях заметна уплот-



а *б*

Рис. 3. Лопатка мамонта. *а* — медиальная (реберная) сторона, I — следы сбитрсти поверхностного слоя (компакты), II—V — участки сильной заполировки поверхности. *б* — латеральная сторона, VI—VIII — участки сильной стертости поверхности кости

ненность костного вещества, сглаженность естественного рельефа на поверхности, как бы «сработанность» верхнего слоя компакты, ее истончение. Такие «рабочие» участки на костях очень отличаются от окружающих их естественных плоскостей. Ко второй группе поверхностных деформаций должны быть отнесены участки, отмеченные заполировкой поверхности, иногда достигающей степени зеркального блеска, сильной залощенности отдельных участков. Третью группу составляют кости с механическими повреждениями, являющимися результатом их употребления. Имеется в виду, например, истертость граней на костях, нарушение состояния губчатого вещества, отслоение компакты от внутренней губчатой структуры кости и т. д.

Приведем описание предметов, найденных на полу мезинского дома 1.

1. Лопатка мамонта (рис. 2, *а*). Левая. Музейный шифр: кв. 24. 5-496.1955. Особь взрослая. Размеры: 57×63 *см* (промер от нижней точки лопаточного бугра до средины дорсального края лопатки). Цвет светло-желтый. Часть подлопаточной ямки утрачена, нарушен также краниальный край лопатки. Сохранность вещества кости в общем хорошая. Роспись размещается на медиальной или реберной стороне лопатки, за исключением краниально-дорсальной части и зубчатой поверхности с хорошо выраженным мускульным рельефом и шероховатостью. Цвет росписи темно-красный, терракотовый. Сохранность росписи удовлетворительная. К центру лопатки в области подлопаточной (подскапулярной) ямки орнамент постепенно затухает. Ближе к каудальному углу роспись очень расплывчата. Построение орнамента зигзагообразное, параллельное. Полоски — ленты шириной 0,8—0,9 *см*, разделенные промежутками такой же величины, образуют плотный узор из зигзагов. Число сохранившихся зигзагов-полос: в вертикальном направлении в каждом построении до шести полос, в горизонтальном — 19—20 полос. Орнаментальные полосы нанесены концом деревянной или костяной лопатки. Края полос в местах наилучшей сохранности рисунка ровные, хорошо прорисованные. Краска (охра) густотертая, вероятно, на жиру, края полос часто не подплывают, не размыты. Оформление стыков отдельных полос зигзага аккуратное, тупоугольное. Рисунок выглядит композиционно уравновешенным, ритмичным.

На медиальной поверхности лопатки визуально выделяется семь участков с деформацией природной поверхности кости (рис. 3). Они устанавливаются по следам нарушений целостности компакты, тусклому свечению поверхности или, наоборот, разностепенной залощенности участков, доходящей до блеска.

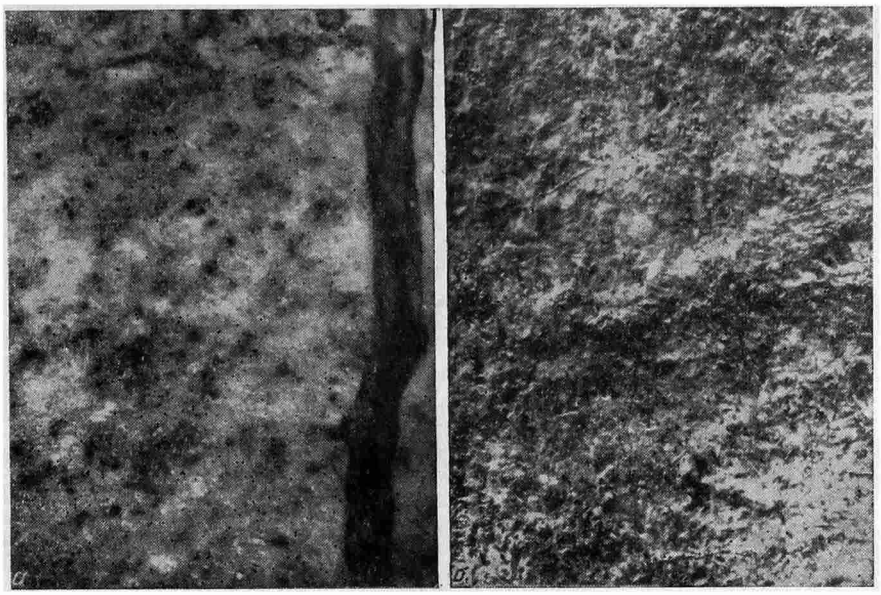


Рис. 4. Лопатка мамонта. Медиальная сторона. *а* — участок естественной поверхности, не подвергшийся механическим воздействиям; *б* — участок, подвергшийся частым и сосредоточенным ударам (микрофотография, увеличение в 20 раз)

I участок занимает почти всю площадь подлопаточной ямки. Поверхность ямки в пределах западины, диаметром 16—18 *см*, здесь как бы сглажена, имеет сероватый оттенок, хотя и более светлый по сравнению с остальной поверхностью кости. Это округлое пятно со следами мелких трещин и вмятостей четко оконтуривается, особенно в нижней половине лопатки, орнаментом, утраченным в области подлопаточной ямки вследствие сбитости его вместе с поверхностным слоем компакты. На этом участке установлено и внутреннее изменение в структуре кости — отслоение компакты от губчатого прослоя. Часть подлопаточной ямки в наиболее истонченном участке утрачена в результате механического воздействия. II участок расположен несколько ниже места крепления зубчатого мускула, примерно в 6 *см* от краниального края лопатки, примыкающего к шейке. На этом участке, площадью 7,5×4,5 *см*, очень заметен блеск. Здесь орнамент стерт и замещен сильно заполированной поверхностью. На противоположном крае лопатки (каудальном) выступает залощенность на протяженности 11—11,5 *см*. Этот краевой, III участок почти контактируется с участком IV (размер 3×4 *см*). На поверхности этого участка залощенность просматривается слабее, чем на участках II и III. Участок V размещается на шейке лопатки, он частично охватывает краниальный край лопаточного бугра. Ширина залощенной части у краниального края до 7 *см*. Поверхностная залощенность с медиальной стороны переходит на оборотную, латеральную поверхность. Залощенность отчетливо выступает на вырезе между бугром лопатки и акромионом (остью лопатки) (рис. 3*б*).

Латеральная сторона лопатки имеет хорошо сохранившийся гребень (ость), возвышающийся над поверхностью лопатки на 13—14 *см*. Боковой отросток стоит под прямым углом к краю ости. Предостная и заостная плоскости лопатки сохраняют естественный рельеф и не имеют никаких следов искусственных воздействий, за исключением залощенности на шейке и на вырезе у акромиона. На самом гребне заметна стертость у латерального края. Здесь край несколько уплощен, поверхность компакты кости утрачена, обнажена губчатая масса (участок VIII). Просту-

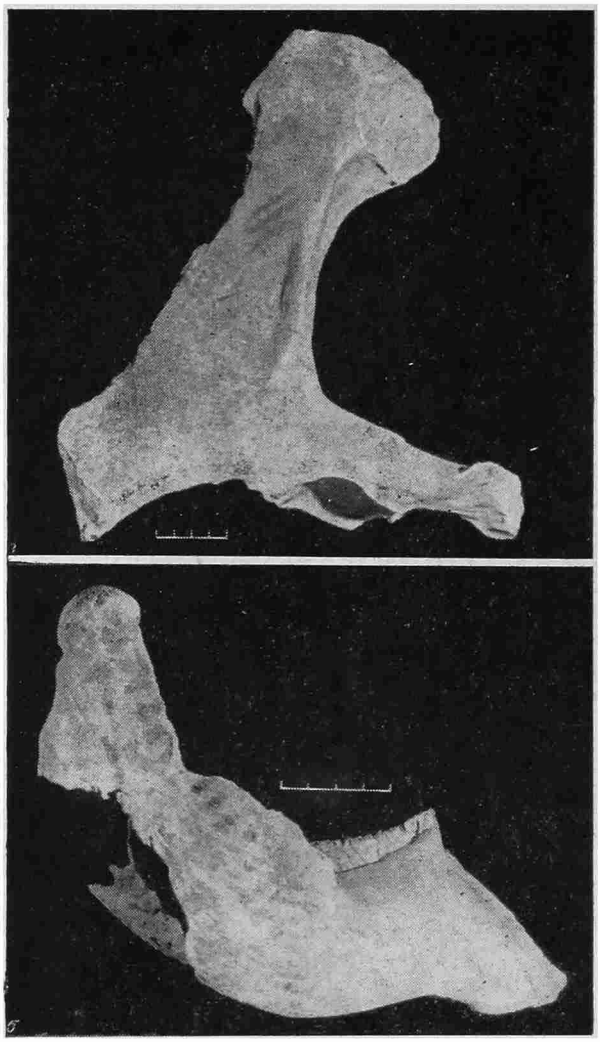


Рис. 5. *а* — орнаментированный фрагмент таза мамонта; *б* — орнаментированная челюсть (№ 1) мамонта

пает такая же стертость краниального и каудального углов лопаток со стороны нижних закраин (участки VI и VII).

Описание лопатки дано по сравнительно подробной программе. В дальнейшем, в целях экономии места, изложение описания костей из жилища будет подаваться более кратко и по возможности восполняться иллюстрациями.

2. Бедренная кость мамонта (рис. 2, *б*). На спинковой стороне сохранился орнамент. Хорошо заметны четыре косонаправленных, параллельно идущих коротких полоски. Всего было 15—16 таких полосок. Верхний эпифиз бедра преднамеренно сбит и во внутренней части кости губчатая масса частично удалена.

3. Таз мамонта (крупный фрагмент) (рис. 5, *а*). На внутренней части крестцовотазовой поверхности выделяются три косонаправленные параллельные полоски. На крестцовой внутренней поверхности крыла подвздошной кости отмечена сработанность верхнего слоя компакты с утратой орнамента. На подвздошно-лонном гребне великолепно сохранилась сильная залощенность на ширину 10—11 *см*.

4. Нижняя челюсть мамонта, № 1 (рис. 5, *б*). В задней части правой половины челюсти, ближе к суставному концу, поверхность покрыта росписью. Прослеживается 14—15 зигзагообразных построений или рядов, каждый из которых состоит из двух — четырех полос. На внешней стороне коренной части челюсти рисунок исчезает. Именно здесь и наблюдается сбитость поверхности компакты. С внутренней (лингуальной) стороны правой половины челюсти наблюдается сглаженность и заполировка поверхности. Левая половина челюсти никаких следов орнамента или искусственных воздействий не имеет.

5. Нижняя челюсть мамонта, № 2. Орнаментальная роспись темно-красной охрой заметна под венечным отростком правой половины челюсти. В области жевательной ямки хорошо просматриваются пять горизонтальных параллельных полос и пять-шесть вертикальных полос. На коренной наружной поверхности челюсти очень заметен участок сработанности поверхностного слоя компакты, утраченного вместе с находившейся здесь росписью, следы которой сохранились на закраинах сработанного участка компакты. Внутренняя (лингуальная) поверхность правой половины челюсти имеет легкую заполировку, вполне аналогичную замеченной на челюсти № 1. Левая половина челюсти никаких следов

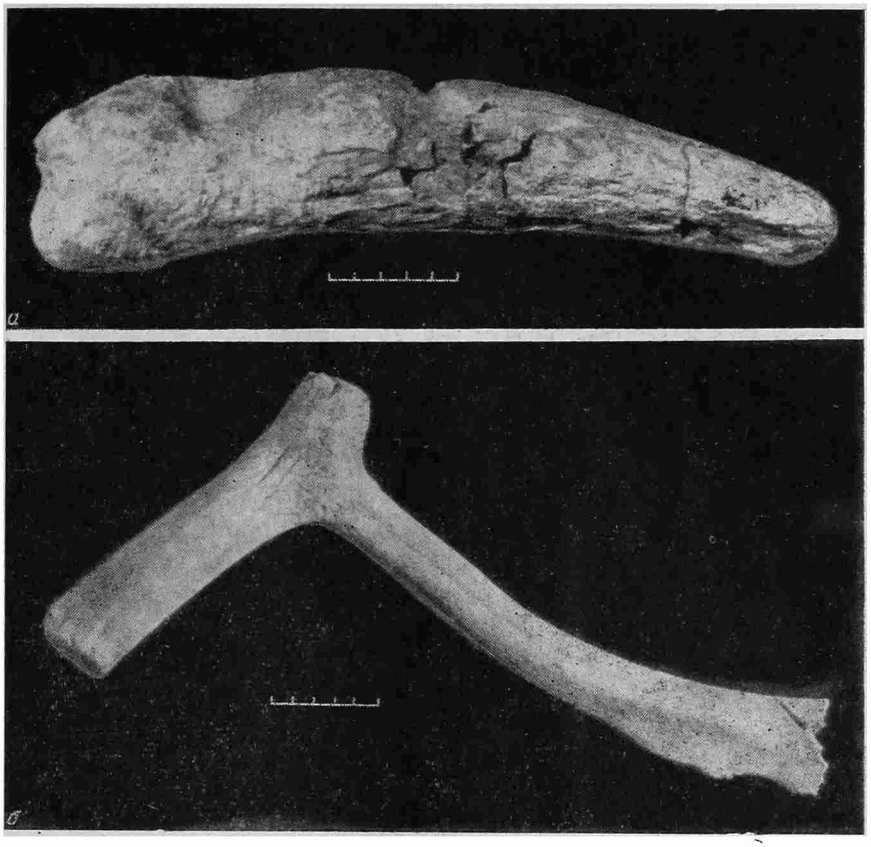


Рис. 6. *а* — колотушка из бивня мамонта; *б* — молоток из рога северного оленя

орнамента или искусственных повреждений не имеет, в этом смысле повторяя состояние левой половины челюсти № 1.

6. Обломок лобной части черепа мамонта. На поверхности видны следы окраски охрой, а также вмятинки и лунки от ударов.

7. Концевая часть бивня мамонта (рис. 6, *а*). Найдена в вертикальном положении среди расписанных костей. В утолщенной части имеет перехват, выделяющий бугорчатую головку.

8. Молоток из рога северного оленя (рис. 6, *б*). Найден в юго-западном углу кв. 25 вблизи от орнаментированных костей. Имеет Г-образную форму. Следы употребления в виде сильной сбитости заметны с одной стороны рабочего стержня.

9. Браслет шумящий (рис. 7). Состоит из четырех узких пластин, вырезанных из бивня мамонта. Найден на южной границе кв. 25 около бедра мамонта. Имеет плотный елочный нарезной орнамент. О. Н. Бадер установил кратность числа штрихов узора, отвечающую лунной цикличности [13]. Близкую точку зрения развил Б. А. Фролов [14].

К названным выше находкам следует добавить обломок костяной иглы, подобранной на кв. 25 (№ 508 по описи), а также проколки, найденные на полу, в том числе и на квадрате, где находились расписанные кости, или на соседствующих (№ 29192—29196, 251—253, 257—258 по описи).

---

[13] *Бадер О. Н.* О возникновении арифметического счета в палеолите.— В сб.: Новое в археологии. М., 1972.

[14] *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, с. 64, 94, 121.

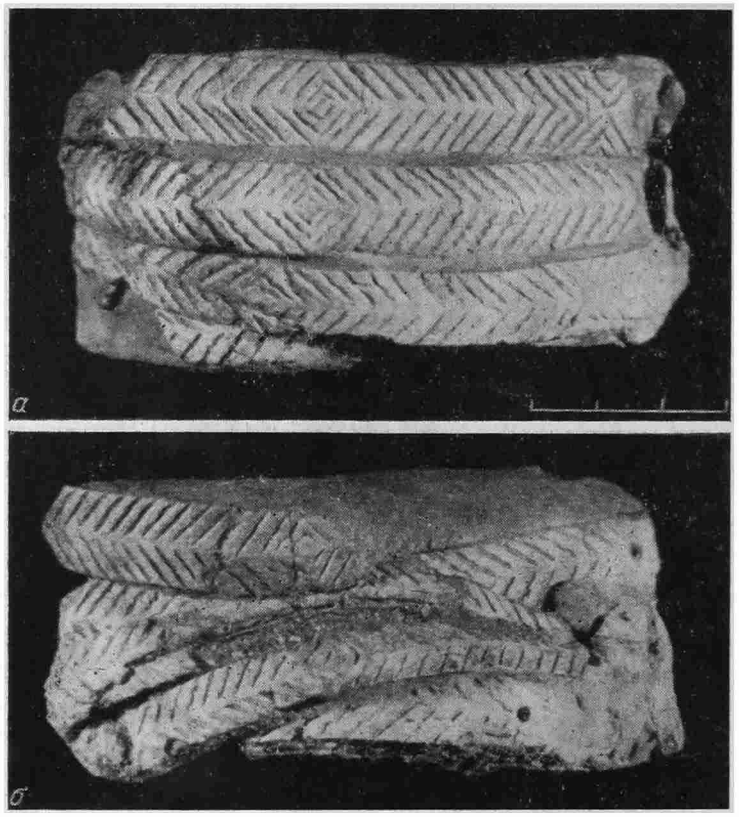


Рис. 7. Шумящий браслет из пластин, вырезанных из бивня мамонта

Общая характеристика такого рода изделий дана И. Г. Шовкоплясом [15]. Необходимо отметить, что находки шильев сделаны только в 1955 г., т. е. в сезон, когда осуществлялись раскопки внутри жилища. Из 10 найденных в пределах жилища проколок восемь лежали на полу.

Обращает на себя внимание размещение на полу жилища четырех скоплений красной и желтой минеральной охры. Они также располагаются вблизи от комплекса расписных костей мамонта. Значительные скопления охры (по 2—3 *кг* в каждом) встречены на двух пунктах, на кв. 24 и 25 (в северной и южной частях квадратов) и в одном пункте в юго-западном углу кв. 32. Кроме того, отдельные комки охры лежали на кв. 24 и 25. Значение этой находки состоит в функциональной связи запаса охры с расписным комплексом костей, в территориальной сближенности их, в общности условий залегания на полу дома.

В разных местах на площади дома и вне его находились и раковины морских моллюсков, но на полу они найдены в большем количестве. На кв. 39 был найден обломок бивня мамонта, залегавший на 15 *см* ниже уровня пола. Он не имеет отношения к комплексу костей, лежащих на полу в юго-восточной части жилья, так же как и обломок костяного клина со сбитым обушком (кв. 39).

Из сказанного о комплексе костяных предметов, найденных в доме 1, можно сделать вывод, что лежащие в сгруппированном виде кости мамонта — лопатка, бедро, таз, две нижние челюсти и обломок черепа — составляют функционально единый комплекс. Кости эти орнаментированы зигзагообразным, угольчатым и полосчатым узорами, нанесенными красной краской (охрой). Именно с орнаментированными плоскостями на костях связаны участки с нарушениями поверхностных слоев компакты.

[15] *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка, с. 199, табл. XLII—XLIII; с. 52, 113, 114.

Повреждения эти появились в результате механических воздействий на компакту кости.

К первой группе нарушений поверхности кости могут быть отнесены следы от частых и сосредоточенных ударов. Вполне отчетливо выступает локализация следов износа и деформации компакты на лопатке мамонта (подлопаточная ямка, уч. I), на бедренной кости (спинковая поверхность диафиза), на тазовой кости (центр подвздошной кости), на челюстях мамонта (внешние стороны щечных плоскостей правых половин), на внешней стороне поверхности фрагмента черепа.

Вторая группа следов — заполировка и залощенность поверхности на отдельных участках кости, являющаяся результатом контактов этих участков с ладонями рук и, возможно, с меховой одеждой. К числу такого рода следов должны быть отнесены: на лопатке мамонта, в зоне ниже места крепления зубчатого мускула ближе к шейке (уч. II), на каудальном краю (уч. III и IV), на шейке с латеральной и медиальной сторон (уч. V) (рис. 3, *а*, *б*), на бедренной кости (в области плантарной стороны, ближе к эпифизам), на тазовой кости (на подвздошно-лонном гребне и маклаковом краю подвздошной кости). На обеих челюстях мамонта легкая заполировка замечена с внутренних (лингуальных) сторон правых ветвей.

К третьей группе следов относятся участки с сильной потертостью на закраинах костей вплоть до обнажения губчатой структуры и преднамеренные механические повреждения, возникающие по разным причинам.

На основании археологических, палеонтологических и археолого-трасологических исследований костей с применением и судебно-экспертной методики установлено, что нет никаких оснований считать, что следы от ударов и различные другие видоизменения на поверхностях костей есть результат каких-то производственных процессов, преследующих утилитарные цели. Этому противоречит и сам специфический подбор орнаментированных костей, и вся вовсе не производственная ситуация, окружающая этот уникальный комплекс. Все участники изучения орнаментированных костей пришли к единому заключению о принадлежности их к предметам, предназначенным для извлечения ударно-шумовых звуков. Г. Ф. Коробкова заключает свой подробный итоговый акт изучения костей следующими словами: «Совокупность данных трасологического анализа позволяет видеть в исследуемых предметах древнейшие ударные инструменты, используемые чрезвычайно длительное время».

В свете сказанного получают свое истолкование и другие предметы, не только территориально, но и функционально связанные с расписными музыкальными костями. Обломок бивня мамонта, найденный среди расписных костей, имеющий перехват и бугорчатую головку, а также сильную заполировку нижнего тонкого конца, позволяет определить его как звуковую колотушку. Назначение молотка из рога северного оленя в качестве ударного музыкального инструмента едва ли может вызвать сомнение и подтверждается трасологическими наблюдениями. Шумящий наборный браслет — это своеобразный музыкальный инструмент типа кастаньет. Он и происходит из скопления расписных костей.

Однако состав находок, принадлежащих музыкальному комплексу или связанных с ними, не исчерпывается названными предметами. Функционально связаны с ними запасы минеральной охры. Скопления ее размещаются в юго-западной части жилища, вблизи от расписных костей.

Можно полагать, что охра служила для гримировки, окраски тела, а может быть, и одеяний. Она была необходимой принадлежностью театрализованных действий, праздничных событий. Найденные на полу дома 1 игла и проколки вместе с охрой составляли своеобразный реквизит.

Словом, перед нами комплекс предметов музыкального назначения стационарного типа (лопатка, бедро, таз, две челюсти и фрагмент че-

репа мамонта). Подвижный музыкальный инструментарий состоял из колотушки, молотка и шумящего браслета. Есть достаточно оснований восстановить положение каждого инструмента в том виде, в каком он использовался. Лопатка мамонта устанавливалась почти вертикально, опираясь на краниальный и каудальный углы. Имено здесь и заметна стертость края кости, обнаженность губчатого вещества (уч. VI и VII). Использовалась она и в наклонном положении, уложенной на гребень. Для лучшей звукоотдачи на лопатке оставлен естественный гребень, служивший малой по площади опорой при игре на этом инструменте. У всех других 53 лопаток (кроме одной), найденной в пределах дома 1 в верхних горизонтах залегания и служивших покрытием дома, гребни преднамеренно сбиты, обломаны.

При игре на лопатке шейка ее охватывалась кистью левой руки подобно грифу на современных струнных инструментах. Такой охват шейки хорошо запечатлен в четких следах заполировки, соответствующей размерам ладони и большого пальца. Звук извлекался с помощью молотка, удары наносились преимущественно в области подлопаточной ямки.

Бедро мамонта использовалось в горизонтальном положении подобно современному ксилофону. Интереснейшим приемом, способствующим усилению резонаторности бедра, оказалась и специальная обработка его. С целью получения дополнительной полости в губчатом теле кости проделан канал шириной до 13 *см*, переходящий затем в естественный костномозговой канал. С помощью такой обработки кости была создана искусственная полость, усиливающая ее акустические свойства. Практицизм в понимании звукоизвлечения у кроманьонца здесь налицо.

Таз мамонта. Одна из половин таза устанавливалась вертикально и в таком состоянии сохраняла довольно устойчивое положение. При игре левой рукой охватывался подвздошно-лонный гребень примерно в средней части его. Здесь и образовалась сильная заполировка шириною в ладонь. Звуки извлекались с помощью ударов посредником по центру подвздошной кости, в то место, где находится естественная впадина. При переноске предмет брали помимо гребня и за край маклаковой части.

Челюсти мамонта. Для игры их клали на левую неорнаментированную половину. В таком виде челюсть вполне устойчива. Правая половина, расписанная узором, имела ограниченную площадь опоры, подбородочную часть, и оставалась свободной от контакта со всей площадью опоры, на которую устанавливался инструмент. Этим создавались наиболее благоприятные условия для получения неприглушенного звучания при ударах посредником по внешней поверхности правой половины коренной части челюсти. При переносе челюстей их брали за внутреннюю поверхность правой половины челюсти. Здесь и сохранилась заполировка поверхности, не повторяясь на внутренней поверхности левой половины челюсти.

Череп мамонта, вероятно, устанавливался на носовые (максилярные) кости. В таком виде он сохранял наибольшую устойчивость. Его использовали как барабан, принимавший удары на лобную и теменную кости.

Проведенный эксперимент (с помощью легкого ударника извлекались звуки из черепа современного слона) дал хорошие результаты. Внутренняя ячеистая структура черепной коробки является великолепным резонатором. Получены сильные звуки низких тонов.

Употребление колотушки из бивня, молотка из рога северного оленя и браслета-кастаньет разъяснений не требует.

По современной классификации музыкальных инструментов ударного типа, мезинские музыкальные кости могут быть отнесены к подгруппе самозвучащих, ненастраиваемых.

Появление в палеолите ударно-ритмичных музыкальных инструментов из костей мамонта исторически и этнографически вполне объяснимо. Весь образ жизни кроманьонца, его производство и быт были тесней-

шим образом связаны с необходимостью самого широкого использования кости. Огромная роль кости, применявшейся во всех областях деятельности человека, совершенно очевидна. Из костей мамонта сооружаются дома, делаются ограждения, устраиваются погребальные камеры, создаются специальные хранилища из костей. Кость служит надежным, прочным и пластичным материалом для выделки различных орудий труда и охотничьего вооружения, предметов быта, украшений. Кость идет на изготовление художественных и вотивных произведений, выполненных в объемной скульптуре, гравировке и резьбе.

Кроманьонец владел подчас сложнейшими техническими приемами обработки кости, особенно бивней мамонта, умением использовать все свойства кости, полезные в производстве и быту. Почти безграничное применение кости способствовало развитию производительных сил, увеличивало приспособляемость человека к суровым условиям приледникового быта, совершенствовало его возможности активной борьбы за существование. Вот на этом исключительно широком фоне применения кости в позднем палеолите становится понятным употребление ее и в качестве музыкальных инструментов.

Надо полагать, что расшифровка назначения расписанных костей мамонта и принадлежностей к ним из мезинского дома 1 повлечет за собой пересмотр некоторых категорий археологического материала из других палеолитических местонахождений. Первые попытки, сделанные в этом направлении, дают, как нам кажется, обнадеживающие результаты. Так, среди известных собраний костей из Костенок I есть предметы неопределенного назначения. К ним относятся и стержни с моделированными рукоятями и шаровидными навершиями [16]. Сейчас их принадлежность к ритмично-ударным инструментам трудно оспорима. В давние годы, при раскопках поселения Пшедмост в Чехословакии, был найден небольшой обломок лопатки мамонта. На его поверхности нанесен красной краской орнамент в виде полос и криволинейных построений [17]. Это, вероятнее всего, часть от музыкальной лопатки, подобной мезинской. Совсем недавно из хранилищ Исторического музея в Киеве был извлечен крупный фрагмент лопатки мамонта, найденный в начале 20-х годов нашего века на палеолитическом поселении Городок недалеко от Ровно. Лопатка имеет линейный нарезной орнамент, зарубки на шейке и прекрасно сохранившиеся следы от ударов и залощенность в тех же местах, что и на мезинской лопатке. Трасологическое изучение этого предмета целиком подтвердило принадлежность лопатки мамонта из Городка к музыкальным инструментам.

Уже достаточно давно стало известным, что в позднем палеолите кроманьонцы изготовляли музыкальные инструменты типа флейт или свирелей. Они были обнаружены на палеолитических поселениях во Франции (Леспюг, Гурдан), Чехословакии (Долни Вестоница), ФРГ (Ранис), Венгрии (Ишталлошка) и др.[18] В СССР интереснейшие «флейты» из рога и костей найдены в мадленских слоях Молодова 5 и Атаки I (Черновицкая обл., УССР) [19]. Звуковые трубки были найдены в Авдеево и Костенках [20].

---

[16] *Ефименко П. П.* Костенки I. М.— Л., 1958 ,с. 301, рис. 111.

[17] *Breuil H.* Notes de voyage paleolithique en Europa Centrale. Paris, 1925, p. 538, fig. 19. L'Antropologie, XXXIV, XXXV.

[18] *Hänsler A.* Neue Funde Steinzeitlicher Musik-instrument in Osteurope.— In: Wissenschaftliche Leitschliche, der Martin-Luter Universität. Halle, 1960, S. 322—328.

[19] *Черныш А. П.* Флейта палеолитического времени.— КСИИМК АН СССР, вып. 59, рис. 54; *его же.* Палеолит Среднего Приднестровья.— Тр. КИЧП, т. XV, 1959, с. 95, рис. 45, *33*; *его же.* Палеолитическая стоянка Атаки I в Поднестровье.— Бюлл. КИЧП, вып. 35, 1968, с. 110; *Черниш О. П.* Палеолітична стоянка Молодове V. Київ, 1961, с. 103, рис. 36, *3*.

[20] *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия из Авдеевской стоянки.— МИА, № 39, 1953, с. 208, рис. 14; *Ефименко П. П.* Ук. соч., рис. 124, *4*.

Находки «флейт», создающих звукоряд, свидетельствуют о том, что кроманьонец умел извлекать мелодию — это основное выразительное средство музыки, владел элементами музыкальной тональности — понимал мелодичность построения музыкальной фразы, отвечающей сюжету действия или воображения. Что же касается музыкальных инструментов, создающих ритмику средствами ударов, то мезинские костяные предметы пока являются наиболее древними первыми музыкально-ударными инструментами.

Как ни оценивать с искусствоведческой или смысловой сторон сами мезинские музыкальные кости и рисунки на них, нужно прежде всего иметь в виду их качественное двуединство. С одной стороны, это предметы музыкального назначения, с другой — орнаментальной живописи. Это обстоятельство придает им особое социальное значение, характеризует состояние развития художественного интеллекта, взаимосвязь двух разнородных социальных качеств — музыки и живописи как выразителей внутренних общественных эмоций, обращенных к внешнему восприятию их в образе и звуке.

Третьим важным моментом познавательного значения в музыкальном комплексе из Мезина является шумящий составной браслет типа кастаньет. Браслет этот и по месту находки, и функционально входит в группу расписных костей. Это пока первая материальная находка, свидетельствующая о возможности распространения танцевального искусства среди кроманьонцев Восточной Европы.

Обратившись к палеолитическому искусству Западной Европы, заметим, что среди настенных пещерных изображений и гравировок по кости и камню неоднократно отмечались танцующие антропоморфные существа. Изображения пляшущих птицеголовых фигур из Аддоры (Италия), скачущие человечки, обряженные в козлов из Тейжа (Франция), «колдун» в оленьем одеянии и другая фигура человека, играющего на «свирели» (?), из пещеры Три Брата (Франция), гравированные на сланцевых плитках танцующие женщины из Геннерсдорфа (ФРГ), рельефы из Лоссель (Франция) могут быть уверенно истолкованы как сцены танца.

На территории Восточной Европы подобные изображения пока не встречены. Как, впрочем, не обнаружено и наскального изобразительного искусства палеолитического возраста. В памятниках Восточной Европы эпохи позднего палеолита господствует объемная пластика, круглая скульптура в антропоморфном и зооморфном жанрах. Сложилось так, что представления о женском скульптурном облике в европейском палеолите чаще ассоциируются с объемностью и статичностью в общей передаче образа женщины. Такие представления имеют под собою реальные основания и в известной мере подтверждаются просмотром серий женских палеолитических скульптур. Однако нельзя все же не отметить и некоторую преувеличенность суждений об их подавляющей объемности и особенно статичности, подчеркнутой положенными на живот руками. Элементарное внешнее ознакомление с коллекцией женских палеолитических статуэток убеждает в том, что на ряде фигурок заметна передача движений ног, даже рук. Такие наблюдения, оказывается, расширяют смысловой и художественный репертуар палеолитических женских скульптур, изваянных в реалистическом стиле.

По данным З. А. Абрамовой, на памятниках Восточной Европы женских скульптурок найдено (в целом или почти целом виде) всего 16—17 экземпляров. Остальные (более 50 экз.) найдены в обломках [21]. К ним можно добавить несколько недооцененный фрагмент каменной плитки с низкорельефным или глубоко гравированным изображением женщины, найденный в Костенках I [22] (рис. 8, *а*). Но даже и среди 16 палеоли-

[21] *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР.— САИ, вып. А-4-3, 1964; *Окладников А. П.* Утро искусства. Л., 1967, с. 73.

[22] *Ефименко П. П.* Ук. соч., с. 380, рис. 165; *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. X, *5*.

тических фигурок из бивня мамонта или мергеля можно выделить 7—8 статуэток с динамическими признаками в трактовке отдельных частей тела. Одна из найденных С. Н. Замятниным в Гагарино на Дону миниатюрная статуэтка имеет четко моделированные поднятые кверху руки[23] (рис. 8, *б*). Другая, найденная там же тем же исследователем, показана с несколько согнутыми в коленях ногами, как бы в легком приседании[24] (рис. 8, *в*). Из фигурок, найденных в Костенках I, выделяется статуэтка с сомкнутыми бедрами и согнутыми в разных плоскостях голенями, переданными в движении[25] (рис. 9, *а*). Такое же впечатление оставляет и другая скульптура, несмотря на фрагментарность ног[26]. Полностью сохранившаяся фигурка, тоже из Костенок I, передает женщину, стоящую на концах пальцев с приподнятой пяткой[27] (рис. 9, *б*). Вероятно, в движении передана «сухощавая» женская фигурка из Авдеево (№ 4) с разделенными, особенно в голенях, ногами[28]. Великолепным примером реалистической скульптуры, переданной в движении, остается статуэтка, найденная в Гагарино Л. М. Тарасовым[29] (рис. 10).

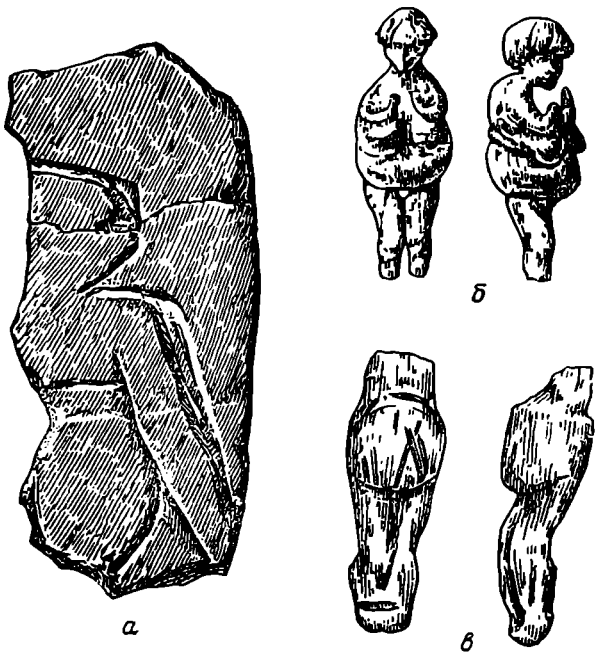


Рис. 8. Женские статуэтки: *а* — рельеф на камне из Костенок I; *б, в* — из Гагарино

Исполнение этой фигуры лишено изобразительных условностей и передает живое, динамичное изображение женщины в движении, с метко схваченными деталями (в частности, приподнятые плечи), но, как и у большинства статуэток, с руками на животе. И наконец, фрагментированное изображение женщины в рельефе, нанесенное на каменную плитку, из Костенок I. Примечательно, что рука у женщины отведена в сторону, по П. П. Ефименко, «как бы что-то держащая»[30]. В локтевом изломе едва заметен перегиб верхней линии кверху. Может быть, в целом виде изображение чем-то повторяло лоссельский сюжет танцующих женщин с поднятыми руками.

В характеристике восточноевропейских палеолитических фигурок нужно отметить и другое немаловажное наблюдение. На одной авдеевской

---

[23] *Замятнин С. Н.* Раскопки у с. Гагарина, с. 66, рис. 23; *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. XXXI, рис. 2; табл. XXX, рис. 2.

[24] *Замятнин С. Н.* Ук. соч., рис. 6; *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. XXXI, рис. 3.

[25] *Ефименко П. П.* Костенки I, с. 347, рис. 141; *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. I, *2*; табл. II, *2*.

[26] *Ефименко П. П.* Ук. соч., табл. I, *1*; *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. II, *1*.

[27] *Ефименко П. П.* Ук. соч., с. 349, рис. 142.

[28] *Гвоздовер М. Д.* Ук. соч., с. 217, рис. 21; *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. XXVII, *1*.

[29] *Тарасов Л. М.* Новая палеолитическая статуэтка из Гагарино.— СА, 1963, № 4, с. 179—183, рис. 1; *его же.* Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962).— МИА, № 131, Палеолит и неолит, т. V, с. 132—138, рис. 14—16; *его же.* Скульптура Гагаринской палеолитической стоянки.— МИА, № 185, Палеолит и неолит, т. VII, 1965, с. 193—201.

[30] *Ефименко П. П.* Ук. соч., с. 380.

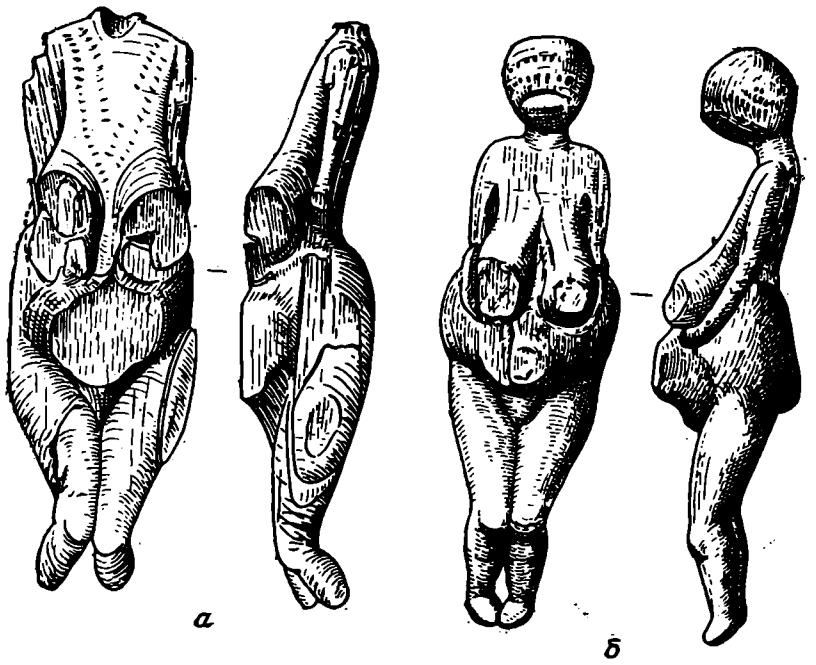


Рис. 9. Женские статуэтки из Костенок I

статуэтке М. Д. Гвоздовер заметила на руке в области запястья три поперечных риски и определила это как изображение браслета [31]. На запястьях статуэтки № 1 из Костенок I тоже нанесены две и три насечки. Графическое изображение браслетов на руках женских фигурок, в том числе и из других зарубежных местонахождений, достаточно хорошо известно. В названных нами случаях переданы, должно быть, шумящие браслеты, нанесенные на кость с помощью гравировки.

Приведенные свидетельства внешнего состояния женских скульптурок из позднепалеолитических памятников Восточной Европы дают основание заключить, что женский образ передавался далеко не всегда статично, в неподвижном состоянии. Наоборот, ему свойственны и черты динамичности, проявляющиеся в движении ног и реже рук. Такие передачи движения не могли не иметь своего смыслового значения. Нужно полагать, что так передавался танец. Очень вероятно поэтому, что некоторые фигурки снабжены и шумящими браслетами — этими атрибутами танцев.

Здесь нужно отдать должное научной прозорливости С. Н. Замятнина. Он первый увидел в палеолитических статуэтках коллективных исполнительниц магических действий. В посмертной работе С. Н. Замятнина указывается, что гагаринская статуэтка с поднятыми руками передает пляску [32]. Тем самым С. Н. Замятнин сделал первую заявку на вероятность бытования искусства танца в позднем палеолите Восточной Европы. Мысль эта находит свое подтверждение в функциональном рассмотрении ряда восточноевропейских позднепалеолитических статуэток и в находке шумящего браслета-кастаньет в Мезине.

Мы, конечно, не в состоянии восстановить музыкальный строй палеолитических костяных инструментов, но упустить возможность восстановить модель звучания сначала хотя бы одного из мезинских инструментов было бы неоправданно. Поэтому в Киевском институте судебных экспертиз было воспроизведено звучание лопатки в современном наигры-

[31] *Гвоздовер М. Д.* Ук. соч., с. 217.
[32] *Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961, с. 56.

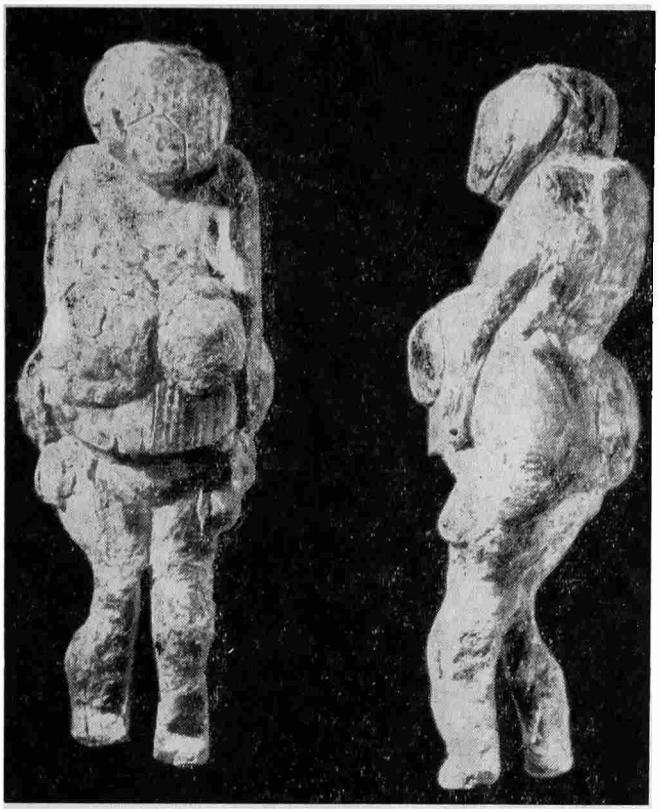


Рис. 10. Женская статуэтка из Гагарино (находка 1962 г.)

ше. Были получены сильные, звонкие и по-своему музыкально выразительные звуки.

Еще, пожалуй, труднее восстановить палеолитический танец, его рисунок, содержание. Пока лучшей иллюстрацией к палеолитическому танцу может послужить описание женского танца у ительменов (камчадалов), сделанное С. П. Крашенинниковым: «У женщин есть особливый танец: они становятся двумя рядами, женщина против женщины, и кладут обе руки на брюхо и, поднимаясь на носках, поводят плечами, не шевеля руками и не сходя со своего места» [33].

S. N. Bibikov

MEZINE: «LA MAISON DES FETES» ET L'ENSEMBLE MUSICAL OSSEUX

Résumé

Au cours des fouilles du village paléolithique de Mézine, exécutées en 1955 par I. G. Pidoplitchko et I. G. Chovkoplias, on a découvert les ruines d'une maison construite principalement en ossements de mammouth. Sur le sol de cette maison on a trouvé, réunis en groupe, tout un ensemble d'os de mammouth coloriés (une omoplate, un fémur, un bassin, deux machoires inférieures, un fragment de crâne), ainsi qu'un bracelet formé de quatre disques en défense de mammouth, un marteau fait avec une corne de renne, etc. Sur le sol se trouvait même un amas d'ocre de couleur. Une analyse ap-

[33] *Крашенинников С.* Описание земли Камчатки, ч. III, IV, гл. XIV. О пирах и забавах камчатских. СПб., 1819, с. 153.

profondie de l'état des restes de cette maison et des objets qui y ont été recueillis, analyse exécutée par les méthodes les plus différentes — archéologique, paléontologique, archéologo-traçologique, d'expertise judiciaire, photo-analytique — a permis de tirer les conclusions suivantes: 1) La maison en ossements de Mézine a connu deux étapes d'utilisation: la première, quand elle a servi d'habitat normal, abandonné par la suite pour vétusté. La deuxième voit la réparation de la maison et sa nouvelle utilisation en qualité de dépôt d'ossements coloriés et autres objets liés à une activité économique. 2) D'après les traces d'utilisation et autres indices, il a été établi que les os coloriés de mammouth et les objets qui se trouvaient avec eux formaient un unique ensemble musical à percussion et bruissement. 3) Le bracelet-castagnette tintinnabulant témoigne que l'art de la danse était répandu dans la société de la fin du paléolithique en Europe orientale. L'auteur de l'article pense que les statuettes féminines de cette époque et de cette région, trouvées à Kastenok I, Gagarino et ailleurs, représentent des danseuses.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Оленеостровский могильник на Онежском озере, выдающийся по своей культурно-исторической значимости памятник, имеет длительную историю изучения, однако целый ряд вопросов, связанных как с культурно-хронологической, так и социально-структурной интерпретацией его обширных материалов, остается проблематичным [1]. Уточнение общей культурной позиции Оленеостровского могильника тесно связано с изучением круга его этнокультурных аналогий, в который можно включить, согласно современным данным, такие территориально удаленные, но культурно-стадиально близкие памятники, как Звейниеки (Латвия), Васильевка I и III (Днепровское Надпорожье), Олений остров Баренцева моря, а из западноевропейских — морбиганские могильники атлантического побережья Франции, Тевьек и Гоэдик [2]. В то же время выявление некоторых палеосоциологических закономерностей в структуре коллективов, оставивших Оленеостровский могильник, связано с привлечением определенных палеоэтнографических данных, касающихся семейно-социальной структуры аборигенных обществ [3].

Оленеостровский могильник содержит два крупных типа погребений — индивидуальные и совместные. Тип совместных погребений представляет особый интерес для нашей темы, являясь основным источником по особенностям половозрастных комбинаций погребенных, а также взаимным соотношениям этих комбинаций в пределах групповых комплексов и могильника в целом. Количество совместных погребений в могильнике весьма значительно: в северной, наилучшим образом сохранившейся, части более трети погребенных найдены в совместных захоронениях (более 40 чел. из 120, рис. 1). Рассмотрим их в следующей последовательности: совместные однополые погребения взрослых, совместные разнополые погребения взрослых, совместные погребения взрослого и ребенка, совместные погребения детей.

---

[1] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник.— МИА, № 47, 1956; *Панкрушев Г. А.* Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.— Л., 1964; *Филатова В. Ф.* Комплекс орудий Оленеостровской стоянки на Онежском озере.— КСИА АН СССР, № 126, 1971.

[2] *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975; *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966; *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973; *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967; *Шмидт А. В.* Древний могильник на Кольском заливе.— Кольский сборник, вып. 23. Л., 1930; *Гурина Н. Н.* Древние памятники Кольского полуострова.— МИА, № 172, 1973; *Pequart M.* et *S.-J., Boule M., Vallois H.* Teviec. Archives de l'Institut de Paléontologie humaine. Mémoire 18. Paris, 1937; *Pequart M.* et *S.-J.* Hoedic. Anvers, 1954.

[3] Сб.: Проблемы истории докапиталистических обществ (далее — ПИДО), кн. 1. М., 1968; Сб.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972; Сб.: Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975.

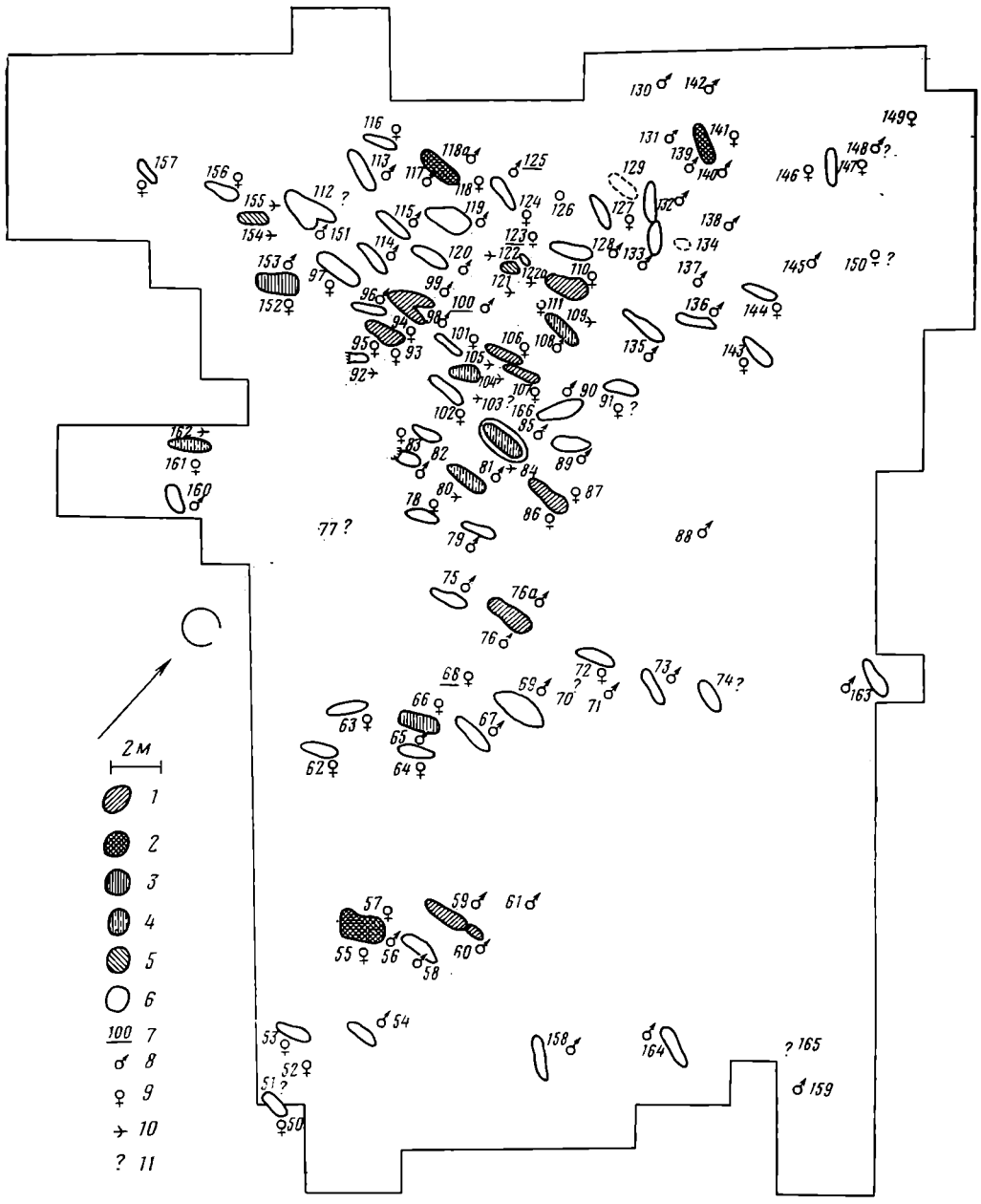


Рис. 1. Погребальные комплексы северной части Оленеостровского могильника. *1* — совместное однополое погребение, *2* — совместное разнополое погребение, *3* — двойное (парное) разнополое погребение, *4* — погребение взрослого и ребенка, *5* — совместное погребение детей, *6* — индивидуальное погребение, *7* — вертикальное погребение, *8* — мужчина, *9* — женщина, *10* — ребенок, *11* — взрослый неизвестного пола

Совместные однополые захоронения включают следующие комплексы (рис. 1, *1*). Двойное одновременное погр. № 110—111 в одной могиле: старуха и молодая женщина [4]. Двойное последовательное погребение в одной могиле: № 76—А, 76 — молодой мужчина и мужчина зрелого возраста, № 86, 87 — старуха и девушка [5]. Двойные последовательные погребения в разных могилах: № 60, 59 — двое мужчин зрелого возраста; № 98, 99 — двое мужчин зрелого возраста; № 106, 107 — женщина зрелого возраста и молодая женщина [6]. Групповое одновременное погре-

[4] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник..., с. 346, рис. 55.
[5] Там же, с. 318, 322, рис. 38, 39 и с. 326, 330, рис. 44.
[6] Там же, с. 306, 336, 344, рис. 28, 49, 53.

бсние в одной могиле: № 26—28 — трое взрослых мужчин [7]. Групповое последовательное (двухактное) погребение в одной могиле: № 95, 93—94 — девушка, позднее (одновременно) — молодая женщина и женщина возмужалого возраста [8].

Как следует из соотношения возрастов погребенных и последовательности захоронений, совершенных с тем или иным временным интервалом, предполагаемым по стратиграфическим данным и степени потревоженности костяков [9], около половины совместных однополых погребений разнопоколенны, а такие как № 86, 87 и 110—111 даже резко разнопоколенны. Близость возрастов можно предположить лишь для мужчин из совместных захоронений № 98, 99 и № 76-А, 76, погребенных через «сравнительно короткий промежуток времени», и не исключено для № 60, 59 (детальные сведения о возрастах мужчин из совместного погребения в южной части отсутствуют). Таким образом, перечисленные захоронения могут быть предположительно признаны принадлежащими одному поколению каждое.

Как можно предположить из соответствующих археолого-этнографических сопоставлений, структурно исходной формой совместного однополого погребения являлось, по-видимому, именно однопоколенное однополое захоронение. Действительно, именно такие выразительные комплексы можно обнаружить в составе древнейших из известных крупных мезолитических и неолитических могильников Украины, а также среди коллективных последовательных погребений днепро-донецких некрополей [10]. Истоки однопоколенности подобных совместных однополых погребений следует, очевидно, искать в древнейших формах подразделения первобытного коллектива на возрастные разряды, отражавшие производственно-бытовое, а также обрядовое и военное сплочение их членов, принадлежавших одному поколению. Фиксируясь по этнографическим данным с уровня, соответствующего эпохе мезолита, такие возрастные группировки оказываются своего рода стадиальной нормой для некоторых обществ охотников и собирателей [11]. Истоки однополости подобных двойных и групповых погребений можно, очевидно, обнаружить в нормах древнейшего полового сепаратизма, соблюдавшегося, в частности, в рамках так называемой «кровной» или «дородовой» общины, типичной для некоторых обществ, находящихся на уровне развития, соответствующем эпохе мезолита, и характеризующихся внутриобщинными половозрастными градациями [12]. Исходя из приведенных соображений относительно глубинных истоков обряда совместных однополых захоронений людей, принадлежащих к одному поколению, соответствующие оленеостровские

---

[7] Там же, с. 282, рис. 14; *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу. М., 1955, с. 311—315.

[8] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник..., с. 332, рис. 47, 48.

[9] Там же, с. 53—55.

[10] *Столяр А. Д.* I Васильевский мезолитический могильник.— АСб. ГЭ, 1959, № 1, рис. 3; *Телегин Д. Я.* Третий Васильевский могильник.— КСИА АН УССР, № 7, 1957, рис. 1; *его же.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, рис. 21, 27; *Телегін Д. Я., Жиляева С. І.* Дереївський неолітичний могильник.— Археологія, XVI, 1964, рис. 1, 4, 9.

[11] *Кабо В. Р.* История первобытного общества и этнография. (К проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии).— В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы; *Бахта В. М., Сенюта Т. В.* Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии.— Там же; *Калиновская К. П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. Автореф. канд. дис., Л., 1972; *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1968; *его же.* Проблема начального этапа родового общества.— ПИДО.

[12] *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты).— ПИДО, с. 116, 117, 128—133; *Маретин Ю. В.* Кочевые кубу Восточной Суматры и их место на ступенях эволюции общества.— В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы, с. 104. К сходной категории явлений относится, очевидно, и более поздний институт «братской семьи».— В сб.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 172, 195, 235, 253, 254.

погребения представляется возможным рассматривать как погребения братьев, состоящих в кровном либо классификационном родстве. Аналогичное предположение может быть высказано относительно соответствующих совместных однополых погребений могильников Васильевского I и III, структурных предшественников Оленеостровского могильника [13].

Какие социально-семейные трансформации могли привести к появлению обряда погребения в совместном однополом захоронении людей, принадлежавших к разным поколениям? Этот обряд погребения явился, очевидно, выражением процесса развития различных форм исчисления предкового («вертикального») родства, которое сопутствовало явлению прогрессивной консолидации членов одной семейной ячейки. Эта последняя, представлявшая достаточно вариабельное образование в рамках допредковой, «кровной» общины, практиковавшей счет родства по горизонтальным поколениям, переходила ко все большей стабильности состава своих членов в рамках общины «предковой», ведшей исчисление степеней вертикального, предкового родства [14]. Укреплению позиций предкового счета родства и становлению классических форм родовых отношений должно было способствовать также увеличение продолжительности жизни, возникновение возможности достаточно длительного, совместного существования людей, связанных узами кровного родства в пределах до трех поколений. Как можно заметить, в оленеостровских совместных однополых, разнопоколенных захоронениях присутствуют, в частности, и люди преклонного возраста. Можно предположить, что именно факт существования счета родства по «вертикальным» поколениям зафиксирован в обычае совместных разнопоколенных захоронений Оленеостровского могильника, сохраняющих, однако, такой архаичный признак, как однополость погребенных в них лиц (погр. № 110—111, №№ 86, 87, №№ 106, 107). Можно предположить существование соответствующей мужской и женской группировки родственников разных поколений, исчисление родства по «мужским» и «женским» поколениям, что основывалось на обычаях упоминавшейся архаичной половозрастной дифференцировки [15].

Генетическая вторичность обряда разнопоколенного однополого погребения по сравнению с однопоколенным однополым находит свое подтверждение в материалах упоминавшихся древнейших украинских могильников. Действительно, в позднемезолитических Васильевском I и III могильниках именно совместные однопоколенные, как однополые, так и разнополые, захоронения составляют структурное ядро памятника, тогда как в ранненеолитическом Васильевском II, Левобережных Вовнигах, а также днепро-донецких могильниках Вольненском и Дереивском однопоколенные погребения не являются основным обрядовым компонентом, отступая на второй план перед разнопоколенными, однополыми и разнополыми захоронениями [16].

Совместные разнополые захоронения составляют следующие комплексы (рис. 1, *2, 3*). Двойное одновременное погр. № 65—66 в одной могиле: старик и молодая женщина [17]. Парное одновременное погр. № 152—

---

[13] Васильевский I, совместные погребения мужчин-ровесников: №№ 3, 2—2-а, 8, 1, №№ 15—16, №№17, 18—18-а. Васильевский III, аналогичный вид погребений: №№ 12—38—37, №№ 34—36. Относительно совместных погребений женщин: №№ 1, 2 и №№ 6—5 возраст неизвестен.

[14] *Бутинов Н. А.* Ук. соч., с. 141—143; *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей.— ПИДО, с. 230—242.

[15] *Семенов Ю. И.* Проблема начального этапа родового общества.— ПИДО, с. 210—221.

[16] *Гохман И. И.* Ук. соч., с. 97, 129, табл. на с. 98; *Рудинський М. Я.* Перший Вовнизький пізньонеолітичний могильник.— АПУ, т. VI. Київ, 1956, рис. 4—8; *Кондукторова Т. С.* Палеоантропологічні матеріали вовнизьких пізньонеолітичних могильників.— МАУ, вып. 1. Київ, 1960, с. 67, 68; *Сурнина Т. С.* Палеоантропологический материал Вольненского могильника.— АСб., III, 1961; *Телегін Д. Я., Жиляева С. І.* Ук. соч., с. 154–169, рис. 1, 4, 9.

[17] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник..., с. 308, 312, рис. 32.

153 в одной могиле: мужчина и женщина, оба зрелого возраста [18]. Групповое («тройное») одновременное погр. № 55—57 в одной могиле: мужчина зрелого возраста и две молодые женщины [19]. Групповое последовательное погребение: без №,№ 118-А, 117, 118 в одной могиле взрослый неизвестного пола, мужчина взрослый, мужчина возмужалый, женщина «юношески-возмужалого» возраста [20]. Групповое последовательное (двухактное) погр. № 141, 139—140 в одной могиле: молодая женщина и двое стариков [21].

Групповые разнополые разновременные погребения по своей структуре весьма архаичны. Предположительно, они были в позднемезолитическом Васильевском I могильнике, хотя полной уверенности в этом нет из-за невозможности точного антропологического определения [22]. В Васильевском III могильнике их присутствие фиксируется с полной определенностью [23], хотя структуроопределяющим типом захоронений этого памятника по-прежнему остаются совместные однополые погребения. Групповые разнополые погребения весьма типичны для обширных коллективных могил днепро-донецких некрополей, являясь их существенным компонентом, тогда как для ранних могильников этой культуры (Марьевка) их ритуал и обрядовая структура близки позднемезолитическим [24].

Если в форме совместного однополого, однопоколенного погребения нашла отражение общественная структура, базировавшаяся на половозрастных однопоколенных группировках, проявилось взаимоотношение полов в пределах таких группировок, то в форме совместного разнополого, однопоколенного погребения должно было найти выражение межгрупповое взаимодействие разнополых однопоколенных индивидов, рассматривавших себя как однородовые сиблинги, братья и сестры [25]. Именно такая форма могла быть обрядовым воспроизведением архаичных семейных ячеек «братского» типа, а в своем разнопоколенном варианте могла отражать связь между матерью и детьми [26]. Наконец, именно групповое разнополое погребение лиц одного поколения явилось, очевидно, той исходной формой, из которой мог развиться обряд парного разнополого погребения, в своем первоначальном виде также, по-видимому, объединявший людей одного поколения и отразивший брачные разнородовые отношения между людьми близких возрастов. Таким образом можно предполагать, что групповое разнополое погребение явилось для практиковавших такой обряд коллективов своего рода переходной структурой между совместным однополым и парным разнополым захоронениями. Последним термином — парные разнополые захоронения — будет предпочтительнее именовать совместное погребение индивидов, между которыми предполагаются брачные отношения, в отличие от «двойного» разнопо-

---

[18] Там же, с. 378, 380, рис. 76.
[19] Там же, с. 302, рис. 27, 27-а.
[20] Там же, с. 352, 356, рис. 59, 60.
[21] Там же, с. 372, рис. 71.
[22] *Кондукторова Т. С.* Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I.– САн, 1957, № 2. Васильевский I, групповые разнополые (?) последовательные погребения — №№ 15—16, 11, 12-а, 12, №№ 20, 10, 19, №№ 21-а, 21 (№ 11, 20, 21 — предположительно женщины, остальные — мужчины).
[23] Васильевский III, групповые разнополые погребения: №№ 23, 24, 22.
[24] *Бодянський О. В.* Разкопки Марівського та Фёдорівського могильників в Надпоріжжі.— АПУ, т. VI. Київ, 1956, рис. 1. Групповое разнополое последовательное погребение: №№ 6—9 (№ 8 — женщина, остальные — мужчины).
[25] *Бутинов Н. А.* Ук. соч., с. 116, 117, 130, 132; *Гиренко Н. М.* Система терминов родства и система социальных категорий.— СЭ, 1974, № 6, с. 47—50.
[26] *Семенов Ю. И.* Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа).— СЭ, 1970, № 5, с. 61—63. Подобная «братская» семья, включающая брата (братьев) и сестру (сестер) с ее детьми, фиксируется этнографией как весьма архаичная форма для некоторых аборигенных племен, стоящих на низших ступенях развития.

лого погребения, между погребенными в котором предполагаются отношения по кровному либо классификационному родству.

Рассматривая в плане приведенных соображений групповые разнополые погребения Оленеостровского могильника, отметим, что по своему составу они весьма традиционны, поскольку содержат захоронения двух мужчин и одной женщины. Ничто не свидетельствует об особом общественном положении погребенных, очевидно, в обеих групповых могилах погребены лица, связанные принадлежностью к одной семье. В погребениях двух стариков (№ 139—140) с наибольшей определенностью можно видеть совместную могилу братьев. Аналогичное предположение, с некоторой долей условности, может быть отнесено и к последовательным погребениям мужчин (№ 118-А, 117). Погребение юной женщины, захороненной последней в этой групповой могиле, может быть интерпретировано двояко, что проистекает из упомянутого двойственного характера структуры группового разнополого погребения: погребенная может рассматриваться либо как сестра, либо как жена умершего ранее мужчины, очевидно, ее ровесника. Склоняясь к первому допущению, мы архаизируем обряд данного погребения, считаем его однородовым. Не исключая другого предположения, мы можем видеть в этом захоронении пример ранней формы парного разнополого («супружеского») погребения. Групповое погребение №№ 141, 139—140 резко разнопоколенно, однако можно предположить, исходя из сильной нарушенности женского костяка, похороненного первым, что это стратифицированное двухактное погребение разделял не один десяток лет. Следовательно, не исключено, что возраст погребенных мужчин и женщины был близок.

Особое положение в северной части памятника занимает могила с погребением мужчины зрелого возраста в сопровождении двух молодых женщин (№ 55—56—57), содержащая оригинальный инвентарь и входящая в состав группового территориального комплекса из четырех могил мужчин, также с оригинальным инвентарем (рис. 1, *2*). Названное захоронение [27] принадлежит к своеобразной серии так называемых «тройных» погребений, представляющих собой разновидность группового разнополого погребения: оно содержит погребение мужчины, отмеченное определенными признаками патриархальной доминантности, и двух женщин, одна из которых обычно занимает первенствующее положение [28]. В оленеостровском «тройном» погребении погребенная № 55 имеет рядовой инвентарь, погребенная № 57, помимо обильного набора амулетов-украшений, имеет фигурку змеи, а мужчина, занимающий центральное место в могиле, помимо сланцевых ножей и (амулетов?) украшений, имеет поделку в виде рукояти с головой лося. К «тройному» оленеостровскому погребению весьма близко «тройное» погребение из Кубенина, где мужчина и одна из женщин имеют оригинальный инвентарь охотничьего и культово-магического характера, а вторая женщина лишена инвентаря [29]. Весьма выразительно и «тройное» погребение из Оленеостровского могильника Баренцева моря [30]: это комплекс из соприкасающихся могил, содержащих погребение мужчины с многочисленным инвентарем (№ 1) и двух женщин (№ 2—3), причем ко второй могиле примыкала яма, очевидно, культового характера (№ 9) с останками кремации взрослого. Этот комплекс был окружен, подобно рассмотренному оленеостровскому, исключительно мужскими погребениями: двумя индивидуальными (№ 5, 8) и одним двойным, стратифицированным (№ 6, 4). В некотором отдалении от указанных могил располагалось также, оче-

[27] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник..., с. 302, рис. 27, 27 а.

[28] *Хлобыстина М. Д.* Могильник Черёмушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее.— СА, 1971, № 4, с. 32, 33.

[29] *Фосс М. Е.* Погребения на стоянке Кубенино.— Тр. ГИМ, т. VIII, 1938.

[30] *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова.— МИА, № 39, 1953, с. 405—407, рис. 3.

видно, мужское, судя по присутствию в нем «шаманской колотушки», погр. № 7. Характеристику этого группового территориального комплекса, содержавшего захоронения мужчин, одного из которых сопровождали две одновременно погребенные женщины (у одной из них — погр. № 3 — следы удара на черепе), заключим упоминанием о находке при мужском погр. № 8 навершия с головою лося, схематичного аналога южных оленеостровских. Таким образом, генетическая связь, отмечавшаяся Н. Н. Гуриной для обоих памятников, прослеживаемая по особенностям инвентаря и предметам искусства и культа, находит свое подтверждение в параллелизме некоторых ведущих черт погребального обряда.

В парном разнополом погребении (№ 152—153) мужчина сопровождался, помимо прочих изделий, крупным роговым «жезлом» с лосиной головой, тогда как при женском костяке лишь костяная проколка. Выразительны позы погребенных: женщина, захороненная, очевидно, насильственно, была повернута лицом в сторону мужчины, располагавшегося строго фронтально. Таким образом, обрядово-ритуальный комплекс признаков этого погребения содержит отчетливые черты неравнозначного положения погребенных и свидетельствует о существовании социальной стратификации. Являясь единственным парным разнополым погребением в северной части могильника [31], рассматриваемое захоронение по своей социологической характеристике близко к «тройному» погребению. Парное разнополое и «тройное» погребения Оленеостровского могильника представляют качественно новое явление на фоне существования таких структур, как совместные однополые и разнополые захоронения, являющиеся могилами рядовых членов коллектива. Отметим, что в древнейших позднемезолитических надпорожских могильниках Васильевском I и III парные разнополые погребения неизвестны. В ранненеолитических могильниках Васильевском II и Марьевском можно обнаружить единичные парные разнополые погребения, никак не выделяющиеся по своему ритуалу среди совместных однополых и разнополых захоронений (Васильевский II, погр. № 19, 18, №№ 23—24; Марьевский, погр. № 4, 5). В Оленеостровском могильнике Баренцева моря также имеется лишь одно такое захоронение (№ VII, VI) [32]. Таким образом, малочисленность парных разнополых погребений в названных мезонеолитических памятниках может служить показателем преобладания в оставивших их коллективах социальных связей, основанных на кровном и классификационном родстве, над брачной взаимозависимостью. Очевидно, брачная взаимозависимость в рамках малой семьи не обладала еще достаточно прочным общественным статусом, чтобы отразиться в широком распространении обряда парного разнополого погребения, получившего распространение лишь в культурах евразийского бронзового века.

Совместное одновременное захоронение старика и молодой женщины в погр. № 65—66, с обычным инвентарем, «за спиною» друг у друга, представляет, судя по всему, двойное погребение родственников. Об этом, как представляется, свидетельствует возраст погребенных, рядовой инвентарь, наконец, позы умерших, что в целом не типично для погребений людей, связанных брачной зависимостью, т. е. парных разнополых. Очевидно, перед нами разновидность группового захоронения.

Совместные погребения взрослого и ребенка представлены следующими захоронениями (рис. 1, *4*). В северной части могильника имеются два совместных погребения женщины и ребенка: групповое погр. № «А», 105, 103—104, совершенное трехактно (молодая женщина, ребенок в возрасте раннего детства и, одновременно, дети 6—8 и 9—11 лет) [33] и двой-

[31] Двойные (парные разнополые?) погребения южной части могильника №№ 5-6, №№ 8-9, №№ 13—14, №№ 46—47 не рассматриваются как сильно нарушенные и не имеющие точных половозрастных определений.

[32] *Шмидт А. В.* Ук. соч., с. 130, 167, рис. 15.

[33] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник..., с. 52, 54, 341, рис. 52.

ное погр. № 161—162, совершенное одновременно (молодая женщина и ребенок в возрасте раннего детства) [34]. В южной части могильника имеются также два погребения рассматриваемого вида: двойное погр. № 2, очевидно, одновременное (женщина (?) и ребенок «младенческого» возраста) [35], и аналогичное ему погр. № 3 [36]. Судя по характерному расположению детей в обоих погребениях южной части, а также их весьма раннему возрасту (длина костяка из погр. № 3 не превышала 0,5 *м*), эти захоронения могли принадлежать женщинам, похороненным с грудным либо новорожденным ребенком. Ненамного старше был и возраст ребенка из северного двойного захоронения. Таким образом, все три названные захоронения однозначны по своим обрядовым особенностям, отличаясь по составу погребенных от групповой могилы с четырьмя погребенными: № «А», 105, 103—104. Однако общей чертой всех этих погребений является их исключительность для погребального обряда могильника в целом, тем более что лишь одно групповое погребение сложилось в результате последовательного подхоранивания, тогда как все двойные погребения могли быть следствием не сознательных обрядово-ритуальных действий, но одновременной смерти матери и «младенца». Любопытно отметить, что подобно тому как «тройное» погр. № 55—56—57 сопровождала группа мужских захоронений, групповое погребение женщины с детьми сопровождала группа женских захоронений (№ 101, 102, 106, 107), что также подчеркивало его обрядовую исключительность.

В северной части могильника имеются следующие совместные погребения мужчины и ребенка: два двойных одновременных захоронения в одной могиле № 80—81 и 84—85, в обеих ребенок в возрасте II детства, мужчина зрелого возраста (№ 81) и мужчина возмужалого возраста (№ 85), а также групповое последовательное трехактное захоронение № «Б», 108 и 109 в одной могиле, содержащее кости взрослого субъекта, взрослого мужчины и ребенка в возрасте II детства [37]. Поскольку пол первого погребенного в групповой могиле неизвестен, то ее общая характеристика затруднительна; во всяком случае, показателен факт подхоронения ребенка к мужчине, что позволяет предположить между ними существование кровной родственной связи. Могилы с двойными захоронениями располагаются параллельно и содержат в отличие от групповой могилы погребения не рядового характера. Действительно, если в первом погребении инвентарь ребенка представлен лишь костяной проколкой, то мужчина сопровождается выдающимся инвентарем (колчан со стрелами, две лосиные головки, много украшений-амулетов). Во втором погребении ребенок вовсе лишен инвентаря, зато молодой мужчина сопровождается большим количеством вещей и украшений (четыре сланцевых ножа, три рыболовных крючка и пр.). Поскольку пол детей неизвестен, то можно только предполагать, не были ли это, согласно данным этнографии, девочки предподросткового возраста, призванные сопровождать мужчин в качестве «будущих жен». В таком случае обе могилы представляют собою скорее всего одну из ранних форм парного разнополого погребения с признаками стратификации погребенных. Значительность обоих погребений подчеркнута также их центральным местоположением относительно располагающихся вокруг них могил №№ 83, 82, 78, 79, №№ 86, 87, №№ 89, 90, 91 с погребениями взрослых мужчин и женщин, причем северо-западную часть этой своеобразной круговой территориальной композиции занимает упомянутый выше детско-женский комплекс с групповой могилой женщины и детей в центре (рис. 1).

---

[34] Там же, с. 382, рис. 79.
[35] Там же, с. 265, рис. 2.
[36] Там же.
[37] Там же, с. 322, 326, 344, рис. 41, 43, 54.

Погребения мужчины и ребенка, известные в целом ряде ранних культур, по своим палеосоциологическим характеристикам далеко не равнозначны. Так, можно выделить погребения лиц, очевидно, выдающегося общественного положения, в числе которых, назовем помимо двух оленеостровских, погр. № 50 Мариупольского могильника, погр. № 15—15-А Левобережных Вовнигов, погр. № 43—43-А Дереивского могильника, погребение в Криволучье, могилу «шамана» и ребенка № VIII—VIII-А из Оленьего острова Баренцева моря [38]. Характерно, что подобные погребения совершались одновременно, т. е. с насильственным захоронением ребенка, сопровождались выделяющимся среди прочих погребений могильника инвентарем, к ним нередко примыкали «сопровождающие» их захоронения взрослых (Дереивка, Северный Олений остров).

Не менее выразительна другая серия захоронений, чьи особенности подчеркивают не моменты социальной стратификации, но наличие «предковой», кровной связи между мужчиной и ребенком. Весьма показателен в этом плане могильник Васильевский III, сложившейся на рубеже мезолита и неолита. В нем находим равным образом как погребения женщин, так и погребения мужчин с ребенком, двойные и групповые (№№ 17, 16, №№ 20, 19, 18, №№ 27, 25, №№ 42, 41, 40) [39]. В раннеолитическом Васильевском II могильнике также можно отметить как детские и женские (№ 8, 9), так и детские и мужские (№ 12—13, № 27, 26) захоронения [40]. Аналогичная ситуация, как мы могли убедиться, наблюдается и в Оленеостровском могильнике (погр. № 108, 109). Из более поздних памятников можно назвать Балановский могильник, афанасьевские могильники Среднего Енисея, китойские Прибайкалья. В связи с тем, что в названных памятниках практиковалось подхоронение детей как к мужчинам, так и к женщинам, может быть поставлен вопрос о существовании билинейного исчисления родства в оставивших их коллективах. Судя по соответствующим этнографическим параллелям, билинейность оказывается присущей ранним этапам развития родового общества, являясь как бы промежуточной системой исчисления родства между древнейшей однолинейной материнской и более поздней, также однолинейной, материнской либо отцовской [41]. В определенном контрасте с названными памятниками находится группа могильников, погребения детей в которых осуществлялись либо исключительно при женщинах, либо исключительно при мужчинах: так, в древнеямных курганах Нижнего Поволжья и Калмыкии погребены, за редчайшим исключением, мужчины и дети (подростки), а в фатьяновских могильниках наблюдается тенденция концентрации мужских и детских могил, яркий пример чего представляет Воронковский могильник; в андроновских же могильниках, напротив, детские и мужские погребения отсутствуют, тогда как детские и женские присутствуют в изобилии [42]. Можно предположить, что в названных памятниках нашло отражение существование однолинейной, по женской или мужской линии, системы исчисления родства, что находит свои соответствия в упомянутых палеоэтнографических данных.

---

[38] *Гохман И. И.* Ук. соч., с. 164, 165; *Рудинський М. Я.* Ук. соч., с. 157; *Телегін Д. Я., Жиляева С. І.* Ук. соч., с. 158, 159, рис. 4; *Гольмстен В. В.* Погребение из Криволучья.— Сообщ. ГАИМК, 1931, № 6; *Шмидт А. В.* Ук. соч., с. 165—169.

[39] *Телегін Д. Я.* Василівський Третій некрополь в Надпоріжжі.— Археологія, XIII, 1961, рис. 1.

[40] *Гохман И. И.* Ук. соч., с. 96, 97.

[41] Сб.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 73, 76, 86; Сб.: Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974, с. 272, 280, 281, 291; *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976, гл. 6.

[42] *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины, с. 59—63; *Хлобыстина М. Д.* Древнейшие могильники Горного Алтая.— СА, 1975, № 1, с. 20—22; *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1968, табл. 3; *Кузьмина Е. Е.* Андроновские могильники на р. Байту (О некоторых деталях андроновского погребального обряда).— КСИА АН СССР, № 97, 1964, с. 47.

Совместные погребения детей находятся в следующих комплексах (рис. 1, *5*). Двойное одновременное погр. № 121—122 в одной могиле: два ребенка в возрасте I и II детства [43]. Двойное одновременное погр. № 154—155 в одной могиле: два ребенка в возрасте I и II детства [44]. К первому из названных захоронений примыкает могила с индивидуальным погребением ребенка в возрасте II детства (№ 122-А), составляя с ним совокупно небольшой территориальный комплекс (рис. 1). Как видим, число детских захоронений могильника настолько незначительно, что явно не отражает реальной детской смертности в первобытном коллективе эпохи рубежа неолита [45]. Это наводит на мысль о вероятности существования отдельного детского кладбища, обрядово равнозначного, но территориально отделенного от кладбища взрослых. Можно предположить, что детские сепаратные кладбища были присущи мезолитическим и неолитическим обществам, соответствуя практике бытования определенных половозрастных группировок. Действительно, в «эпипалеолитическом» Волошском могильнике, древнейшем из крупных мезолитических могильников Украины, Васильевском I, ранненеолитическом Марьевском погребения детей отсутствуют [46]. Васильевский III могильник сближает с Оленеостровским обычай подхоронения детей как к мужчинам, так и к женщинам, а общее незначительное количество детских погребений обоих могильников позволяет предполагать, что основная масса детей (и подростков) должна была захораниваться на отдельном кладбище. Традиция создания детских сепаратных кладбищ явилась весьма стойкой: могилы с коллективными детскими захоронениями, образующие единый комплекс, можно обнаружить в днепро-донецком Лысогорском могильнике, а для эпохи бронзы — в таджикистанском Тулхаре и андроновских памятниках от Зауралья до Среднего Енисея [47].

Индивидуальные погребения принадлежат к наиболее распространенному типу захоронений могильника [48] (рис. 1, *6, 7*). Все они принадлежат взрослым обоего пола (лишь № 92, 122-А — детские, в северной части), причем Н. Н. Гурина отметила немаловажное обрядовое обстоятельство, заключающееся в концентрации мужских, а также женских одиночных захоронений небольшими территориальными группами [49]. Примеры концентрации индивидуальных однополых захоронений на ограниченной территории охватывают весьма архаичную группу памятников, в которую входят прежде всего надпорожские украинские могильники. Так, группировка мужских и женских могил отмечена В. А. Даниленко для Волошского могильника; несомненно также размещение женских могил в центральной части, а мужских вокруг них в Васильевском III могильнике; концентрация одиночных мужских погребений в северо-западной, а одиночных женских в юго-восточной частях Дереивского могильника [50]. Можно предположить, что истоки обряда погребения в индивидуальных захоронениях, концентрирующихся в определенные территориально-групповые комплексы, соседящие с аналогичными комплексами, состоящими из погребений лиц иного пола, следует искать в формах брачных институтов периода существования дуально-родовой организации, когда группы мужчин и женщин имели коллективных брачных партне-

---

[43] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник..., с. 357, рис. 63.
[44] Там же, с. 380, рис. 70.
[45] Там же, с. 47, 48, табл. 5.
[46] *Даниленко В. Н.* Валошский эпипалеолитический могильник.— СЭ, 1955, № 3, рис. 1.
[47] *Бодянский А. В.* Лысогорский неолитический могильник.— КСИА АН УССР, № 11, 1961, с. 34, рис. 1; *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.— МИА, № 145, 1968, с. 45, 46, табл. II.
[48] *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник..., рис. 30.
[49] Там же, с. 45.
[50] *Даниленко В. Н.* Ук. соч., рис. 1; *Телегін Д. Я., Жиляева І. Э.* Ук. соч., рис. 4, 9.

ров в соответствующих соседних коллективах. Поскольку брак не был индивидуален на названной ступени развития раннеродовых отношений [51], не существовало побудительной причины объединения мужчины и женщины в парном разнополом захоронении. По мере развития внутриродовых отношений появлялись соответствующие социальные стимулы к возникновению обряда совместного погребения, в котором нашли выражение как возросшая консолидация членов коллектива, так и стойкая регламентация деления его на половозрастные категории. В материалах Оленеостровского могильника можно видеть органическую совокупность обрядов индивидуального и совместного захоронений, что отражало, очевидно, определенный этап развития семейно-социальных отношений в переходную эпоху рубежа мезолита и неолита.

По своим обрядовым особенностям Оленеостровский могильник входит в группу архаичных памятников эпохи позднего мезолита — раннего неолита, к которым относятся могильники Васильевский I—III, Марьевский, Звейниеки, а из далеких восточных аналогов — китойский «Циклодром» [52]. Среди западных памятников существенные обрядовые параллели могут быть проведены между Оленеостровским могильником и французскими могильниками рубежа неолитической эпохи Тевьек и Гоэдик, расположенных на островах атлантического побережья, близ устья Луары, и имеющих существенные антропологические аналогии с поднепровскими Васильевскими могильниками [53]. Изучение обрядовых особенностей названной группы памятников тесно связано с выявлением многих существенных признаков семейно-социальной структуры как мезолитической и неолитической эпохи, так и эпохи бронзы.

M. D. Khlobystina

QUELQUES QUESTIONS CONCERNANT L'INTERPRETATION PALEOSOCIOLOGIQUE DU CHAMP FUNERAIRE D'OLENI OSTROV

Résumé

Le champ funéraire d'Oléni Ostrov, situé sur le lac Onéga, est un site exceptionnel pour étudier les structures sociales et familiales propres à un groupe de collectivités archaïques, qui ont laissé des monuments tels que les champs funéraires de Vassilievski I et III, de Marievski (région du Dniepr inférieur), de Zveinieki (Lettonie) celui qu'on appelle «Le cyclodrome» (région du Baïkal), et Téviec et Hoedic, en France. Ils datent tous de la fin du mésolithique début du néolithique, et sont caractérisés par un ensemble déterminé des caractères du rite funéraire. Dans le champ funéraire d'Oléni Ostrov on distingue les ensembles sépulcrales suivants: les tombes collectives de personnes du même sexe (fig. 1, 1); les tombes collectives d'hommes et de femmes (fig, 1, 2); les tombes communes d'un adulte et d'un enfant (fig. 1, 4), et celles collectives d'enfants (fig. 1, 5); et les tombes individuelles d'adultes des deux sexes (fig. 6, 7). Le type des inhumations collectives occupe la place la plus importante dans l'étude des anciens cimetières; on peut y distinguer, outre les sépultures susnommées de personnes d'un ou des deux sexes, qui sont les plus archaïques par leur rite, des sépultures plus tardives de deux personnes de sexe différent et de trois personnes (fig. 1; №№ 152-153, №№ 55-57). Les différences entre les sexes et les âges qui existaient dans les collectivités archaïques au mésolithique — analogues aux actuelles structures aborigènes — ont trouvé leur expression dans ces très anciennes coutumes d'inhumer des personnes du même sexe ou de sexe différent dans des tombes collectives. Dans l'usage d'enterrer ensemble un homme avec une ou deux femmes se reflètent les signes d'une stratification sociale à son étape initiale. Dans l'habitude d'inhumer des enfants aussi bien avec des femmes qu'avec des hommes, dans un seul et même champ funéraire, s'exprime la double filiation dans le calcul du degré de parenté. La concentration en petits groupes de tombes individuelles selon le sexe reflète les plus anciens rapports existant entre les couples dans le cadre de l'organisation dualiste tribale.

[51] *Семенов Ю. И.* Проблема начального этапа..., с. 197—201.

[52] *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск, 1974.

[53] *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов, с. 27, 112.

Л. И. АВИЛОВА

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Погребальные памятники трипольской культуры изучаются с 80-х годов прошлого века, когда в ходе раскопок курганов Северного Причерноморья были впервые открыты захоронения с расписной керамикой. Однако до настоящего времени материалы погребений мало привлекались для таких проблем, как локальное членение трипольской культуры и ее хронология,— эти вопросы решались почти исключительно на материалах поселений. Для периода позднего триполья Среднего и Нижнего Днестра, Северного Причерноморья, Среднего Днепра имеется обширный, разнообразный и богатый материал по погребальному обряду.

В задачи данной работы входит возможно более полный учет всех имеющихся материалов по позднетрипольским погребениям, их анализ с точки зрения локальных особенностей, картографирование намеченных типов погребальных памятников с целью уточнения границ выявленных ареалов.

Первые находки были сделаны в курганах Нижнего Поднестровья И. Я. Стемпковским и опубликованы В. И. Гошкевичем [1]. Затем последовали раскопки Г. Я. Скадовского [2], Д. Я. Самоквасова [3], Д. М. Щербаковского [4], Е. А. Зноско-Боровского [5], В. Н. Доманицкого и А. А. Спицына [6] и А. В. Добровольского. Последний впервые отметил сходство сосудов из погребений и трипольской керамики [7].

Систематическое изучение позднетрипольских могильников начинается с 1926 г. Проводившие раскопки усатовских курганов М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лагодовская считали найденные комплексы трипольскими по происхождению [8]. Более подробно вопросы культурной принадлежности и датировки известных к тому времени позднетрипольских погребальных комплексов были рассмотрены в монографии Т. С. Пассек [9]; курганы

---

[1] *Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903.

[2] *Скадовский Г. Я.* Белозерское городище Херсонского уезда Херсонской губернии.— Тр. XVIII АС, т. III, 1897, с. 118.

[3] *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908, с. 21.

[4] *Щербаковский Д. М.* Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний.— АЛЮР, т. I—II, 1905, с. 8—10.

[5] *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. СПб., 1901, т. III, с. 143.

[6] *Доманицкий В. Н.* Курганы у села Колодистое.— АЛЮР, т. II, 1900, с. 165, 181; *Спицын А. А.* Раскопки курганов близ села Колодистого Киевской губернии.— ИАК, вып. 12, 1902, с. 83, 84.

[7] *Добровольский А. В.* Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка.— ЗООИД, т. 32, 1915, с. 134—142.

[8] *Болтенко М. Ф.* Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков.— ВОКК, вып. 2—3, 1925, с. 48—64; *Селинов В. И., Лагодовская Е. Ф.* Раскопки Одесского государственного историко-археологического музея под Одессой в 1936 году.— СА, V, 1940, с. 258, 259.

[9] *Passek T.* La céramique Tripollienne.— ИГАИМК, № 122, 1935.

Поднестровья и юга Украины отнесены ею к территориально-хронологической группе γ II, которая соответствует южному ареалу позднего триполья. Эти положения Т. С. Пассек вызвали полемику. Е. Ю. Кричевский, Е. Ф. Лагодовская и А. Я. Брюсов сочли усатовские памятники отдельной культурой, генетически слабо связанной с трипольем [10]. Т. С. Пассек в более поздних работах отстаивает свои положения и периодизацию, подчеркивая культурное единство северного и южного ареалов, и в то же время предлагает более дробное деление позднетрипольской территории на Днестровскую с примыкающей Южнобугской, Днепровскую (куда входит и Волынь), Севернобугскую и усатовскую локальные группы памятников [11].

Схема территориального членения позднего триполья окончательно сложилась, когда стали известны памятники Среднего Днестра и Среднего Днепра. Т. С. Пассек выделяет впоследствии уже шесть локальных групп: Киево-Софиевскую с обрядом трупосожжения; Городско-Волынскую, Южнобугскую, Верхнеднестровскую, Среднеднестровскую с обрядом трупоположения в бескурганных могильниках и усатовскую с трупоположением под курганами. Заметим, что в этой схеме не учтена двуобрядность Усатова. Наличие в Усатове грунтовых погребений, аналогичных выхватинским комплексам, противоречит представлению о замкнутости перечисленных локальных групп. Отметив сходство инвентаря выхватинских и усатовских погребений [12], Т. С. Пассек не придала значения тому, что сходство прослеживается и в обряде.

Т. Г. Мовша, исследовавшая трипольские погребения с обрядом трупоположения, принимает территориальные варианты, выделенные Т. С. Пассек, и в основном концентрирует внимание на деталях обряда отдельных могильников [13]. Более полная сводка Э. Ф. Патоковой касается погребального обряда усатовских курганов [14].

В последние годы в археологической литературе все более обнаруживается тенденция не ограничиваться выделением и разграничением ареалов, вычленяемых по тем или иным особенностям материальной культуры, но также попытаться оценить относительную значимость этих ареалов. Так, наряду с традиционным понятием «археологическая культура» предлагается термин «культурно-историческая общность», подразумевающий более крупные образования. Думается, что и более мелкие членения — варианты, выделяемые в составе археологических культур, также должны рассматриваться дифференцированно. При этом особое внимание должно уделяться не наиболее мелким образованиям, отражающим чисто локальные различия, а более крупным общностям, могущим уже отражать наличие различных этнических компонентов или хозяйственно-культурные различия.

Примером подобного подхода может служить работа Т. Г. Мовши о северных памятниках позднего триполья, в которой автору удалось выделить обширную группу однотипных поселений, образующих единое культурно-хронологическое целое [15]. В статье В. А. Дергачева о тираспольских курганах автор на основе анализа керамики поселений и кур-

---

[10] *Кричевский Е. Ю.* К вопросу исчезновения трипольской культуры.— МИА, № 2, 1941; *Лагодовська О. Ф.* Проблеми усатівської культури.— НЗІІА, кн. I, 1943, с. 65; *ее же.* Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України.— Вісник АН УРСР, 1947, № 6, с. 56; *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, с. 228—250.

[11] *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10, 1949, с. 189.

[12] *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА, № 84, 1961, с. 175.

[13] *Мовша Т. Г.* К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения.— МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960.

[14] *Патокова Э. Ф.* Обряд погребения усатовских курганных могильников.— ЗОАО, т. II—XXXV, 1967.

[15] *Мовша Т. Г.* О северной группе позднетрипольских памятников.— СА, 1971, № 1.

ганов Нижнего Днестра прослеживает три линии культурного развития позднего триполья и делит его ареал на три крупных региона — Западный, Южный и Северный [16].

Среди позднетрипольских погребений известны как трупоположения, так и трупосожжения. Трупоположения бывают вытянутыми или скорченными, трупосожжения встречаются в урнах и без них. Уже по этим наиболее общим признакам трипольские погребения могут быть разделены на две зоны — Северную (Днепровскую) с преобладанием обряда трупосожжения, и Южную, где известны только трупоположения. В последнюю зону входят памятники Правобережной Украины и Молдавии.

Откуда могла появиться в позднем триполье традиция трупосожжения — ответить пока не удается; в соседних синхронных культурах этот обряд также не встречается. Предположение Ю. Н. Захарука об автохтонном возникновении этого обряда в период развитого триполья (В) остается пока наиболее вероятным [17].

Трипольские погребения с трупоположениями можно сопоставить с материалами из могильников соседних культур. Для днепро-донецкой культуры характерно вытянутое на спине трупоположение. Появление подобных погребений в Днепровском регионе позднего триполья (Чапаевка) иногда объясняют контактами с этой культурой [18]. Скорченные на спине, а иногда на боку трупоположения распространены в культуре Средний Стог, синхронизируемой с этапами В и С триполья. Погребальный обряд данной культуры сходен с позднетрипольским по целому ряду признаков — среднестоговские погребения ориентированы на восток, север, северо-восток; иногда они находятся под каменными закладками [19]. Немногочисленные погребения степного энеолита типа Осокоровки и Золотой Балки также совершены скорченно на спине в каменных кромлехах [20].

Рассмотрим названные регионы более подробно. В Поднепровье известны только грунтовые могильники. Один из них — Чапаевка — наиболее ранний по времени, содержит вытянутые на спине трупоположения. Ориентированы они головой на запад, с небольшими отклонениями, руки у погребенных вытянуты вдоль тела. В 11 погребениях из 31 (35%) содержится инвентарь. Сосуды располагаются у головы [21].

Более поздние погребальные памятники — грунтовые могильники у сел Софиевка, Чернин, Красный хутор, Заваловка [22] — синхронизируются с Выхватинцами [23]. Все эти могильники содержат трупосожжения как в урнах, так и без них, причем соотношение урновых и безурновых захоронений сильно колеблется (Красный хутор соответственно 101 и 94 погребения, Софиевка — 39 и 102). Следов могильных ям не обнаружено ни в одном из них. Сожжения в основном производились на стороне, а кальцинированные кости собирались в урны или в маленькие ямки. Инвентарь не имеет следов огня, видимо, вещи помещались в урну или в ямку вместе с прахом.

---

[16] *Дергачев В. А.* Позднетрипольские курганы Тираспольщины.— АИМ. Кишинев, 1974. Автор пользуется случаем выразить благодарность В. А. Дергачеву, материалы из раскопок которого используются в статье.

[17] *Захарук Ю. М.* До питання про обряд поховання населення трипільської культури в Середньому Подніпров' І.– НЗІСН, т. І, 1953.

[18] *Круц В. А.* Население Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, Автореф. канд. дис. Киев, 1972, с. 9.

[19] *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973, с. 102—104.

[20] *Рибалова В. Д.* Могильник епохи бронзи в с. Осокорівці.— АП, т. IX, 1960; *Вязьмітіна М. І.* Могильник епохи бронзи біля с. Золота Балка.— АП, т. X, 1961.

[21] *Круц В. А.* Ук. автореф. канд. дис., с. 9.

[22] *Захарук Ю. М.* Софіївський тілопальний могильник.— АП, т. IV, 1952, с. 56; *Канівець В. І.* Могильник епохи міді біля с. Чернина на Київщині.– АП, т. VI 1956; *Даниленко В. М., Макаревич Л. М.* Червонохуторській могильник мідного віку з трупоспаленням.– АП, т. VI, 1956.

[23] *Збенович В. Г.* Хронологія пізнього трипілля, табл. І.

Наличие инвентаря можно подсчитать на примере полностью опубликованного Краснохуторского могильника. Всего могильник Красный хутор содержит 195 погребений, инвентарь найден в 34 из них (13%), причем керамика — в семи погребениях (4%). Таким образом, погребальные памятники Днепра выделяются прежде всего распространением обряда трупосожжения в грунтовых могильниках, а также отсутствием каменных сооружений и преобладанием безынвентарных захоронений.

В Южном регионе известен лишь обряд трупоположения. В работе учтено 149 погребений. В силу большей сложности обряда этих погребений по сравнению с трупосожжением обряд данного региона нуждается в более детальном описании.

Следует отметить, что не весь материал освещен в публикациях равноценно. В целях дать сопоставимое сводное описание всех комплексов я ограничиваюсь следующими наиболее важными признаками, на основании которых составлена табл. 1.

Тип обряда — погребение в кургане или в грунтовой могиле. Учтенные разновидности положения костяка сводятся к вытянутым (всегда на спине) и скорченным на правом или левом боку и на спине. Ориентировка костяка характеризуется по восьми направлениям. В разделе «Характер погребения» указываются случаи одиночных, парных, групповых и расчлененных захоронений.

Погребальные сооружения — их материал и конструкция. Из каменных сооружений учитываются кромлех, каменная закладка, оградка, плиты (одна или несколько), отдельные камни. Если в грунтовых могильниках кромлех воздвигался для одного, редко двух погребений (Выхватинцы), то в курганах он опоясывал всю насыпь, обычно замыкая в своем кольце все погребения данного кургана (Усатово). В некоторых погребениях встречаются одновременно несколько видов каменных конструкций, в особенности это касается каменных плит перекрытия. В таких случаях отмечается как самостоятельное их употребление, так и сочетание с каменной закладкой над перекрытием. Оградка из поставленных на ребро плит — явление редкое, относящееся к оформлению культовых ям (Усатово, кург. II—2, яма 5), и к погребениям (Усатово, кург. I—9, центральное погребение, кург. II—2, погр. 4).

Фиксируются и отдельные камни, которые чаще всего встречаются в заполнении ямы. Особо отмечаются постройки в виде купола в кургане I—11 и II—12 в Усатове. Учитывается использование дерева для перекрытия погребальных ям, правда, это прослеживается редко, возможно, в связи с плохой сохранностью дерева.

Известны также остатки культовых церемоний, связанные с религиозными представлениями древнего населения. Это культовые ямы. Кроме наличия самой ямы характерно ее расположение по отношению к погребению. Однако учитывать этот признак не всегда удается, так как часто трудно определить количество ям, принадлежащих одному погребению, или понять, к какому погребению они относятся. Исключение составляют могильники Данку I и Данку II, где погребения располагались в виде розетки вокруг центральной культовой ямы, а каждой погребальной яме соответствовала одна-две культовые. В ряде могил прослеживается использование огня при совершении погребения. Следы огня отмечаются в заполнении могильной ямы, на ее стенках, на самом костяке, на перекрытии. Известно и использование белой глины, мела и угля для посыпания дна ямы; охрой обычно посыпается покойник — ее следы встречаются на костях черепа и ног, а не в виде подсыпки на дне ямы. Крайне редко встречаются в погребениях кости животных. В графе «Вид захоронения» различаются погребения в яме, в насыпи кургана, на древнем горизонте, на уровне материка. Для грунтовых могильников особо отмечается погребение в грунте без прослеженных следов могильной ямы. Размеры и глубины ям отмечаются в публикациях и отчетах да-

Таблица 1

Тип обряда	Памятник		Положение				Ориентировка						Характер погребения				Сооружения						
				скорченное													каменные						
			вытянутое	левый бок	правый бок	спина	С—СВ—В	ЮВ	Ю	ЮЗ	СЗ	З	одиночное	парное	коллективное	расчлененное	кромлех	закладка	отдельные камни	плиты	оградка	купол	деревянные
Грунтовый	Выхватинцы Голерканы, Гармацкое	Кол-во		30	5	5	38	5	2	2	4	1	65	1			14	3	13	2			
		%		75	13	13	73	9	4	4	8	2	98	2			44	9	41	9			
	Данку I—II	Кол-во		10			8	2					10										
		%		100			80	20					100										
	Усатово I—II	Кол-во		7		1	11					1	14	2	1	1	1	11	3	8			
		%		88		12	92					8	70	10	5	5	6	61	16	44			
Курганный	Тираспольские курганы	Кол-во	6	6	5	1	11	1	6	1			15		1		3	1	7				1
		%	33	33	28	6	58	5	32	5			94		6		27	12	88				5
	Днестро-Дунайские курганы	Кол-во		5	1	4	9	1		3	1		19	1			7	2	2	2			3
		%		50	10	40	65	7		21	7		95	5			29	33	33	33			13
	Усатово I—II	Кол-во		18	2	9	22	1	1		1		28	6		3	16	19		22	5	2	2
		%		62	7	31	88	4	4		4		62	13		8	89	44		51	5	11	4
	Побужские курганы	Кол-во	2	2	2	3	6	3		1			5	3			5						1
		%	22	22	22	33	60	30		10			62	38			83						9

Вид захоронения																		Инвентарь и его расположение						Инвентарные погребения, %
В яме																								
форма					ориентировка																			
прямоугольная	овальная	с коридором	с ровиком	СВ—ЮЗ	В—З	С—Ю	ЮВ—СЗ	в грунте (насыпи)	на горизонте	на материке	Культовые ямы	Следы огня	Охра	Мел, белая глина	Уголь	Кости животных	керамика	в изголовье	в ногах	у плеч	у рук	вдоль тела	
5 33	10 67			7 41	3 18	6 35	1 6				4 7		4 7	4 7	3 5		56 86	35 83	28 67		3 7	10 24	86
10 100				8 80			2 20				10 100	4 40	1 10		3 30		10 100	8 80	5 50		1 10	4 40	100
5 50	5 50			2 25	4 50	1 13	1 13	2 10	4 20	1 5	10 50	3 15	6 30		1 5		14 70	6 60	6 60			1 10	70
				1 5				4 22	7 39	2 11			2 10		1 5		13 68	7 78		1 11		1 11	74
9 69	4 31			4 57	3 43			2 12			2 8						12 50	1 25	2 50	1 25			58
8 57	2 14	3 21	1 8	8 80	1 10	1 10			4 13		14 31	2 4	4 8	1 2		2 4	35 78	5 100	3 60			1 20	84
									2 50			2 18	3 27			2 18	3 27						36

леко не всегда, а имеющиеся данные не дают возможности использовать этот признак для территориального членения. Форма ямы бывает прямоугольной (наличие закругленных углов в таблице не указывается) или овальной, включая неправильно-овальные ямы. Очень редки ямы с коридором-дромосом (Усатово, кург I—3 и I—2) и ровиком (Усатово, кург I—1). Ориентировка ям определяется по странам света без учета незначительных отклонений.

В последний раздел входит краткая характеристика инвентаря, сопровождающего захоронение. Указывается процент инвентарных погребений, а также процент погребений, содержащих керамику как наиболее часто встречающуюся категорию вещей. Кроме количества в таблице отражено еще и расположение сосудов относительно костяка, так как оно могло определяться обрядовыми соображениями.

Имеющиеся данные по половому и возрастному составу погребенных при сопоставлении с особенностями погребального обряда никаких закономерностей не обнаруживают. Таким образом, несмотря на известную обобщенность описания, мы располагаем достаточно представительным набором сопоставимых признаков.

Сравнивая известные данные (табл. 1), можно заметить большое единообразие погребального обряда на территории Правобережной Украины и Молдавии. В этом регионе распространен обряд трупоположения как в грунтовых, так и в курганных могильниках. Как при том, так и при другом типе обряда широко используются различные виды каменных сооружений; в курганах их — 30—90%, в грунтовых могильниках — 50—90%. Наиболее характерные виды сооружений в обоих случаях — кромлех, закладка, плиты и отдельные камни в погребениях. Исключение составляет грунтовый могильник Данку I—II, но поверхностный слой почвы здесь уничтожен при строительных работах, и вместе с ним могли быть разрушены и надмогильные сооружения.

Положение покойников обычно скорченное (70—100%), чаще всего на левом боку, особенно в грунтовых могильниках (75—100%). В курганах чаще встречаются погребения на правом боку (20—30%), скорченно на спине (30—40%) и вытянуто на спине (20—30%). Это последнее положение встречается лишь в Тираспольских и Побужских курганах. Однако и здесь преобладают погребения скорченно на левом боку (20—60%).

Ориентированы погребенные в основном на северо-восток (60—90%). В Тираспольских, Побужских и Днестро-Дунайских курганах представлено также южное, юго-восточное и юго-западное направления (20—30%). Погребения чаще всего одиночные; совершены в ямах (65—100%), встречаются захоронения в насыпи курганов, грунтовые (яма не прослежена), и на древнем горизонте (20—40%). Ямы прямоугольной формы с закругленными углами (30—100%) и овальные (10—70%). Ориентированы в основном СВ — ЮЗ (25—80%) и В — З (10—50%).

Довольно частое явление в погребальных памятниках — культовые ямы (10—100%). Встречаются следы использования огня в погребальной церемонии (4—40%) и посыпка охрой, углем, мелом. Кости животных отмечаются редко (2—30%).

Позднетрипольские погребения обычно сопровождаются довольно богатым инвентарем, основной категорией вещей является керамика (сосуды содержатся в 30—100% погребений). Сосуды размещаются чаще всего в головах (25—80%) и в ногах погребенного (30—50%).

Анализ учтенных признаков показывает, что в пределах Южного региона погребальный обряд обнаруживает значительное единообразие. Этому на первый взгляд противоречит наличие на данной территории как курганов, так и грунтовых могильников. Однако сосуществование обеих форм погребального обряда в пределах одного могильника (Усато-

во) [24] является еще одним аргументом в пользу единства позднетрипольского погребального обряда Южного региона. Эта особенность Усатовского могильника свидетельствует о том, что тип погребения (курганный или грунтовый) не может служить основанием для территориального членения погребальных комплексов, и попытки, делавшиеся в этом направлении [25], нельзя считать удачными. Кроме того, в тех случаях, когда курганные и грунтовые могильники существуют раздельно, они не всегда настолько удалены друг от друга, чтобы относить их к различным территориальным группам (Выхватинцы и Тираспольские курганы, курган и грунтовое погребение у с. Тудорово) (рис. 1).

Попытаемся проследить истоки позднетрипольского погребального обряда. Более ранние трипольские погребения известны, хотя их и немного.

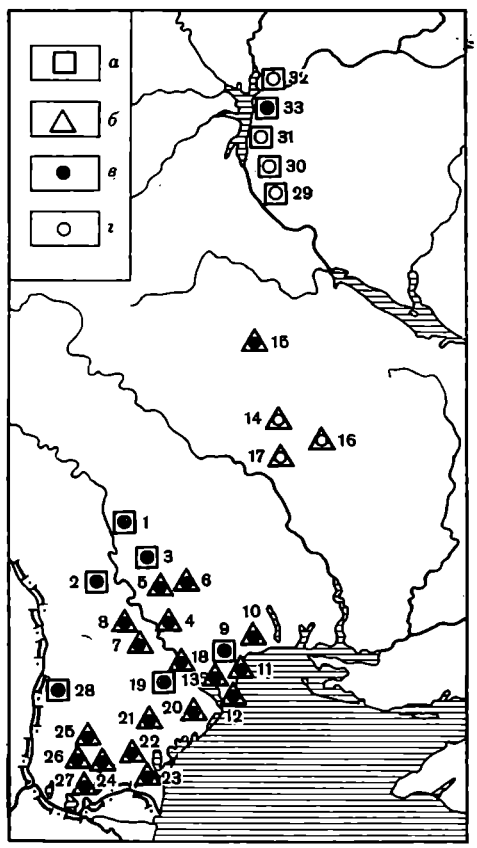


Рис. 1. Погребальные памятники позднего триполья. *а* — грунтовые могильники; *б* — курганы; *в* — трупоположения; *г* — трупосожжения. *1* — Выхватинцы; *2* — Голерканы; *3* — Гарматское; *4* — Суклея; *5* — Красногорка; *6* — Плоское; *7* — Парканы; *8* — Терновка; *9* — Усатово (грунтовый могильник); *10* — Усатово (курганный могильник); *11* — Слободка-Романовка; *12* — Николаевка; *13* — Ефимовка; *14* — Ермолаевка; *15* — Колодистое; *16* — Ольшанка; *17* — Серезлиевка; *18* — Тудорово (курган); *19* — Тудорово (грунтовое погребение); *20* — Шабалат; *21* — Сарата; *22* — Борисовка; *23* — Нерушай; *24* — Суворово; *25* — Огородное; *26* — Болград; *27* — Утконосовка; *28* — Данку; *29* — Софиевка; *30* — Красный хутор; *31* — Заваловка; *32* — Чернин; *33* — Чапаевка

Для этапа А — это захоронение ребенка в Луке-Врублевецкой [26] и скорченное мужское погребение в Солончены [27]. Для этапа В — скорченное трупоположение в Незвиско [28] и трупосожжения в урнах в Петренах и Крутобородинцах [29]. В Среднем Поднепровье в это время известны трупоположения — вытянутое (Щербаневка) и скорченное (Веремье) и тру-

[24] *Патокова Э. Ф.* Раскопки позднетрипольского могильника в Усатове в 1976 г.— Доклад на Археологической конференции, посвященной итогам полевых исследований (Москва, март 1976 г.).

[25] *Мовша Т. Г.* К вопросу о трипольских погребениях...

[26] *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре.— МИА, № 38, 1953, с. 194.

[27] *Мовша Т. Г.* К вопросу о трипольских погребениях..., с. 60—62.

[28] *Черныш Е. К.* Вновь открытое погребение у с. Незвиско на Днестре.— МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 77—79.

[29] *Хвойка В. В.* Раскопка площадок в селе Крутобородинцах Летичевского уезда Подольской губернии и вблизи села Веремье Киевской губернии. Древности.— ТМАО, т. XXII, № 2, 1909, с. 284; *Штерн Э.* Доисторическая греческая культура на юге России.— Тр. XIII АС, т. I, 1907, с. 16, 17.

посожжения (Веремье) [30]. В начальный период позднего триполья (CI по Т. С. Пассек) известны захоронения пережженных человеческих костей под полом жилищ в Кунисовцах и Кошиловцах [31], этим же временем датирует Т. Г. Мовша скорченное погребение в Коломийщине [32].

Обычно исследователи считают подобные погребения в жилищах и на поселениях культовыми, связанными с идеями плодородия. Но скорее всего мы здесь сталкиваемся с таким периодом развития погребального обряда, когда поселение и место захоронения еще не разграничивались. Примером может служить культура Средний Стог, где захоронения производились непосредственно на территории поселений.

Таблица 2

Северный регион	Средний Днестр	Нижний Днестр	Причерноморье	Южный Буг	Дунай	Прут	Румыния
.....	Северная локальная группа					Данку	Городиштя-Фолтешти I
Софиевский тип	Выхватинцы	Тираспольские кург.	Усатово	Побужские кург.	Дунайские кург.		
Чапаевка							

Таким образом, в периоды B и CI можно зафиксировать следующие формы погребального обряда: на Среднем Днепре — трупоположение, как скорченное, так и вытянутое, и трупосожжение без урны; на Верхнем Днестре — скорченное трупоположение и трупосожжение без урны; на Среднем Днестре — трупосожжение в урне; в верховьях Южного Буга — трупосожжение в урне. Следовательно, в триполье не существует единого погребального обряда начиная с периода B, уже в это время известны все те его разновидности, которые получают распространение в позднем периоде CII. Однако преемственности между погребальным обрядом одних и тех же территорий не обнаруживается.

Позднетрипольские погребальные памятники не одновременны. Тем более существенно, что в их обряде прослеживается значительное единообразие. Почти все учтенные комплексы суммарно датируются периодом CII — γII по периодизации Т. С. Пассек. По отдельным памятникам имеются данные, позволяющие рассматривать их датировку более конкретно. Представляется небезынтересным свести эти данные в синхронистическую табл. 2.

Наиболее ранним погребальным памятником Северного региона, как уже упоминалось, является Чапаевка (CI по периодизации Т. С. Пассек), которую сменяют могильники софиевского типа. Их верхняя граница к настоящему времени четко не установлена.

Самый ранний памятник Южного региона — Выхватинский могильник [33]. Памятники Усатова более поздние, с ними синхронизируются и Тираспольские курганы [34], но к датировке последних следует подходить

---

[30] *Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья. Киев, 1913, с. 15, 16.

[31] *Кравец В. П.* Изучение позднетрипольских памятников в Верхнем Поднестровье.— КСИА АН УССР, № 4, 1955, с. 134.

[32] *Мовша Т. Г.* К вопросу о трипольских погребениях..., с. 65.

[33] *Мовша Т. Г.* О северной группе позднетрипольских памятников, с. 34; *ее же.* Періодізація та хронологія середнього та пізнього трипілля.— Археологія, 1972, № 5, с. 48; *Збенович В. Г.* Хронологія пізнього трипілля.— Археологія, 1972, № 7, с. 65.

[34] *Дергачев В. А.* Ук. соч., с. 265.

более осторожно, так как в кургане 204 у с. Красногорка были найдены две антропоморфные статуэтки, по типу переходные от «реалистических» выхватинских к стилизованным усатовским. Это дает основание считать данный комплекс более ранним, чем Усатово.

Погребальные комплексы Побужья аналогичны по керамике усатовским и могут считаться синхронными им [35]. В керамике некоторых курганов Днестро-Дунайского междуречья (Огородное, Болград, Сарата) отмечаются черты сходства с наиболее поздними памятниками Румынии — курган Брэилица, ранний слой поселения Фолтешти [36]. Характерны, например, амфоры с сильно раздутым туловом и очень высокой крышкой. На основании этого можно предположить, что хотя бы часть днестро-дунайских памятников позже по времени, чем Усатово.

С хронологическим горизонтом Городиштя — Фолтешти сходна и керамика могильника Данку I—II [37], который, видимо, является одним из наиболее поздних памятников.

После проведенных хронологических сопоставлений можно наметить некоторые общие линии в развитии позднетрипольского погребального ритуала. На всем протяжении периода CII — γII на территории Правобережной Украины и Молдавии распространены два типа обряда — курганный и грунтовый. В курганных погребениях сильнее, чем в грунтовых, варьируют основные характеристики обряда — положение и ориентировка погребенных. Все остальные характеристики (применение каменных конструкций, вид захоронения, остатки культовых церемоний, количество и расположение погребального инвентаря) чрезвычайно близки и в грунтовых, и в курганных захоронениях. Наибольшее разнообразие в расположении и ориентировке погребенных отмечается в памятниках, синхронных Усатову,— Тираспольских курганах.

Самый поздний памятник — Данку I—II дает наибольшее единообразие в обряде погребения. На этом основании можно сделать вывод, что развитие позднетрипольского погребального обряда на территории Правобережной Украины и Молдавии в целом идет по линии его унификации, наиболее сильно прослеживаемой в памятниках финальной стадии триполья, синхронных хронологическому горизонту Городиштя — Фолтешти.

Сказанному не противоречит проявление некоторых черт своеобразия в курганах Побужья (остатки трупосожжения в кург. 8 у с. Колодистое). Этот факт объясняется, видимо, близостью Днепровского региона, где был распространен именно этот обряд. В целом же Побужские курганы составляют пока недостаточно исследованную малочисленную группу.

L. I. Avilova

COMPLEMENT A L'ETUDE DU RITE FUNERAIRE A LA FIN DU TRIPOLIE

Résumé

Dans son article, l'auteur essaie de donner une caractéristique générale du rite funéraire du Tripolié supérieur, ainsi que de distinguer ses particularités locales et fixer les lois régissant son évolution au cours du temps. Pour ce travail on a utilisé les

[35] *Збенович В. Г.* Хронологія пізнього трипілля, с. 68.

[36] *Harţuchi N., Dragomir I. T.* Săpăturile de la Brăiliţa.— MCA, v. III, 1957, s. 141, p. 12; *Petrescu-Dâmboviţa M., Casan I., Mateescu C.* Săpăturile archeologice dela Folteşti.— SCIV, I, 1951, s. 249–266.

[37] *Дергачев В. А.* Изучение памятников бронзового века в Молдавии.– АО – 1969. М., 1970, с. 352.

documents provenant des champs d'inhumation du littoral nord de la mer Noire, de la région comprise entre le Dniestr et le Danube, des bassins du Dniestr, du Prout, du Boug méridional et du Dniepr. Dans l'analyse des sépultures, on se sert de caractéristiques telles que la position du corps, les constructions édifiées au-dessus de la tombe, le mobilier funéraire (pl. I). Le résultat de cette étude permet de distinguer deux importantes régions (fig. 1); celle du Nord et celle du Sud, où existent des types de rites radicalement différents, et une zone limitrophe située dans le bassin du Boug méridional, où existe un rite instable. L'évolution du rite funéraire de la région sud, qui comprend les monuments situés en Ukraine sur la rive droite du Dniepr et en Moldavie, a suivi une ligne l'unification, qui est particulièrement remarquable dans les monuments du stade final du Tripolié, contemporains du niveau chronologique de Gorodistea — Foltesti.

Н. К. КАЧАЛОВА

РАННИЙ ГОРИЗОНТ СРУБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

За истекшее двадцатипятилетие в результате полевых исследований И. В. Синицына, В. П. Шилова, К. Ф. Смирнова и др. в Нижнем Поволжье были получены огромные новые материалы по срубной культуре. Изучение их заставляет во многом изменить существовавшие ранее представления о характерных особенностях этой культуры, ее происхождении, развитии и распространении. Но все эти вопросы не могут быть сейчас должным образом решены, поскольку упираются в неразработанность относительной хронологии. Именно поэтому в качестве одной из первоочередных задач на современном этапе исследований срубных памятников вновь выдвигается разработка их периодизации. Различного рода уточнения абсолютных дат не могут помочь решению данной проблемы. Тем более, что абсолютные датировки обычно базируются на отдельных выборочных комплексах или группах вещей и не сопровождаются выделением соответствующих горизонтов. Число же комплексов, содержащих датирующие вещи, сравнительно невелико. Отсутствие необходимых разработок и привязок приводит к практической недатированности массовых материалов.

До настоящего времени хронологическое членение срубных памятников в Нижнем Поволжье строилось по данным периодизации, предложенной в начале 50-х годов О. А. Кривцовой-Граковой [1]. Несмотря на принципиальную значимость этой периодизации, деление срубной культуры на два этапа является уже сейчас слишком общим и не отражает реальной динамики изменений. К тому же, как показали последующие исследования, схема О. А. Кривцовой-Граковой в своих исходных предпосылках не была лишена некоторых недочетов.

Первый из них состоял в том, что основой периодизации послужили главным образом материалы поселений, в подавляющем большинстве не стратифицированные, а некоторые не имевшие даже четко выраженного культурного слоя. Причем значительное число рассматриваемых поселений располагалось в районе Самарской Луки, а на них основывалось без соответствующих поправок деление памятников как Нижнего Поволжья, так и срубной культуры в целом. Вторым недочетом явилось сознательное игнорирование погребальных комплексов. По мнению О. А. Кривцовой-Граковой, их материалы не могли быть исходными в такого рода построениях в силу традиционности погребального обряда. В результате стратиграфия курганных могильников, раскопанных к тому времени, не была принята во внимание.

Отмеченные моменты послужили главными причинами всех последующих неувязок в относительной хронологии срубной культуры, особенно возрастающие по мере накопления материалов. Следует также учи-

[1] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, № 46, 1955.

тывать, что признаки, характеризующие по О. А. Кривцовой-Граковой каждый из двух этапов, представляются на современном уровне методических исследований слишком расплывчатыми и разобщенными, что дает широкую возможность для их произвольного толкования. В этом отношении очень показательно определение поздней, относящейся ко второму периоду срубной керамики. Как известно, наиболее типичным для нее считалось наличие налепного со свисающими концами валика, расположенного под горлом сосуда. Но подобный способ орнаментации присущ только очень ограниченному числу горшков, встречающихся на поселениях и крайне редко в могильниках. Причем такой орнаментальный прием не был соотнесен с остальными признаками, характеризующими эти сосуды. Не установлено также, какие еще сосуды находятся с ними в комплексе, а следовательно, соответствуют по времени. Поэтому в одном случае сосуд считался поздним по характеру отгиба и скоса венчика, в другом — по выступающему краю дна, в третьем — по общей пропорции и т. д.

То же относится и к ранним материалам. Например, если считать, как это принято, остроребернность сосудов ранним признаком, то непонятно, чем можно объяснить присутствие остроребернных форм на поселениях у с. Ивановки и хут. Ляпичева, являющихся эталонными для поздних памятников. Очевидно, единственный путь выхода из создавшегося положения — разработка четких критериев при общей взаимосвязи всех признаков.

В конце 50-х годов Н. Я. Мерперт сделал весьма существенную попытку решения проблемы относительной хронологии срубной культуры и впервые обратился к погребальным комплексам. Исходя из способа устройства могил и стратиграфического расположения их в кургане, он разделил срубные погребения Куйбышевского Поволжья на четыре группы [2]. Сопоставив типы погребений с инвентарем, он пришел к выводу, что выделенные группы соответствуют хронологическим периодам развития срубной культуры в этом районе. Впоследствии Н. Я. Мерперт уточнил собственную схему и включил в нее в качестве самых ранних срубных памятников курганы типа уразмаметовских [3].

Иной подход к пересмотру периодизации срубной культуры был предложен в середине 60-х годов М. Гимбутас [4]. Положив в основу деления памятников различные категории вещей (бронзовые наконечники копий и ножи, пастовые бусы, костяные бляхи и т. д.), она выделила четыре этапа. Поскольку схема строилась на отдельных вещах, не разбирались комплексы в целом и не давалась их сравнительная характеристика. Наиболее массовые керамические материалы не нашли в этой периодизации соответствующего отражения. Не анализировались также данные погребального обряда, хотя для выделяемых М. Гимбутас поздних периодов привлекались стратиграфические наблюдения Н. Я. Мерперта. Но при этом не учитывались специфические особенности и различия памятников Среднего и Нижнего Поволжья. В итоге этапы развития срубной культуры, предложенные М. Гимбутас, не получили должного обоснования, и выводы ее оказались неприменимы для массовых материалов.

Для разработки относительной хронологии срубных памятников Нижнего Поволжья самым перспективным представляется сейчас путь исследований, намеченный Н. Я. Мерпертом. Он результативен не только благодаря стратиграфии, которую дают курганы, но определяется и специфическими особенностями Нижнего Поволжья. Здесь пока неизвестны

---

[2] *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.– МИА, № 61, 1958, с. 78—151.

[3] *Мерперт Н. Я.* Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, № 111, 1962, с. 7—21.

[4] *Gimbutas M.* Bronze Age cultures in central and eastern Europe. Paris — London. 1965, p. 552—562.

поселения, дающие четкие стратиграфические колонки. Поэтому для построения относительной хронологии сейчас могут быть использованы только погребальные памятники, а материалы нижневолжских поселений должны привлекаться в качестве дополнений и корректировки данных могильников.

До настоящего времени было принято считать, что самые ранние погребения срубной культуры обнаружены в покровских курганах. Однако полного анализа могильников у г. Покровска (Энгельса) до сих пор не производилось, и обычно в литературе фигурировал только ряд комплексов, содержащих богатый инвентарь. Они и являлись исходными при характеристике не только нижневолжской, но и срубной культуры в целом. Тем не менее такие понятия, как «покровский тип», «покровское время», превратились в своего рода аксиому, не требующую дополнительной расшифровки. Казалось бы, видимая трудность при работе с этими комплексами заключается в устранении хронологических колебаний в пределах одного или двух веков. Но проработка всех материалов покровских могильников и их сопоставление не подтверждает такого положения. Не останавливаясь детально на этом вопросе, поскольку он требует специального рассмотрения, отметим ряд моментов.

Во-первых, для характеристики нижневолжской срубной культуры могут привлекаться только «чистые» срубные комплексы покровских курганов. Речь идет об исключении из их числа погребений, содержащих абашевскую керамику. В противном случае подобная характеристика заведомо искажается и подменяется вопросом соотношения и взаимодействия двух культур [5].

Во-вторых, богатые покровские погребения как по количеству и составу инвентаря, так и по наличию в них предметов вооружения представляют явление, уникальное для срубной культуры. Поэтому они не могут служить эталоном, а скорее составляют исключение. Возможно, это могилы вождей.

В-третьих, основная часть погребений покровских могильников как по погребальному обряду, так и по керамике относится к вполне сложившейся срубной культуре, уже утратившей какие бы то ни было черты архаичности. Формы и орнаментация сосудов, детали погребального обряда достаточно характерны и стабильны для срубных памятников. Это указывает на явное отсутствие промежуточного звена между покровскими погребениями и предшествующей полтавкинской культурой, которое отражало бы процесс сложения и формирования срубной общности.

В то же время в других курганных могильниках Нижнего Поволжья имеются комплексы с несомненными архаичными чертами, уходящими в предшествующее полтавкинское время. Для того чтобы выяснить, характеризуют ли они собой определимую закономерность в развитии срубной культуры, необходим анализ и сопоставление всех нижневолжских могильников.

Начальными для этой цели были избраны курганные группы (I и II) у с. Бережновки Николаевского р-на Волгоградской обл. [6] как наиболее крупные и полностью раскопанные в Нижнем Поволжье. Фактическим продолжением второго Бережновского могильника является группа, расположенная у с. Политотдельского того же района и области [7]. В двух группах Бережновка I и II (включая и Политотдельское) было раскопано 40 курганов, содержащих 236 погребений эпохи бронзы. Хотя основная

---

[5] *Качалова Н. К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, № 17, 1976, с. 5—17.

[6] *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, № 60, 1959, с. 56—118; *его же.* Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, № 78, 1960, с. 10—107.

[7] *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, № 60, 1959, с. 228—306.

задача сводилась к выделению срубных горизонтов, она не могла быть выполнена без проработки всех данных курганной стратиграфии. Необходимо было восстанавливать последовательность захоронений в курганах начиная с древнейших эпох, поскольку срубные погребения нередко оказывались впускными. Для этого использовались не только факты прямой стратиграфии, но также количество и характер подсыпок насыпей, наличие и расположение рвов, с ними связанных; размещение материковых выкидов и т. д. Данные стратифицированных курганов послужили основой для сопоставления типов погребений в каждой группе, а затем Бережновских могильников в целом. Соотношение типов погребений осуществлялось по совокупности признаков погребального обряда: детали конструкции могильного сооружения, положение погребенного (с учетом положения рук и ног), ориентировка, наличие или отсутствие краски и мела. Сравнение этих совокупностей в строго определенной стратиграфической последовательности дает также возможность проследить динамику изменений погребальной обрядности.

В результате в бережновских могильниках было выделено семь стратиграфических горизонтов, представляющих ямную, полтавкинскую и срубную культуры.

К срубной культуре в курганах у с. Бережновка относится пятый, шестой и седьмой горизонты. Из них лишь погребения срубного второго (шестого) горизонта соответствуют по обряду и инвентарю покровским. Они представлены захоронениями, совершенными в могильных ямах прямоугольной или прямоугольно-удлиненной формы, перекрытых плахами. Погребенные лежат скорченно на левом боку, с руками, согнутыми в локтях, и кистями, всегда протянутыми к лицу. Ориентировка северная или с отклонением к востоку и западу. Подсыпки краски или мела в могилах полностью отсутствуют. Эти срубные погребения не являются здесь древнейшими и перекрывают срубные же, но с отличным от них обрядом. К последним принадлежат погребения первого срубного (пятого) горизонта этих могильников. Они совершены в больших прямоугольных или подквадратной формы могильных ямах, обычно перекрытых бревенчатыми накатниками. Погребенные находятся в скорченном положении на левом боку, ориентировка восточная.

Выявленная последовательность срубных погребений в курганах у с. Бережновка была проверена на материалах всех курганных могильников Нижнего Поволжья и нашла полное стратиграфическое подтверждение. Наиболее интересными оказались данные, полученные при анализе курганных групп у сел Максютово [8], Краснополье (Прейс) [9], Новая Молчановка [10], Пролейка (Бердеевская дорога и Ларин пруд) [11] и др. Ни в одном из нижневолжских могильников не было зафиксировано случаев обратной стратиграфии. В результате проделанной работы был выделен первый хронологический горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. Поскольку он полностью соответствует обрядовым особенностям первого (пятого) срубного горизонта курганов у с. Бережновка, где впервые был выявлен, то в дальнейшем именуется бережновским.

Погребения этой группы в подавляющем большинстве оказываются основными, т. е. древнейшими в курганах. Значительно реже они были впускными в уже существующие ранее курганы. Но в этом случае, как показывают стратиграфические наблюдения, могилы сооружаются на уровне древней почвы, непосредственно около полы первоначальной насы-

---

[8] *Синицын И. В.* Памятники родового общества степей Заволжья.— Уч. зап. СГУ, LXVI, 1958, с. 292—301.

[9] *Rau P.* Hockergräber der Wolgasteppe. Mitteilungen des Zentralmuseums, Jg. 3, Ht 1. Pokrowsk, 1928, S. 35—37.

[10] *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 130—137.

[11] *Синицын И. В.* Археологические памятники у села Пролейки.— Уч. зап. СГУ, XLVII, 1956, с. 107—226.

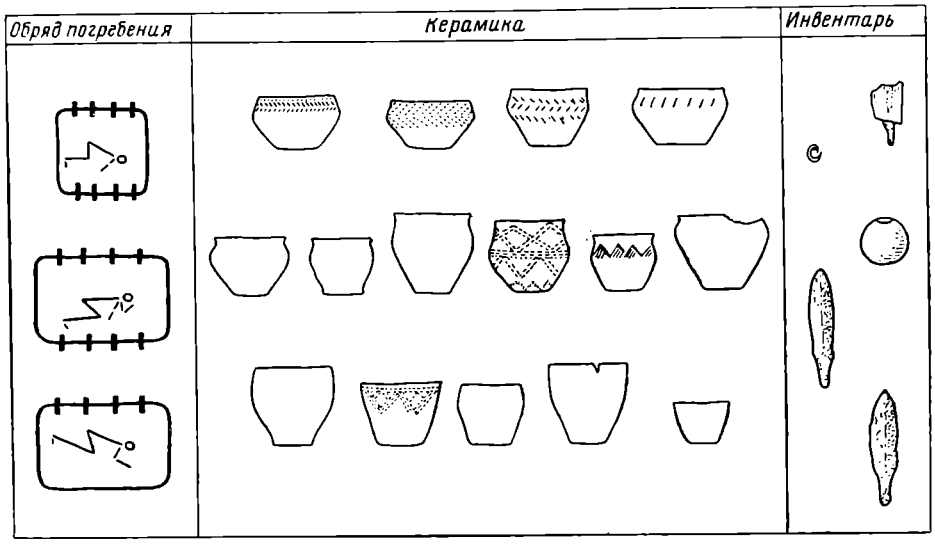


Рис. 1. Характерные особенности срубных погребений бережновского горизонта

пи, не затрагивая ее. Обязательная последующая досыпка насыпи как бы пристраивает и соединяет новый курган со старым. Очевидно, для срубных племен того времени было характерно устройство собственных могильников, а не использование более древних курганов. Они довольно четко вырисовываются при сравнении планов раскопанных больших курганных групп. Такие могильники чаще всего располагаются в пределах группы на значительном удалении от более древних курганов. Картографирование погребений бережновского типа показывает, что они присутствуют в курганных могильниках Саратовского и Волгоградского Заволжья, захватывая северную часть Астраханской обл., но не проникая далеко на юг. Могильники расположены как на первых надпойменных террасах Волги и ее притоков, так и в открытой степи.

Захоронения производили в больших прямоугольных или подквадратной формы могильных ямах, размеры которых варьируют от 2,50×1,50× ×1,00 *м* до 1,60×1,40×0,90 *м*. Как правило, они были перекрыты бревенчатыми накатниками, уложенными поперек ямы. В редких случаях (например, с. Пролейка, Бердеевская дорога, к. 2, погр. 1) накатник имел более сложную конструкцию и представлял собой сруб из бревен, соединенных в один венец. На краю могил нередко фиксировались остатки кострищ. Здесь же находят черепа и кости ног коровы или быка. Расположение их (ноги в сочленении, лежащие попарно, между ними череп), очевидно, указывает на ритуальное возложение шкуры животного [12].

Погребенные лежат в скорченном положении на левом боку, головами на восток. Восточная ориентировка выдерживается довольно строго, и даже незначительные отклонения от нее крайне редки. Руки чаще всего согнуты в локтях и кистями протянуты к лицу. В некоторых случаях одна рука или обе вытянуты вперед или опущены к коленям (рис. 1).

На дне могил обнаруживаются остатки травянистых подстилок, встречаются подсыпки мела или кусочки красной краски. Очень редко краска находилась на костях погребенных. Присутствие краски и мела отмечается в ряде погребений бережновского типа, но в целом не типично для них.

Наиболее характерной категорией инвентаря погребений бережновского горизонта является керамика. Но прежде чем приступить к ее описанию, необходимо отметить следующее. Имеющиеся в настоящее время

[12] *Грязнов М. П.* Бык в обрядах древних скотоводов. Доклад на пленуме, посвященном итогам полевых исследований в 1971 г. Тезисы докладов. М., 1972, с. 22—26.

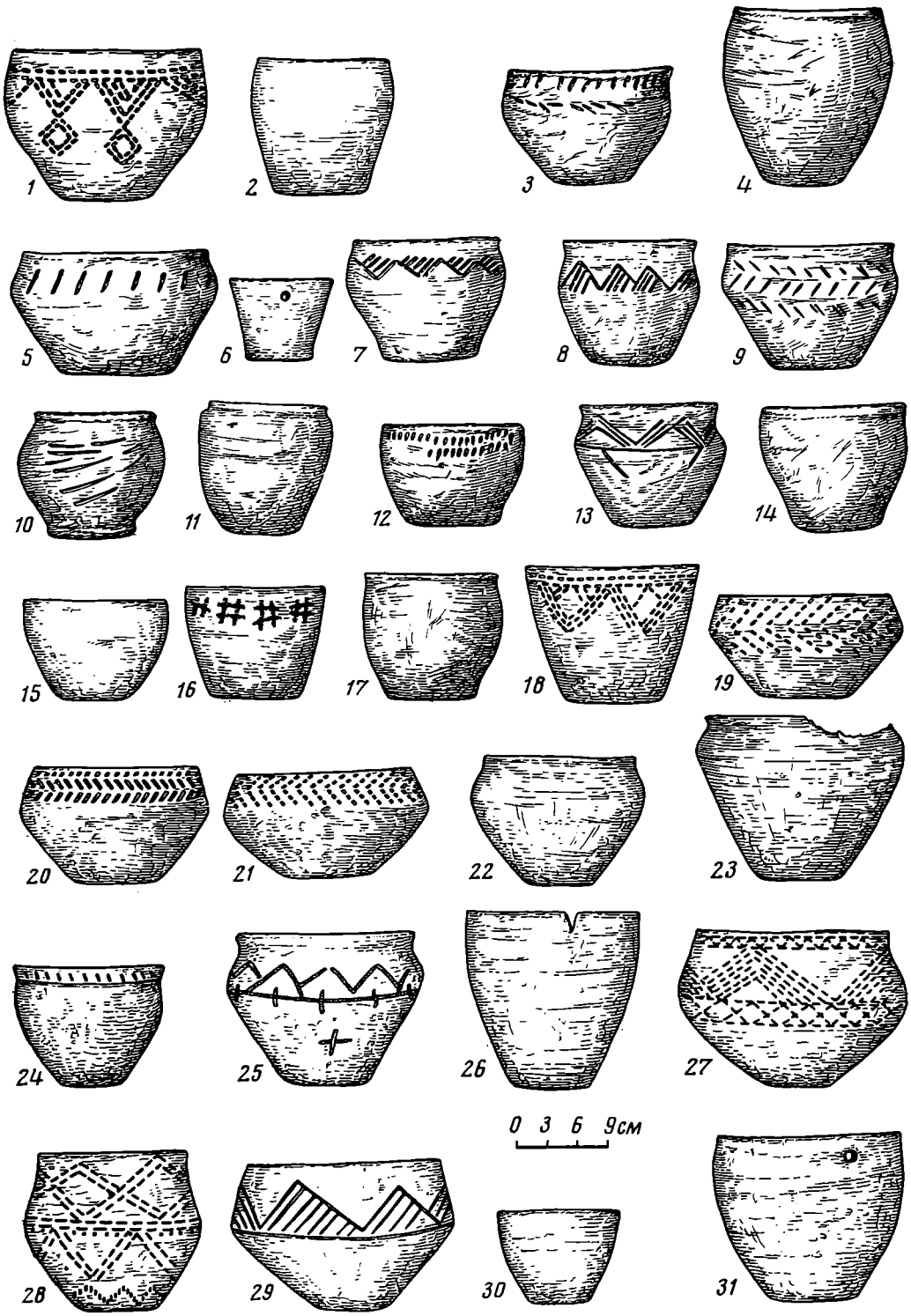


Рис. 2. Керамика из срубных погребений бережновского горизонта. *1* — Бережновка I, к. 36, п. 1; *2* — Бережновка II, к. 90, п. 7; *3—4* — там же, к. 63, п. 7; *5* — там же, к. 62, п. 5; *6* — там же, к. 65, п. 4; *7* — тот же курган, п. 14; *8* — там же, к. 88, п. 4; *9* — тот же курган, п. 5; *10* — там же, к. 90, п. 1; *11* — тот же курган, п. 6; *12—14* — с. Пролейка, «Царские могильницы», к. 5, п. 3; *15* — с. Бережновка, «Лесной кордон», п. 11; *16* — с. Политотдельское, к. 12, п. 9; *17* — Новоникольское I, к. 7, п. 11; *18* — с. Политотдельское, к. 12, п. 17; *19* — с. Новая Молчановка, к. 4, п. 2; *20—21* — тот же курган, п. 3; *22* — с. Максютово, к. 3, п. 4; *23* — тот же курган, п. 5; *24* — тот же курган, п. 7; *25* — с. Ровное, к. 3, п. 4; *26—27* — с. Пролейка, «Бердеевская дорога», к. 2, п. 1; *28* — тот же курган, п. 2: *29—31* — там же, «Ларин пруд», к. 2, п. 5

материалы со всей убедительностью показывают, что визуальная характеристика срубной керамики Нижнего Поволжья, без введения точных критериев оценки признаков, уже явно недостаточна. Но подобная типологическая классификация возможна только на основе всех материалов, а не выборочно относящихся к тому или иному периоду. Поэтому в данном случае приходится намеренно отказаться от введения какой-либо типологизации, дабы заведомо не исказить общую картину и не внести дополнительный разнобой в ее оценку.

Керамика бережновской группы погребений представлена сосудами трех форм: остроребериыми, баночными и сосудами с округлыми боками и отогнутым венчиком. Остроребериые сосуды составляют около 20% от общего количества керамики. Они имеют приземистые пропорции, диаметр горла ненамного превышает диаметр дна. Ребро расположено в верхней части корпуса или примерно на середине его высоты. Большей частью оно округлое, но известны сосуды и с четко выраженным ребром, подчеркивающим биконичность корпуса (рис. 2, *19—21*). Чаще всего край венчика прямой, лишь немногие сосуды имеют невысокий, слегка отогнутый край. Орнамент покрывает верхнюю половину корпуса или спускается ниже ребра, тем самым занимая большую часть поверхности сосуда. Он нанесен отпечатками мелкозубчатого штампа или выполнен прочерченными линиями. Сюжеты его довольно просты: заштрихованные из нескольких линий, треугольники, «елочные» узоры и т. д. На одном сосуде орнамент был образован оттисками веревочного штампа (рис. 2, *25*).

Сосуды баночных форм являются самой многочисленной категорией керамики, примерно 45% от ее общего количества. В пределах этой формы наблюдаются некоторые варианты. Большая часть имеет вытянутые пропорции и слегка округлые бока (рис. 2, *2, 4*). У некоторых приземистые пропорции и конически расширяющиеся к горлу стенки (рис. 2, *6*). И наконец, при тех же приземистых пропорциях имеют и округлые бока (рис. 2, *16*). Большинство сосудов не орнаментировано, за исключением нескольких экземпляров. На двух сосудах орнамент выполнен мелкозубчатым штампом и образует свисающие заштрихованные углы (рис. 2, *1, 18*). Или же оттиски веревочного штампа составляют короткие пересекающиеся линии (рис. 2, *16*).

Горшки представляют вторую после банок по численности категорию керамики, около 35% всех сосудов. Они имеют вытянутые пропорции, высокие округлые плечики и мягко отогнутый край венчика (рис. 2, *10—11, 22—23*). Существенного разнообразия в пределах этой формы не наблюдается, различны только их размеры. Подавляющее большинство сосудов не орнаментировано. Имеющийся орнамент крайне прост — различного рода насечки, образующие короткие вертикальные или зигзагообразные полосы (рис. 2, *3, 8*). Исключение составляет сосуд из погр. 2 кург. 2 у с. Пролейка (Бердеевская дорога). Вся поверхность корпуса у него покрыта двойными пересекающимися полосами, образованными отпечатками мелкозубчатого штампа (рис. 2, *28*).

Остальной инвентарь погребений бережновского горизонта немногочислен. Это бронзовые четырехгранные шилья, ножи с ребром посредине лезвия и намечающимся расширением у черешка, каменная грушевидной формы булава, пастовые и сурьмяные бусы (рис. 1).

Таким образом, погребения этого горизонта отличаются от других срубных захоронений в Нижнем Поволжье по сумме сочетаний обрядовых особенностей с инвентарем, в первую очередь с керамикой. Как в первом, так и во втором слагающем компоненте еще нет стандартизации культурных признаков, что характерно и для срубных комплексов в целом. В погребальном обряде и керамике здесь присутствуют несомненные архаичные черты, которые на последующих этапах развития срубной культуры полностью исчезают (рис. 3).

Рис. 3. Соотношение погребений бережновского горизонта с полтавкинскими и последующими срубными

Положение рук погребенных, протянутых к коленям или вперед, наличие в могилах краски и мела указывают на традиционную преемственность с предшествующей полтавкинской культурой. Но в то же время в обряде появляется и новое. Большие прямоугольные ямы, перекрытые мощными бревенчатыми накатниками, восточная ориентировка погребенных не известны на позднем этапе существования полтавкинской культуры [13]. Несомненная близость с полтавкинской обнаруживается и в керамике. Пропорции корпуса горшков, профилировка венчиков типологически близки третьему типу полтавкинской керамики со специфически вогнутой шейкой [14]. Существует аналогичное сходство между полтавкинскими сосудами второго типа и некоторыми бережновскими баночными. То же можно отметить и в приемах орнаментации, когда вся поверхность корпуса или большая часть ее покрывается узором. В последующей нижневолжской срубной керамике ничего подобного не наблюдается. Орнаментальные штампы, техника нанесения орнамента, его сюжеты и мотивы в керамике бережновской группы не устанавливают такой преемственности. Они характерны только для срубных сосудов. Но бережновская орнаментация отличается от другой нижневолжской срубной более мелкими зубчатыми штампами, особой тщательностью при нанесении узоров. Все изложенное лишний раз свидетельствует о том, что генезис срубной культуры нельзя рассматривать как простую трансформацию во времени полтавкинских памятников.

Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья обладает только ему присущими признаками, сочетание которых, их взаимосвязь и обусловливают специфику этой группы. Она четко стратиграфически отделяется от последующих срубных захоронений этой территории. В рамках относительной хронологии этот горизонт предшествует погребениям покровского времени. Но под последним подразумевается только общепринятый хронологический рубеж, поскольку отождествлять покровские курганы, учитывая изложенное о них выше, с определенным горизонтом срубных нижневолжских погребений явно преждевременно, а во многом и ошибочно. Преждевременно также пытаться найти сейчас выражение в абсолютных датах бережновским памятникам. До тех пор пока не будет разработана вся шкала относительной хронологии срубной культуры Нижнего Поволжья, очевидно, нельзя устанавливать абсолютные датировки отдельных этапов. Они могут породить только дополнительные трудности на пути дальнейших исследований. Поэтому сейчас приходится ограничиваться констатацией факта, что бережновский горизонт предшествует «классической» срубной культуре. И далее — что «покровское время» отнюдь не является самым ранним для срубных памятников Нижнего Поволжья.

Сопоставление погребений бережновского горизонта с материалами сопредельных территорий обнаруживает весьма любопытную картину. Прямые аналогии им как по погребальному обряду, так и по керамике имеются в Оренбургской и Уральской областях. Курганные группы у сел Белогорка [15], Герасимовка [16], Алебастрово I [17] содержат погребения, полностью соответствующие по сочетанию признаков бережновским.

---

[13] *Качалова Н. К.* К вопросу о памятниках полтавкинского типа.— АСб. ГЭ, № 5, 1962, с. 42—44.

[14] Там же, с. 38, 39; *Качалова Н. К.* О выделении полтавкинской культуры.— КСИА АН СССР, № 112, 1967, с. 20, 21.

[15] *Федорова-Давыдова Э. А.* К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье.— АЭБ, т. II, 1964, с. 87—90.

[16] *Федорова-Давыдова Э. А.* Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе.— В сб.: Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969, с. 74—79.

[17] *Кушаев Г. А.* Новые памятники кочевников в Западном Казахстане.— Доклад на конференции «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана», ноябрь 1975 г. Пользуясь случаем, приношу благодарность Г. А. Кушаеву, ознакомившему меня с материалами эпохи бронзы.

В этом отношении особенно интересно погр. 17 кург. 2 у с. Новая Белогорка. Большая материковая могила, восточная ориентировка погребенного, присутствие краски и мела, форма и орнаментация сосуда детально повторяют бережновские особенности.

Согласно схеме Н. Я. Мерперта, погребения бережновской группы оказываются синхронны срубным захоронениям уразмаметовского типа в Среднем Поволжье. Однако сравнение материалов отнюдь не обнаруживает ожидаемого сходства. Погребальные конструкции, ориентировка погребенных иные, чем в бережновских погребениях. То же можно сказать о приемах орнаментации и ее сюжетах. Единственное сходство наблюдается только в расположении орнамента, занимающего большую часть корпуса сосуда. Но это, очевидно, следует относить к разряду стадиально-исторических особенностей. Эти расхождения в ведущих признаках сопоставляемых комплексов носят не случайный характер. Они лишний раз подтверждают уже отмечавшиеся различия между срубными памятниками Среднего и Нижнего Поволжья [18]. Но ранее это прослеживалось главным образом на материалах поселений. К аналогичным выводам приводят и исследования погребальных памятников.

Подобное явление имеет и принципиальное значение. Существование его в столь раннее время полностью отрицает возможность экспансии степных срубных племен в лесостепные районы Поволжья, как это неоднократно отмечалось. Следовательно, компоненты генезиса срубной культуры в Среднем и Нижнем Поволжье не могут быть одинаковыми. Установление их и возможные пути поисков, вероятно, должны быть изолированными, конкретно решенными в пределах каждой из этих территорий.

В Нижнем Поволжье погребения бережновского горизонта отражают процесс сложения и формирования срубной общности. Восточные аналогии им оконтуривают примерную зону ее формирования. Как показывает анализ археологических материалов срубная культура в степной зоне сложилась не только на базе полтавкинской. В этом процессе принимала участие близкая к полтавкинской и, очевидно, синхронная ей культура восточных районов, пока еще не получившая своего названия. В настоящее время представить в деталях механизм этого процесса еще невозможно, многое остается пока неясным и неразработанным. Однако погребения бережновского горизонта отнюдь нельзя рассматривать лишь с позиций их промежуточного во времени положения и относить к разряду переходных. Они представляют собой не только формирующийся, но вполне сложившийся исторический организм, именуемый в археологии срубной культурой.

N. K. Katchalova

LE PLUS ANCIEN NIVEAU DES TOMBES A CHARPENTE DANS LA REGION DE LA BASSE VOLGA

Résumé

Prenant comme base les pièces fournies par des groupes de kourganes situés près du village de Bérejnovka (district de Nikolaïev, région de Volgograd), l'auteur donne dans son article une chronologie relative de la culture des tombes à charpente, en s'appuyant sur la distinction dans les kourganes de niveaux stratigraphiques. Le travail entrepris a permis d'isoler sept niveaux stratigraphiques, parmi lesquels le cinquième, le sixième et le septième représentent la culture des tombes à charpente. Extrêmement

[18] *Качалова Н. К.* Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры.— АСб. ГЭ, № 16, 1974, с. 11—18.

important est le fait que les sépultures dont le rite funéraire correspond à celui des kourganes de Pokrovskoïé, et qui étaient considérées comme les plus anciennes des tombes à charpente, se trouvent, dans les champs funéraires de Bérejnovka, seulement au second (ou sixième) niveau stratigraphique. La succession stratigraphique obtenue a été vérifiée sur les pièces fournies par tous les champs funéraires de la basse Volga, et a été ainsi grandement confirmée. De cette façon on a pu isoler le premier et plus ancien niveau de tombes à charpente, qui se distingue des autres du même type par le nombre des particularités rituelles liées au mobilier funéraire. Pour l'âge, ce niveau précède celui de Pokrovskoié; nous le nommerons dorénavant niveau de Bérejnovka. Il est représenté par des inhumations faites dans de grandes fosses rectangulaires ou de forme presque carrée, dont la couverture est faite de poutres. Les corps étaient recroquevillés sur le côté gauche, la tête à l'Est. Quelques détails du rite funéraire présentent des traits d'archaïsme. Dans les formes de la céramique on peut remarquer un certain emprunt fait à la précédente culture de Poltavkino. Les sépultures du niveau de Bérejnovka reflètent le processus de constitution et de formation de la société porteuse de la culture des tombes à charpente dans la région de la basse Volga.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ДИОНИСИЙ ОЛЬВИАНСКИЙ

Северное Причерноморье в античную эпоху отнюдь не изобиловало именами писателей и ученых. Для Ольвии надежно установлен живший в III в. до н. э. Бион Борисфенит. Согласно Βίων φιλοσόφων Диогена Лаэрция [1], Бион принадлежал к кинической школе и занимался ее популяризацией.

Менее ясно, когда жил ольвийский историк и софист Посейдоний (Ποσειδώνιος Ὀλβιοπολίτης) [2], который написал работы о хоре Тиры, четыре книги об аттической истории, 11 — о ливийской истории и другие сочинения. В. В. Латышев отнес время деятельности Посейдония к последним векам до нашей эры [3]. Согласно мнению В. Христа [4], Посейдоний жил в III — первой половине II в. до н. э. Х. И. Метте [5] (следуя Якоби) отнес время жизни Посейдония ко II в. н. э. Нам кажется, что датировка III — первой половиной II в. до н. э. более вероятна.

К III в. до н. э. относится деятельность уроженца Херсонеса историка Сириска [6], писавшего о сакральной и политической истории своего полиса.

Несколько больше древних авторов — уроженцев Боспора, но и их не столь много. К последним десятилетиям IV в. до н. э. относится Дифил Боспорит, учившийся у Евфанта — философа мегарской школы [7]. Более яркой фигурой был незаурядный анонимный автор истории междоусобной войны сыновей боспорского архонта Перисада I и правления его сына Евмела I, т. е. событий 311/10—304/3 гг. до н. э.[8], сведения о чем сохранились в Βιβλιοθήκη Диодора [9]. Не позднее чем в III в. до н. э. жил на Боспоре Смикр, который согласно эпитафии [10] был образованным челове-

---

[1] Diog. Laert., IV, 7. О северопонтийских философах см. *Спиридов Д. С.* Уроженцы Северного побережья Черного моря в истории древнегреческой мысли.— ИТУАК, № 54, 1918, с. 118 сл.

[2] Suidae lexicon (ed. J. Bekker). Berolini, 1854, p. 877 s. v. Posidonius, c; *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 144, прим. 1.

Небольшое замечание о риторике: Suidae lexicon, p. 877, s. v. Posidonius, a.

[3] *Латышев В. В.* Ук. соч., с. 145.

[4] *Christ W.* Geschichte der Grischischen Literatur. Teil II, Hälfte 1. München, 1909, S. 165—167.

[5] Pauly-Wissowa. Real-Encyclopädie, Hbd 43, 1940, S. 826, 827, s. v. Poseidonios № 6 (H. J. Mette). Дион Хрисостом упомянул одного юного ольвиополита, усердно изучавшего риторику и философию (Dion. Chrys., or. XXXVI). Однако доступные нам источники ничего не говорят о дальнейшей деятельности этого ольвиополита.

[6] IOSPE, I² № 344. О Сириске см. *Ростовцев М. И.* Сириск — историк Херсонеса Таврического.— ЖМНП, 1915, апрель. Отдел классической филологии, с. 151—170.

[7] Diog. Laert., II, 110, 113.

[8] *Blawatsky W.* Anschauungen des Bosporanischen Anonymus vom Ende des IV Jh. v.u.z.— Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968, S. 73—77.

[9] Diod., XX, 22—26 et 100, 7.

[10] *Латышев В. В.* Неизданные боспорские надписи.— ИРАИМК, II, 1922, с. 92—94. № 2.

ком и учил своих сограждан в общественных местах, что позволяет предполагать, что Смикр был философом. Вероятно, к первой половине III в. до н. э. относится деятельность поэта Исилла, боспорянина по происхождению, который в юности отправился в Эпидавр и приобрел там гражданство. Им был написан пеан в честь Асклепия, высеченный на каменной плите, найденной в Эпидавре [11].

Самое значительное место среди северопонтийских философов принадлежит Сферу, уроженцу Боспора (или Ольвии), представителю стоической школы, жившему во второй половине III в. до н. э. Согласно свидетельствам Плутарха и Диогена Лаэрция [12], Сфер трудился в Греции, Египте и на своей родине. Он был историком, исследовавшим социально-политические вопросы, в том числе лаконскую политию. Деятельность Сфера не ограничивалась кабинетными работами, он принимал активное участие в политической жизни того времени и стал идейным руководителем Клеомена III, спартанского царя-реформатора. Наконец, следует упомянуть Стратоника — автора неизвестных нам книг, о прелестной мудрости которого говорит эпитафия [13], поставленная в Пантикапее его вольноотпущенником и, возможно поэтом, Сосием. Время жизни их I в. или первая половина II в. н. э. К этим девяти или 10 именам сводится весь надежно установленный список [14] северопонтийских философов, ученых и писателей.

В Северном Причерноморье, особенно на Боспоре, было немало поэтов — авторов лапидарных эпитафий, имена которых остались неизвестными [15]. При отмеченной малочисленности данных о северопонтийских авторах каждое малоизвестное имя, которое хотя бы один раз было вскользь упомянуто средиземноморским ученым, заслуживает некоторого внимания.

Аполлоний Родосский, описывая обратное плавание Аргонавтов по Черному морю у северных берегов Вифинии, говорит о побережье р. Кальпы следующее:

...καὶ εὐρείας ποταμοῖο
ἠιόνας... [16].

Эти слова привлекли внимание авторов древних схолий к «Аргонавтике» Аполлония, давших к ним краткий, но весьма ценный комментарий: Καὶ εὐρείας ποταμοῖο ἠόνας: Διονύσιος ὁ Ὀλβιανὸς ἱστορεῖ τὰς εὐρείας ἠόνας λέγεσθαι Ἀχιλλέως δρόμους [17] («и протяженные отлогие берега реки»: Дионисий Ольвианский свидетельствует, что протяженные отлогие берега называются Ахилловыми дромами).

Таким образом, в этих словах заключено указание на существование одного древнего автора-ольвианца, который, судя по доступной нам литературе, до сего времени почти [18] не привлекал внимания исследователей.

[11] IG, IV, 1^2, 128 l. 1—2, 62.

[12] Plutarch., Cleomen, II; Diog. Laert., VII, 6.

[13] *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 году.— ИАК, вып. 54, 1914, с. 71—75.

[14] Ю. Ю. Марти (см. *Марти Ю. Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора.— ИГАИМК, вып. 14, 1934—1935, с. 77) назвал двух юных пантикапейцев: Гелиодора (IOSPE, II, 86) — филологом и Сабиона (IOSPE, II, 197) — грамматиком. Оба они не были деятелями науки, а еще учились, когда их постигла смерть. Также нет достаточных оснований считать ученым или философом пантикапейца Гекатея, стихотворная эпитафия которого была опубликована Ю. Ю. Марти (*Марти Ю. Ю.* Ук. соч., с. 76—78, XII).

[15] Отметим, что в работе В. Пээка о греческих стихотворных эпитафиях из общего числа 475 – 12 принадлежат северопонтийским городам: 10 Пантикапею (№ 115, 124, 159, 174, 197, 285, 329, 333, 460, 476) и две Херсонесу — № 136, 390 (*Peek W.* Griechische Grabgedichte. Berlin, 1960, passim).

[16] Apollon. Argon., II, 658, 659.

[17] Schol. Apollon Argon., II, 658, 659.

[18] После завершения этой статьи Ю. М. Десятчиков и Ю. Г. Виноградов любезно сообщили мне о статье А. Х. Коцевалова, в которой упомянут Дионисий Ольвианский (*Коцевалов А.* Деякі дани про науку и літературу в грецьких колоніях північного

Во всяком случае, весьма примечательно, что в словаре Паули-Виссова [15] упомянуто 166 носителей имени Дионисия, но среди них Ольвианский Дионисий не назван.

В настоящее время известны восемь древних городов, именовавшихся Ольвия; они находились в Испании, Галлии, на Сардинии, на Гипаниде, в Вифинии, на Геллеспонте, в Ликии и в Галатии [20]. Для решения вопроса, какой-то из этих городов может быть родиной нашего Дионисия, как нам кажется, решающее значение имеет упоминание о дромосе Ахилла. Это урочище сравнительно мало привлекало внимание древних авторов. Геродот дважды кратко упомянул дромос Ахилла: один раз [21], описывая местность между Гилэей и городом Каркинитидой, а другой [22] — говоря о Гилэе.

Вероятно, в греческом обществе метрополии, во всяком случае в V в. до н. э., не было достаточно четкого представления о дромосе Ахилла. Так, Еврипид помещал дромос Ахилла на острове Левке [23]. В периегесе Псевдо-Скимна [24], датируемой около рубежа II—I вв. до н. э., дромос Ахилла именуется очень длинным и узким морским берегом; о нем сообщается после Борисфена и перед Херсонесом Таврическим. Страбон [25], описывая побережья Черного моря, подробно говорит о дромосе Ахилла, его местоположении, очертаниях, размерах и характере ландшафта. Эти сведения, несмотря на нередкие у Страбона значительные ошибки в размерах, позволяют считать дромос Ахилла современной Тендеровской косой. Клавдий Птолемей [26] менее отчетливо, чем Страбон, сообщает о местоположении дромоса Ахилла. Наконец, Стефан Византийский называет дромос Ахилла островом за Таврикой [27].

Упоминания греческих авторов о дромосе Ахилла показывают сравнительно небольшую популярность этого урочища в древности. К тому же до Псевдо-Скимна и Страбона сведения о дромосе Ахилла не отличаются четкостью. Все сказанное наводит нас на мысль, что Дионисий Ольвианский, располагавший достаточно четкими представлениями о характере ландшафта Тендеровской косы, вероятно, ее видел и скорее всего был уроженцем Ольвии на Бугском лимане.

Значительно сложнее решить вопрос о времени жизни Дионисия Ольвианского. В некоторой мере этому могут способствовать схолии к «Аргонавтике», которые заключает Codex Laurentianus Они имеют заглавие: Παράκειται τὰ σχόλια ἐκ τῶν Λουκίλλου Ταρραίου καὶ Σοφοκλέους καὶ Θέωνος Τάρρα πόλις Κρήτη, ὡς φησι Λογγῖνος ἐν τοῖς Φιλολόγοις [28].

Деятельность первого из авторов схолий Лукилла [29] из Тарры на Крите относится примерно к середине I в. н. э. или к несколько более позднему времени. Второй схолиаст — Софокл жил во второй половине I в.

побережья Чорного моря.— Східній світ. Харьків, 1928, № 5, с. 193). В этой работе о Дионисии Ольвианском говорится следующее: «Схоліяст до Аполлония Родоського (II, 660) пише, що Діонісій Ольвійський (Ὀλβιανὸς — v. l. Ἀλβιανὸς) свідчать, що широкій низькі береги називалися Ахіловими бігами». Эта статья ускользнула также от внимания М. М. Кубланова, автора статьи о дромосе Ахилла и связанных с ним агонов (Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества.— Ежегодник музея истории религии и атеизма, I. М.— Л., 1957, с. 222—231).

[19] *Pauly-Wissowa.* Real-Encyclopädie, Hbd IX, S. 882—1002.

[20] *Pauly-Wissowa.* Real-Encyclopädie, Hbd 34, S. 2403—2429.

[21] Herod., IV, 55.

[22] Herod., IV, 76.

[23] Eurip. Iphig. in Taur., 436—438.

[24] Ps. Skymn., v. 820—821.

[25] Strab., VII, 3, 19 (307—308).

[26] Cl. Ptolem. Geogr. III, 5, 2.

[27] Steph. Byz., Ἀχίλλειος δρόμος.

[28] *Pauly-Wissowa.* Real-Encyclopädie, Hbd XXVI, 1927, S. 1785—1787, s. v. Lukillos — Λούκιλλος (Gudeman).

[29] Ibidem.

н. э. или, возможно, во II в. н. э.[30] Наконец, названный последним Феон был грамматиком и автором многочисленных комментариев к древним произведениям, в том числе к «Аргонавтике» Аполлония. Феон был современником Августа [31].

Таким образом, terminus ante quem написания схолий к «Аргонавтике», а следовательно, и времени деятельности Дионисия Ольвианского установлены хотя бы суммарно — последние десятилетия I в. до н. э.— II в. н. э., причем более вероятен период Августа, чем последующее время.

Значительно труднее надежно установить terminus post quem творчества нашего Дионисия. Время создания поэмы Аполлония Родосского не позднее середины III в. до н. э.[32] мало показательно, ибо Дионисий мог писать и раньше. Таким образом, установить terminus post quem на основе несомненных данных не представляется возможным и приходится прибегнуть к наиболее вероятным гипотезам, которые неизбежно весьма шатки, ибо от творчества Дионисия Ольвианского до нас дошло буквально семь слов.

Как ни кратко это свидетельство, однако весьма примечательно, что в отличие от других авторов, всегда упоминавших об единственном дромосе Ахилла, Дионисий Ольвианский говорит об Ἀχιλλέος δρόμαι, т. е. указывает на существование не одного, а большего числа ристалищ этого героя. Одно из них — более известный дромос Ахилла, отождествляемый с Тендеровской косой.

Как показали исследования 20-х годов прошлого века, на более широкой, чем другие места, северной части этой косы находилось святилище [33] Ахилла, о чем говорят найденные там посвятительные надписи [34].

Это святилище было расположено примерно в 40 *м* от берега и до раскопок имело вид плоского возвышения около 90 *см* высотой и около 50 *м* «в обмере основания». Как показали раскопки, производившиеся в 1824 г., святилище, по всей видимости, было не храмом, а открытым герооном или алтарем, посвященным Ахиллу. Наличие там жертвенника надежно засвидетельствовано очень большой кучей пепла. О времени святилища свидетельствуют различные приношения, прежде всего многочисленные античные монеты, о которых И. А. Стемпковский [35] писал, что большая часть их — медные, а общее число их превосходит 800. Хорошо сохранившиеся для определения монеты принадлежат следующим полисам и правителям: Тире (три автономные); «В Тавриде: Херсонесу Таврическому и Пантикапею; в Сарматии: Ольвии и Тире; в Нижней Мезии: Каллатии,

---

[30] *Pauly-Wissowa.* Real-Encyclopädie (Zweite Reihe), Hbd V, 1927, s. v. Sophokles. S. 1096–1097.

[31] *Pauly-Wissowa.* Real-Encyclopädie, II, R., Hbd X, 1934, s. v. Theon. (K. Ziegler), S. 2054—2059.

[32] История греческой литературы (под ред. Соболевского С. И., Грабарь-Пассек М. Е., Петровского Ф. А.), т. III. М., 1960, с. 78—80.

[33] *Стемпковский И. А.* Классические древности. Известие о новых открытиях по части древностей в Южной России. 1824 года.— Библиографические листы. 1825, № 24, с. 336—338; *Бларамберг И.* Рассуждение о ристалище Ахилла. Северный архив. 1825, № 24, с. 356–361; *его же.* Замечания на некоторые места древней географии Тавриды.— ЗООИД, т. II, отд. I, 1848, с. 18, 19, (*Koehler H.* Mémoire sur les iles et la course, consacrées à Achille dans le Pont Euxin.— Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, vol. 10, 1827, p. 614—625; *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 54; IOSPE, I². Cursus Achillis, p. 276, 277). См. также газету: «Одесский вестник», 14/26 мая 1828 г., № 21, с. 84. Статья без указания автора: «Новейшие известия об острове Тендре».

К сожалению, нам осталась недоступной статья И. А. Стемпковского в «Journal de St.-Pétersbourg», 1825, № 118, p. 505 sq. Однако, по словам И. И. Толстого (*Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, с. 56, прим. 4), последняя статья была лишь переводом ранее названной работы в «Библиографических листах» (1825, № 24).

[34] *Бларамберг И.* Ук. соч., с. 357, 358; IOSPE, I², № 328—332.

[35] *Стемпковский И. А.* Ук. соч., с. 337, 338.

Истрии и Томам; во Фракии: Анхиале, Одессу, Византию, Плотинополю и Траянополю; в Азии на Боспоре: Фанагории — Агриппии Кесарии [36]; в Понте: Амису и Хабакте; в Пафлагонии: Амастриде, Помпеянополе и Синопе; в Вифинии: Халкедону, Гераклее Понтийской, Никее, Кратии (или Флавиополю), Никомедии и Тиуму (вероятно, ἡ Τίειος Страбона [37]); в Мизии: Аполлонии на Риндаке, Кизику, Герму [38], Лампсаку, Пергаму, Париону и Ассосу; в Троаде: Илиону; в Эолиде: Киме и Елэи; на острове Лесбосе: Мефимне; в Ионии: Эфесу, Милету и острову Самосу; в Лидии: Кильбиянам Верхним; в Памфилии: Перге; в Каппадокии: Цезарии; потом различным царям боспорским и фракийским...».

Из римских монет найдено несколько серебряных императорских, одна из них чеканена Альбином — современником Септимия Севера. Медных римских монет, относящихся по большей части ко времени преемников Константина, найдено очень много. «Самые поздние принадлежат царствованию Валенса (364 г. н. э.)» [39]. Кроме того, там были найдены обломки рельефов из мрамора, куски лапидарных надписей, черепки расписной и простой керамики, некоторые с посвятительными надписями Ахиллу, и другие древности античной эпохи.

Другое святилище в Северном Причерноморье находилось в κώμῃ Ἀχίλλειον , лежащем на восточном берегу Керченского пролива, в самой узкой части последнего, в 20 или несколько более стадиях от Порфмия. Свидетельства Страбона [40] и анонимного автора [41] Перипла Евксинского Понта и отчасти Стефана Византийского [42] позволяют заключить, что святилище Ахилла было около нынешней Северной косы или Чушки [43] в той ее части, которая теперь затоплена морем. На археологической карте побережий Керченского пролива, составленной в первой трети прошлого века П. Дюбрюксом и И. Бларамбергом [44], на дне моря, сравнительно близко от юго-западной части косы Чушки, обозначено местонахождение шести мраморных колонн. Нужно думать, что они принадлежали храму Ахилла.

Таким образом, на обеих косах — Тендеровской и Северной — имелись святилища Ахилла. Это обстоятельство позволяет предполагать, что в представлении обитателей Северного побережья Черного моря существовала некоторая связь морских кос с Ахиллом Понтархом. Слова Дионисия Ольвианского позволяют полагать, что этот автор отождествлял морские косы с ристалищами Ахилла. Вряд ли Дионисий руководствовался толь-

---

[36] В тексте И. А. Стемпковского говорится о двух городах, Агриппии и Кесарии, которые исследователь включил в число городов Вифинии, следуя научным представлениям того времени. В 1830 г. была найдена надпись (IOSPE, II, № 363), составленная от имени архонтов Агриппеи Кесарии в 307 г. н. э. Эта надпись позволили И. А. Стемпковскому доказать принадлежность монет Агриппеи Кесарии одному городу, а именно Фанагории (*Latyschev B.* Brevis conspectus historiae regni Bosporani.— IOSPE, II, p. XXXVIII—XXXIX).

[37] Strab., XIII, 3, 5.

[38] Н. А. Фролова любезно сообщила, что монеты Герма не известны.

[39] В кавычках помещены выписки из статьи И. А. Стемпковского, в которые внесены необходимые орфографические и стилистические изменения.

[40] Strab., VII, 4, 5; XI, 2, 6—8.

[41] Anon. peripl. Pont. Eux., 66, 69.

[42] Steph. Byz., s. v. Ἀχίλλειος δρόμος.

[43] Еще И. Бларамберг считал возможным утверждать, что святилище Ахилла находилось на Северной косе (*Бларамберг И.* Ук. соч., с. 16—19). См. также: *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 21, 23, map. III; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 204—206.

[44] Эта карта была опубликована в статье П. Дюбрюкса (*Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на Европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море.— ЗООИД, т. IV, отд. I, 1858, табл. I. См. также: *Жиль Ф.* Древности Босфора Киммерического. СПб., 1854, I, с. CIV, прим. 4; *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, с. 114 сл.). Попытки Б. Г. Петерса и наши обнаружить мраморные колонны на дне моря около косы Чушки не увенчались успехом.

ко личным мнением. Скорее он точно отражал взгляды своих соотечественников и других понтийских почитателей Ахилла (см. рисунок).

Морские косы совершенно необычны для побережий тех стран, которые заселяли эллины в Средиземноморье. Напротив, у северо-западных и северных берегов Черного моря морские косы довольно характерны, и для них понадобилась особая идиома, таковой, очевидно, стала αἱ εὐρεῖαι ἠϊόνες. Это выражение вполне подходило, ибо во множественном числе αἱ ἠϊόνες заключалось представление о некотором единстве целого [45]. Конечно, такое сочетание слов для обозначения протяженного отлогого берега мог употребить и средиземноморский автор, как это произошло с Аполлонием Родосским, описывавшим берега р. Кальпы. Однако, по всей видимости, такое выражение было редким. Во всяком случае среди многочисленных примеров употребления термина ἠϊών в «Thesaurus Graecae linguae» [46] приведены только упомянутые нами слова Аполлония Родосского. Поэтому не отдельные слова ἠϊών [47] или εὖρυς[48], встречающиеся со времен Гомера вплоть до периода эллинизма, а редкое сочетание их в идиоме αἱ εὐρεῖαι ἠϊόνες привлекло внимание схолиаста или схолиастов и было причиной сохранения имени Дионисия Ольвианского.

В схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского заключено очень ценное указание [49] на характер творчества Дионисия Ольвианского. Говоря о свидетельстве ольвиополита, схолиаст употребляет термин ἱστορεῖ Примечательно, что глагол ἱστορέω употребляется им значительно реже, чем слово φημί [50] (говорю), прилагаемое ко всем греческим авторам вне зависимости от того, были ли они поэтами или учеными. Равным образом такие термины λέγω (говорю) или μνημονεύω [51] (вспоминаю, напоминаю) употребляются там, где говорится о деятелях художественной литературы и науки. В данном случае весьма важно не только обычное значение слова ἱστορέω (исследую, испытываю, узнаю, описываю), но и те контексты, в которых их употребляли авторы схолий. Обычно выражение ἱστορεῖ (или ἱστοροῦσι) прилагается к таким авторам, как географы Гекатэй [52] и Артемидор [53], логограф Ферекид [54], историк и врач Ктесий [55], историки Эфор [56], Нимфодор и Филостефан [57]. Другими словами, схолиаст видел в Дионисии Ольвианском не поэта, а именно ученого.

Уточнение значения термина Ἀχιλλέως δρόμοι в единственной сохранившейся фразе Дионисия побуждает предполагать, что в круг интересов его входила география северо-западного побережья Понта. Впрочем, вполне возможно, что подобно Страбону ольвианский ученый сочетал географический труд со сведениями о локальной мифологии, об этническом составе населения и его истории. Такое направление было характерно для науки периода эллинизма.

Вторая половина III и самое начало II в. до н. э. были временем деятельности Эратосфена — крупнейшего географа периода эллинизма, впервые создавшего строго научную физическую географию, сочетав ее с описанием природных условий, этнического состава населения, хозяй-

---

[45] *Schwyzer Ed.* Griechische Grammatik. II B. München, 1950, S. 43 со ссылкой на Гомера и Полибия.

[46] Thesaurus Graecae linguae, vol. IV, p. 119, 120, s. v. Ἠϊών.

[47] Hom. Od., V, 156; Ps.-Scymn. 820—821; Dionys. Hal., IV, 27, 7 (710).

[48] Hom. Il., III, 364; Theoph., de caus. plant., III, 11, *2*.

[49] На это обстоятельство обратила наше внимание О. В. Смыка во время обсуждения данного очерка на заседании кафедры источниковедения исторического факультета Московского университета (27 мая 1976 г.).

[50] Schol. Apollon. Arg., passim.

[51] Ibidem.

[52] Schol. Apollon. Arg., IV, 658, 659.

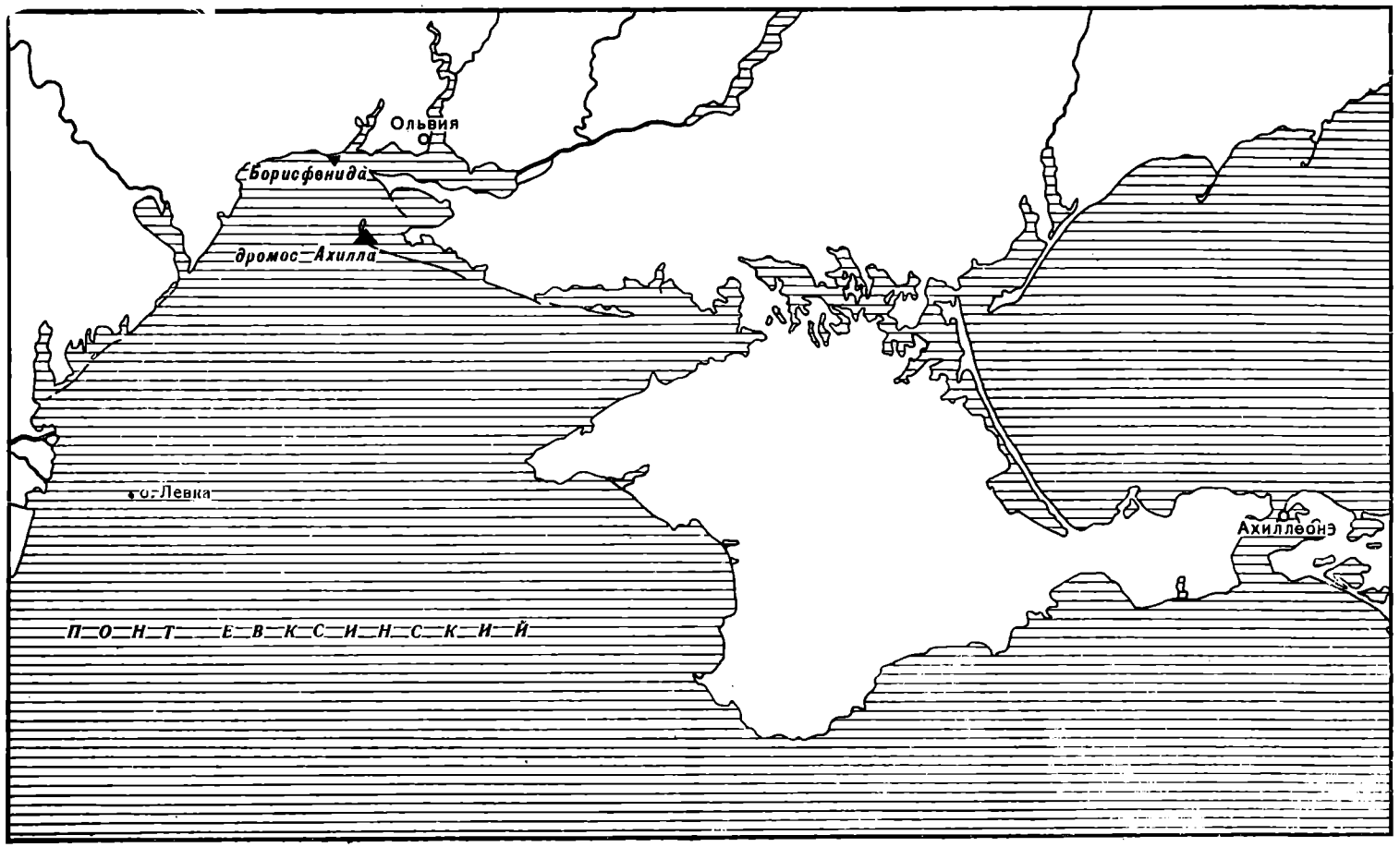
[53] Ibid. III, 859.

[54] Ibid., II, 210.

[55] Ibid., II, 399.

[56] Ibid., II, 1029.

[57] Ibid., I, 1024; II, 1029.



Схематическое расположение ныне известных мест, связанных с культом Ахилла в Северном Причерноморье

ства, политического устройства и его культуры [58]. К школе Эратосфена принадлежал местный понтийский ученый Деметрий Каллатианский. В труде последнего, вероятно, было подробно описано побережье Понта между Истром и Борисфеном, легшее в основу [59] соответствующей части периила Псевдо-Скимна [60].

Реальной этнографии, созданной Эратосфеном и его школой, противостояло направление Евфора и Посейдония, идеализировавших варваров и особенно скифов. Крайне трудно предполагать, чтобы ученый — уроженец Ольвии мог бы присоединиться к направлению Евфора; действительность полностью опровергала эту псевдонаучную теорию. Сказанное подводит нас к предположению, что Дионисий Ольвианский подобно Деметрию из Каллатия был местным географом эратосфеновской школы, оставившим подробное описание западной части Северного побережья Понта и во всяком случае дромоса Ахилла. Если наши предположения верны, то Дионисий мог быть современником Деметрия, а если и жил позднее его, то вряд ли на много.

Так намечается время жизни нашего Дионисия [61] — конец III—II в. до н. э., вероятно, не позднее его третьей четверти. Такая датировка вполне увязывается со временем деятельности наиболее значительного автора схолий к «Аргонавтике» Аполлония — Феона, бывшего современником Августа.

В свое время М. И. Ростовцев [62] писал, что назвать источник Страбона для западной части северного побережья Черного моря, поскольку дело идет о периплe или периегесе этих местностей, не представляет возможным. Источником Страбона мог быть или Артемидор Эфесский, или Посейдоний, деятельность которых относится к концу II — первой половине I в. до н. э. Если наши предположения относительно характера творчества Дионисия Ольвианского справедливы, то тогда намечается гипотеза о возможном первоисточнике Посейдония или Артемидора. Хотя как тот, так и другой, особенно Артемидор, совершали многочисленные [63] путешествия, однако представляется сомнительным, чтобы пришедшая в совершенный упадок Ольвия и район побережья между устьем Днепровско-Бугского лимана и Перекопом и особенно дромос Ахилла с незначительным святилищем этого героя [64] могли привлечь внимание средиземноморских ученых в такой мере, чтобы они подвергли специальному обследованию эти глухие места. Между тем свидетельство Страбона [65] именно о дромосе Ахилла отличается обстоятельностью и точностью описания общего характера ландшафта. Это позволяет полагать, что сведения должны восходить к местному жителю — ольвиополиту Дионисию, а равно и видеть в последнем географа, а не историка или филолога. По-видимому, труд Дионисия был известен Посейдонию или Артемидору, и через посредство одного из них заключавшиеся в нем сведения вошли в «Географию» Страбона.

---

[58] *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 6, 30, 31; *Rostowzew M.* Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931, S. 7, 30, 31.

[59] *Ростовцев М. И.* Ук. соч., с. 7, 26, 32; *Rostowzew M.* Op. cit., S. 8, 27, 32.

[60] Ps.-Scymn., v. 767—818.

[61] Распространенное греческое имя Дионисий было популярно и в Ольвии [IOSPE, I², № 21, 84, 89, 95, 111, 135, 186, 189, 192, 201 et 210; IV, № 459; Надписи Ольвии (1917—1965). Л., 1968, № 68, 70, 80 и 90]. Но надписей III—II вв. до н. э. мало, и ни один из упомянутых в них Дионисиев не может быть отождествлен с нашим автором (IOSPE, I² № 186; IV, № 459; Надписи Ольвии № 68, 70).

[62] *Ростовцев М. И.* Ук. соч., с. 34 сл.; с. 38; *Rostowzew M.* Op. cit., S. 34, 37.

[63] Артемидор посещал Италию, Испанию, Атлантическое побережье, Египет и другие страны, Посейдоний преимущественно путешествовал по Западному Средиземноморью [*Pauly-Wissowa.* Real-Encyclopädie, II B., S. 1329—1330, s. v. Artemidores (Berger)].

[64] IOSPE, I², Cursus Achillis, p. 276, 277, № 328—332.

[65] Strab., VII, 3, 19 (307—308).

Конечно, в наш очерк частично входят и гипотезы. Новые источниковедческие исследования могут подкрепить или опровергнуть эти гипотезы. Несомненным остается, однако, что к малочисленным северопонтийским авторам эллинистического времени должно быть добавлено имя Дионисия Ольвианского. Последний, по-видимому, не принадлежал к числу широко известных авторов античного мира. Из дошедших до нас древних ученых о нем упоминают только схолиасты, писавшие об «Аргонавтике». Однако и это единичное упоминание о Дионисии показывает, что его труды имелись в Средиземноморье хотя бы в одной из широкодоступных частных [66] или общественных [67] библиотек.

Большое распространение широко доступных книгохранилищ в главных центрах эллинистического мира, а позднее Римской империи немало облегчало труд усердных схолиастов, которые сохранили скудные сведения о скромном ольвианском авторе Дионисии.

W. D. Blawatsky

DIONYSIUS D'OLBIA

Résumé

Les auteurs originaires du littoral nord de la mer Noire, connus à ce jour, ne sont pas nombreux. On n'en compte que neuf ou dix (nn. 1-13), en outre deux d'entre eux sont en rapport indubitable avec Olbia (nn. 1-5). C'est pourquoi tout nom nouveau, ou mene cité et passant dans un ouvrage (nn. 18), mérite qu'on s'y arrête.

Dans les scholae sur Apollonius de Rhodes (nn. 16–17) il est dit que Dionysius d'Olbia appelait les longues rives en pente douce des «dromos Achilleus». Dans la littérature grecque le dromos d'Achille n'est pas souvent mentionné (nn. 21-27). C'est seulement chez Strabon (nn. 25) que les renseignements sont assez précis et permettent d'identifier le dromos d'Achille à la langue de terre de Tendera (nn. 33-34). Le fait que le dromos d'Achille ne se rencontre que rarement chez les auteurs de la métropole donne à penser que Dionysius était originaire d'Olbia sur le liman du Boug, et non d'une des sept cités portant ce nom en Méditerranée.

On peut établir à quelle époque vivait Dionysius d'Olbia en étudiant les scholae de l'Argonautique qui se trouvent dans le Codex Laurentianus (nn. 28), où sont donnés les noms des scholiastes: Lukillus de Tarra, Sophocle et Théon. L'activité de Lukillus et de Sophocle se rapporte environ au Ier siècle de notre ère (nn. 29-30). Théon vivait sous Auguste (nn. 31). On peut donc penser que le terminus ante quem de la vie de Dionysius s'établit sommairement entre la fin du Ier s. av. n. è. et le Ier ou le IIe s. de n. è., mais plus vraisemblablement avant Auguste.

On peut indiquer le terminus post quem seulement par hypothèse. Il est remarquable que Dionysius d'Olbia, à la différence des autres auteurs, ne parle pas d'un mais de quelques ou même de plusieurs dromos d'Achille. Le plus important était celui de la langue de terre de Tendera, où se trouvait le sanctuaire d'Achille (nn. 33-39). Il y avait un autre sanctuaire d'Achille sur la langue de terre Nord (ou de Tchouchká), sur la rive orientale du détroit de Kertch (nn. 40-44). L'existence de sanctuaires d'Achille sur des langues de terre maritimes (assez fréquentes au Nord du Pont) est très significative. Ce fait et l'unique phrase conservée de Dionysius d'Olbia permettent de penser que l'au-

[66] В Греции небольшие собрания книг появились довольно рано с VI в. до н. э. Первая большая библиотека была составлена во второй половине IV в. до н. э. Аристотелем. Эту библиотеку после взятия Афин в 86 г. до н. э. Сулла увез в Рим [Strab. XIII, 1, 54 (608–609)]. В Риме первой была библиотека Л. Эмилия Павла, победителя Македонии, взявшего из обильной добычи только книгохранилище царя Персея (в 167 г. до н. э.).

[67] В эллинистическом мире первыми публичными библиотеками были царские в Александрии, Пергаме и Селевкии. Во II в. до н. э. в каждом большом греческом городе была библиотека (Polyb., XII, 27, 5). В Риме первую общественную библиотеку устроил Асиний Поллион после триумфа в 39 г. до н. э. [Plin., N. H., XXXV, 2, 10 (ed. Loeb.)].

teur cité et ses compatriotes identifiaient toutes les langues de terre à des dromos d'Achille. Pour désigner ces langues de terre il fallait un terme spécial: «longues rives en pente douce» (nn. 45), employé sur le littoral nord de la mer Noire.

L'usage que les scholiastes font du mot montre que Dionysius d'Olbia n'était pas un poète, mais un savant (nn. 50-57). En précisant le sens du terme «dromos d'Achille», on en vient à penser que Dionysius était un géographe qui, parfois, utilisait peut-être la mythologie locale. Il est probable que Dionysius d'Olbia, comme Démétrius Kallatianos (nn. 59-60), suivait le courant d'Eratosthènes (rem. 62).

Si ces hypothèses sont justes, l'activité de Dionysius d'Olbia s'inscrit dans la période comprise entre le IIIe et le IIe s. av. n. è., sans doute pas plus tard que le milieu du IIe s. av. n. è. En ce cas, les renseignements assez précis de Strabon (nn. 65) sur le dromos d'Achille proviennent surtout de Dionysius d'Olbia. Bien que notre auteur n'ait guère attiré l'attention des savants de la métropole, ses ouvrages étaient pourtant conservés dans l'une des bibliothèques de la Méditerranée (nn. 66-67), ce qui a permis aux scholiastes en citant son oeuvre de conserver son nom.

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

ЗОЛОТАЯ ПЛАСТИНА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СКИФОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ РОМАНОВИЧА

В книге «7000 лет искусству Ирана» (каталог парижской выставки) привлекает внимание фотография части золотой ажурной пластины, на которой изображена сцена боя двух пар воинов — скифов. Опубликована она в разделе искусства сармат; сообщается, что пластина эта находится в собрании госпожи Ферон Стоклет в Брюсселе [1]. Как выяснилось, интересующая нас пластина происходит из Северного Причерноморья и имеет весьма интересную историю, о которой сообщила в своей статье А. А. Передольская [2].

Эта пластина находилась в собрании ростовского купца книготорговца и коллекционера Романовича [3]. В свое время, в конце прошлого века, она была предложена для продажи в Эрмитаж, в связи с чем в Археологическую комиссию была прислана гальванопластическая копия. Как раз в то время научный мир был обеспокоен участившимися случаями подделок предметов скифской торевтики, и научные эксперы с крайним недоверием относились ко всем ювелирным изделиям с изображениями скифов, если только они не происходили из хорошо документированных раскопок. О происхождении золотой пластины Романовича не было известно ничего достоверного, поэтому подлинность ее была взята под сомнение и в покупке было отказано. Гальванокопии остались в Эрмитаже, а оригинал оказался проданным за границу и надолго исчез из научного обихода. Известно, что пластина была опубликована в каталоге частного собрания, а затем в каталоге предметов иранского искусства, изданных под редакцией известного востоковеда Р. Гиршмана. Последнее обстоятельство позволяет думать, что составитель усомнился в поддельности пластины и, опубликовав ее, тем самым дал возможность заново привлечь к ней внимание ученых.

В нашей науке интерес к золотой пластине, подлинность которой была взята под сомнение, оказался утраченным. Однако до сих пор никем не было сделано попытки проанализировать эту находку с целью определить, действительно ли она является поддельной или подлинником.

В каталоге Гиршмана (рис. 1) пластина определена как украшение одежды или колчана. Ширина ее 8 *см*, длина 33 *см*. Сделана из тонкой золотой пластины в технике штамповки или тиснения по модели в невысоком рельефе, с последующей ручной доработкой. Ажурность достигнута путем прорезей по контуру рисунка. Нижняя сторона пластины прямая, окаймленная двумя полосками выпуклого рельефа. Между ними ряд ок-

[1] 7000 ans d'art en Iran. Paris, 1961, p. 124, № 731.

[2] *Передольская А. А.* Оригинал или подделка? (По поводу луврского серебряного ритона).— СА, 1966, № 1, с. 42, 47.

[3] Дополнительные сведения о Романовиче см. *Брашинский И. Б.* Сокровища скифских царей. М., 1967, с. 105.

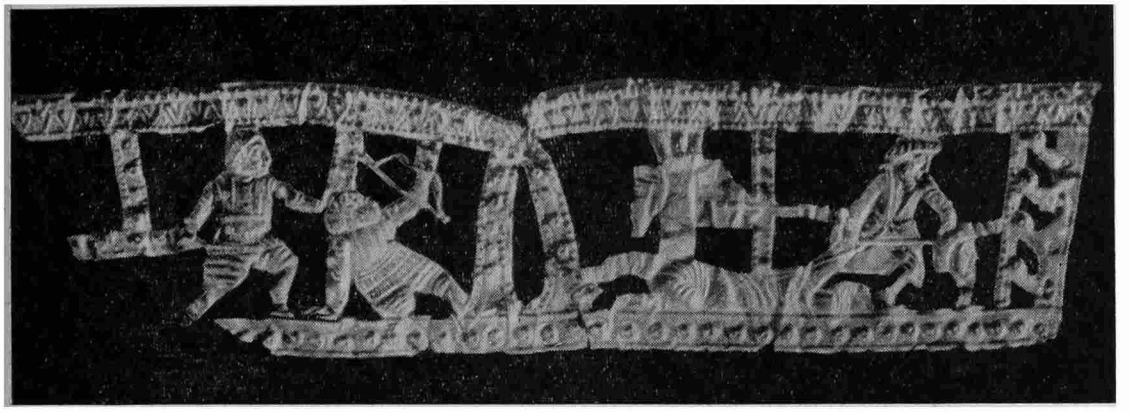


Рис. 1. Золотая пластина с изображениями скифов из собрания Романовича

руглых выпуклин с углублениями по центру. Верхний край имеет вырез, соответствующий делению пластины на два отдельных поля. По верхнему краю оттиснуты овы в поясе из двух рядов пунсонов. Внутреннее пространство разделено на две части особым разделителем в виде двух псевдоперекрещивающихся лент. Это впечатление достигается вырезом по верхнему краю и изменением мотива орнамента на отходящих от этой точки опущенных вниз полосах пластины. В отличие от верхнего края с овами они украшены пунсонами по краю и выпуклинами с точками по средней полосе. Замыкающая правая сторона составлена из узкой вертикальной полосы с пунсонами и широкой вертикальной полосы, между которыми расположены два ряда выпуклин с точками. У наружного края пробито три группы парных отверстий. Ряд отверстий для прикрепления имеется вдоль окаймляющих частей пластины.

Пластина предназначена для того, чтобы смотреть на нее в горизонтальном положении. Она составляет накладку на какую-то достаточно твердую основу.

Величина ажурных прорезей довольно значительна, поэтому для обеспечения большей жесткости пластины в некоторых местах оставлены поперечные пояски по горизонтали и вертикали. Для этой цели использованы составляющие композицию фигуры и предметы, а там, где этого оказывается недостаточно, вертикальные или горизонтальные полосы в виде лент, окаймленных пунсонами и украшенных выпуклинами.

На сохранившейся части золотого убора имеются два поля, в каждом из которых помещена отдельная сцена. Средняя ось пластины, как я представляю, находится не в месте двух вертикальных полос, а в месте ⊥-образного соединения горизонтальной и вертикальной лент. В пользу этого говорит продолженность за этот предел верхнего края пластины, отсутствие левой ограничительной полосы, незаконченность всего левого края. Если принять перекрестие в левой части за ось симметрии, то получится, что мы располагаем немногим более половины какого-то предмета, о назначении которого будет сказано ниже.

Обратимся к рассмотрению сюжетов и деталей их выполнения. В левой части изображены два сражающихся воина (рис. 2). Исход боя уже предрешен. Определены победитель и побежденный. Слева молодой безбородый воин в панцирном доспехе. Левой рукой он схватил за волосы противника, в правой — занесенный для удара кинжал. Правый, поверженный воин с длинными волосами и бородой, очевидно, ранен; он упал на правое колено и опирается оземь рукой. На лице гримаса страдания. В левой руке уже бесполезный натянутый лук, обращенный вверх. Одет он в панцирный доспех. Поза естественна, динамична и очень выразительна.

Рис. 2. Левая сцена пластины из собрания Романовича

На голове молодого воина неглубокий шлем с ровно срезанным краем. По форме своей он напоминает выделенные Е. В. Черненко, переделанные античные шлемы со срезанным назытыльником типа найденных в Майкопе и Солохе [4]. В аналогичном шлеме изображен пеший воин на солохинском гребне. Возможно и другое истолкование. На нижней части шлема отчетливо видны вертикальные параллельные полосы, дающие возможность предположить, что это шлем из наборных металлических пластин, нашивавшихся на кожаную основу [5]. Существование подобных скифских шлемов из чешуйчатых пластин предполагалось учеными давно, однако доказанным это стало лишь после находки погребений скифа в полном панцирном доспехе в кургане у с. Новая Розановка на Среднем Ингуле [6]. Это мягко сходящийся кверху шлем, обшитый чешуйчатым набором и почти ровным краем. Реконструкция доспеха скифского воина из Новой Розановки предложена М. В. Гореликом (рис. 3). Второй шлем с панцирным покрытием, окаймленный удлиненными пластинками, реконструируется М. В. Гореликом по материалам находок из второй гробницы кург. 12, у шахты № 22 близ Орджоникидзе на Днепропетровщине [7].

На воине пластины Романовича надета рубаха с длинными рукавами, а поверх нее панцирь с оплечьем. В передней части оплечий, со стороны проймы, имеется уступчатый вырез. На оплечьях видны отверстия (или кольца), при помощи которых оплечье крепилось шнурком к передней части панциря. Нижняя часть панциря расклешена. Точно в такой же панцирь, как нам известно, одет пеший воин на гребне из Солохи (рис. 4). Е. В. Черненко относит подобные панцири к группе кожаных с оплечьями, усиленных металлическими нагрудными покрытиями, и дает их графическую реконструкцию [8].

У воина на пластине панцирь перетянут широким поясом с валикообразными утолщениями по краям. Наличие широких поясов в составе скифского защитного доспеха впервые было выделено Е. В. Черненко в

[4] *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968, с. 91.

[5] *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 95.

[6] *Шапошникова О. Г.* Погребение скифского воина на р. Ингул.— СА, 1970, № 3, с. 209.

[7] *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины.— В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 172; *Горелик М. В.* Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у г. Орджоникидзе.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 147.

[8] *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 19.

результате исследования им, покрытого защитной броней пояса из кург. 2 у с. Щучинка[9]. Средняя часть этого пояса набрана из вогнутых пластин, верхняя и нижняя стороны покрыты выпуклыми пластинами, что может соответствовать валиковидным утолщениям пояса на рассматриваемом изображении.

На воине штаны, широкие выше колен. Выделены они поперечными глубокими параллельными полосами, расчлененными вертикальными насечками. Штанов подобного покроя и отделки нет ни на одном из известных нам изображений скифов. Представляется вероятным, что таким образом передана чешуйчатая обшивка штанов панцирным набором. Ниже колен штаны плотно обтягивают икры и заправлены в мягкую скифскую обувь («скифики»).

Впервые захоронение воина в полном панцирном доспехе и в обшитых панцирным покрытием штанах было открыто Д. Я. Самоквасовым при раскопках верхней впускной гробницы в кург. № 3 урочища Стайкин Верх у с. Аксютинцы[10]. Поскольку описание этого доспеха оказалось очень кратким, а рисунок схематичным, этот случай не привлек внимание исследователей и казался не убедительным. Лишь новые раскопки курганов у с. Новая Розановка и у с. Красный Подол под Каховкой[11] прочно подтвердили существование у скифов полных панцирных чешуйчатых доспехов.

Рис. 3. Доспех воина из кургана у с. Новая Розановка. Реконструкция М. В. Горелика

Поза воина-победителя на пластинке, в устремленном вперед движении выпада с выдвинутой вперед полусогнутой левой ногой, развернутым на три четверти корпусом, отведенной назад рукой с зажатым в ней кинжалом, очень близко напоминает фигуру пешего воина солохинского гребня (рис. 4). Так же как и на гребне кинжал слегка перекрывает часть полы панциря, нижняя часть которого выступает из-под него. Форма кинжала не ясна. Виден только треугольный клинок, похожий по пропорциям на акинак упомянутого солохинского воина.

Побежденный воин одет в доспех несколько иной конструкции. На нем панцирь с оплечиями, слегка сужающимися к концам, без выреза, отверстия для завязок не выделены; узкий портупейный пояс. Панцирь, по-видимому, полностью с металлическим покрытием. В пользу этого говорит его покрой, а также два ряда пластинчатых полос по нижнему краю. Панцирь немного длиннее, чем у первого воина, более прямой, не расклешенный.

[9] *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 69, 70.

[10] *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908, с. 103.

[11] *Кубышев А. И.* Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1974 г., кург. 2, погр. 1 (раскопан А. В. Симоненко). Архив ИА АН УССР, 1974/8.

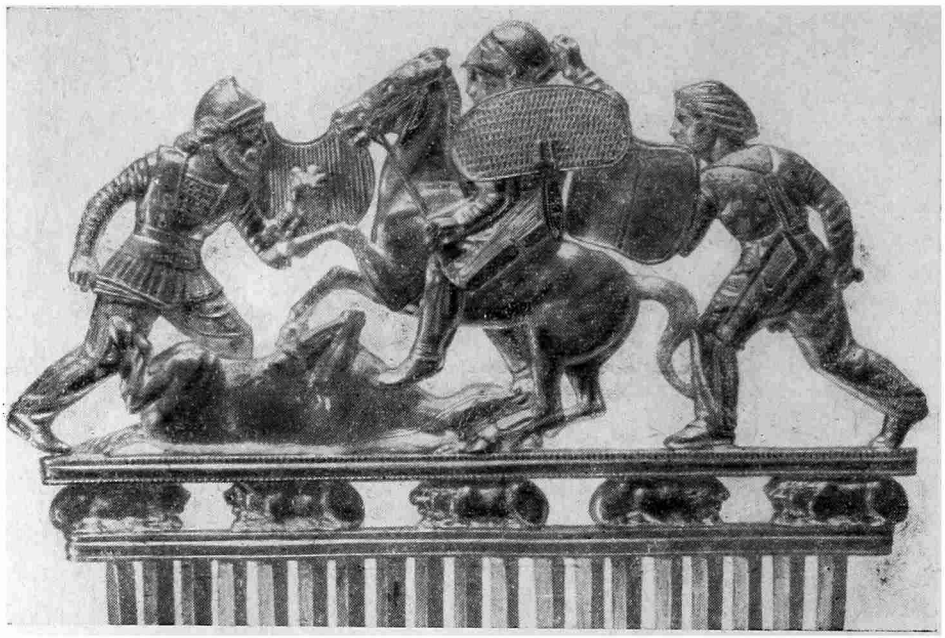


Рис. 4. Изображение воина с кинжалом на гребне из Солохи

Окантовка нижней части панцирей рядом продолговатых пластин известна по находке из кург. 12 в группе шахты № 22 у г. Орджоникидзе. Панцирь из кургана у с. Новая Розановка ниже пояса набран из трех рядов продолговатых пластин. Продолговатыми пластинками оторочена и нижняя часть панциря из кург. 2 у с. Волковцы [12]. По своей конструкции панцирь второго воина на пластине ближе всего к панцирю конного скифского вождя солохинского гребня (рис. 5), а также панцирю из кургана у с. Новая Розановка. На ногах — штаны, до колен покрытые таким же чешуйчатым панцирным набором, что и у первого воина этой сцены.

Лук, который поверженный воин держит в протянутой правой руке, полностью соответствует изображению ряда других натянутых луков, как, например, луков у скифов, состязающихся в стрельбе на куль-обских бляшках, у скифа, натягивающего тетиву на сосуде из Куль-Обы, на изображениях скифских луков на монетах из Ольвии и Пантикапея [13]. Замечательно точно положение, в котором воин держит лук. Рука проходит сзади тетивы и охватывает натягивающую часть лука. Несмотря на то что изгиб лука частично прикрыт рукой, отчетливо видно, что лук асимметричный, верхняя его дуга меньше нижней (т. е. лук в точности является скифским). У нижнего конца лука обозначен крючок наподобие орлиной головы. Поскольку лук вырезан по контуру рисунка, верхний конец его для прочности соединен с отрезком ленты, идущей от головы побежденного к верхнему краю.

В правой части пластины также изображена сцена, в которой участвуют два персонажа. Слева лежит убитый, раздетый и обезглавленный воин. Справа — бородатый и простоволосый скиф в кафтане без панциря уносит отрубленную голову врага, насадив ее на меч, дротик или какое-то иное оружие и придерживая левой рукой.

Убитый лежит ничком; левая рука согнута в локте, правая вытянута вперед. Ноги прямые, соединенные вместе. На руках и корпусе обозначены поперечные складки мягкой одежды. Ноги в скифской обуви. На

---

[12] *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 21, рис. 7; с. 29, рис. 11, 12; с. 37, рис. 16.

[13] Там же, с. 81, рис. 32; *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, Д 1—4, М., 1964, табл. 2, *8*; табл. 3.

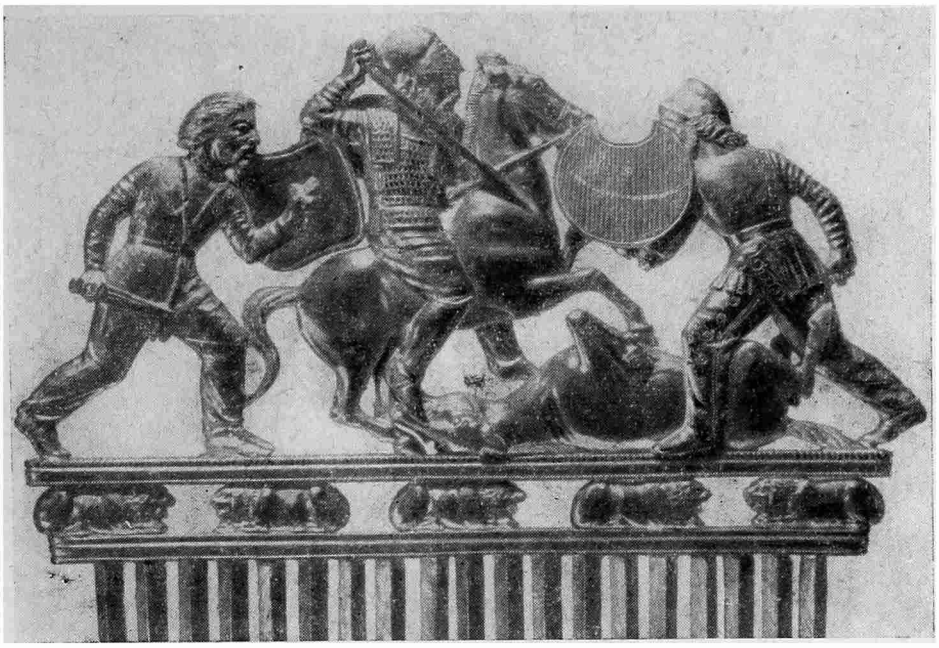


Рис. 5. Изображение группы сражающихся скифов на гребне из Солохи

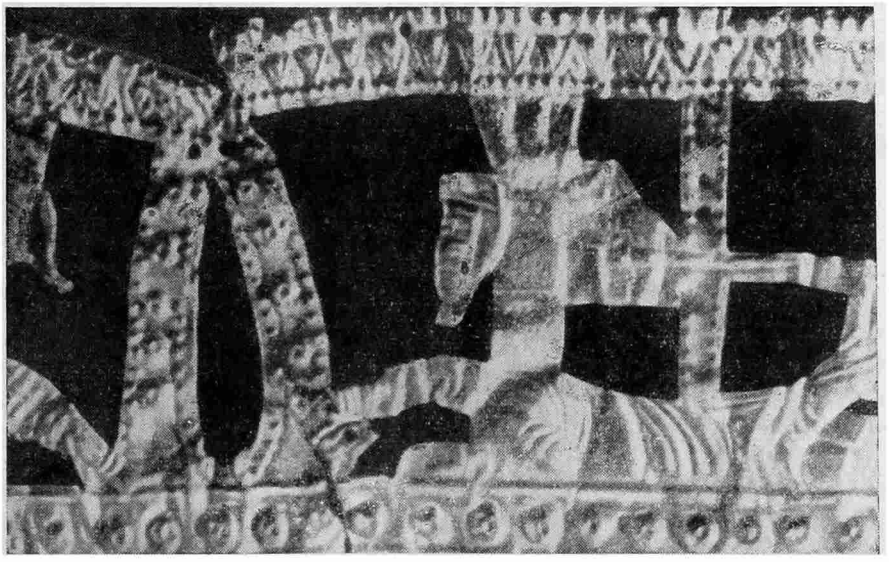


Рис. 6. Левая часть правой сцены пластины из собрания Романовича

втором плане, за ним, висит снятый доспех (рис. 6). Мы без труда узнаем скифский горит с колчаном и футляром с помещенным в нем луком. На колчане видна крышка и застегивающая ее палочка. Горит висит слева. Справа на горизонтальной полосе оттиснуто изображение скифского меча с прямым навершием, валиковидными утолщениями по сторонам рукояти, бабочковидным перекрестием и длинным треугольным клинком. Между горитом и мечом широкая вертикальная прямая полоса, покрытая чешуйчатыми вдавлениями, образующими правильные ряды. Представляется, что это не что иное, как развернутый панцирь. В верхней части вправо имеется четырехугольный выступ, покрытый такими же вдавлениями с выделенным окаймлением, чем, возможно, обозначено оплечье. Выше этой полосы широкий трехскладчатый предмет, покрытый такими же чешуйчатыми углублениями. По-видимому, это также какая-

Рис. 7. Правая часть пластины из собрания Романовича

то свернутая часть панцирного доспеха. Голова убитого находится в руках врага. Намечена борода, переходящая в соединяющую ленту, густая подстриженная шевелюра. Изгиб, соединяющей ленты, создает впечатление башлыка. Но скорее всего это впечатление ошибочно.

Четвертый и последний персонаж пластины изображен удаляющимся с поля боя (рис. 7). Его одеянием служит обычный скифский, перетянутый в поясе кафтан с косым разрезом на груди, выпущенной отделкой или опушкой. Особенностью пояса являются две выпуклины посередине, в месте соединения концов, возможно, передающих фигурные бляхи, которыми, как показывал Е. В. Черненко, нередко украшались сходящиеся концы пояса [14]. Кафтан несколько необычно длиннополый сзади. Возможно, такое впечатление создается в результате неправильного выреза пластины по контуру рисунка. Впрочем, длинные кафтаны с «языками» изображены у фигур на гайматовой чаше. Там скифы сидят на подвернутых полах кафтанов.

Постановка корпуса, одежда внешний вид скифа с головой убитого весьма напоминает фигуру воина в скифской одежде, без панциря, принимающего участие в битве двух знатных, облаченных в доспехи вождей солохинского гребня. Обращает внимание, что волосы у трех из представленных здесь персонажей сравнительно короткие. Они покрывают затылок, но не спадают прядями на шею и плечи, как на многих иных изображениях скифов.

Таким образом, рассмотрение каждой из представленных на пластине фигур, деталей их одежды и вооружения заставляло нас обращаться либо к сцене боя на солохинском гребне, либо к результатам современных исследований скифского наступательного вооружения и защитного доспеха. Близость к солохинскому гребню может навести на мысль, что «фальсификатор» пользовался этим шедевром при изготовлении пластины, и это в какой-то степени объясняет ряд аналогий с современными представлениями об особенностях устройства скифского защитного вооружения, поскольку именно солохинские изображения лежат в основе современных реконструкций. Однако у мастера, делавшего эту пластину, имеется безупречное «алиби». Пластина была предложена к продаже в Эрмитаж в 1895 г., тогда как гребень стал известен лишь в 1913 г., а опубликован в 1918 г.[15] Тем самым фактически доказана подлинность

[14] *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 64.

[15] *Передольская А. А.* Ук. соч., с. 47, ссылка 20.

данной пластины. Совершенно очевидно, что до раскопок Солохи ни один фальсификатор не мог изобразить скифских воинов в панцирных доспехах солохинского типа. Не могли быть известны в то время и такие детали, как шлемы с ровно обрезанным краем, широкие защитные пояса, панцирные штаны, развернутые панцири с оплечьями, крепившимися при помощи шнуровки, пряжки на концах пояса и другие детали. Все эти элементы воинских доспехов стали известны лишь в результате специальных исследований, произведенных А. П. Манцевич, Б. З. Рабиновичем, А. И. Мелюковой и особенно Е. В. Черненко, а также в результате новейших раскопок скифских степных курганов, таких, как курган у с. Новая Розановка, погребения в кург. 12 у г. Орджоникидзе, кургана у с. Красный Подол близ Каховки и ряда других.

Существенно, что в 1895 г., когда впервые была представлена золотая пластина из коллекции Романовича, изучение всех категорий скифского инвентаря, в том числе оружия, костюма, доспеха, находилось еще в самом зачаточном состоянии. Из имеющихся изображений скифов в ту пору были известны сравнительно немногие. Среди них пластина Геремесова кургана с очень грубо выполненными фигурами сражающихся пешего и конного воинов, не создающих сколько-нибудь отчетливых представлений о деталях образов[16]. Далее можно назвать фриз на Чертомлыцкой вазе со сценой укрощения скифами коней в табуне и изображения на золотом сосуде и бляхах из Куль-Обы. Кстати, именно кульобская серия изображений произвела наибольшее впечатление на фальсификаторов и так или иначе повлияла на изображаемые ими мотивы. Что касается нашей пластины, то она оказывается полностью независимой от каких-либо подражаний известным в то время изображениям. Ни в сюжете, ни в композиции, ни в деталях костюмов, причесок не имеется никаких следов воздействия чертомлыцкого и куль-обского художественного набора скифских образов или их элементов. Такое положение совершенно невозможно для поддельного предмета.

Наоборот, случилось так, что все на этой пластине, казавшееся необъяснимым с точки зрения тогдашнего уровня знаний и вводившее в заблуждение экспертов, нашло себе аналогии и объяснения в свете последующих открытий и исследований, а это может быть присуще только подлиннику. В свете всего изложенного становится очевидным, что пластина Романовича является подлинником, очень ценным и интересным, знакомящим нас с новым сюжетом из скифского военного быта.

Поразительная близость ряда элементов на пластине из коллекции Романовича с изображениями солохинского гребня, сходство панцирей у воинов того и другого предмета; композиционная близость фигуры скифа-победителя пластины и пешего воина на гребне, простоволосого скифа в кафтане пластины и гребня, не должны остаться без внимания.

В то же время сцена на пластине далека от упрощенного копирования, рабского подражания. Композиция свободная, раскованная, имеет ряд самостоятельных новых элементов и решений. Ну и, конечно, нельзя не отметить, что оба эти произведения сделаны на разных уровнях художественного мастерства. Такое положение сходства, близости, с одной стороны, и независимости — с другой, можно объяснить тем, что оба предмета были изготовлены в одном центре, может быть, даже в одной мастерской, где мастерами-художниками были выработаны определенные художественные стереотипы, которые могли быть затем использованы различными мастерами: для различных предметов, в разной технике исполнения, с различной тщательностью и на различном уровне художественного достоинства.

---

[16] Геремесовы курганы, раскопки И. Е. Забелина в 1859 г.— В кн.: Древности Геродотовой Скифии, вып. II. СПб., 1872, с. 30; *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Ленинград — Прага, 1966, табл. 188.

Это четвертая из известных нам сцен сражающихся скифов. К их числу кроме нее принадлежат изображения на солохинском горите, солохинском гребне и на пластине Геремесова кургана. Вряд ли можно сомневаться в том, что сцены этих битв (особенно на солохинском горите и гребне) воспроизводят совершенно конкретные эпизоды, содержание которых, запечатленное в сказаниях, в героическом эпосе, было до мелочей известно современникам. К этой же группе, очевидно, можно относить и сцены на пластине из коллекции Романовича.

Остановимся на мотиве «отрубленной головы» в греко-скифской торевтике. Именно этот сюжет, иллюстрирующий рассказ Геродота о кровавых обычаях скифов, о получении ими доли военной добычи по количеству предъявленных голов сраженных врагов, вызывал всегда особое недоверие ученых. Такое представление сложилось в результате того, что фальсификаторы античных изделий с изображениями скифов неоднократно использовали этот мотив. Так, на двух серебряных ритонах-близнецах, в виде головы кабана с ручкой, изготовленных одесскими ювелирами и сбытыми в Лувр и Московский исторический музей, на фризе, украшающем верхнюю часть, изображены фигуры скифов, выполненные по кульобским мотивам, причем в обоих случаях на них фигурирует вождь и воин, приносящий голову врага [17]. Подделка есть подделка, но это не должно решающим образом отразиться на общем представлении о значении этого сюжета в изделиях древних торевтов. Так, на золотом колпачке из ст. Курджипской изображена повторенная дважды группа — два стоящие воина в скифской одежде держатся за древко вертикально опущенного острием вниз дротика. У левого воина в руке меч, у правого — большая отрубленная голова с серьгой в ухе [18]. Исследователи давно обратили внимание на сходство этого изображения с фигурой скифа на пластине из собрания Романовича. Обычно это использовалось в качестве мотива для компрометации курджипской находки и изображения. Однако сказанное выше, как нам кажется, дает основание для ее научной реабилитации. Напомним, что на золотой бляшке из Куль-Обы змееногая богиня в калатосе изображена держащей в руке отрубленную бородатую голову и меч [19]. На золотой пластинке, украшавшей колчан из кургана у Червоного Перекопа, изображена пантера, пожирающая человеческую голову с бородой и коротко стриженными волосами [20]. На ритоне из Карагодеуашха, со сценой инвеституры, под ногами всадников в скифской одежде лежат обезглавленные враги [21]. В кобанской гробнице № 76 Тлийского могильника в Южной Осетии на бронзовом поясе в стиле и технике кобанских изображений оказалась вычеканена сцена охоты двух воинов, конного и пешего, на различных диких зверей и птиц [22]. Погребение это хорошо датируется VII в. до н. э. По мнению ряда ученых, на этом поясе изображены скифы времени скифских походов в Переднюю Азию через Кавказ. У фигурки конного скифа к уздечке подвешена отрубленная человеческая голова (рис. 8). Мы не будем подробно останавливаться на этих интереснейших изображениях, так как они нуждаются в отдельном исследовании. В данном случае нам хочется только подчеркнуть, что в искусстве совсем другого народа, в столь раннюю пору, независимо от рассказа Геродота (IV, 64) и греко-скифского искусства

[17] *Передольская А. А.* Ук. соч., с. 46—49; *Фрел И.* Новый скифский памятник из Лувра.— СА, 1964, № 3, с. 292.

[18] ОАК за 1895 г. СПб., 1897, с. 62.

[19] *Артамонов М. И.* Ук. соч., табл. 230.

[20] *Лесков О. М.* Скарби курганов Херсонщини. Київ, 1974, с. 69, рис. 58.

[21] *Лаппо-Данилевский А. и Мамльмберг В.* Древности Южной России. Курган Карагодеуашх.— МАР, 1894, № 13.

[22] *Техов Б. В.* Раскопки Тлийского могильника в 1960 г.— СА, 1963, № 1, с. 165 сл.; *его же.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 214, рис. 77, *12, 13*; *Техов Б. В.* Скифские элементы в материальной культуре Юго-Осетии.— В кн.: Вопросы истории народов Кавказа. Сборник в честь акад. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1966, с. 45.

Северного Причерноморья, отрубленная голова врага, привязанная к узде, изображена как характерный атрибут скифства, в прямом соответствии с рассказом Геродота (IV, 64).

Обращаясь к вопросу о назначении пластины Романовича, следует сказать, что едва ли можно согласиться, что она была украшением одежды или покрытием колчана. Наиболее правдоподобно, с нашей точки зрения, видеть в ней накладное украшение головного убора, закреплявшегося на кожаной или войлочной основе.

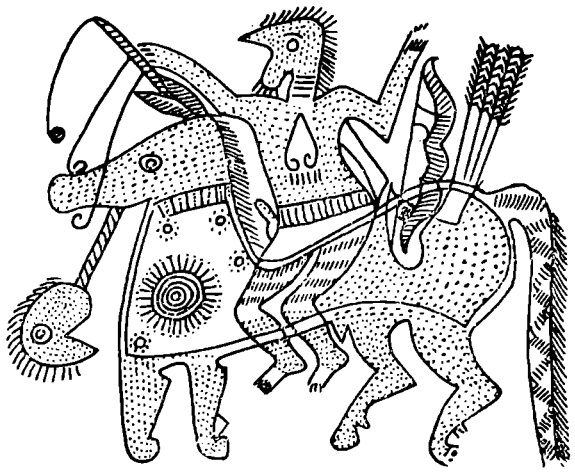


Рис. 8. Изображение конного воина на бронзовом поясе кобанской культуры (Тлийский могильник)

В IV в. до н. э. в греко-скифском искусстве Причерноморья широкое распространение получили ажурно вырезанные золотые накладные украшения, отделанные тисненными мотивами борьбы и терзания зверей, растительным орнаментом, а также отдельные накладные золотые бляхи, составлявшие иногда целые композиции. Из таких ажурных лент, со сравнительно небольшими прорезями, набраны, например, украшения женского головного убора из Чертомлыцкого кургана [23]. Ажурные ленты с растительным орнаментом украшают два головных убора из черноперекопского кургана на Херсонщине [24]. Серия ажурных золотых лент и прорезных накладок украшает предметы конской узды и личного убора из кургана Луговая могила близ Александрополя [25]. Золотой калатос из курганов Большая Близница украшен изображениями фигурок юных варваров (аримаспов), сражающихся со «стерегущими золото» грифонами. Каждая из этих фигур выбита высоким рельефом и прикреплена штифтиками к золотому фону пластины [26]. В окаймлении этих вещей обычны овы и пунсонный орнамент.

На другом калатосе из Большой Близницы орнамент составлен из закрепленных на кожаной цветной основе золотых, вырезанных по контуру рисунка фигурок пляшущих менад и эротом. Аналогичные накладные фигуры украшают головной убор из Деевского кургана [27], подобные фигурки были встречены в курганах Гайманова и Денисова могилы. В кургане у с. Рыжановка аналогичные изображения менад оказались выштампованными по ленте головного убора [28]. Очевидно, это же назначение имеют бляшки в виде фигурок танцовщиц из Большой Близницы [29].

К этой же серии, вероятнее всего, следует отнести и рассматриваемую нами пластину из коллекции Романовича. Правда, она не имеет прямых аналогий в других находках и является уникальной, что также говорит в пользу ее подлинности, потому что подделка всегда оказывается зависимой от какого-то ранее известного образца. Судя по суровости сцены, изображенной на пластине, ее естественнее представить украшением

---

[23] *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов, с. 56, рис. 109.
[24] *Лесков А. М.* Ук. соч., с. 91—93, рис. 78—80.
[25] *Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 68, 69, рис. 131; с. 79, рис. 133, 134.
[26] *Артамонов М. И.* Ук. соч., табл. 284, 285, 292—294; с. 117, описание табл. 284.
[27] *Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 63, рис. 121.
[28] *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II. СПб., 1894.
[29] *Артамонов М. И.* Ук. соч., табл. 266, 267, 310, 311.

мужского убора. Если мы представим, что сохранившаяся в правой части крестовина является серединой налобной части, то первоначальная окружность предмета должна была составлять 58—60 *см*, т. е. нормальную окружность накладного украшения головного убора. Тот сравнительный материал по древней торевтике, который нами привлекался при изучении ростовской золотой пластины Романовича, относится к IV в. до н. э. Вероятнее всего, эту пластину также следует датировать IV в. до н. э.

V. A. Ilinskaia

LA PLAQUE D'OR REPRESENTANT DES SCYTHES DE LA COLLECTION ROMANOVITCH

Résumé

En 1961, dans l'ouvrage «7.000 ans d'art iranien» (catalogue de l'exposition de Paris) a eté publiés la photographie d'un fragment de plague d'or, sur lequel est représenté le combat de quatre guerriers scythes. A l'heure actuelle cette plaque se trouve dans use collection particulière, à Bruxelles. Auparavant, elle faisait partie de la collection d'un certain Romanovitch, marchand et collectionneur de Rostov. En 1895, la plaque fut proposée au musée de l'Ermitage; mais son authenticité ayant été mise en doute, le musée refusa de l'acquérir. Cette pièce originale fut alors vendue à l'étranger. Son authenticité est prouvée par l'analyse de la scène figurée, les détails des vêtements et des armes, et quand on la compare avec les representations de Scythes figurant sur les objets découverts en 1895 dans les kourganes scythes. De plus, beaucoup de traits analogues rapprochent cette plaque des figures du peigne de Solokha, connu seulement en 1913 et publié en 1918. Plusieurs détails du costume et de l'équipement de guerre peuvent être expliqués grâce aux récentes découvertes faites dans des kourganes scythes, ainsi que par l'étude des armures scythes (assemblage de la cuirasse, du casque, de la ceinture, des pantalons garnis de plaques protectrices, etc.). A la lumière de toutes ces données il devient évident que la plaque Romanovitch est une pièce authentique qui nous offre une nouvelle scène de la vie guerrière chez les Scythes.

Р. С. МИНАСЯН

КЛАССИФИКАЦИЯ РУЧНОГО ЖЕРНОВОГО ПОСТАВА

(по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.)

Широкое распространение различных приспособлений для размола зерна или размельчения других видов твердых продуктов обусловлено необходимостью этих орудий в системе любого хозяйства. Среди археологического материала эти орудия являются одной из самых массовых категорий. По принципиальным различиям изготовления, устройства и действия все приспособления для размельчения зерна делятся на три самостоятельных класса — зернотерки, ступы и ротационные мельницы. Появление ротационных мельниц сравнительно с зернотерками и ступами относится к более позднему времени и знаменует начало развитой ступени сельскохозяйственного производства. Мельницы в отличие от зернотерок и ступ являются специализированными орудиями, приспособленными только для размалывания зерна. Принцип действия основан на вращательном движении верхнего жернова-бегуна на рабочей поверхности неподвижного нижнего.

Считается, что родиной ротационной мельницы является античная Греция. Появление мельниц может быть отнесено к середине I тысячелетия до н. э.[1] Изучение орудий мукомольного производства античной эпохи позволило исследователям связать различные этапы распространения ротационных мельниц на европейском континенте с конкретными историческими событиями — с греческой колонизацией, с завоевательной политикой Рима[2]. Появившийся в Греции жерновой постав и прогрессивный метод помола зерна постепенно начинают распространяться на других территориях Европы. В V—IV вв. он появляется в городах Северного Причерноморья[3]; после 300 г.— в Италии; во II в. или несколько позже, в поздней фазе латена,— к северу от Альп; около 100 г.— на юге Англии; в первой половине I в. н. э. — на территории Дакии и после 80 г. н. э.— в Шотландии[4].

По рабочим характеристикам мельницы античной эпохи делятся на пять подклассов[5]: 1 — тяжелый двуконусный жерновой постав, 2 — тяжелый постав с плоскими жерновами, 3 — утяжеленный одноконусный ручной жерновой постав, 4 — водяные мельницы, 5 — ручной постав с легки-

---

[1] *Пономарев Н. А.* История техники мукомольного и крупяного производства. Ч. I. М., 1955, с. 59.

[2] *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949, с. 81, 82.

[3] *Пономарев Н. А.* Ук. соч., с. 59—63.

[4] *Чайлд Г.* Ук. соч., с. 81, 82; *Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953, с. 120; *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища.— МИА, № 64, 1958, с. 207; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 254; *Grişan J. H.* Un depozit de unelte descoperit la Lechinţa de Mureş.— SCIV, 1960, XI, № 2, S. 285—300; *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschihte Europas. t. II, Prag, 1969, S. 864.

[5] *Пономарев Н. А.* Ук. соч., с. 66.

ми жерновами. По деталям конструкции мельниц подклассы подразделяются на группы и варианты.

Ручной постав с легкими жерновами, классификации которого посвящена данная работа, появляется также в Греции, видимо, примерно в середине I тысячелетия до н. э. В V—VI вв. он распространяется в греческих городах-колониях Северного Причерноморья (Ольвия, Фанагория, Харакс, Херсонес, Пантикапей) [6]. В дальнейшем он распространяется в пределах Римской империи и ее провинциях [7].

В отличие от населения античных государств, их колоний и провинций, население которых находилось под сильным влиянием античної культуры, варвары еще в начале нашей эры продолжали пользоваться одноручными и двуручными зернотерками. В позднеримское время ручной легкий жерновой постав начинает распространяться и у варваров, живущих за пределами восточного римского Лимеса. С появлением мельниц в том или другом ареале предшествующие им зернотерки некоторое время еще продолжают бытовать, но очень скоро новые орудия и прогрессивный метод помола зерна их вытесняют. После массового распространения ручных ротационных мельниц зернотерки редко встречаются вместе с жерновами на одних и тех же памятниках. Не исключено, что старые камни от зернотерок теперь уже используются не в мукомольном производстве, а для каких-либо иных целей.

Единой классификации европейского ручного легкого жернового постава не существует. Обычно это орудие рассматривается только при анализе инвентаря археологических культур или отдельных памятников, причем чаще всего исследователи ограничиваются констатацией наличия мельничных устройств, не останавливаясь специально на изучении их конструкции. В основу типологии обычно берутся два признака, при критическом анализе которых можно убедиться, что они не являются принципиальными.

Жернова от ручных мельниц бывают с плоскими и конусными рабочими поверхностями. Крутизна конусности всегда учитывается, причем широко бытует мнение, что конусные жернова в отличие от плоских являются более поздними и совершенными. Это мнение ошибочно. Жернова для легкого жернового постава изготавливались всегда с плоскими рабочими поверхностями, но в результате амортизации поверхности изнашивались, причем по мере возрастания скорости от центра к краям износ жернова также увеличивался. В результате износа между жерновами появлялся клинообразный зазор, после чего жернова ремонтировались (притирались) и таким образом появлялась постепенно увеличивающаяся конусность рабочих поверхностей. Жернова с наибольшей крутизной конусности просто более изношены. Они имеют характерный признак износа — небольшой валик вокруг центрального отверстия на нижнем камне, который вытачивался вращающимся верхним камнем, имеющим отверстие для засыпки зерна, большего диаметра, нежели отверстие в нижнем.

Другое ошибочное представление связано с наличием или отсутствием у одних мельничных устройств сравнительно с другими специальных приспособлений — порхлицы и цапфы (веретена), позволяющих регулировать зазор между жерновами. Античные жернова, как правило, и многие средневековые имеют специальный паз вдоль отверстия на внутренней стороне верхнего жернова, предназначенный для железной порхлицы — своего рода подшипника для цапфы. Варварские жернова I тысячелетия н. э., как правило, этого паза не имеют. Поэтому в литературе широко распространено мнение, что последние не имели порхлицы и у

---

[6] Там же, рис. 77.

[7] *Йовчев И.* Зърносмилането в античния град при Хисар.— Археология. София, 1970, № 4, с. 34—45.

них зазор между жерновами не регулировался. Однако без подвески верхнего камня, для чего порхлица необходима, мельничное устройство работать не может. Во-первых, бегун без порхлицы было бы трудно, а при большом его весе и невозможно повернуть теми слабыми рычажными приспособлениями, которые реконструируются по археологическим данным и известны по средневековым миниатюрам и этнографии. Во-вторых, зерно не могло бы поступать между плотно притертыми жерновами, не имеющими зазора между собой.

Жерновой постав всегда имел железные или чаще всего деревянные порхлицу и цапфу. При раскопках Новгорода [8] и других древнерусских городов было найдено многих деревянных деталей, в том числе и порхлиц, от мельничных устройств. По этнографическим данным известно, что в русской деревне чаще пользовались ручным жерновым поставом с деревянными порхлицей и цапфой. Паз же для деревянной порхлицы делать необязательно, ибо кусок дерева хорошо можно запрессовать в отверстие бегуна, которое, кстати, никогда не бывает идеально цилиндрической формы. Таким образом, ни величина конусности, ни наличие специального паза для порхлицы (деревянной или железной) не имеют существенного значения для типологии постава.

Не имеет существенного значения и материал. Жернова преимущественно изготовлялись из местных (подручных) пород камня — базальта, туфа, гранита, ракушечника, песчаника, известняка и др. Там, где камень был редкостью, известно изготовление искусственного материала для жерновов. При раскопках г. Родня на Украине и на ряде других памятников были обнаружены жернова, сделанные из кусков кварца, полевого шпата, биотита и других материалов, скрепленных массой глины и бурых окислов железа при соответствующем обжиге [9].

Легкий ручной мельничный постав, распространенный у народов Европы, различается по принципу подвески бегуна, конструкции рычажного устройства и стола, на котором находились жернова. Стол, как правило, изготовлялся из дерева — дерево же сохраняется в исключительно редких случаях. Поэтому данными об устройстве стола мы практически не располагаем. В лучшем случае можно только констатировать его наличие, опираясь на иконографические и этнографические данные. О принципе же подвески бегуна и рычажном приспособлении можно судить, исходя из конструкции жерновов.

Диаметр жерновов легкого ручного постава колеблется в пределах 30—50 *см*. Жернова имеют следующие отличия. Верхний камень — бегун имеет квадратные, овальные и круглые сквозные отверстия для засыпки зерна. В этом же отверстии крепилась прямоугольная деревянная или железная порхлица. Нижний камень имеет лунку или сквозное отверстие для цапфы. На внешней поверхности бегуна лунки для рычага может и не быть. В последнем случае рычаг крепился на периферии бегуна при помощи специальной опалубки. По этим признакам, характеризующим конструкцию мельничного устройства в целом, европейский ручной постав делится на три группы.

I группу (рис. 1) представляет жерновой постав с круглым отверстием в бегуне, с порхлицей (железной или деревянной), регулируемой цапфой, проходящей через сквозное отверстие нижнего камня, и рычажным устройством — маховым штоком. Маховой шток представляет собой палку, верхний конец которой полуподвижно крепился в потолке или брусе, нижний же — в отверстии специального выступа, расположенного на периферии бегуна (многие античные и провинциально римские жернова), или же в отверстии заменяющей выступ специальной деревянной

[8] *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия.— САИ, вып. Е1—55, М., 1968, с. 76, 77, табл. 71.

[9] *Мезенцева Г. Г.* Новые данные об изготовлении древнерусских жерновов.— СА, 1963, № 4, с. 224—227.

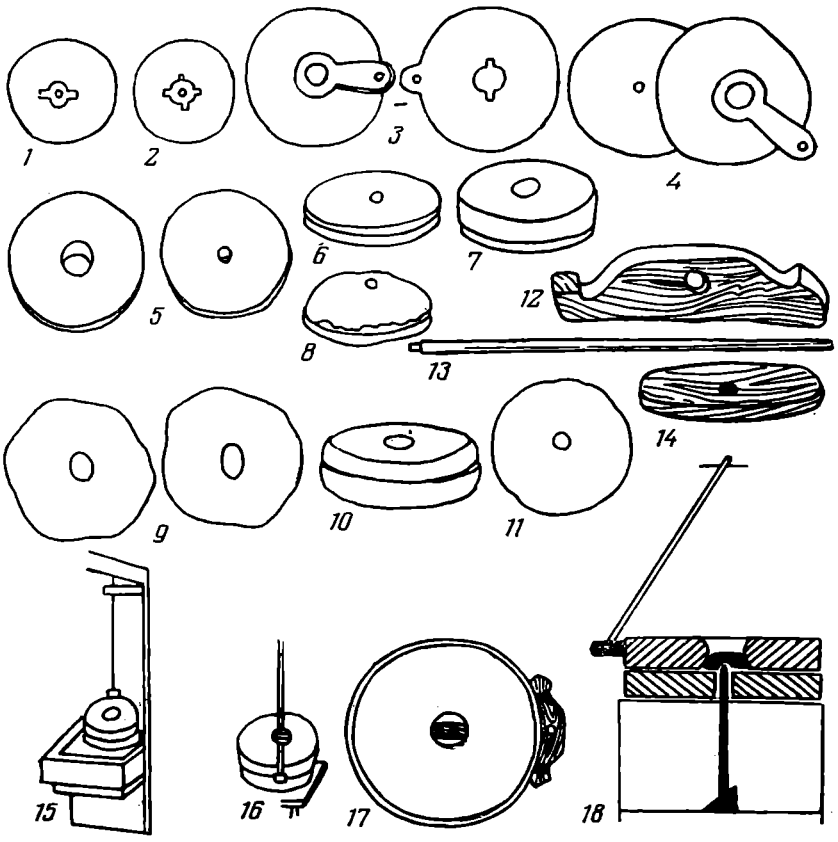


Рис. 1. Постав I группы. *1—4* — античные жернова; *5—16* — раннеславянские и древнерусские жернова; *17, 18* — схема конструкции постава I группы. *1, 2* — Нове (Болгария); *3* — Хисар (Болгария); *4* — Керчь; *5* — Новгород; *6* — Донецкое городище; *7* — Старый Корум (ЧССР); *8* — Боршевское городище; *9* — Микульчице (ЧССР); *10* — Хнойно (ЧССР); *11* — Торнов (ГДР); *12—14* — деревянная планка, маховой шток и порхлица из Новгорода; *15* — постав с миниатюры начала XVII в. из Жития Сергия Родонежского; *16* — постав с миниатюры XVI в. из Царственного Летописца

планки, прикрепленной к бегуну лубяным ободом (античные, всеобщие раннеславянские, древнерусские, большинство современных восточноевропейских — русские, белорусские, большинство украинских). Это мельничное устройство хорошо известно по средневековым миниатюрам (рис. 1, *15, 16*) и этнографии. Поставы с деревянной планкой, прикрепленной ободом к бегуну, и деревянными порхлицей и цапфой являются упрощенным вариантом античных и восточнопровинциальных римских мельничных устройств.

II группу (рис. 2) представляют мельничные устройства, которые не имеют сквозного отверстия для цапфы на нижнем жернове. В настоящее время можно выделить два варианта жерновов этой группы.

Вариант А (рис. 2, *1—19*) II группы представлен парой жерновов, верхний из которых имеет круглые, овальные или квадратные отверстия (видимо, хронологические признаки), на нижнем же вместо сквозного отверстия имеется коническая ямка глубиной в 3—4 *см*. Такой постав появляется в позднеримское время на территории Германии, Польши, Скандинавии [10] и в ареале черняховской культуры (Пруто-Днестровское междуречье, Волынь, Подолия, Северное Причерноморье). После исчезнове-

[10] *Lies H.* Die vor- und frühgeschichtlichen Drehmühlensteine im Bezirk. Magdeburg.— Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd 47, Halle, 1963; *Peterson J.* Gamle gardsanlegg i Rogoland. Oslo, 1933, S. 120—135; *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finland. Helsinki, 1973, Abb. 1264, 1265.

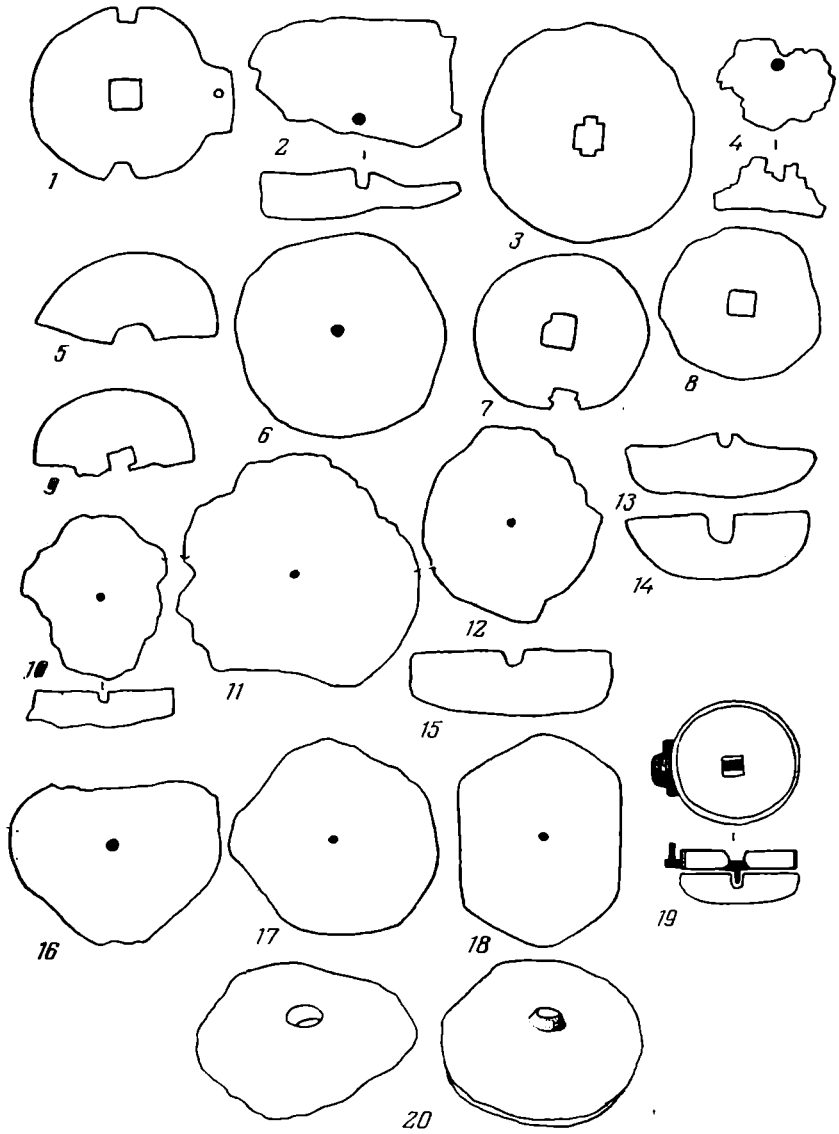


Рис. 2. Постав II группы. *1—19* — германские и черняховские жернова варианта А; *20* — постав варианта Б. *1, 2* — Кобуска Веке; *3, 4* — Русеяны; *5, 6* — Иваньковцы; *7* — Коблево; *8* — Балцаты; *9* — Делакеу; *10* — Будешты; *11* — Слободище; *12* — Лоддорф; *13* — Журавка; *14* — Гентин; *15* — Магдебург; *16—18* — о. Роголанд; *19* — реконструкция постава варианта А; *20* — Узмень

ния черняховской культуры (в конце IV — начале V в. н. э.) данный жерновой постав исчезает в Восточной Европе, но продолжает бытовать на территориях, занятых германским населением (Германия, Северная Европа), длительное время, включая эпоху переселения народов и раннее средневековье.

На черняховских поселениях найдены сотни жерновов[11], что свидетельствует о широком распространении мельничного постава у населения

---

[11] *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975, с. 137—139; *Винокур І. С.* Старожитності Східної Волині.— В сб.: Праці комплексної експедиції Чернівецького Державного Университету, т. VIII. Серия археологічна, вып. І. Чернівці, 1960, с. 77; *Симонович Э. А.* Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, № 139, 1967, с. 219, 231; *Федоров Г. Б.* Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, № 89, 1960, с. 322.

этой культуры. В двух случаях обнаружены специально оборудованные постройки, предназначенные для мукомольного производства [12].

К сожалению, публикации черняховских жерновов редки; в ряде случаев в тексте не указывается, верхний это или нижний жернов. Поэтому на основании опубликованных находок и описаний жерновов можно только заключить, что в черняховской культуре ведущим был постав II группы варианта А — с квадратным отверстием в бегуне и лункой в нижнем камне. Однако в Германии, Польше и Северной Европе, где этот постав был распространен, наряду с ним, но в меньшем числе бытовал и постав I группы. Имело ли это место в черняховской культуре, сказать точно мы, к сожалению, не можем из-за отсутствия информации в литературе. Этот вопрос представляет определенный интерес в связи с проблемой определения этнического состава населения черняховской культуры и еще требует своего решения.

Черняховское мельничное устройство в свое время было неправильно реконструировано как не имеющее порхлицы и цапфы, когда центровка жерновов осуществлялась при помощи специальной опалубки, охватывающей оба жернова и предохраняющей верхний от смещения [13]. Выше было отмечено, что жернова без порхлицы работать вообще не могут. Они не могут и центрироваться общей для жерновов опалубкой, поскольку жернова, особенно нижние камни постава II группы, в большинстве случаев неправильной формы. С другой стороны, наличие на жерновах характерных концентрических следов сработанности явно свидетельствует, что данное мельничное устройство было центрировано, несмотря на отсутствие сквозного отверстия для цапфы на нижнем жернове, имело порхлицу, судя по остаткам дерева, сохранившимся в квадратных отверстиях бегуна на ряде находок в Германии, и, следовательно, имело большую скорость в работе.

По всем данным постав II группы может быть реконструирован следующим образом: подвеска верхнего жернова осуществлялась при помощи специальной деревянной конструкции, представляющей еще не разделенную порхлицу и цапфу, грибовидной в разрезе формы, вставленную основанием в коническую ямку на нижнем камне [14]. На внешней стороне верхних камней нет лунок для рукояти, как это отмечается у поставов следующей — III группы. Следовательно, прикрепление рычага было боковым, периферийным, а бегун имел деревянную планку, прикрепленную ободом. Об этом свидетельствует и находка бегуна в Кобуска Веке [15], (рис. 2, *1*), у которого на боку имеется каменный выступ с отверстием. Если же последнего нет, то функцию его выполняет планка. Рычаг у этого постава мог представлять и длинный маховой шток, как у поставов I группы, и короткую рукоять, как у утяжеленного одноконусного античного постава.

В сравнении с другими поставами «германо-черняховский» является одним из примитивных, и не имей ко времени его появления принцип ротационной мукомольной техники уже 700-летнюю историю развития, его можно было бы рассматривать как изначальную форму жерновых приспособлений. Однако даже это примитивное устройство в позднеантичное время вряд ли могло возникнуть самостоятельно, без влияния техники мукомольного производства, распространенной у соседних народов — кельтов и населения восточноримских провинций. Прообразом же для легкого жернового постава II группы могли послужить облегченные одноконусные жерновые поставы кельтов или портативные мельничные

---

[12] *Симонович Е. О.* Млинове спорудження перших століть н. э. на Південному Бузи.— Археологія, 1952, VI, с. 97; *Винокур И. С.* Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н. э.— СА, 1970, № 2, с. 238—244.

[13] *Винокур И. С.* Опыт реконструкции..., с. 238—244.

[14] *Lies H.* Op. cit., S. 315.

[15] *Федоров Б. Г.* Ук. соч., с. 322.

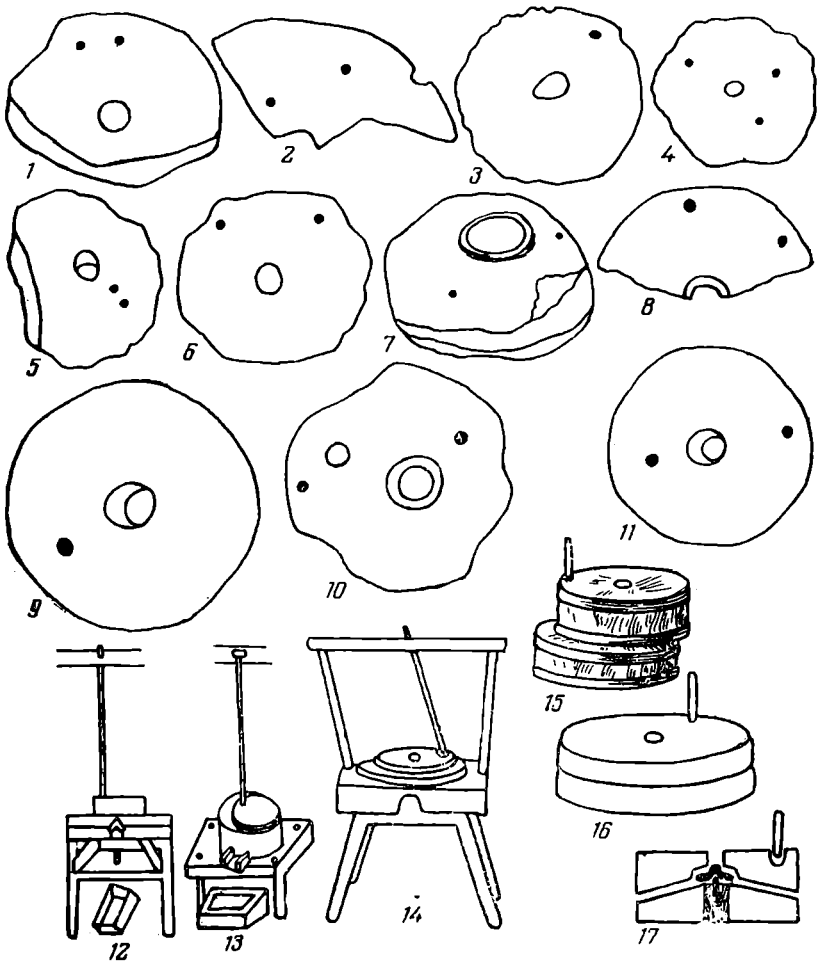


Рис. 3. Постав III группы. *12—14* — вариант А; *15—17* — вариант Б. *1* — Карнауховское; *2* — Новотроицкое; *3* — Гиляч; *4* — Саркел; *5* — Анакопийское городище; *6* — Оймак (Тува); *7* — из Минусинской котловины; *8, 9* — Афоньевское поселение; *10* — Ютановское поселение; *11* — Столбищенское поселение; *12, 13* — постав с миниатюр XIV в. из легенды о св. Ядвиге; *14* — чешская мельница (по Л. Нидерле); *15—17* — этнографические жернова с Кубани, Армении и Болгарии

устройства римской армии, которые имели также ямку на нижнем камне вместо сквозного отверстия для цапфы [16].

Вариант Б (рис. 2, *20*) отнесен ко II группе предварительно. Верхний камень имеет круглое отверстие. На нижнем вместо отверстия или лунки для цапфы имеется четко выраженный выступ, заменяющий цапфу. Как осуществлялась подвеска бегуна, сказать трудно. Скорее всего и у этого постава была деревянная порхлица. В противном случае выступ был бы быстро разбит бегуном в процессе работы.

На территории Восточной Европы известно всего несколько находок таких жерновов. Они не опубликованы, но необходимые данные были любезно предоставлены автору Ю. Э. Тыниссоном и А. Е. Леонтьевым. Нижний жернов с выступом был найден на западноэстонском городище Соонтагана. Он представляет массивную плиту 50 *см* в диаметре и 21—22 *см* высотой. В центре рабочей поверхности имеется выступ 3—4 *см* высотой. Несколько находок известно в Ярославском Поволжье. Пара жерновов и нижний камень найдены на Сарском городище в 1930 г.

---

[16] *Йовчев И.* Ук. соч., с. 40—45; *Filip J.* Keltowé ve středni Evropě. Praha, 1956, tab. LXVI, *17*; *Пономарев Н. А.* Ук. соч., рис. 42, 43.

Пара жерновов найдена в 1970 г. в Старой Рязани в слое XII—XIII вв.[17] и пара жерновов (рис. 2, *20*) найдена в Бежецком р-не Калининской обл. в заполнении постройки I на поселении Узмень при раскопках в 1975 г. Постройка относится к горизонту, по совокупности материала датируемому X—XI вв.

Такие же жернова находят в Северной Европе[18]. К сожалению, известные автору редкие публикации североевропейских жерновов зачастую не содержат информацию, необходимую для нашей классификации, поэтому в настоящее время затруднительно с уверенностью выявить регион поставов варианта Б. Тем не менее, учитывая, что североевропейские жернова эпохи переселения народов и позже не имели сквозного отверстия для цапфы, можно предположить, что эти жернова должны быть отнесены к североевропейскому кругу древностей. Находки в Соонтагана, Сарском городище и Старой Рязани скандинавских материалов не противоречат этому предположению.

III группу (рис. 3) представляет постав, имеющий деревянную или железную порхлицу и регулируемую цапфу. Отверстие в бегуне круглое. Он приводился в действие рычагом, который вставлялся в специально выдолбленное для него гнездо на внешней стороне верхнего жернова. Устройства данной группы подразделяются на два варианта. Постав варианта А (рис. 3, *12—14*) устанавливается на специальном столе, имеет длинный рычаг — маховой шток, верхний конец которого полуподвижно закрепляется в отверстии потолка или специального бруса. Цапфа, проходя сквозь стол, регулировалась под ним. Вариант Б имеет короткий рычаг-ручку и короткую цапфу под торец нижнего камня (рис. 3, *15—17*); специального стола не имеет. Судя по этнографическим аналогиям, оба варианта существуют параллельно, но было ли это так в эпоху появления постава III группы, сказать трудно. Деревянные детали сохраняются редко. Скорее всего как наиболее простая, первоначальная форма был постав варианта Б. Жернова III группы практически не опубликованы, но по археологическим, графическим и этнографическим данным территория распространения их в Восточной Европе фиксируется достаточно точно.

С VIII в. н. э. постав III группы широко бытовал у полукочевого населения Подонья, Нижнего Поволжья, Приазовья, Кубани и Северного Кавказа. Находки жерновов на салтовских поселениях Карнауховском, Суворовском, у дер. Доброй, у хут. Подгоровка отмечены И. И. Ляпушкиным[19]. Опубликованы жернова из Саркела, поселения Гиляч и Анакопийского городища[20]. По сведениям, любезно представленным автору В. С. Флеровым, А. Г. Николаенко и В. К. Михеевым, жернова III группы нашей классификации были найдены на салтовских поселениях Малой Боршевке, Балаганы, Афоньевском, Ютановском, Столбище II, Маяки. Большое количество салтовских жерновов хранится в краеведческих музеях. По В. А. Кузнецову, сотни жерновов с лункой на верхней поверхности бегуна найдены на аланских городищах VIII—XIII вв. на Северном Кавказе[21]. Известны такие жернова и в Сибири на памятниках золотоордынского времени[22].

---

[17] *Монгайт А. Л.* Отчет о работе Рязанской археологической экспедиции в 1970 г. (Приложение). Архив ИА АН СССР, р-I, № 4109, с. 25, 26.

[18] *Kivikoski E.* Op. cit., Abb. 1266; *Jankuhn H.* Die ausgrabungen in Haithabu. Berlin — Dahlem, 1943, Abb. 69.

[19] *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры.— МИА, № 62, 1958, с. 119.

[20] *Артамонов М. И.* Белая Вежа.— СА, XVI, 1952, с. 52; *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965, с. 239; *Минаева Т. М.* Археологические памятники на р. Гиляч в Верхнем Прикубанье.— МИА, № 23, 1953, с. 291.

[21] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 60, 61.

[22] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, рис. 6, *3*; *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948, рис. 169.

В средневековье жерновой постав III группы распространяется на территории Юго-Восточной Европы, сменив бытовавший здесь прежде постав I группы. Это явление, очевидно, связано с появлением в Юго-Восточной Европе кочевого населения южнорусских степей. Как показывают данные этнографии, постав III группы вплоть до современности бытует в СССР (Подонье, Кубань, Кавказ) [23] и за рубежом (Болгария, Румыния, Венгрия, Чехословакия и ряд других стран) [24].

Прослеживая историю распространения жернового постава на территории Восточной Европы, можно выделить несколько этапов, которые могут быть рассмотрены в связи с культурными контактами или передвижениями отдельных групп населения.

1. В V—IV вв. до н. э., с греческой колонизацией Северного Причерноморья, жерновой постав I группы появляется в городах-колониях (Ольвия, Фанагория, Харакс, Пантикапей, Херсонес). В первых веках нашей эры отдельные находки жерновов появляются на городищах позднескифского и сармато-меотского времени в Прикубанье и Приазовье в зоне массового использования зернотерок. В других районах Восточной Европы зернотерками еще широко пользуется население зарубинецкой, милоградской, юхновской, днепро-двинской, дьяковской, городецкой археологических культур, культуры штрихованной керамики и население ряда культур в Прибалтике.

2. Во II—IV вв. н. э., с появлением в Восточной Европе памятников черняховской культуры, появляется жерновой постав II группы, который в начале V в., после исчезновения черняховских памятников, исчезает, но продолжает бытовать в эпоху переселения народов и позже в Германии и Северной Европе. Остальное население Восточной Европы попрежнему пользуется зернотерками. Следует отметить особенность поселений бассейна р. Десны во второй и третьей четвертях I тысячелетия н. э., систематическое исследование которых ведется на протяжении ряда лет. Здесь никаких орудий мукомольного производства вообще не находят [25]. Правда, к этому периоду некоторые исследователи полагают возможным относить единичные находки проникающих в лесную зону первых жерновов. В Белоруссии, на поселении Абидня, в одной из ям были обнаружены две зернотерки и жернов, датируемые II—V вв. н. э.[26] В Среднем Прикамье, на Буйском городище, наряду с зернотерками найден обломок жернова, который отнесен к азельской культуре III—V вв. н. э. Два обломка жерновов, также наряду с зернотерками, найдены на городище Чеганда I и отнесены к мазунинской культуре, датируемой тем же временем [27]. Эти жернова найдены вне комплексов. Поскольку данные памятники в свое время распахивались и стратиграфия их культурных напластований нарушена, условия находок остаются неизвестными. Учитывая факт полного господства зернотерок в лесной зоне, а также неопределенность условий обнаружения жерновов, можно высказать сомнение относительно правильности датировок этих находок. Скорее всего эти единичные жернова относятся к более позднему времени.

3. VI—VII вв. являются новым этапом в истории распространения ручных мельниц. На значительной части Средней, Юго-Восточной Евро-

---

[23] *Бдоян В. А.* Земледельческая культура Армении. Ереван, 1972, рис. VII; *Пчелина Е. Г.* Осетинская мельница «Къада куырой I».— Известия североосетинского научно-исследовательского института, т. XXV. Орджоникидзе, 1966, рис. VI, VII.

[24] *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, рис. 74; *Knézy Judit.* A bencsik fazekascsalád története. A janus Pannoinus múzeum évkönyve, XIV—XV. Pécs, 1974, S. 281; *Вакарелски Х.* Етнография на България. София, 1974, с. 264.

[25] *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 40—118.

[26] Очерки по археологии Белоруссии, т. 1. Минск, 1970, с. 174.

[27] *Генинг В. Ф.* Азелинская культура. III—V вв.— ВАУ, 1963, № 5, с. 28; *его же.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье.— В сб.: Мазунинская культура.— ВАУ, 1967, № 7, с. 32.

пы и в СССР, на территориях к западу от среднего течения Днепра (Молдавия, Украина) в это время появляются славянские поселения и могильники с керамикой так называемого «пражского» или «корчакского» типов. На многих славянских поселениях этого периода находят по одному или несколько экземпляров каменных жерновов I группы. Зернотерки на этих поселениях попадаются крайне редко. Жернова среди материалов VI—VII вв. обнаружены к западу от среднего течения Днепра (Городок, Бакота, Вильховцы, Рашков, Каветчина, Сокол, Малиновцы, о. Мытковский, Семенки, Зеленый Гай, Лука, Слободка, Сахновка, Глинжаны, Незвиско, Луг I, Бранешты I, Одая, Ханска, Лопатна, Раскаецы) [28], а также в Болгарии, Чехословакии и Польше [29].

4. С VIII в. постав I группы появляется на Левобережье, на памятниках роменско-боршевской культуры — городища Боршевское, Донецкое, Горналь, Кудеярова Гора, Супруты, Титчиха [30]. Изредка здесь попадаются и жернова III группы (Новотроицкое городище) [31], что, видимо, объясняется соседством салтовской культуры, для которой постав III группы был характерен. Таким образом, на основании находок жерновов на славянских памятниках можно заключить, что начиная с VI—VII вв. постав I группы является одним из стойких признаков культуры восточнославянского населения.

5. На территориях, лежащих к северу от Припяти и Десны, в VI—VII вв. еще широко бытуют зернотерки. Они найдены на Троицком городище под Москвой, в Березняках и на Попадьинском селище (Волго-Окское междуречье), в Жабино (Верхнее Подвинье), в Церковище и Замковой горе (БССР), городище Кентескалнс и Кивты (Латвия) [32] и др. Зернотерки, по-видимому, употреблялись в лесной зоне на протяжении всего I тысячелетия н. э., а в Прибалтике и Волго-Окском междуречье и несколько позже, поскольку их там находят в слоях X—XI вв.[33] С VIII—IX вв. или с IX в. (точную дату еще предстоит выяснить) в области Верхнего Поднепровья и северо-западных областей РСФСР известны хорошо стратиграфически зафиксированные находки жерновов I группы. Два жернова найдены на Смоленщине, на городищах Тушемля и Городок [34], в слоях пожарища, который произошел на последнем этапе существования памятников, примерно в VIII—IX вв. Один жернов

[28] *Приходнюк О. М.* Раннеславянские поселения в Северном Поднестровье.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 219; *его же.* Славяне VI—VII вв. на Подолии. Автореф. канд. дис. Киев, 1971, с. 12; *Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г.* Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, с. 78, 79.

[29] *Выжарова Ж. Н.* Памятники Болгарии конца VI—XI вв. и их этническая принадлежность.— СА, 1968, № 3, с. 148 сл.; *Neustupný J., Hásek I., Hralová I., Břeň I., Turek R.* Pravék Československa. Praha, 1960, s. 391; *Domanski A.* Witwornie kameni żarnowych na stokach góry Ślęży. Silesia antiqua, t. 7, 1965, S. 219; *Černohorsky K.* Žernový v hospodářsko-společenském vývoji časného středověku.— PA, 1957, ročnik XLVIII, číslo 2, S. 528—533.

[30] *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону.— МИА, № 8, 1948, с. 51—55; *Изюмова С. А.* Раскопки городища у с. Супруты.— АО — 1971. М., 1972, с. 93; *Вознесенская Г. А.* Раскопки славянских памятников на р. Псёл.— АО — 1971. М., 1972, с. 96; *Довженок В. И.* Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, рис. 71.

[31] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, № 74, 1958, рис. 28, *1.*

[32] *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище.— МИА, № 156, 1970, с. 46; *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.— МИА, № 5, 1941, с. 10; *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, № 76, 1960, с. 115; *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94, 1961, с. 89; Очерки по археологии Белоруссии, т. II. Минск, 1972, с. 231—244; *Стубавс А. Я.* Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг.— ВЭИНП, т. I. М., 1959, с. 201.

[33] *Горюнова Е. И.* Ук. соч., с. 169; *Шноре Э. Д.* Асотское городище.— В сб.: Материалы и исследования Латвийской ССР, т. II. Рига, 1961, Приложение II; *ее же.* Раскопки поселения на острове Доле.— АО — 1969. М., 1970, с. 333.

[34] *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, с. 16, 68.

наряду с зернотеркой и керамикой верхнетушемлинского типа найден на Замковой Горе [35] в БССР. Один жернов найден на городище Сельцо в Новгородской обл. в слое с лепной керамикой и материалами IX в.[36] Шесть целых жерновов, причем один полуобработанный, и 34 обломка найдено на городище Камно в Псковской обл. Большая часть жерновов обнаружена в нижнем слое с лепной керамикой, датируемой VIII—IX вв.[37] Начиная с X в. в лесной зоне в слоях древнерусского города, за исключением единичных находок жерновов II группы варианта Б, находят жернова и детали от ручных мельниц I группы. Они найдены в Старой Ладоге, Новгороде, Пскове, Изборске, Лукомле, Волковыске, Полоцке, Витебске, Минске, Гродно, Новогрудке, Рязани [38] и др.

6. В конце X или в XI вв. жернова I группы начинают проникать в Прибалтику [39], где они некоторое время сосуществуют с зернотерками. С этого времени можно говорить о всеобщем распространении ручных ротационных мельничных устройств у народов Восточной Европы.

Рассматривая историю распространения жернового постава, нельзя не обратить внимания на факт его позднего появления на территории лесной зоны Восточной Европы. По этому поводу в отечественной литературе существуют две противоположные точки зрения. В. П. Левашова связывала появление жерновов с распространением далеко на север русского земледелия, но не указывала, когда именно это произошло [40]. Ю. А. Краснов в своем исследовании по истории развития земледелия лесной зоны Восточной Европы утверждает, что двуручные зернотерки, предшествующие жерновам и имеющие здесь широкое распространение в раннем железном веке, «следует рассматривать как переходные от зернотерок к жерновам» [41]. Из этого заключения следует, что жерновой постав появляется в лесной зоне самостоятельно, без каких-либо внешних причин, в результате эволюции местных орудий.

Нельзя отрицать, что двуручные зернотерки по времени предшествовали появившимся где бы то ни было первым мельничным устройствам ротационного действия, но двуручные зернотерки лесной зоны к эволюции распространившегося здесь в конце I тысячелетия н. э. ручного жернового постава не имеют никакого отношения.

Как свидетельствуют археологические материалы, начало распространения в лесной зоне Восточной Европы жернового постава бесспорно относится к VIII и IX вв., но не ранее, т. е. к тому времени, когда различного типа мельничными устройствами уже широко пользовались народы, населявшие другие территории Европы. Изобретать жерновой постав заново не было никакой необходимости.

Постав I группы — совершенное мельничное устройство с большой скоростью вращения бегуна. Этот постав является упрощенным вариантом восточнопровинциального римского ручного постава, и двуручные зернотерки орудиями переходного типа к нему быть не могли.

---

[35] *Митрофанов А. Г.* Новые данные о памятниках VI—VIII вв. в Средней и Северной Белоруссии.— В сб.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 221.

[36] Архив ЛОИА АН СССР, 1974, кол. 2643, О — 3016/1—42.

[37] *Тараканова С. А.* Городища Псковское и Камно. Рукопись.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, д. 1859 и 1859а, с. 144, 145; *Плоткин К. М.* К вопросу о хронологии городища Камно Псковской обл.— КСИА АН СССР, № 139, 1974, с. 16.

[38] *Равдоникас В. И.* Старая Ладога.— СА, XI, 1949, с. 48; *Седов В. В.* Раскопки в Изборске.— АО — 1971. М., 1972, с. 27; *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.— В сб.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 32, 1956, с. 94; *Загорульский Э. М.* Древний Минск. Минск, 1963, с. 75; *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде.— МИА, № 11, 1949, рис. 16; *Монгайт А. Л.* Рязанская Земля. М., 1961, с. 260; *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, № 41, 1954, рис. 21; Сб.: Древности Белоруссии, т. 2. Минск, 1969, с. 386; *Штыхов Г. В.* Исследования в Северной Белоруссии.— АО — 1969. М., 1970, с. 309; *его же.* Древний Полоцк. Минск, 1975, с. 99.

[39] *Шноре Э. Д.* Асотское городище... Приложение II; Latvijas PSR arheologijas, Riga, 1974, S. 247.

[40] *Левашова В. П.* Ук. соч., с. 95.

[41] *Краснов Ю. А.* Ук. соч., с. 84.

Появление в лесной зоне ротационных мельниц не может быть объяснено также импортом. Трудно себе представить гранитные жернова, в массовом количестве импортированные в эпоху средневековья на огромные расстояния, причем в области, где гранит был в изобилии. К тому же, будучи импортированным, жерновой постав должен был бы какое-то время сосуществовать с зернотерками, как это имеет место в Прибалтике, но при раскопках древнерусских городов находят только жернова. Появление в лесной зоне жернового постава не может быть объяснено и только за счет развивающегося в X—XI вв. городского ремесленного производства. На раннеславянских поселениях VI—IX вв. находят жернова от постава I группы задолго до появления городского ремесленного производства. В лесной зоне ранние жернова VIII—IX вв. также находят на сельских поселениях.

Таким образом, можно констатировать следующее. Наличие в I тысячелетии н. э. тех или иных орудий для размельчения зерна по археологическим материалам фиксируется у всех народов Европы. Факт же распространения в лесной зоне жернового постава I группы позволяет внести некоторую определенность в проблему заселения этой территории. Вплоть до VIII—X вв. в лесную зону не было притока населения, пользующегося в мукомольном производстве жерновым поставом. В противном случае это мельничное устройство должно было распространиться здесь неизбежно. Следовательно, население черняховской и пшеворской культур в период II—IV вв. (Украина, Молдавия, Румыния, Польша) и население корчакско-пражской культуры периода VI—VII вв. (Украина, Молдавия, Румыния, Болгария, Чехословакия, Польша), пользовавшееся ручным жерновым поставом, непосредственного участия в заселении Верхнего Поднепровья и северо-западных областей СССР не принимало.

Появление в лесной зоне Восточной Европы VIII—IX вв. н. э. легкого ручного жернового постава I группы нашей классификации может быть объяснено появлением здесь в VIII (?) — IX—X вв. каких-то групп славянского населения, которые приняли непосредственное участие в формировании культуры древнерусского города.

R. S. Minassian

CLASSIFICATION DES MOULINS A BRAS DE L'EUROPE ORIENTALE
(Ier millénaire de n. è.)

Résumé

Parmi la population barbare de l'Europe commencent à se répandre, à l'époque romaine, des moulins à bras, qui, peu à peu, remplacent les précédentes pierres à broyer le grain. D'après les particularités de leur construction, ces moulins sont divisés en trois groupes. Le groupe I (fig. 1) était répandu dans la région du Danube et sur le littoral nord de la mer Noire dans l'Antiquité. A partir du VIe s. de n. é. ces moulins font leur apparition parmi la population slave. Chez les Slaves de l'Est, ils apparaissent, aux VIe-VIIe s., dans les régions situées à l'ouest du cours moyen du Dniepr, puis, du VIIIe au IXe s., sur la rive gauche du Dniepr, et c'est seulement à la fin du VIIe ou au IXe s. qu'ils pénètrent dans la zone forestière. Le groupe II (fig. 2) était répandu parmi la population germanique de l'Allemagne, de la Pologne, de l'Europe septentrionale et de l'Europe orientale, sur l'aire de la culture de Tcherniakovo. Au début du Ve s., ces moulins disparaissent dans l'Europe de l'Est, mais en Allemagne et dans l'Europe du Nord on les emploie jusqu'au Moyen Age. Le groupe III (fig. 3) était, depuis le VIIIe s., répandu dans la région du Don, le Caucase septentrional et sur le cours inférieur de la Volga. Au Moyen Age, ces moulins pénètrent sur les terres des Slaves du Sud et de l'Est, ce qui est visiblement lié à l'apparition dans ces régions d'une population venue des steppes de la Russie du Sud. Dans les limites de l'aire indiquée, ces moulins sont encore utilisés de nos jours. L'apparition plus tardive des moulins du Ier groupe, dans la zone boisée de l'Europe orientale, peut être expliquée par l'afflux dans cette région, aux VIIIe-IXe s., de groupes de population slave, chez lesquels ces appareils s'étaient répandus antérieurement.

В. Б. ПЕРХАВКО

ПОЯВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ШПОР НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Местом изобретения шпор считается Западная и Юго-Восточная Европа, где они появились около 2500 лет назад. В Западной Европе у кельтов археологически шпоры засвидетельствованы начиная с периода Латен I (500—300 гг. до н. э.) [1]. В это же время шпоры начинают использовать и на юго-востоке Европы. Так, к числу древнейших находок шпор относятся образцы, найденные в курганном погребении V в. до н. э. в Брезье (Словения) [2].

Распространение шпор повсеместно на территории Европейского континента во второй половине I тысячелетия до н. э. связывается с экспансией кельтских племен. С V—IV вв. до н. э. упоминания о шпорах можно найти в произведениях античных авторов, известны и изображения древнегреческих шпор. Однако в Греции, как и позднее в Древнем Риме, они не нашли достаточно широкого применения [3].

В результате контактов с кельтским, греческим и римским миром в конце I тысячелетия до н. э.— начале I тысячелетия н. э. шпоры начинают употреблять и другие народы, населявшие территорию Европы. Сравнительно быстро это изобретение было освоено и древними германцами, и носителями пшеворской культуры, и древними балтскими племенами. В то же время шпоры проникают на территорию Восточной Европы. Лишь на Востоке шпоры не получили распространения.

Важность изучения истории шпор определяется целым рядом причин. Прежде всего, исходя из наличия шпор в археологическом материале, исследователи могут делать выводы о составе войска и роли конницы в особенности. Находки шпор в погребениях говорят о принадлежности их владельцев к определенной социальной группе, представлявшей верхушку общества. Четко разработанная классификация шпор позволяет применять их и в качестве датирующего материала. Интересна технология изготовления шпор, некоторые декорированные образцы относятся к произведениям искусства. Наконец, изучая распространение шпор, мы можем проследить и взаимные влияния различных культур.

В советской археологической литературе наибольшее внимание было уделено древнерусским шпорам XI—XV вв. А. В. Арциховский и А. Ф. Медведев классифицировали находки шпор из древнего Новгорода, в работе А. Н. Кирпичникова целая глава посвящена изучению древнерусских шпор [4]. В статье, посвященной классификации находок шпор из

[1] *Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953, с. 307; *Jahn M.* Der Reitersporn, seine Entstehung und früheste Entwicklung. Mannus Bibliothek, 21, Leipzig, 1921, S. 6, 7.

[2] *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd I. Praha, 1966, S. 1359, 1360.

[3] *Dechelette J.* Manuel l'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine. T. 2. Paris, 1914, p. 1202—1204.

[4] *Арциховский А. В.* Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде.— СА, 1958, № 2, с. 227—230; *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, с. 190 и сл.;

городища Асоте, латышская исследовательница Э. Шноре уделяет внимание проблеме появления и распространения шпор на территории Латвии [5]. Ряд находок шпор второй половины I тысячелетия н. э. зарегистрирован А. Н. Кирпичниковым, древнейшие типы шпор с территории Восточной Европы учитывает в своих сводках польский археолог Я. Жак [6].

Однако вопросы, связанные с появлением шпор на территории Восточной Европы, не получили должного освещения в литературе. Не разработана хронология и типология древнейших восточноевропейских находок шпор. Разрешению проблемы появления шпор на территории Восточной Европы, созданию классификации древнейших восточноевропейских находок шпор, определению ареала и датировке отдельных типов шпор и посвящена данная статья. Она построена на основе изучения 105 известных экземпляров древнейших шпор, бытовавших на территории Восточной Европы в I тысячелетии н. э.

Наиболее ранние образцы шпор, которые датируются началом I тысячелетия н. э., зафиксированы прежде всего в тех регионах Восточной Европы, которые входили в орбиту влияний западно- и центральноевропейской культур римского времени и были с ними тесно связаны. Здесь выделяются два района, где шпоры начинают распространяться в первую очередь (рис. 1). В I—II вв. н. э. шпоры проникают в западные области Украины в результате контактов местных культур железного века с римским миром, а также вследствие продвижения с запада племен пшеворской культуры. Древнейшие находки здесь обнаружены на памятниках липицкой и пшеворской культур. В другом районе, Юго-Восточной Прибалтике, местные балтийские племена усвоили это западноевропейское изобретение также в I—II вв. н. э. Особенно часты находки шпор в могильниках древних пруссов, от них шпоры вскоре проникают к предкам латышей и литовцев. На юге ими начинают пользоваться носители зарубинецкой и черняховской культур. А на севере обычай носить шпоры во второй четверти I тысячелетия н. э. перешел от летто-литовских племен к носителям днепро-двинской культуры и культуры штрихованной керамики, которые связываются с восточнобалтским этносом. Однако пока еще мы не можем говорить о широком распространении шпор, их находки довольно редки.

В эпоху раннего средневековья в Прибалтике и Понеманье в среде местных балтских племен наблюдается преемственность в применении шпор. Они являются частой принадлежностью погребального инвентаря восточнолитовских курганов, попадаются и на поселениях второй половины I тысячелетия н. э. в Латвии и Эстонии. В Верхнем Поднепровье и Подвинье у носителей древностей типа Банцеровщины V—VIII вв., также связываемых с балтским населением, были распространены местные формы шпор, заимствованные от ряда культур железного века (днепро-двинской, киевского типа и культуры штрихованной керамики), на базе которых они возникли. Частые находки шпор и скелетов лошадей в погребениях в совокупности с другими данными позволяют даже утверждать существование культа боевого коня у балтских народов. У финно-угорских племен лесной полосы Восточной Европы, а также у кочевников южнорусских степей шпоры не получили распространения в I тысячелетии н. э.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, Е1—36. Л., 1973, с. 56—70.

[5] *Шноре Э.* Шпоры городища Асоте и их место в классификации шпор.— Swiatowit, t. XXIV. Warszawa, 1962, s. 577—585.

[6] *Кирпичников А. Н.* Ук. соч., с. 56, 57, табл. на с. 103; *Żak J.* Najstarsze ostrogi zachodniosłowiańskie. Warszawa — Wroclaw, 1959, s. 16; *idem.* Ostrogi z zaczepami haczykowato odgiętymi na zewnątrz.— PA, XI, 1959, s. 88.

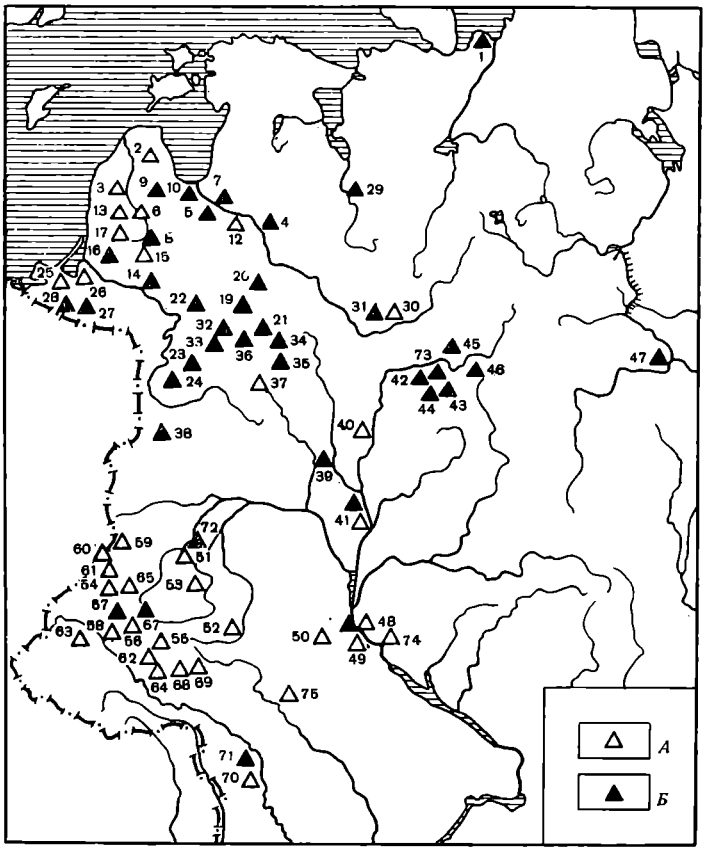


Рис. 1. Распространение находок ранних шпор на территории Восточной Европы (А – находки первой половины I тысячелетия н.э.; Б – находки второй половины I тысячелетия н. э.): *1* — Старая Ладога, *2* — Мазкатужи, *3* — Рудбаржи, *4* — Кюри, *5* — Капседе, *6* — Русиши, *7* — Кентескалнс, *8* — Лиекни, *9* — Рейнас, *10* — Тукумс, *11* — Тервете, *12* — Асоте, *13* — Маздривини, *14* — Прижмонты, *15* — Саука, *16* — Валдамай, *17* — Гибайчай, *18* — Реките, *19* — Таурапилис, *20* — Дегсне, *21* — Лабатишкес, *22* — Пажужвай, *23* — Вильнюс, *24* — Богатей, *25* — Хрустальное, *26* — Логвиново, *27* — Вискауты, *28* — Линкупы, *29* — Гдовщина, *30* — Дорохи, *31* — Девички, *32* — Понизье, *33* — Засвирь, *34* — Городище, *35* — Замковая Гора, *36* — Некасецк, *37* — Лабенщина, *38* — Волковыск, *39* — Щатково, *40* — Тайманово, *41* — Чаплин, *42* — Цурковка, *43* — Слобода-Глушица, *44* — Церковище, *45* — Шугайлово, *46* — Наквасино, *47* — Серенск, *48* — Киев, *49* — Новые Безрадичи, *50* — Белая Церковь, *51* — Великие Тернавы, *52* — Громовка, *53* — Рудки, *54* — Звенигород, *55* — Лучка, *56* — Гринев, *57* — Рипнев, *58* — Чижиков, *59* — Пшеводов, *60* — Кристинополь, *61* — Каменка Велка, *62* — Ремезовцы, *63* — Верхняя Липица, *64* — Иванив Злоты, *65* — Черепин, *66* — Добростаны, *67* — Плиснеско, *68* — Петрилив, *69* — Хотимир, *70* — Будешты, *71* — Алчедар, *72* — Пересопница, *73* — Демидовка, *74* — Переяслав-Хмельницкий, *75* — Марьяновка

На раннесредневековых восточнославянских памятниках второй половины I тысячелетия н. э. шпоры встречаются спорадически. Их единичные находки, открытые на раннеславянских поселениях VI—IX вв. на западе Украины, заимствованы от западнославянских племен, проживавших на территории Польши. Ряд находок шпор происходит из длинных курганов VIII—IX вв. Смоленщины и Псковщины. В древнерусских курганных некрополях IX—X вв. шпоры не обнаружены, поскольку в этот период восточные славяне, обученные верховой езде на восточный манер, управляли лошадью при помощи ног или плети, а шпоры практически не употребляли. И только в XI—XIII вв. и позднее применение шпор на Руси достигает своего расцвета.

Несмотря на единичность находок, восточноевропейские шпоры I тысячелетия н. э. представлены довольно разнообразными образцами, раз-

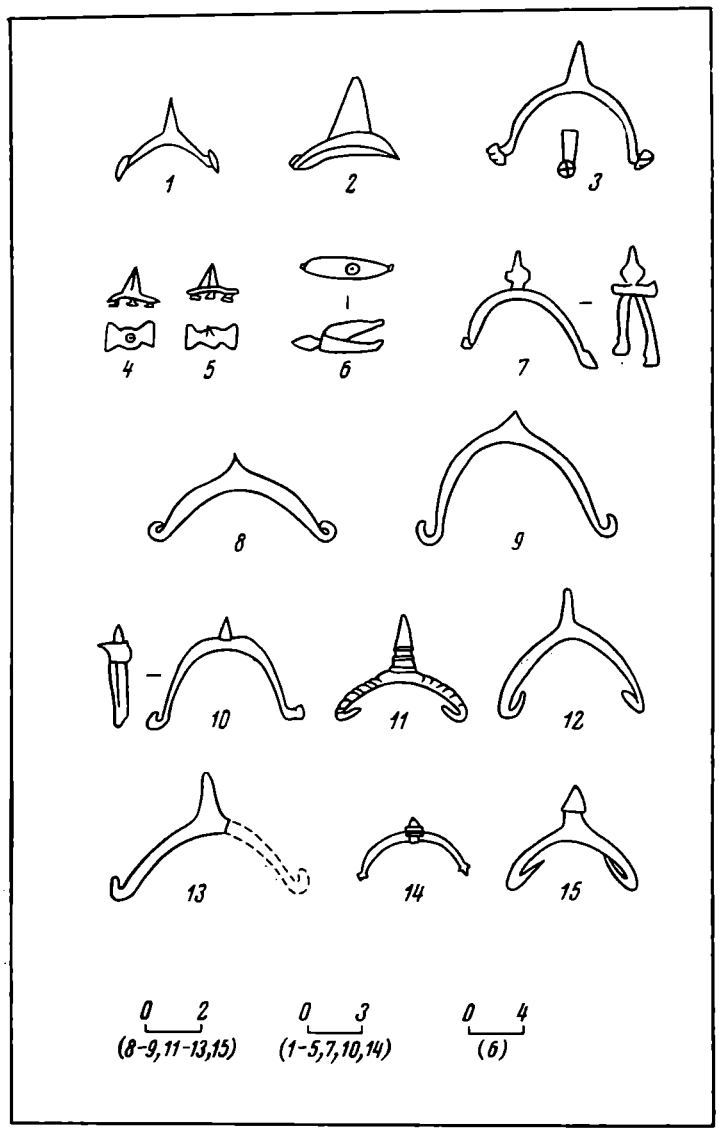


Рис. 2. Образцы шпор из памятников I тысячелетия н. э. на территории Восточной Европы: *1* — Гринев (I в. н. э.), *2* — Пшеводов (II—III вв. н. э.), *3* — Гоева Гора (I—II вв. н. э.), *4—5* — Чижиков (II в. н. э.), *6* — Петрилив (III в. н. э.), *7* — Черепин (III—IV вв. н. э.), *8* — Чаплин (II в. до н. э.—II в. н. э.), *9* — Щатково (IV—VI вв. н. э.), *10* — Слобода-Глушица (VIII—IX вв.), *11* — Ришнев I (VIII—IX вв.), *12* – Плиснеско (VIII–IX вв.), *13* – Городище (VI—VII вв.), *14*– Капседе (VI—IX вв.), *15* — Волковыск (XI в.). (*1* — I тип, вариант А; *2* — I тип, вариант В; *3* – I тип, вариант Б; *4*, *5* – II тип; *6* – III тип; *7* – IV тип, вариант Б; *8*, *13* – V тип, вариант А; *9* – V тип, вариант Б; *10* – I тип, вариант Г; *11*, *15* — VI тип, вариант А; *12* — VI тип, вариант Б; *14* — VIII тип)

личающимися по форме, материалу и технике изготовления. По материалу все учтенные экземпляры шпор можно разделить на две группы. В первую, наиболее многочисленную, группу входят железные шпоры, составляющие 85% от общего числа находок. Такие шпоры обычно носили рядовые воины. Небольшую по численности группу (15%) образуют бронзовые и даже серебряные шпоры, принадлежавшие вождям или знатным воинам.

На основе анализа 105 экз. восточноевропейских находок шпор I тысячелетия н. э. удалось выделить среди них 10 типов (I—X). Поскольку у рассматриваемых ранних образцов шпор форма дужки и боевой части (шипа) практически не подвергались заметным изменениям, в качестве

Размеры и пропорции типов шпор

Типы	Варианты	Размеры, *см*				Пропорции		Датировка
		Общая длина шпоры	Длина плеч	Ширина плеч	Длина шипа	$Д_2/Р$	$Д_3/Д_1$	
I	А	5,0–7,0	2,0–4,0	6,0–9,0	2,5–4,5	0,3–0,4	0,5–0,7	I в. н. э.
	Б	7,0–8,0	4,0–5,0	9,0	2,4	0,4–0,6	0,3	I–III вв. н. э.
	В	5,0–6,5	6,0–7,5	2,0–3,5	3,0–3,5	0,3–0,5	0,5–0,6	II–III вв. н. э.
	Г	6,0	4,5	9,0	1,5	0,5	0,25	VIII–IX вв.
II	–	4,5	–	3,6	2,6	–	–	I–III вв. н. э.
III	–	7,0	5,0	7,0	2,8	0,7	0,4	III–V вв. н. э.
IV	А	7,0	3,0–4,0	8,0–11,0	2,0–4,0	0,5–0,8	0,3–0,6	III в. н. э.
	Б	8,5	6,0	12,5	2,5	0,5	0,3	III–IV вв. н. э.
V	А	3,0–5,0	2,0–4,0	5,0–9,0	0,6–1,6	0,3–0,4	0,2–0,4	III–VII вв. н. э.
	Б	4,0–7,0	2,0–4,0	5,0–9,0	1,0–1,3	0,5–0,6	0,2–0,3	IV–VII вв. н. э.
VI	А	4,0–5,0	2,0–3,0	5,0–7,5	2,0	0,4	0,4–0,5	VIII–IX вв.
	Б	6,0–9,0	4,0–6,0	5,0–9,0	1,7–3,0	0,6–1,3	0,2–0,3	VIII–IX вв.
VII	–	1,7	1,0	3,5	1,0	0,3	0,5	V–VI вв.
VIII	–	5,1	3,1	5,3	2,0	0,5	0,4	V–VIII вв.
IX	–	5,7–10,0	3,0–6,5	6,0–7,0	2,7	0,8–0,9	0,3	IX–X вв.
X	–	7,0	5,0–5,5	6,0–9,0	1,5–2,0	0,6–0,8	0,2–0,3	IX–X вв.

Примечание. Р — ширина, или растянутость плеч; $Д_1$ — общая длина шпоры; $Д_2$ — длина плеч; $Д_3$ — длина шипа.

главного и определяющего критерия при выделении различных типов шпор берется часто и широко варьирующая форма окончания их дужки, т. е. та часть конструкции шпоры, с помощью которой она крепится к обуви всадника[7]. Внутри типов выделяются варианты, различающиеся по пропорциям основных размеров шпор: соотношению длины шипа и общей длины шпоры ($Д_3 : Д_1$), длины и ширины плеч шпоры ($Д_2 : Р$), которые также часто менялись (см. таблицу). Если различные типы шпор могли бытовать одновременно или в разное время, на одной и той же или на различных территориях, то варианты, прежде всего, определяют хронологические рамки бытования отдельных форм внутри типов (рис. 3).

I тип (23 экз.) — самый древний, к нему относятся железные шпоры позднелатенской формы с острым коническим шипом и кнопкообразными утолщениями на концах дужки, встречающиеся на памятниках пшеворской и липицкой культур на западе Украины, а также в могильниках древних пруссов на юго-восточном побережье Балтийского моря в I—III вв. н. э. (см. рис. 2, *3*). I тип подразделяется на четыре варианта: А, Б, В, Г. Вариант А (6 экз.), датирующийся I в. н. э., имеет уплощенную дужку (соотношение $Д_2 : Р$ равно 0,3—0,4), длина шипа у него составляет более половины общей длины шпоры[8]. К числу древнейших находок относятся шпоры этого варианта, обнаруженные в пшеворских могильниках Гринев, Лучка на западе Украины (рис. 2, *1*)[9]. По мнению В. В. Кропоткина, указанные захоронения датируются I в. н. э.[10] Единственный экземпляр бронзовой шпоры с коническим шипом и кнопкообразными утолщениями на концах найден в слое селища зарубинецкой культуры в уроч. Луг на территории Киева, поселение относится к

---

[7] Надо сказать, что предлагаемая классификация носит предварительный характер и не претендует на абсолютную завершенность. Большинство типов включает до десятка экземпляров шпор, однако ряд выделенных типов пока базируется на единичных находках. Не всегда удается придерживаться указанного выше основного критерия при образовании типов; в исключительных случаях вместо него используется форма плеч (типы II—III) или другие важнейшие детали (тип IV).

[8] Все размеры и пропорции типов и вариантов шпор приведены в таблице.

[9] *Smiszko M.* Kultury wczesnego okresu epoki cezarstwa rzymskiego w Małopolsce wschodniej. Lwów, 1932, s. 8—13, 18—20, tabl. IV, *21*; V, *21*, *22*.

[10] *Кропоткин В. В.* Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская обл.).— КСИА АН СССР, № 140, 1974, табл. I.

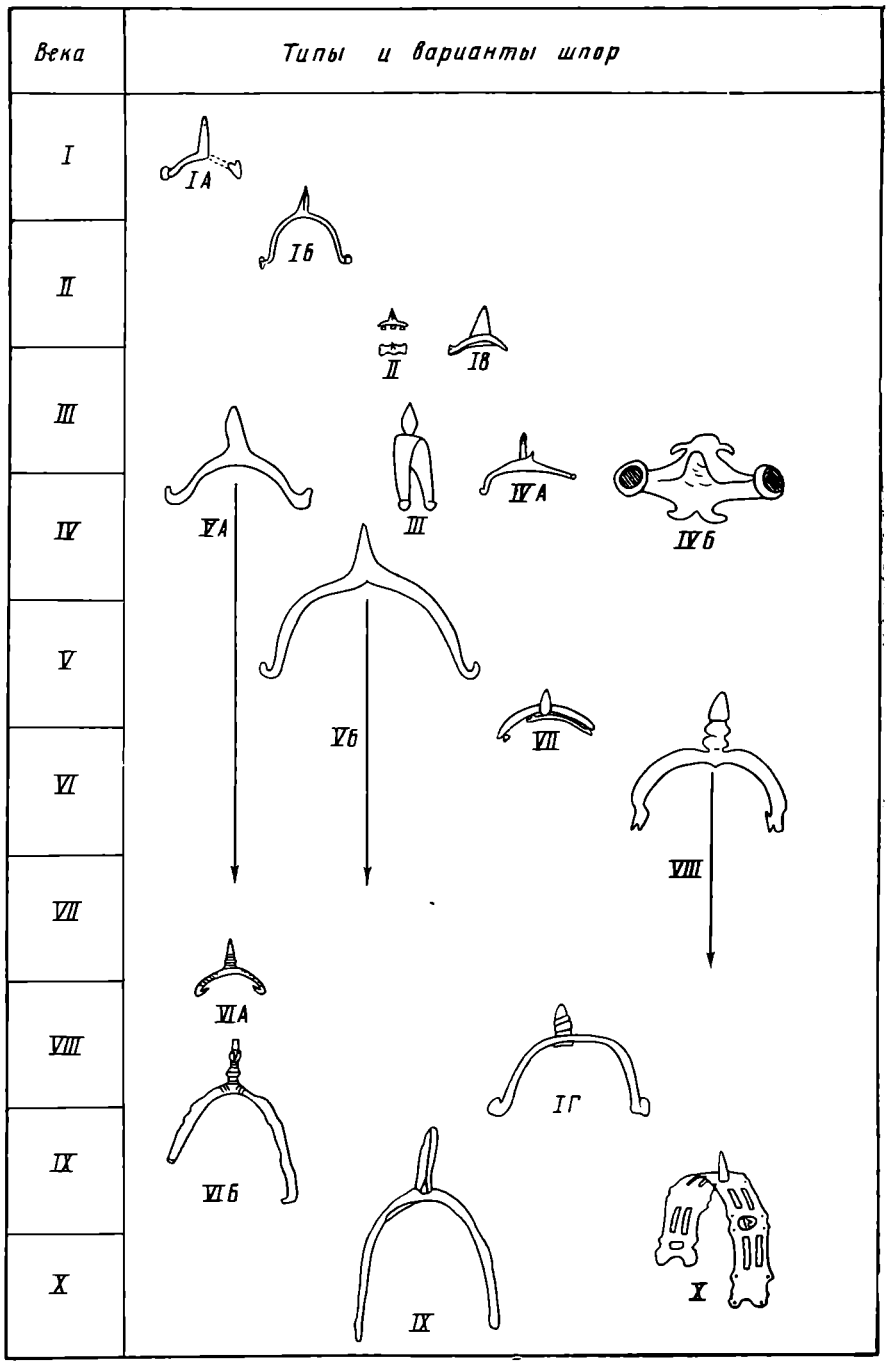


Рис. 3. Типы и варианты ранних шпор, обнаруженных на территории Восточной Европы

первым векам нашей эры [11]. Железные шпоры варианта А известны и в погребальных памятниках начала нашей эры в Юго-Восточной Прибалтике (на территории Калининградской области) [12]. С вариантом А сосуществует производный от него вариант Б (12 экз.), бытовавший и в более позднее время. У последнего увеличиваются размеры дужки, она

[11] *Шовкопляс А. М.* Раскопки зарубинецкого поселения в Киеве.— АО — 1972 М., 1973, с. 350, 351. Шпора хранится в фондах Государственного исторического музея УССР.

[12] *Гуревич Ф. Д.* Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э.— МИА, № 76, 1960, рис. 53, *78*.

более выгнута ($Д_2 : Р$ равно 0,4—0,6), но длина шипа составляет лишь 0,3 от общей длины шпоры, уменьшаются и кнопкообразные утолщения на концах. Все находки шпор этого варианта сделаны в погребениях I—III вв. н. э. липицкой и пшеворской культур в западных областях УССР. Несколько шпор варианта Б встречено вместе с другими предметами вооружения в погребальных комплексах липицкой культуры I—II вв. н. э. в урочищах Гоева Гора и Загуминки у с. Звенигород Львовской области [13]. Аналогичные шпоры обнаружены и в более поздних могильниках пшеворской и черняховской культур I—III вв. н. э. у деревень Арданово, Громовка, Великие Тернавы, Добростаны, Хотимир [14]. Самый ранний образец этого варианта из погр. 8 в урочище Гоева Гора, как считает В. В. Кропоткин, относится ко второй половине I в. н. э., а в целом шпоры варианта Б существуют во второй половине I—III в. н. э. [15] Вариант В, распространенный во II—III вв. н. э., отличается совсем почти уплощенной массивной дужкой и таким же массивным коническим шипом, составляющим до 0,6 общей длины шпоры (рис. 2, *2*). Он встречается как в пшеворских могильниках II—III вв. н. э. (Пшеводов и Червоноград Львовской обл.), так и в древнепрусских погребальных памятниках II—III вв. н. э. (богатое погребение воина у с. Хрустальное Калининградской обл.) [16]. Типологически очень близки варианту Б шпоры варианта Г с пластинчатой дужкой, шипом сложной формы и пуговицеобразными утолщениями на концах (рис. 2, *10*; 3, IГ). Наследуя такую архаическую форму, шпоры варианта Г обнаружены в более поздних памятниках — длинных курганах VIII—IX вв. на Смоленщине (кург. 2 у дер. Цурковка и кург. 18 у дер. Слобода-Глушица) [17]. У нас нет пока никаких оснований датировать их более ранним временем, например V—VI вв., как это делает А. Н. Кирпичников [18]. К VIII—IX вв. относят эти шпоры В. В. Седов и Е. А. Шмидт; известны и среднеевропейские аналогии, датирующиеся третьей четвертью I тысячелетия н. э. [19].

Все шпоры I типа относятся к широко известному в Центральной и Западной Европе типу шпор позднелатенского облика (так называемому «Knopfsporen», по классификации М. Яна). Он появляется еще в позднелатенский период на поселении Латен в Швейцарии, обнаружен в дакийском могильнике I в. до н. э. Мойград и кельтских поселениях II—I вв. до н. э. в Румынии, на ранних памятниках пшеворской культуры в Польше. В I—III вв. н. э. шпоры этого типа известны в германских могильниках Силезии; найдены в лангобардском погребении II в. н. э.

---

[13] *Свешников И. К.* Могильники липицкой культуры в Львовской области (раскопки у сел Звенигород и Бокотное).— КСИИМК, № 68, 1957, с. 63—65, рис. 21, *4*, *5*, *13*, *14*.

[14] *Спицын А. А.* Памятники латенской культуры в России — ИАК, № 12. СПб., 1904, с. 83—85, рис. 3, *41*; *Кропоткин В. В.* Ук. соч., с. 54, табл. I; *Smiszko M.* Op. cit., s. 4, tabl. V, *3*, *4*.

[15] *Кропоткин В. В.* Ук. соч., с. 54.

[16] *Smiszko M.* Op. cit., s. 17, 18, 22—24, tabl. III, *14—16*; *Гуревич Ф. Д.* Ук. соч., с. 384, рис. 50, *5*, *6*. Недавно опубликован еще один образец такой шпоры, обнаруженный в Рашкинском могильнике (Пензенская обл.) первых веков н. э., оставленным древними мордовскими племенами. Эта единичная шпора, являющаяся самой восточной находкой ранних типов шпор, скорее всего, попала сюда случайно вместе с другими предметами провинциально-римской культуры. См. *Петербургский И. М.* К вопросу об экономических связях мордвы в I — начале II тыс. нашей эры.— В сб.: Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976, с. 128, рис. 1, *4*.

[17] *Шмидт Е. А.* Раскопки длинных курганов Смоленской области.— КСИИМК, № 54, 1954, с. 149, рис. 68, *3*; *его же.* Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе.— СА, 1958, № 3, с. 165—168, рис. 4, *9*.

[18] *Кирпичников А. Н.* Ук. соч., с. 56, рис. 34, *1*.

[19] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, Е1—8. М., 1974, с. 33, табл. X; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, с. 187; *Demmin A.* Die Kriegswaffen in ihren geschichichen Entwicklungen von ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Gera — Untermhaus, 1891, S. 620, 621. Abb. 2.

у с. Калоз в Венгрии; в погребениях I—III вв. н. э. пшеворской и оксывской культур Польши (Семянице и Мстишевице) [20]. Заимствованные посредством контактов с пшеворской культурой восточноевропейские образцы шпор с кнопкообразными завершениями на концах, как правило, отстают во времени от своих западно- и центральноевропейских аналогий.

II тип (4 экз.). В него входят несколько образцов бронзовых шпор с дужкой в виде плоской фигурной пластинки с заклепками и острым коническим шипом (рис. 2, *4, 5*). Пара таких шпор открыта вместе с дорогими сосудами римского производства в богатом погребении липицкой культуры у с. Чижиков Львовской обл. (рис. 4, *3*) [21]. На основе анализа форм сосудов В. В. Кропоткин отнес данное погребение к I—II вв. н. э. [22] Встречаются они и в древнепрусских могильниках II—III вв. в Калининградской обл. [23] Эта форма шпор (так называемые «Stuhlsporen», по классификации М. Яна), возникнув в среде германских племен в районах Мекленбурга и Ютландии, в I—III вв. н. э. распространилась на территории Чехословакии и Польши, откуда и попала в пограничные области Восточной Европы [24].

III тип (5 экз.). К нему относятся железные шпоры с пластинчатой дужкой, имеющей на концах заклепки или небольшие пуговицеобразные утолщения, и шипом конической или биконической формы (рис. 2, *6*). Две шпоры III типа найдены в пшеворском погребении III в. н. э. у дер. Петрилив Ивано-Франковской обл., еще несколько — в могильниках древних пруссов III—V вв. н. э. в Калининградской обл. [25] Пластинчатые шпоры (по немецкой археологической терминологии — «Nietsporen»), будучи римскими по происхождению, получили широкое распространение во II—V вв. н. э. в культурах провинциально-римского облика Западной и Центральной Европы [26]. Восточноевропейские находки шпор III типа датируются III—V вв. н. э.

IV тип (14 экз.) также характерен для позднеримской эпохи. Это большие по размерам (длиной до 8,5 *см*) шпоры с острым коническим шипом и пластинчатой дужкой, сужающейся на концах. К центру дужки, рядом с основанием шипа, прикреплены крючки, с помощью которых можно было крепко привязать шпору к обуви всадника (рис. 2, *7*). Шпоры IV типа подразделяются на варианты А и Б. Вариант А (9 экз.) представлен шпорами с широкой пластинчатой дужкой и крючком у основания длинного конического шипа, на концах дужки есть утолщения (рис. 3, IVA). Серебряные шпоры варианта А открыты в богатом погребении вождя у дер. Рудки Тернопольской обл.; это захоронение черняховской культуры, как полагает М. Ю. Брайчевский, относится к III в. н. э.[27] Такие же шпоры найдены в пшеворском погребении III в. н. э. у Иваня Золотого Тернопольской обл., на поселениях пшеворской культуры I—III вв. н. э. у дер. Верхняя Липица и Ремезовцы Львовской обл.,

---

[20] *Кларк Г.* Ук. соч., рис. 176, с. 107; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973, с. 149; *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969, табл. XVI, *10*, XVII. *20*; *Zirra V.* Stand der Forschung der keltischen spätlatenezeit in Rumänien.— AR, XXIII, 1971, N 5, Abb. 6, 13—17; *Jahn M.* Op. cit., S. 39—66, Abb. 45, 50, 56, 66; *Bona J.* Der Fund von Kaloz.— AAH, VI, 1955, fasc. 1—4, S. 71—77, fig. XIX, *12*.

[21] *Смишко М. Ю.* Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области.— СА, 1957, № 1, с. 239—243, табл. I, *4, 5*.

[22] *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе.— САИ, Л1—57. М., 1970, с. 96.

[23] *Гуревич Ф. Д.* Ук. соч., рис. 53, *18*.

[24] *Jahn M.* Op. cit., S. 18—38, Abb. 23, 24, 26, 28; *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, рис. 129, *3*; *Кухаренко Ю. В.* Ук. соч., табл. XVII, *21*.

[25] *Smiszko M.* Op. cit., s. 21, tabl. II, *13, 13a*; *Гуревич Ф. Д.* Ук. соч., с. 389, рис. 53, *76—78*.

[26] *Jahn M.* Op. cit., S. 82—88. Abb. 85; *Demmin A.* Op. cit., Abb. 66. 67

[27] *Cynkalowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołynskiego. Warszawa. 1961, s. 111, 112, tabl. XVIII, *1, 2*; *Брайчевский М. Ю.* Антський період в історії східних слов'ян.— Археологія, VII, 1952, с. 32.

в богатом черняховском погребении III—IV вв. н. э. у г. Переяслава-Хмельницкого на р. Трубеж [28]. Погребальные комплексы позволяют отнести шпоры варианта А к III в. н. э. От него генетически происходит вариант Б (5 экз.), у которого кроме крючка на противоположной стороне дужки имеется прямоугольный выступ и шип усложненной формы в виде шарика с конусовидным отростком (рис. 4, *5*). Фрагмент подобной шпоры был найден в черняховском могильнике III—IV вв. н. э. у с. Будешты в Молдавии, несколько железных шпор варианта Б попалось в слое черняховского поселения II—IV вв. н. э. у с. Черепин на Львовщине [29]. Два экземпляра массивных бронзовых шпор с четырьмя крючками в центре дужки, украшенной на концах эмалью, происходят из

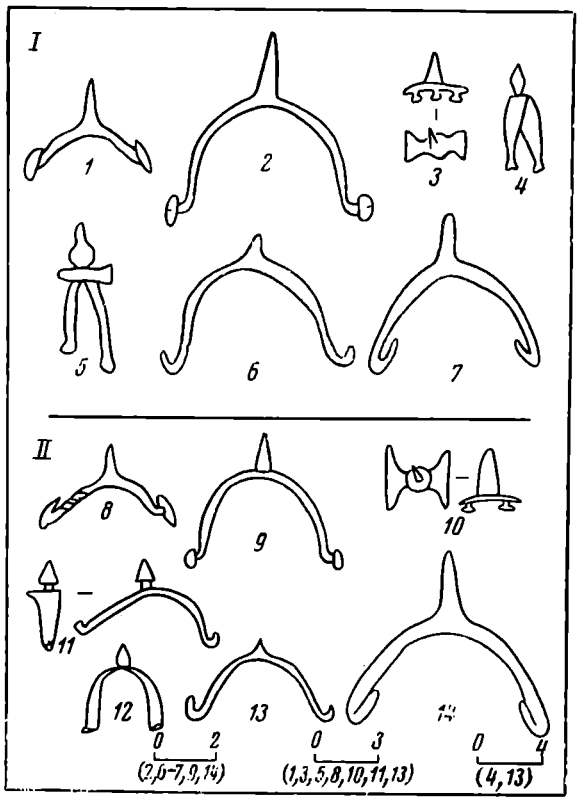


Рис. 4. Восточноевропейские находки шпор и их западноевропейские аналогии. I — Восточноевропейские находки: *1* — Гринев (I в. н. э.), *2* — Загуминки (I—II вв. н. э.); *3* — Чижиков (II в. н. э.); *4* — Петрилив (III в. н. э.), *5* — Черепин (III—IV вв. н. э.); *6* — Щатково (IV—VI вв. н. э.); *7* — Плиснеско (VIII—IX вв.). II. Западноевропейские аналогии: *8* — Лахмировице (I в. до н. э.— рубеж нашей эры); *9* — Семянице (I—II вв. н. э.); *10* — Семянице (I—II вв. н. э.); *11* — Швейцария (III—V вв. н. э.); *12* — Зальбург (III—IV вв. н. э.); *13* — Грубице (III—IV вв. н. э.); *14* — Любич (VI—VII вв.) (*1—2, 8—9* — I тип; *3, 10* — II тип; *4, 12* — III тип; *5, 11* — IV тип; *6, 13* — V тип; *7, 14* — VI тип)

неизвестного пункта в Киевской обл. (рис. 3, IVБ) [30]. Точные аналогии этим шпорам известны в древностях позднеримской эпохи в бассейне Рейна [31]. Другие шпоры с крючками во II—IV вв. н. э. встречаются как в среде германских племен (Райхерсдорф и другие памятники), так и на территории Италии и Франции [32]. Подобные шпоры выявляются и в инвентаре древнепрусских курганов позднеримского времени в Швейцарии, на северо-востоке Польши [33]. Восточноевропейские находки шпор варианта Б, судя по аналогиям, относятся к III—IV вв. н. э.

[28] *Цигилик В.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої эри. Київ, 1975, с. 119, рис. 53, *17*, *26*; *Гончаров В. К.* Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого.— КСИА АН УССР, № 4, 1954, с. 37—39.

[29] *Рикман Э. А.* Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, с. 29, рис. 41, 2: *Баран В. Д.* Поселення перших століть нашої эри біля села Черепин. Київ, 1961, с. 66, 67, табл. XVII, *1*, *2*.

[30] *Ханенко Б. Н. и В. Н.* Древности Приднепровья, вып. IV. Киев, 1901, с. 20, табл. VII, *202*, *203*.

[31] *Спицын А. А.* Предметы с выемчатой эмалью.— ЗРАО, 1903, № 5, с. 28, рис. 232, 234.

[32] *Forrer R.* Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Altertümer. Berlin und Stuttgart, 1907, fig. 576; *Jahn M.* Op. cit., Abb. 83, 87, 88.

[33] *Кухаренко Ю. В.* Ук. соч., табл. VI, *3*.

V тип (24 экз.) включает шпоры блатского происхождения с острым коническим шипом и отогнутыми наружу крючками на концах (рис. 4, *6*). Различия в размерах и пропорциях позволяют выделить в этом типе два варианта (А и Б). У варианта А (13 экз.) уплощенная дужка (соотношение $Д_2 : Р$ равно 0,3—0,4), а шип достигает $^1/_2$ общей длины шпоры (рис. 2, *8, 13*). Наиболее древние образцы шпор этого варианта, датирующиеся III—IV вв. н. э., известны из черняховского могильника в Белой Церкви Киевской обл., из балтских погребений в Саука и Гибайчай в Литве, они встречены в слое городища культуры штрихованной керамики у дер. Дедиловичи Минской обл. и городища днепро-двинской культуры у дер. Девички Витебской обл., наконец, на городище зарубинецкой культуры у дер. Чаплин Гомельской обл.[34] Шпоры варианта А доживают до начала третьей четверти I тысячелетия н. э., т. е. до VI—VII вв. К этому времени относятся железные шпоры с отогнутыми наружу крючками из селищ у деревень Городище и Некасецк Минской обл., дер. Тайманово Могилевской обл., городища Кентескалнс в Латвии[35]. Одна подобная шпора входила в состав погребального инвентаря длинного кургана у дер. Дорохи Витебской обл., датирующегося V—VII вв. н. э.[36] Шпоры варианта Б (11 экз.) также имеют на концах отогнутые наружу крючки, но большие размеры, соотношение длины и ширины плеч у них увеличивается до 0,5—0,6 (рис. 2, *9*). Вариант Б появляется столетием позже А, а затем сосуществует с последним также до VI—VII вв. н. э. Наиболее ранние экземпляры этого варианта происходят из слоя селища Щатково IV—VI вв. на р. Березина; городища культуры штрихованной керамики у дер. Лабенщина Минской обл.[37]. Но чаще всего шпоры варианта Б можно увидеть на памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье и Понеманье. Они обнаружены на селищах у дер. Городище Минской обл., Шугайлово Смоленской обл., городищах Демидовка, Наквасино, Церковище на Смоленщине, относящихся к культуре поселений типа верхнего слоя Банцеровщины — Тушемли — Колочина V—VIII вв.[38] Одна железная шпора варианта Б найдена в слое V—VIII вв. поселения на горе Гедимина в Вильнюсе, еще одна — в числе других предметов вооружения в восточнолитов-

---

[34] *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии, ч. I. Минск, 1971, с. 33, рис. 66, *10*; *его же.* З рабочага сшытка археолага. Старажытныя шпоры. «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1971, № 3, с. 27, 28, рис. на с. 28; *Żak J.* Ostrogi z zaczepami..., s. 88—90, rys. I, *f. m.* К числу древнейших находок относится также шпора из могильника у дер. Новые Безрадичи Киевской обл., принадлежащего к древностям киевского типа II—IV вв. (См. *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу.— Археологія, 1976, № 19, рис. 3, *2*.)

[35] *Митрофанов А. Г.* Селище VI—VIII вв. близ дер. Городище. Сб. «Древности Белоруссии». Минск, 1969, рис. 4, 6; *Поболь Л. Д.* О новых археологических памятниках БССР VI—IX вв.— В сб.: Археология и Средиземноморският свят. София, 1973, рис. 11, *17*; несколько экземпляров шпор из селищ Городище и Некасецк хранится в фондах Государственного музея БССР и Минского областного краеведческого музея. Выражаю глубокую благодарность А. Г. Митрофанову за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованным материалом; см. также «Latvijas PSR archeologija». Riga, 1974, tabl. 37, *4, 5*.

[36] *Штыхов Г. В.* Исследования в Витебской области.— АО — 1973, М., 1974, с. 384. Выражаю искреннюю признательность Г. В. Штыхову, приславшему мне рисунок данной шпоры, хранящейся в фондах сектора археологии Института истории АН БССР.

[37] *Поболь Л. Д.* Поселение железного века около дер. Щатково Бобруйского района.— В сб.: Белорусские древности. Минск, 1967, с. 239, рис. 23, *9*; *его же.* З рабочага сшытка археолага..., рис. на с. 28.

[38] «Беларуская савецкая энцыклапедыя», т. 4, илл. 1, *12*; *Шмидт Е. А.* Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. в Смоленском Поднепровье.— В сб.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 203, рис. 2, *16*; *его же.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины.— В сб.: Древние славяне и их соседи.— МИА, № 176, 1970, с. 68, рис. 3, *26*; *Кирпичников А. Н.* Ук. соч., с. 103, рис. 34, *2*.

ском кургане у дер. Богатей в Понеманье, датирующемся V—VIII вв.[39] К VI—VIII вв. может быть отнесена одна такая же шпора с городища Кентескалнс в Латвии [40].

По мнению Я. Жака, шпоры с отогнутыми наружу крючками были изобретены в римскую эпоху балтскими племенами, жившими в надвислянско-мазурско-самбийской области [41]. Древнейшая находка, сделанная на о. Готланд, датируется II в. н. э.[42] С этого времени шпоры V типа широко распространяются в среде балтских племен и соседних с ними культур. Это подтверждает и анализ восточноевропейских находок. Все они, за исключением шпор из Белой Церкви и Чаплина, встречены на памятниках, принадлежащих восточнобалтским племенам [43]. Как полагает польская исследовательница А. У. Узаровичова, находка таких шпор на памятниках иной этнической принадлежности свидетельствует о контактах с балтским населением [44]. Самые поздние находки шпор V типа на славянском поселении Волаевице, могильниках Борнице и Мептке в Польше датируются VII в.[45]

VI тип (9 экз.) получил наибольшее распространение в раннем средневековье среди славянских народов. К нему относятся шпоры с острым коническим шипом и загнутыми внутрь крючками на концах (рис. 2, *11, 12, 15*). VI тип подразделяется на варианты А и Б. Вариант А (3 экз.) обладает слабоизогнутой дужкой (соотношение $Д_2 : Р$ не превышает 0,4), а длина шипа составляет около половины от общей длины шпоры (рис. 2, *11, 15*). Наиболее древняя из восточноевропейских находок представлена небольшой железной шпорой, украшенной насечками, из слоя раннесредневекового восточнославянского селища Рипнев I Львовской обл. (рис. 2, *11*) [46]. Второй керамический комплекс, вместе с которым найдена шпора, датируется не ранее VIII—IX вв., к этому времени следует отнести и саму находку [47]. Верхнюю границу бытования шпор варианта А определяет фрагмент шпоры из погр. 87 викингского могильника Вискауты в Калининградской обл., датирующегося серединой IX в.[48] Еще один экземпляр подобной формы попал (случайно или в результате вторичного употребления) в древнерусский слой Замчища в Волковыске [49]. С известной долей вероятности можно утверждать, что шпоры варианта А на территории Восточной Европы бытовали в основном в

---

[39] *Zak J.* Ostrogi z zaczepami..., s. 95, ryc. 2, *c*, *g*; *Таутавичюс А. З.* Восточнолитовские курганы.— В сб.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Тр. ПОКЭ, т. I, 1959, с. 135; *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М.— Л., 1962, 63, рис. 47, *2*.

[40] *Шноре Э.* Шпоры городища Асоте, с. 578; «Latvijas PSR Archeologija», tabl. 37, *6*.

[41] *Żak J.* Ostrogi z zaczepami..., s. 90, 91.

[42] Ibid., s. 91. К числу древнейших находок относятся также образцы шпор V типа из междуречья Днепра и Немана, однако в большинстве случаев они обнаружены на памятниках, датирующихся суммарно большим промежутком времени: Чаплин (II в. до н. э.—II в. н. э.), Лабенщина (IV в. до н. э.—IV в. н. э.), Новые Безрадичи (II—IV вв. н. э.), посему нет пока еще достаточных оснований утверждать об их более раннем появлении здесь, чем в Прибалтике.

[43] Об этнической принадлежности древностей типа Банцеровщины см.: *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976, с. 82—84.

[44] *Uzarowiczowa A.* Wyniki badań sondazowych na osadzie wczesnosredniowiecznej w Wolajowicach, pow. Hrubicszow.— WA, t. XXX, z. 3/4, 1964, s. 412.

[45] *Żak J.* Ostrogi z zaczepami..., s. 94, 95, ryc. 2, *d*, *e*; *Uzarowiczowa A.* Op. cit., ryc. 10, *a*.

[46] *Аулих В. В.* Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области.— МИА, № 108, 1963, с. 378, 379, рис. 9, *1*.

[47] Там же, рис. 6—8; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, Е1—25, 1973, с. 20.

[48] *Bernt von zur Mühlen.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. Bonner Hefte zur Vorgeschichte, № 9. Bonn, 1975, S. 273, Taf. 38, *7*.

[49] *Зверуго Я. Г.* Новые данные о древнем Волковыске.— В сб.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 159, рис. 5, *23*.

VIII—IX вв. У варианта Б (6 экз.) соотношение $Д_2 : Р$ увеличивается до 0,6—1,3, увеличиваются и размеры шпор в целом (рис. 4, 7). К VIII—IX вв. относятся, судя по составу керамики, две шпоры варианта Б из селища Рипнев I, их нижняя дата подтверждается находкой литого украшения аварского типа. Точно такая же шпора происходит из славянского городища Плиснеско Львовской обл.[50] К IX в. относятся железные шпоры с бронзовой инкрустацией из раннесредневековой ямы на территории могильника Чаплин Гомельской обл. и викингского могильника Вискауты; идентичная находка сделана на городище Пасым в северо-восточной Польше[51].

Я. Жак, посвятивший данному типу шпор целую монографию, создал типологическую схему развития шпор с загнутыми внутрь крючками, с которой можно вполне согласиться[52]. Однако датировка отдельных групп подобных шпор, сделанная на основе сравнения с их древнейшими находками VI—VII вв. из франкских и аламанских могильников, вызывает сомнения. Во-первых, не всегда идентичной является форма сравниваемых образцов германских и западнославянских шпор, во-вторых, при датировке шпор Я. Жак делает основной упор на западноевропейские аналогии, но недостаточно использует материал тех памятников, с которых происходят находки[53]. При этом упускается из виду факт отставания во времени западнославянских находок от шпор древних германцев, у которых этот тип появился значительно раньше. Очевидно, к датировке каждой находки шпор надо подходить не механически, а конкретно-исторически.

Немногочисленные находки шпор VI типа на восточнославянских памятниках, безусловно, попали сюда в результате контактов с соседними западнославянскими племенами Польши, где они имеют многочисленные аналогии[54]. Тем не менее вызывает сомнения датировка Я. Жаком шпор варианта Б из Рипнева I второй половиной VII в.[55] Анализ местного археологического материала позволяет утверждать, что шпоры с загнутыми внутрь крючками бытовали на территории Восточной Европы в VIII—IX вв.

VII тип (2 экз.) включает шпоры со слабоизогнутой дужкой (соотношение $Д_2 : Р$ равно 0,3), ко внутренней стороне которой присоединена с помощью заклепок пластинка; небольшой шип конической формы также прикреплен к дужке с помощью заклепки (рис. 3, VII). К нему относятся две маленькие шпоры из курганов восточнолитовского типа у дер. Понизье Минской обл.; по мнению А. Таутавичюса, подобные курганы датируются V—VIII вв.[56] Аналогичная шпора, обнаруженная в Ольштыне (ПНР) — памятнике добродзеньской группы эпохи великого переселения народов (IV—VI вв. н. э.), дает основания датировать находки из Понизья V—VI вв.[57]

---

[50] *Аулих В. В.* Ук. соч., с. 378, 379, рис. 9, *3*; *Захарук Ю. М., Ратич О. О.* Слов'янське поселення біля с. Ріпнів Львовской області.— АП, V, 1955, с. 45, табл. 1, *6*.

[51] *Кухаренко Ю. В.* Чаплинский могильник.— МИА, № 70, 1959, с. 103, рис. 2; *Bernt von zur Mühlen.* Op. cit., 273, Taf. 32: *Okulicz J.* Pradzije ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w n. e. Wroclaw i. e., 1973, s. 489, 490, ryc. 253, *g*.

[52] *Żak J.* Najstarsze ostrogi..., s. 45; *idem.* O chronologii ostrog o zaczepach haczykowato zagiętych do wnętrza z Biskupina, pow. Żnin.— WA, t. XX, r. 3, 1954, s. 276—279.

[53] Например, нельзя признать обоснованным сопоставление шпор из Любомя (ПНР) с фрагментированным образцом из Фрайлаубершайма, который отличается по форме и пропорциям от польских шпор. А на основе такого сравнения Я. Жаком датируется вся группа Д (см. *Żak J.* Najstarsze ostrogi..., s. 69, tabl. III, *4*, *5*).

[54] Шпоры, аналогичные варианту А, встречаются на раннесредневековых западнославянских поселениях Замчиско, Копанево, Бискупин, Бониково, Устье (ПНР), могильнике Доланка (ЧССР), в Менцлине (ГДР), известны аналогии и варианту Б (см.: *Żak J.* Najstarsze ostrogi..., tabl. II, *1—5*, *10*; III, *2*, *6*, *7*; VII, *5*).

[55] *Żak J.* Najstarsze ostrogi..., s. 144.

[56] *Гуревич Ф. Д.* Ук. соч., с. 172, рис. 49, *1*; *Таутавичюс А.* Ук. соч., с. 135.

[57] *Кухаренко Ю. В.* Ук. соч., табл. III, *16*.

VIII тип (3 экз.) представлен шпорами с шипом сложной формы и массивной дужкой, на концах которой имеются заклепки (рис. 3, VIII). Несколько экземпляров шпор VIII типа найдено на балтских поселениях V—VIII вв. у дер. Пажужвай в Литве и Капседе в Латвии [58]. Возможно, эта форма шпор возникла в среде местных балтских племен, поскольку на других территориях аналоги ей не встречаются.

IX тип (5 экз.). Сюда входят шпоры так называемого викингского типа. Это шпоры больших размеров, с длинным и острым шипом, соотношение $Д_2 : Р$ у них достигает 0,8—0,9 (рис. 3, IX). Несколько экземпляров таких шпор открыто в древнерусском дружинном некрополе X в. в Киеве, один экземпляр — в кургане восточнолитовского типа у дер. Засвирь Минской обл.[59] Подобные шпоры из викингского могильника в Вискаутах Калининградской обл. датируются IX—X вв.[60] Шпоры викингского типа, аналогичные восточноевропейским находкам, получили широкое распространение в европейских древностях IX—X вв.[61]

X тип (4 экз.) без преувеличения можно назвать произведением искусства. Бронзовые литые шпоры данного типа имеют плоскую и довольно широкую дужку с ажурными прорезями и зубчатыми выступами. На дужке также помещены четыре рельефные человеческие маски и два пояса геометрического орнамента в виде ряда треугольников (рис. 3, X). Как полагает А. Таутавичюс, погребение в Валдамай (Литва), в котором найдено две такие шпоры, относится к IX—XI вв.[62] По одной шпоре X типа случайно обнаружено в Маздривини (Латвия) и Прижмонтах (Литва). По мнению Э. Шноре, орнамент на шпорах носит скандинавский характер, а сами они датируются IX—X вв.[63] Описанная форма неизвестна в других областях Европы.

Часть находок классифицировать не удалось из-за отсутствия точных сведений об их форме (рис. 1). Но и выделенные типы позволяют говорить о том, что народы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. использовали самые разнообразные формы шпор. Такое частое видоизменение формы шпор зависит, с одной стороны, от военной техники и вооружения конного воина в целом, а с другой — от обуви всадника. Так, в зависимости от величины соотношения длины и ширины плеч выделяются низкокаблучные ($Д_2 : Р$ равно 0,3—0,5) и высококаблучные ($Д_2 : Р$ равно 0,5—1,3) шпоры, различающиеся по способу крепления к обуви всадника[64]. На всем протяжении I тысячелетия н. э. народы Восточной Европы использовали западно- и центральноевропейские типы шпор, попадавшие на нашу территорию с опозданием в одно-два столетия[65]. Ряд типов шпор (I—IV, IX) бытовали во всех областях Восточной Европы, в то же время типы V, VIII и X были характерны только для балтских древностей Прибалтики и прилегающих территорий, а VI тип — для восточнославянских племен, живших на пограничье с западными славянами, на западе Белоруссии и Украины. Таким образом, типы шпор отражают различные этнические и культурные влияния. В качестве датирующего материала шпоры следует применять очень осторожно, обязательно привлекая также другие материалы памятников, из которых они

---

[58] *Kulikauskas P., Kulikauskiene R., Tautavicius A.* Lietuvos archeologijos bruozaj. Vilnius, 1961, fig. 255; Latvijas PSR archeologija, tab. 37, *3*.

[59] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958, с. 192, рис. 38; *Гуревич Ф. Д.* Ук. соч., с. 164—166, рис. 53, *6*.

[60] *Bernt von zur Mühlen.* Op. cit., s. 273, Taf. 34, *5*.

[61] *Brøndsted J.* The vikings. London, 1965, p. 125, fig. 3, *a*; *Dostal B.* Slovanske pohrebiste ze středni doby hradištni na Morave. Praha, 1965, s. 74—77, obr. 16.

[62] *Таутавичюс А.* Археологические исследования в Литве в 1962—1966 гг.— ABS, VII. Bialystok, 1970, s. 232, рус. 3.

[63] *Шноре Э.* Ук. соч., с. 579, 580, рис. 1.

[64] *Żak J.* Najstarsze ostrogi..., s. 47, tabl. 7.

[65] Исключение составляют лишь VIII и X типы шпор, которые имеют местное происхождение.

происходят. Новые находки шпор позволят создать более совершенную типологическую схему развития их форм.

На основании находок из погребальных памятников представляется возможным сделать выводы о способе ношения шпор. Судя по имеющимся данным, в I тысячелетии н. э. восточноевропейские всадники носили и по одной, и по две шпоры. Так, в 12 погребальных комплексах первой половины I тысячелетия н. э. (55%) обнаружены парные шпоры. В раннесредневековый период VI—X вв. эта цифра уменьшается до 30%. Встречающиеся при раскопках образцы асимметричных шпор, предназначенных для определенной ноги (правой или чаще всего левой), подтверждают факт ношения всадниками одной шпоры. Древнерусские конные воины в XI—XIII вв. и позднее, как правило носили парные шпоры. Большинство находок ранних шпор (65 из 105 экз.) происходит из погребений. Причем, чаще шпоры попадаются в наиболее богатых захоронениях знатных воинов или вождей. На поселениях обычны находки сломанных шпор.

Итак, можно считать доказанным, что древнейшие шпоры на территории Восточной Европы появляются в I в. н. э. у носителей липицкой и пшеворской культур на западе Украины, а также в среде древних прусских племен, населявших Юго-Восточную Прибалтику. Однако находки шпор I тысячелетия н. э. на восточноевропейских памятниках еще довольно редки, они встречаются главным образом в пограничных областях — зонах контактов с западно- и центральноевропейскими культурами римского времени и эпохи раннего средневековья [66]. Эти немногочисленные находки являются лишь далеким отсветом военной техники народов Западной и Центральной Европы. Ведь для употребления шпор нужны определенные условия: в частности, наличие конного войска, обученного управлять лошадью с помощью шпор. Только с XI в., когда в связи с выделением феодальной конницы в качестве главного рода войск в Древней Руси все больше применяются общеевропейские средства управления конем, шпоры становятся обычными в снаряжении древнерусского всадника. С этого времени появляются их массовые находки на древнерусских памятниках.

V. B. Perkhavko

L'APPARITION ET LA DIFFUSION DES EPERONS SUR LE TERRITOIRE DE L'EUROPE ORIENTALE

Résumé

Les plus anciens éperons découverts en Europe orientale dans les monuments de la culture de Lipitzk et de Pchévoro (ouest de l'Ukraine) datent du Ier s. de n. è. (fig. 2; 1, 4-5). De même, pour la première moitié du Ier millénaire de n. è., on trouve des éperons dans les antiquités de Zaroubinetz et de Tcherniakhovo, mais seulement épisodiquement, et ce n'est que parmi les tribus baltes qu'ils commencent à être largement utilisés à partir du IIe ou IIIe s. de n. è. Les plus anciens modèles d'éperons, trouvés dans les monuments du haut Moyen Age appartenant aux Slaves de l'Est, datent des VIIIe-IXe s., mais c'est seulement à partir du XIe s. qu'ils commencent à être largement répandus dans l'ancienne cavalerie russe. Ayant adopté dans leur équipement cette invention venue de l'Ouest, les peuples de l'Europe orientale utilisèrent, tout au long du Ier millénaire de n. è., les types d'éperons de l'Europe occidentale (fig. 4). Comme critère fondamental permettant d'isoler dix types d'éperons, on doit prendre la forme du bout des branches. D'après les différences de proportions des principales dimensions, à l'intérieur de ces types on distingue des variantes (fig. 3). Le changement de forme des éperons dépend du genre de chaussure du cavalier, ainsi que de l'armement de la cavalerie.

[66] Широко используются шпоры в это время лишь у балтских племен.

С. Б. ЛУНИНА

ФОРМЫ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОНЧАРНОМ РЕМЕСЛЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Одним из первостепенных показателей состояния экономики, развития товарно-денежных отношений, торговли является уровень развития городского ремесла. В результате многолетнего археологического изучения городов Средней Азии накоплен материал, позволяющий охарактеризовать различные стороны ремесленного производства поры развитого средневековья. Наиболее обширен такой материал по ремеслу гончарному, его локализации в городе, технике и технологии гончарного производства, для характеристики керамических комплексов; в меньшей степени это касается вопросов организации производства и такого важного качественного показателя развития ремесла, как его специализация. О. Г. Большаков пишет: «Рост числа ремесленников способствовал появлению узкой специализации, о которой говорят в первую очередь письменные источники. Археологические данные, касающиеся главным образом керамического производства, свидетельствуют пока о противоположном — о широком ассортименте изделий, выходивших из одной мастерской» [1]. Вместе с тем он подчеркивает, что «при обширном и разнообразном производстве не могло не быть какой-то специализации» [2].

Выражая полное согласие с последним тезисом О. Г. Большакова, попробуем на конкретном археологическом материале рассмотреть, какие формы принимала специализация в гончарном ремесле поры развитого средневековья, уровень и тенденции его специализации в основном на примере двух крупнейших городов Средней Азии — Мерва и Самарканда. Разумеется, оговоримся, что хотя фактического материала накоплено довольно много, он все же не позволяет пока рассмотреть вопрос с достаточной полнотой, тем более что при общей характеристике ремесла необходимо учитывать и уровень специализации в других его отраслях.

Мы уже писали в свое время, что в Мерве X—XII вв. не существовало четкой специализации ремесленников-гончаров, что можно говорить лишь о предпочтительном внимании мастера к той или иной форме гончарства [3]. Новые материалы позволяют развить и конкретизировать этот тезис.

При характеристике основных статей производства гончарных мастерских нами учитывались условия находки материала (в топке печи, в золе, за перегородкой топки, в производственных помещениях, в отвалах), брошена ли печь во время работы (в одних случаях, например, устье топки и пода оказывалось заложенным, в других — прослеживался об-

[1] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 309.

[2] Там же, с. 284.

[3] *Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в.— ТЮТАКЭ, 1962, т. XI, с. 408.

Виды керамической продукции, обжигавшейся в гончарных печах Мерва

Раскоп	Время	Место расположения	Количество печей в мастерской	Форма печей	Место находки материала			Глазурованная керамика										Неполивная керамика												
					печь	мастерская	отвал	чаши	тарелки	блюда	кувшины	банки	котлы	светильники	изделия из кашина	архитектурный декор	намогильные плиты	кувшины	котлы	банки	горшки	хумы, хумча	чаши	тагора (миски)	штампованная керамика	сферококонусы	крышки	футляры для чирагов	игрушки	печной припас
2	X — начало XI в.	Квартал керамистов в западной части рабада	1	Круглая	+		+	0		+	0			+						+		+					+				+
4	X — начало XI в.	То же	2	Круглая	+		+	0	+		+							0												+
5	X — начало XI в.	»	1	Круглая	+		+	0			+	+		+																
12	X — начало XI в.	»	2	Прямоугольные	+		+	+										0		0	0									
24	X — начало XI в.	»	1	Круглая	+			0														+								
30	X — начало XI в.	»	1	»	+			+										+										+	
2	XI в.	»	1	»	+	+	+	0			0							+												
23	XI в.	»	1	»	+			0			+							0												
3	XII — начало XIII в.	»	1	»	+		+	0			0							+		+	+		+	+			+	+	

Окончание

Раскоп	Время	Место расположения	Количество печей в мастерской	Форма печей	Место находки материала			Глазурованная керамика										Неполивная керамика												
					печь	мастерская	отвал	чаши	тарелки	блюда	кувшины	банки	котлы	светильники	изделия из кашина	архитектурный декор	намогильные плиты	кувшины	котлы	банки	горшки	хумы, хумча	чаши	тагора (миски)	штампованная керамика	сфероконусы	крышки	футляры для чираков	игрушки	печной припас
1, мастерская 1	Первая половина XII в.	Квартал керамистов в западной части рабада	7	Прямоугольные	+	+												+		+	+	+		+	0	+		+	+	
То же	XII — начало XIII в.	То же	4	То же	+	+	+	+		+	+			+	+									0				+	
1, мастерская 2	XII — начало XIII в.	»	5	»	+	+												0		0	0	+		+				+	+	
1, мастерская 3	Первая половина XII в.	»	2	»			+	+										+		+	+				+					
25	XIII—XIV вв.	»	1	Круглые	+		+	0	0					+	+															
4	XIII—XIV вв.	Северо-западная часть городища	2	Круглая	+		+	0	0				+	+	+	+	+	+			+		+		+		+			
5	XIII—XIV вв.	Северо-восточная часть городища	1	Круглая	+		+	+								+									+					

рушившийся купол и в печи наряду с обжигавшейся керамикой обычно были и предметы печного припаса). Не принимались в расчет печи, под которых был заполнен мусором или отвалом из соседних печей (в таком случае содержимое печи включало шлаки, золу, отвал выходил, как правило, за пределы пода). В любом случае установление связи обнаруживаемого в печах и около них материала с работой печи и мастерской требует большой осторожности. Кроме того, в общей массе материала в отвалах зачастую невозможно выделить предметы, использовавшиеся мастерами в процессе работы (сосуды для приготовления еды, хранения воды и пр.), для таких форм становится важна массовость находок.

Материалы по обжигу изделий в отдельных печах и мастерских Мерва сведены нами в предлагаемую таблицу. Мы сочли нужным включить в нее основные виды производившейся продукции, которые вполне достаточно характеризуют направленность производства. В таблице крестик обозначает производство данного вида продукции в хозяйстве гончара; кружок — вид продукции, которому уделялось особое внимание, выразившееся, в частности, в количественном преобладании этого вида изделий.

Из приведенной таблицы видно, что узкой специализации гончаров в Мерве почти не наблюдается. Исключение составляет для X — начала XI в. раскоп 24, где в круглой печи обжигались лишь глазурованные чаши разных размеров, а найденные тут же неполивные чаши повторяли полностью форму глазурованных и, видимо, были подготовлены для глазурования. Однако мастерская не вскрывалась, и не исключено, что материал связан лишь с одним из производившихся в печи обжигов. Тем не менее в продукции печей и мастерских, как правило, преобладали определенные виды керамики. Так, для выпуска мастерских раскопов 2, 4, 5, 23, датирующихся X—XI вв., характерны в основном глазурованные чаши, к которым присоединялся выпуск в большом количестве глазурованных (раскоп 2) или неглазурованных (раскоп 4, 23) кувшинов и в небольших масштабах выпуск других видов гончарной продукции. В мастерской раскопа 12 производилась преимущественно неглазурованная керамика (кувшины, банки, горшки), но в небольшом количестве и глазурованные чаши.

В XII — начале XIII в. крупные мастерские специализировались на производстве неглазурованной керамики, но при этом ассортимент производимой продукции был чрезвычайно широк. Так, на первом этапе (первая половина или середина XII в.) в мастерской № 1 раскопа 1, включавшей семь обжигательных печей и семь производственных помещений, производилась преимущественно высокого качества покрытая разнообразнейшим орнаментом штампованная керамика. Наряду с ней выпускались кувшины, банки, горшки, сфероконусы, футляры для светильников, крупные миски (тагора) и, возможно, крупные сосуды типа хумов (если они не были принадлежностью мастерской). В мастерской № 2, датирующейся второй половиной XII — началом XIII в. и включавшей пять печей и 11 производственных помещений, производились в большом количестве кувшины, горшковидные и банковидные сосуды; в меньшем — сфероконусы, хумы, футляры для чирагов, тагора, игрушки. Но на втором этапе работы (вторая половина XII — начало XIII в.) мастерская № 1, где в это время функционировало четыре или пять печей, выпускала не только штампованную керамику и игрушки, но и глазурованные чаши, блюда, кувшины и даже изделия из кашина.

Следовательно, с одной стороны, в X—XII вв. и особенно в XII — начале XIII в. идет процесс специализации гончаров, выражающийся преимущественно в специализации по производству глазурованной или неглазурованной керамики. Однако считать эту специализацию узкой было бы неверно, тем более что даже в одной мастерской мы видим сначала специализацию на разных видах неполивной керамики, в том

числе высокую специализацию на керамике штампованной, но при возобновлении работы мастерской после какого-то «кризисного» периода мастера, продолжая выпуск высококачественной штампованной керамики и даже используя унаследованные от первого этапа штампы, осваивают и совершенно новые виды продукции, такие, как глазурованные блюда со своеобразным плетеным орнаментом или изделия из кашина, покрытые голубой поливой.

В XIII—XIV вв. масштабы керамического производства в Мерве чрезвычайно ограниченны. Изучались лишь отдельные печи и одна мастерская с двумя печами, но в последней (раскоп 4) производились изделия чрезвычайно широкого ассортимента. Так, среди глазурованных изделий отмечены чаши, тарелки, котлы, светильники, изделия из кашина, детали архитектурного декора и даже намогильные плиты резной поливной терракоты; среди неглазурованных — кувшины, штампованная керамика, чаши и др. Мастера становятся буквально универсалами.

Кстати, выделка глазурованных изразцов в некоторых районах так и не стала самостоятельной отраслью гончарного производства и вплоть до начала XX в. поливные изразцы вырабатывались гончарами, занимавшимися изготовлением поливной посуды [4]. В Хорезме, однако, в позднее время были уже известны кашинчи — мастера по изготовлению глазурованных кирпичей, входившие в состав ремесленников-строителей [5].

О. Г. Большаков отмечал, что в Мерве все же было специализированное производство тануров, хотя оно не имело принципиальных отличий от других гончарных работ [6]. Позволим себе не согласиться с этим утверждением — производство таких громоздких толстостенных изделий, как тануры или тандыры (печи для выпечки хлеба), как раз было связано с особенностями производства. Тандыры изготовлялись обычно из грубого глиняного теста с различными примесями. При изготовлении на гончарном круге они требовали подкладных дисков большого диаметра, а для обжига, очевидно, больших размеров печей, в противном случае в печи обычного типа могло поместиться лишь очень ограниченное количество изделий. Чаще же, судя по этнографическим данным, тандыры изготовляли ручным способом, просушивали несколько дней и продавали, не обжигая [7]. Обжигались тандыры уже в процессе использования.

Между тем спрос на эти изделия, широко распространенные в быту [8], и особенности их изготовления, возможно, и потребовали ранней специализации.

Окончательно территориально отделилось от гончарного производство кирпичеобжигательное. Но судя по некоторым данным, в кирпичеобжигательных печах обжигалась иногда и неполивная керамика [9], чаще всего, судя по подъемному материалу, сосуды крупных размеров.

В северной части города на одном из холмов, явно с остатками кирпичеобжигательной печи, прослеживалось много фрагментов глиняных труб-кабуров, в том числе бракованных. Очевидно, этот вид гончарной продукции обжигался также в кирпичеобжигательных печах. В 1965 г. В. Н. Пилипко была вскрыта гончарная печь на территории квартала

---

[4] *Писарчик А. К.* Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в.— Тр. ИЭ, новая серия, т. XXI, СЭС, I. М., 1954, с. 234.

[5] *Джаббаров И. М.* Ремесло узбеков южного Хорезма в конце XIX — начале XX в. (историко-этнографический очерк).— Тр. ИЭ, новая серия, т. XCVII. Занятия и быт народов Средней Азии, СЭС, III. Л., 1971, с. 107.

[6] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Ук. соч., с. 284.

[7] *Джаббаров И. М.* Ук. соч., с. 107, 108.

[8] Тандыры были принадлежностью едва ли не каждого дома (это подтверждено археологически), но при этом существовали и специальные пекарни. Тартуси рассказывает о пекарне в чарсу Мерва, в которой было четверо подручных хлебопека. Ясно, что в такой пекарне должно было быть несколько тандыров.

[9] *Пругер Е. Б.* Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва.— ТЮТАКЭ, 1969, т. XIV, с. 236.

кирпичников в юго-восточной части рабада Мерва. Автор раскопок отмечает ее близость печам изучавшегося нами квартала керамистов. Нам кажется, что эта печь может быть датирована IX—X вв. В. Н. Пилипко считает, что «раскопки керамической печи и обнаружение нескольких очагов скопления керамики свидетельствуют о том, что некоторые ремесленники наряду с обжигом кирпича занимались изготовлением и обжигом керамики» [10]. Хотя такой вывод говорит в пользу известного универсализма мастеров, в данном случае он скорее свидетельствует о том, что в квартале кирпичников в отдельных случаях работали мастера-гончары, ибо печь по конструкции явно связана с обжигом керамики, вскрытие же территории вокруг нее не производилось, и говорить о том, что в данном хозяйстве были и печи по обжигу кирпича, не приходится.

Ш. С. Ташходжаевым описана мастерская второй половины XII — начала XIII в., раскопанная на городище Афрасиаб (древний Самарканд) к северу от мечети Хазрат-Хызр. Вскрыто несколько комнат и восемь печей, из них четыре заполнены оплывами, а четыре — отходами керамического производства [11]. Материал извлечен из последних, при этом говорится лишь, что печи не функционировали и служили местом отвала. Доказательств связи отвалов с функционированием остальных печей (находки в печах или около них) не приводится, поэтому, на наш взгляд, не исключено, что отвал бракованной керамики могли производить сюда из мастерских, расположенных где-либо поблизости. Из отвала была извлечена масса фрагментов котлов, крышек, очажков и лотков, из чего Ш. С. Ташходжаев делает вывод о специализации мастерской на выпуске котлов с крышками и терракотовых очажков с лотками и далее заключает, что рассмотренная керамическая мастерская «позволяет предполагать узкую специализацию гончаров Самарканда» и «исследуемая мастерская и другие гончарные хозяйства указывают, что для Самарканда можно считать твердо установленным фактом узкую специализацию среди ремесленников-гончаров» [12].

Рассмотрим, так ли это, сначала на материале той же мастерской. Судя по описанию, здесь изготовлялись котлы самых разных размеров, от игрушечных до весьма емких (мимоходом автор отмечает, что найдены фрагменты и целые котлы, покрытые изнутри глазурью бирюзового цвета), однотипные крышки, очажки, украшенные сложной и разнообразной штампованной орнаментацией, орнаментированные лотки двух форм. Таким образом, во-первых, мастер (или мастера) изготовляли в своей мастерской бытовую посуду (котлы разной формы с разными ручками, украшениями) и предметы специального назначения (очажки, лотки), во-вторых, изготовлявшаяся здесь продукция требовала применения совершенно различных технологических приемов: это и разница в формовке котлов и очажков, и разные приемы украшения — глазурование, штамповка орнамента, резьба (автор упоминает, например, штриховой орнамент). Вряд ли мастер, владевший этими разнообразными приемами, может быть назван узким специалистом [13].

Привлечем и другие материалы по Афрасиабу. Так, в печи 2, раскопанной на Афрасиабе Л. И. Альбаумом, обжигались круглодонные котлы с орнаментом (рядом с печью найден даже штамп-форма для изготовления таких котлов), сосуды банкообразной формы, очевидно предназначавшиеся для чигирей, а в топочной части этой печи за

---

[10] *Пилипко В.* Юго-восточная часть рабада Мерва.— Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук, 1969, № 3, с. 91.

[11] *Ташходжаев Ш. С.* Керамическая мастерская XII — начала XIII в.— В сб.: Афрасиаб, вып. IV. Ташкент, 1975, с. 54.

[12] Там же, с. 57.

[13] Лишь в том случае, если и котлы изготовлялись в мастерской от руки (об этом в статье не говорится), можно лишь в определенном смысле говорить о специализации мастера, избравшего выделку изделий, не связанных с работой на гончарном круге.

перегородками обжигались сфероконусы. Таким образом, в данной мастерской изготовлялась бытовая керамика, керамика особого назначения (для ирригационных работ) и даже такой специфический вид продукции, требовавший особого мастерства, как сфероконусы-симабкузача. В печи 4 обжигались разной формы и размеров светильники, глазурованные пиалы, касы, блюда, т. е. хотя данная печь, видимо, предназначалась для обжига глазурованных изделий, но виды изготовлявшихся и обжигавшихся в печи изделий были разнообразны. Обе печи датируются X—XI вв.[14].

В 1965 г. велись вскрытия мастерских гончаров в центре городища. Описание вскрытого участка квартала было сделано Л. Г. Брусенко[15]. Здесь раскопаны керамические печи и производственные помещения. Находки, сделанные внутри печей, не описываются, хотя отмечается, что одна из печей так и не была разгружена после окончания обжига. Для периода второй половины X в. описывается отвал керамики из печей, в котором основную массу находок составляла глазурованная керамика. Среди бытовой посуды — хумы, котлы, горшки, кувшины, блюда, чаши, лаганы, пиалы, светильники. Отвал связан с четырьмя печами, но принадлежали ли печи одному хозяйству или разным, не совсем ясно, поэтому трудно говорить и о специализации гончаров.

Позднее раскопки в квартале проводили Ш. Ташходжаев и Ш. Шараправда, по крайней мере три из них не имели печей, и Ш. Шарахимов химов. Здесь было вскрыто 14 хозяйств X — первой половины XI в. считает, что они пользовались печами соседних хозяйств, что весьма сомнительно. Ш. Ташходжаев считает, что из 14 хозяйств, изученных в этом квартале, одно принадлежало лепешечнику, а все остальные специализировались на выпуске поливной посуды[16]. Ш. Шарахимов пишет, что неполивной посуды эти хозяйства вообще не производили, а та, что была здесь найдена, представляет обиходную посуду из хозяйств самих гончаров[17]. Однако ни тот, ни другой автор не описывает характер находок в печах, мастерских, отвалах каждого хозяйства. Поэтому вопрос о специализации мастерских квартала будет яснее после полной публикации материала.

В юго-западной части Афрасиаба на одном участке вскрыты И. Ахраровым три печи, вытянутые в одну линию и размещавшиеся на расстоянии 1—1,5 *м* одна от другой и, надо думать, при такой близости расположения принадлежавшие одной мастерской. В печах и в отвалах около них были обнаружены глазурованные тарелки, блюда, чаши, кувшины, светильники, кашиновые сосуды, неглазурованные хумчи со штампованным орнаментом, симабкузачи, кухонные котлы, наконец, элементы архитектурного декора (глазурованные кирпичики), которые, как считает И. Ахраров, также изготовлялись в этой мастерской[18]. Правда, автор оговаривает, что хумча, симабкузача и котлы, возможно, не являлись продукцией мастерской, а принадлежали самим гончарам, ибо им такая посуда была необходима в повседневной жизни. Но, во-первых, эти изделия были найдены в массе всего материала в самих печах и в отвале,— таким образом, отделение их от остального ассортимента продукции недоказуемо. Во-вторых, непонятно, для каких целей сфероконусы — сосуды для перевозки ртути и благовоний — были необходимы «в повсе-

---

[14] *Альбаум Л. И.* О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв.— В сб.: Афрасиаб, вып. I. Ташкент, 1969, с. 259—267.

[15] *Брусенко Л. Г.* Раскопки квартала гончаров X—XI вв. на городище Афрасиаб.— ИМКУ, 1969, № 8.

[16] *Ташходжаев Ш. С.* Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г.— В сб. Афрасиаб, вып. III. Ташкент, 1974, с. 8.

[17] *Шарахимов Ш. Ш.* Гончарное производство средневекового Самарканда X — начала XIII в. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1975, с. 17.

[18] *Ахраров И.* К истории керамического производства на городище Афрасиаб.— В сб.: Афрасиаб, вып. I. Ташкент, 1969, с. 301—307.

дневной жизни гончаров». В-третьих, даже если исключить эти изделия из общего списка, в нем все равно останется несомненным разнообразие изготовлявшихся в мастерской изделий: здесь изделия из глины и кашина (технология изготовления разная), наконец, детали архитектурного декора. Об узкой специализации говорить не приходится. Печи и комплекс материала из них датируются XII — началом XIII в.

Из сказанного выше видно, что в Самарканде, так же как и в Мерве X—XII вв., налицо определенные тенденции в специализации внутри керамического ремесла. Отдельные мастерские, возможно, специализируются на тех или иных видах продукции, начинается частичная специализация хозяйств по производству глазурованной и неглазурованной керамики, выделяются мастера, работавшие без применения гончарного круга (изготовление тандыров, очажков). Но считать эти процессы характерными для ремесла в целом археологические материалы не позволяют, узкой специализации в чистом виде для этого периода мы не видим.

Другую форму специализации в гончарном ремесле следует видеть в «специализации» печей. Так, на приведенной нами таблице видно, что там, где обжигается преимущественно глазурованная керамика, используются круглые печи (чаще с открытым пламенем), там, где мастера специализируются на неполивной керамике, используются прямоугольные двухъярусные печи. В отдельных мастерских, имевших всего две печи, мы видим печь прямоугольную и круглую; в первой из них производился обжиг неполивной керамики или, возможно, предварительный «утильный» обжиг керамики глазурованной. В мастерской № 1 на втором этапе ее работы были специально отстроены две миниатюрные по размерам печи — одна для обжига глазурованной керамики, вторая для обжига игрушек.

Для рабада Шехр-Ислама Е. Атагарыев отмечал, что некоторые из керамических печей имели специальное назначение. Так, в маленькой прямоугольной печи обжигались мелкие тонкостенные сосуды со штампованным орнаментом (рядом были найдены штампы-калыбы). Но в той же мастерской XII — начала XIII в., состоявшей из двух помещений и трех печей, в круглой печи обжигалась поливная посуда, а в большой прямоугольной — неполивная, как крупная, так и мелкая тонкостенная. Е. Атагарыев называет эту печь универсальной [19]. Добавим, что специалистом-универсалом был и работавший здесь мастер, ибо все печи принадлежали одному керамисту. Вскрытая в южном рабаде печь 6 была предназначена в основном для обжига крупных сосудов [20]. Э. В. Сайко отмечает, что в мелких мастерских «предусматривались, очевидно, сдвоенные печи (в Мерве, Афрасиабе, Хульбуке), предназначенные для обжига разных и одинаковых изделий. Известны они и по этнографическим данным» [21].

Предположение о некоторой «специализации» печей делает Л. Г. Брусенко. Так, ею на Афрасиабе были раскопаны печи цилиндрической формы диаметром 40—45 *см*, которые были заполнены обожженными трехпожками-сипая и штырями. Высказывается мысль о том, что подобные печи специально служили для обжига предметов печного припаса [22].

Для одной из кустарных мастерских Хивы XX в. И. М. Джаббаров описывает две неодинаковых по размеру печи: в большой обжигали крупные изделия (сосуды для сбивания масла и посуду для приготовления теста), в меньшей — мелкие [23].

---

[19] *Атагарыев Е.* Средневековое городище Шехр-Ислам.— В сб.: Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1971, с. 155—158.

[20] Там же, с. 160.

[21] *Сайко Э. В.* История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966, с. 208.

[22] *Брусенко Л. Г.* Ук. соч., с. 120.

[23] *Джаббаров И. М.* Ремесло узбеков..., с. 103.

М. К. Рахимов отмечал, что в XIX—XX вв. среднеазиатские гончары применяли печи разного объема и разной конструкции для обжига различных видов керамических изделий. Так, печи для обжига высокой полой посуды делались двухъярусными, круглыми, а для обжига плоской посуды (обычно глазурованной) имели в перекрытии топки крупное центральное отверстие и мелкие по бокам или были двухполочными комбинированными [24]. По существу в конструкции средневековых печей можно видеть прямой прообраз этих печей. Более того, конструкция двухъярусной круглой печи с отверстиями-продухами дошла до новейшего времени вообще почти без изменений. Кроме того, именно в X—XII вв. начинается специализация печей по их назначению, и прежде всего по обжигу глазурованной и неглазурованной керамики.

Наконец, в крупных мастерских XII — начала XIII в. в Мерве хорошо прослеживается еще одна форма специализации, специализация мастеров и работников, разделение труда внутри мастерских. В разных помещениях мастерских производились разные виды работ. В одних месили глину, в других из нее выделывали шаровидной и цилиндрической формы «болванки», которые затем передавались в следующее помещение для формовки из них на гончарном круге различных изделий. Все это требовало специализации работников мастерских, не говоря о таких видах работ, как изготовление штампованной посуды и штампов-калыбов для ее орнаментации [25], обслуживание обжигательных печей, изготовление глазури, выделка кашиновой массы и др. В ряде мастерских отмечено изготовление печного припаса. По этнографическим материалам известно, что выделка вспомогательных предметов печного припаса, в частности сепая, поручалась старикам или ученикам [26], т. е. считалась неквалифицированной работой. Такая дробная специализация была возможна именно в крупных мастерских, может быть принадлежавших государству. Не случайно именно из этих мастерских продукция шла и на вывоз, далеко за пределы Мерва (найдена, например, на Нисе, в Самарканде).

Такое же четкое разделение функций производственных помещений в крупных хозяйствах гончаров отмечено Ш. Шарахимовым и для Афрасиаба. На известную специализацию в средневековом восточном ремесле указывают и некоторые источники. Так, в посланиях «Братьев чистоты» (тайной религиозно-философской организации, созданной в Иране во второй половине X в. с целью популяризации науки и философии) писалось: «Бывают также ремесла, предмет которых — земля и вода, как ремесло шерстомоев, гончаров, горшечников, кирпичников...» [27] (в приведенном отрывке авторы различают ремесло «гончаров» и «горшечников») или «Знай, что большинство ремесленников неизбежно пользуются огнем в своем ремесле... Другие применяют огонь для готовых изделий, как, например, кашевар, горшечник, обжигатель зеленой глины и кирпичей» [28] (здесь выделяется профессия «обжигателей зеленой глины» — не имеется ли в виду выделка сфероконусов?). В этих отрывках ремесло кирпичников четко отделяется от ремесла гончаров, как это подтверждает и археологический материал.

В пору позднего средневековья и в новое время в Средней Азии процесс специализации между гончарами и внутри мастерских идет дальше. Так, в Ташкенте в конце XIX — начале XX в. гончары даже размещались поквартально в соответствии со специализацией, прежде всего раз-

[24] *Рахимов М. К.* Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961, с. 65—69.

[25] Изготовление штампов в самих мастерских подтверждается находками «исходных» матриц.

[26] *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии.— Тр. ИЭ, 1959, т. XLII, с. 164.

[27] «Братья чистоты» (фрагменты из посланий).— В сб.: Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв. М., 1961, с. 139.

[28] Там же, с. 141.

деляясь на косагаров (специалистов по выделке плоских мелких изделий) и кузагаров (мастеров по изготовлению вертикальных, крупных форм) [29]. У риштанских мастеров выделялись мастера, выпускавшие посуду типа фаянса, изготовлявшие изделия с белым фоном, и мастера по выделке посуды со свинцовой поливой желтого цвета [30].

В XIX—XX в. отмечалась специализация мастеров внутри основных подразделений (по производству поливной и неполивной керамики): одни мастера делали блюда, другие — чашки, третьи — горшки и пр. Были мастера, работавшие начерно и изготовлявшие изделия без поливы, а затем подвергавшие их обжигу; разрисовка же, покрытие поливой и вторичный обжиг производились в других мастерских другими мастерами. Была специализация и внутри мастерских: на приготовлении глины, на растирании красок, на перемалывании поливы, на расписывании посуды (при этом мастера-рисовальщики находились на положении рабочих) [31]. Вместе с тем, например, в Риштане мастера, изготовлявшие штампованную керамику, сами резали и обжигали штампы [32].

В 30-х годах нашего века у ташкентских мастеров (все они тогда работали на дому и объединялись в артель только для сбыта продукции) выделялось три группы гончаров: танурчи — мастера по изготовлению очагов и печей для хлеба, продукцию свою они не обжигали; кузагар — мастера по изготовлению сосудов крупных размеров, в частности кувшинов для воды, в основном неполивных; майдапаз — мастера по изготовлению сосудов небольших размеров, в основном поливных. В последней группе иногда выделялись тагорапаз (выделка мисок крупных размеров), косагар (выделка коса и пиал) и лаганпаз (выделка блюд, этим термином обозначались наиболее искусные мастера, делавшие разные виды посуды) [33]. Е. М. Пещерева отмечала вместе с тем, что все три группы мастеров кроме посуды производили и другие мелкие изделия — детские игрушки, кормушки для птиц, курительные приборы и пр.

Таким образом, к XX в. специализация кустарного гончарного производства достигла новой ступени, но и к этому времени она оставалась зачастую недостаточно дробной, делясь в основном лишь на производство тандыров (эта специализация выделилась еще в средневековье), глазурованной и неглазурованной керамики.

Дальнейшее накопление археологических материалов, очевидно, поможет выделить этапы процесса специализации внутри средневекового гончарства, а в дальнейшем, возможно, и в других видах ремесла. Если специализация отдельных видов ремесла давно оформилась, то специализацию ремесленников внутри этих видов, и в частности в ремесле гончарном, мы застаем в X—XII вв. как живой процесс, еще далекий от завершения, но идущий в различных формах: в уже ярко проявившемся преимущественном внимании ремесленников к производству того или иного вида продукции, в выделении специализированных обжигательных печей, наконец, в специализации труда ремесленников внутри крупных мастерских. Все эти формы подготавливали переход к более высокому уровню специализации, известному в XIX—XX вв. Намечающаяся же специализация внутри гончарства и вместе с тем определенный универсализм отдельных мастеров отмечают особую стадию развития городского ремесленного производства.

---

[29] *Рахимов М. К.* Ук. соч., с. 28.
[30] Там же, с. 24.
[31] *Пещерева Е. М.* Гончарное производство..., с. 208.
[32] Там же, с. 226.
[33] Там же, с. 164.

S. B. Lounina

LES FORMES DE SPECIALISATION DE L'ART DU POTIER MEDIEVAL EN ASIE CENTRALE

Résumé

L'un des plus importants indices qualitatifs du développement de l'artisanat est formé par le degré de sa spécialisation. Dans cet article on examine le niveau et les tendances de spécialisation qu'avait l'art du potier dans deux des plus importantes villes d'Asie Centrale, du Xe au XIVe siècle: Merv et Samarkand. Le matériel archéologique nous amène à la conviction que, à l'exception de la production de briques cuites, production qui se détache définitivement, et peut-être de celle de fours à pain en argile, il n'existait pas d'étroite spécialisation dans la poterie. On remarque cependant une préférence accordée à la fabrication de tel ou tel type de produits. Et commence une spécialisation des types de fours pour la cuisson de la céramique vernissée ou non. Dans les importants ateliers du XIIe et du début du XIIIe s. a lieu une division du travail ainsi qu'une spécialisation dans certains genres de poteries.

О. Н. БАДЕР

МУЗЕЕФИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Одной из актуальнейших задач наших дней в деле охраны археологических памятников является организация музеефикации важнейших из них и широкого показа не в стенах музеев, а под открытым небом.

Как известно, в процессе раскопок археологический памятник уничтожается. Даже вскрытые раскопками остатки каменной, а тем более сырцовой архитектуры, если не приняты меры к ее консервации, разрушаются.

В то же время многие археологические памятники, расположенные под открытым небом в естественном окружении ландшафта, среди которого они возникли, имеют огромный познавательный интерес и обладают большой силой эмоционального воздействия. В особенности это относится к памятникам, сохранившим остатки земляных сооружений на поверхности, прежде всего к курганам и городищам, укрепленным земляными валами и рвами. Каждый из таких памятников — след истории данного края; осмотр памятника на месте, в его естественном окружении дает несравненно больше, чем знакомство с ним в музее или в книге по иллюстрациям, и служит средством воспитания материалистического мировоззрения и патриотизма.

В этом заключается основное значение музеефикации археологических памятников под открытым небом. В то же время она способствует надежному сохранению памятника от разрушения [1].

Наиболее целесообразна такая музеефикация на территории крупных населенных пунктов или рядом с ними. Именно в этих условиях памятникам часто угрожает разрушение; с другой стороны, именно в этих условиях обеспечивается наиболее широкое использование памятника для организованного показа. К сожалению, музеефикация археологических памятников под открытым небом применяется у нас еще очень редко.

Всем известны такие археологические заповедники, как Херсонес, Ольвия, Пантикапей. Их воздействие на зрителя огромно. Однако подобные заповедники у нас единичны. Создание их очень сложно и требует правительственных постановлений. Гораздо более простой формой организации археологических заповедников является создание заповедных комплексов как филиалов местных краеведческих музеев. Одним из последних, притом очень удачных, примеров такой организации следует считать создание заповедника на городище Танаис — филиала Ростовского краеведческого музея. Здесь организован показ вскрытых раскопками и законсервированных объектов, устроен музей, где можно познакомиться с материальной культурой и историей городища, продается литература, да-

[1] *Воскресенская Л. П.* Организация открытого показа археологических памятников в РСФСР. М., 1969; *Булатов Н. М.* Принципы организации археологических музеев-заповедников.— В сб.: Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры, вып. III. М., 1975.

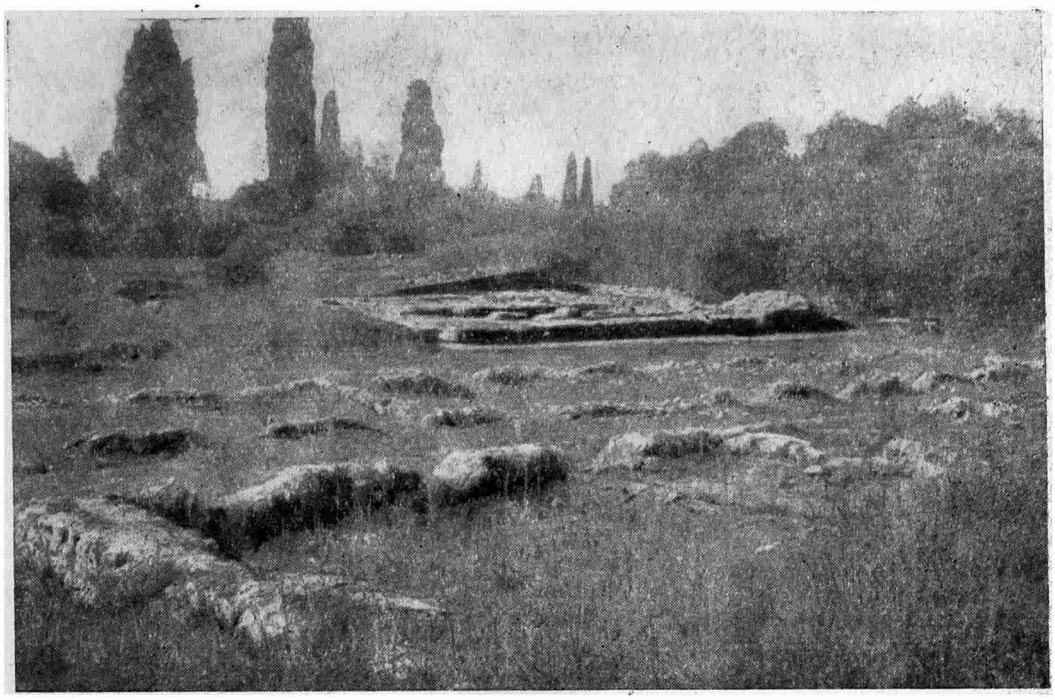


Рис. 1. Разрушающиеся после раскопок древние архитектурные объекты на городище Питиунт в Абхазии (фото автора)

ются консультации по истории края [2]. Аналогичным образом оформлены и используются отдельные раскопы на территории древних Пскова, Болгар, древнего Берестья (ныне Бреста), а также некоторые наскальные рисунки в Карелии и Сибири.

Следует уделить особое внимание вопросу финансирования работ по музеефикации, который часто не под силу местным музеям и обществу охраны памятников и должен решаться на более высоком уровне. Необходимо заранее произвести отбор памятников, подлежащих музеефикации. Списки их должны утверждаться не только управлением по делам музеев и обществом охраны памятников истории и культуры соответствующей республики, но и финансовыми органами.

У нас существует немало археологических заказников — это памятники, на которых многие годы производились и продолжают вестись раскопки. С одним из них мне удалось познакомиться недавно: это пещерный, вырубленный в скалах город Уплисцихе, на р. Куре, в Грузии. Великолепный, интереснейший памятник! Он охраняется сторожем, но на нем не организована экскурсионная работа. И если здесь не будет создан заповедник или филиал музея, то по окончании систематических раскопок уникальный памятник неизбежно придет в запустение, станет разрушаться и в конце концов пропадет.

Здесь нельзя не отметить с чувством горечи, что большое число архитектурно-археологических памятников, исследующихся нашими археологами, освобождающими из-под земли подчас интереснейшие и эффектные архитектурные руины, не консервируется, не музеефицируется, не используется для массового показа, разрушается и перестает существовать как памятники истории и культуры. Примеров здесь можно привести много. Один из ярких примеров этого рода — древнее городище Питиунт близ Пицунды, где раскопки ведутся много лет. На площади,

[2] *Шелов Д. Б.* Опыт организации археологического заповедника «Танаис».— В сб.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщ. Научно-методического совета по охране памятников культуры, вып. VII. М., 1972.

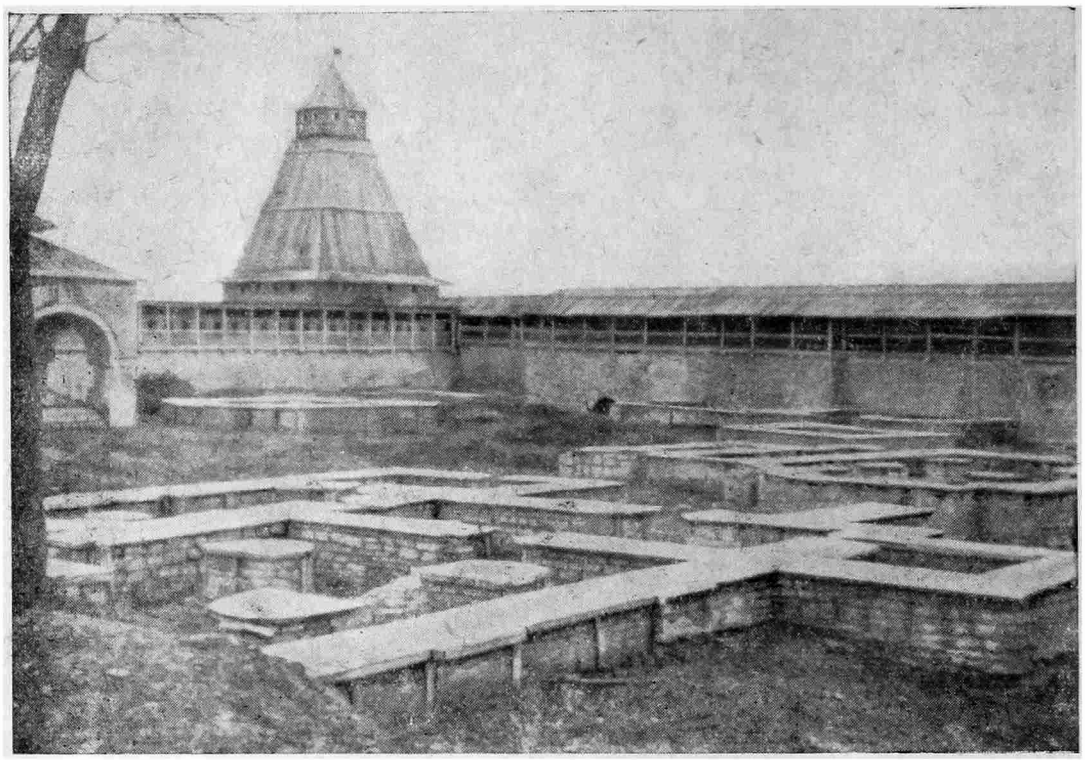


Рис. 2. Восстановленные и музеефицированные фундаменты средневековых зданий в Довмонтовом городе Пскова (фото А. Кукушкина)

только что вскрытой раскопками, четко видны фундаменты жилых и общественных зданий, улицы, планы целых кварталов; те же остатки на площади раскопок двух-, трехлетней давности — а тем более раскопок предшествующих лет — обвалились и поросли сорняками. Эта часть памятника сейчас непригодна для осмотра (рис. 1), остаткам древних зданий нанесен невосполнимый ущерб.

Допуская такое положение дел, мы, говоря объективно, совершаем преступление перед наукой. Освобождая ценнейшие памятники из-под земли и оставляя их на произвол судьбы, мы таким образом обрекаем их на полное уничтожение. С этим нужно решительно бороться. Необходимо добиться, чтобы реставраторы на каждом памятнике крупного научного значения работали вместе с археологами или сменяли их, производя консервацию раскопанных объектов, их реставрацию и подготовку музеефикации. Если это невозможно сделать сразу, нужно воздвигать над раскопанными объектами временные навесы и обеспечивать их охрану, как это делается, например, в Биляре. Если же и это невозможно, необходимо вновь зарывать землей откопанные объекты и хотя бы этим элементарным способом предохранять их от разрушения. К сожалению, это не делается даже на таких новейших археологических заказниках, как Афрасиаб. В 1973 г. я имел возможность осмотреть множество разбросанных по этому огромному городищу раскопов, на стенах которых обнажаются сырцовые кладки, не закрепленные и не засыпанные землей. Они разрушаются на глазах.

То же можно наблюдать на некоторых уже старых раскопках Кармир-блура в Армении, обнажающих сырцовые кладки значительной высоты. Следовало бы построить над ними хотя бы временные навесы.

Одним из редких примеров правильной организации работ на крупных памятниках могут служить раскопки в Пскове, на территории Довмонтова города, который является одним из немногих на территории

СССР замкнутых комплексов, сохранивших средневековую планировку (рис. 2). Подобным образом консервируются многие археологические памятники за рубежом.

Консервация архитектурных памятников Довмонтова города включена в план реставрационных мастерских, что очень важно.

При этом поступают следующим образом. После раскрытия памятников старая кладка расчищается, закрепляется и присыпается землей, над ней возводится несколько рядов накладки с точным соблюдением толщины старой кладки. Сверху накладка покрывается цементной коркой, которая шире самой накладки. Увеличение ширины покрытия сделано для стока воды. В результате получается точный план здания на горизонтальном уровне (рис. 2, 3). Раскопанные в Довмонтовом городе памятники архитектуры включены в маршрут экскурсий.

В этом организационно сложном, но насущном вопросе есть еще одна очень большая трудность: недостаточная разработанность методики консервации сооружений из камня, и в особенности из сырцового кирпича и из дерева. Часть этих вопросов была предметом широкого обсуждения на специально созванном Научно-методическим советом Министерства культуры СССР всесоюзном совещании в 1966 г. в Севастополе и еще далека от удовлетворительного разрешения [3].

В крупнейшей из республик Советского Союза — РСФСР — музеефикации памятников археологии на сегодняшний день уделяется явно недостаточное внимание. В деле музеефикации архитектурно-археологических памятников, очень отставшем у нас и крайне важном, на помощь государственным организациям должна прийти общественность, и в первую очередь Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, включая его отделения на местах. Думается, что помимо выявления новых памятников и раскопок памятников, которым угрожает неминуемое разрушение, общество должно помогать в организации и финансировании работ по консервации и музеефикации археологических памятников под открытым небом. Хорошим примером может служить общественная инициатива, проявленная во Владимире с целью музеефикации палеолитической стоянки Сунгирь.

В настоящее время ведутся работы по музеефикации городищ Великие Болгары и Биляр в Татарии, средневекового Пскова, Старой Ладоги, античной Горгиппии в Анапе, древнего поселения Дигоми на окраине Тбилиси, на Нижнем Архызе в Карачаево-Черкасской АО. В Киеве начаты работы по созданию парка-музея «Древний Киев», где над открытыми сооружениями уже строится павильон для производства реставрационных работ и где вновь открытые археологические памятники станут первыми экспонатами создаваемого исторического заповедника под открытым небом.

В этом плане очень интересны работы Института истории, языка и литературы Казанского филиала АН СССР; казанских реставрационных мастерских и Казанского университета по превращению огромного булгарского городища Биляр в туристический центр. Это огромное средневековое городище окружено пятью валами и имеет цитадель; окружность оборонительных линий превышает 10 *км*. Его раскопки, с 1970 г. ведущиеся под руководством А. Х. Халикова, ежегодно дают все новые материалы по теме «Волжская Булгария домонгольского периода» — основной теме будущего туристического центра. Уже музеефицируются древнейшие кирпичные здания северной полосы Восточной Европы — жилой дом X в. в цитадели и здание караван-сарая того же времени (рис. 4) и фундаменты белокаменной постройки (мечети?). Оба первых здания имеют площадь более 150 $м^2$ каждое. Древние кирпичные стены при

---

[3] Сб.: Консервация архитектурно-археологических памятников южных районов СССР.— Сообщ. Научно-методического совета..., вып. IV. М., 1969.

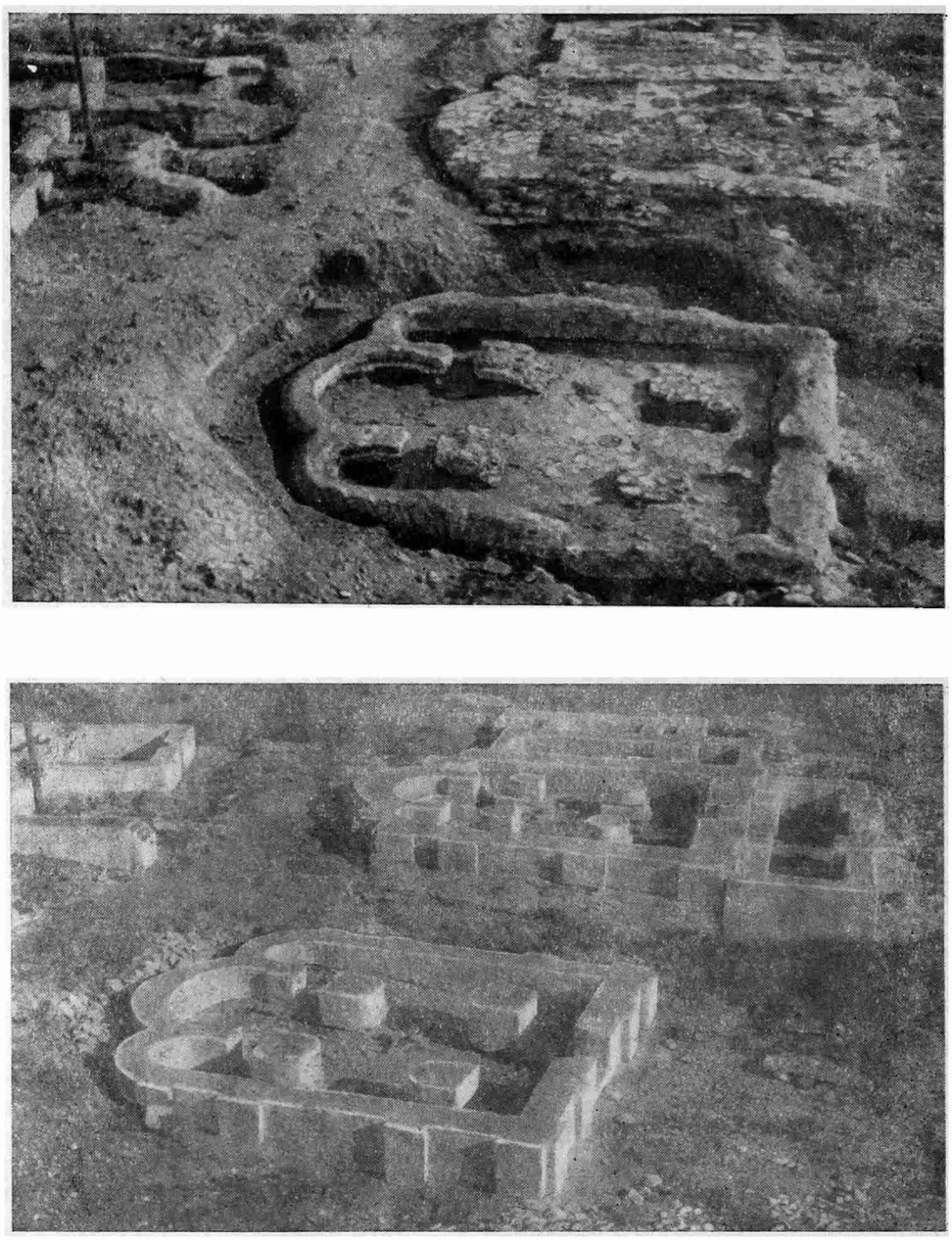


Рис. 3. Фундаменты средневековых зданий в Довмонтовом городе во Пскове. *1* — после раскопок Г. П. Гроздилова; *2* — после восстановления и музеефикации (фото Б. С. Скобельцына)

этом сохраняются и надстраиваются (с прокладкой) примерно на 1 *м* современным кирпичом. Музеефицируется также и булгарский колодец.

В северной части нашей страны, в лесной полосе, где в древности и в средние века строительным материалом не только для жилищ, общественных и культовых зданий, но даже для крепостей служило дерево, а не камень, музеефикация археологических и архитектурно-археологических памятников вообще почти не применяется, прежде всего по той причине, что остатки деревянных строений не сохраняются в земле в достаточно хорошем виде. Кроме того, повальным бичом древних поселений севера были пожары, подчас уничтожавшие их до тла, и неоднократно. Исключение представляют некоторые города Прибалтики, например Таллин, где уже в XV в. в целях борьбы с пожарами были запрещены деревянные постройки; некоторые средневековые русские города и монасты-

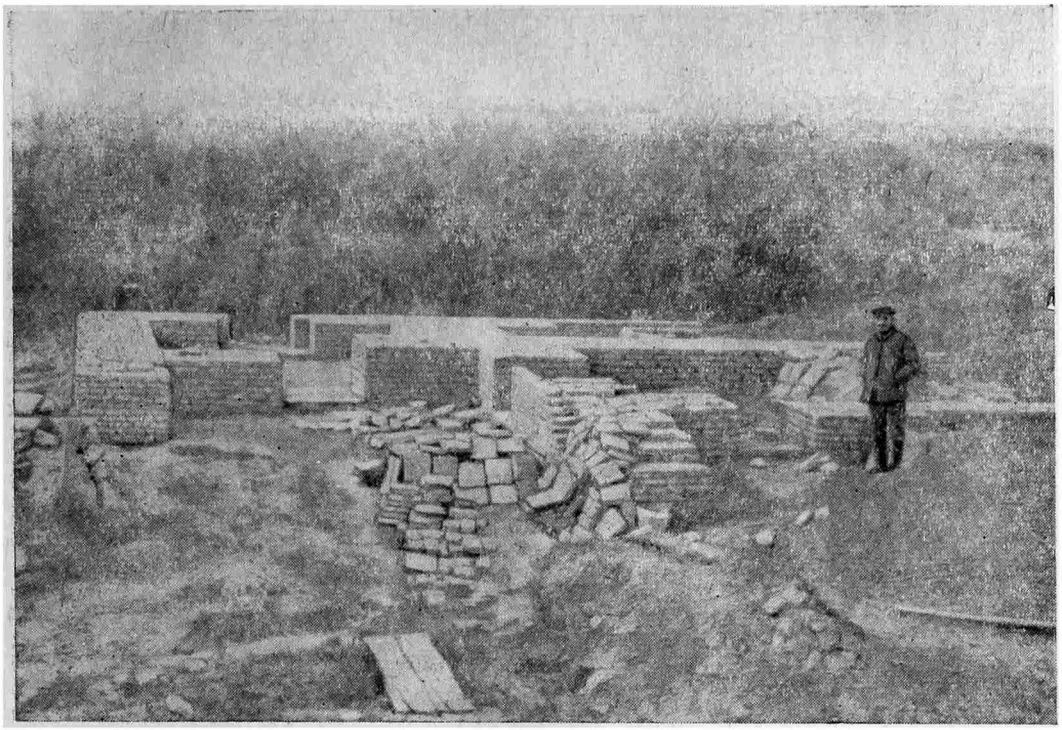


Рис. 4. Консервация и музеефикация фундаментов караван-сарая X–XI вв. в Биляре

ри, города Булгарского царства. Даже такая редкая и изумительная сохранность дерева, как в культурных слоях древнего Новгорода, пока мало дает для музеефикации памятников, главным образом из-за отсутствия до последнего времени достаточно эффективных методов консервации дерева. К счастью, под руководством проф. В. Е. Вихрова недавно разработан простой и эффективный метод консервации древней влажной древесины, уже примененный с большим успехом к средневековым деревянным сооружениям, вскрытым раскопками в Бресте (Берестье). Этот метод будет иметь огромное значение в деле музеефикации археологических памятников.

Тем не менее идея музеефикации археологических памятников, не имеющих остатков каменных строений, отнюдь не выглядит безнадежной. Прежде всего это относится к памятникам, обладающим хорошо заметными на поверхности земляными сооружениями — курганам и городищам, но и не только к ним. Уже очень давно мной была разработана высказанная еще Б. С. Жуковым мысль о музеефикации Андреевского (или Мамонова) городища в Москве, на территории Парка культуры и отдыха им. Горького. Доклад на эту тему был сделан 18 июня 1941 г. в Институте краеведческой и музейной работы НКП, а статья, иллюстрированная планом музеефикации, была сдана для публикации в Трудах этого института, но во время войны затерялась и не вышла в свет. В статье предлагалось создание комплекса, включающего сооружения городища с частичной их реконструкцией, музеефицированный раскоп с подвергнувшимися консервации объектами, а также павильоном, в котором экспонировались бы материалы городища, характеризовалась бы культура, к которой оно относится, а также другие археологические памятники Москвы и ее окрестностей.

Если посещение большого музея требует много времени, то осмотр городища и павильона был бы делом легким, малоутомительным, и его мог бы посетить каждый очутившийся поблизости. В летние месяцы такой павильон по посещаемости, несомненно, соперничал бы с музеями города.

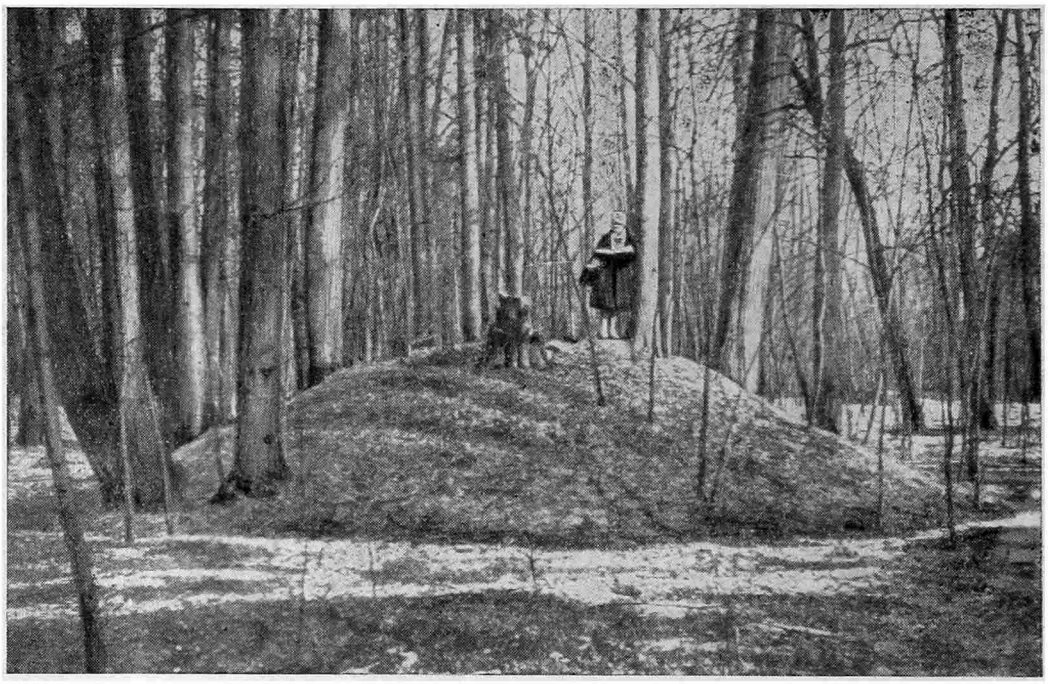


Рис. 5. Один из древнеславянских курганов на территории Москвы в Царицынском парке (фото автора)

К сожалению, теперь уже поздно ставить вопрос о музеефикации Андреевского городища, так как оно без разрешения и ведома органов охраны было снесено бульдозерами, причем на его месте ничего не построено. Но на территории современной Москвы есть немало археологических памятников, и все сказанное выше применимо к любому из них. Особенно нужно по аналогичному плану музеефицировать знаменитое Дьяковское городище, находящееся на территории музея-заповедника «Коломенское» и быстро разрушаемое. Следовало бы музеефицировать и Кунцевское городище.

Археологические памятники на территории быстро растущих городов, и в первую очередь Москвы, должны учитываться при создании генерального архитектурного проекта города. Однако в Москве только за последние полтора десятка лет уничтожены многие курганные могильники древних строителей Москвы XII—XIII вв.[4] В ряде случаев уничтожение памятников, как и Андреевского городища, не вызывалось необходимостью. Эти памятники старины можно было вписать в план строительства Москвы, сохранив некоторые из курганов в парках (как они, например, еще сохраняются в Царицынском парке, рис. 5), на бульварах или школьных дворах, а их музеефикация могла бы превратить их в ценнейшее средство воспитания мировоззрения и исторического самосознания советских людей — жителей столицы, в особенности ее молодого поколения.

Музеефикация археологических памятников в городах — дело большого культурного и патриотического значения. Именно такое значение имеет произведенная недавно музеефикация и частичная реконструкция развалин урартского города Эребуни, что сделало его популярнейшим памятником Армении. Именно такое значение имеет музеефикация остатков древнейшего городища Праги, восходящих к IX в.; этот замечатель-

[4] *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей — МИА, № 7, 1947. (Из описанных здесь примерно 70 курганных могильников уцелело не более 20.)

ный музей создан под зданиями и площадями современного пражского кремля — Градчан. У жителей Будапешта пользуются большой популярностью развалины античного города Аквинкума, широко вскрытого раскопками и прекрасно музеефицированного на территории венгерской столицы, или аналогичным образом подготовленные древние руины на дунайском острове Магрит в центре города. В мире международного туризма широко известны многие археологические памятники, раскопанные и музеефицированные на адриатическом побережье Югославии, в Венгрии (Картум), в Афинах, Марселе, как и во многих других странах Европы. В этом же направлении по постановлению правительства Узбекистана начата и продолжается большая работа на огромном городище Афрасиаб у Самарканда, ведутся подготовительные работы по музеефикации древнего поселения Дигоми в окрестностях Тбилиси и т. д.

Во многих наших старых городах, сохранивших городища с земляными валами, могут быть построены павильоны над археологическими раскопками и смотровые площадки на валах. Таковы Владимир и Суздаль, Переславль-Залесский, Руза или Дмитров, земляные кремли которых находятся в самом сердце этих городов, далекая пермская Чердынь с ее старорусским Троицким городищем или Кудымкар — центр Коми-Пермяцкого национального округа, также сохранивший в пределах города богатейшее средневековое коми-пермяцкое городище.

Хорошие образцы музеефикации средневековых памятников нам удалось видеть в Чехословакии; на городище Микульчице в результате больших раскопок организован музей, а над расчищенными и реставрированными фундаментами несколько древних архитектурных сооружений поставлены просторные, светлые павильоны. На городище Лишень или Стары Замки применен другой метод музеефикации вскрытых раскопками деталей: над сохранившимися нижними венцами деревянных жилищ с каменными очагами реконструируются деревянные дома с крышами, что надежно предохраняет обнаруженные памятники от дальнейшего разрушения и создает интереснейший музей под открытым небом (рис. 6). В Оломоуце в 1973 г. нам удалось видеть в центре города, на площади Маврикия, открытую при постройке нового здания универмага нижнюю часть стен разрушенного романского здания с массой интереснейших деталей. Этот уникальный для Моравии памятник при постройке большого здания универмага будет сохранен в его интерьере и открыт для всеобщего обозрения — прием, давно практикующийся за рубежом, который нам следует перенять.

Очень широко и интересно поставлены работы по консервации и музеефикации археологических памятников в Болгарии (Кзыклык, Пловдив, Несебер, Варна и т. д.). В частности, в Софии, в центре города, один из археологических памятников после раскопок и консервации включен в здание центрального универмага, как и в Оломоуце, и доступен для осмотра массой людей, посещающих огромный магазин. Второй памятник удачно вписан в подземный переход, где музеефицированы древние ворота, башня и стены; к переходу пристроен музейный зал, где экспонируются найденные при раскопках предметы. Достойно подражания и принятое 1.VI.1976 г. правительственное постановление о музеефикации всего центра древней Софии; теперь все строительные организации при разработке планов застройки обязаны включать вскрытые раскопками и музеефицированные археологические памятники в строительные комплексы.

В связи с этим нельзя не отметить с чувством горечи полное отсутствие музеефикации памятников на территории Москвы. Не нашли своего музейного оформления интереснейшие для истории Москвы объекты, раскрытые раскопками в Зарядье и ряде других пунктов. Досадно, что осенью 1975 г. обнаруженный при земляных работах замечательный белокаменный Кузнецкий мост XVIII в. через р. Неглинную, сохра-

Рис. 6. Домик, воздвигнутый над древним фундаментом и очагом на городище Лишень в Чехословакии (фото автора)

нившийся в топонимике Москвы в названии одной из ее центральных улиц, также был частично разрушен и вывезен вместе с землей на свалку. А ведь его можно было реставрировать и музейно оформить в подземном переходе, и миллионы москвичей и гостей столицы получили бы возможность познакомиться с любопытным образцом высокой мостостроительной техники старого русского города.

В настоящее время, как нам известно, начато осуществление нескольких интересных проектов музеефикации археологических памятников по инициативе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В Уфе, посредине быстро растущего города, между старой Уфой и Черняховском, сохранилось несколько интереснейших, притом с внешней стороны эффектных памятников. Первый из них — огромное Уфимское или Чертово городище, расположенное на высоком берегу р. Уфы. Городище окружает высокий насыпной вал, с глубоким защитным рвом; относится оно ко времени около двух тысяч лет тому назад. С городища открывается редкий по красоте вид. Башкирское отделение ВООПИК вошло в Уфимский горсовет с представлением о вымежевании Уфимского городища и смежного с ним могильника той же эпохи и об объявлении их заповедным участком. На городище намечено произвести раскопки и поставить над ними музейный павильон, на могильнике — вскрыть несколько погребений и над наиболее богатым погребальным инвентарем построить аналогичное покрытие; обеспечив эти сооружения необходимой охраной, передать их в ведение Башкирского республиканского музея. Благоприятным обстоятельством для широкого использования павильонов для массовой работы является расположение их в зеленой зоне отдыха г. Уфы.

По другую сторону города, вдоль берега Белой, в парковом лесу сохранилось несколько десятков курганов первых веков нашей эры. Некоторые из них также намечено музеефицировать. В проектируемых Башкирским отделением павильонах предполагается создать и экспозицию, рассказывающую о древней истории территории Уфы и самого города.

Очень интересный проект музеефикации недавно создан И. Л. Черная и Х. И. Крис для городища Боршева, расположенного на правом

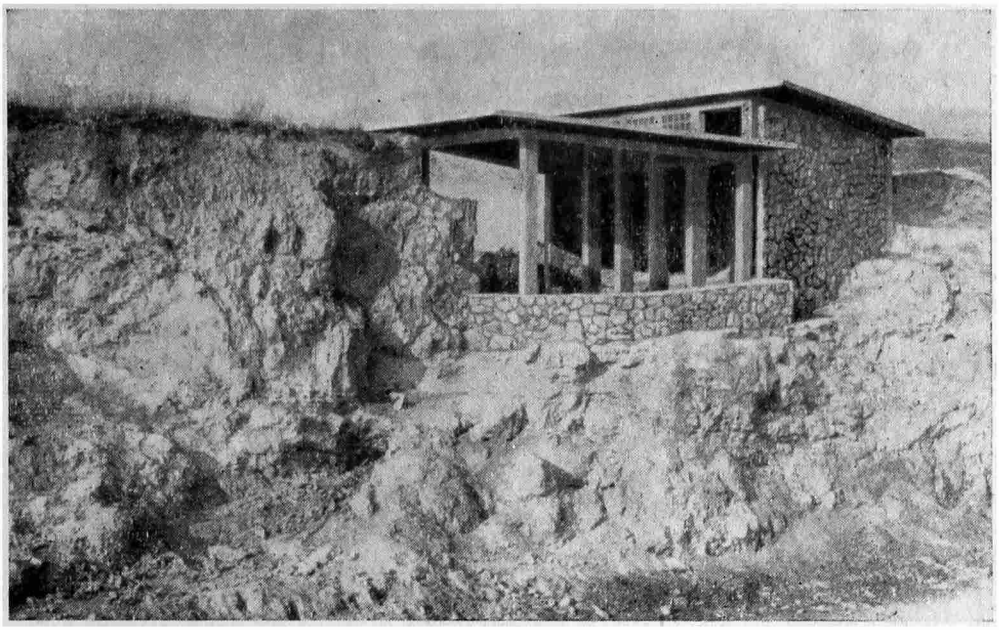


Рис. 7. Павильон над местом находки черепа архантропа в Вертешсёллёше (Венгрия)

берегу Москвы-реки, ниже Бронниц. На этом городище с отлично сохранившимися оборонительными валами многолетними раскопками вскрыта большая площадь с богатой материальной культурой и остатками бытовых сооружений. Некоторые из них — железоплавильные горны, остатки жилищ и пр.— будут законсервированы под открытым небом с использованием оргстекла. Будут также восстановлены оборонительные частоколы. Непосредственно у городища, но вне его будет сооружен музейный павильон. Чтобы не мешать обзору городища, он будет врыт в землю и крыша его будет задернована. Экспозиционный зал павильона площадью 82 $м^2$ будет дополнен рабочей комнатой 16 $м^2$. Сооружение павильона включается в генеральный план строительства района, по которому будут обеспечены и подъездные пути для туристов (по Москве-реке и сушей). Разработан проект музеефикации древнегреческого города Горгиппии, находящегося в центре современной Анапы. По этому проекту туристы будут осматривать раскопанные участки Горгиппии со специальных площадок.

В некоторых странах имеются примеры музеефикации стоянок эпохи палеолита. Упомянем пещерные палеолитические памятники в Лезэйзи во Франции, у входа в которые воздвигнута скульптура палеолитического человека, или местонахождение Вертешсёлёш в Венгрии, где были найдены помимо примитивнейших каменных орудий также костные остатки человека типа питекантропа (рис. 7). В целях сохранения геологического разреза над этой находкой крупная колонка перекрывающих местонахождение слоев заключена в прочную каменную башню, которая может быть вскрыта, когда в этом будет необходимость.

В ГДР Веймарский исторический музей разработал план устройства музея под открытым небом в Эрингсдорфе, там, где в 20-х годах были найдены остатки древнейшего человека. В старой, заброшенной каменоломне предполагается устроить выставку, иллюстрирующую историю развития первобытного человека. Подготавливаемая экспозиция должна показать, в каких условиях жил человек на различных этапах своего развития.

В Советском Союзе в 1938 г. был разработан план музейного оформления для одного из замечательных памятников крымского палеолита —

Чокурчинской пещеры. Благодаря расположению на окраине Симферополя последняя была включена в туристские маршруты по Крыму, что обеспечивало ей огромную посещаемость. К сожалению, ни тогда, ни в послевоенные годы этот план не был приведен в исполнение. Сейчас пещера загорожена металлической решеткой.

Другой не менее интересный проект возник во Владимире. В 1964 г. во время раскопок богатейшего палеолитического погребения на Сунгире, между Владимиром и Боголюбовым, в процессе исследования которого его посетило не менее 14 тыс. человек, явилась мысль увековечения этого замечательного и уникального памятника путем восстановления его на месте и постройки над ним музейного павильона. Тогда же по инициативе владимирской общественности были созданы два архитектурных проекта павильона. Открытие на Сунгире новых уникальных погребений в 1969 г. потребовало этого еще более настойчиво. Позднее реализацией идеи о сунгирском павильоне занялось Владимирское отделение ВООПИК и Управление культуры облисполкома; был заказан новый архитектурный проект павильона и вынесено постановление Владимирского облисполкома о вымежевании на Сунгире территории исторического заповедника, он обнесен опознавательными столбами и после постройки павильона будет передан в ведение Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

В территорию заповедника на Сунгире включается не только палеолитическая стоянка, но и соседнее средневековое городище. Высокие земляные валы и рвы центральной части городища великолепно сохранились. Для превращения его в туристический объект огромной наглядности мы предлагаем не только музеефицировать на его площади вскрытые раскопками бытовые детали, но и восстановить на отрезке валов протяженностью в 150—200 *м* и бревенчатые крепостные стены с двумя башнями.

Музеефикация двух археологических памятников на Сунгире создаст начальное звено экскурсии по владимиро-суздальской земле, уже превратившейся в крупный центр не только всесоюзного, но и международного туризма. Со стоянки и городища открывается широкий вид на Боголюбово, на долину Клязьмы с храмом Покрова на Нерли, построенным в 1165 г., на заклязьминские леса и просторы Владимирского ополья.

Интересна попытка музеефикации (силами Воронежского областного музея, Ленинградского отделения Института археологии АН и Воронежского отделения и ЦС ВООПИК) одного из памятников палеолита под открытым небом — у с. Костенки близ Воронежа. Там на Аносовской II стоянке (Костенки XI) раскопками вскрыто большое палеолитическое жилище, в основании стен которого лежит более 400 крупных костей по меньшей мере 30 мамонтов; внутри — следы перегородки, очаг с мощным (до 60 *см*) скоплением пепла, вокруг — ямы-кладовки. В южной половине музея предполагается показать небольшие участки залегающих друг над другом трех палеолитических культурных слоев.

Сооружаемый над раскопом павильон будет представлять собой здание 30×40 *м*, на 18 колоннах, с кирпичными стенами и рандбалками в виде фундамента, что позволит в случае необходимости вести раскопки у стен павильона. По сообщению директора Воронежского областного музея краеведения А. П. Соловьева, разработан (под руководством А. Н. Рогачева) план экспозиции павильона с развертыванием следующих тем (по преимуществу на натуральных объектах): 1) «Геологическая характеристика Костенковско-Боршевского палеолитического района и стратиграфическое место верхнепалеолитических памятников в Костенках», 2) «История первобытной культуры и древнейшая история нашей страны», 3) «История первобытной техники и древнейшие этапы первобытнообщинного строя», 4) «Возникновение и начальные шаги изобразительного искусства», 5) «Возникновение и древнейшие формы религии».

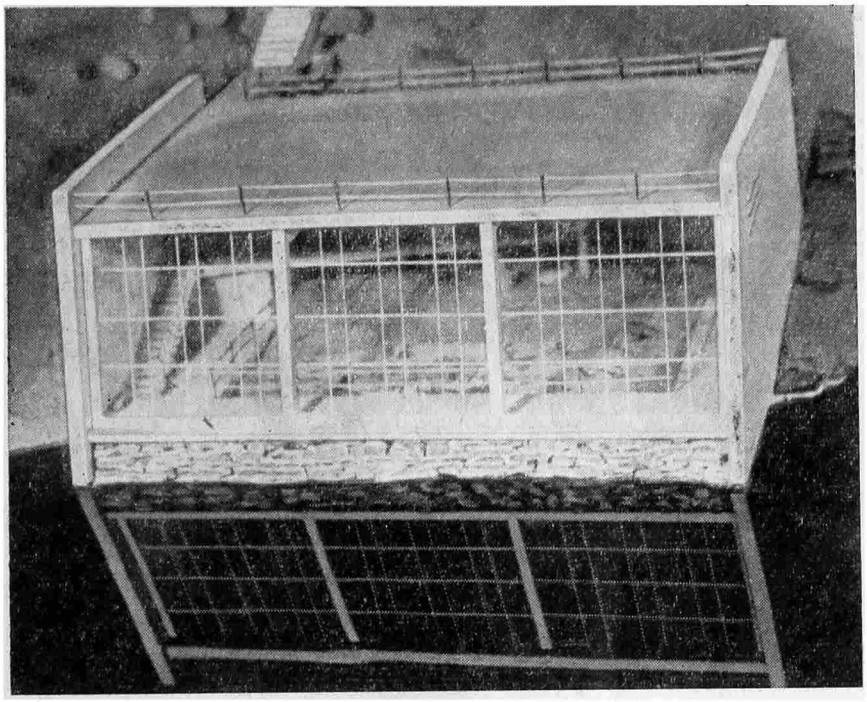


Рис. 8. Музейный павильон над одной из групп изображений «Бесовых Следков» в Карелии

Для удобства подъезда экскурсантов к создаваемому музейному павильону и осмотра всего района палеолитических памятников Воронежский облисполком еще в 1969 г. построил специальную дорогу от шоссе Воронеж-Острогожск.

В Киевском палеонтологическом музее экспонируется выполненная под руководством И. Г. Пидопличко реконструкция исследованного им на стоянке Межиричи палеолитического жилища, каркас которого сложен из костей мамонтов. Почему бы полную реконструкцию не музеефицировать на месте находки подобного жилища на одной из палеолитических стоянок Украины?

Несколько лет назад воздвигнут музейный павильон на богатейшем местонахождении плейстоценовой фауны на Волчьей Гриве в Новосибирской области. В одной из пещер Дальнего Востока, в 14 *км* от г. Находка, у с. Екатериновка, где найдены кости мамонта, пещерного льва и человека, относящиеся ко времени палеолита, по инициативе Дальневосточного отделения Всероссийского географического общества смонтированы две фигуры первобытных людей у костра; в соседней пещере — фигуры совы и целой семьи медведей. У входа в пещеры сооружен целый домик-музей.

Одной из наиболее ярких категорий археологических памятников, несомненно, являются различного рода наскальные рисунки, в том числе памятники древнейшей в истории человечества живописи, сохранившиеся в пещерах и относящиеся еще к палеолиту. Рисунки, сделанные путем гравировки или нанесенные на поверхность камня путем выбивания или красками, особенно быстро разрушаются и исчезают. Но вряд ли будет ошибкой сказать, что СССР до сего времени еще остается наиболее богатой наскальными рисунками страной мира. Охраняются и используются они у нас очень плохо. Главным бичом наскальных изображений является безответственное стремление туристов всюду оставлять свои знаки. Достаточно сказать, что даже с уникальнейших палеолитических рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) нашим реставраторам вместе с массой фамилий с большим трудом удалось удалить большую черную над-

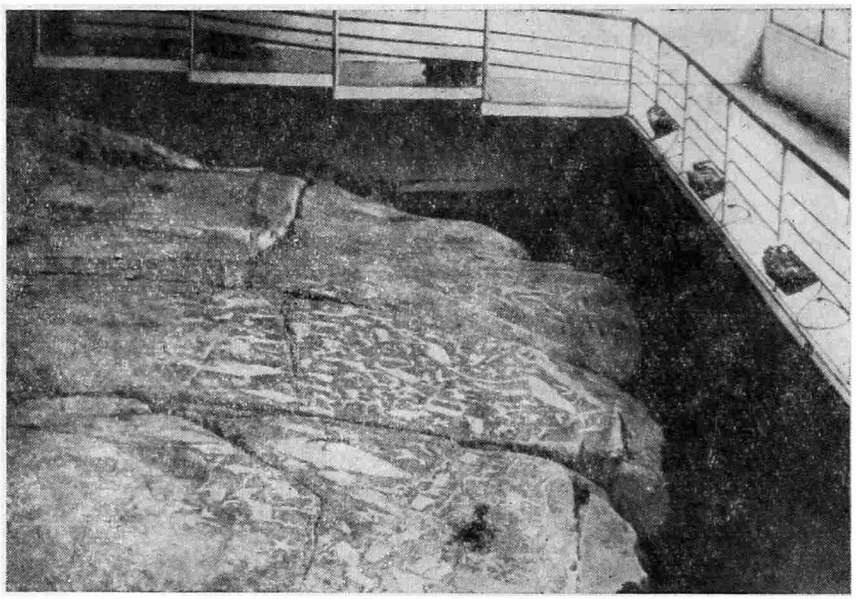


Рис. 9. Петроглифы «Бесовых Следков» в Карелии, покрытые павильоном. Справа смотровая площадка (фото Ю. А. Савватеева)

пись — «МГУ». Максимально записаны и многие наскальные рисунки Сибири. Совершенно ясно, что, прежде чем говорить о музеефикации таких памятников, необходимо проделать трудоемкую и дорогостоящую реставрационную работу по удалению с них надписей «дикарей»-туристов.

Знаменитые карельские петроглифы находятся в еще худшем положении, так как они выбиты на береговых выступах озерных побережий, на слабо наклонных или даже горизонтальных плоскостях, так что по ним можно даже ходить. Тем отраднее, что в 1968 г. одна из богатейших групп петроглифов в урочище Бесовы Следки на р. Выг была музеефицирована и покрыта павильоном. Он создан по инициативе карельских археологов при поддержке Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и с помощью Карельского обкома КПСС и Совета Министров Карелии. Он покрывает поверхность скалы с выбитыми на ней рисунками площадью 18×10 *м*, включая сюда и естественный береговой обрыв скалы высотой немного менее 2 *м* (рис. 8). Высота двухэтажного хорошо застекленного здания — около 7 *м*. Внутри павильона вдоль его стен устроены галереи, с которых хорошо видны все рисунки (рис. 9). Он существует как филиал Государственного Карельского краеведческого музея, прикреплен к Беломорскому районному краеведческому музею. Через павильон проходит широкий поток туристов, а также школьных и прочих местных экскурсий.

Желательно, чтобы примеру Карелии последовали на Урале, в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии — везде, где еще сохранились первобытные наскальные рисунки.

На Украине еще в 1954 г. Академией наук УССР совместно с Мелитопольским музеем создан заповедник, включивший богатейший комплекс наскальных рисунков «Каменной Могилы». Там уже построено здание для музея (рис. 10). По сообщению директора Мелитопольского музея Б. Д. Михайлова, там строится также дом для научных сотрудников и будут сооружены подземные переходы между древними скалистыми навесами с рисунками. Приспособлены для обозрения многие каменные плиты с рисунками. На соседней стоянке монтируется для обозрения разрез слоев и древние очаги.

Башкирское отделение ВООПИК и Институт археологии АН СССР в 1971 г. вплотную занялись вопросом охраны и музеефикации пещеры

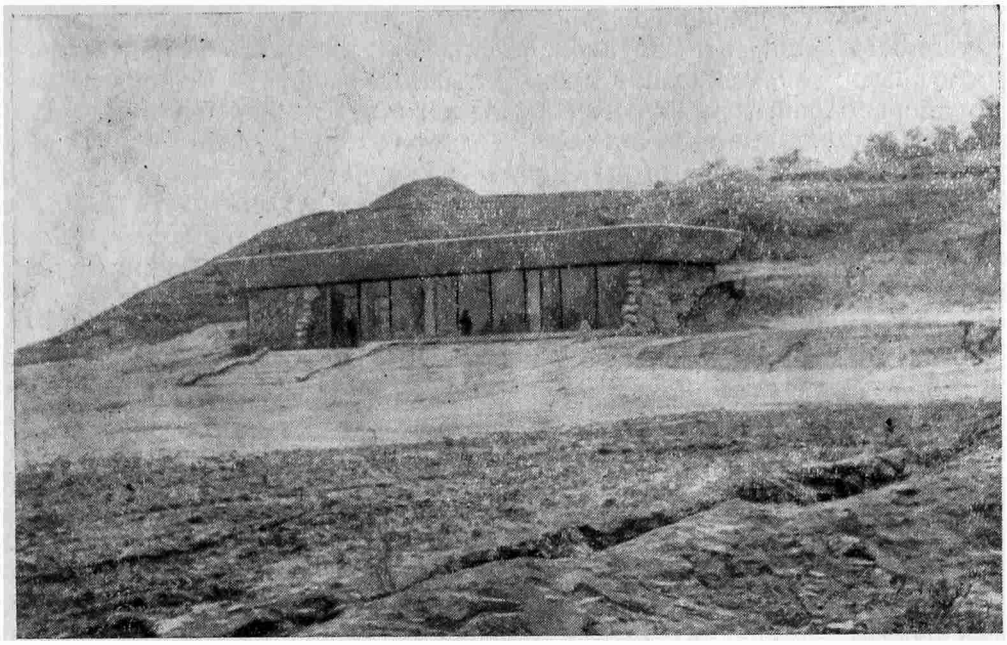


Рис. 10. Здание музея у «Каменной Могилы» (фото автора)

Шульган-Таш, или Каповой, расположенной в верховьях р. Белой, на территории Государственного башкирского заповедника. Помимо того что эта огромная пещера является редким памятником природы, она содержит единственные в Восточной Европе рисунки, сделанные красной краской еще в эпоху палеолита, около 15 тыс. лет тому назад. Поэтому пещера Шульган-Таш приобрела мировую известность и прочно вошла в мировую литературу.

В то же время состояние пещеры и рисунков внушает очень серьезные опасения. За последние 10 лет, несмотря на ряд охранных мероприятий, пещеру бесконтрольно посещают многие тысячи людей. В результате везде, где возможно, отбиты сталактиты, сталагмиты и другие натечные образования, десятки древних рисунков покрыты надписями туристов, сделанными красками, чернильными карандашами и даже ножами, замазаны грязью. В этих условиях вполне вероятна окончательная гибель уникального памятника, за сохранность которого мы отвечаем перед советской и мировой наукой.

В 1971 г. экспедицией Института археологии АН СССР, организованной по поручению и на средства Башкирского отделения ВООПИК, было произведено новое обследование пещеры Шульган-Таш, очистка рисунков и выяснение первоочередных мероприятий для ее охраны и музеефикации. Экскурсии в пещеру обслуживались плохо: маршруты проходили во многих местах по жидкой грязи при мерцающем свете электрических фонариков, иногда с проводником, но без экскурсовода. Постановлением Совета Министров БАССР за № 483 от 8.X.1971 г. вход в пещеру закрыт до ее оборудования для экскурсий. На этом основании заповедник лишился проводника-экскурсовода по пещере. Но одновременно — пример преступной безответственности — туристические организации той же Уфы, Челябинска, Москвы, Ленинграда и других городов включили посещение Каповой пещеры во всесоюзный план экскурсий по р. Белой, я сам встречал у пещеры и в пещере много туристов с такими путевками. В последующие годы (после постановления СМ БАССР) поток туристов через пещеру усилился и превысил 100 человек в день, но их уже не сопровождает даже проводник. Без сомнения, включать пещеру во всесоюзный маршрут до ее оборудования и в разрез с постановлением Совета Министров недопустимо.

Намечены следующие первоочередные мероприятия, обеспечивающие сохранность пещеры и рисунков, так же как интересы ее использования для туризма: закрыть вход в пещеру прочной решеткой от пола до потолка пещеры с калиткой, охрану пещеры поручить не менее чем трем сторожам-проводникам, сменяющимся в течение суток; включить в штат обслуживающего персонала хотя бы одного квалифицированного экскурсовода; оборудовать маршруты внутри пещеры удобными, сухими настилами, лестницами и в опасных местах перилами; электрифицировать пещеру, выделяя специальной подсветкой наиболее эффектные места; в залах рисунков соорудить специальную смотровую площадку; наиболее ценные группы рисунков (мамонтов, носорогов, лошадей) защитить стальными сетками, исключающими прикосновение к ним; перед входом в пещеру и в залах рисунков установить пояснительные тексты, разъясняющие значение памятника и настраивающие зрителей нужным образом; обеспечивать каждого желающего буклетами и путеводителями.

С этими вопросами Башкирское отделение ВООПИК вошло в Совет Министров Башкирской АССР для вынесения соответствующего решения, обеспечивающего их реализацию, соответствующее решение уже вынесено и Башкирским обкомом КПСС. Теперь надо его реализовать.

До осуществления музеефикации пещеры Шульган-Таш указанным образом пещеру следует категорически закрыть для посетителей.

Во Франции музеефицированы многие пещеры с палеолитическими рисунками, и за их состоянием очень следят. Как только оказалось, что в знаменитой пещере Ласко массовое посещение пещеры меняет атмосферный и температурный режим и дурно влияет на сохранность палеолитических рисунков, пещера была закрыта для экскурсии, а рядом сооружается ее копия для всеобщего обозрения. Но во Франции подобных пещер много, а в СССР Шульган-Таш — единственная.

Наконец, одним из способов музеефикации архитектурно-археологических памятников является перенесение и воссоздание их на территории уже существующих и организуемых в нашей стране музеев под открытым небом. Эти музеи имеют преимущественно этнографический характер. Но почему бы, скажем, в музее Рок-Аль-Маре близ Таллина рядом с крайне архаичными чумообразными сооружениями недавнего прошлого не поставить реконструкции древних деревянных построек с эстонских средневековых городищ, а в музее под открытым небом близ Риги не воздвигнуть реконструкции уникальных неолитических жилищ из недавних раскопок в Сарнате? Хорошим примером служит перенесение руин храма Сиони (VI—VIII вв.), подлежавших затоплению в связи со строительством водохранилища; храм перенесен в создаваемый музей под открытым небом на окраине Тбилиси. С территории Апаранского водохранилища перенесена древняя церковь Тух-Манук. Намечается перемещение церкви Сур-Вардан.

Рассмотренные выше варианты музеефикации археологических памятников под открытым небом позволяют сгруппировать их в несколько типов. К I типу следует отнести города: а) с каменными стенами и зданиями, например Ольвия, Херсонес, Танаис, создаваемый музей под открытым небом Горгиппии в Анапе; б) с сырцовыми постройками, например Эребуни, Кармир-блур, Афрасиаб; в) древнерусские и булгарские города нашего Севера с земляными укреплениями и деревянными строениями, например Новгород, Псков, Смоленск, Суздаль, Ярополч, Биляр и др. Каждый их этих типов имеет свои особенности, требует консервационных работ различной методической сложности (в особенности подтипы Iб и Iв), иногда почти не предусматривает реконструкции (в особенности подтип Iа), часто требует их в меньшей (подтип Iб) или в большей мере (подтип Iв), включая в отдельных случаях воссоздание оборонительных стен и башен и деревянных зданий на плане древних фундаментов. Некоторые из таких памятников требуют павильонных покрытий.

Ко II типу относятся древние поселения и погребения: а) эпохи палеолита (например, Сунгирь, Костенки) и б) позднейших эпох. Все разнородные памятники этого типа объединяет отсутствие на них монументальных сооружений (если не считать земляных насыпей курганов и валов городищ) и вследствие этого необходимость сооружения над обнаженными деталями музейных павильонов.

К III типу относятся пещеры, скалистые навесы и ниши: а) как места древних обиталищ (например, Чокурча в Крыму) и б) древних святилищ с настенными рисунками [например, пещера Шульган-Таш (Каповая) в Башкирии]. Музеефикация памятников последнего подтипа требует в первую очередь подведения электрического света.

К IV типу музеефикации археологических памятников под открытым небом следует отнести наскальные рисунки (например, Бесовы Следки в Карелии, Боярская писаница в Западной Сибири). Этот тип музеефикации непременно требует покрытий павильонного характера.

Как показывает ряд примеров, приведенных в статье, практика подсказывает целесообразность оформления музеефицированных памятников как филиалов крупных музеев. В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что при невозможности немедленной музеефикации вскрытых раскопками научно ценных памятников, в частности из сырцового кирпича, долгом каждого археолога является как минимум консервационная засыпка их землей.

Музеефикация археологических памятников на местности — наша актуальная задача. При широкой и правильной ее реализации подготовленные к показу памятники будут давать и значительный доход государству, о чем свидетельствует опыт зарубежных стран.

O. N. Bader

LES FOUILLES ARCHEOLOGIQUES CONVERTIES EN «MUSEES A CIEL OUVERT»

Résumé

Le thème traité dans cet article est d'une grande actualité, étant donné que la présentation des découvertes archéologiques sur le lieu des fouilles est un moyen de les rendre accessibles aux larges couches de la population, et, en même temps, est la façon la plus sûre de les conserver. Dans l'article sont étudiés aussi bien les questions générales de méthode concernant ce sujet que les exemples concrets offerts par les «musées à ciel ouvert» de Tanaïs, Afrosiab, Novgorod, Pskov, Boulgar; par les dessins rupestres «Bessovy sledki» en Carélie, de la «Kamennaïa Moghila» près de Mélitopol; par le goroditché de Pitiount, aux environs de Pitsounda; par Karmir-blour et Erebouni en Arménie, par les monuments de la Géorgie; par les goroditchés de Mamonovo et de Diakovo près de Moscou; par le témoins du paléolithique de Soughir, dans les environs de Vladimir, de Kostenki près de Voronèje, les grottes de Choulgan-Tach (Kapova) en Bachkirie, et autres monuments situés sur le territoire de l'URSS, de même que par quelques autres de Tchécoslovaquie, Hongrie, RDA, France, etc.

Публикации

В. И. КОЗЕНКОВА

О ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тема предлагаемой статьи обусловлена остродискуссионными разногласиями, выявившимися за последнее десятилетие в определении границ восточного варианта кобанской культуры, и в частности его южной границы. История вопроса такова. Долго общепринятым было мнение Е. И. Крупнова, определяющего южную границу восточной группы кобанской культуры по верховьям рек Ассы, Аргуна, Хулхулау, Аксая. Так она представлена на всех картах в его трудах [1], хотя специального подробного обоснования этой линии не приведено нигде.

В 1965 г. В. И. Марковиным, в связи с изучением каякентско-хорочоевской культуры, была предложена карта, совершенно по-новому определявшая границу этой культуры с западными соседями, носителями восточного варианта кобанской культуры [2]. На северо-западе (т. е. на юго-востоке для «кобанцев») линия границы намечена исследователем по северным склонам лесистых гор Ичкерии [3], несмотря на то что в районе с. Ведено (верховья р. Хулхулау) были известны предметы преимущественно кобанского типа [4] и отсутствовала каякентско-хорочоевская керамика.

Далее она отмечена близ с. Гуни (на основе находок каменных ящиков и единичных обломков керамики с обмазкой [5]) и с. Сержень-Юрт. В последнем случае основанием послужили также единичные черепки с обмазкой [6], хотя здесь же вместе с ними и выше по течению р. Хулхулау были уже открыты и изучены материалы в подавляющем большинстве кобанского облика [7], хорошо известные автору [8]. В горной части, в Аргунском ущелье, каякентско-хорочоевская культура, по мысли В. И. Марковина, занимала все обширное пространство междуречья Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна, причем правобережье Чанты-Аргуна оп-

[1] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 81, рис. 7; с. 185, рис. 26.

[2] *Марковин В. И.* Материалы по археологии горной части Восточной Чечни.— АЭС, I, 1966, с. 123, 124.

[3] Ичкерия — местное название предгорно-горной части междуречья Аксая-Хулхулау, преимущественно горное левобережье Аксая. См.: *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, с. 9, 175—181, 194; *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 149—151; *ее же.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX века. М., 1974, с. 168, 178—182.

[4] *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 77.

[5] Там же.

[6] Там же, с. 78.

[7] *Крупнов Е. И., Козенкова В. И.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 году.— КСИА АН СССР, № 98, 1964, с. 79, 80.

[8] *Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований.— КСИА АН СССР, № 100, с. 46—48.

ределено крайним рубежом лишь на основании материалов могильника Гатын-кале и близких им, обнаруженных ниже по течению у с. Дуба-Юрт [9]. Однако памятники эти со смешанной культурой значительно более раннего времени [10], чем объекты каякентско-хорочоевской культуры, и более чем на 400 лет ранее кобанских, что делает очевидно неправомерным привлечение их для определения ареала более поздних культур. Ни одного сколько-нибудь выразительного предмета каякентско-хорочоевской культуры (не говоря уже о комплексах) отсюда не происходит. В то же время первые публикации бесспорно кобанских предметов из верховий Шаро-Аргуна принадлежат самому В. И. Марковину [11].

Следует подчеркнуть, однако, что В. И. Марковин, отчетливо представляя недостаточность, скудость и нечеткость фактических данных, сам признавал и неоднократно подчеркивал гипотетичность предложенных границ [12]. Очевидна также была несопоставимость хронологически разных материалов, призванных подкрепить выдвинутую гипотезу. Тем не менее эту точку зрения без каких-либо поправок и критической оценки разделяют в своих исследованиях по близкой теме некоторые специалисты. Так, И. М. Чеченов полностью предстает сторонником этой идеи [13]. Он также считает возможным условно проводить границу кобанской и каякентско-хорочоевской культуры по Чанты-Аргун. К сожалению, это мнение автора в отличие от Марковина не подкреплено никакими ссылками на конкретные археологические источники. Не снабжена соответствующей аннотацией и опубликованная И. М. Чеченовым карта [14].

Более обстоятельно точку зрения В. И. Марковина пытается обосновать В. Б. Виноградов [15]. Но и он вынужден неоднократно подчеркивать условность абриса границы кобанской культуры, особенно в горной южной части ее восточного варианта. Справедливо он обращает внимание на культурное своеобразие междуречья Аксая — Хулхулау (Ичкерия), проявлявшееся в наличии смешанных форм погребальных сооружений и черт погребального обряда двух культур, в кобанском облике сосудов и металлического инвентаря [16]. Но так как проблема рассматривается им с точки зрения культуры «хорочоевцев», многие черты культуры, характерные для «кобанцев», как бы отодвигаются на второй план. Не убеждает его стремление придать самостоятельный характер культуре пограничной зоны, поскольку состояние источников таково, что не позволяет безусловно определить, имеем ли мы дело с проявлением культуры узколокальной группы, или это симбиоз двух разных синхронных культур, или перед нами сложная динамика процесса взаимодействия культур, например вытеснение одной культуры другой и наслоение их друг на друга. Как проявление «хорочоевской» позиции следует рассматривать и тенденцию В. Б. Виноградова распространять культуру древних «ичкеринцев» далеко на запад до Аргуна, отводя ей, как можно понять по отдельным высказываниям [17] и по карте локальных вариантов [18], даже

---

[9] *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 78.

[10] *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатын-кале).— В сб.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 135.

[11] *Марковин В. И.* Материалы по археологии, с. 127, рис. 3, *3*.

[12] *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 78.

[13] *Чеченов И. М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.— Археолого-этнографический сборник, вып. 1. Нальчик, 1974, с. 41.

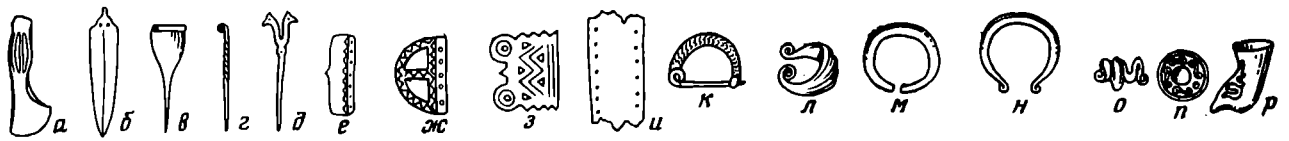
[14] Там же, с. 50, 51 (карта).

[15] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 206, 225, 253—255, 264—283.

[16] Там же, с. 261, 276—278.

[17] *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 281—283.

[18] Там же, с. 386, рис. 70 (см. обозначение V — памятники Ичкерии, отмеченные кобанским влиянием). Кстати, понятие «Ичкерия» для верховий Аргуна не согласуется ни с какими историко-географическими данными относительно локализации этой местности. См. выше сноску 3 в настоящей статье.



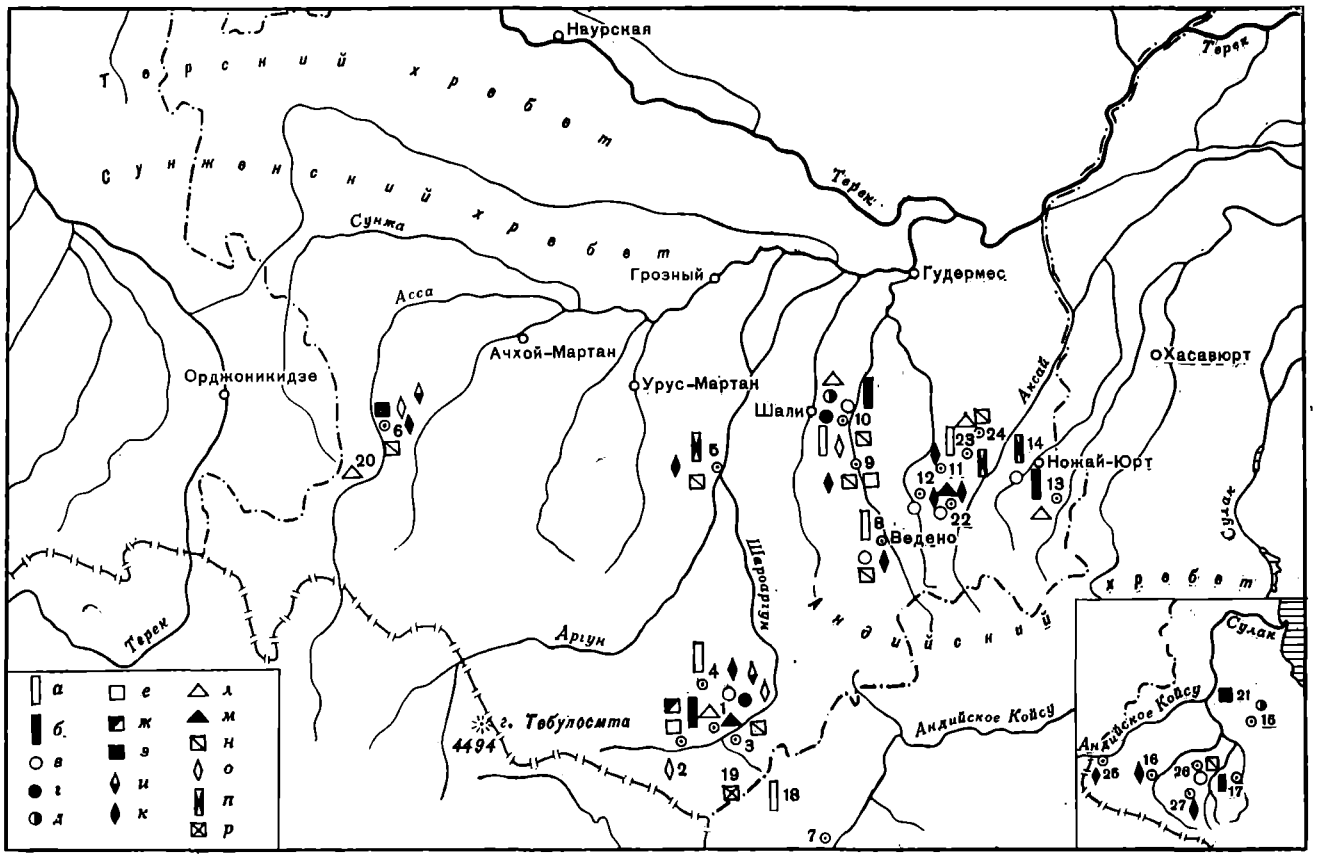


Рис. 1. Карта распространения кобанских бронз в горной части Чечни.

1 — сел. Шарой; *2* — сел. Шикарей; *3* — сел. Химой; *4* — сел. Цеси; *5* — Кр. Воздвиженская; *6* — сел. Мужичи (Луговое); *7* — Дидо (Ретлуб); *8* — сел. Ведено; *9* — сел. Цаведено; *10* — сел. Сержень-Юрт; *11* — сел. Гордали; *12* — сел. Центорой; *13* — сел. Зандак; *14* — сел. Ножай-Юрт; *15* — сел. Аркасс; *16* — сел. Анцух; *17* — сел. Турчи; *18* — Дидоевское общество; *19* — Шатоевское общество; *20* — ущелье р. Ассы; *21* — Дагестан; *22* — сел. Курен-беной; *23* — сел. Шуаны; *24* — сел. Ахкинчу-барзой; *25* — сел. Карата; *26* — сел. Ругуджа; *27* — сел. Согратль

высокогорное междуречье Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна. Однако реальных оснований для этого нет. Имеются лишь многочисленные, неплохо изученные смешанные по культуре памятники среднего и верхнего течения Аксая и его притоков, а также несколько отдельных памятников в верхней части междуречья Аксая-Хулхулау, и простое перенесение всех данных об этой группе на бассейн Аргуна вряд ли может способствовать уточнению не только границ, но и остальных данных о культуре.

Все сказанное выше выдвинуло настоятельную потребность обратиться к полной сводке классических кобанских находок в горной и глубинно-предгорной части Северо-Восточного Кавказа, поскольку массовая территориальная распространенность наиболее типичных культурных компонентов является важной частью информации об археологических явлениях. Подобная сводка имеющихся данных, предпринятая, по сути дела, впервые, безусловно, не разрешит окончательно вопроса о южной и юго-восточной линии границы вышеозначенного локального варианта. Но все же она поможет, на наш взгляд, значительно более отчетливо представить ее и тем самым преодолеть разногласия, существующие на этот счет в ряде исследований.

Конкретно внимание сосредоточено на памятниках, известных в верхнем и среднем течении рек Ассы, Аргуна, Хулхулау, Аксая, а также в ущельях мелких рек, расположенных между ними.

Из значительного числа всех материалов, известных в настоящее время в изучаемом районе, были картографированы (рис. 1) лишь металлические изделия, признанные всеми, независимо от различия точек зрения, как классические кобанские [19] в самой метрополии культуры на всех этапах ее развития. Таковыми в ареале восточного локального варианта оказались: 1) боевые топоры; 2) бронзовые черешковые кинжалы; 3) бронзовые булавки с лопатообразными навершиями, витые булавки с навершием, раскованным и закрученным в трубочку, и булавки с навершием в виде геральдически расположенных зооморфных головок; 4) поясные пряжки с крючком прямоугольной и полуовальной формы, а также прямоугольные с двумя кругами; 5) бронзовые пояса; 6) дуговидные фибулы; 7) бронзовые пластинчатые браслеты с рельефными ребрами на лицевой стороне; 8) бронзовые ножные браслеты из толстого прута; 9) бронзовые гривны из гладкого и витого прута; 10) бронзовые височные подвески; 11) бронзовые выпуклые бляхи, украшенные рельефным спиральным орнаментом вокруг центра; 12) бронзовые сосуды-ритоны с зооморфной объемной головкой на конце (рис. 1, *а—р*).

Хронологически все эти предметы соответствуют или периоду расцвета кобанской культуры рубежа II—I—начала I тысячелетия до н. э., или периоду VI—V вв. до н. э. [20] Аналогии им известны во многих памятниках кобанской культуры Центрального Кавказа (Кобанский, Верхнерутхинский, Кумбултский, Тлийский могильники, Казбекский клад).

Признавая ограниченность метода картографирования лишь отдельных категорий материальной культуры при воссоздании целостной картины прошлого, считаем возможным, тем не менее, пользоваться им, потому что он позволяет проследить, так сказать, в чистом виде один из аспектов динамики культуры, а именно случайный или постепенно повторяющийся характер присутствия и плотность скопления классических кобанских бронз в разных местах изучаемой территории. В связи с тем что проблема рассматривается под определенным углом зрения, в сводку не включена и керамика, имеющая свои специфические восточнолокальные элементы (грубое тесто, преобладание налепного орнамента), отличающие ее от центральнокобанской керамики [21].

---

[19] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 175.

[20] Там же, с. 136, 137 (таблица).

[21] *Козенкова В. И.* Кобанская культура — восточный вариант.— САИ, В2—5. М., 1977.

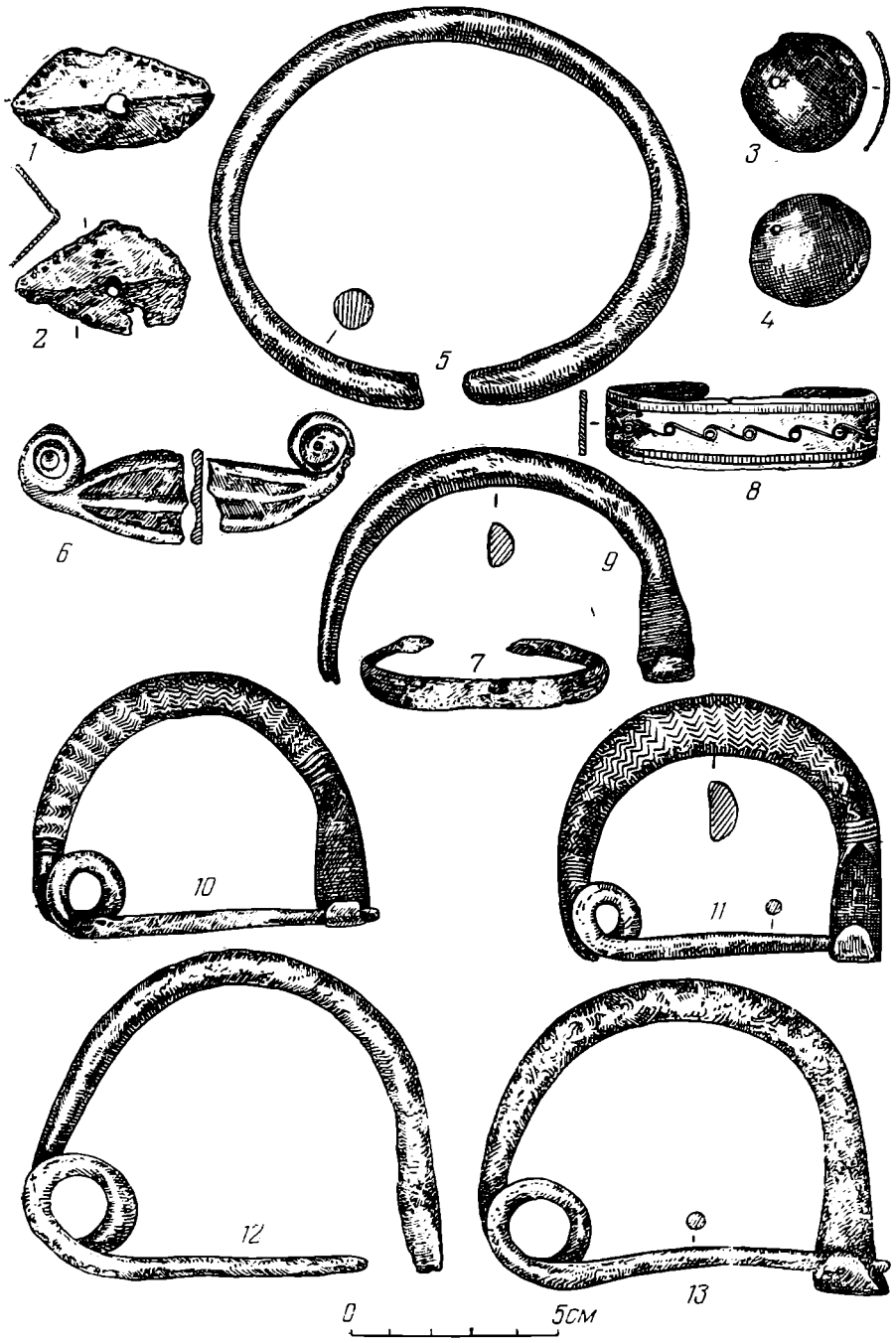


Рис. 2—4. Предметы кобанской культуры из с. Шарой (Чечено-Ингушетия)

Этим же обусловлено исключение из предполагаемого обзора также материалов общекавказского распространения, в первую очередь антропоморфной и зооморфной бронзовой мелкой скульптуры. специфика которой хотя и существует в разных районах Кавказа, но не всегда поддается объективной характеристике. По той же причине не нанесены на карту и собственно восточнокобанские типы вещей (некоторые украшения, пряжки и т. д.), специфика которых выражается в своеобразии некоторых предметов, характерных для одного или группы памятников изучаемого варианта и не распространенных на всей территории кобанской культуры [22].

[22] Там же, с. 7, 46.

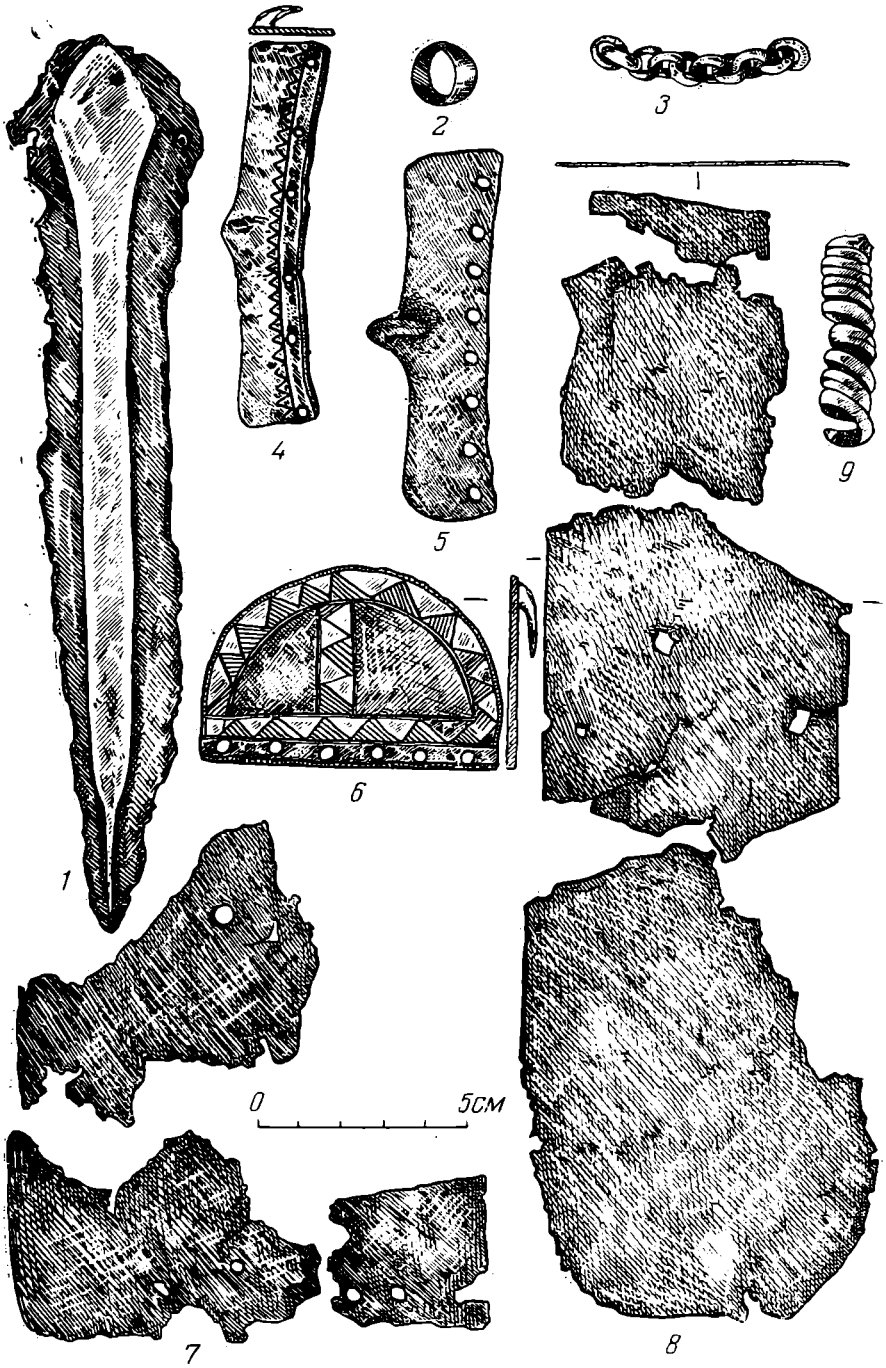


Рис. 3

Итак, обратимся к конкретным материалам. С запада на восток они представлены по долинам рек в следующих пунктах горной зоны.

1. Среднее течение р. Ассы, глубинные предгорья. В Луговом могильнике у с. Мужичи в погребениях, датированных на основе оружия скифского типа VI—V вв. до н. э., найдены бронзовые пластинчатые пояса, поясные бронзовые пряжки прямоугольной формы с двумя кругами и гравированным геометрическим орнаментом; круглые поясные пряжки и бляхи, выпуклые, украшенные спиралями по лицевой стороне, бронзовые дуговидные фибулы, гривны, височные подвески[23] (рис. 1, *б*). Сами

[23] *Мунчаев Р. М.* Луговой могильник.— В сб.: Древности Чечено-Ингушетии, с. 139—211.

предметы происходят из могильных комплексов. Формы и типы аналогичны таковым из Кобанского и Тлийского могильников, а также из Казбекского клада кобанской культуры [24].

2. Ассинское ущелье. Точное местонахождение неизвестно. Обнаружены в конце XIX в. бронзовые пластинчатые браслеты с рельефными продольными ребрами на лицевой стороне и концами, закрученными в волюты [25] (рис. 1, *20*). Аналогии многочисленны в центральнокобанских могильниках XII—VIII вв. до н. э. [26]

3. Аргунское ущелье. Высокогорное междуречье Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна. В ауле Цеси в 1882 г. при раскопках могильника В. И. Долбежевым был найден бронзовый рабочий топорик [27].

4. Аргунское ущелье. На р. Шаро-Аргун около аула Шарой (рис. 1, *1*) в том же 1882 г. обнаружены в могильнике предметы кобанского типа. Судя по составу более чем 80 вещей, они могли происходить из не менее чем трех погребений. Вся группа имеет ярко выраженный раннекобанский облик (рис. 2—4) и включает следующие предметы: бронзовый кинжал, черешковый, с двумя отверстиями для крепления рукояти, три бронзовые поясные пряжки, из них две подпрямоугольной формы и одна полуовальная. Пряжки украшены геометрическим орнаментом, но весьма небрежно. Здесь же находились обломки двух бронзовых поясов разной ширины. Многочисленны женские украшения (бронзовая булавка с лопатообразным навершием и булавка с витым стержнем и навершием в виде трубочки; височные подвески, дважды изогнутые, с концами, закрученными в волюты; кольцевидные подвески, пять дуговидных фибул с узкими приемниками и гладкими или орнаментированными елочным орнаментом дужками; массивное бронзовое ножное кольцо; браслеты ребристые с закрученными концами и гладкие, орнаментированные кружками и косыми насечками; круглые выпукло-вогнутые бляшки с отверстиями; три пуговицы из четырехугольных пластинок, согнутых пополам по диагонали и украшенных по краю пуансонными точками; бронзовая цепочка; бронзовое тонкое колечко из проволоки, свернутой в полтора оборота; бронзовые трубочки-накосники и трубочки-бусы, пронизки спирали и округло-уплощенные сердоликовые бусы). Кроме того, среди предметов была большая бронзовая игла с обломанным ушком и тонкий бронзовый браслет, возможно, более позднего времени. Все же остальные предметы находят самые широкие и типологически близкие аналогии в памятниках рубежа II—I — первых веков I тысячелетия до н. э. на Центральном Кавказе, на исходной территории кобанской культуры [28]. Из всех перечисленных предметов лишь кинжал и булавка с лопатообразным навершием нашли отражение в публикациях В. И. Марковина и В. Б. Виноградова [29], остальные публикуются впервые [30].

5. В той же Шикароевской котловине на р. Шаро-Аргун, у аула Химой [31], была обнаружена бронзовая витая гривна (рис. 1, *3*).

6. Из аула Шикарой (рис. 1, *2*), расположенного вблизи аулов Шарой и Химой, происходит бронзовая дважды изогнутая подвеска кобанского

---

[24] *Техов Б. В.* О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и в первой половине I тыс. до н. э.— МАДИСО, т. II, 1969, с. 50, 51 (таблица).

[25] *Крупнов Е. И.* Археологические памятники Ассинского ущелья.— Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, с. 160.

[26] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа.., стр. 236—238.

[27] ZFE, t. XXX, Berlin, 1887, S. 163 (из письма В. И. Долбежева Р. Вирхову).

[28] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., хронологическая таблица.

[29] *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1966, с. 69 (№ 342).

[30] Фонды ОИПК ГЭ. Коллекция В. И. Долбежева 1882 г. из местечка Шарой, инв. № 144.

[31] *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Ук. соч., с. 70 (№ 346).

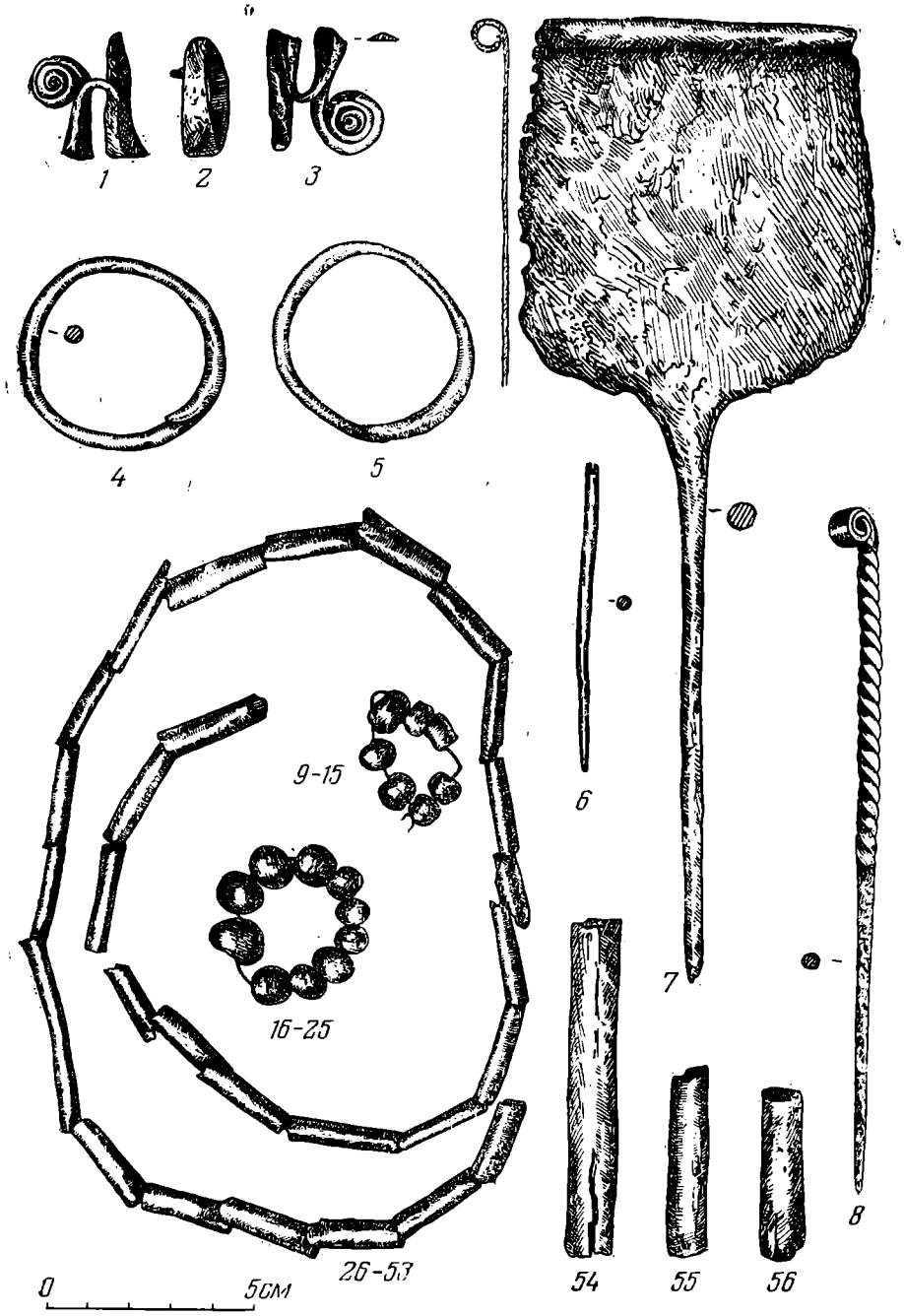


Рис. 4

типа. Об этой находке стало известно благодаря М. Х. Ошаеву[32] (рис. 5, *5*).

7. Далее вниз по Аргунскому ущелью, в месте слияния рек Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, около бывшей крепости Воздвиженской, неоднократно во второй половине XIX в. находили отдельные предметы и комплексы предметов VI—V вв. до н. э., среди которых имелись бронзовые гривны, дуговидные фибулы, круглые бляхи со спиральным орнаментом[33] (рис. 1, *5*).

---

[32] Приношу М. Х. Ошаеву благодарность за предоставленную возможность познакомиться с этой находкой.

[33] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 425, табл. III.

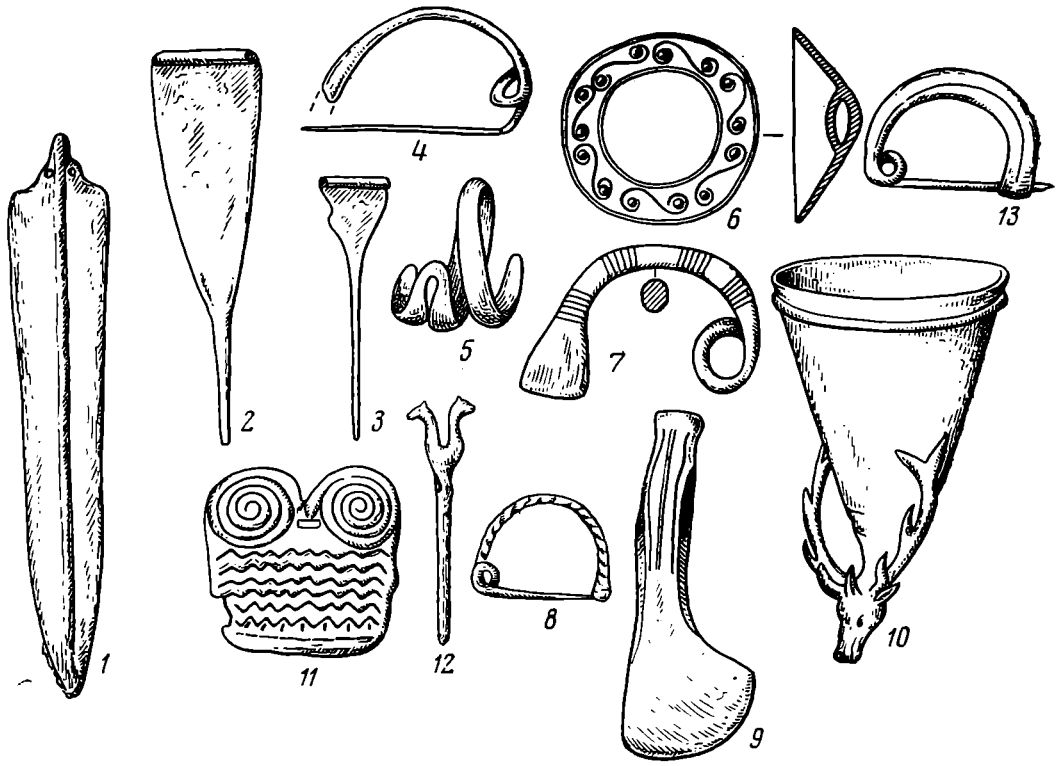


Рис. 5. Отдельные находки кобанского типа из горных районов Северо-Восточного Кавказа.
1 — сел. Турчи (Дагестан), *2*, *4* — Центорой (Чечня); *3*, *7—9* — Ведено (Чечня); *5* — Шикарой (Чечня); *6* — Шуаны (Чечня); *10* — Аргунский округ (Чечня); *11* — Дагестан; *12* — Аркасс (Дагестан); *13* — Анцух (Дагестан)

8. В высокогорном междуречье Шаро-Аргуна и Андийского Кайсу в бывшем Дидоевском обществе (рис. 1, *18*) известна находка бронзового топора кобанского типа [34].

9. Оттуда же (рис. 1, *19*) происходит бронзовый ритон с головкой оленя (рис. 5, *10*), приобретенный А. П. Ипполитовым во время путешествия по Аргунскому округу [35].

10. Верховья р. Хулхулау, аул Ведено (рис. 1, *8*). В окрестностях аула еще в конце XIX в. найдены бронзовый топор кобанского типа (рис. 5, *9*), бронзовая гривна из витого прута и бронзовая дуговидная фибула с витой дужкой и узким приемником (рис. 5, *8*) [36], бронзовая булавка с треугольным лопатообразным навершием (рис. 5, *3*) [37]. Следует упомянуть также неопубликованную бронзовую фибулу с насечками, найденную случайно в этом же районе в 1963 г. (рис. 5, *7*) [38]. Все эти материалы также датируются по аналогиям в пределах первой половины I тысячелетия до н. э.

11. Среднее течение р. Хулхулау, аул Цаведено в глубинных предгорьях Ичкерии (рис. 1, *9*). В грунтовом погребении, здесь случайно обнаруженном, оказались предметы VI—V вв. до н. э., среди которых массивные дуговидные фибулы, гривна из бронзового прута и подпрямо-

[34] *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, № 120, 1935, с. 152, карта V.

[35] *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа.— В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах, т. I. Тифлис, 1868.

[36] *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— МИА, № 68, 1958, с. 69, рис. 16.

[37] *Марковин В. И.* Материалы по археологии, с. 125, рис. 3, *4*; с. 127.

[38] Хранится в фондах Чечено-Ингушского музея.

угольная поясная пряжка, орнаментированная таким же узором, как пластинчатый браслет из аула Шарой [39].

12. Междуречье верхнего течения Гумса и Аксая, горный аул Центорой (рис. 1, *12*). Отсюда происходят случайно обнаруженные предметы из могил VII—VI вв. до н. э., среди которых имелась массивная булавка с удлиненным лопатовидным навершием, аналогичная булавкам из центральнокобанских комплексов, а также дуговидная фибула с нешироким раскованным приемником (рис. 5, *2, 4*). Впервые на эти предметы обратил внимание В. И. Марковин [40].

13. Междуречье верхнего течения Гумса и Аксая, аул Гардали (рис. 1, *11*). Отсюда происходят бронзовый топор [41] и дуговидная фибула из раскопок Н. С. Семенова в конце XIX в. [42]

14. Верхнее течение р. Гумс, аул Курен-беной (рис. 1, *22*). Из раскопанных около аула каменных ящиков в 1887 г. Н. С. Семеновым известны булавки с лопатовидными навершиями, дуговидные фибулы, ножные бронзовые кольца с орнаментированными концами [43]. Материалы, скорее всего, начала I тысячелетия до н. э.

15. Междуречье верхнего течения Гумса и Аксая, аул Шуаны (рис. 1, *23*). В 1961 г. в Грозненский музей доставлены случайно найденные предметы VI—V вв. до н. э. из окрестностей аула. Среди них круглая выпуклая бронзовая бляха со спиральным рельефным орнаментом (рис. 5, *6*). Почти тождественные предметы обнаружены в могилах Северного кладбища Кобани [44].

16. Правый берег р. Басс, аул Ахкинчу-барзой (рис. 1, *24*). В грунтовом могильнике X—VIII вв. до н. э., раскопанном В. Б. Виноградовым и С. Л. Дударевым, имели место бронзовые пластинчатые браслеты раннекобанского типа [45]. Памятник еще не опубликован полностью, но даже то, что имеется в предварительных сообщениях, заставляет ожидать здесь еще более выразительные находки раннекобанского облика.

17. Междуречье верховий притоков Аксая Яман-су и Ярык-су, аул Зандак, глубинные предгорья Ичкерии (рис. 1, *13*). Могильник, исследованный В. И. Марковиным, содержал более 20 погребальных комплексов начала I тысячелетия до н. э. ярко выраженного кобанского облика. Среди предметов бронзовые черешковые кинжалы и пластинчатый ребристый браслет [46].

18. Среднее течение правого притока Аксая Яман-су, аул Ножай-Юрт (рис. 1, *14*). В окрестностях аула В. Б. Виноградовым обследованы каменные ящики с материалами VII—V вв. до н. э., среди которых постоянно присутствовали бронзовые и железные булавки с лопатовидными навершиями и бронзовые выпуклые бляхи со спиральным орнаментом [47].

Далее к юго-востоку от Аксая известно на всю огромную территорию Горного Дагестана лишь несколько предметов выразительно кобанского типа. Завершим наш обзор ими.

---

[39] *Козенкова В. И.* Предметы из Ца-ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тыс. до н. э.— В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 149, 150, рис. 2.

[40] *Марковин В. И.* Материалы по археологии..., с. 125, рис. 3, *6, 7*.

[41] *Иессен А. А.* Ук. соч., с. 152, карта V.

[42] *Калитинский А.* Из истории фибулы на Кавказе.— В кн.: Сборник памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926, рис. 8 (табл. IV, *17*).

[43] Архив ЛОИА. Дела Археологической комиссии 1895/30. О раскопках Н. Семенова; *Калитинский А.* Ук. соч., рис. 8 (табл. IV, *16*).

[44] *Алексеева Е. П.* Позднекобанская культура Центрального Кавказа.— Уч. зап. ЛГУ. Сер. истор. наук, вып. 13, 1949, с. 244, табл. I—III—V, и т. д.

[45] *Дударев С. Л.* Раскопки могильника у сел. Ачкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия).— СА, 1976, № 1, с. 258, рис. 1. Сел. Ахкинчу-барзой по своим топографическим координатам глубинно-предгорное, а по хозяйственно-экономическим подразделениям входит в горную зону региона (см. Экономическую карту ЧИАССР, вып. 1970), что необходимо учитывать при исследованиях археологических объектов.

[46] *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности, с. 103.

[47] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, рис. 52—54.

19. Высокогорное плато в урочище Накха-Меэр (Буйнакский р-н), с. Аркас (рис. 1, *15*). В слое поселения эпохи раннего железа обнаружена булавка, украшенная геральдически расположенными головками животных (рис. 5, *12*). Аналогии подобным предметам имелись в классических кобанских памятниках Центрального Кавказа [48].

Ближайшими промежуточными пунктами, где найдено несколько таких булавок, являются предгорные памятники рубежа II—I — первых веков I тысячелетия до н. э. близ с. Сержень-Юрт, (рис. 1, *10*), восточного варианта кобанской культуры, откуда они скорее всего и проникли дальше на восток.

20. Верхнее течение р. Аварское Койсу, с. Анцух (рис. 1, *16*). Случайная находка при строительных работах в 1922 г. шести бронзовых дуговидных фибул [49] кобанского типа (рис. 5, *13*).

21. Верховье р. Сулак (Казикумухское Койсу), высокогорное селение Турчи (рис. 1, *17*). Из могильника близ селения происходят предметы вооружения и среди них два бронзовых клинка черешковых кинжалов, формы которых А. П. Круглов справедливо сопоставлял с подобными же кинжалами кобанской культуры [50] (рис. 5, *1*).

22. С территории Дагестана без точного указания местонахождения происходит бронзовая поясная пряжка с двумя кругами, аналогичная казбекским и тлийской (рис. 5, *11*) [51].

23. Среднее течение р. Каракойсу, аул Ругуджа (рис. 1, *26*). В Хабадинском могильнике в комплексах VII—V вв. до н. э. [52] отмечено устойчивое присутствие предметов восточнокобанского типа и среди них бронзовые булавки с лопатовидными навершиями и бронзовая витая гривна.

24. Междуречье Андийского Койсу и Аварского Койсу, аул Карата (рис. 1, *25*). В разное время случайно обнаруживали предметы, близкие кобанским бронзам, и среди них дуговидную фибулу [53] (рис. 5, *13*).

25. Междуречье Каракойсу и Казикумухского Койсу, аул Согратль. Отсюда известны многочисленные древние зооморфные и антропоморфные предметы, а также бронзовая дуговидная кобанская фибула, украшенная геометрическим орнаментом [54].

Итак, более половины перечисленных выше материалов входит в комплексы, которые по остальным признакам (керамика, погребальный обряд, специфика остальных вещей) признаны как восточнокобанские. Только часть из них приходится на комплексы со смешанными чертами культуры, изученными в междуречье Хулхулау—Аксая. Случайные находки обнаружены либо на бесспорно кобанской территории на западе восточного варианта, либо в смешанной зоне на юго-востоке, но безотносительно к хорочаевским комплексам.

Находки на территории Горного Дагестана кобанских металлических изделий, не имея непосредственного отношения к поставленной теме, важны для общего понимания картины, сложившейся в первой половине I тысячелетия до н. э. на Северо-Восточном Кавказе. Как бы ни были отрывочны и неполны материалы из горных районов, они достаточно выразительны количественно и качественно, чтобы более убедительно и наглядно наметить границу сплошного распространения металлических изделий кобанских типов, определить глубину и характер этого проникновения. Как представляется, носители кобанской культуры начали рассе-

---

[48] *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 63, рис. 16, *35*.

[49] *Исаков М.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, с. 84 (№ 1039) табл. 6, *10*.

[50] *Круглов А. П.* Ук. соч., рис. 18, *6*; с. 74.

[51] *Исаков М.* Ук. соч., табл. 15, № 1133.

[52] *Пикуль М. И.* Ук. соч., с. 41, рис. 9.

[53] *Исаков М.* Ук. соч., с. 87 (№ 1071).

[54] *Давудов О. М.* Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 188, табл. XVIII, *11*.

ляться на восток из коренных центров своего обитания уже где-то в конце II тысячелетия, близко к рубежу II—I тысячелетия до н. э. Причины миграции недостаточно ясны, но скорее всего были обусловлены сегментацией кобанских племен в результате развития производящего хозяйства и связанного с этим увеличением населения. Не исключено, что толчком для начала движения могли послужить события внешнего порядка, связанные с начавшимся в конце II тысячелетия до н. э. общим передвижением племен на территории Евразии[55]. Во всяком случае, находки кобанских предметов, единичных и комплексных, в высокогорной котловине на левобережье Шаро-Аргуна, предполагают столь раннее появление здесь пришлого центральнокавказского компонента. Естественным барьером для распространения на восток изделий кобанских типов в высокогорной части оказался Андийский хребет, водораздел между реками Шаро-Аргун и Андийское Койсу. Именно к западу от него наблюдается значительное количественное скопление кобанских древностей и не найдено ни одного достаточно выразительного предмета каякентско-хорочоевской культуры. Далее за этой естественной преградой на всю огромную территорию Дагестана приходится менее десятка пунктов, где такие предметы были найдены (Турчи, Анцух, Карата, Согратль, Ругуджа, Аркас). Подобный единичный характер кобанских бронз в инокультурных памятниках Дагестана свидетельствует о том, что они не играли здесь заметной роли и служат лишь показателями межплеменных обменных сношений.

Совершенно другая картина, как можно видеть по карте (рис. 1), сложилась на территории между Ассой и Аксаем. Проникнув в верховья рек Сунжинского бассейна, коренные «кобанцы» ассимилировали в этих районах немногочисленное население, возможно ранних «хорочоевцев» [56], а скорее всего потомков населения, оставившего памятники типа Гинчи-Гатын-кале [57], имевших некоторую общность в чертах культуры (обмазка сосудов, кремневый инвентарь и т. д.) с первыми, обусловленную общностью культурного субстрата [58].

В результате, видимо, к X в. до н. э. в общих чертах сложилось культурное своеобразие района, заключавшееся в органическом переплетении черт исконно местной более ранней культуры и пришлого компонента, в котором центральнокобанский оказался преобладающим [59].

Археологическая изученность предполагаемого ареала восточного варианта кобанской культуры далеко не одинакова, но все же позволяет проследить наличие общих, а чаще тождественных кобанских типов вещей по долинам рек и междуречьям больших водных артерий от верхнего течения до границы с равниной. Приведем для примера результаты археологического изучения лишь одного междуречья Хулхулау-Аксая, где лучше всего выявлены сверху донизу близкородственные группы материалов разных этапов развития культуры. Для периода X—VIII вв. до н. э. достаточно убедительно прослеживается ряд сходных между собой памятников близ селений Ведено, Зандак, Ахкинчу-барзой (горная зона) с памятниками у селений Майртуп, Сержень-Юрт и Аллерой (предгорная зона). В VI—V вв. до н. э. сохраняется, на наш взгляд, та

---

[55] *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В кн.: Сообщ. научно-методического совета по охране памятников Мин-ва культуры СССР, вып. VII, М., 1974, с. 172, 173.

[56] *Котович В. Г.* Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры. Тезисы докл. на Всес. конф., посвященной итогам полевых исследований в 1970 г. (дополнительный выпуск). Тбилиси, 1971, с. 19—21.

[57] *Гаджиев М. Г.* Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы.— В сб.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 28.

[58] *Козенкова В. И.* Проблема восточного варианта кобанской культуры в свете последних археологических изысканий.— Тезисы докладов на V крупновских чтениях по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 37, 38; *ее же.* Кобанская культура..., с. 9.

[59] *Козенкова В. И.* Кобанская культура..., с. 44, 48.

же связь, судя по отдельным находкам и целым комплексам у селений Ведено, Ножай-Юрт, Гардали, Шуаны Ца-ведено (горная зона) и из предгорных памятников у селений Сержень-Юрт, Аллерой, Исти-су. Такие же связанные между собой типологически и морфологически группы синхронных материалов более слабо, но все же отмечены по Аргуну, Мартанке, Фортанге, Ассе. Но это уже другая тема.

Приведенными же примерами необходимо подчеркнуть следующее. В высокогорных, глубинно-предгорных и предгорных памятниках бассейна р. Сунжи обнаружены не просто отдельные, сходные между собой предметы, но целые комплексы с устойчиво одинаковым составом и сочетанием типов вещей. Подобная однородность и устойчивая повторяемость групп немаловажна, на наш взгляд, при определении общего характера культуры с большим разнообразием типов погребальных сооружений и пестротой черт в погребальном обряде, обусловленных множеством слагаемых и природной вертикальной зональностью региона. Здесь всегда присутствует опасность принять узколокальные особенности отдельного памятника за характерные признаки локального варианта в целом, а то и за признаки совершенно новой культуры.

В заключение укажем, что предпринятая сводка кобанских бронз в горной части юга и юго-востока Чечни ближе всего соответствует абрису границы восточного варианта кобанской культуры на картах Е. И. Крупнова. На наш взгляд, пока нет достаточно убедительных оснований считать Чанты-Аргун рубежом, разделявшим кобанские и хорочоевские племена.

V. I. Kozenkova

A PROPOS DE LA LIMITE D'EXPANSION AU SUD DES MONUMENTS DU GROUPE ORIENTAL DE LA CULTURE DE KOBAN

Résumé

Cet article a pour objet de déterminer la limite sud de la variante orientale de la culture de Koban dans le Caucase septentrional, à la fin de l'Age du Bronze et au début de l'Age du Fer. La question de l'aire occupée par la culture de Koban a été l'objet, ces dernières années, de vives discussions parmi les spécialistes. Prenant pour base le cataloque général des bronzes classiques du Koban (fig. 1), trouvés dans les régions montagneuses du N.-E. du Caucase, l'auteur du présent article montre la faiblesse de l'argumentation de nombreux spécialistes (tels que V. I. Markovine, V. B. Vinogradov), qui font passer la ligne frontière séparant les tribus de Khorotchoievsk et de Koban dans la haute montagne, le long de la rivière Tchanty-Argoun. Selon l'auteur de l'article, cette frontière naturelle doit plutôt être formée par la chaîne d'Andiski.

Les tribus de Koban migrèrent dans la direction de l'Est, allant de leurs régions d'origine d'habitation dans le Caucase central, entre le IIe et le Ier millénairt de n. è. Dans la région comprise entre l'Argoun et l'Aksaï, ils repoussèrent ou assimilèrent la population issue des descendants des porteurs de la culture du type Ghintchi Gatynkalé.

Les monuments du type de Koban (fig. 2-5) provenant de la partie montagneuse du Sud et du Sud-Est de Tchetchni, ont été portés sur une carte, ce qui a permis de confirmer l'exactitude de la ligne frontière proposée auparavant par E. I. Kroupnov.

В. А. КОРЕНЯКО, В. Е. МАКСИМЕНКО

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ НИЖНЕГО ДОНА

Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона уже многие годы привлекают внимание археологов. Работами различных экспедиций за последние 10—15 лет было обнаружено значительное количество этих памятников. К сожалению, их полная публикация и научный анализ осуществляются в целом недостаточно быстро [1]. Задача предлагаемой работы — опубликовать несколько наиболее интересных погребальных комплексов предскифского и раннескифского периодов из раскопок последних лет.

Для публикации нами были выбраны шесть захоронений, обнаруженных в различных пунктах юго-западной части Ростовской области (рис. 1): 1) погребение, случайно обнаруженное возле хут. Усть-Койсуг в южной части донской дельты [2] (могила находилась на небольшой глубине, признаков курганной насыпи над ней не было или не сохранилось); 2) погребения 3, 9, 10 в кург. 5 Койсугского могильника (левобережье Дона), материалы которого уже частично публиковались [3]; 3) погр. 4 в кург. 10 группы II на землях совхоза «Северный» [4] (левый берег Маныча; погребение было впущено в восточную полу кургана эпохи бронзы и слегка углублено в материк); 4) погр. 6 в кург. 3 группы «Баранчук» на правом берегу Егорлыка — левого притока Маныча у с. Красная Поляна Песчанокопского р-на [5] (погребение было впущено в центральную часть насыпи на глубину 1,75 *м* от вершины и незначительно углублено в материк). Данные об обряде погребений сведены нами в таблицу.

Обратимся к анализу вещей из погребений и выяснению датировки комплексов.

---

[1] Значительная часть новых материалов собрана и интерпретирована в статье: *Шелов Д. Б.* К этнической истории Нижнего Подонья.— Изв. СКНЦВШ, сер. обществ. наук, 1974, № 3, с. 41—53.

[2] Погребение было обнаружено и исследовано в 1966 г. В. Я. Киящко, которому авторы выражают благодарность за разрешение опубликовать материалы, хранящиеся в Ростовском областном музее краеведения.

[3] *Максименко В. Е.* Сарматские погребения в дельте Дона.— СА, 1970, № 2, с. 224—232; *его же.* Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону.— СА, 1973, № 1, с. 249—254; *его же.* Некоторые итоги исследования Койсугского курганного могильника.— В сб.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973, с. 43—47; *Горбенко А. А., Кореняко В. А.* Раскопки Койсугского курганного могильника в 1971 г.— Там же, с. 48—51. Курган 5 был раскопан экспедицией Ростовского гос. ун-та в 1968 г.

[4] Раскопки экспедиции Ростовского ун-та и Азовского краеведческого музея в 1973 г. *Максименко В. Е., Горбенко А. А., Кореняко В. А., Фомичев Н. М.* Раскопки курганов на р. Маныч.— АО — 1973. М., 1974, с. 116, 117. Материалы раскопок хранятся в Азовском краеведческом музее.

[5] *Горбенко А. А., Фомичев Н. М.* Раскопки на реках Кагальник и Егорлык.— АО — 1974. М., 1975, с. 103, 104. Материалы раскопок хранятся в Азовском краеведческом музее. Благодарим А. А. Горбенко за любезно предоставленную возможность опубликовать погребение.

На наш взгляд, одним из наиболее древних из публикуемых является погр. 4 в кург. 10 группы II на землях совхоза «Северный». Его датировка основывается на находке бронзового ножа (рис. 5, *2*).

Нож имеет двулезвийный клинок, режущие края которого прямые, почти параллельные друг другу, слегка сужающиеся к округлому острию. Довольно массивный шестигранный черенок переходит в хорошо выраженное ребро, прослеживающееся почти по всей длине клинка. Ребро в части клинка, близкой к черенку, имеет подпрямоугольное сечение, которое становится все более округлым и уплощенным к острию ножа. Нож патинизирован, сохранность в целом хорошая. Общая длина изделия 16,0 *см*; длина черенка 3,5; наибольшая ширина клинка 2,3 *см*;

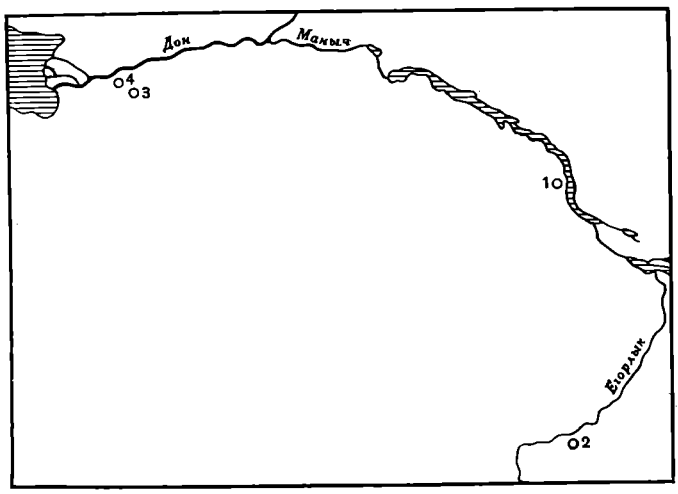


Рис. 1. Картосхема местонахождения публикуемых памятников.
1 — курганы на землях совхоза «Северный», *2* — курганная группа «Баранчук» у с. Красная Поляна, *3* — Койсугский курганный могильник, *4* — погребение у хутора Усть-Койсуг

размеры сечения черенка 1,2×0,4 *см*; наибольшая толщина ребра 0,5 *см* (рис. 5, *2*).

Аналогичные изделия были распространены в эпоху поздней бронзы и начала железного века на довольно ограниченной территории. Так, в Закавказье, на Северном Кавказе, в Центральной Европе и на среднеазиатско-казахстанских просторах при значительном разнообразии форм бронзовых ножей и кинжалов не известно полностью аналогичных экземпляров, хотя многие из них сближаются с публикуемым отдельными чертами [6].

Основное количество достаточно точных аналогий сосредоточено в Северном Причерноморье, на территории белозерской культуры [7]. Главным образом это негативы литейных форм из Кардашинки I и II, Завадовки, Цюрупинска и Раденска [8]. Находки Н. И. Веселовского в кургане Широ-

[6] Обилие литературы и ограниченный объем публикации не дают возможности дать сводку этих сопоставлений. Благодарим Е. Н. Черных, любезно проконсультировавшего нас при написании работы.

[7] Почти все исследователи относят указываемые ниже аналогии к белозерскому комплексу или культуре. Ср. *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабатиновской культуре.— СА, 1968, № 3, с. 16—34.

[8] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955, с. 138, 139, 142, 143, рис. 33, *15*; 34, *10, 13, 14, 16*; *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 146—150, 152, 153, рис. 1, *10, 11*; 2, *5, 10, 17, 18*; 6, *21*.

Обряд публикуемых погребений

Местонахождение могилы	Могильное сооружение	Пол, возраст и поза погребенного	Ориентировка	Перекрытие, пигменты и прочие детали ритуала	Кости животных	Инвентарь	Примечание
Усть-Койсуг	Не прослежено	Взрослый, на левом боку, ноги слегка согнуты, левая рука согнута в локте, кисть перед тазом, фаланги правой руки на костях таза	ЮЗ	–	–	Перед лицом сосуд	Большинство костей правой руки не сохранилось. Рис. 2, *1*, *2*
Койсугский могильник, кург. 5, погр. 3	Подчетырехугольная яма с закругленными углами, ЗЮЗ–ВСВ, 1,87×0,95 *м*, глубина 0,90 *м* от уровня древнего горизонта	Взрослый, на правом боку, скорченно, правая рука вытянута, кисть у бедер, левая рука согнута в локте, кисть перед туловищем	ВЮВ	В заполнении остатки поперечных и продольных плах перекрытия, поверх них слой камышового тлена; в заполнении угольки; на дне камышовый тлен	На остатках деревянного подноса или блюда кости передней части туши барана или овцы (без черепа)	У стоп пятно коричневого тлена, в его пределах: остатки деревянного прутика или древка стрелы, обломок костяного наконечника стрелы, остатки железного небольшого предмета, остатки стеклянной бусины, изделия из резной кости; у пояса костяная застежка	Рис. 3
Койсугский могильник, кург. 5, погр. 9	Катакомба; входной колодец подчетырехугольный с закругленными углами З–В, 2,30×1,35 *м*, дно камеры ниже дна колодца на 0,18 *м*, камера	Молодая женщина на левом боку, вытянуто с вытянутыми руками – первоначальное положение; скелет обнаружен в	З	На дне колодца и камеры камышовый тлен; под ним, главным образом под скелетом, угли и обожженная земля	–	В области грудной клетки бронзовая или медная бляшка	Рис. *4*, *3*, *4*

Окончание

Месторождение могилы	Могильное сооружение	Пол, возраст и поза погребенного	Ориентировка	Перекрытие, пигменты и прочие детали ритуала	Кости животных	Инвентарь	Примечание
	подчетырехугольная с закруглепными углами З–В 1,9×1,1 *м* при высоте свода до 0,45 *м*	положении на животе					
Койсугский могильник, кург. 5, погр. 10	Подпрямоугольная яма с закругленными углами, ЗЮЗ–ВСВ, длина 0,90 *м*	Взрослый, на левом боку, слабоскорченно, правая рука согнута в локте	ЗЮЗ	–	–	В заполнении погребений 3 и 9 обломки сосуда из погр. 10	Погребение нарушено могилами 2 и 3, положение левой руки не восстановлено. Рис. 4, *1, 2*
Совх. «Северный», группа II, кург. 10, погр. 4	Яма неправильной округлой формы ЗСЗ–ВЮВ 1,92×0,60 *м*	Взрослый мужчина на правом боку, слабоскорченно, правая рука согнута в локте, левая рука вытянута вдоль туловища, кисть у бедер	ВЮВ	—	Астрагалы овцы или барана в заполнении у дна: 7 – в ю-в углу, один – в ногах погребенного	В выемке в южной стенке могилы бронзовый нож	Рис. 5, *1, 2*
Красная Поляна, группа, «Баранчук», кург. 3, погр. 6	Яма неправильных подчетырехугольных очертаний с закругленными углами; В–З; 2,20×0,94 *м*	Взрослый мужчина, на правом боку, слабоскорченно, правая рука согнута в локте, кисть на тазе; левая рука согнута в локте, кисть у подбородка	З	Под скелетом и вокруг него желто-коричневый тлен от подстилки, перед костями груди и под ними меловая посыпка	В СЗ углу расчлененные кости задней ноги овцы или барана	У западной стенки сосуд	Рис. 5, *3, 4*. Возможно, могильная конструкция представляла собой не полностью зафиксированную катакомбу с с камерой в южной части

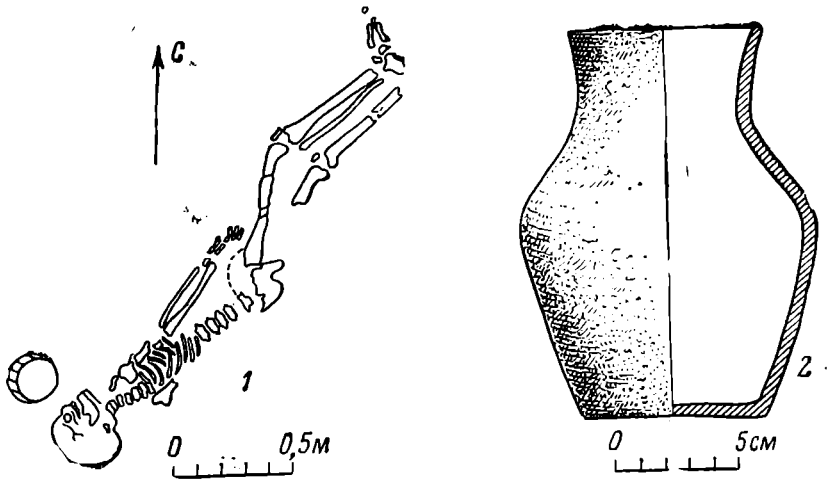


Рис. 2. Погребение у хутора Усть-Койсуг

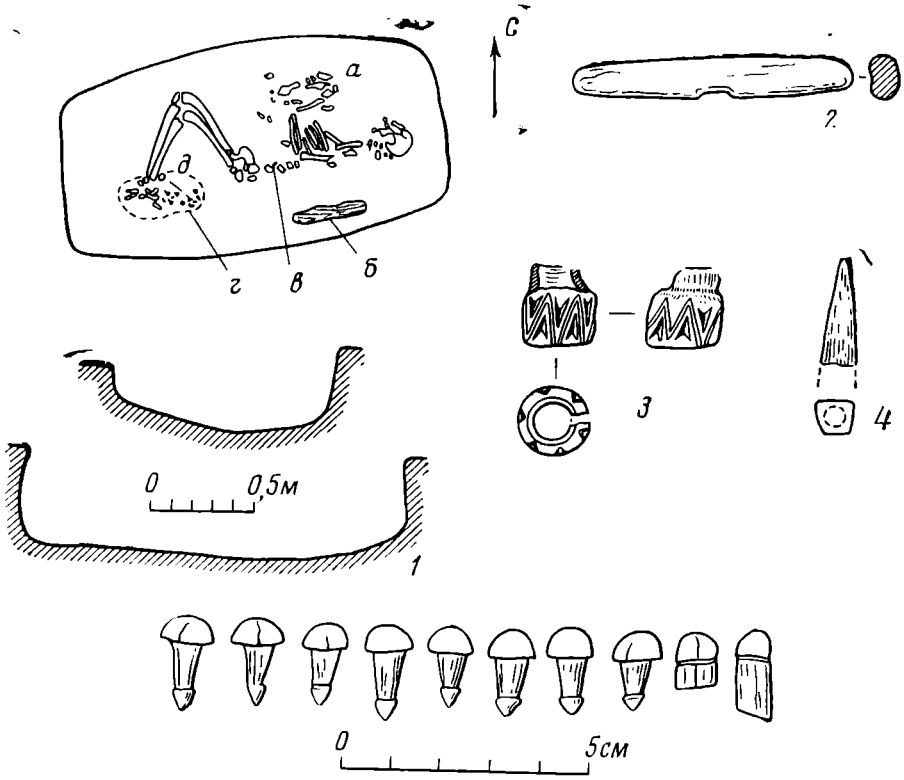


Рис. 3. Погребение 3 в кург. 5 Койсугского могильника.
1 — план и разрезы погребения. Буквами на плане обозначены: *а* — кости барана, *б* — остатки дерева от перекрытия, *в* — костяная застежка, *г* — границы пятна от кожи (?), *д* — костяные изделия и другие находки в ногах погребенного. *2* — костяная застежка, *3* — фрагмент костяного предмета, *4* — обломок костяного наконечника стрелы, *5* — костяные застежки

кая могила позволяют говорить о том, что такие ножи доживают вплоть до самого начала железного века (по традиционной абсолютной датировке — вплоть до начала VIII в. до н. э.) [9]. Бронзовый нож из Широкой могилы имеет такие же очертания и пропорции, как публикуемый нами, но сечение его клинка ромбическое, т. е. продольное ребро не профилиро-

[9] *Латышев В. В.* Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг.— Сообщ. ГАИМК, вып. 1, 1926, с. 203, 204. Фотографии и рисунки обоих металлических изделий были опубликованы значительно позже. См. *Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР.— СА, 1958, № 4, с. 4, 5, рис. 1.

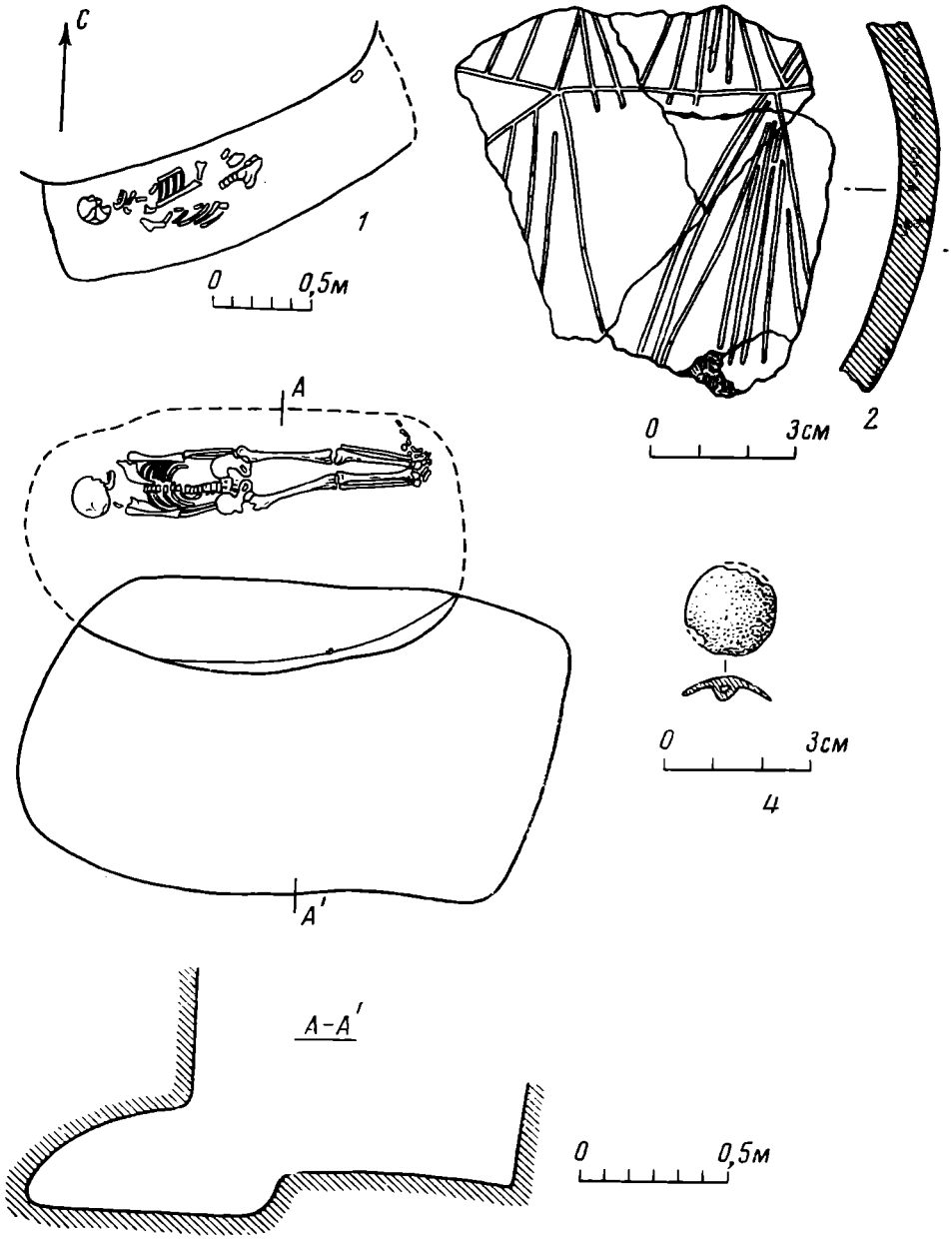


Рис. 4. Погребения в кург. 5 Койсугского могильника. *1, 2* — план погр. 10 и фрагмент сосуда из него; *3, 4* — план и разрез погр. 9 и бронзовая бляшка из него

вано. Кроме литейных форм и находки Н. И. Веселовского имеется еще несколько похожих изделий в памятниках белозерского времени[10].

В X — начале VIII в. до н. э. аналогичные ножи[11], безусловно относящиеся к белозерской культуре, проникают на соседние территории: нож с поселения у с. Оскол и каменная литейная форма с неясно намечен-

[10] *Іллінська В. А., Ковпаненко Г. Т., Петровська Е. О.* Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомаївки.— АП, IX, 1960, с. 138, 139, табл. III, *16*; *Бураков А. В.* Поселення епохи бронзи біля с. Зміївка.— АП, X, 1961, с. 29, рис. 4, *5, 6*.

[11] Большинство авторов называют эти изделия кинжалами или кинжальчиками. Небольшие размеры говорят об отсутствии у них рубящей функции, свойственной кинжалам. Вероятно, несмотря на некоторое сходство с кинжалами (двулезвийность), подобные изделия целесообразно называть ножами. *Алироев И. Ю.* Названия оружия в нахских языках.— АЭС, IV, 1976, с. 228—231.

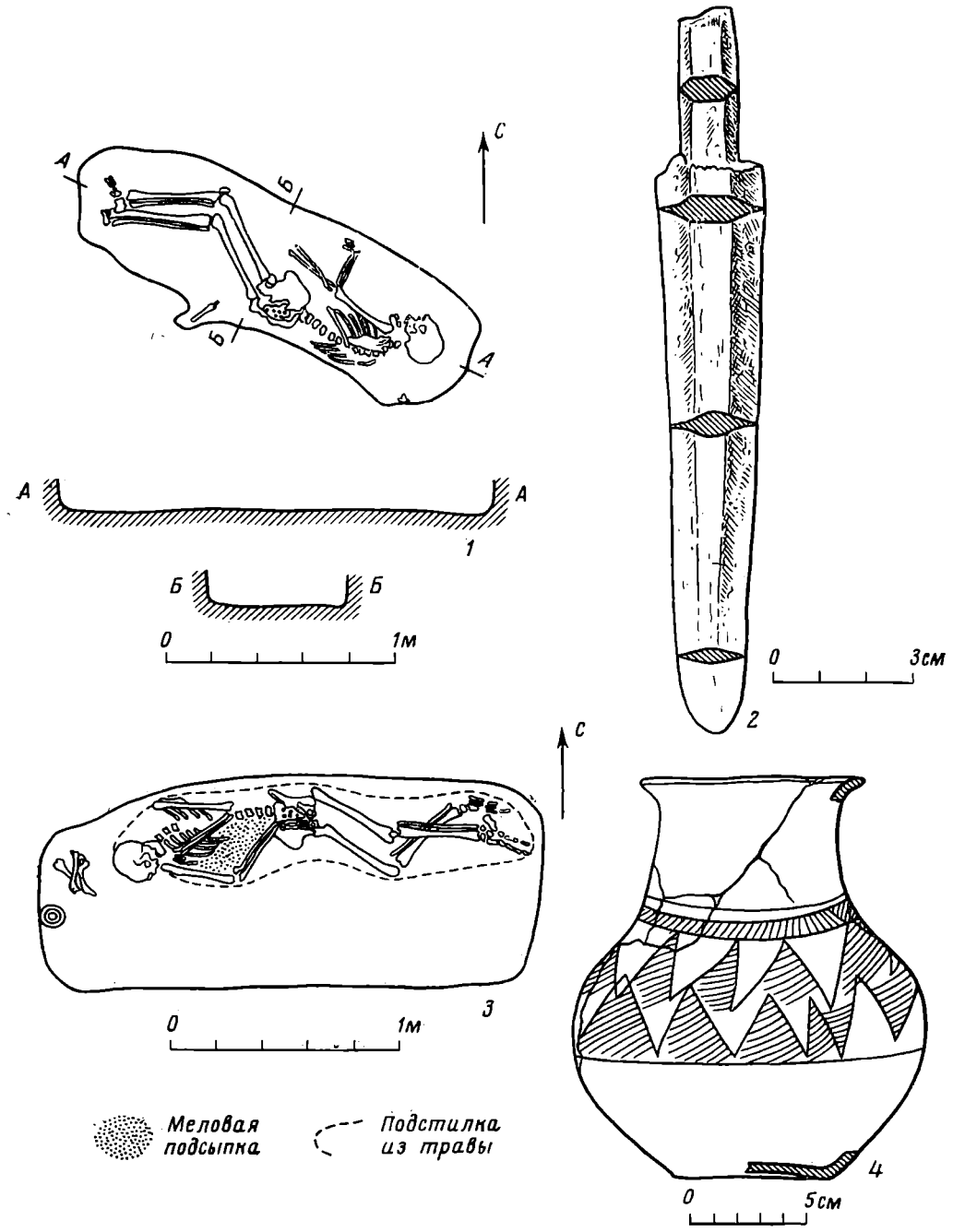


Рис. 5. Планы и разрезы погребений и вещи из них. *1*, *2* — погр. 4 в кург. 10 курганной группы II на землях совхоза «Северный»; *3*, *4* — погр. 6 в кург. 3 группы «Баранчук» у с. Красная Поляна

ным негативом с поселения в уроч. Бондариха [12], нож с раннегальштатского поселения у Кишинева [13], находки на Кобяковском поселении в дельте Дона [14]. Нож с Кишиневского поселения, являющийся самой за-

[12] *Ильинская В. А.* Бондарихинская культура.— СА, 1961, № 1, с. 33, 34, 36, 37, рис. 5, *3*; 6, *2*.

[13] *Мелюкова А. И.* Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии.— МИА, № 96, 1961, с. 42, 43, рис. 17, *1*. Как любезно сообщил одному из авторов В. Л. Лапушнян, идентичный нож был недавно найден Т. А. Щербаковой на поселении Этулия (степной юг Молдавии) при расчистке жилища с керамикой белозерских типов.

[14] *Шарафутдинова Э. С.* Раскопки на Кобяковском поселении эпохи поздней бронзы в 1962.— КСИА АН СССР, № 112, 1967, с. 79, рис. 25, *2*; *ее же*. Металличе-

падной находкой изделий данного типа, наиболее сходен с публикуемым. Кишиневское поселение было датировано А. И. Мелюковой вначале второй половиной или концом IX — первой половиной VIII в. до н. э.[15] Бронзовый нож она сопоставляла с находкой из Широкой могилы. В более поздней статье А. И. Мелюкова внесла исправление в датировку Кишиневского поселения (X — IX вв. до н. э.)[16], опираясь прежде всего на хронологию белозерской эпохи по А. И. Тереножкину и А. М Лескову. В. А. Дергачев придерживается именно этой даты для группы металлических изделий Соколены — Валя Русулуй, куда входят находки с Кишиневского поселения[17]. Исключение из датировки Кишиневского поселения даты VIII в. до н. э. при настоящем уровне хронологических разработок вряд ли оправданно. Так, А. М. Лесков не исключает из даты белозерского этапа начало VIII в. до н. э.[18], однако А. И. Мелюкова, учитывая это, все же ограничивает время жизни Кишиневского поселения X—IX вв. до н. э., т. е., по ее мнению, временем бытования типов вещей, «характерных для основных комплексов белозерского этапа».

Вопрос о верхней дате Кишиневского поселения, привлекающий нас ввиду идентичности кишиневского и публикуемого нами бронзовых ножей, видимо, недостаточно ясен. Его решение связано с выяснением взаимоотношения между памятниками кишиневского типа и памятниками типа Сахарна—Солончены. В литературе до сих пор по-разному решаются вопросы датировки вещевого материала с памятников обеих групп[19], а также соотношения их ареалов[20]. На наш взгляд, бесспорных данных о появлении и широком распространении памятников сахарнянско-солончанского типа уже в конце IX в. до н. э. нет, зато можно уверенно говорить о частичном временном сосуществовании их с памятниками типа Кишиневского поселения. В этом случае вполне вероятно, что хронологический диапазон памятников типа Кишиневского поселения включал и какую-то часть VIII в. до н. э.

В начале VIII в. до н. э., как теперь можно считать установленным, прекратилась жизнь на Кобяковском поселении[21], откуда происходят два бронзовых ножа, аналогичных изделиям рассматриваемого вида. Из них наиболее близок публикуемому нож, найденный при раскопках 1962 г.[22]. Его отличают лишь несколько иные очертания клинка, особенно в месте перехода в черенок. Аналогии, обнаруживаемые Э. С. Шарафутдиновой на востоке, не являются точными (Калиновский могильник[23], Полянский могильник и находка у с. Луковского в Татарии, находки у дер. Карамышево и Курбаши в Чувашии[24], погр. 1 на Ба-

---

ские изделия Кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы.— КСИА АН СССР, № 127, 1971, с. 46, рис. 16, *11, 12*.

[15] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 42, 43.

[16] *Мелюкова А. И.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии.— СА, 1972, № 1, с. 57, 58, 70.

[17] *Дергачев В. А.* Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского Междуречья. Кишинев, 1975, с. 21, рис. 8, *4*; с. 57, 78.

[18] *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге..., с. 151.

[19] *Мелюкова А. И.* О датировке..., с. 65—70; ср.: *Шарафутдинова И. Н.* Ук. соч., с. 31; *Мелюкова А. И.* Культура предскифского периода..., с. 40, 43—45; *Лапушнян В. Л., Никулицэ И. Т., Романовская М. А.* Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4. Памятники раннего железного века. Кишинев, 1974, с. 7.

[20] *Мелюкова А. И.* О датировке..., с. 69, рис. 7. Ср.: *Лапушнян В. Л., Никулицэ И. Т., Романовская М. А.* Ук. соч., с. 8, рис. 1.

[21] *Шарафутдинова Э. С.* Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобяковской культуры).— СА, 1973, № 2, с. 23—25.

[22] *Шарафутдинова Э. С.* Раскопки на Кобяковском поселении..., с. 79—81, рис. 25, *2*.

[23] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, с. 379, 380, 420, 421, рис. 37, *2*.

[24] *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Северном Урале и в Приуралье.— МИА, № 90, 1960, с. 75, 76, табл. VIII, *29*; XXV, *41*.

лымском поселении[25], Сабанчеевский клад[26]), что подтверждает принадлежность ножей с Кобяковского поселения и из кургана на землях совхоза «Северный» именно к белозерскому кругу бронзовых изделий.

В период перехода от бронзы к железу, т. е. в VIII—VII вв. до н. э., бронзовые двулезвийные ножи сменяются однолезвийными[27], употреблявшимися в раннескифское время уже в ритуальных целях[28]. К двулезвийным бронзовым изделиям переходного периода относится лишь нож или кинжал из погр. 5 в кургане Высокая Могила[29], отличающийся от публикуемого иными очертаниями, сечением черенка и клинка, большими размерами. Им, по мнению А. И. Тереножкина, «завершилась эволюция кинжалов срубной культуры в Северном Причерноморье»[30].

В Северном Причерноморье сосредоточено большинство аналогий и сосуду из погр. 6 в кург. 3 группы «Баранчук» у с. Красная Поляна (рис. 5, *4*).

Сосуд имел широкое, слегка вогнутое дно, округлое тулово, плавно переходящее в высокую, слегка сужающуюся кверху шейку, значительно отогнутый наружу венчик. Внешняя поверхность сосуда залощенная, темно-серая, местами до черной. Имеются желтоватые, а у венчика красновато-желтые пятна. Внутренняя поверхность серая, с желтоватыми и темными пятнами. Тесто в изломе темно-серое до черного, с большой примесью шамота, крупного песка и слюды. Обжиг и плотность теста средние. Орнамент состоит из бороздок, небрежно процарапанных тонким и твердым острием. В нижней части шейки, в месте ее перехода в тулово, имеются две горизонтальные параллельные бороздки, пространство между которыми заполнено косыми штрихами. Ниже, по плечикам, вплоть до места наибольшего расширения тулова, идут две зигзагообразные линии, пространство между их изломами заполнено косыми бороздками. Снизу орнамент ограничен горизонтальной прямой бороздкой. Размеры сосуда: высота 17,4 *см*, высота шейки 6,4, наибольший диаметр тулова 15,3 *см* приходится на высоту около 6,4 *см* от дна, диаметр шейки от 10,0 до 7,9 *см*, диаметр устья 9,8, диаметр дна 6,7, толщина стенок 0,7 *см*.

Лощеная керамика эпохи поздней бронзы и начала железного века хорошо известна, однако ее общая дробная классификация и хронология не разработаны[31]. Одно из направлений поиска аналогий — группа «круглотелых цилиндрошейных кубков», бытовавших в украинской лесостепи на белогрудовском, чернолесском и жаботинском этапах, а в северопричерноморских степях — с белозерского времени по VII в. до н. э. В настоящее время вопросы эволюции и распространения сосудов этой группы наиболее подробно рассмотрены В. А. Ильинской[32]. По ее мнению, в приднепровской лесостепи кубки белогрудовско-чернолесского времени, являясь прототипами кубков жаботинского этапа, отличаются от последних следующими чертами: а) орнамент расположен выше, в ос-

[25] *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг.— МИА, № 42, 1954, с. 206—208, рис. 27, *2*.

[26] *Мерперт Н. Я.* Сабанчеевский клад.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 153, 154, рис. 2.

[27] ОАК за 1892 г. СПб., 1894, с. 37, 38; *Іллінська В. А., Тереножкін О. І.* Киммерійський час.— В кн.: Археологія Української РСР, т. II. Київ, 1971, с. 12, рис. 3, *2, 3*; *Яковенко Э. В., Бидзиля В. И.* Киммерийские погребения Высокой Могилы.— СА, 1974, № 1, с. 153, рис. 5, *5*; *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского археологического отряда ЛОИА АН СССР и Волгоградского музея краеведения в 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, д. № 4205, с. 2, 3; д. № 4205а, рис. 26, *8*.

[28] *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). Киев, 1975, с. 34, 109, 155.

[29] *Яковенко Э. В., Бидзиля В. И.* Ук. соч., с. 153, 157, рис. 8.

[30] *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 3—5.

[31] *Грязнов М. П.* О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы.— КСИА АН СССР, № 108, 1966, с. 31—34.

[32] *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., с. 126—133, 166—168.

новании шейки и на плече; б) не ограничивается снизу горизонтальными линиями; в) менее сложен по технике нанесения и по композиции; г) менее распространено заполнение узора белой пастой [33]. Исходя из этого, краснополянский сосуд, вероятно, следовало бы сопоставлять с кубками времени, предшествующего жаботинскому в лесостепи и раннескифскому в степи. Действительно, среди кубков жаботинского типа достаточно точных аналогий не имеется [34].

Краснополянский кубок имеет лишь одну черту, сближающую его с жаботинскими: орнамент ограничен снизу горизонтальной бороздкой. Среди кубков белозерского времени в северопричерноморских степях сосудов с таким признаком нет, как нет и полностью аналогичных сосудов [35]. Однако на некоторых лощеных сосудах с поселений типа Кобяковского, синхронных белозерскому комплексу, имеются орнаментальные пояса, ограниченные снизу и помещенные на сосудах, близких публикуемому [36]. Особенностью лощеной керамики кобяковской группы поселений является широкое применение при орнаментации наряду с врезными и процарапанными линиями оттисков веревочки, в том числе и на кубках, аналогичных нашему [37]. Несмотря на отсутствие вполне точных аналогий, краснополянский сосуд можно более уверенно сопоставить с кубками белозерско-кобяковского круга, чем с керамикой синхронных северокавказских памятников [38] или с сосудами VIII—VII вв. до н. э. в степной полосе [39].

Итак, необходимо признать, что датировать данный сосуд достаточно точно возможности нет. С одной стороны, ограничение орнамента снизу горизонтальной линией можно считать хронологическим признаком для памятников Украины. На других территориях, как следует из анализа керамики поселений типа Кобяковского, этого не прослеживается. С другой стороны, если ограничиваться довольно хорошо классифицированными северопричерноморскими аналогиями, то датировка кубков жаботинского типа недостаточно ясна. До последнего времени почти общепринятой была точка зрения, согласно которой обнаруживаемые в украинской степи погребения с вытянутыми и ориентированными на запад скелетами, сопровождающиеся такими сосудами, датировались VII — началом VI в. до н. э.[40] Недавно А. И. Тереножкин, ссылаясь на исследования В. А. Ильинской, предложил отнести их ко времени новочеркасского клада (750—650 гг. до н. э.) [41]. Таким образом, датировка

---

[33] Там же, с. 130.

[34] Там же, с. 69, рис. 4, *2—4, 6*; с. 132, рис. 15; табл. III, *18*; VI, *16, 17*; VII, *18*; XIII, *5, 7*; XIV, *4, 7*; XV, *6*; XVI, *4*; XVII, *3*; XIX, *1, 5*; XXIII, *5*; XXIV, *4*; XXV, *2, 3*; XXVI, *6, 7*; XXVII, *6*; XXIX, *8, 10*; XXX, *1, 2, 17*; XXXI, *1, 6, 11*; XXXII, *1*; XXXIII, *9*; XXXIV, *24, 25*.

[35] Там же, с. 131, рис. 14. Сводка белозерских лощеных сосудов осуществлена А. М. Лесковым. См. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Докт. дис. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2204а, табл. 3, 9, 12—14, 16, 19.

[36] *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг.— Сообщ. ГАИМК, т. 1, 1927, с. 130—132. Ср.: *Шарафутдинова Э. С.* Кобяковское поселение эпохи бронзы.— В сб.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, с. 42, 43, рис. 1; *ее же.* Заключительный этап..., с. 11, 14, 15, рис. 9, 10; *ее же.* Отчет о работах Нижнегниловской экспедиции в 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4583а, рис. XXXIV, *2, 4*.

[37] *Шарафутдинова Э. С.* Заключительный этап..., с. 11, 15, 20—22, рис. 10, *21*.

[38] *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры.— В сб.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 18—24; *Деопик Д. В., Узянов А. А., Штиглиц М. С.* Статистический анализ керамического комплекса (орнаментика сосудов с поселения Змейского).— В сб.: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972, с. 192—206.

[39] *Грязнов М. П.* Ук. соч.; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 352, рис. 60, *1, 4—6*; *Лесков А. М.* Ук. соч., табл. 71; *Яковенко Э. В., Бидзиля В. И.* Ук. соч., с. 152, 154, 158, 159, рис. 5, *4*.

[40] *Мелюкова А. И.* Культура племен Днестровско-Прутского междуречья (VIII—I вв. до н. э.).— В кн.: Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974, с. 12, 13.

[41] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 204.

аналогий краснополянском кубку колеблется в пределах между временем поздних белозерских и кобяковских памятников и началом VI в. до н. э.

На наш взгляд, возможная датировка краснополянского погребения приближается к нижнему из этих пределов. Об этом, в частности, может свидетельствовать положение скелета погребенного, чего мы коснемся ниже. По этому признаку краснополянская могила сходна с погр. 10 в кург. 5 Койсугского могильника.

В кург. 5 к интересующей нас эпохе относятся погребения 10, 9, 3 (это перечисление соответствует их хронологической последовательности, стратиграфически хорошо зафиксированной). Самое раннее погр. 10 частично нарушало могилу 13, безусловно, относящуюся к эпохе поздней бронзы. Самое позднее и наиболее четко датированное погребение из публикуемых было перекрыто захоронением раннесарматского времени [42].

Могила 10 была сильно разрушена погребениями 2 и 3 (рис. 4, *1, 2*): уничтожена северная половина ямы, отсутствуют почти все кости ног и рук. Судя по пяточной кости, сохранившей первоначальное положение у восточной стенки могилы, скорченность не была сильной, скорее ноги были согнуты в коленях незначительно, образуя в суставах тупые углы.

Фрагменты сосуда из этого погребения были найдены в заполнении погребений 3 и 9 (рис. 4, *2* — склееный из них обломок сосуда). Это часть стенки лепного сосуда, о форме которого нельзя сказать чего-либо определенного из-за малых размеров фрагмента (8,0×7,8 *см* при толщине 0,8 *см*). Внешняя поверхность сосуда желто-серая с красноватым оттенком, хорошо заглаженная. Тесто хорошо отмученное, среднего обжига и плотности, в изломе темно-серое. Сосуд был орнаментирован небрежно, но глубоко процарапанными бороздками, составляющими по крайней мере две полосы треугольников, заштрихованных внутри. При этом линии штриховки не параллельны друг другу или сторонам треугольников, а как бы исходят из вершины треугольника.

Несмотря на малые размеры и невыразительность фрагмента, его можно довольно уверенно сопоставлять с керамикой кобяковской группы поселений по характеру теста, цвету, способу обработки поверхности и по орнаменту [43]. В частности, только в керамике с поселений этой группы встречается орнамент из заштрихованных треугольников, в котором бороздки или оттиски веревочкой, образующие штриховку, имеют то же направление [44].

Синхронизировать погр. 10 с поселениями типа Кобяково, по-видимому, все же нельзя. Против этого говорит незначительная скорченность костяка. Из нижнедонских погребений более или менее уверенно связываются с этими поселениями культурно и хронологически лишь могилы, обнаруженные в культурном слое Кобяковского поселения. Для них характерна сильная скорченность скелетов [45].

---

[42] *Максименко В. Е.* Отчет о работах 2-го отряда археологической экспедиции Ростовского университета в Константиновском и Азовском районах Ростовской области в 1968 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3876, с. 24–30; № 3876а, табл. 38, 41—45.

[43] Такого же мнения придерживается Э. С. Шарафутдинова, осмотревшая публикуемый фрагмент сосуда и любезно сообщившая нам свое заключение.

[44] *Шарафутдинова Э. С.* Заключительный этап..., с. 14, 15, рис. 9, 10; *ее же.* Кобяковское поселение..., с. 42, рис. 3; *Братченко С. Н.* Новое поселение эпохи бронзы в донской дельте.— В сб.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, с. 123—125, рис. 4; *Шарафутдинова Э. С.* Отчет о работах Хапровского отряда Астраханской экспедиции в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3346а, рис. 80; *ее же.* Отчет о работах Сафьяновского отряда в 1967 г.— Там же, № 3586а, рис. 51, 55, 56; *ее же.* Отчет о работах Нижнегниловской экспедиции в 1970 г.— Там же, № 4583а, рис. XI, *1, 2.*

[45] *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции...,

В большинстве печатных работ, посвященных проблеме перехода от эпохи бронзы к железу в степной полосе, слабая скорченность скелетов рассматривается как отражение изменений в похоронных ритуалах, происходивших в это время. В частности, скорченное на боку положение погребенных сменяется вытянутым на спине, приобретает господство широтная (западная) ориентировка.

Определить время, в которое начались эти изменения, пока затруднительно. Во всяком случае, в похоронных ритуалах эпохи поздней бронзы, бытовавших в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье, можно усмотреть истоки тех нововведений, которые побеждают в скифо-савроматское время. Так, широтная (западная или восточная) ориентировка в эпоху поздней бронзы встречается в относительно немногочисленных случаях в степях Нижней Волги, где в это время господствует меридиональная ориентировка погребенных. Более распространена она в позднем бронзовом веке на Нижнем Дону [46] и в погребениях белозерского этапа на Украине [47]. Окончательная смена меридиональной ориентировки широтной происходит в эпоху перехода от бронзы к железу. Что касается ослабления скорченности и распространения вытянутого положения погребенных, то этот процесс в степях Нижней Волги и Украины, видимо, начинается в позднем бронзовом веке.

Его истоки, вероятно, можно усмотреть в захоронениях, датирующихся концом эпохи бронзы и содержащих скелеты, находившиеся в вытянутом положении на спине или слабоскорченными на боку. На Нижней Волге это небольшая серия основных подкурганных могил с камерами относительно больших размеров, дополнительным оборудованием, а в ряде случаев и с значительным инвентарем. Скелеты в них лежат вытянуто или слабоскорченно на боку [48].

В Северном Причерноморье имеется небольшая группа погребений белозерского времени с вытянутыми на спине костяками. К ним относятся как основные подкурганные могилы, так и впускные [49]. На Нижнем Дону аналогичных захоронений «срубного» времени пока не найдено.

Период перехода от бронзы к железу, видимо, был тем временем, когда нововведения в похоронной обрядности распространялись вширь. Именно для этой эпохи специфичны впускные погребения со слабо скорченными скелетами [50]. Возвращаясь к анализу погребения в кургане на землях совхоза «Северный» и погр. 10 в кург. 5 Койсугского могильника, отметим наличие в этих погребениях, по обряду определенно относящихся к переходному периоду, вещей, датируемых самым концом эпохи бронзы. Если можно говорить о памятниках переходного периода

с. 139, 140; *Кривцова-Гракова А. О.* Ук. соч., с. 100; *Витков З. А.* Отчет об археологических исследованиях Кобякова городища в 1955 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2874, с. 7, 13, табл. IV, *4*; IX, *1*.

[46] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 182, 183; *Мелентьев А. Н.* Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье.— КСИА АН СССР, № 103, 1965, с. 57; *Чередниченко Н. Н.* История срубных племен Подонья (XV—IX вв. до н. э.). Автореф. канд. дис. Киев, 1973, с. 12, 14.

[47] *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 20—24.

[48] Там же; *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, с. 97—100, рис. 69; *его же.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.).— МИА, № 60, 1959, с. 84, 85, 166, 168, 169; *его же.* Древние памятники в низовьях Еруслана.— Там же, с. 79—80, 83; *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— Там же, с. 222, 223, 226; *его же.* Быковские курганы.— МИА, № 78, 1960, с. 186, 187; *его же.* Савроматы, с. 183; *Кореняко В. А.* Обряд погребений эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье и переход к железному веку.— В сб.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 74—76.

[49] *Лесков А. М.* Ук. автореф. докт. дис., с. 20—24; ср. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 90—103.

[50] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 24—31; *Лесков А. М.* Ук. соч., с. 19—25, 62; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 25—68.

как об особом культурном явлении, то эти погребения, вероятно, могут быть датированы рубежом между переходным периодом и эпохой бронзы. Трудно пока сказать, какая абсолютная дата соответствовала этому рубежу. В настоящее время единого мнения по этому вопросу нет [51]. Нам представляется наиболее вероятной датой для проанализированных погребений (включая краснополянское) VIII в. до н. э.

Существует, кроме того, чисто гипотетическая возможность связать появление публикуемых погребений с передвижением на территорию Подонья в предскифскую эпоху каких-то этнических элементов из северопричерноморских степей. Как нам кажется, в пользу этого говорит большая, чем на Нижней Волге и Нижнем Дону, распространенность положения погребенных на правом боку и их широтная ориентировка в белозерской среде.

Более поздним, чем погр. 10, в кург. 5 Койсугского могильника было захоронение 9.

Погребение по своей конструкции (рис. 4, *3*) может быть отнесено к катакомбам первого типа по Б. Н. Гракову [52] или к подбоям первого типа по К. Ф. Смирнову [53]. Хорошо известно, что катакомбные могилы распространяются в степной Скифии с VI в. до н. э.[54], а на территории савроматской культуры с V в. до н. э.[55] Однако они сооружались и в эпоху перехода от бронзы к железу. На Нижней Волге количество камерных могил в VIII—VII вв. до н. э. невелико [56].

Намного больше их в степях Северного Причерноморья. Полагают, что они появляются в этом регионе в эпоху поздней бронзы как результат «временного взаимодействия катакомбной и срубной культур» [57] и, возможно, являются основой для возникновения и распространения камерных могил в раннем железном веке [58].

В области грудной клетки погребенного была найдена небольшая бронзовая или медная бляшка (рис. 4, *4*) в форме сегмента сферы, с маленьким ушком-петелькой на обратной вогнутой стороне. Диаметр бляшки 1,9, высота 0,5 *см*.

Бляшки, подобные койсугской, встречаются на огромной территории и, будучи очень просты по форме и технике изготовления, распространены очень широко и во времени. Все же они отличаются от более крупных бляшек с петлей-перекладиной на обороте и частично вытесняются последними, насколько можно проследить на некоторых близлежащих территориях, уже в скифское время [59]. Маленькие бронзовые «полушаро-

---

[51] Историографию этого вопроса и его современное состояние см. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 186—207.

[52] *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, № 115, 1962, с. 83—85.

[53] *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья и Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.— СА, 1972, № 1, с. 74, 75.

[54] *Граков Б. Н.* Ук. соч., с. 96.

[55] *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения..., с. 73, 79.

[56] *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда, с. 62—64, рис. 13, *1*; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 27, 29, рис. 61, *2*.

[57] *Дворниченко В. В.* Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье.— Сб. докл. на IX и X Всес. археол. студенческих конференциях. М., 1968, с. 12, 14, 15. Ср. *Лесков А. М.* Ук. соч., с. 62.

[58] *Дворниченко В. В.* Ук. соч., с. 15; *Петренко В. Г.* Задачи и тематики конференции.— ПСА, с. 6. Эта гипотеза подтверждается раскопками последних лет на юге Украины: *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Бочкарев В. С., Балушкин А. М., Гребенников Ю. С., Клюшинцев В. Н., Ребедайло Г. П., Рычков Н. А.* Отчет о работе Ингульской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, № 1974/12; *Ковпаненко Г. Т., Анохин В. А., Гаврилюк Н. А., Сухова И. К.* Отчет о работе Южно-Бугской (Очаковской) экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, № 1974/11, с. 52, 53, табл. 59, *2—6*. Ср. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 93, 100.

[59] *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, с. 37, табл. III, *1, 2, 4*; *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Приднестровья.— МИА, № 64, 1958, с. 85, 87, 88, табл. 29, *3, 4*; *Либеров П. Д.* Памятники скиф-

видные бляхи с петелькой на обороте», часть из которых идентична койсугской, являются более архаичными и по мнению Н. Л. Членовой, видящей в них категорию предметов, характерных для культур «киммерийско-карасукского круга»[60]. Для нас наиболее существенны многочисленные северокавказские аналогии, датирующиеся большей частью VIII—VII вв. до н. э.[61] Верхняя дата погр. 9 ограничена датой погр. 3. Вполне возможно, что погр. 9 относится к VIII—VII вв. до н. э.

Из инвентаря погр. 3 датирующими являются лишь костяные изделия: а) найденная у пояса застежка в форме округлого в сечении стержня с выемкой посредине (длина 5,5, толщина 0,85 *см*, рис. 3, *2*); б) найденные у стоп два изделия с цилиндрическими стерженьками и полусферическими шляпками, длиной 1,1 и 1,65 *см*, вероятно, являющиеся заготовками застежек (рис. 3, *5*); в) 8 костяных застежек (?) с полусферической шляпкой на одном конце и коническим окончанием на другом, длиной 1,9—1,7 *см* (рис. 3, *5*); г) поделка в форме кольца, украшенная врезным зигзагом, внутри которого врезаны треугольники; один конец обломан, длина 1,8, диаметр 1,2—1,45 *см* (рис. 3, *3*).

Застежка, найденная у пояса погребенного, имеет многочисленные аналогии в памятниках скифского времени, костяные, бронзовые и каменные прототипы которых встречаются в различных культурах с конца эпохи бронзы[62]. Многие из застежек, обнаруженных в памятниках скифского времени, полностью сохраняют форму этих прототипов[63]. Койсугская застежка по своей форме относится к более позднему варианту, бытующему по IV в. до н. э.[64] Большинство ее точных аналогий встречено в памятниках Северного Причерноморья, датирующихся преимущественно VI в. до н. э. Нередко из тех же комплексов происходят и аналогичные койсугским грибовидные костяные застежки[65]. Последние поч-

ского времени на Среднем Дону. М., 1965, рис. 2, *68, 193*; *Лесков А. М.* Горный Крым в I тыс. до н. э. Киев, 1965, с. 62, 65, 96, рис. 21, 39; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. М., 1967, с. 39, табл. 27.

[60] *Членова Н. Л.* Выступление на симпозиуме «Проблема этногенеза древних и современных народов».— Тр. VII МКАЭН, т. V. М., 1970, с. 785; *ее же.* Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности.— В сб.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 328, табл. XLII, *9, 10, 20*; *ее же.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, с. 133, табл. 17, *27*; *44, 32*; 49, *6*; 63, *24—30*.

[61] *Козенкова В. И.* Исследование памятников раннего железного века у с. Сержень-Юрт.— КСИА АН СССР, № 112, 1967, с. 82, 84, 85, рис. 27, *10*; *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа.— АЭС, т. III, 1969, с. 133, 134, рис. 13, *16*; 14, *33*; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, рис. 14, *21*; 16, *7, 8*; 20, *13*; 40, *8, 9*; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— АЭС, т. IV, 1976, рис. 1, *8*; 2, *18, 19, 21*; 3, *10*; 5, *3, 14*; 6, *3, 12, 13*; 7, *4, 5*.

[62] *Членова Н. Л.* Памятники..., с. 328, табл. XLI, *36—40, 42—47*; XLII, *8, 19*; *Бунятов Т. А.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, с. 92, 93, табл. V, *6*; *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Йоне Г. И.* Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959, с. 110, 121, табл. XL, *1, 5*; *Кушнарева К. Х.* Ходжалинский могильник.— ИФЖ, № 3, с. 110—113, рис. 2, *3*; *Дэвлет М. А.* Памятники «скифского» времени в Северо-Восточной Туве. В сб.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 120, 124—126, рис. 8, *2*.

[63] *Грязнов М. П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, № 61, 1956, с. 9, 10, рис. 2, *2*. В кург. 1 у хутора Красное Знамя Александровского района Ставропольского края, видимо, датирующемся началом VI в. до н. э., вместе с каменными застежками «киммерийско-карасукского» вида найдены бронзовые и костяные изделия, тождественные публикуемой застежке. Благодарим В. Г. Петренко за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок.

[64] *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана.— В сб.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, с. 55. Экспозиция Азовского краеведческого музея.

[65] *Граков Б. Н.* Ук. соч., с. 95, 100, 109, рис. 8, *4*; *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968, с. 56, 70, 71, 149—150, табл. 48, *19, 25—27*; 52, *21*; *ее же.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин, табл. IX, *4*; XII, *4, 14*; XXXIV, *7—17*; *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-Горе.—

ти не известны ни в доскифское время [66], ни за пределами украинской лесостепи и степи [67]. Часть комплексов с похожими поделками, а именно погребение на Темир-Горе и некоторые захоронения лесостепной полосы, датируются второй половиной или серединой VII в. до н. э.[68] Несмотря на такую почти общепринятую их датировку, в данной хронологической схеме есть уязвимые места, что не могло не найти отражения в литературе [69].

Все это дает нам определенную возможность отнести погр. 3 ко времени около VI в. до н. э. В силу сказанного выше этой дате вряд ли противоречат аналогии костяной орнаментированной поделке [70].

Что касается архаического обряда скорченного положения скелета (рис. 3, *1*), то неоднократно отмечались факты соблюдения этого ритуала в скифо-савроматскую эпоху [71].

В погребении, исследованном у хут. Усть-Койсуг, был обнаружен сосуд, который имел (рис. 2, *2*) округлое биконическое тулово, довольно высокую, расширяющуюся кверху шейку, плоское дно. Поверхность серая, лощеная. Обжиг хороший, тесто в изломе черное. Сосуд близок лощеным сосудам из савроматского погр. 7 в кург. 4 группы II под Элистой и погр. 1 в кург. 8 Калиновского могильника [72], датируемым VI—V вв. до н. э. по северокавказским аналогиям [73]. На Нижнем Дону имеется лишь один сосуд с подобным профилем, но отличающийся по другим признакам и происходящий из несколько более позднего погребения [74]. Слабая скорченность погребенных, отмеченная в усть-койсугском захоронении, встречается здесь, как показали раскопки Койсугского могильника, вплоть до IV в. до н. э.[75]

СА, 1972, № 3, с. 262, рис. 1, *1, 2*; *Іллінська В. А.* Курган Старша Могила — памятка архаїчної Скифії.— Археологія, V, 1951, с. 197, 199, табл. II, *1*.

[66] *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 14, 47, рис. 8, *1, 2*. Автор сближает погребение на Кировском поселении и само поселение во времени. В пользу этого говорит, по его мнению, сосуд из погребения, но форма его, кажется, недостаточно выразительна. Факты обнаружения могил скифского времени на более ранних поселениях известны.

[67] На Северном Кавказе, например, см.: *Егоров Н. М.* Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды.— КСИИМК, № 58, 1955, с. 53, 55, 62, рис. 17, *16*; *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья.— СА, 1974, № 2, с. 197, 198, 201—203, рис. 2, *4, 15*; 3, *26*.

[68] *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-Горе, с. 261, 265; *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., с. 62, 63. Курган у с. Дарьевки датируется концом VII — рубежом VII—VI вв. до н. э.

[69] *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., ср. с. 7, 10, 71, 163—178; *Артамонов М. И.* Происхождение скифского искусства.— СА, 1968, № 4, с. 42, 43; *его же.* Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л., 1974, с. 43, 44, 46—55.

[70] *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., табл. VI, *10, 11*. В настоящее время большинство исследователей датируют кург. 2 у с. Жаботин концом VII или рубежом VII—VI вв. до н. э. (там же, с. 61, 62); *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля.— СА, 1965, № 1, с. 88, 102, рис. 13, *3*; *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин.— СА, 1973, № 4, с. 176, рис. 4, *8*; с. 186. Относительно датировки см.: *Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 43, 44, 50; *Абрамова М. П.* Ук. соч., с. 197, 198, 202, 203, рис. 2, *3*; 3, *27*.

[71] *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года.— Тр. XIII АС, т. I. М., 1907, с. 239, 240, 329, 347, 348; *Смирнов А. П.* Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935, с. 24—26; *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел. Иноватка и Политотдельское..., с. 314; *его же.* Быковские курганы, с. 246, 247; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник, с. 418, 420; *Турчанинов Г. Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 43—65.

[72] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 352, рис. 60, *11, 12*.

[73] Там же, с. 109, 110; *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период.— СА, XIV, 1950, с. 27, 38, 43, рис. 5, *1*; 13; 16, *1*.

[74] *Братченко С. Н.* Отчет об исследованиях Ливенцовской археологической экспедиции в 1964 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2986, с. 19—20, № 2986а, табл. 16, *6—8*. Ливенцовский IV могильник на западной окраине Ростова-на-Дону, погр. 10 (ок. IV в. до н. э.).

[75] *Горбенко А. А., Кореняко В. А.* Ук. соч., с. 50.

Публикуемые погребения, на наш взгляд, представляют собой интересное дополнение к той информации, на основе которой могут быть реконструированы процессы в жизни степного населения, происходившие в конце эпохи бронзы и начале железного века.

V. A. Koréniako, V. E. Maximenko

LES SEPULTURES DU DEBUT DE L'AGE DU FER DANS LE BASSIN DU DON INFERIEUR

Résumé

On étudie dans cet article six tombes, dégagées principalement dans des kourganes qui se trouvent dans le bassin du Don inférieur. Deux sépultures ont été trouvées dans le sud de la région de Rostov, à l'intérieur de kourganes situés le long des rivières Manytch et Egorlyk. Les squelettes gisaient en position légèrement fléchie. Dans l'une des tombes on a recueilli un couteau de bronze; dans l'autre, un vase lustré à décor (fig. 2). On peut dater approximativement ces inhumations du VIIIe s. av. n. è. Trois autres tombes ont été étudiées dans le kourgane 5 du champ funéraire de la rivière Koïsoug. La tombe 10 (fig. 3, 1, 2), dans laquelle il a été trouvé des fragments de vase à décor, remonte environ au VIIIe s. av. n. è. La tombe 9 (fig. 3, 3, 4), pratiquée dans une catacombe, au VIIIe ou VIIe s. av. n. è., contenait une plaquette de bronze. La tombe 3 (fig 4), d'après toute une collection d'os gravés, peut être attribuée au VIe s. av. n. è. La tombe fouillée près du hameau de Oust-Koïsoug, dans la partie sud du delta du Don, est datée par un vase lustré (fig. 5) du VIe ou Ve s. av. n. è.

А. И. ПУЗИКОВА

ГОРОДИЩЕ МАРИЦА — ПАМЯТНИК ЛЕСОСТЕПНЫХ КУЛЬТУР СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОСЕЙМЬЕ

(по итогам работ 1973—1974 гг.)

Несколько лет подряд ведет изучение древних памятников на территории области Курская экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Курским областным краеведческим музеем и Курским педагогическим институтом. Два последних полевых сезона экспедиция исследовала городище у с. Марицы Льговского р-на.

Городище было открыто краеведом из г. Льгова О. Н. Андреевым, впоследствии в 1955 г. обследовано экспедицией под руководством А. Е. Алиховой с участием Ю. А. Липкинга [1], тогда же был снят схематический план и произведены небольшие разведывательные раскопки, результаты которых были опубликованы в одном из выпусков «Материалов и исследований по археологии СССР» [2].

Разведочный отряд под руководством автора статьи еще раз осматривал городище и произвел шурфовку на нем в мае 1972 г., после чего решено было начать его широкие исследования. Памятник был удобен и интересен для раскопок по нескольким причинам: из-за большой насыщенности культурного слоя находками, его однослойности, хорошей сохранности площадки городища, отсутствия на ней леса и пахоты.

Городище расположено на одном из отрогов коренного берега, с запада и востока ограниченного глубокими оврагами, которые на юге сливаются в один и широкой ложбиной спускаются к р. Прутище, правому притоку Сейма. На расстоянии 200 *м* от памятника ложбина перекрыта железнодорожной насыпью (дорога Льгов — Дмитров). Длина самого мыса с юга была уменьшена при помощи искусственно вырытой перемычки, землю из которой использовали для сооружения вала в этой части городища. С севера, с наиболее уязвимой стороны, городище ограничено высоким валом и глубоким рвом. Современная высота вала от подошвы рва равна 6,5 *м*. Перемычка, где расположен вал,— самое узкое место площадки; ширина ее здесь равна 25—30 *м*. Ширина городищенского плато в середине площадки равна 65 *м*, общая длина — 100 *м* (рис. 1). Площадка городища имеет пологий уклон с севера на юг — в сторону поймы реки. Уровень падения поверхности на расстоянии 100 *м* равен 5,25 *м*.

На городище за 1973—1974 гг. было заложено три раскопа общей площадью около 2000 $м^2$ (рис. 1). В настоящий момент исследована в основном восточная часть городища, раскопки его западной части — задача работ следующих лет.

---

[1] *Липкинг Ю. А.* Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье.— МИА, 1962, № 113, с. 139.

[2] *Алихова А. Е.* Древние городища Курского Посеймья.— МИА, 1962, № 113, с. 121.

Мощность культурного слоя на основной площади городища была невелика и равнялась 0,30—0,40 *м*. В некоторых местах, особенно ближе к центральной части плато, она равнялась 0,20—0,25 *м*, т. е. фактически толщине дерна. Мощность слоя несколько увеличивалась и доходила до 3—4 штыков (0,60—0,80 *м*) на местах заполнения фундаментов построек, а также на южном, восточном и западном склонах площадки, где работами были частично охвачены производственные комплексы (обжигательные очаги) или оборонительные сооружения.

В 1974 г. часть раскопа в виде траншеи шириной в 2 *м* дала возможность проследить устройство внутреннего вала в южной части горо-

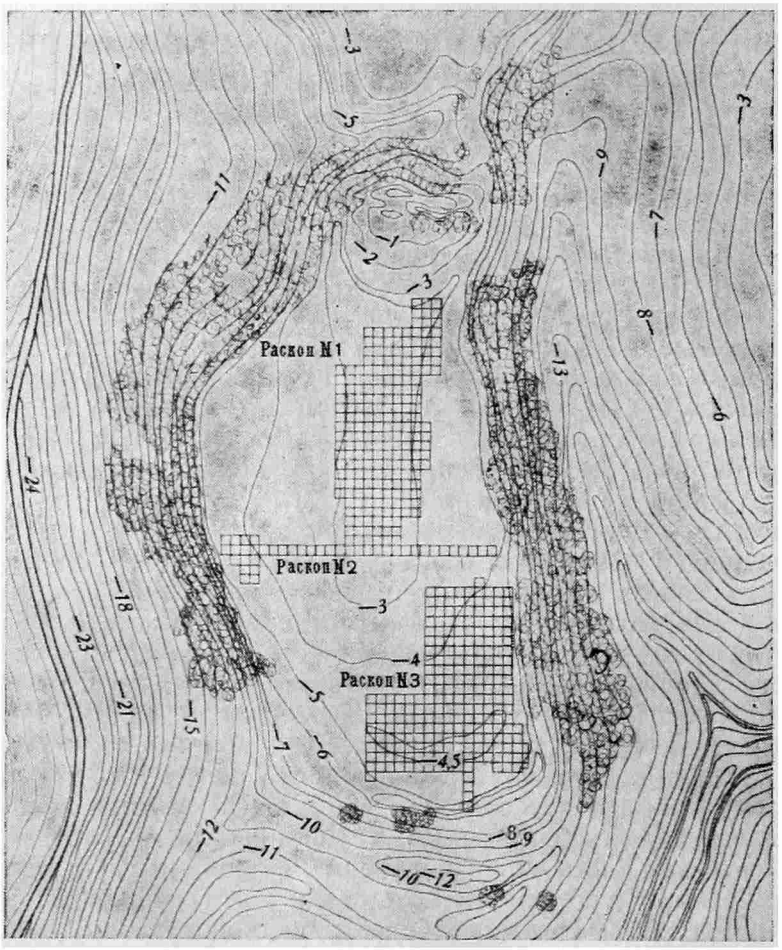


Рис. 1. План городища Марица

дища [3]. Основу вала составлял слой интенсивно жженой (до кирпичного состояния) земли мощностью 0,60—0,80 *м*. Длина этого слоя составляла около 4 *м*. Сверху линза прокаленного грунта перекрывалась черноземом с примесью золы, кусков жженой глины, угольков.

Наличие в разрезе вала прослоек угля, золы, кусков обугленных бревен ясеня [4] говорит о том, что составной частью конструкции вала были какие-то сооружения из дерева. Скорее всего они имели вид деревянной стены или частокола, проходившего по вершине гребня вала. Кроме того,

[3] Укрепления на южном конце городища состоят из двух валов и рва между ними, причем один из валов расположен на склоне городищенского мыса. Исследование укреплений в северной части городища, а также внешнего вала и рва в южной произведено в раскопочные сезоны 1975—1976 гг.

[4] Определение пород дерева произведено канд. географ. наук Г. Н. Лисицыной.

с внутренней стороны перед валом была прослежена канавка (шириной 0,40 *м*, глубиной 0,80 *м*) от фундамента еще одной деревянной стены, предотвращавшей, видимо, осыпи с укреплений внутрь городища [5].

На территории городища за два года работ были вскрыты и исследованы остатки 14 жилищ. Все они представляют собой наземные постройки с фундаментами, углубленными в материковый суглинок на 0,20—0,40 *м*. Стены таких домов имели плетневый каркас, сверху обмазанный глиной и обожженный. Куски глиняной обмазки с отпечатавшимися на них прутьями — наиболее частая находка при раскопках после керамики. Кроме находок в слое в 1974 г. были обнаружены две ямы, сплошь забитые кусками обмазки. Размеры жилищ невелики — от 10 до 18 $м^2$.

Отапливались дома открытыми очагами, располагавшимися чаще всего в центре помещений. В каждом жилище сохранились их остатки в виде площадок глины толщиной 0,35—0,40 *м*, прокаленных до кирпичного состояния и сверху обмазанных слоем огнестойкой глины белого цвета. Под некоторых очагов был вымощен мелкими камнями, также прокаленными и потрескавшимися от жары. Чаще же для разведения огня выкапывались неглубокие ямки в полу, которые затем обмазывались глиной. В некоторых жилищах было обнаружено по два очага (жилища 2—1973 г. раскопок; 6—1974 г.) и околоочажные ямы для выбрасывания мусора (жилища 4, 5, 6—1973 г.). Благодаря широким сплошным площадям раскопов удалось проследить планировку поселка в этой части городища. Постройки располагались на высокой части плато, ближе к его восточному краю, и следовали цепочкой друг за другом в направлении с севера на юг. Расстояние между ними иногда равнялось 1 *м* и менее, что объясняется, видимо, недолговечностью существования таких жилищ и необходимостью их частых перестроек.

Приведем описание нескольких наиболее выразительных построек, обнаруженных в 1973 и 1974 гг.

Жилище 1 (раскопки 1973 г.) — неправильно ромбической формы, слегка удлиненной по линии север — юг (рис. 2, *I*). Площадь его равна около 17 $м^2$ (3,80×4,40 *м*). В материк углублено на 0,20 *м* в центре и на 0,15—0,17 *м* по краям. Заполнение — чернозем с небольшой примесью золы вокруг очага. Очаг располагался в самом центре жилища. Форма его овальная, вытянутая по линии восток — запад; размеры 1,60×0,70 *м*. Очаг представлял собой слой прокаленной добела земли, углубленной в материк и возвышавшейся над ним на 0,15—0,20 *м*. Общая мощность очажного слоя равнялась 0,35 *м*. При выборке заполнения жилища были обнаружены обычные находки: обломки керамики, кости животных, мелкие камни, куски обмазки с отпечатками прутьев. Из индивидуальных находок в пределах жилища был обнаружен развал лепного горшка, часть которого удалось склеить, и два пряслица.

Жилище 2 (раскопки 1973 г.) располагалось на 0,50 *м* юго-западнее первого. Такая близость расположения объясняется, видимо, разновременностью их существования. Форма котлована неправильно прямоугольная с небольшим выступом в северо-восточной части (рис. 2, *II*). Площадь его около 10 $м^2$. Фундамент углублен в материк на 0,20 *м*. Пол жилища ровный. Заполнение различно: в северной части пристройки — чистый чернозем; в южной, особенно вокруг очага,— с большой примесью золы, кусочков жженой земли, мелких угольков. Очаг неправильно-овальной формы располагался ближе к южной стенке жилища. Площадь его равнялась 0,90×0,60 $м^2$, мощность очажного слоя — 0,30 *м*; в материк прокаленный слой углублялся на 0,20 *м*. При выборке заполнения кроме обычных находок (керамики, костей животных, кусков обмазки) в пределах жилища были обнаружены две зернотерки (целая и в обломках),

[5] Такие же канавки от стен обнаружены нами и на других синхронных памятниках Посеймья — городищах у деревень Нартово и Переверзево I.

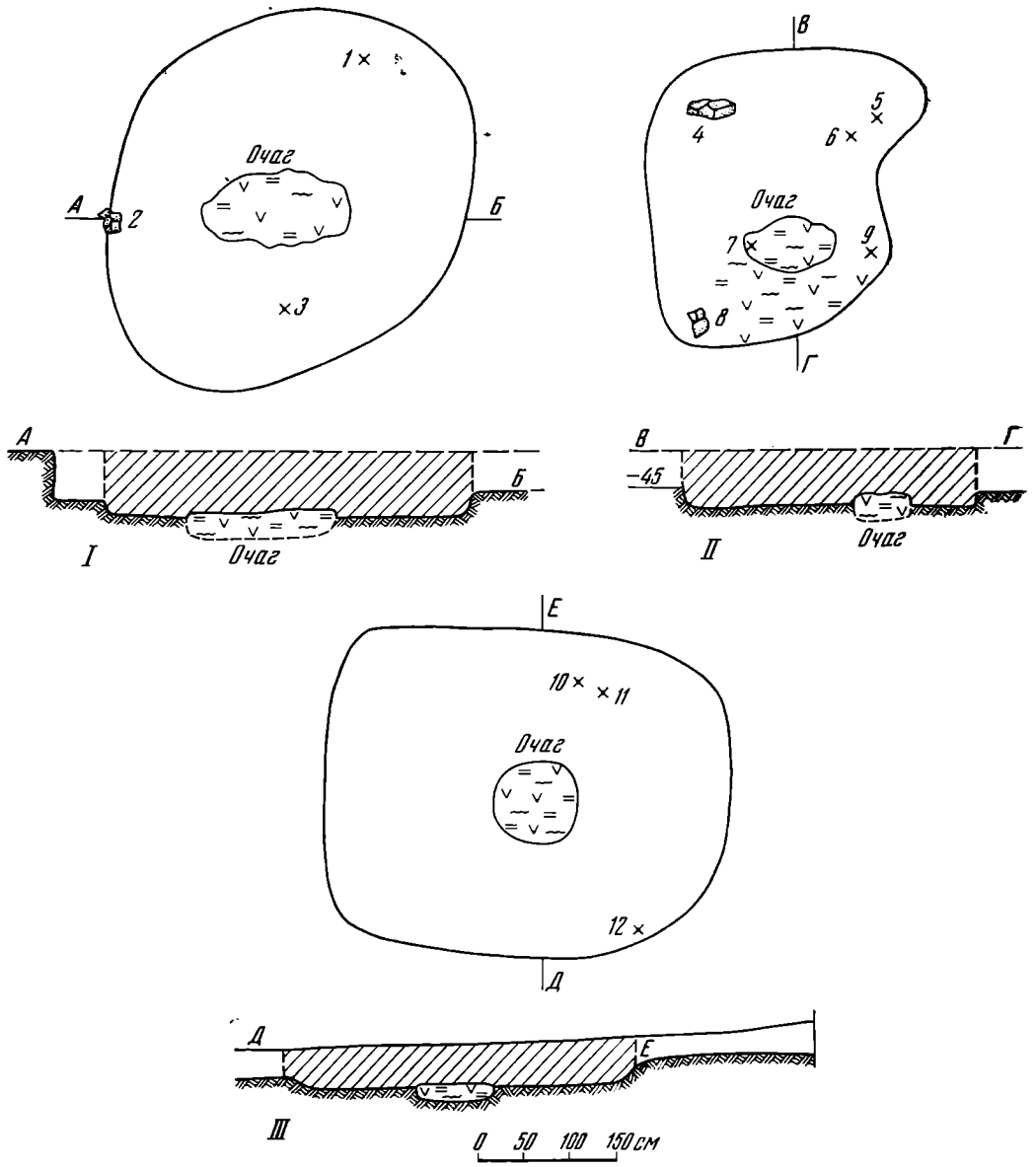


Рис. 2. Планы и разрезы жилищ. I — жилище 1; II — жилище 2; III — жилище 3. *1*, *3* — глиняные пряслица; *2* — развал горшка; *4*, *8* — зернотерки; *5* — бронзовый наконечник стрелы; *6*, *9*, *12* — пряслица; *7* — костяная бляшка; *10* — бронзовая булавка; *11* — тесло

два глиняных пряслица, бронзовый наконечник стрелы, а при разборке очага — круглая костяная бляха с четырьмя обломанными штырями на обороте, которые обычно употреблялись в конской уздечке для укрепления ременных узлов и перекрестий [6].

Жилище 3 (раскопки 1974 г.). Пятно черноземного заполнения котлована зачищено на глубине 0,30—0,35 *м* от поверхности. Форма — неправильно прямоугольная, ориентированная длинными сторонами по линии запад — восток; площадь его равна 16—20 *м*^{2}. Котлован помещения слабо углублялся от краев к центру. Глубина его в центральной части равнялась 0,55—0,60 *м* от поверхности. Очаг размерами 0,95×0,90 *м* располагался в самом центре жилища. Прокаленный слой мощностью 0,20—

[6] *Ильинская В. А.* Скифская узда VI в. до н. э. (на украинском языке). Археология, 1961, XIII, с. 38, рис. 1, *4*.

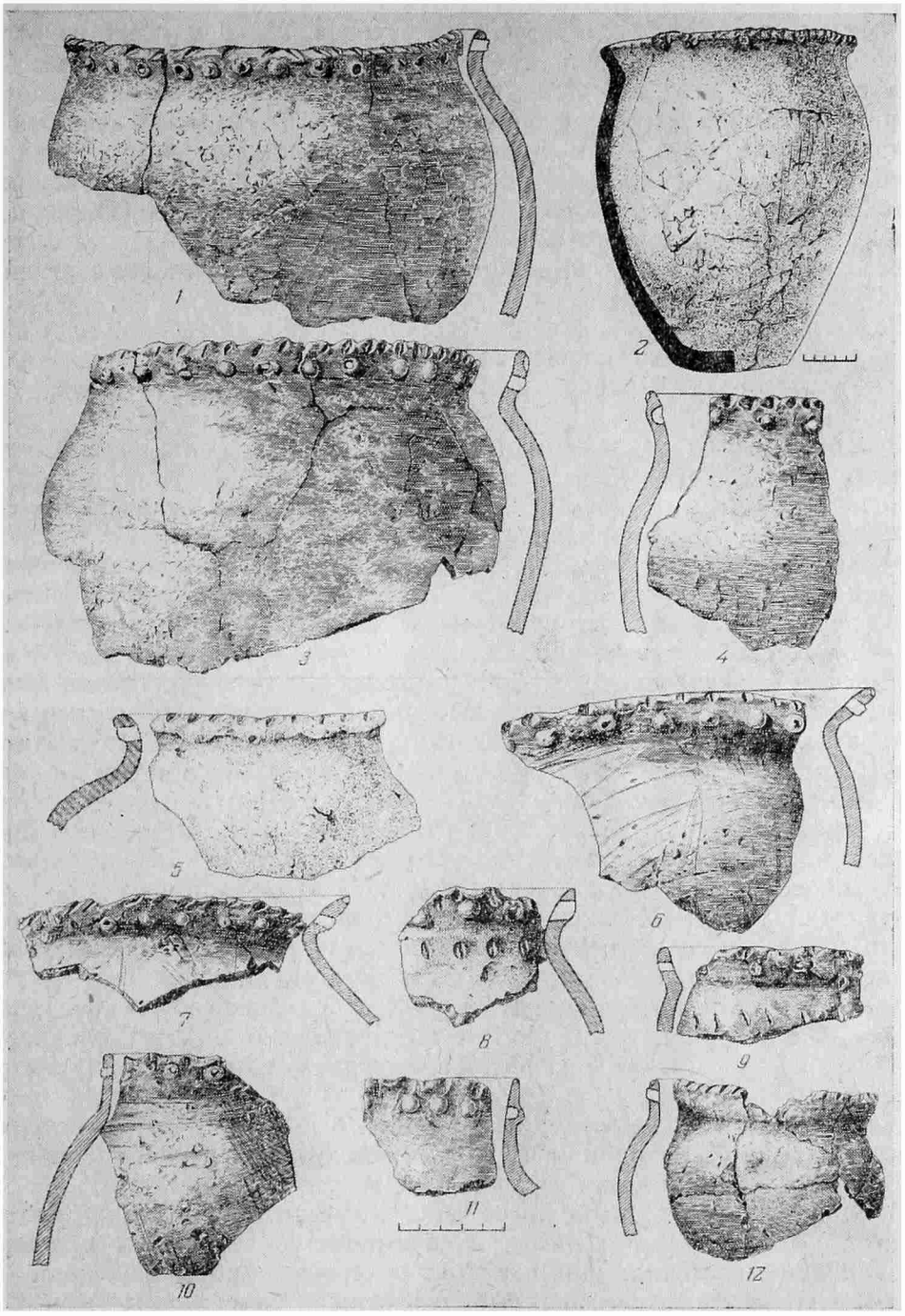


Рис. 3. Керамика с городища Марица. *1—5* — горшки I типа; *6—9* — горшки II типа; *10—12* — горшки III типа

0,25 *м* был целиком углублен в материк (рис. 2, *III*). В заполнении жилища и в непосредственной близости от него было обнаружено несколько индивидуальных находок: четыре глиняных пряслица, каменный терочник, бронзовая гвоздевидная булавка, железное тесло с заплечиками. Вокруг каждого жилища и между ними, как правило, находилось несколько открытых очагов и ям, расположенных вне построек, но входивших в один хозяйственный комплекс с ними. Всего за два года работ было исследовано 9 очагов и 30 ям.

Ямы различного назначения отличались друг от друга формой, глубиной, качеством обработки стенок. Большая часть их использовалась

для ссыпания мусора, хозяйственных отходов, золы и углей из очагов. Такие ямы могли сужаться или расширяться ко дну; стенки их были обработаны довольно небрежно, они были неглубоки и невелики по своим размерам (диаметр и глубина до 1 *м*). Ямы, предназначенные для хранения зерна, имели, как правило, колоколовидную форму: узкая горловина их при помощи подбоев расширялась ко дну в виде колокола. Глубина некоторых зерновых ям доходила до 2 *м* и более. Стенки и дно зерновых ям были хорошо обработаны, некоторые носили следы специального обжига. В одной из зерновых ям были обнаружены обугленные зерна ячменя и пшеницы [7].

Содержание культурного слоя. Насыщенность культурного слоя на городище довольно значительная: за время работ был собран многочисленный и разнообразный набор предметов обихода из глины, железа, бронзы, кости, камня.

Основную массу находок, как и всюду на поселениях, составляет керамика.

Фрагменты посуды встречаются на всей глубине культурного слоя, однако наибольшей насыщенностью отличались 2—3 штыки (глубина 0,40—0,60 *м* от поверхности). Иногда в слое отмечались интенсивные скопления керамики, из которых впоследствии удалось восстановить более десятка целых экземпляров (рис. 3, *2*). Вся местная посуда — лепная, изготовлена от руки техникой ленточного налепа.

Для большей вязкости в качестве примесей в тесто добавляли довольно крупный шамот и мелко дробленый пирит. Изредка встречаются включения в виде кусочков железистых конкреций. Куски шамота достигают часто размеров горошины или фасолины, при заглаживании и формовке сосудов от таких кусков получались глубокие ямки и бороздки, отчего поверхность сосудов приобретала грубую фактуру. Обжиг сосудов производился на открытых очагах, для устройства которых был использован западный склон площадки городища. В 1973 г. на глубине 0,80—1 *м* от поверхности там исследован очаг, пространство вокруг которого было усеяно скоплениями керамических шлаков, а фрагменты керамики, обнаруженные в этом месте, были покрыты кусками шлака, прикипевшими к ним. Вследствие неравномерного кострового обжига на поверхности сосудов как снаружи, так и внутри часто отмечаются темные и черные пятна, а в изломе многие фрагменты имеют двух- или трехслойную структуру.

На днищах многих сосудов встречаются отпечатки зерен проса, реже ячменя; единичны находки днищ с отпечатками колец распиленного поперек ствола дерева и листа дерева (дуба?).

В орнаментации сосудов преобладают защипы пальца или ногтевые лунки по самому краю венчика в сочетании со сквозными проколами или наколами снаружи, или изнутри, отчего на противоположной стороне сосудов получаются выпуклые горошины — жемчужины (рис. 3, *2—7, 10, 11*; рис. 4, *2—4, 7, 8*). Реже край украшали косыми или прямыми насечками в сочетании с теми же проколами-наколами (рис. 3, *1, 12*; рис. 4, *1, 6*). На некоторых фрагментах ногтевые защипы украшали и шейку сосудов (рис. 3, *8, 9*). Гораздо реже встречается тычковый орнамент, нанесенный концом или углом палочки. Тычковый узор располагается на шейке сосудов, а по краю венчика проходят, как правило, защипы ногтя или насечки (рис. 4, *5*). Иногда тычки на шейке расположены в несколько рядов, иногда скомпонованы в треугольные фестоны. Тычковый орнамент, как правило, сочетается с керамикой юхновской культуры.

По специфике использования всю посуду можно разделить на две категории: кухонную и столовую.

---

[7] Определение злаков произведено Н. А. Кирьяновой.

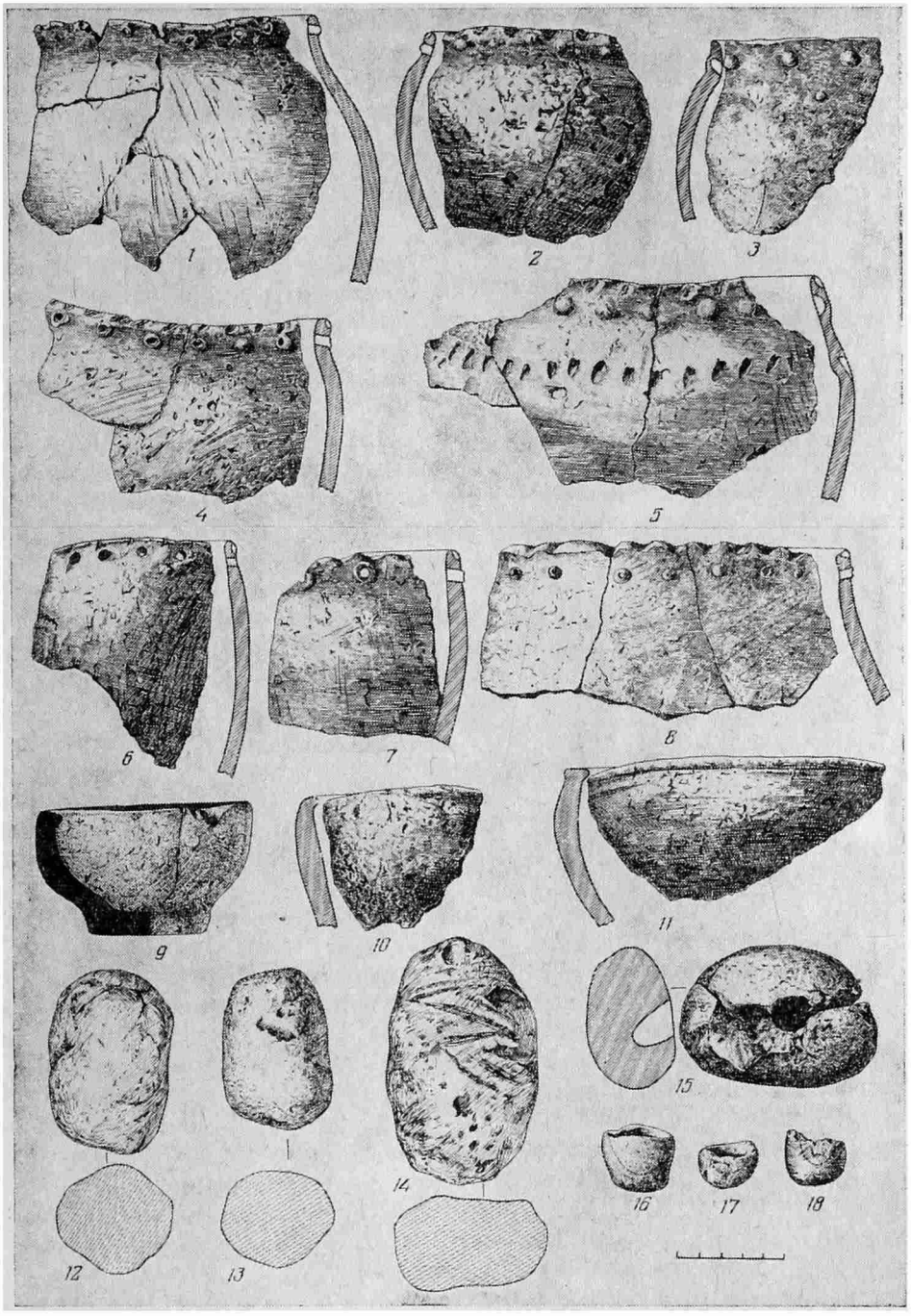


Рис. 4. Керамика и глиняные изделия с городища Марица. *1–4* – горшки IV типа; *5—7* — горшки V типа; *8* — горшок VI типа; *9—11* — миски; *12—15* — блоки глиняные; *16—18* — миниатюрные сосудики

Кухонная посуда представлена горшками, которые можно подразделить на несколько типов по степени и форме изогнутости венчиков.

Тип I — венчик сосуда равномерно и плавно отогнут наружу; наибольшее расширение тулова приходится на середину или верхнюю треть сосуда. Сосуды I типа представлены как целыми экземплярами (рис. 3, *2*), так и многочисленными фрагментами (рис. 3, *3—5*). Размеры сосудов различны: от небольших горшочков высотой и диаметром венчика 9—10 *см* до больших корчаг высотой 28—35 *см*. В качестве примера можно привести сосуд, изображенный на рис. 3, *2*. Горшок реставриро-

ван из обломков, собранных в одном из скоплений керамики. Орнаментирован по краю защипами и сквозными проколами. Тесто грубое, с крупным шамотом. Поверхность желто-серого цвета с бороздками, получившимися при заглаживании поверхности от выпавших кусков шамота. Диаметр венчика 24—24,5 *см*, дна 11 *см*, высота 32 *см*. В целом пропорции сосуда вытянутые. Внутри одного из горшков, от которого удалось склеить большую часть венчика, на месте перехода от шейки к тулову наблюдался резкий перегиб — упор для крышки (рис. 3, *3*). Вариантом I типа является фрагмент венчика, у которого сразу от шейки начинается крутое расширение тулова (рис. 3, *5*). Этот признак сближает его с керамикой более поздней роменской (раннеславянской) культуры.

Тип II — венчики сосудов поставлены по отношению к тулову под тупым углом, отчего верхняя часть сосуда расширяется в виде раструба (рис. 3, *6—9*). Сосуды II типа представлены только фрагментами. Диаметры их венчиков от 13 до 26—28 *см*. Примеси и орнаментация те же, что и у керамики I типа. Следует отметить, что один из фрагментов II типа имел на внутренней стороне упор для крышки (рис. 3, *9*).

Тип III — венчик поставлен вертикально по отношению к тулову (рис. 3, *10—12*). Судя по большим диаметрам венчиков большинства сосудов III типа (от 20 до 28 *см*), это были крупные сосуды типа корчаг. К этому типу посуды относятся и фрагменты несомненно юхновской керамики. Они отличаются как орнаментацией (тычками, сделанными палочкой), так и глиной хорошего качества, тонкостенностью, прекрасно обработанной поверхностью.

Тип IV — сосуды с небольшим венчиком (до 1 *см* высотой), от которого сразу же начинается расширение тулова (рис. 4, *1—4*). Шейки у сосудов IV типа почти совсем не выражены. Представлен IV тип сосудов только фрагментами венчиков, диаметры которых от 10 до 25 *см*. Орнаментация, примеси, фактура поверхности те же, что и у предыдущих типов.

Тип V — сосуды баночной формы, без выраженного венчика (рис. 4, *5—7*). Пятый тип представлен несколькими целыми экземплярами небольших размеров; однако преобладают фрагменты венчиков. Диаметры их от 13 до 20 *см*. Орнаменты — защипы и косые насечки по краю венчика в сочетании с проколами-наколами по шейке. Несколько отличается своими размерами и нарядной орнаментацией часть горшка, обнаруженная в засыпке одной из ям. Сосуд украшен тремя рядами орнамента, расположенными один ниже другого: защипами ногтя по краю, наколами изнутри и тычками палочкой снаружи — на шейке сосуда (рис. 4, *5*).

Тип VI — сосуд с сужающимся кверху венчиком; представлен одним фрагментом (рис. 4, *8*). Диаметр венчика 20 *см*; орнаментирован защипами и проколами; в тесте примеси шамота и блесток пирита. На поверхности — полосы-расчесы от заглаживания.

Таковы основные типы керамики, которые пока удалось выделить среди кухонной посуды. В заключение необходимо отметить, что по орнаментации и большинству форм керамика городища Марица близка посуде синхронных культур, распространенных на широких территориях лесостепи: левобережного Днепра [8], Среднего Дона [9], Северского Донца [10]. Однако близость, а может быть, и общность территории с юхновскими племенами, несомненно, наложила свой отпечаток и на керамику. Особенно это касается типов IV и V: по форме сосуды скорее юхновские, однако орнамент (защипы, насечки и проколы-наколы), а также очень

---

[8] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, табл. XLVIII, *47, 48*; LVIII, *1—5*; табл. LXI, *1—11* и т. д.

[9] *Пузикова А. И.* Поселения Среднего Дона.— МИА, 1969, № 151, рис. 7, *1—13*; рис. 8, *1—17*; рис. 9, *1—10* и т. д.

[10] *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, с. 181, рис. 69, *1—6*; рис. 77, *1, 2*; рис. 83, *1—5, 9, 10*.

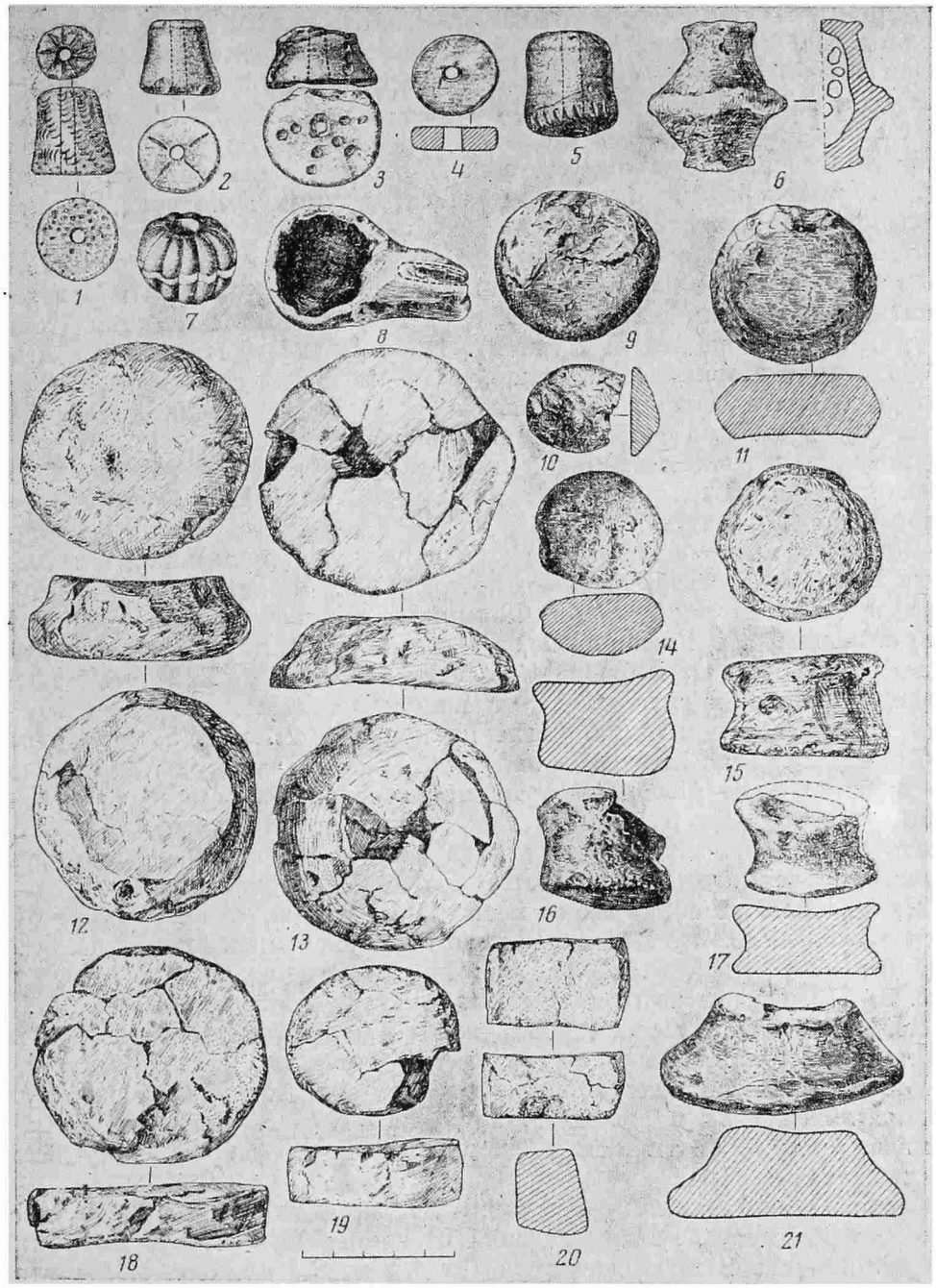


Рис. 5. Изделия из глины, стекла и мергеля с городища Марица. *1–5* – пряслица; *6* — погремушка; *7* — бусина пастовая; *8* — льячка; *9* — шарик глиняный; *10—14* — лепешки глиняные, *15—17* — катушковидные изделия из глины; *18—20* — изделия из мергеля; *21* — изделие конусовидное из глины

грубая фактура поверхности сближают их с керамикой основного слоя городища.

Столовая посуда представлена одной категорией — мисками, среди которых по форме венчика можно выделить два варианта.

Вариант I — миска с плоско срезанным краем, расплющенным сверху наружу и внутрь сосуда (рис. 4, *11*). Диаметр ее равен 23 *см*; поверхность снаружи слегка заглажена, на внешней стороне под краем — две углубленные бороздки. В тесте примесь шамота, мелкого песка и блесток пирита.

Вариант II — миски с широким, плоско срезанным сверху краем, слегка загнутым внутрь (рис. 4, *9, 10*). Диаметры венчиков 10 и 18 *см*. Целая мисочка (рис. 4, *9*) изготовлена из плотной глины с примесью шамота и блесток пирита. Поверхность — серая с желтыми пятнами, заглаженная; на дне — отпечатки зерен проса.

В заключение отметим, что миски были самым распространенным после горшков видом посуды во всех синхронных культурах, начиная с эпохи поздней бронзы [11].

Кроме крупных сосудов при раскопках поселений и городищ Посеймья особенно много встречается миниатюрных сосудиков. На некоторых памятниках их количество исчислялось несколькими десятками (городище у дер. Нартово на р. Курице). Не составляет исключения в этом отношении и Марицкое городище, хотя их количество здесь не столь велико. Обычно хорошо сохраняются от сосудиков лишь донца, целых экземпляров собрано более десяти. Формы их разнообразны: это горшочки, мисочки, вазочки, плошечки и т. д. (рис. 4, *16—18*). Значение этих находок важно потому, что они дают представление о формах посуды, бытовавшей на городище.

Довольно многочисленную и разнообразную группу находок составляют изделия из глины. Первое место из них по количеству занимают пряслица. Целых найдено 73. Формы их весьма различны: конусовидные, биконические, шаровидные, в виде катушки, цилиндрические, в виде плоского кружка, шаровидно-уплощенные и т. д. Некоторые из них имеют орнамент: в виде креста на широком нижнем конце (рис. 5, *2*); ряда ногтевых защипов на одном из концов (см. рис. 5, *5*); крупных круглых наколов на плоской и округлой поверхностях (рис. 5, *3*). Наиболее нарядно было украшено пряслице, изображенное на рис. 5, *1*. Его орнамент состоял из горизонтальных и вертикальных рядов ногтевых защипов по всей поверхности; вокруг верхнего отверстия — девять лучей, а нижняя поверхность была украшена точечными наколами.

При раскопках обнаружено несколько изделий, назначение которых трудноопределимо. Это поделки в виде невысокого цилиндра (рис. 5, *16*); широких катушек (рис. 5, *15, 17*); низкого, сверху усеченного конуса (рис. 5, *21*). Скорее всего они могли служить какими-то грузилами.

Целая глиняная льячка, обнаруженная на городище, была обычной формы: глиняный черпачок со сливом и втулкой для рукояти (рис. 5, *8*).

Довольно частой находкой являются детские глиняные погремушки. Обычно находят их в обломках, а в сезон 1974 г. был обнаружен целый экземпляр, относящийся к бочонковидному (с ребром) типу данных изделий (рис. 5, *6*) [12].

С отправлением каких-то солярных и земледельческих культов следует связать другую группу изделий из глины. К ним относятся глиняные шарики различных диаметров (от 1,5 до 5,5 *см*, рис. 5, *9*); глиняные лепешки разнообразных форм и диаметров (от 3—4 до 7,5—8 *см*, рис. 5, *10—14*), обломки рогатых кирпичей [13], изготовленных из рыхлой

---

[11] *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III в. до н. э. САИ Д1-4, М., 1967, рис. 6, *21–24*; рис. 9, *1–12*; *Ильинская В. А.* Ук. соч., табл. LIX, *4—10*; *Пузикова А. И.* Ук. соч., рис. 10, *1—13, 15—19*; *Шрамко Б. А.* Ук. соч., с. 181, рис. 69, *13—16*.

[12] *Розенфельдт И. Г.* Керамические погремушки. Сб.: «Древние славяне и их соседи». М., 1970, с. 58, рис. 1, *11—29*.

[13] О назначении так называемых рогатых кирпичей существует масса гипотез, ни одна из которых не доказана. Данному виду изделий посвящена обширная библиография. Большинство авторов в настоящее время склоняются к мнению об их ритуальном назначении. См. *Schuchhardt G.* Alt-Europa. Berlin, 1926, S. 52, Abb. 18, *a—b*. *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, № 64, 1958, с. 230, рис. 49; с. 231—233; *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 1934, № 85, с. 14, 15, табл. IV, *12, 13*; *Воеводский М. В.* Городища Верхней Десны.—КСИИМК, 1949, XXIV, с. 71, рис. 3, 5, с. 73; *Шульц П. Н.* Тавро-Скифская

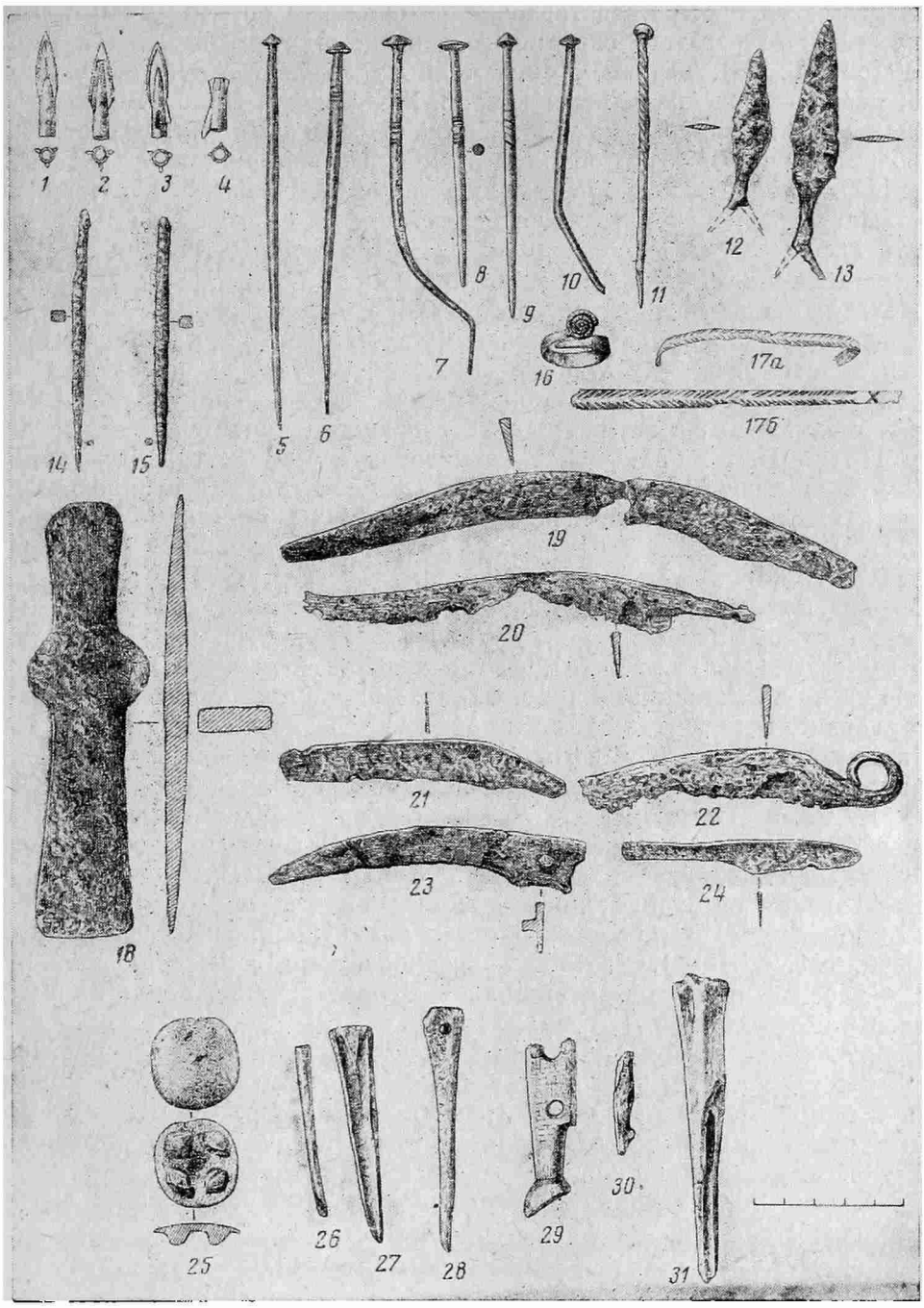


Рис. 6. Бронзовые, железные и костяные изделия с городища Марица. *1—4, 12, 13* — наконечники стрел; *5—11* — булавки; *14, 15* — шилья; *16* — перстень; *17а, 6* — браслет; *18* — тесло с заплечиками; *19* — серп; *20—24* — ножи; *25* — бляшка; *26—28, 31* — проколки; *29* — обломок псалия в зверином стиле; *30* — гарпунчик. *1—10, 16, 17* — бронза; *11—15, 18—24* — железо; *25—31* — кость

глины с примесью в тесте соломы и травяной трухи и, видимо, многочисленные глиняные блоки яйцевидной формы. Одни из них сделаны из глины хорошего качества, поверхность их довольно ровная, заглаженная (рис. 4, *12, 13*). Другие изготовлены из грубо промешанной рыхлой глины с большой примесью соломы и половы в тесте, отчего после обжига на поверхности изделия остались многочисленные ямки и бороздки (рис. 4, *14*). Некоторые блоки имеют пальцевые вдавления на поверхности (рис. 4, *15*).

Изделия из кости представлены несколькими обработанными рогами оленя, мелкого рогатого скота; заготовкой для рукояти ножа и гарпунчика (рис. 6, *30*), изделием типа челнока, сделанного из ребра животного; несколькими проколками (рис. 6, *26—28, 31*). Наиболее интересными находками являются круглая бляха с остатками четырех столбиков на обороте (рис. 6, *25*) и обломок псалия в зверином стиле (рис. 6, *29*). Подобные бляхи широко применялись в конской уздечке для крепления кожаных узлов и перекрестий, а псалий позволяет довольно точно датировать памятник VI в. до н. э., так как аналогичные псалии были распространены в лесостепи именно в это время [14].

Изделия из железа немногочисленны. У серпа (рис. 6, *19*), судя по аналогиям, скрепление с рукоятью осуществлялось при помощи крюка. Время бытования их — с V в. до н. э. по V в. н. э., ареал их также широк (степи, лесостепи и юго-восточная часть лесной зоны СССР) [15]. Несколько ножей, обнаруженных на городище, относятся к двум типам: типу II (по Б. Н. Гракову) [16], характеризующемуся выгнутой спинкой и вогнутым лезвием (рис. 6, *20, 22, 23*), и типу I, отличительными признаками которого являются горбатая спинка и прямое лезвие (рис. 6, *21, 24*). У двух ножей на черенках сохранились заклепки от рукоятки (рис. 6, *23*). У одного ручка была петельчатой (рис. 6, *22*).

Несколько шильев, обнаруженных при раскопках, имели обычную форму: круглое сечение в рабочей части и прямоугольное — в месте насада рукояти (рис. 6, *14, 15*). Очень редко и интересно массивное железное тесло с заплечиками (рис. 6, *18*). Ближайшие аналогичные находки происходят с городища Кузина Гора [17] и из могильника «Частые курганы» под Воронежем [18]. Подобные изделия из бронзы были известны и в эпоху бронзы; железные тесла датируются временем не ранее VI—V вв. до н. э. Кроме изделий хозяйственного назначения из железа была изготовлена одна из булавок (рис. 6, *11*) со сферической головкой и перевитым стержнем.

Все изделия из бронзы, кроме наконечников стрел, относятся к категории украшений. Наконечников стрел обнаружено всего четыре (один обломан, рис. 6, *1—4*). Все они — трехлопастные, с выступающей втулкой; у двух из них имеются шипы. Наиболее близкие аналогии им находятся в комплексах VI—V вв. до н. э.[19].

Бронзовые гвоздевидные булавки имеют круглые и конические шляпки; почти у всех есть расширение в верхней части стержня с поперечными и спиральными насечками (рис. 6, *5—10*). Все булавки по аналогиям с находками в более западных областях лесостепи датируются VI в. до н. э.[20].

Из бронзы была сделана и заготовка для иглы, один конец которой плоско раскован.

экспедиция.— КСИИМК, 1949, XXVII, с. 61, рис. 26; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, табл. 78, *81; Пузикова А. И.* Ук. соч., рис. 3, *17*, с. 78 сл.

[14] *Ильинская В. А.* Ук. соч., рис. 19, 23, 25; табл. IV, *2—11, 13, 14*; табл. XIII, *3, 13, 14*; табл. XIV, *15—19*.

[15] По типологии Ю. А. Краснова, серп с гор. Марица относится ко II типу. См. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— МИА, 1971, № 174, с. 72, рис. 46.

[16] *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36, с. 113, табл. XIII, *1—4*.

[17] *Алихова А. Е.* Ук. соч., рис. 6, *6*.

[18] *Замятнин С. Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем.— СА, 1946, VIII, рис. 16, *2*.

[19] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, Д1-4, М., 1964, табл. 6, табл. 7, *А, Б*.

[20] *Тереножкин О. І.* Курган біля с. Глеваха.— Археологія, 1954, IX, табл. 1, *12*; *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, № 104, рис. 66; *Ковпаненко Г. Т.* Кургани поблизу с. Мачуха на Полтавщині.— Археологія, 1970, XXIV, рис. 7, *7*.

Браслет бронзовый с обломанными концами (рис. 6, *17а, б*) представлял собой плоскую узкую пластиночку, расширяющуюся на концах. Поверхность его украшена елочным орнаментом и крестом на одном из концов — символом головки змеи.

Бронзовый перстень изготовлен из плоской узкой пластиночки, сужающейся к концам, один из которых покрыт насечками и загнут в волюту (рис. 6, *16*).

Изделия из камня все связаны с хозяйственной стороной жизни населения городища. К ним относятся две крупные целые зернотерки и большое количество обломков. Обращает на себя внимание огромное количество растиральников и терочников. Форма их округлая, шестигранная, уплощенная. Часто они бывают обработаны лишь с одной-двух сторон. Размеры их колеблются от 5—7 до 12—13 *см*. Изготовлены они из кварцита, песчаника, гранита. Кроме целых экземпляров, которых собрано более 50, при раскопках встречается огромное количество обломков.

Из кварцита и песчаника были изготовлены оселки и каменные грузила, на одном из которых прослеживался посредине желобок для укрепления веревки.

Во время работ на городище Марица в слое было собрано несколько целых изделий и обломков из мергеля; назначение их трудно объяснимо. Форма их различна: в виде плоских кружков (рис. 5, *18, 19*), параллелепипеда (рис. 5, *20*), плоской поделки овальной формы. Все поверхности таких изделий хорошо обработаны: вполне возможно, что это заготовки для литейных форм, которые на памятниках Посеймья, как правило, изготовлены из этого мягкого камня [21].

Остеологический материал распределился по количеству видов следующим образом.

На первом месте стоит крупный рогатый скот — 789 костей (57 особей); за ним следует лошадь — 592 кости (43 особи); затем идут свинья — 141 кость (24 особи) и мелкий рогатый скот — 69 костей (14 особей).

Довольно велик процент костей диких животных: кабан — 19 костей (9 особей); лось — 30 костей (11 особей); медведь — 14 костей (5 особей); бобр — 14 костей (8 особей); сурок, косуля, олень — по 1 особи; заяц — 8 костей (4 особи); лиса — 6 костей (4 особи).

Значительное количество костей диких животных и их состав говорят о том, что в хозяйстве населения охота имела еще большое значение и служила, видимо, не только для пополнения пищевого рациона, но и имела некоторое промысловое значение.

Главным же занятием населения, жившего в небольших поселках, укрепленных довольно мощными земляными и деревянными стенами, было земледелие.

Основные культуры — просо, ячмень и пшеница. Обугленные зерна этих злаков были обнаружены в одной из зерновых ям. Известны были бобы и горох — их глиняные модели найдены при раскопках.

Археологические находки свидетельствуют и о зачатках многих ремесел, носивших в ту пору домашний характер. Это прежде всего относится к металлургии. Глиняная льячка, куски железных и бронзовых шлаков, многочисленные изделия повседневного быта говорят о том, что население городища хорошо знало технику литья из бронзы и умело обрабатывать железо. Местные мастера, видимо, вполне обеспечивали внутриплеменные нужды продуктами своего труда.

О наличии прядения и ткачества можно судить по находкам многочисленных пряслиц и грузиков из глины и мергеля, употреблявшихся в качестве отвесов для натяжения нитей.

---

[21] *Алихова А. Е.* Ук. соч.— МИА, 1962, № 113, с. 106, рис. 11, *3а, б*; *8а, б*; *9*; рис. 12, *1—4*.

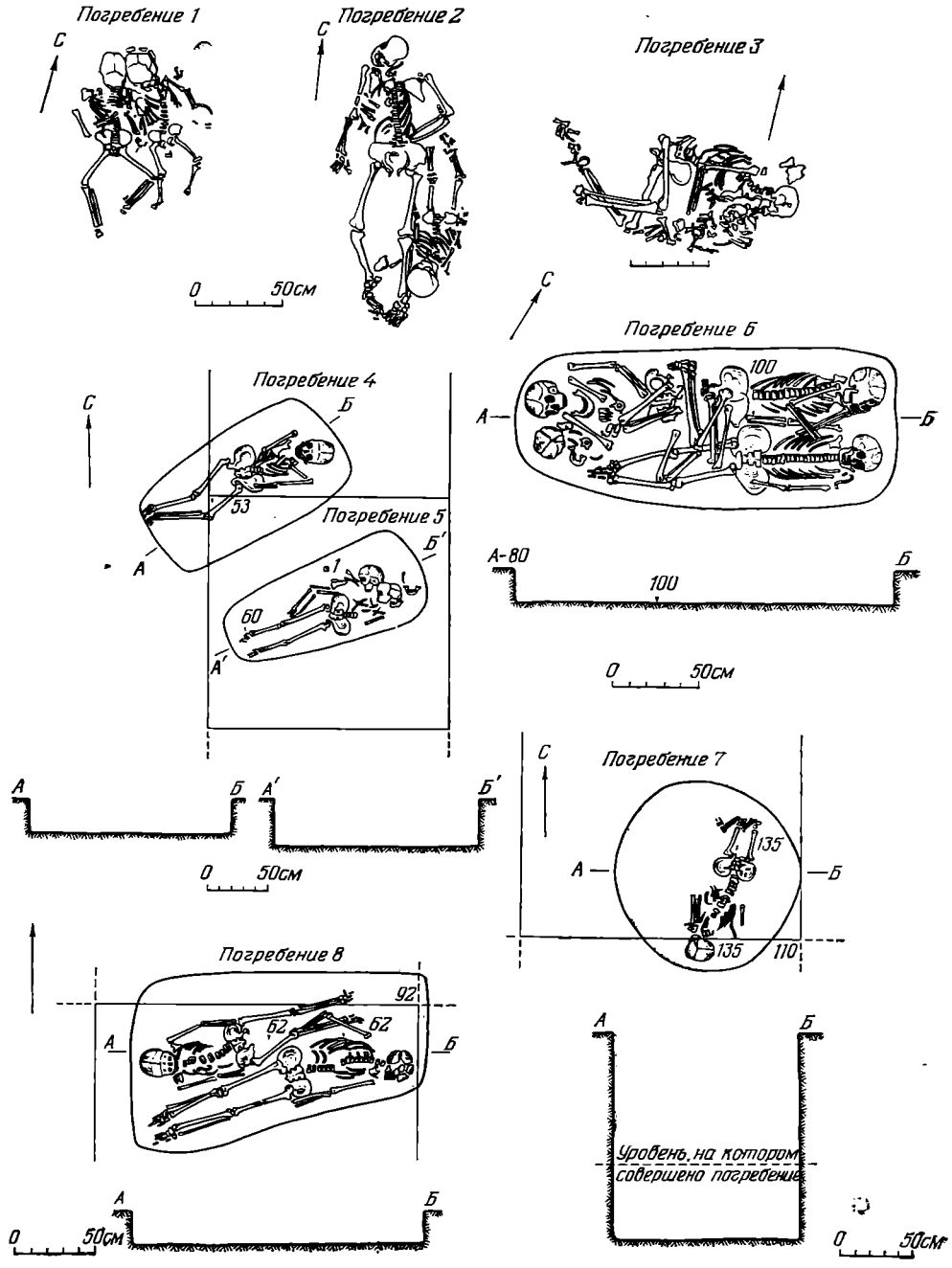


Рис. 7. Планы погребений

Изделия из кости свидетельствуют о довольно высоком уровне развития костерезного мастерства.

Умели жители городища для своих хозяйственных нужд обрабатывать и камень. Из твердых пород (песчаника, гранита, кварцита) изготовлялись зернотерки, растиральники, точильные плитки, оселки, грузила, пращевые камни; из мягкого мергеля — литейные формы, грузила небольших размеров.

Гончарного круга население не знало и всю посуду лепило от руки. Обжигалась такая керамика на специальных очагах, располагавшихся по краям городища.

Находки импортных вещей — обломков античных амфор, бусины из синего стекла (рис. 5, 7) с желтой полосой из глухой пасты в сере-

дине, бронзовых наконечников стрел скифских типов, бронзовых гвоздевидных булавок — позволяют проследить внешние связи жителей с античным миром и соседними племенами синхронных культур. Что касается культурной принадлежности самого городища, то несомненно, что оно относится к кругу скифообразных лесостепных культур. Об этом прежде всего говорит сходство форм и орнаментации керамического комплекса. Небольшой процент юхновской керамики, слабо профилированной в верхней части и орнаментированной тычками, не может служить основным критерием при определении культурной принадлежности, так как непосредственное соседство племен неизбежно вело к тесным контактам.

Дата возникновения и существования поселка, оставившего основной слой, определяется бронзовыми наконечниками стрел с шипами, бронзовыми гвоздевидными булавками, костяным псалием в зверином стиле, железным теслом с заплечиками — VI—V вв. до н. э.

Однако наличие в слое позднеюхновской керамики говорит о том, что городище было обитаемо и в более позднее время, очевидно в IV—III вв. до н. э. Кроме того, южная часть его территории использовалась в качестве могильника.

Могильник был обнаружен в конце раскопочного сезона 1973 г., когда в пределах раскопа I оказались три парных погребения. В следующем, 1974 г. количество погребений возросло до восьми. Только два из них были одиночными (рис. 7, *4, 7*); в пяти лежало по два скелета (рис. 7, *1—3, 5, 8*), а в одном — сразу четыре, по два погребенных головами в разные стороны (рис. 7, *6*).

Парные захоронения и положение погребенных «валетом», видимо, являются наиболее стойкими специфическими чертами погребального обряда этого небольшого могильника. Все остальные признаки не отличались единообразием. Костяки лежали головой на юго-запад (рис. 7, *2, 7*); северо-восток (рис. 7, *4, 5, 6* (два костяка), *8*); на запад (рис. 7, *6* (два костяка), *8*); на север-северо-запад (рис. 7, *1, 2*). Позы погребенных также отличались пестротой: шесть лежали в скорченном положении; семь — вытянуто на спине; у одного, погребенного в круглой мусорной яме, ноги были согнуты в коленях и поставлены вертикально. Поза двух детских костяков, почти полностью растащенных грызунами, не поддается определению. Инвентарь отсутствовал почти во всех погребениях, за исключением невыразительных бронзового и железного колечка и миниатюрного сосудика, лежавшего рядом с детским костяком. Однако в тазобедренных костях одного из четырех костяков погр. 6 были обнаружены два плоских железных наконечника стрел с раздвоенными черешками (рис. 6, *12, 13*). Эти наконечники по аналогии с находками на Среднем Дону (курганные могильники Мастюгино, Русская Тростянка) [22] позволяют датировать погребения IV—III вв. до н. э.

В заключение — несколько слов о соотношении культурного слоя городища и могильника, обнаруженного на нем. Как было сказано выше, могильник можно датировать IV—III вв. до н. э., т. е. временем более поздним (лет на 200), чем датируется основной слой городища. А так как в это время данная территория была занята племенами юхновской культуры, то и погребения предположительно можно считать юхновскими. Очевидно, первые поселенцы к этому времени по каким-то неизвестным для нас причинам ушли с городища и новые пришельцы смогли использовать его в качестве кладбища.

Это подтверждается и стратиграфическими наблюдениями: коллективное захоронение, открытое в 1974 г., прорезало одно из жилищ, почти полностью уничтожив его очаг; кроме того, в качестве могилы для погр. 7 была использована заброшенная хозяйственная яма.

---

[22] *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. - САИ, Д1-31, М., 1965, табл. 19, *44, 45, 48, 49, 140*.

A. I. Pouzikova

LE GORODITCHE DE MARITZA UN MONUMENT DE LA CULTURE SYLVO-STEPPIQUE A L'EPOQUE SCYTHE DANS LA REGION DE LA SEIM

Résumé

Cet article décrit les résultats de deux années de travaux effectués sur le lieu d'un des goroditchés de l'époque scythe, placés le long de la Séïm, près du village de Maritza (district de Lgov, région de Koursk). L'auteur donne une description détaillée de la stratigraphie de la couche culturelle, ainsi que des restes d'habitations et autres bâtiments; on a également découvert des céramiques et des objets d'usage courant en métal, argile, pierre et os. Grâce à des pièces telles que des épingles de bronze en forme de clou, à des pointes de flèches à barbes, également en bronze, et à des fragments de «psalia» fait en os dans le style animalier, on peut dater la principale couche de ce site du VIe ou du Ve s. av. n. è. De plus, dans l'article, on donne la description d'un champ d'inhumation en fosses, découvert fortuitement sur le territoire du goroditché. On pense que ce cimetière appartenait à la culture de Ioukhnovo, et qu'il date des IV-IIIe siècles av. n. è., comme le font croire des pointes de flèches en fer, c'est-à-dire d'une époque plus tardive que celle de la couche culturelle du goroditché. Il est évident que durant cette période il y a eu un changement de population, et que les nouveax habitants ont dû utiliser le territoire du goroditché comme cimetière.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬЧУКСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Кульчукский грунтовой могильник принадлежит одноименному городищу [1], находящемуся в 2 *км* к югу от с. Громово (бывш. Кипчак) Черноморского р-на Крымской обл., где южный берег Тарханкутского полуострова становится высоким и обрывистым. На городище раскопки впервые производились в 1929 г. Л. А. Моисеевым [2], в 1933—1934 гг. оно было обследовано и описано П. Н. Шульцем [3], а позже разведывалось неоднократно А. Н. Щегловым [4] и автором этой статьи. В 1970 г. на городище вела раскопки Донузлавская экспедиция ИА АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея (ЕКМ); было выяснено, что это поселение, одно из наиболее значительных в Северо-Западном Крыму, имело многобашенную греческую систему фортификации, а в позднескифский период жизнь здесь продолжалась вплоть до I в. н. э.[5] К настоящему времени южная часть городища обрушилась в море. Некрополь же, располагавшийся, как нам удалось установить, севернее, в основном доступен для исследования (лишь северный край его — под фруктовым садом).

В непосредственной близости от Кульчукского городища, к северу от него, Донузлавской экспедицией в разные годы были подняты два известняковых надгробия. Одно из них (рис. 1, *1*) [6] — антропоморфное (головообразное), с шипом. Верхняя часть его отбита; общая высота должна была составлять примерно 0,30 *м*. Такие надгробия, типичные для Херсонеса [7], некоторые исследователи относили к таврам [8], но сейчас убедительно доказана их принадлежность греческому населению Херсоне-

---

[1] Свое название городище и могильник получили от заброшенной прибрежной дер. Джага-Кульчук (позже Лазурное). В научную литературу (см. сноски 3 и 4) проникло и второе, перенятое у местного населения название городища «Красный курган», вызванное цветом материка в обрыве, но оно крайне неудачно, и мы не будем впредь именовать городище курганом.

[2] Фотоархив ЛОИА АН СССР, инв. № II 24996.

[3] *Шульц П. Н.* Евпаторийский район.— В сб.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, с. 271. П. Н. Шульц на основании данных Птолемея (III, 5, 2) предположил, что здесь находилась древняя Тамирака. Этой локализации противоречит перипл Арриана (31, 20 Н).

[4] *Щеглов А. Н.* Разведки 1959 года на западном побережье Крыма.— СХМ, II, 1961, с. 75.

[5] *Дашевская О. Д.* Раскопки памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму.— АО — 1970. М., 1971, с. 264.

[6] Найдено в 1963 г. участником Донузлавской экспедиции Ю. Г. Виноградовым и передано нами в Херсонесский музей. См. *Щеглов А. Н.* Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.— КСИА АН СССР, 1965, № 103, рис. 50, *IV*.

[7] *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи.— ВДИ, 1948, № 1, с. 160; *его же.* Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, 1950, XIII, с. 276.

[8] *Пятышева Н. В.* Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья.— ВДИ, 1946, № 3; *Щеглов А. Н.* Херсонеські антропоморфні стели с врізними зображеннями.— Археологія, 1968, XXI, с. 221.

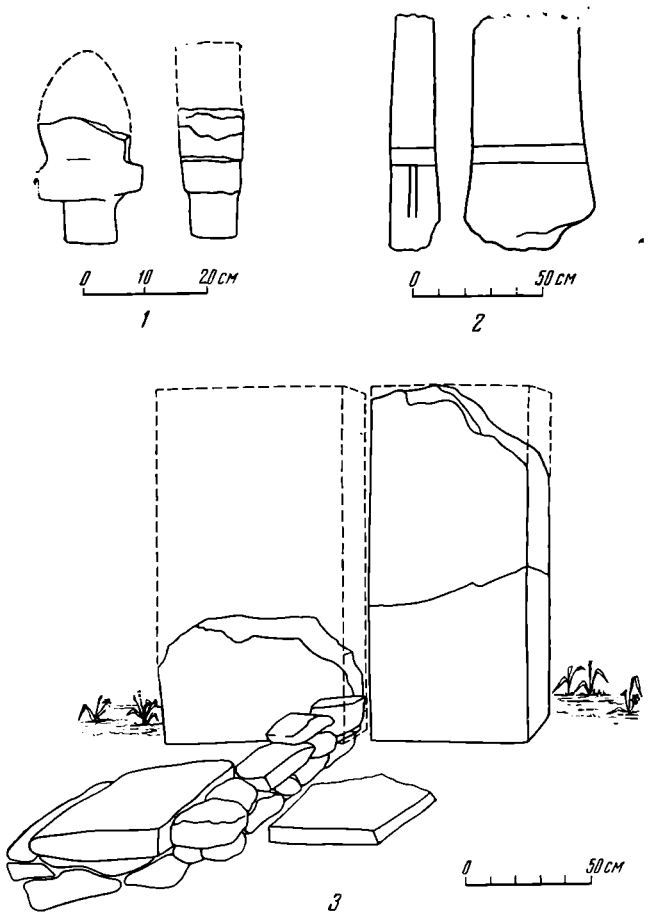


Рис. 1. Надгробные стелы Кульчукского некрополя. *1, 2* — находки на поверхности; *3* — надгробия могилы 1 (реконструкция)

са IV—III вв. до н. э.[9] Отдельные находки их зафиксированы и на территории херсонесской хоры — в Панском и Беляусском некрополях[10]. В ряду последних находит свое место и кульчукское изваяние.

Второе надгробие (рис. 1, *2*) [11] представляет собой примитивную антропоморфную стелу. Голова фигуры и нижний край с шипом отбиты. Размеры сохранившейся части 0,96××0,50×0,15 *м*. Атрибутами являются пояс, обозначенный двумя врезанными линиями, и таким же образом показанный на правом боку подвешенный к поясу меч. По характеру изображения пояса наш памятник близок к демидовской стеле из Одесской области[12] и может быть датирован не ранее I в. н. э., а учитывая предел жизни городища,— и не позже. Кульчукская стела относится к позднескифским надгробиям, известным в литературе как сарматские[13]. Против последнего определения совершенно справедливо выступила недавно в своей специальной статье Е. А. Попова[14], которой кульчукская стела не была известна. Конкретные условия нашей находки также говорят в пользу позднескифской принадлежности такого рода изваяний.

В 1973 г. на Кульчукском некрополе впервые были предприняты раскопки[15]. Поводом для них послужило обнаружение нами в 305 *м* к северо-востоку от городища, на пашне при дороге, проходящей вдоль фруктового сада, большой тесаной известняковой плиты с обломанным

---

[9] *Колесникова Л. Г.* Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? — СА, 1973, № 3; *ее же.* Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса.— СА, 1977, № 2; Античная скульптура Херсонеса (каталог). Киев, 1976, с. 79 *сл.*

[10] *Щеглов А. Н.* Раскопки на территории хоры Херсонеса.— АО — 1969. М., 1970, с. 258; *Дашевская О. Д.* Раскопки городища и могильника Беляус.— АО — 1972. М., 1973, с. 277.

[11] Поднято в 1970 г. и доставлено нами в ЕКМ.

[12] *Шульц П. Н.* Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке.— ЗОАО, 1967, т. II (35), с. 198, рис. 4, *2*.

[13] Там же.

[14] *Попова Е. А.* Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры.— СА, 1976, № 1, с. 118 *сл.*

[15] Раскопки проведены Донузлавской экспедицией ЕКМ под руководством автора. В работе участвовали: начальник отряда Е. В. Старченко, архитектор А. П. Пиганов, лаборант С. В. Бабак и др. Находки хранятся в ЕКМ. Рисунки их выполнены В. А. Прохоровым.

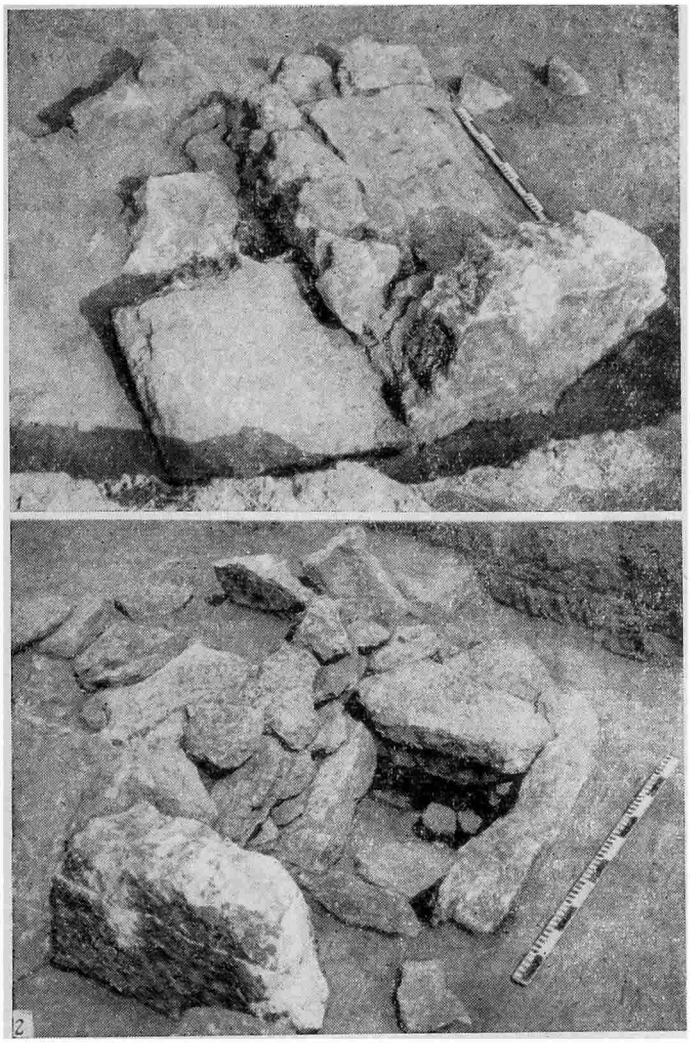


Рис. 2. Сооружения над могилой 1. *1* — нижние части надгробных стел и каменный ящик, закрытый крышкой; *2* — нижняя часть стелы № 2 и каменный ящик после снятия крышки

краем. Рядом с ней была замечена еще одна плита, торчавшая из земли в вертикальном положении. Не оставалось сомнения в том, что обе плиты принадлежат погребальному сооружению, что и подтвердилось при раскопках. Здесь была раскопана могила (1), представляющая собой земляной склеп, или катакомбу, с рядом конструктивных особенностей.

Благодаря хорошей сохранности памятника нам удалось проследить и реконструировать надмогильное сооружение (рис. 1, *3*). Прежде всего оказалось, что вывернутая плугом плита, о которой говорилось выше, сходится с плитой, встреченной затем при раскопках на древней дневной поверхности (0,70 *м* ниже поверхности пашни) в наклонном положении, близком к горизонтальному (рис. 2, *1* и 3). Вместе они образуют большую прямоугольную стелу (№ 1) размером 1,53×0,67×0,23 *м*. Одна из широких плоскостей этой стелы и узкие боковые грани отесаны. Никаких изображений или надписей на стеле не обнаружено: вероятно, они были сделаны краской и не сохранились. Рядом, южнее, стояла еще одна стела (№ 2), от которой до нас дошла in situ нижняя часть, выходившая своим верхним обломанным концом на поверхность пашни и обратившая на себя сразу наше внимание. Размеры ее: 0,57 (высота)× 0,80×0,22 *м*. Плита не вполне правильной формы и в отличие от стелы

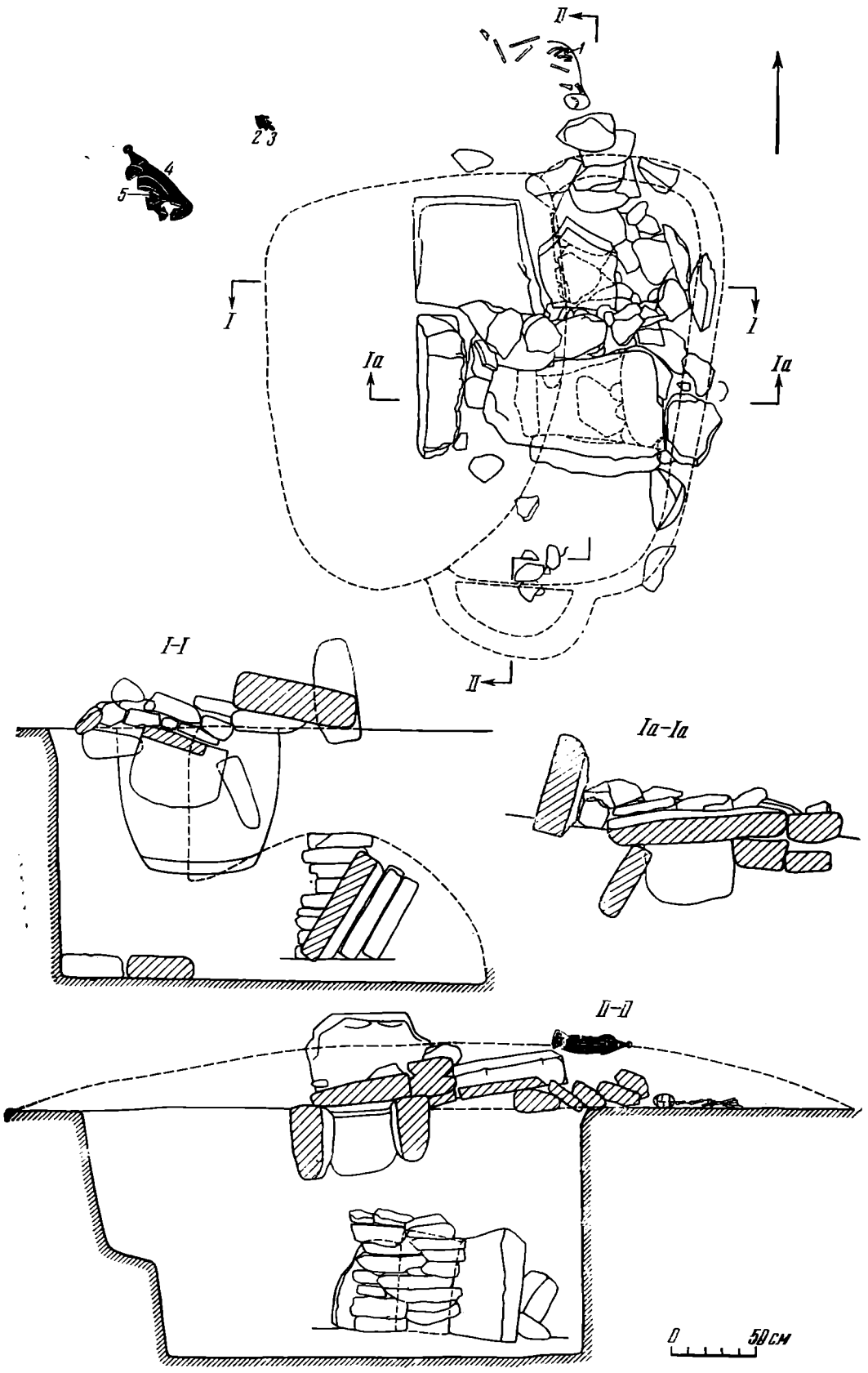


Рис. 3. Могила 1. План на уровне дневной поверхности и разрезы. *1* — колечко бронзовое; *2* — канфар чернолаковый каннелированный с накладной росписью; *3* — раковина каури; *4* — амфора херсонесская; *5* — канфар чернолаковый гладкий с графито N

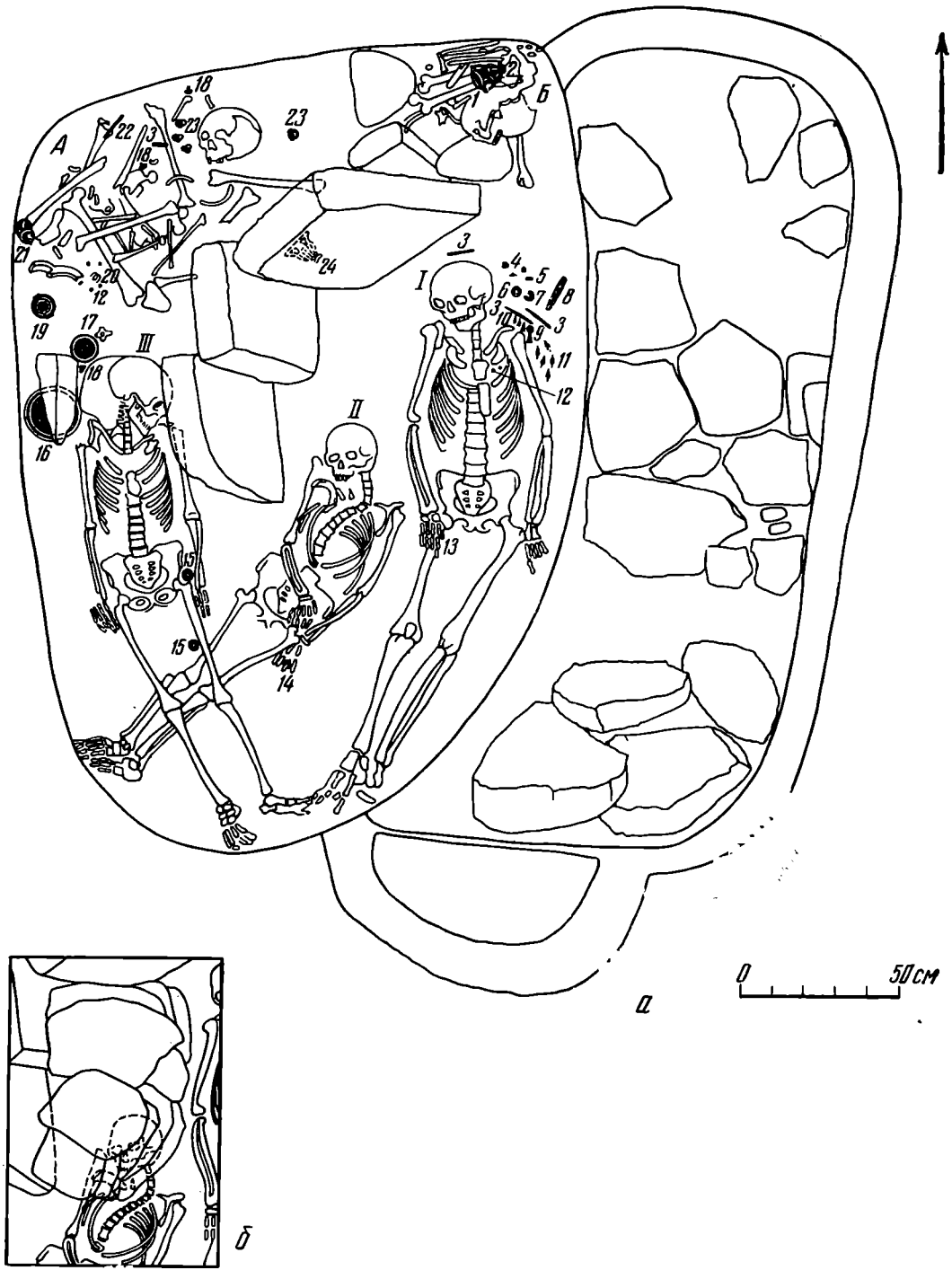


Рис. 4. Могила 1. План на уровне погребений. *а* — общий план с погребениями; *б* — фрагмент плана: подпорный столб, перекрывающий голову скелета II (погр. 7); *1* — канфар чернолаковый; *2* — флакон; *3* — стержень железный; *4* — ворворки костяные; *5* — пронизь костяная; *6* — ворворка бронзовая; *7* — кольцо бронзовое; *8* — оселок; *9* — пронизь спиральная бронзовая; *10* — стрелы бронзовые; *11* — стрелы железные; *12* — бусы стеклянные; *13* — монета бронзовая; *14* — перстень железный; *15* — пряслице глиняное; *16* — тарелка чернолаковая; *17* — солонка чернолаковая; *18* — пряслице свинцовое; *19* — канфар с покрасневшим лаком; *20* — височная подвеска бронзовая; *21* — раковина; *22* — игла бронзовая; *23* — перстни бронзовые; *24* — канфар чернолаковый с накладной росписью

№ 1 грубо обработана (рис. 2, *1, 2*). Как потом выяснилось, обе стелы были установлены на поверхности над погребальной камерой (см. рис. 3). Судя по зафиксированному нами положению обеих стел, они почти не были вкопаны в материк. Очевидно, вокруг них, над могилой, была сделана небольшая насыпь с использованием материкового выкида, перекрывшая и каменный ящик, о котором речь будет идти далее. В настоящее время вся поверхность некрополя распахана и выровнена, но о примерной высоте насыпи дают представление остатки тризны, обнаруженные на 0,40 *м* выше древней дневной поверхности (см. ниже).

На расстоянии 0,40 *м* к востоку от стелы № 2 на уровне древней дневной поверхности обнаружена крышка небольшого каменного ящика— грубо обработанная плита не вполне правильной формы, 1,10×0,60× ×0,16 *м*, а под ней раскрыт и сам ящик, ориентированный широтно (рис. 2 и 3). Между стелой и ящиком был поставлен крупный камень. Размеры ящика по внутреннему обводу — всего 0,65×0,40 *м*. К западу он сужается. Северная, западная и южная его стенки образованы поставленными на ребро цельными плитами, а восточная составлена из нескольких камней и перекрыта сверху длинной узкой плитой. Непосредственно на поверхности (торце) плиты, образующей северную стенку ящика, была построена небольшая однорядная стенка из крупного и средних размеров рваного камня, без раствора. В высоту она насчитывает три ряда кладки (до 0,30 *м*), длина ее составляет 1,10 *м*, толщина — 0,28 *м* (см. рис. 2 и 3). Очевидно, эта стенка являлась элементом надмогильного сооружения (см. рис. 1, *3*).

Следов погребения в ящике не оказалось. При зачистке внутри него был найден лишь обломок чернолакового каннелированного канфара, а снаружи, западнее,— спиленный козий рог. Однако в 1,20 *м* к северу от вышеописанной стенки на уровне дневной поверхности был обнаружен скелет ребенка (см. рис. 3). Скелет плохой сохранности, лежал головой на юго-восток, на левом боку, в слабо скорченном положении. Между его ребер найдено бронзовое несомкнутое колечко из тонкой проволоки. Создается впечатление, что ребенок был первоначально захоронен в каменном ящике, пригодном, судя по размеру, лишь для детского погребения, а затем оттуда извлечен (грабителями?).

Как выяснилось при дальнейших раскопках, каменный ящик был сооружен поверх земляного склепа, или катакомбы, причем западный край ящика был врыт в материк над камерой, а вся остальная часть оказалась впущенной в забутовку входного колодца, разумеется, выбранную внутри ящика для этой цели. Поэтому, расчистив ящик, мы и обнаружили на дне его камни (см. рис. 2, *2*).

Основное погребальное сооружение состояло из входного колодца и камеры, расположенных параллельно друг другу и ориентированных меридионально (рис. 3 и 4). Колодец в плане был близок к овалу, но имел вогнутую дугой западную сторону, с которой к нему примыкала камера. Ко дну он немного сужался. С южной стороны колодец имел полукруглый в плане выступ со ступенькой для входа. Размеры колодца: длина (на поверхности, без выступа) — 2,70, ширина — 0,90—1, глубина — 1,50 *м*. Забутовка колодца отличалась исключительной плотностью и тщательностью укладки камней относительно ровными рядами, особенно в северной части. На дне колодца, в северной и средней его частях (где, судя по форме камеры, должен был находиться вход в нее), были уложены крупные плоские камни, носящие характер вымостки (рис. 4 и 5, *2*), а в южной лежали грудой четыре очень больших камня (см. рис. 4). На последнем этапе функционирования склепа, когда (как мы увидим ниже) закладные плиты были сдвинуты внутрь камеры, была сделана укладка забутовки, образующей своего рода заслон перед входом в камеру.

Дно камеры находилось на одном уровне с дном колодца, лишь едва заметно понижаясь к западу. В плане камера имела неправильную форму, близкую к овальной, но с почти прямыми западной и северной стенками. Площадь камеры составляла 2,45 × 1,75 *м*, а высота свода, который мы застали обвалившимся, должна была достигать 0,90 *м* (обоснование см. ниже). К конструктивным элементам рассматриваемого погребального сооружения, использованного для многократных захоронений, относятся также закладные плиты и подпорный столб, зафиксированные в камере.

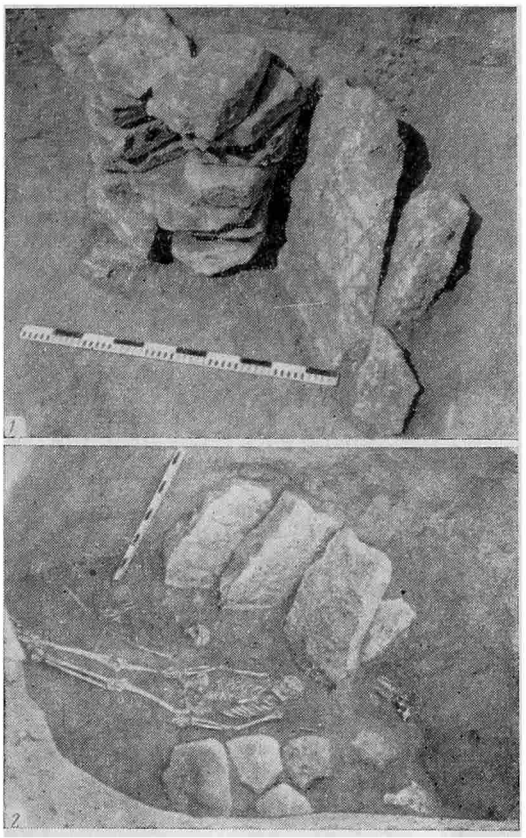


Рис. 5. Могила 1. *1* — подпорный столб и сдвинутые закладные плиты в камере; *2* — вымостка входного колодца, погребения в восточной части камеры и сдвинутые закладные плиты

Закладные плиты первоначально закрывали входное отверстие, которое, судя по их количеству и размерам, должно было быть довольно широким. Здесь были четыре большие плиты и одна маленькая, дополненная еще одним плоским камнем (см. рис. 3—5). Высота наибольших плит — 0,70, ширина — до 0,40, толщина — 0,13 *м*. Они слегка подтесаны, края рваные, общие очертания близки к прямоугольным. Плиты первоначально стояли, по-видимому, все рядом, как это бывает в подбоях, где надо закрыть широкий вход (а данный склеп представляет собой по сути дела грандиозный подбой), а не в два слоя, как в склепах с узким входным отверстием. Обнаружены же плиты продвинутыми внутрь камеры: их использовали для того, чтобы отгородить более ранние погребения от самого последнего покойника.

Весьма любопытной особенностью данной могилы является подпорный столб, сооруженный посреди камеры непосредственно перед сдвинутыми плитами, со стороны входа (рис. 5, *1*). Этот столб, судя по всему поддерживавший свод камеры, состоял из гладких плоских каменных плиток неправильной формы, уложенных двумя стопками, частично перевязанными между собой наиболее крупными плитками. Ширина столба — 0,65, толщина — около 0,45 *м* (она соответствует средней ширине плиток). В высоту было положено до девяти рядов плиток, что составило 0,78 *м*. Интересно, что столб, как и закладные плиты, стоял не на самом дне камеры, а на 0,12 *м* выше, на тонком слое земли, перекрывавшем один из костяков, а именно череп скелета II (см. рис. 4, *б*). Сумма толщины этого слоя и высоты столба и дала нам высоту свода.

В камере были похоронены в разное время девять человек[16]. Кости покойников, погребенных ранее других, были сдвинуты к северной стенке камеры и образовали два скопления — А и Б.

---

[16] Антропологические определения выполнены Т. С. Кондукторовой в Институте антропологии МГУ.

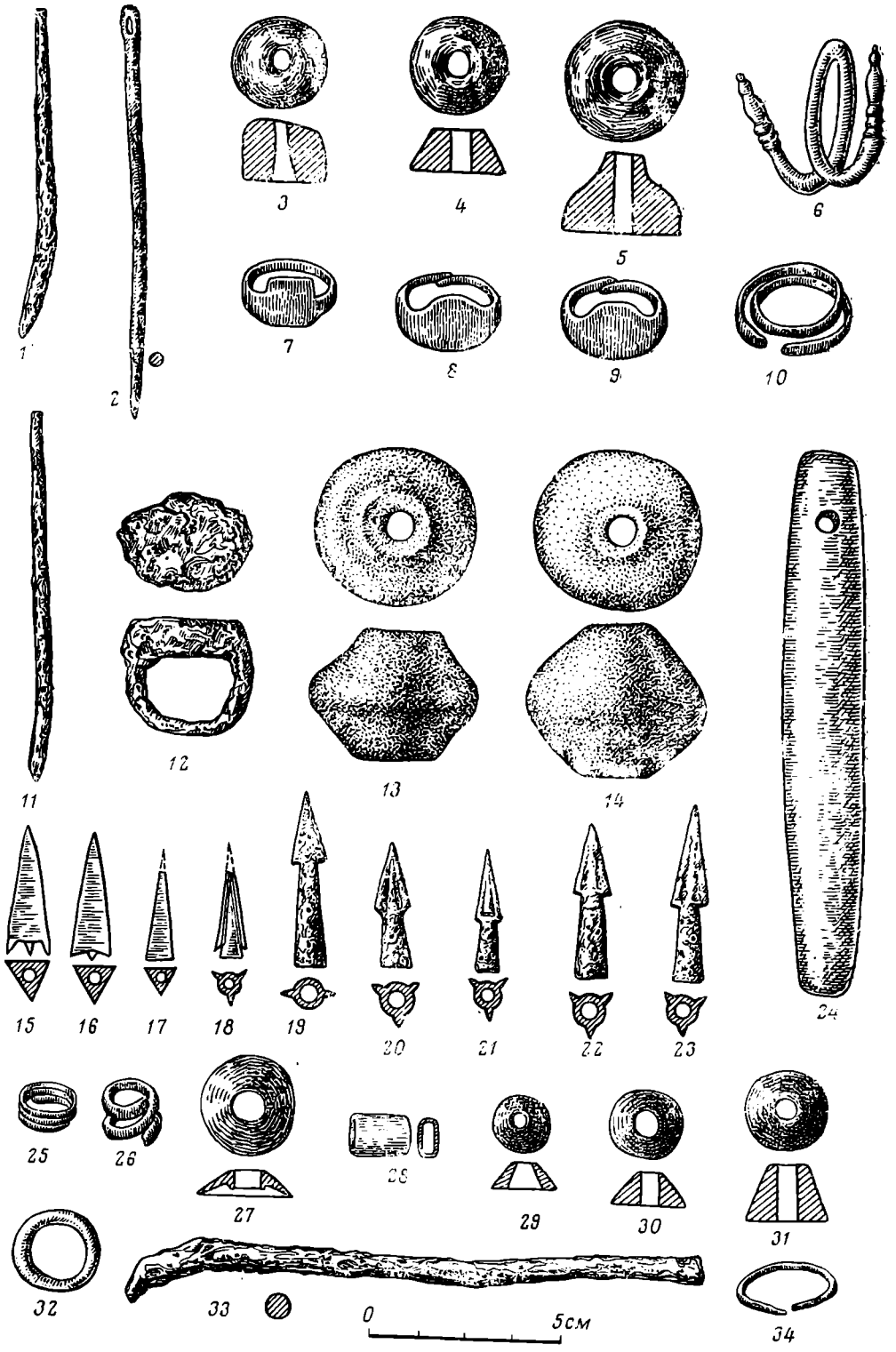


Рис. 6. Могила 1. Предметы погребального инвентаря. *1—10* — сдвинутые погребения 1—5 (скопление костей А); *11*, *12* — погр. 7 (скелет II); *13*, *14* — погр. 8 (скелет III); *15—33* — погр. 9 (скелет I); *34* — погребение ребенка на поверхности; *1*, *11*, *12*, *19–23*, *33* – железо; *2*, *6–10*, *15–18*, *25–27*, *32*, *34* – бронза; *3–5* – свинец; *13*, *14* — глина; *24* — песчаник; *28—31* — кость

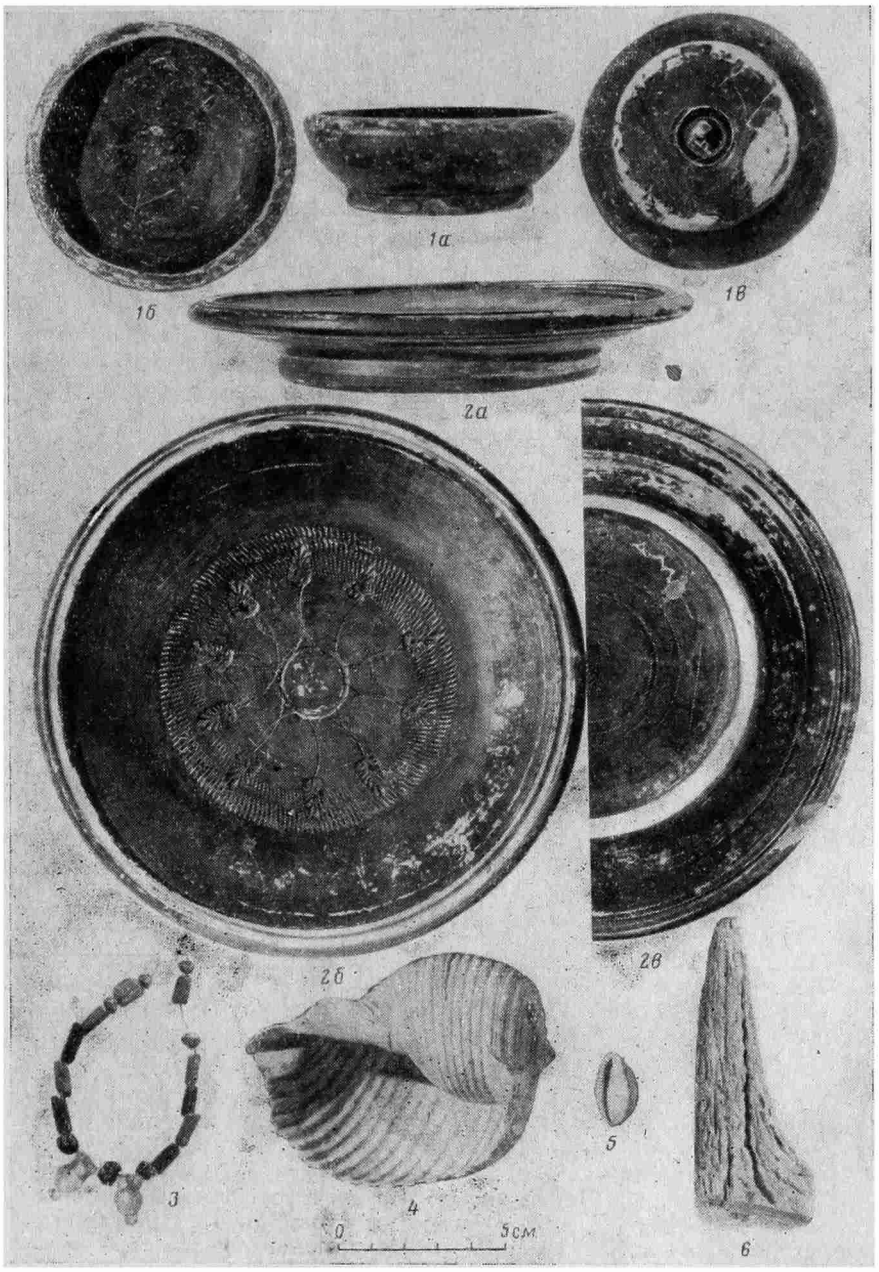


Рис. 7. Могила 1. Чернолаковые сосуды, стеклянные бусы, раковины, козий рог. *1—4* — сдвинутые погребения 1—5 (скопление костей А); *5* — тризна с канфаром; *6* — около каменного ящика

Скопление А (погребения 1—5) занимало северо-западный угол камеры. Его составили кости женщины 40—50 лет, мужчины, подростка и двух детей. Среди костей найдены бронзовые украшения: кольцо в два оборота, четыре перстня, из них три с овальным щитком и один с квадратным (рис. 6, *7—10*); височная подвеска в полтора оборота с орнаментированными заостренными концами, загнутыми в разных плоскостях (рис. 6, *6*). Последняя имеет аналогии в памятниках Крыма (главным образом Восточного), Тамани и Прикубанья V—IV вв. до н. э.[17], а также

[17] *Романченко Н. Ф.* Раскопки в окрестностях Евпатории.— ИАК, 1907, № 25, с. 176, рис. 5; *Смирнов К. Ф.* Пашковский могильник № 3.— КСИА АН СССР, 1949, XXVI, рис. 37, *7*; *его же.* Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа.— КСИА АН СССР, 1950, XXXII, с. 122, рис. 37, *7*; *Прушевская Е. О.* Художественная обработка металла (торевтика).— АГСП, с. 337, рис. 19; *Сорокина Н. П.* Туз-

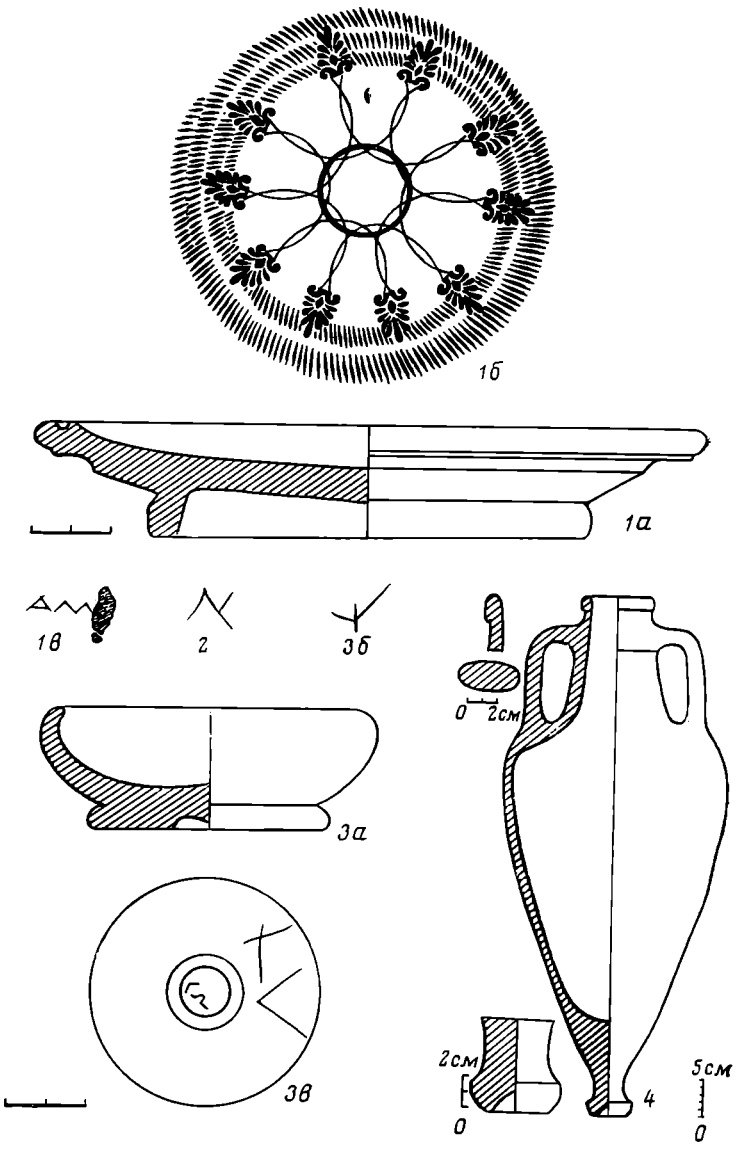


Рис. 8. Могила 1. Чернолаковые сосуды с граффити и херсонесская амфора. *1, а, б, в* — тарелка и граффито на нижней стороне ее дна; *2* — граффито на горле канфара; *3, а, б, в* — солонка и граффити на верхней и нижней сторонах ее дна; *4* — амфора

в Средиземноморье [18]. Собрано немного бус: цилиндрические из желтого, бирюзового и синего непрозрачного стекла, круглые рубчатые синие, а также амфоровидные подвески из бесцветного прозрачного стекла (рис. 7, *3*), известные в комплексах IV в. до н. э.[19] Здесь же найдены

линский некрополь. М., 1957, с. 24, 32; *Коровина А. К.* Некрополь около мыса Панагии.— В сб.: Археология и история Боспора, т. II. Симферополь, 1962, с. 305; *ее же.* Тирамба (городище и некрополь).— Сообщ. ГМИИ, 1968, IV, с. 73, рис. 33; *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.— ДВК, с. 125, рис. 12, *2; ее же.* Скіфи Східного Криму в V—III ст. до н. е. Київ, 1974, с. 114, рис. 49, *7*; *Корпусова В. М.* Про населення хори античної Феодосії.— Археологія, 1972, № 6, рис. 2, *3*.

[18] *Marshall F. H.* Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London, 1911, pl. IX, *948, 949*; pl. XIV, *1245*; *Robinson D. M.* Excavations at Olynthus, X. London — Oxford, 1941, pl. XVIII, *307—312, 315*.

[19] *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, Д1-4, М.— Л., 1967, с. 94, табл. 23, *16*; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Прп-

бронзовая игла (рис. 6, *2*), железный прутик — вероятно, шило (рис. 6, *1*), крупная раковина Tonna sp. (рис. 7, *4*) [20], три небольших свинцовых пряслица (одно — южнее сдвинутых костей, рис. 6, *3—5*). Такие пряслица встречаются относительно редко и в греческих погребениях, и в скифских [21].

Рядом с последним пряслицем оказались два чернолаковых аттических сосуда, также входивших в инвентарь скопления А: тарелка (рис. 7, *2* и 8, *1*) и маленькая мисочка типа так называемых солонок (рис. 7, *1* и 8, *3*). Тарелка, лак на которой потускнел и местами облез, как по форме, так и по характерному штампованному орнаменту из десяти пальметт с дуговидными соединительными линиями, окруженных двумя-тремя концентрическими кругами насечек, и врезанного круга в центре дна может быть датирована второй или третьей четвертью IV в. до н. э.[22] К тому же времени относится и мисочка-солонка, имеющая плавно загнутый внутрь край, выпуклые стенки и широкий поддон с небольшой выемкой и шишечкой в центре [23].

На обоих сосудах вырезаны греческие буквы. На внешней стороне дна тарелки имеются две четкие буквы — АМ, далее идет сбой (рис. 7, *2в* и 8, *1в*), позволяющий предполагать здесь Ф, хотя не исключена и другая буква. Граффито надо понимать как начало имени владельца, например Ἀμφίας[24]. На солонке же было целых три граффити: на внутренней стороне дна — Ψ, на внешней в центре — мелкие буквы СΩ (сигма лунарная, угловатая) и по поддону — крупные буквы ΛΥ (рис. 7, *1б*, *в* и 8, *3б*, *в*). В надписи СΩ скорее можно видеть сокращение родительного падежа имени владельца — Σω(πόλιος), Σω(τίμου) и т. п.[25], чем Зевса Сотера, так как все известные надписи, связанные с культом Зевса Спасителя, вырезаны без аббревиации, на видном месте сосуда, причем эпитету предшествует имя божества [26]. Остальные два граффити на солонке сближаются между собой величиной и размашистым начертанием букв. Это дает основание считать их синхронными, усматривая в первом инициал нового хозяина или посвятителя сосуда, а в последнем — посвящение божеству: в Херсонесе выделена группа граффити IV—III вв. до н. э. с двумя буквами ΛΥ, которые трактуются как сокращение эпитета Аполлона Ликийского — Λύ(κειος) [27].

днепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э.— САИ, Д1-27. М.—Л., 1970, табл. XLIII; *Лесков А. М.* Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972, рис. 23; *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 97, рис. 31, Б, *1, 2*.

[20] Раковина происходит из Красного моря и на нашем Юге представляет собой редкий импорт. Определением ее я обязана Я. И. Скоробогатову, сотруднику Зоологического института АН СССР.

[21] *Сорокина Н. П.* Ук. соч., с. 24, рис. 13, *3, 4*; *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. е. Київ, 1974, с. 115, рис. 61, *5*; *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, 1962, № 115, рис. 6, *13*; *Яковенко Э. В.* Скіфи Східного Криму..., с. 88, 89, рис. 32, *5, 6*; *Болтрик Ю. В., Зарайская Н. П.* Раскопки курганов близ с. Любимовки Каховского района.— АИУ, 1968. Киев, 1974, с. 9.

[22] *Гайдукевич В. Ф.* Вотив Герея из Мирмекия.— КАМ, 1966, с. 72, 73; *Sparkes B. O., Talcott L.* The Athenian Agora, XII, Princeton, New Jersey, 1970, № 759, 1042, 1052; *Онайко Н. А.* Ук. соч., № 713; *Колесникова Л. Г.* Ук. соч., рис. 2, *3*; *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975, с. 38, 162, рис. 43, *1*; *Николаева Э. В.* Раскопки в Кепах.— КСИА АН СССР, 1975, № 143, рис. 1, *1*.

[23] *Иванов Т.* Антична керамика от некропола на Аполония.— В сб.: Аполония. София, 1963, с. 222, № 570; *Коровина А. К.* Тпрамба..., с. 70, рис. 16, *13*; *Sparkes B. A., Talcott L.* Op. cit., № 883, 944.

[24] *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, № 166.

[25] *Даниленко В. Н.* Просопография Херсонеса Таврического.— АДСВ, 1966, № 4, с. 164, 165.

[26] *Болтунова А. И.* О культе Зевса Сотера на Боспоре.— КАМ, с. 31; *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса.— ВДИ, 1976, № 3, с. 126, 127.

[27] *Бабинов Ю. А.* Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического.— ВДИ, 1970, № 4, с. 76.

Рис. 9. Могила 1. Чернолаковые канфары и красноглиняный флакон. *1* — погр. 8 (скелет III); *2* — тризна (с амфорой); *3* — тризна (с раковиной); *4* — между сдвинутыми закладными плитами (погр. 1—5?); *5*, *6* — погр. 6 (скопление костей Б)

По всей вероятности, к тем же погребениям относится застрявший между сдвинутыми закладными плитами чернолаковый канфар с каннелированным туловом, с накладной гирляндой, нанесенной жидкой глиной по обеим сторонам горла (рис. 9, *4*). Такие канфары, аттического происхождения, могут быть датированы второй половиной IV в. н. э.[28] и хорошо известны в памятниках Северного и Западного Причерноморья конца IV — начала III в. до н. э.[29]

Скопление костей Б (погр. 6) обнаружено в северо-восточном углу камеры. Здесь сдвинуты в компактную кучу кости одного скелета (мужчины ? 45—55 лет), прикрытые большим плоским камнем, примыкавшим с северо-восточной стороны к описанным выше закладным плитам (см. рис. 5, *2*). Вместе с остатками скелета был и его инвентарь: каннелированный канфар, покрытый черным лаком с оливковым оттенком

[28] *Sparkes B. A., Talcott L.* Op. cit., № 711.

[29] *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, рис. 56, *3*; *Сорокина Н. П.* Ук. соч., табл. 11, *2*; *Иванов Т.* Ук. соч., с. 197, № 480; *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 77, рис. 74, *8*.

(рис. 9, *5*), и маленький красноглиняный флакон (рис. 9, *6*). Канфар отличается от предыдущего, помимо лака, отсутствием орнамента и более вытянутыми пропорциями; высота его горла превышает высоту тулова, но не настолько, чтобы сосуд можно было датировать позже рубежа IV—III вв. или начала III в. до н. э. Этой же дате соответствует и форма флакона, имеющего отогнутый книзу венчик, почти цилиндрическое горло, раздутое тулово и невысокий сплошной поддон [30].

Следующим после покойников, останки которых оказались в данных скоплениях, был похоронен мужчина в погр. 7 (скелет II) [31], в средней части южной половины камеры. Скелет был ориентирован на северо-восток, но голова (с изогнутой верхней частью позвоночника) отклонена к северу. Правая рука согнута в локте, кисть ее лежала на тазовых костях; левая рука параллельна туловищу; ступни ног соединены. Скудный инвентарь этого погребения составляли крупный железный перстень с овальным щитком, надетый на безымянный палец левой руки (рис. 6, *12*), и железное шило, лежавшее в изголовье (рис. 6, *11*). Подобное шило (?) мы отмечали и в скоплении костей А. Аналогии этим предметам есть в погребениях Ольвии и Поднестровья того же периода [32].

Для погр. 8 (женщина, скелет III) вдоль средней и южной частей западной стенки камеры был насыпан слой земли толщиной 0,10 *м*, перекрывший ноги предыдущего покойника. Скелет был ориентирован на север. Голова его, лежавшая на плоском камне (и еще один камень был положен рядом, как раз поверх вышеописанной чернолаковой тарелки), отклонилась к левому плечу. Положение скелета — вытянутое на спине, руки вдоль туловища; ноги несколько отодвинуты влево относительно прямой линии верхней части скелета, что объясняется необходимостью уместить их в округленной в плане южной части камеры. В изголовье покойника стоял чернолаковый гладкий канфар, покрасневший при обжиге, без венчика, ручек и ножки (рис. 7, *1*). У левого бедра лежали два глиняных биконических пряслица (рис. 6, *13, 14*).

После того как были совершены все перечисленные захоронения, средняя часть камеры была присыпана тонким слоем земли, прикрывшим погр. 7 (скелет II), закладные плиты продвинуты внутрь камеры и установлены на этот слой в ряд, несколько заходя одна за другую. Они были поставлены почти вертикально, с небольшим наклоном, и отгораживали северную и северо-западную части камеры, где находились сдвинутые погребения 1—6 (скопления А и Б) и верхняя часть костяка в погр. 8. Погребение 7 при этом оказалось вне загородки, но оно было присыпано землей, и поверх головы и правого плеча умершего был вдружен подпорный столб, о котором говорилось выше (см. рис. 4 и 5).

Последнее погр. 9 (скелет I) принадлежало мужчине 30—40 лет (см. рис. 5), покоившемуся перед входом, головой на север. Он лежал вытянуто на спине, руки — вдоль туловища, пятки ног соединены. Ноги были несколько отодвинуты к западу относительно прямой линии верхней части скелета, соответственно закруглению восточной стенки камеры. Почти весь инвентарь был сконцентрирован у черепа и левого плеча покойника. За головой, с северной стороны, лежал железный прутик, более крупный, чем вышеописанные шилья или проколки, и такие же два пред-

---

[30] *Капошина С. И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи.— МИА, 1959, № 69, с. 135, рис. 39; *Sparkes B. A., Talcott L.* Op. cit., № 1491; *Зайцева К. И.* Местная керамика Ольвии эллинистического времени.— Тр. ГЭ, 1962, VII, с. 188, рис. 5; *Козуб Ю. І.* Ук. соч., с. 81, рис. 35, *1*; *Паровић-Пешикан М.* Ук. соч., с. 109—111, рис. 93, *6* и 94, *6*; *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Раскопки ольвийской агоры в 1970 г.— КСИА АН СССР, 1975, № 143, с. 17, рис. 6, *2*.

[31] В процессе раскопок скелеты, сохранившие анатомический порядок, получили свои номера по мере их раскрытия. Новая же нумерация погребений отражает их фактическую последовательность.

[32] *Козуб Ю. І.* Ук. соч., с. 114, рис. 52, *2*; *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник..., с. 173, рис. 53, *11*.

Рис. 10. Херсонесская амфора из тризны у могилы 1

мета находились выше правого плеча (рис. 6, *33*). Слева от черепа располагались три костяные ворворки[33] и маленькая костяная пронизь (рис. 6, *28—31*), ближе к левому плечу — бронзовые ворворка, спиральное колечко и сомкнутое кольцо (рис. 6, *25*, *27*, *32*), восточнее их — оселок (рис. 6, *24*). Непосредственно у левого плеча лежали бронзовая спиральная пронизь (рис. 6, *26*) и четыре бронзовых втульчатых наконечника стрел, из них три трехгранных со скрытой втулкой и один трехлопастной (рис. 6, *15—18*), а у предплечья — пять железных втульчатых наконечников стрел, из них один двухлопастной и четыре трехлопастных (рис. 6, *19—23*). На груди скелета найдены две небольшие стеклянные бусины. Под кистью правой руки оказалась бронзовая монета, испорченная коррозией и неопределимая. По стрелам погребение может быть датировано IV—III вв. до н. э.[34].

Над склепом, на 0,40 *м* выше уровня древней дневной поверхности, выявлены следы тризны (см. рис. 3). В 1,30 *м* к западу от стелы № 1 найдена в обломках херсонесская амфора (рис. 8, *4* и 10) и вместе с ней — чернолаковый гладкий канфар с отбитыми ручками, с процарапанной на шейке буквой N (рис. 8, *2* и 9,*2*)[35]. На том же уровне, в 0,60 *м* к северо-востоку от этой амфоры, обнаружен чернолаковый каннелированный канфар, не сохранивший ручек и поддона, с накладной гирляндой, выполненной жидкой глиной на горле с обеих сторон (рис. 9, *3*), отличающийся от встреченного в камере более высоким горлом, и рядом с ним — раковина каури (рис. 7,*5*). Канфары из тризны датируются концом IV — началом III в. до н. э.[36].

У амфоры часть ручки, где могло бы быть клеймо, отсутствовала (она реставрирована гипсом). Высота амфоры — 0,69, наибольший диаметр — 0,28, высота горла — 0,18, его внутренний диаметр — 0,084 *м*. Поверхность амфоры покрыта светлым ангобом, сохранившимся на нижней

---

[33] Аналогии см.: *Смирнов Г. Д.* Раскопки скифского кургана близ городища Калос Лимен.— ВДИ, 1952, № 4, с. 189, с. 3 (ворворки с остатками кожаных ремешков, завязанных узлами); *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.— ДВК, с. 179, рис. 28, *3*.

[34] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, Д1-4, 1964, с. 25, табл. 9.

[35] Граффити можно было бы принять и за лигатуру ΛΥ, но аналогичное начертание N известно на сосуде того же времени; см. *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, № 154.

[36] *Капошина С. И.* Ук. соч., с. 128, рис. 24—26; *Иванов Т.* Ук. соч., с. 197, № 476; *Парович-Пешикан М.* Ук. соч., с. 77, рис. 74, *3* и 75, *1*; *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник..., с. 160, рис. 42, *4*, *9*. А. Н. Щеглов, ознакомившийся с рукописью публикуемой статьи, высказал мнение, что это не тризна, а детское погребение в амфоре с несохранившимся скелетом. Однако слишком высокое залегание амфоры и наличие второго канфара в стороне от нее говорит скорее в пользу тризны. Дальнейшее накопление материала по Кульчукскому некрополю позволит проверить обе трактовки этих находок.

трети сосуда. Венчик имеет форму уплощенного, слегка нависающего валика, горло опоясано продавленной по сырой глине бороздкой, тулово яйцевидное, удлиненных пропорций, ножка заканчивается характерным валиком с глубокой выемкой в основании. Подобные амфоры, от которых кульчукская отличается только формой венчика, принято датировать концом III—II в. до н. э.[37] Условия же находки нашей амфоры в комплексе не позволяют относить ее ко времени позже начала III в. до н. э., что должно представить интерес для классификации херсонесских амфор.

Анализ инвентаря погребений кульчукской могилы 1 дает хронологический результат, соответствующий их наблюдаемой последовательности. Так, погребения 1—5, во всяком случае наиболее ранние из них, датируются IV в. до н. э., скорее серединой века. По указанным выше материалам Афинской агоры чернолаковая тарелка с пальметтами из этих погребений датируется даже второй четвертью IV в. до н. э. Остальные четыре погребения должны быть отнесены к концу IV в. до н. э., причем для наиболее поздних из них не исключено и начало III в. до н. э. Напомним, что в самом последнем погр. 9 керамики не было, что затрудняет его абсолютную датировку. Тризна могла быть совершена после любого захоронения. Наши находки позволяют говорить и о двух тризнах.

Такого типа погребальное сооружение на территории хоры Херсонесского государства открыто впервые. Для данного времени в некрополях античных поселений Северо-Западного Крыма известны подкурганные каменные склепы (Беляус, Чайка) [38], сырцовый склеп (Панское I), каменные ящики, грунтовые ямы (Панское I, Чайка) [39], бескурганные каменные ящики (плитовые гробницы) и ямы (Керкинитида) [40]. В соседнем Беляусском некрополе, где нами раскопано свыше 100 бескурганных земляных склепов (преимущественно Т-образной планировки, реже — двухкамерных) и небольших подбойных могил, почти все они датируются концом III в. до н. э.—I в. н. э.[41] Лишь один незаконченный земляной склеп (с погребениями во входном колодце, превращенном в камеру) и одну подбойную могилу можно отнести к концу IV — началу III в. до н. э.[42]

В самом Херсонесе типичной формой могилы классического и эллинистического времени является простая грунтовая яма [43]. Среди других одновременных кульчукской могиле 1 погребений в античных некрополях Северного Причерноморья некоторое сходство с ней можно усмотреть лишь в наиболее крупных подбоях Ольвии, происхождение конструкции которых связывают со скифскими катакомбами [44]. Аналогичное публикуемому как по форме, так и по размерам погребальное сооружение того

---

[37] *Ахмеров Р. Б.* Амфоры древнегреческого Херсонеса (IV—II вв. до н. э.).— ВДИ, 1947, № 1, с. 165, 166, рис. 4; *Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией.— МИА, 1951, № 19, с. 108, 112, рис. 5, *6*; *ее же.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83, табл. XXI, *39б*; *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор.— НЭ, 1974, XI, с. 109, 110, рис. 3, *б* и 4, *б* (тип IIВ).

[38] *Дашевская О. Д.* Два склепа Беляусского могильника.— КСИА АН СССР, 1969, № 119; *ее же.* Каменные склепы Беляусского могильника.— КСИА АН СССР, 1976, № 145; *Коновалов А. А.* Раскопки некрополя у дер. Заозерное.— АО — 1973. М., 1974, с. 289.

[39] *Щеглов А. Н., Гилевич А. М., Глазунов В. В., Кац В. И., Рогов Е. Я.* Изучение поселения и некрополя Панское I на хоре Херсонеса.— АО — 1974. М., 1975, с. 376; *Коновалов А. А.* Раскопки некрополя близ дер. Заозерное.— АО — 1972. М., 1973. с. 293, 294.

[40] *Романченко Н. Ф.* Ук. соч.

[41] *Дашевская О. Д., Голенцов А. С.* Раскопки городища Беляус и его некрополя.— АО — 1974. М., 1975, с. 273—274; *Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Михлин Б. Ю., Старченко Е. В.* Раскопки на Беляусе.— АО — 1975. М., 1976, с. 321, 322.

[42] *Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Старченко Е. В.* Раскопки городища и некрополя Беляус.— АО — 1976. М., 1977.

[43] *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса..., с. 275.

[44] *Парович-Пешикан М.* Ук. соч., с. 14—19.

же времени (катакомба первого типа, по классификации Б. Н. Гракова) было раскопано в 1937 г. близ Никополя в кургане 4 [45].

Кульчукский погребальный комплекс, относящийся, несомненно, к периоду херсонесского господства на исследуемой территории, соединяет в себе черты, не все из которых поддаются достоверному этническому определению. О характере погребального сооружения говорилось выше. Северная ориентация, отмеченная у трех скелетов (у остальных шести, смещенных, она, судя по форме камеры, была такой же), не являлась специфической ни для скифов, ни для греков. Что же касается погребения, для которого был предназначен каменный ящик, то форма последнего указывает на восточную ориентацию, присущую преимущественно грекам. Обряд многократных захоронений со сдвиганием костей и инвентаря предыдущих покойников, хотя и не типичен для греков Северного Причерноморья, был известен в античном мире [46]. При этом в отношении «коллективности» наиболее близкие территориально и хронологически аналогии изучаемый памятник находит в скифских погребениях Восточного Крыма — во Фронтовском грунтовом могильнике V—IV вв. до н. э. (в грунтовых ямах, не более трех человек) [47] и в рядовых курганах Керченского полуострова IV—III вв. до н. э. (в грунтовых ямах, примитивных земляных склепах и каменных ящиках, от четырех до 25 человек) [48], а также в греческом некрополе близ Мирмекия IV—III вв. до н. э. (в вырубленных в скале склепах, от двух до восьми человек) [49]. Позже этот обычай получает распространение у крымских скифов [50] и ярко представлен в Беляусском могильнике. Обряд тризны свойствен как скифским, так и греческим погребениям, причем на Боспоре наблюдается чаще всего расположение тризны к западу от могилы [51], как это имело место и в нашем случае. Признаками, говорящими в пользу греческого этноса погребенных в кульчукской могиле 1, являются надгробные стелы из тесаного камня (на которых вполне могли быть надписи краской [52]), монета в правой руке одного из покойников (кстати, сопровождаемого стрелами), греческие граффити на трех чернолаковых сосудах. Такие особенности данной могилы, как сооружение над ней каменного ящика, а в камере — подпорного столба, сдвигание закладных плит внутрь камеры, представляются уникальными.

Рассмотренное в начале этой статьи головообразное надгробие херсонесского типа (рис. 1, *1*) является принадлежностью еще одного греческого погребения, близкого по времени к могиле 1. Большая же антропоморфная стела I в. н. э. (рис. 1, *2*) свидетельствует о том, что в Кульчукском некрополе совершались захоронения и в позднескифский период. Эти данные согласуются с материалами, полученными при раскопках городища.

Нижняя дата могилы 1, т. е. середина IV в. до н. э., может служить пока наиболее твердым обоснованием даты возникновения Кульчукского городища и важна тем самым для уточнения времени освоения Херсонесом южного побережья Тарханкута.

---

[45] *Граков Б. Н.* Ук. соч., с. 74, 75, рис. 2А, *6*.

[46] *Блаватский В. Д.* Античная полевая археология. М., 1967, с. 153—157.

[47] *Корпусова В. М.* Ук. соч., с. 44, 45.

[48] *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения..., с. 119—121, 131, 132; *ее же.* Скіфи Східного Криму..., с. 55, 56.

[49] *Капошина С. И.* Ук. соч., с. 109 сл.

[50] *Троицкая Т. Н.* Скифские курганы Крыма.— ИКОГО, 1951, № 1, с. 97; *Хазанов А. М.* Скифские коллективные погребения в курганах Крыма.— Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции. М., 1960.

[51] *Кастанаян Е. Г.* Обряд тризны в боспорских курганах.— СА, 1950, XIV, с. 126, 127 сл.

[52] Ср. *Соломоник Э. И.* Памятники с надписями.— СХМ, IV (Башня Зенона, исследования 1960—1961 гг.), 1969.

O. D. Dachevskaïa

LES PREMIERES EXPLORATIONS DE LA NECROPOLE DE KOULTCHOUK EN CRIMEE

Résumé

Cette nécropole, qui appartenait à la cité gréco-scythe du même nom, se trouve sur le littoral N.-O. de la Crimée, sur la rive S. de la presqu'île de Tarkhankout. A fleur de sol ont été trouvées deux stèles funéraires: l'une du type de Chersonèse, en forme de tête, date du IVe ou IIIe s. av. n. è. (fig. 1, *1*); l'autre, une figure primitive, de type scythe tardif, date du Ier s. de n. è. Dans cette nécropole on a dégagé, en 1973, une tombe avec deux stèles in situ (fig. 1, *3*). La construction funéraire consiste en une fosse d'entrée et un caveau disposés parallèlement (fig. 2, *5*). Dans le caveau avaient été successivement inhumées neuf personnes. Les ossements des six premiers squelettes gisaient en désordre, tandis que les trois autres avaient conservé la disposition anatomique. La dernière inhumation était séparée des précédentes par des dalles de barrière poussées à l'intérieur de la chambre funéraire. Au centre de cette dernière, au-dessus du corps, avait été fait de dalles de pierre un pilier de soutien (fig. 4, *b* et 5, *1*). Le mobilier funéraire (fig. 6—9) se compose de vases à vernis noir, d'un flacon, de flèches, d'une pierre à aiguiser, de pesons pour fuseaux en argile et en plomb, de bijoux de bronze, de grains de verroterie et d'une coquille. Dans la main du dernier corps inhumé se trouvait une pièce de monnaie. Du festin funéraire sont restés deux canthares à vernis noir (fig. 9, *2, 3*) et une amphore de Chersonèse (fig. 8, *4* et 10). Au-dessus de cette tombe, à la surface du sol, avait été installée une caisse de pierre pour l'inhumation d'un enfant (fig. 2). Dans le caveau les inhumations avaient eu lieu du milieu du IVe jusqu'à la limite entre de IVe et le IIIe s. av. n. è. C'est la première fois qu'une telle sorte de tombe est découverte dans le N.-O. de la Crimée. Elle se rapporte à la période de la domination de Chersonèse sur ce territoire, et tout fait croire que des Grecs y avaient été inhumés. La date la plus ancienne de ce monument — le milieu du IVe s. av. n. è.— permet de préciser l'époque du rattachement de la côte sud de la péninsule de Tarkhankout à l'Etat de Chersonèse.

М. Х. ИСАМИДДИНОВ

СТРАТИГРАФИЯ ГОРОДИЩА ЕР-КУРГАН В ЮЖНОМ УЗБЕКИСТАНЕ

Кашкадарьинским отрядом Института археологии АН УзССР с 1973 г. ведутся раскопки на одном из городищ Южного Согда — Ер-Кургане [1].

Одним из основных объектов работ был раскоп 5, который был заложен в северо-западной части городища в 200—250 *м* к северу от центрального холма на западной окраине длинного крупного холма, который тянется от цитадели вдоль северной крепостной стены до северо-западных ворот [2].

В 1947 г. на восточной части этого холма С. К. Кабановым был заложен небольшой раскоп, в котором была открыта керамическая печь и хозяйственные помещения с небольшим двориком [3].

Аналогичная картина наблюдалась и на территории заложенного нами раскопа. Подъемный материал с его поверхности состоит из большого количества керамических черепков и печного припаса, найдена также матрица для изготовления статуэток.

В результате раскопочных работ на пятом объекте на верхнем уровне открыты два помещения (1 и 2) и длинный, узкий коридор, связанный с помещением 1 (рис. 1, *б*). Длина коридора более 7 м. Ширина равна 0,95—1,0 *м*. Сильно оплывшая южная стена, имеющая толщину 60—100 *см*, сложена из сырцовых кирпичей размером 40×?×8, 39×?×8 *см*. В центральной части коридора под рыхлым дерновым слоем находился завал из кирпича-сырца, очевидно, от верхних частей стен коридора. В западной части коридора сохранился пол с хорошей обмазкой, толщиной 2—3 *см*. Здесь встречены фрагменты изящных тонкостенных чаш с черным или темно-коричневым ангобом, бокалы и т. д.

В завале середины коридора на глубине 45—50 *см* найдена керамическая печать с древнесогдийской надписью, фрагмент терракотовой статуэтки.

Помещение 1 (6,40×4,60 *м*), Северо-западная стена помещения имеет сохранившуюся местами саманную штукатурку. Помещение было забутовано плотно утрамбованной глиной и сырцовым кирпичом. На полу найдено несколько разбитых хумов и фрагменты более мелкой посуды. Керамика, найденная в помещении, аналогична керамике из коридора.

---

[1] *Сулейманов Р. Х.* Результаты изучения городища Ер-Курган — древней столицы Южного Согда.— Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции), ч. II. Киев, 1975, с. 46; *Сулейманов Р. Х., Исамиддинов М. Х., Сабиров К., Нефедов Н.* Раскопки на городище Ер-Курган.— АО — 1974. М., 1975; *Сулейманов Р., Туребеков М., Нефедов Н.* Раскопки на городище Ер-Курган.— АО — 1975, М., 1976; *Сулейманов Р., Исамиддинов М., Туребеков М., Нефедов Н.* Основные итоги раскопок на Ер-Кургане.— АО — 1976, М., 1977.

[2] *Исамиддинов М.* Керамический комплекс Южного Согда первых веков нашей эры.— Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции, ч. II, Киев, 1975, с. 45.

[3] *Кабанов С. К.* Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе.— В сб.: Тр. Института истории и археологии, т. II, Ташкент, 1950, с. 106—134.

Характерной находкой для этого горизонта является глиняная очажная подставка с углублением в нижней части. В этом же помещении под дерновым слоем обнаружена монета нахшебского чекана V—VI вв.[4]. По мнению С. К. Кабанова, нахшебские монеты выпускались в течение 85 лет, т. е. с 480 по 563—567 г. н. э.[5].

Помещение 2, смежное с помещением 1, находится к северу от него. Глинобитные стены его очень плохо сохранились, размеры помещения 4,5×2,7 *м*. Ширина юго-западной стенки 80 *см*, остальных — по 40 *см*. После того как было вынуто рыхлое заполнение, открылся пол, покрытый глиняной обмазкой. В северо-западной части на полу обнаружен ручной жернов прямоугольной формы с отверстием посередине. Юго-западная часть пола помещения была вымощена фрагментами крупных сосудов.

Помещение 3. В юго-восточной части раскопа было открыто третье помещение, относящееся к более раннему периоду, к его стене с западной стороны непосредственно примыкает керамический отвал на высоту до 0,5 *м*, под которым построены помещения 1 и 2. Западная стена помещения 6,5 *м*, а восточная стена не выявлена. Помещение было забутовано. Стенки выложены из твердой пахсы, сохранились на высоту до 40—60 *см*, толщина их 0,5 *м*.

К западу от этого помещения был открыт дворик, заполненный отходами керамических мастерских, уходящими вниз под полы помещений.

В 2 *м* к западу от помещения, в квадратах Л-18, Л-19, Л-20, Л-21, Л-22 заложен шурф, в квадратах Л-19, Л-20 раскоп доведен до уровня воды.

При снятии каждого наслоения керамического отвала, а также в слоях, лежащих ниже отвала, основное внимание уделено стратиграфии с целью выделения керамики для каждого слоя с максимальной точностью. При этом выделены даже золотистые прослойки, различающиеся между собой своим цветом (например, слой золы черного цвета, слой золы серо-голубого цвета, слой золы белого цвета). Начиная с дневной поверхности до уровня воды выделено 52 прослойки, различающиеся по структуре: глина, зола, рыхлая земля, органические остатки, строительные остатки, полы и т. д. (см. рис. 1, *а*, разрез по линии А—Б). Такой подход к изучению керамического отвала дал возможность проследить хронологическое развитие отдельных форм керамики, а также дал интересные наблюдения по гончарному производству в целом, так как раскапываемая часть раскопа служила некоторое время местом для свалки отходов керамического производства.

Фиксация керамики отдельно по каждому микрослою дает возможность максимально объективной группировки этих микрослоев с целью выделения керамических комплексов. Принятая сейчас фиксация по строительным горизонтам или условным ярусам (высотой по 50 *см* каждый) привела бы в нашем случае к смешению материалов комплексов В—Г—Д и отчасти Б и В. Стратиграфическое значение границ между микрослоями с керамикой разных комплексов не было бы вообще установлено на основании изучения характера наслоений без одновременного анализа керамики, фиксируемой уже в ходе раскопок по микрослоям. В частности, микрослой 46 (рис. 1, *а*) находится ниже пола и по строительному горизонту он был бы отнесен к комплексу Б, но керамика в нем гораздо ближе к керамике из микрослоев 44—35, чем к керамике из микрослоев 47—50 (комплекс Б). Включение в комплекс Б керамики из микрослоя 46 заметно уменьшило бы четкость различий между комплексами Б и В, а это затруднило бы в дальнейшем использование комплексов Б и В как хронологических эталонов. Каждый из комплексов

[4] *Кабанов С. К.* Нахшебские монеты V—VI вв.— ВДИ, 1961, № 1, с. 137—144.
[5] Там же, Ук. соч., с. 143.

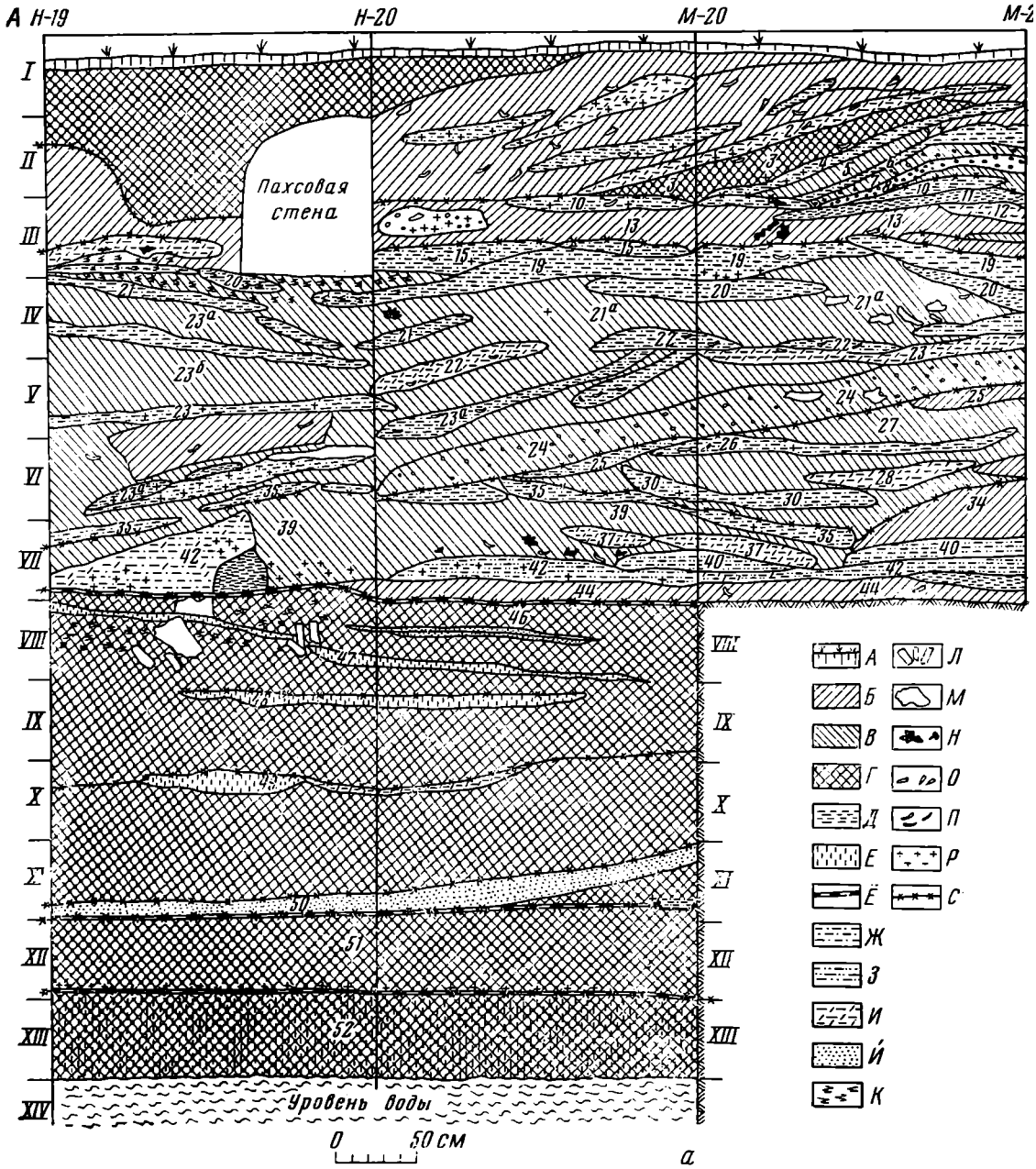
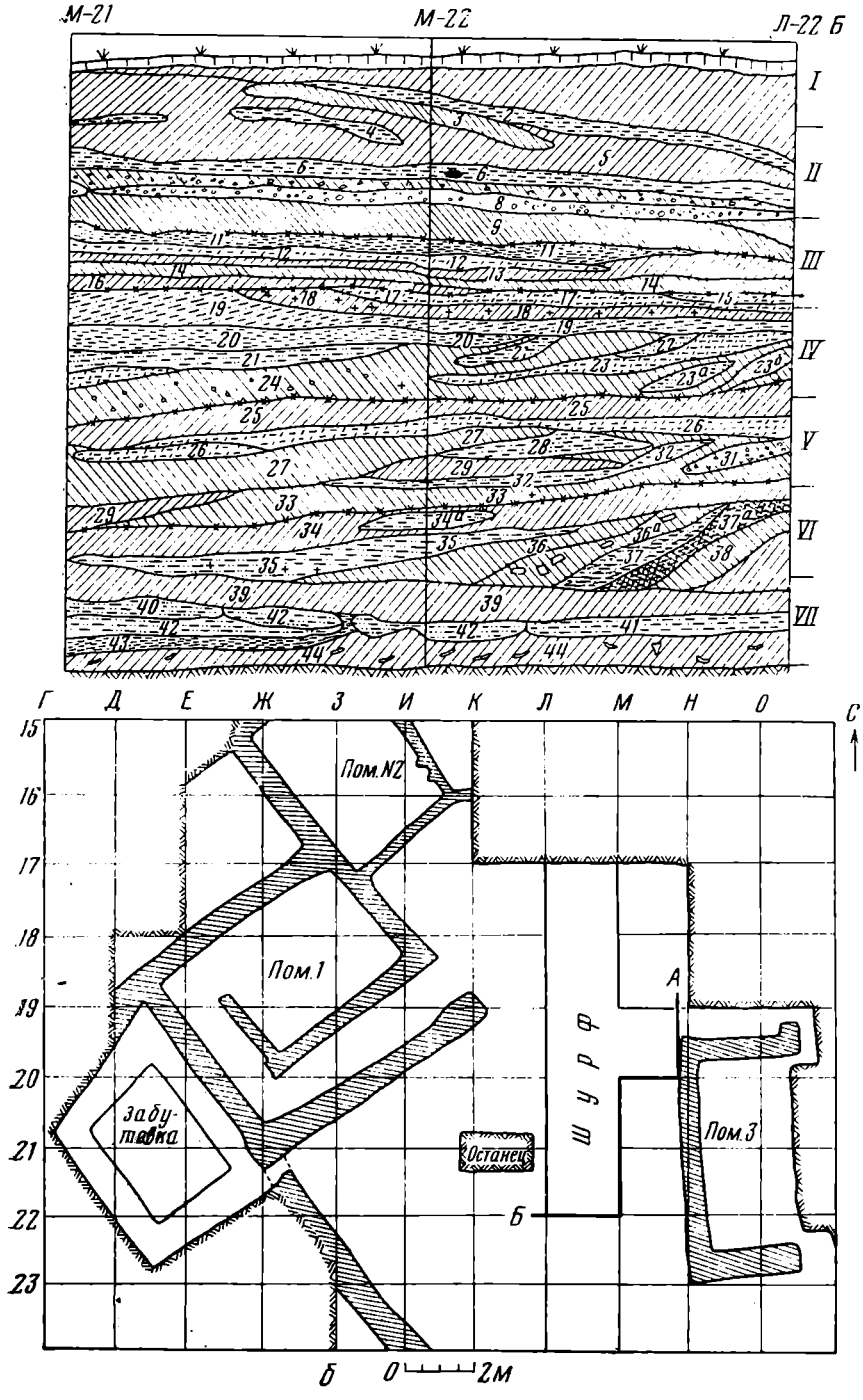


Рис. 1. *а* – разрез по линии А–Б 5 объекта; *А* – дерновый слой; *Б* – рыхлый золистый слой с органическими остатками; *В* — плотная земля; *Г* — очень твердая, утрамбованная земля; *Д* — обгорелый слой; *Е* — зеленовато-серый слой земли; *Ё* — пол; *Ж* — зола белого цвета; *З* — зола голубовато-серого цвета; *И* — зола черного цвета; *Й* — органические остатки; *К* — смешанный слой; *Л* — кирпичи; *М* — обломки пахсы; *Н* — шлак; *О* — кости; *П* — керамика; *Р* — уголь; *С* — граница слоев с заметными различиями в керамике; *б* – план 5 объекта

характеризуется прежде всего появлением новых ведущих форм (рис. 8, *б*). На рисунке показано появление только тех новых форм, которые составляют значительный процент керамики. Однако в ходе исследования такую «комплексоразделяющую» роль играли и другие упоминаемые в тексте формы посуды. Таким образом, комплекс выделяется на основе стратиграфии, которая, однако, рассматривается в связи со спецификой материала более дробно, чем это обычно делается.

В процессе раскопок выявилось шесть хронологически последовательных керамических комплексов:



А. Керамика из 52—51- слоев, состоящих из плотной земли, разделенной полом на два слоя. Здесь были найдены стенки хумов, имеющих бороздки рифления (рис. 2, *2*). В комплексе имеется фрагмент хумчи с манжетовидным венчиком (рис. 2, *1*). Аналогичные венчики от хумчей с цилиндрическим туловом найдены при раскопках 1976 г. в слоях середины I тысячелетия до н. э. Для всех сосудов характерны не только широко распространенные профили «ахеменидской керамики», но их объединяет единый признак — наличие мелкого песка в коричневато-розовом тесте. В этих же слоях найдены хумчи с валикообразными, слегка заостренными наружу венчиками, тесто коричневато-розового цвета, покрыты серовато-белым ангобом (рис. 2, *3*); корчаги с вогнутым, заостренным венчиком (рис. 2, *4*). Интересны фрагменты двух красноангобиро-

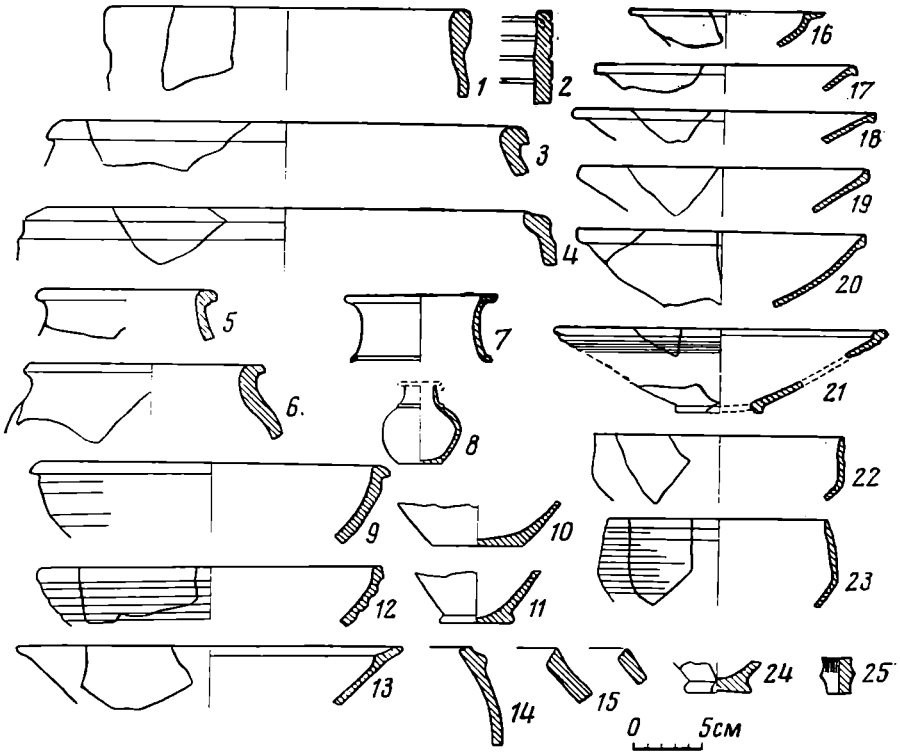


Рис. 2. Комплекс А

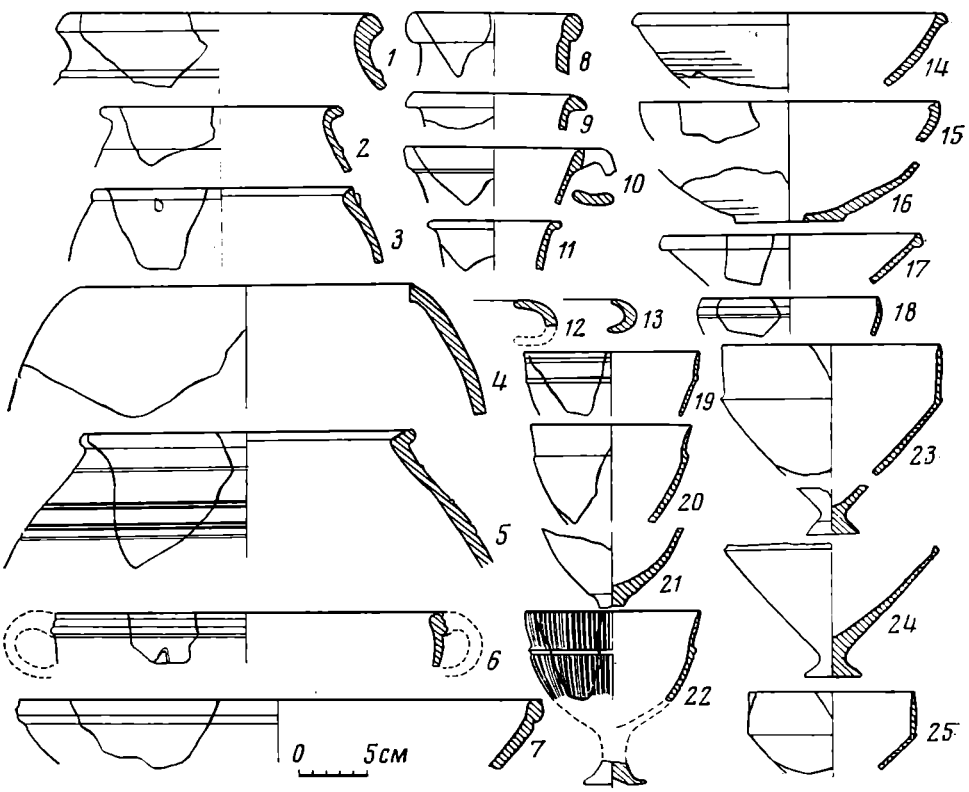


Рис. 3. Комплекс Б

ванных кувшинов, один из них имеет четко профилированный, Г-образной формы венчик с короткой шейкой, у перехода к плечику имеется округлый валик (рис. 2, *7*).

Второй миниатюрный кувшинчик такой же по тесту и ангобу. На этом сосудике также у перехода шейки к плечику имеется округлый валик (рис. 2, *8*). Очевидно, оба сосуда изготовлены в одной мастерской, причем как подражание форме больших сосудов.

К продукции этой же мастерской можно отнести миниатюрную тарелочку с четко профилированным краем (рис. 2, *16*). Тесто сосуда, ангоб, гладкая поверхность и, наконец, отдельные признаки способа изготовления сосуда, которые отразились в деталях профиля, напоминают описанные выше кувшины.

Для этого комплекса характерными являются чаши со слегка расширяющимися кверху корпусами, с внешней стороны которых имеются ложбинки рифления (рис. 2, *12*), черепок розовый; тарелковидные чаши с оттянутым краем (рис. 2, *13*). Аналогичные сосуды встречаются в слое Афрасиаб II [6].

В комплексе имеются тарелки с вогнутыми внутрь краями, с внешней стороны у них рифление. Найдены и донца, видимо, от этих тарелок, они на кольцевом поддоне (рис. 2, *21*), который в поздних слоях Ер-Кургана не встречается.

Несколькими экземплярами представлены блюдца; в отличие от более поздних они приземистые, более открытые, наклоны стенок больше (рис. 2, *17—20*). Угол поверхности устья с внутренней стороной стенки составляет от 27 до 40°. Такие наклоны не встречены в следующих по времени комплексах (рис. 8, *а*).

Для этого комплекса характерны также чашевидные кубки, видимо, на дисковидном поддоне (рис. 2, *11, 23, 24*) — предшественники цилиндроконических кубков. Найден фрагмент краснолощенного бокала (рис. 2, *25*). Судя по сохранившейся части, он приземистый. В том же слое найдены котлы, изготовленные на гончарном круге, иногда они имеют круглый налеп под венчиком (рис. 2, *14, 15*). Для этого комплекса характерны также донца, видимо, кувшинов (рис. 2, *10*) с розовым черепком, поверхность их очень гладкая, такие же черепки встречены в соответствующих по дате слоях других объектов Ер-Кургана.

Б. Керамика из 50—47 прослоек (от пола с рыхлыми отложениями органических остатков до тонких натечных слоев). В этом периоде появляются хумчи и горшки с валикообразным пояском у основания горловины (рис. 3, *1, 2*), красноангобированные корчаги со сложно профилированными венчиками, волнистым орнаментом с внешней стороны вертикальной стенки (рис. 3, *6*). Найдены разнообразные формы кувшинов: тонкостенный кувшин с валикообразным венчиком (рис. 3, *8*), широкогорлый кувшин с манжетовидным венчиком и сужающейся вниз горловиной (рис. 3, *10*), вместе с тем еще сохраняются красноангобированные кувшины с Г-образным венчиком, несколько огрубленных очертаний (рис. 3, *11*), кроме того здесь и ангоб и качество изготовления ухудшились по сравнению с аналогичными кувшинами предшествующего периода. Еще производятся чаши со слегка расширяющимися кверху стенками, с внешней стороны которых в ранних слоях имелись бороздки рифления, но здесь эти бороздки менее четкие (рис. 3, *14, 15*). С конца этого этапа появляются красноангобированные чаши с двумя горизонтальными бороздками в верхней части стенок (рис. 3, *16, 18*). На этом этапе блюдца становятся более вытянутыми, чем ранние блюдца (рис. 3, *17*), наклон стенок у них от 45 до 47° (см. рис. 8, *а*). Основная господствующая форма в комплексе — это цилиндроконические кубки на

---

[6] *Шишкина Г. В.* Эллинистическая керамика Афрасиаба.— СА, 1975, № 2, с. 65, рис. 5, *2*.

ножке (рис. 3, *23—25*). Встречаются и другие варианты этих кубков. Имеются фрагменты красноангобированного бокала с плотным полосчатым лощением (рис. 3, *21*). Кроме этих резко различающихся форм имеются и бокалы более вытянутой формы (рис. 3, *10—21*). У них тесто и ангоб (особенно способ нанесения ангоба) те же, что и у кубков цилиндроконической формы (рис. 3, *23—25*), возможно, они производились в одной мастерской с этими кубками. По форме эти сосуды несколько напоминают редкие в этом слое красноангобированные бокалы на полой ножке (рис. 3, *22*).

Несмотря на различие форм этих бокалов и кубков, у них имеется единый признак, который характерен для данного слоя. Это наличие коленчатого излома в тулове в виде ступеньки, иногда образующего валикообразный поясок.

Продолжают изготовляться на гончарном круге округлые котлы, иногда с налепами на плечике; в тесте их имеется гипс и мелко толченый песок (рис. 3, *3, 4*).

Найдены фрагменты керамических изделий (рис. 3, *12, 13*), которые, по мнению М. Г. Воробьевой и М. М. Рожанской, могли быть простейшими плоскими астролябиями для измерения высоты светил над горизонтом [7].

В. Керамика из нижних 46—35 прослоек керамического отвала с однородным материалом.

В этот период производство красноангобированной керамики резко увеличивается. Появляются всевозможные формы горшков (рис. 4, *1—9*), большинство с уступом для крышек (рис. 4, *2—4, 8*), иногда с отверстиями на горловине (рис. 4, *3*). Имеются цилиндрические горшки со светло-серым черепком (рис. 4, *17, 18*). Продолжается производство красноангобированных корчаг с вертикальными стенками и профилированными венчиками в виде двух или трех валиков (рис. 4, *10, 11*), вертикальная стенка которых украшена волнистым прочерченным орнаментом, видимо, эти сосуды имели поддон (рис. 4, *14*).

Кувшины представлены в основном двумя видами.

1) Кувшины с профилированными, а иногда слегка заостренными наружу венчиками (рис. 4, *12*), с серовато-коричневым черепком. Их поверхность покрыта серовато-белым ангобом.

2) Кувшины с профилированными венчиками в виде двух валиков (рис. 4, *13*), с красновато-розовым черепком, ангоб отсутствует. Эти различия, которые удается уловить по мелким признакам, не являются хронологическими, они лишь указывают на происхождение сосудов из различных мастерских, имеющих свою технологическую специфику.

Иногда встречаются тонкостенные кувшины, пережженные до черного цвета с зеленоватой поверхностью.

Блюдца в отличие от происходящих из нижних слоев более вытянутые, углы стенок к устью 50—54° (см. рис. 8, *а*). Выпускались всевозможные варианты чашевидных тарелок, у всех этих тарелок края более вытянутые (рис. 4, *27—35*). Преобладают чашевидные тарелки с бороздками в верхней трети с внутренней стороны (рис. 4, *27, 28, 30*), сосуды покрыты с внутренней стороны черным или красным ангобом, с внешней имеют серую или розовато-серую поверхность.

Характерными сосудами для рассматриваемого комплекса являются открытые толстостенные красноангобированные чаши с бороздками в верхней трети с внутренней стороны (рис. 4, *36, 37*). Около 15% всей выпускаемой продукции составляют описанные выше чаши (см. рис. 8, *б*).

---

[7] *Воробьева М. Г., Рожанская М. М.* О некоторых астрономических функциях Кой-крылган-калы.— ТХАЭЭ, V, 1967, с. 251—264. Многочисленность таких изделий на Ер-Кургане заставляет усомниться в их использовании в качестве астрономических инструментов.

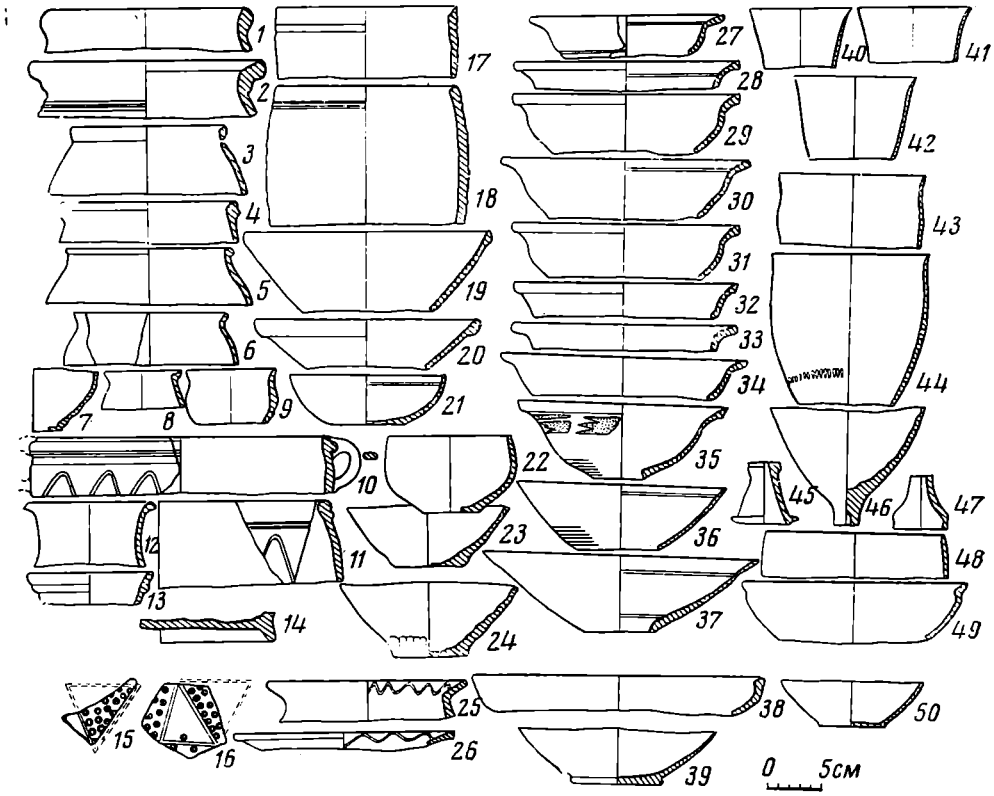


Рис. 4. Комплекс В

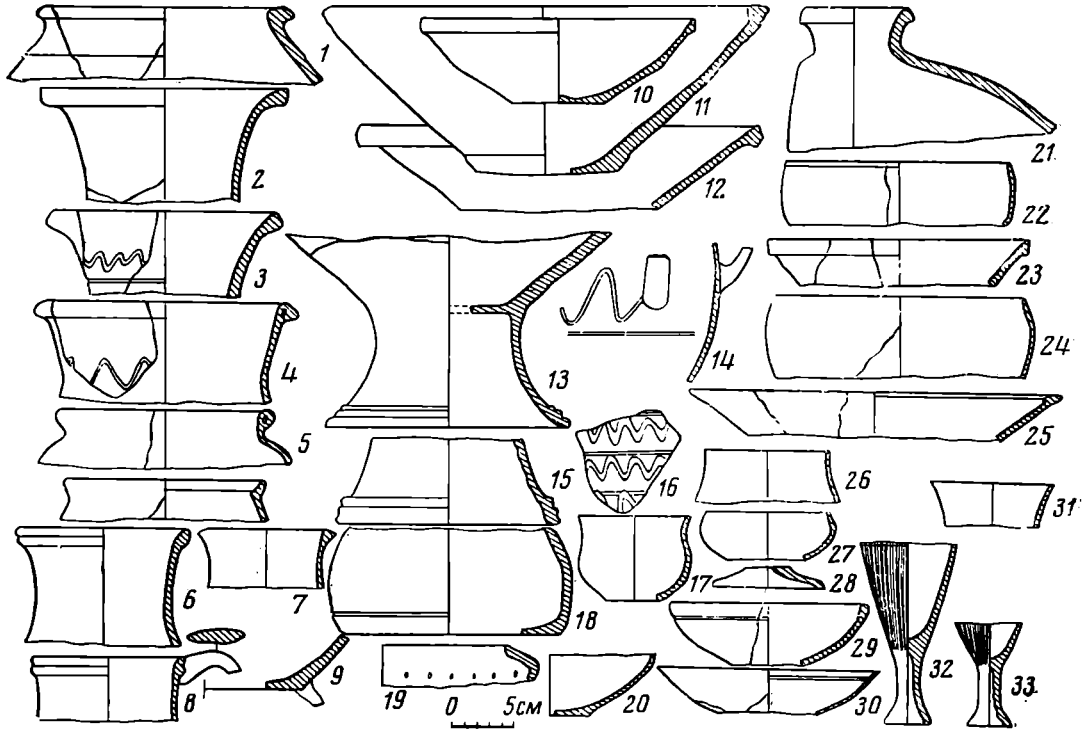


Рис. 5. Комплекс Г

В то же время встречаются чаши с вертикальным бортиком, но в небольшом количестве (см. табл. 1), нестандартные и некачественные.

Около 10% составляют чаши с уступом венчика (рис. 8, *б*), имеют коричневато-красный черепок, с внутренней стороны покрыты красным или коричневым ангобом (рис. 4, *49*).

В этот период красноангобированные бокалы производились на полой ножке (рис. 4, *40—48*), в то же время отсутствуют цилиндроконические кубки на ножке. В отличие от бокалов из предшествующих слоев они не имеют лощения и изломов в профиле.

Встречаются красноангобированные тонкостенные вытянутые бокалы с коническим верхом (рис. 4, *40—42*), а также широкие сероглиняные (рис. 4, *48*). Имеются изящные пиалы (рис. 4, *22*), несколько напоминающие аналогичные сосуды древней Бактрии.

Орнаменты. Наряду с прочерченным волнистым орнаментом[8] (рис. 4, *10, 11, 25, 26*) широко применяются прочерченные бороздки, проведенные с внутренней стороны чаш (рис. 4, *17, 28, 30, 36, 37*). Встречается своеобразный орнамент в виде вертикальных углублений (рис. 4, *24, 44*); возможно, это признак продукции одной мастерской (своеобразное «клеймо»), выпускавшей керамику нескольких типов.

Имеется орнамент из треугольников, заполненных кружочками, такой же орнамент широко распространен в одновременных памятниках Северной Бактрии[9].

В этом же слое найдена керамическая булла, изображающая всадника, сидящего на грифоне, возле богини[10]. Изображение всадника близко к изображению всадника на монетах Сотер Мегаса[11].

Г. Керамика из наклонных рыхлых прослоек отвала керамических мастерских (прослойки 34—19).

В этот период производство красноангобированных чаш с вертикальными бортиками (рис. 5, *22*) резко увеличивается, от 11% на первом этапе отвала до 44% на втором этапе. В отличие от прежних чаш они качественные и стандартные (см. табл. 1).

Например: в 32 слое всего найдено 20 фрагментов чаш с вертикальными бортиками, из них 10 экз. чаш диаметром 17 *см*, 6 экз.— 16 *см*, в 31 слое всего найдено 21 фрагмент чаш с вертикальными бортиками, из них 17 экз. диаметром 15 *см*, 2—14 *см*.

Основная масса чаш с вертикальным бортиком имела диаметр не больше 17 *см*, в единичных случаях диаметр достигал 18—20 *см*, однако позднее (комплекс Д) диаметры чаш увеличиваются до 18 *см*, иногда до 21, 22 *см* (табл. 1). Различия средних диаметров были проверены с помощью статистических методов. Для большей точности слои керамических комплексов В и Д были подразделены на меньшие комплексы: $В_1$ — из прослоек 46—38; $В_2$ — из прослоек 37—34, $Д_1$ — из прослоек 18—13 и $Д_2$ — из прослоек 11—6. Расчеты разности средних по критерию Стьюдента[12] показали, что с вероятностью, близкой к 100%, имеется существенное различие между диаметрами чаш комплексов $В_1$ ($\bar{x}=18{,}3$) и $В_2$ ($\bar{x}=15{,}2$), а также Г ($\bar{x}=15{,}9$) и $Д_1$ ($\bar{x}=19{,}29$).

---

[8] Наиболее близкие аналоги имеются в материалах слоя Кобадиан IV. См. *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.).— МИА, № 37, 1953, с. 288. рис. 24.

[9] По словам В. М. Массона, аналогичный треугольный орнамент, заполненный кружочками, найден в соответствующих слоях Зартепе.

[10] Булла готовится к печати отдельно.

[11] *Массон М. Е.* К вопросу о происхождении «безымянного царя».— Бюл. САГУ, вып. 23. Ташкент, 1945; *его же.* Происхождение безымянного «царя царей великого спасителя».– Тр. САГУ, нов. сер. вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, Ташкент, с. 11—49; *Rosenfield M.* The dynastic arts of the Kushans. University of California Press Berkeley and Los Angeles, 1967, pl. I, *14, 15.*

[12] *Урбах В. Ю.* Биометрические методы. М., 1964, с. 147—154; *Ван дер Варден В. Д.* Математическая статистика. М., 1960, с. 148—154.

Таблица 1

	Слои	Диаметры чаш с вертикальным бортиком в см													Всего
		11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
Е	Слой помещения										3	1			4
	6									1	2				3
$Д_2$	8									2					2
	9									5	3				8
	11									2	1	1			4
	Общее количество периода $Д_2$									10	6	1			17
	13								3	4	2	3	2		14
	15							2	3	3	1		1		10
$Д_1$	16							1	4	2	8	3			18
	17						1	1		1	3				6
	18							2		9	1	2	1		15
	Общее количество периода $Д_1$						1	6	10	19	15	8	4		63
	Общее количество периода $Д_1Д_2$						1	6	10	29	21	11	6		84
	21			1			6	3							10
	24							2							2
	26			1				2	1						4
	27					1	2	1							4
Г	28				1	2									3
	30				1	2									3
	31				2	17		1		1					21
	32	1			1		6	10	2						20
	33						3	4							7
	Общее количество периода Г	1		2	5	22	17	23	3	1					74
	34	2		1	1	1	1	1							7
$В_2$	35						1			1	1				3
	36					1			1						2
	37				1	3									4
	Общее количество периода $В_2$	2		1	2	5	2	1	1	1	1				16
	38								6						6
	40								1					1	2
$В_1$	42						1	1			1				3
	44							2	2		2				6
	46								1						1
	Общее количество периода $В_1$						1	3	10		3			1	18
	Общее количество периода $В_1В_2$	2		1	2	5	3	4	11	1	4			1	34

Производство открытых красноангобированных чаш с бороздками уменьшилось (рис. 8, *б*), встречаются единичные фрагменты (рис. 5, *30*).

Появились вазообразные сосуды на высокой устойчивой ножке (рис. 5, *13, 15*). Продолжается выпуск всевозможных форм горшков (рис. 5, *1, 5, 6*). Появились широкогорлые кувшины (рис. 5, *2, 3, 4*), иногда с волнистым, прочерченным орнаментом по горловине. Кувшины — с профилированными венчиками в виде двух валиков, в отличие от прежних они покрыты светло-серым ангобом (рис. 5, *6, 8*).

Стало больше появляться конических блюдец (рис. 5, *12*). Они в основном изготовлены грубо, покрыты светло-серым ангобом, иногда встре-

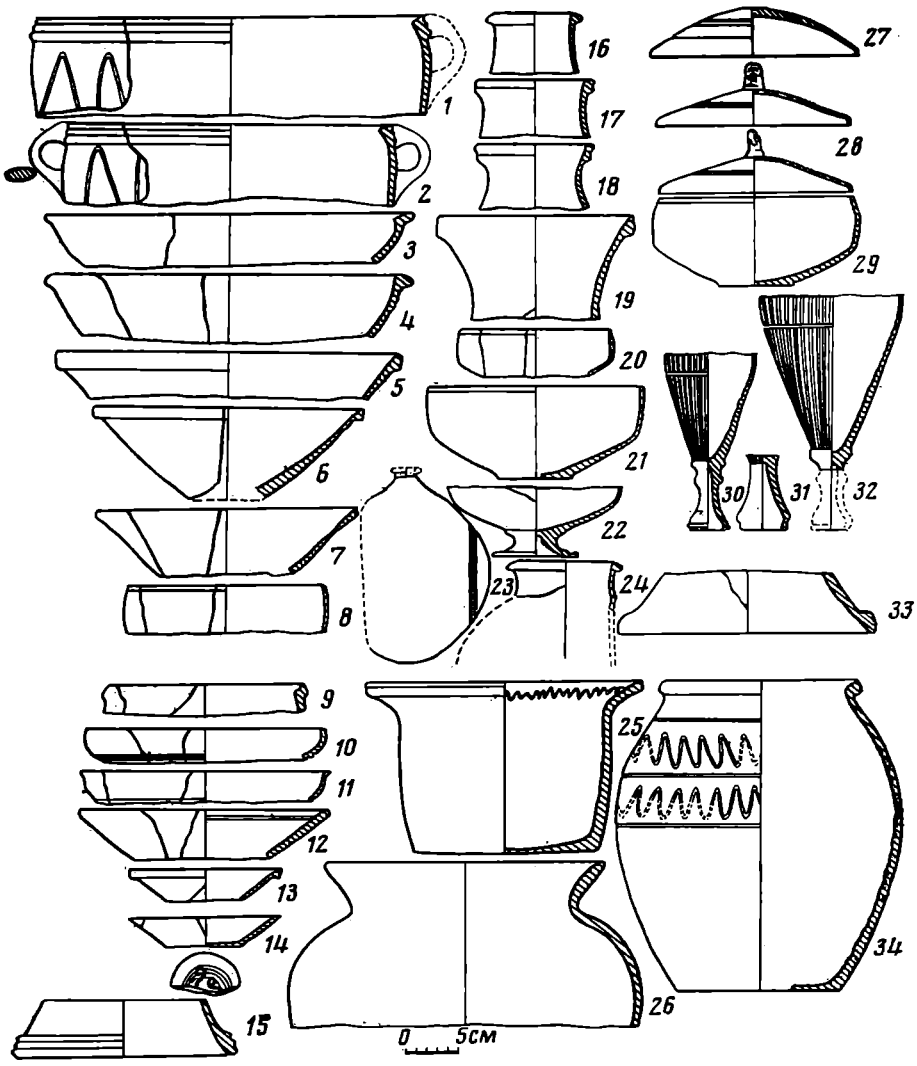


Рис. 6. Комплекс Д

чаются более парадные блюдца с уплощенным Т-образным венчиком, с внутренней стороны покрытые темно-красным ангобом (рис. 5, *11*).

Блюдца по сравнению с первым этапом отвала (В) существенно не меняются, но замечается некоторая их приземистость.

На этом этапе больше появляется вытянутых красноангобированных бокалов с вертикальным лощением (рис. 5, *31—34*), но нельзя сказать, что уже перестали производить рюмкообразные бокалы с полосчатым лощением, они встречаются еще на третьем этапе отвала (Д).

Д. Керамика из горизонтальных прослоек, соответствующих полу помещения 3 (прослойки 18—4).

Керамика в основном похожа на керамику предыдущего комплекса. Встречаются чаши на полой ножке (рис. 6, *22*), с темно-красным ангобом внутри. Ножки бокалов становятся сложно профилированными, ангоб этих бокалов темно-коричневый (рис. 6, *30—32*), но вместе с тем еще встречаются объемистые рюмкообразные бокалы с полосчатым лощением.

Корчаги с вертикальными бортиками имеют венчики с тремя валиками. Чаши с вертикальными бортиками стали встречаться чаще, их более 50% (рис. 8, *б*). Диаметры их в основном 19—20 *см*, но появляются и другие варианты этих чаш.

Найдено несколько экземпляров красноангобированных тонкостенных крышек; на одной — ручка в виде фигурки женщины с ребенком (рис. 6, *27, 28*).

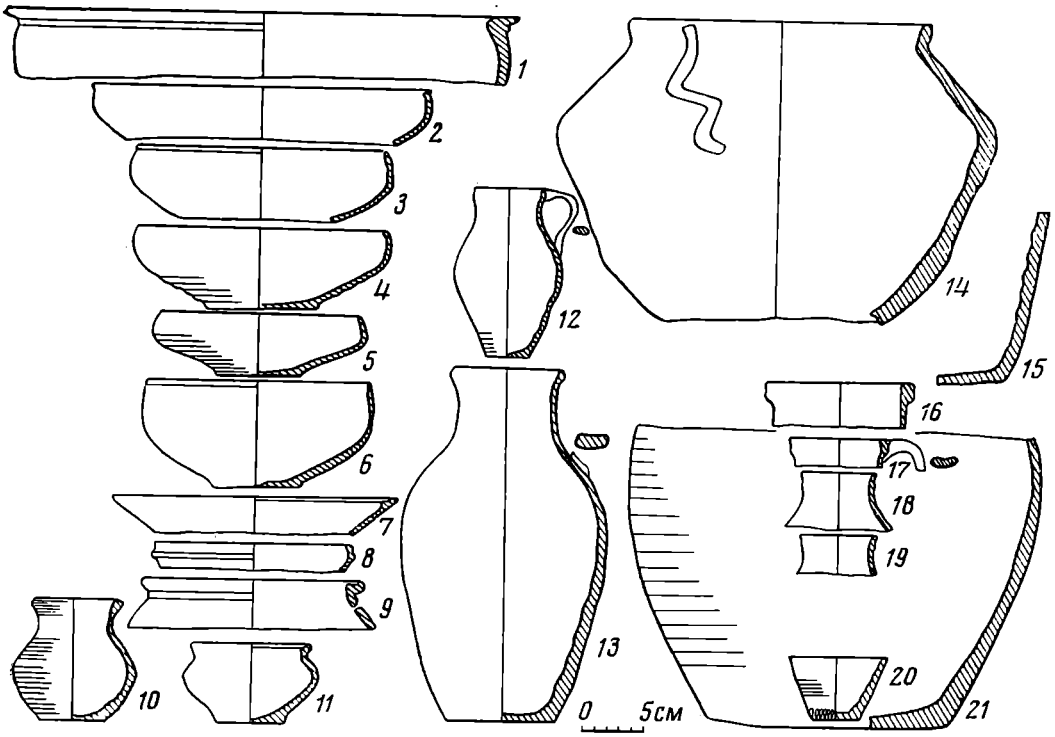


Рис. 7. Комплекс Е

Встречаются тонкостенные изящные фляги с черным ангобом (рис. 6, *23, 24*), туваки с волнистым орнаментом на венчике и темнокрасным ангобом внутри (рис. 6, *25*), черноангобированные археологически целые горшки с уступом для крышки (рис. 6, *34*).

Увеличивается процент крупных конических блюд.

Котлы изготовлены, как и в нижних слоях, на гончарном круге с добавлением большого количества песка (рис. 6, *26*). На уровне этого комплекса найдена одна глиняная матрица с изображением «львиной маски» с висящим языком [13].

Е. Керамика из помещений верхнего горизонта.

В это время значительно увеличивается процент лепной керамики [14], в то же время уменьшается количество красноангобированной. Ангоб становится в большинстве случаев темно-красным, особенно на чашах.

Найдены чаши более вытянутых пропорций, снятые с круга ниткой. Аналогичная картина наблюдалась и на других раскопах на верхнем уровне. Характерны кувшинчики, покрытые светло-серым ангобом, широко распространенные в Каршинском оазисе [15] (рис. 7, *12, 17—20*).

Сохраняются горшки с уступом для крышки с отверстием на горловине (рис. 7, *9*), характерны миниатюрные горшочки (рис. 7, *10, 11*).

Появляются лепные котлы с различными налепами на плечиках (рис. 7, *14*), крышки с пальцевыми вдавлениями, лепные светильники и жаровни с заостренными шиповидными налепами [16].

---

[13] Ср. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М., 1971, рис. 33.

[14] *Исамиддинов М. Х.* Раннесредневековая керамика Ер-Кургана.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана.– Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР. Душанбе, 1977.

[15] *Кабанов С. К.* Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе.— Тр. ИИиА АН УзССР, т. II, 1959, с. 101, табл. IV, *9*, табл. VII, 6; *его же.* Руины поселения III–V вв. в долине Кашкадарьи.– ИМКУ, № 6, 1965, с. 79, рис. 4, *10, 11*; *его же.* Руины здания времени кушан близ Карши.— ИМКУ, № 10, 1973, рис. 3, III, *4*. IV, *2*.

[16] *Исамиддинов М., Сулейманов Р. Х.* Комплекс ритуально-культовой керамики IV—V вв. из Южного Согда.— ИМКУ, № 13, 1977, с. 65—69.

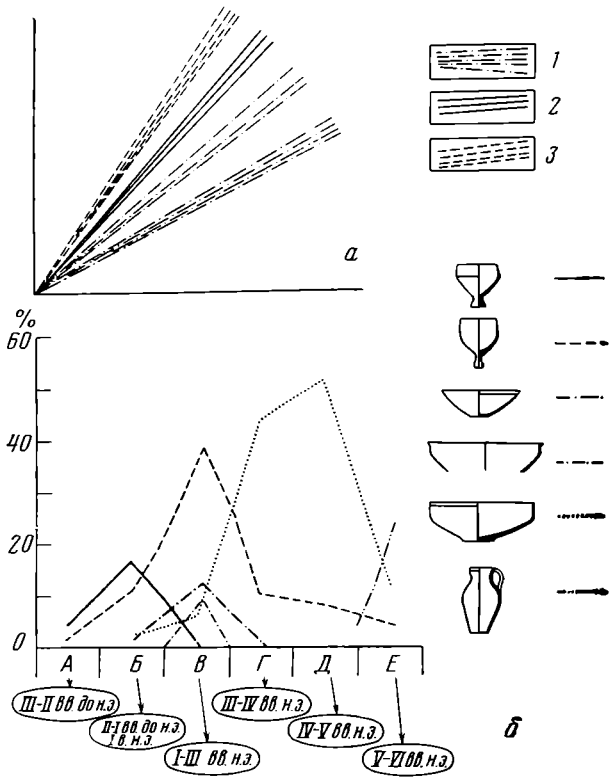


Рис. 8. *а* — изменение угла наклона стенок блюдец: *1* — блюдца комплекса А; *2* — блюдца комплекса Б; *3* — блюдца комплекса В; *б* — процентное соотношение основных ведущих форм керамики по периодам. Внизу даны временные диапазоны, в пределах которых можно датировать комплексы

Все эти сосуды сопровождаются очажными подставками с углублением.

Привязки к абсолютной хронологической шкале наиболее очевидны для комплекса Е. В этом комплексе найден оттиск печати, нанесенной на внутреннюю сторону красноангобированной чаши. Изображен профиль, возможно, правителя и подпись согдийским курсивным письмом [17].

Мы знаем, что старые согдийские письма относятся к началу IV в. н. э., и они лишены всяких тенденций к курсивности [18].

В этом же слое найдена монета нахшебского чекана. Комплекс А находит аналогии и в материалах слоя Афрасиаб II (III—II вв. до н. э.). Остальные слои соответственно распределяются приблизительно так: Б — II в. до н. э.— I в. н. э., В — I—III вв. н. э. Г — III—IV вв. н. э., Д — IV—V вв. н. э., Е — V—VI вв. В настоящее время более точных абсолютных дат для Южного Согда, учитывая его локальные особенности, получить невозможно.

Хронология керамики II в. до н. э.— IV в. н. э. в Согде настолько мало разработана, а аналогии, которые можно найти для материала Ер-Кургана, настолько приблизительны, что было бы преждевременным считать полученные даты окончательными. Границы периодов Б, В, Г, Д могут значительно сдвигаться, что и отражено на нашем рис. 8, *б*, где хронологические диапазоны дат показаны сильно перекрывающими друг друга. Мы можем пока говорить не о точных датах, а лишь о диапазонах, в пределах которых заключены даты комплексов.

Кроме керамики, встреченной на раскопе 5, городище Ер-Курган дает керамику несколько более раннего времени, лепные, окрашенные в красный цвет фрагменты керамики эпохи поздней бронзы (Р-13), керамику VI—IV вв. до н. э. (Р-13, Р-1, В.Х., разрез внутренней и внешней крепостных стен). Имеются слои с керамикой, более поздней, чем комплекс Е. Для них характерны высокие кувшины и лепные миски, изготовленные в специальном сосуде. Аналогичные миски представлены в слоях Мудпи-

[17] Текст прочитал старший научный сотрудник Института археологии АН УзССР М. Исхаков и, по его мнению, текст переводится «бессмертный», «счастливый».

[18] История таджикского народа. М., 1963, т. I, с. 437; *Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972, с. 164.

тепе III [19]. Эти слои, видимо, VI в., наконец, на поверхности городища встречается керамика второй половины VII в.— нач. VIII в. н. э., известная по центральному Согду [20].

В 1975 г. обнаружены бадрабы с керамикой конца VIII—IX вв.[21]

M. Kh. Issamiddinov

LA STRATIGRAPHIE DU GORODITCHE DE ER-KOURGAN
(Sud de l'Ouzbekistan)

Résumé

Dans l'article, sur la base des trouvailles faites dans le 5e secteur du goroditché de Er-Kourgan, situé à 10 km au Nord de la ville de Karchi, on étudie des ensembles successifs de céramiques, du IIIe s. av. n. è. jusqu'au VIe s. de n. è. De plus, on a accordé la plus grande attention à une étude stratigraphique détaillée du site en isolant des microcourches. De cette façon, il a été possible de distinguer six ensembles chronologiques successifs: A.— La céramique des IIIe et IIe av. n. è., provenant de la cauche 52-51, c.á.d. de la terre compacte du sol séparant deux couche. B.— La céramique des IIe s. av. n. è. Ier s. de n. è., des couches intermédiaires 50 à 47, c.á.d. de la couche du sol de l'intercouche 50 à l'intercouche 47. C.— La céramique des Ier et IIIe s. de n. è., venant des intercouches inférieures du monceau de débris de production (46-35), composée d'un matériel homogène. D.— La céramique du IIIe au IVe s. de n. è., recueillie dans les intercouches obliques du monceau de rejets (intercouches 34-19). E.— La céramique des IVe et Ve s., des intercouches horizontales correspondant au sol du local № 3 (intercouches 18-4).F.— La céramique des Ve et VIe s. de n. è., trouvée dans le local du niveau supérieur.

L'étude de l'énorme monceau de débris de fabrication, ainsi que celle des couches inférieures, a permis non seulement de distinguer des ensembles céramiques, mais encore de suivre les étapes de l'évolution de certaines formes de céramiques.

[19] *Кабанов С. К.* Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе.

[20] *Григорьев Г. В.* Тали-барзу как памятник домусульманского Согда.— КСИИМК, XII, 1946, стр. 152; *А. И. Тереножкин.* Согд и Чач.– КСИИМК, № 33, 1950, рис. 69, Тали-барзу, V, 1, 5.

[21] Выражаю искреннюю благодарность Б. И. Маршаку и Р. Х. Сулейманову за ценные советы при выполнении этой работы.

Ю. Л. ЩАПОВА

МАСТЕРСКАЯ ПО ПРОИЗВОДСТВУ СТЕКЛА У с. КОМАРОВО (III—IV вв.)

С 1956 г. у с. Комарово Кельменецкого р-на Черновицкой обл. М. Ю. Смишко исследует поселение, датированное им III—IV вв.[1]

Поселение расположено на правом берегу Днестра в 5 *км* от реки, с которой его соединяет безымянный теперь ручей. Правильнее говорить, что поселение расположено на правом берегу этого ручья, впадающего справа в Днестр. Общая площадь поселения 4,8 *га*. Раскопками изучено около 3,5 тыс. *м*^{2}. Культурный слой на поселении разной мощности: в средней части, занимающей наиболее пологую часть склона, слой достигает 80 *см*, на периферии поселения, расположенной на участках с более резким рельефом, мощность слоя не превышает 40 *см*, основная часть слоя сильно перекопана современной вспашкой.

Раскопками 1956—1957 гг. на поселении были выявлены следы стеклоделательной мастерской[2]. Находки «следов мастерской» располагаются к востоку от средней части поселения в слое, мощность которого не превышала 40 *см*. Остатки стекольного производства частично прослежены по всей площади поселения. Остатки каменного здания (раскоп II) располагаются на глубине 10—15 *см* от современной поверхности и стратиграфически перекрывают остатки производства, находки которых связываются с углубленной постройкой, топографически расположенной около этого здания.

Открытие остатков производства стекла: инструментария, обломков горшков для варки стекла, форм для изготовления сосудов, отходов производства в виде обрезков, осколков, капель и стеклянной пены, готовых изделий и брака явилось замечательным событием.

Культурно-исторический и социально-экономический аспект исследования комплекса, равно как и специальный химико-технологический аспект, привлекли внимание специалистов[3].

Тем не менее многое в характеристике мастерской остается неясным. Как отмечал М. Ю. Смишко, не выяснен ряд вопросов технологии и организации производства (неясна сырьевая база производства)[4].

---

[1] *Смішко М. Ю.* Археологічні дослідження в західних областях Украіни за роки Радянської влади.— МДАПВ, № 2, 1959, с. 21.

[2] *Смішко М. Ю.* Поселення III—IV ст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької області.— МДАПВ, № 5, 1964, с. 67—80.

[3] *Безбородов М. А.* Исследование стекол из стеклоделательной мастерской III—IV вв. н. э. у с. Комарово.– МДАПВ, № 5, 1964, с. 81–85; *Щапова Ю. Л.* Результаты спектрального анализа стеклянных изделий и брака из стеклоделательной мастерской, открытой в с. Комарово Черновицкой обл.— Там же, с. 86—88. *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 83, 112; *его же.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.) — САИ, вып. Д1-27, М., 1970, с. 32; *Сымонович Э. А.* Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия нашей эры. Докт. дис., М., 1970. Архив ИА АН СССР Р-1, № 2083.

[4] *Смішко М. Ю.* Поселения III—IV ст. н. э., с. 79.

К этому нужно прибавить вопросы происхождения мастеров и производственных традиций; место и роль открытой мастерской в стеклоделии эпохи и в системе черняховского производства. Необходимы, кроме того, уточнения в хронологии производственного комплекса, поскольку широкая дата III—IV вв. препятствует конкретному решению стоящих проблем. Самые проблемы объединяются в два больших комплекса: историко-технологических вопросов и вопросов историко-экономических.

Необходимые уточнения и ответы на часть вопросов историко-технологического комплекса можно получить, подробно исследовав остатки самой мастерской, вернее ее некоторые следы. Решение другого комплекса вопросов требует широкого исторического фона и иного круга источников, в силу чего должно составить тему специальной статьи.

Производство стекла, варка стекла и выработка изделий — сложный технологический процесс. Он требует возведения специальных печей, прочных стекловарных горшков, особого инструментария, специального сырья. В качестве сырья в стеклоделии рассматриваемой эпохи выступала зола и сода, известняк и раковины, песок обыкновенный или особый, подобный, например, знаменитым в древности пескам из устья р. Бел, впадающей в Средиземное море (на Сирийском побережье) [5]. Все это составляет сумму производственных возможностей древнего стекловарения. Вместе с тем существовала традиция производства, которая предопределяла, как нам представляется, необходимость выбора из имеющихся технических возможностей, предоставляемых эпохой. Следование традиции обеспечивало преемственность в производстве и составляло значительную силу. Оно одинаково выражалось и в технологии изделий, в их номенклатуре и художественной стилистике, и в химическом составе стекла.

Разработанные нами принципы интерпретации анализов состава древнего стекла позволяют устанавливать не только конкретные качественно-количественные характеристики древних стекол, но и отвечать на вопрос, из чего и как было сварено стекло в древности: из какого сырья варили стекло, в какой пропорции смешивали основные стеклообразующие [6].

Монографическое исследование мастерской в Комарове позволило бы оценить значение технических правил, существование которых улавливается из анализа древних текстов и рассмотрения больших серий анализов древнего стекла. Такое исследование позволило бы выяснить, в какой мере придерживались этих правил. Последний вопрос правомерен, поскольку существует взгляд, что древние мастера были просто неспособны к выпуску однородной продукции [7].

На раскопанной части поселения в Комарове найдено несколько сот обломков стеклянной посуды и много плоских, видимо, оконных стекол [8].

Аналогии с производством стекла в средние века частично могли бы помочь решению проблемы происхождения стеклянных изделий, найденных в Комарове, и их принадлежности к продукции мастерской. Из аналогий следует, что продукция собственных мастерских составляет только часть одноименных изделий, найденных на памятнике, причем часть эта скорее меньшая [9].

---

[5] *Щапова Ю. Л.* О химическом составе древнего стекла.— СА, 1977, № 3.

[6] *Szczapowa J. L.* Zasady interpretacji analiz składu szkła zabytkowego.— AP, t. XVIII, z. 1, s. 15—72. *Щапова Ю. Л.* Из истории древнейшей технологии стекла.— В сб. «Очерки технологии древнейших производств». М., 1975, с. 136—138.

[7] *Smith R. W.* Technological Studies on Ancient Glass. Archaeology, vol. 11, № 2, N. Y., 1958, p. 114.

[8] Пользуясь случаем принести благодарность М. Ю. Смишко, предоставившему для исследования часть находок из своих раскопок.

[9] *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 118, 126—132.

К числу изделий, изготовленных на месте находки, принадлежат прежде всего те, которые деформированы в момент изготовления. Капли стекла, бесформенные осколки, нити, обрезки и т. д. также надежное свидетельство местного производства. Таких свидетельств в Комарове много.

Нами исследуются прежде всего брак и производственные отходы. Состав стекла образцов установлен аналитически. Кроме состава принимаются во внимание некоторые технические характеристики изделий, их морфология и декор.

Сначала рассмотрим химический состав стекла[10]. Исследованные стекла делятся на восемь химических типов (табл. 1), один из которых (сода — доломитизированный известняк — песок) объемлет две трети изученной части, а в обоих вариантах составляет почти 86%.

Однако древнее стекло характеризует не только химический тип, но, согласно нашей гипотезе, и рецептурную норму, выражаемую соотношением легких фракций[11].

Таблица 1

Характеристика стекол, найденных в Комарове, по химическому типу

№ п/п	Химический тип	Количество	%	Доверительные варианты
1	Na–Ca–Si	9	7,97	4–15
2	Na–Ca–Mg–Si	66	58,40	48–68
3	Na–Mg–Ca–Si	30	26,55	18–36
4	Na–Ca–Al–Si	2	1,76	0–7
5	Na–Ca–Mg–Al–Si	2	1,76	0–7
6	Na–Mg–Ca–Al–Si	1	0,9	0–5
7	Na–K–Ca–Al–Si	1	0,9	0–5
8	Na–K–Ca–Si	2	1,76	0–7
	Итого	113	100	

Рецептурную норму можно установить, подсчитав сумму щелочей, сумму щелочных земель и их отношение друг к другу:

$$\frac{Na_2O + K_2O}{CaO + MgO} \text{ (в готовом стекле)}$$

Такой обработке могут быть подвергнуты результаты количественного анализа, которых в нашем распоряжении 18[12]. Следуя принципам интерпретации анализов, характеристику комаровских стекол нужно усложнить. В основную формулу химических анализов, значащихся под № 2, 5, 9, 15, 16, 17, нужно ввести окись магния; в стекла под № 2, 3, 4— окись калия; в стекла № 8, 11, 15, 16,17— окись алюминия.

Типу сода — известь — песок отвечают только семь исследованных М. А. Безбородовым стекол: № 6, 7, 10, 12—14, 18; трижды этот тип реализован на доломитизированных известняках (№ 1, 5, 9), напомним, что к этому типу принадлежит основная масса исследованных нами стекол (табл. 1) дважды на алюмосодержащих песках (№ 8, 11), трижды — на доломитизированных известняках и алюмосодержащем песке (№ 15—17). Если исходить из гипотезы, что рецептурная норма характеризует традицию стекловарения, то все различия химического типа должны подчиниться этому правилу при условии, что все рассматривае-

[10] Анализы № 208 : 1 — 24, 209 : 1—24, 210 : 1—6, 8—24, 211 : 1—24 по книге регистрации анализов, хранящейся на кафедре археологии МГУ.

[11] *Щапова Ю. Л.* О химическом составе древнего стекла.

[12] *Безбородов М. А.* Исследование стекол из стеклодельной мастерской III—IV вв., ан. № 1–18.– МДАПВ, № 5, 1964.

мые стекла изготовлены в мастерской на месте. Однако изученные стекла сварены с использованием не только разного сырья, но и разной рецептурной нормы, и, следовательно, по гипотезе должны быть изготовлены в разных мастерских.

По одной рецептурной норме 2,5±0,25 сварены стекла № 1, 2, 4—6, 9, 18. Это значит, что на каждую единицу извести брали 2,5 единицы соды.

По этой же рецептурной норме 2,5±0,25 сварены еще два стекла № 2 и 4. В своем составе они содержат 1,31 и 1,74% окиси калия. На этом основании, согласно правилам, которым мы следуем, их нужно было бы относить к стеклам, сваренным с применением золы. Однако эти стекла содержат вкрапления огнеупоров (стекло № 4 прилипло к огнеупору). Не исключено, что в публикации М. А. Безбородова для этих двух случаев приведен суммарный результат анализа (стекло с огнеупорами), а не результат анализа чистой стеклянной массы. Стекла № 2 по содержанию окиси калия очень незначительно отклоняются от правил, предложенных нами. Присутствие огнеупора могло бы повлиять на результат анализа. Стекло под № 2, бесспорно, изготовлено в мастерской в соответствии с рецептурной нормой 2,5 с использованием соды, извести и песка, что касается окиси калия, то, оценивая состав, им, видимо, можно пренебречь. По отношению к анализу № 4 у нас нет такой уверенности. Однако, принимая во внимание долю, которой этот химический тип стекла представлен (в доверительных интервалах она равна 0—5%), нужно думать, что большого значения этот тип стекол не имел ни в общем наборе комаровских стекол, ни в производстве стекол в мастерской. Остальные стекла разной рецептурной нормы и относящиеся к разным химическим типам следовало бы, очевидно, считать привезенными в Комарово в виде готовых изделий. К их числу относится фрагмент кубка с вышлифованным овалом (№ 7), оплавленный край сосуда с матовой поверхностью (№ 8), куски плоского стекла (№ 10—12), один кусок синего плоского стекла, который сохранил следы полировки (№ 13); два фрагмента синих сосудов (№ 14, 15), два обломка темно-вишневого цвета (№ 16, 17), кусок стекла неправильной формы (№ 3). Руководствуясь рецептурной нормой и химическим типом стекол, изделия № 7, 10, 11, 13 можно связывать со столичной римской традицией стекловарения, изделия № 8, 12, 14—17 — с европейской провинциально-римской, изделие, от которого сохранился кусок стекла неправильной формы (№ 3), могло быть завезено сюда из Восточного Средиземноморья. Стекла этих химических типов и этих рецептурных норм не встречаются в числе заведомых отходов комаровской мастерской. К сожалению, нет более подробных сведений о форме и отделке изделий, что обедняет заключения.

За исключением стекла № 4, все стекла рецептурной нормы 2,5 могли быть изготовленными в комаровской мастерской. Приняв это заключение, можно говорить, что в комаровской мастерской изготавливались главным образом неокрашенные стекла. Эти стекла варились по общей рецептурной норме: 2,5±0,25.

Варка стекла в древности — процесс двуступенчатый [13]. На первой ступени производилось спекание шихты, варка стекла — вторая ступень.

Для составления шихты в Комарове пользовались содой [14]. На соде сварены все стекла, не только изготовленные, но и все найденные в Комарове (табл. 1). В качестве источника соды выступал в древности

---

[13] *Turner W. E. S.* Study in Ancient Glass and Glass-making Process. Part IV Raw Materials and Melting Process.— In: Journal of the Society of Glass Technology, vol. XL, № 194, 1956, p. 277–291. *Безбородов М. А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969, с. 94–96.

[14] *Szczapowa J. L.* Op. cit., s. 25—28.

египетский натр, о чем согласно пишут древние авторы [15], и что подтверждают современные исследования [16]. Следовательно, мастера, работавшие на поселении, пользовались египетской содой — такое заключение естественно следует из первых двух высказываний. Сода должна была быть сюда как-то доставлена (напомним, что поселение расположено в стороне от Днестра, вблизи ручья, впадающего в него).

Что касается качественно-количественной характеристики щелочноземельного сырья, то большая часть стекол была сварена с использованием примерно одинакового сырья, о происхождении которого ничего не известно. Нет сведений и о происхождении песка. Возможно, что и то и другое (после некоторых поисков и проб) было найдено где-нибудь в окрестностях Комарове.

Что касается окиси марганца, то она так же, как и сода, была привезена. Каким образом осуществлялся привоз сырья, был ли он постоянным или спорадическим, сказать трудно.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что продукция мастерской была однородной. Следование норме было довольно строгим, а сырье одинаковым.

Мастера-стеклоделы, обосновавшиеся на поселении, принадлежали к провинциально-римской школе стекловарения (работали на соде, соединяя ее с известью по норме 2,5) и где-то, в пределах империи, должны были пройти эту школу.

Стекла, найденные в Комарове, в основном бесцветные. Окрашенные стекла вместе составляют 14% (исследовано 10 фиолетовых, 5 синих, 1 зеленое, 8—22% в доверительных интервалах).

Фиолетовые стекла, все без исключения, получены с помощью окиси марганца. Синие стекла, по мнению М. А. Безбородова, получены в результате использования двух красителей — окиси кобальта и трехокиси железа. Однако случаев совместного содержания кобальта и железа в синих стеклах недостаточно для того, чтобы утверждать их прямую связь, а наличие 3,75% F_2O_3 в бесцветном стекле такой связи просто противоречит. Очевидно, более правильным такую связь не утверждать, а лишь допускать ее.

Два других синих стекла, исследованных нами (ан. 208:1,2), содержат окись кобальта и окись меди.

Таким образом, синие стекла, найденные в Комарово, окрашены поразному: с помощью только окиси кобальта, с помощью окиси меди и окиси кобальта или окиси кобальта и окиси железа.

Зеленое стекло (ан. 208:3) получено с помощью окиси меди, однако нельзя не отметить высокое содержание окиси свинца и окиси марганца. Если роль окиси свинца сразу не может быть понята, то содержащаяся здесь окись марганца имеет единственное толкование — она выступает в роли обесцвечивателя основной стеклянной массы. Синие стекла тоже дважды обесцвечены, но окисью сурьмы; а три раза окись кобальта введена в стекло, специально необесцвеченное.

Основная часть же стекол, найденных и изготовленных в Комарове, повторяем, бесцветная с некоторым оттенком — желтоватым, голубоватым, зеленоватым, и совсем редко — коричневым, оливковым и сиреневым.

Общепринято представление, что по оттенку бесцветного стекла можно установить, если не происхождение стеклянных изделий, то их принадлежность к одной или разным мастерским [17]. В нашем случае стекло

[15] *Troubridge M. L.* Philological Studies of Ancient Glass. University of Illinois Studies in langage and literature, vol. XXIII. Urbana, Illinois, 1928.

[16] *Turner W. E. S.* Die Leistungen der alten Glasmacher und ihre Grenzen.— Glastechnische Berichte, Bd 30, Ht 7, Frankfurt am Main, 1957, S. 257–265; *Безбородов М. А.* Химия и технология..., с. 54, 55.

[17] *Harden D. B.* Roman Class from Karanis. Ann Arbor, 1936, p. 20; *Сорокина Н. П.* Стекло из раскопов Пантикапея 1945—1950 гг.— МИА, № 103, 1962, с. 223—226.

одной мастерской имеет разный оттенок. Очевидно, что в общепринятое представление нужно внести уточнение: по оттенку бесцветного стекла принадлежность изделий к одной мастерской можно определять, если предварительно установить тождество составов, химического типа и рецептурной нормы. Родство, устанавливаемое по оттенку цвета и на глаз, вряд ли можно считать верным. Стекло, обесцвеченное окисью марганца, во время варки меняет цвет от бесцветного до синеватого [18]. Оттенок цвета, следовательно, зависит от момента, в который начата выработка изделий. Одинаковый оттенок цвета, следовательно, свидетельствует только о примерно одинаковой температуре, продолжительности и режиме варки стекла. Однако возможен вариант, когда в мастерских (одной или нескольких) выдерживают один режим, тогда одинаковый оттенок принимают стекла разного основного состава. Оттенок цвета как признак оказывается более ограниченным, чем общепринято.

Таблица 2

Использование обесцвечивателей в стеклах, найденных в Комарове

№ п/п	Химический тип стекол	Вид обесцвечивателей			Без обесцвечивателя	Итого
		MnO	Sb_2O_3	$MnO+Sb_2O_3$		
1	Na–Ca–Si	5	1	–	1	7
2	Na–Ca–Mg–Si	48	3	9	1	61
3	Na–Mg–Ca–Si	16	4	4	–	24
4	Na–Ca–Al–Si	1	–	–	1	2
5	Na–K–Ca–Si	–	–	–	1	1
6	Na–K–Ca–Al–Si	1	–	–	1	2
	Итого	71	8	13	5	97*
	%	73,2	8,3	13,4	5,1	100
	Доверительные интервалы	63–81	4–15	7–21	2–11	

* В таблице учтены результаты спектрального анализа.

Прозрачность практически бесцветного стекла достигалась в древности при помощи обесцвечивателей. Взаимная связь типов обесцвечивателей в стеклах из комаровских находок представлена в табл. 2. Наиболее употребительный обесцвечиватель — окись марганца; окись сурьмы отдельно и в сочетании с окисью марганца применялась также достаточно часто. Только 5% стекол не обесцвечивалось специально. Практически вся стеклянная масса, сваренная в изучаемой мастерской, обесцвечивалась прежде всего окисью марганца (см. анализы браков и отходов). Что касается окрашенных стекол, то некоторые принадлежат к числу привозных вещей. Некоторые, фиолетовые прежде всего, которых относительно много, могли бы быть изготовлены в мастерской.

Исследование химического состава стекол, найденных при раскопках участка, стратиграфически и топографически связанного с мастерской, выявило стекла принципиально разные по химическому типу, рецептуре и обесцвечивателям. Это обстоятельство осложняет положение: нужно выбирать из общей массы находок те, которые могли быть изготовлены в мастерской, поскольку самый факт находки стекол в Комарове, даже вблизи мастерской, далеко не решает вопроса о месте изготовления этих стекол. Химический тип стекла, рецептурная норма и марганец в качестве обесцвечивателя помогают отделить комаровские изделия от привозных. Стекла с такой же основной характеристикой известны достаточно широко, поэтому указанные признаки как определитель происхож-

[18] *Зак А. Ф.* Производство сортовой посуды. М.— Л., 1947, с. 88—90, рис. 31.

дения действуют лишь в пределах комаровского комплекса. Необходимо рассмотреть, кроме того, технологию изготовления изделий из этого стекла, начав с достоверной части: фрагмент бесцветного сосуда (№ 5), два дна сосудов со слабым зеленоватым оттенком (№ 6, 9), дно светло-зеленого сосуда (№ 18). К сожалению, более подробного описания сосудов М. А. Безбородов не приводит. По его мнению, все сосуды выдуты «тихим способом», т. е. без вращения заготовки в форме. В комплексе мастерской найдены керамические формы и две из них для выдувания ребристых сосудов [19]. Фрагмент такого сосуда в Комарово найден и изучен (ан. 209:23, рис. 1, *1*). Был ли именно этот сосуд выдут в найденную форму сказать трудно. Стекло этого сосуда по составу принадлежит к тому химическому типу, который можно считать ведущим в Комарово, и, видимо, можно было бы связывать эти находки: форму и сосуд. Ребристый сосуд из бесцветного стекла имел толщину стенок 2 *мм*, обе поверхности (внутренняя и наружная) — блестящие, пузырьки воздуха сферические, иными словами, он бы выдут «тихим способом» в хорошо разогретую форму.

Для подробного изучения технологии и сопоставлений ее с химическим составом мы взяли 36 образцов, состав которых установлен, а форма из обломков без большого труда реконструируется по аналогиям. Была составлена программа описания. В программу включены такие группы признаков, как состав стекла: учитывался химический тип и обесцвечиватели; включены морфологические признаки сосуда, такие, как общая форма сосуда, форма венчика и края, толщина стенки, форма донца. Учтены некоторые элементы технологической характеристики: текстура поверхности, способ обработки края, форма пузырьков воздуха, наличие следов ротации, понтии; учтено наличие или отсутствие декора, способ его нанесения (холодный или горячий); сохранность стекла. Каждый фрагмент имел характеристику, составленную из 13—15 признаков, общее число учитываемых признаков равнялось 36. Связь вещей и признаков рассчитывалась по формуле, предложенной Я. А. Шером [20].

Замечательно, что самые признаки разделились на три группы: две группы признаков, которые взаимно исключают друг друга, могут быть названы отличительными; третья группа признаков одинаково связана с первыми двумя — группа общих признаков. К их числу относится химический состав стекла, обесцвечиватели, стенки толщиной 0,2—0,4 *см*, сохранность стекла и его окраска.

Одна группа отличительных признаков включает в себя наличие следов ротации на блестящих тонких (0,1—0,2 *мм* толщиной) стенках, оплавленный край, след понтии; декор вгорячую, полученный в форме (рельефы, каннелюры), декор вгорячую, полученный вне формы (накладные нити), сосуды без декора (рис. 1, *1—20*).

Другая группа отличительных признаков включает в себя матовые стенки толщиной 0,4—1 *см*, ровный (шлифованный) или сужающийся край; декор вхолодную (резные, шлифованные круги, овалы, линии), отсутствие недекорированных сосудов (рис. 2, *1—13*).

Связь признаков внутри отличительных групп находится в пределах от 1 до 0,25. Связь признаков, находящихся в разных отличительных группах, равна, как правило, нулю, положительная связь не превышает 0,1.

Сосуды, обладающие перечисленными признаками, объединились в две группы. Коэффициент связи сосудов, находящихся внутри групп, заключен в пределах 1—0,3, коэффициент связи между сосудами, находящимися в разных группах, не превышает 0,3.

---

[19] *Смішко М. Ю.* Поселення III—IV ст. н. э., с. 74, табл. I, *12, 13*.

[20] *Шер Я. А.* Интуиция и логика в археологическом исследовании.— В сб. Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 14—17.

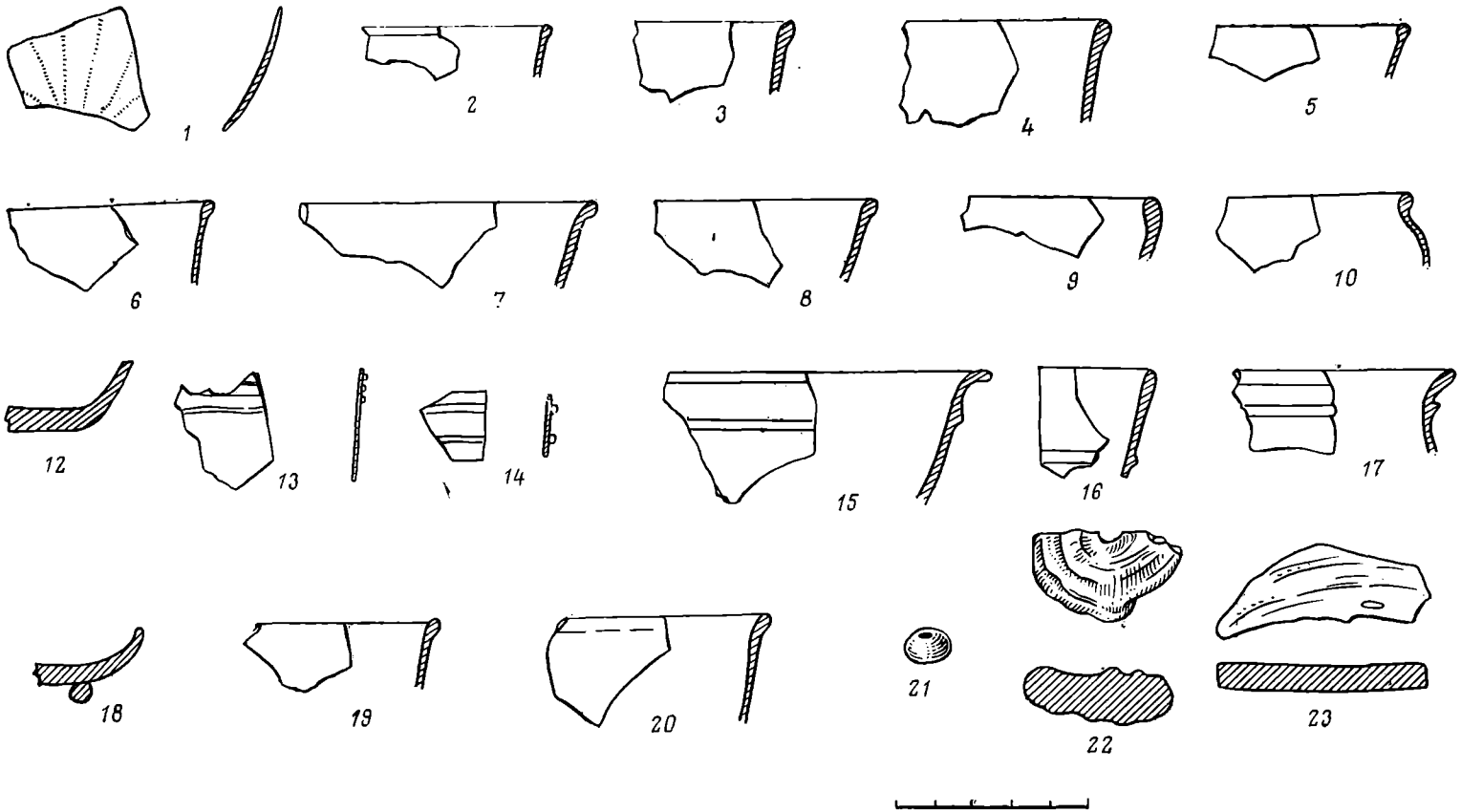


Рис. 1. Изделия, изготовленные в мастерской у с. Комарово

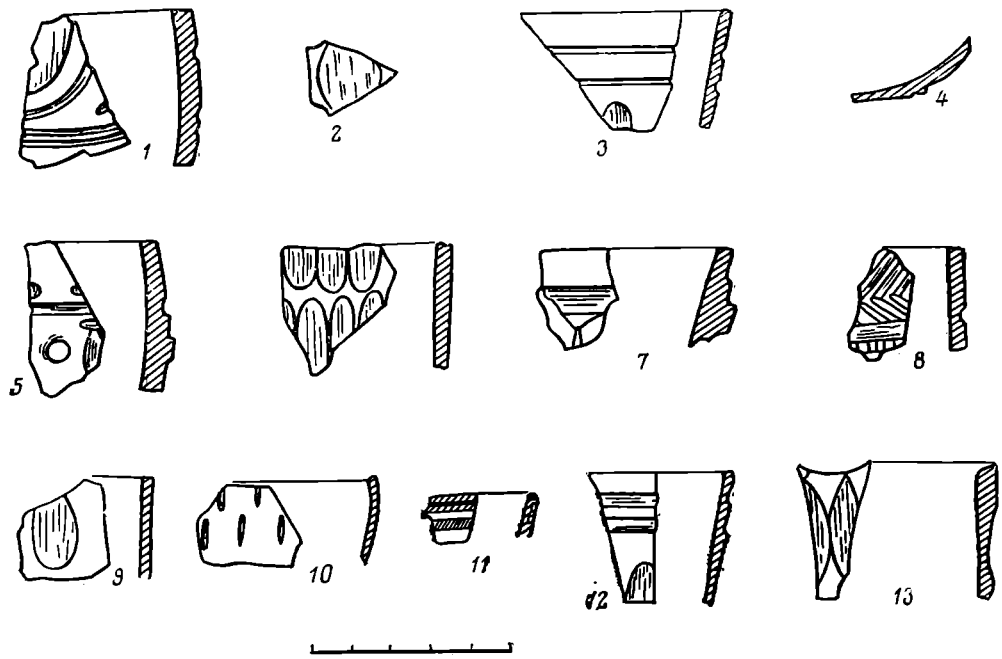


Рис. 2. Привозные сосуды

Типологическая независимость и технологическая самостоятельность этих двух групп изделий становится, таким образом, очевидной.

Сосуд с контурными каннелюрами, возможно, местного изготовления оказался связанным с той группой отличительных признаков, которая характеризует изделия, выдутые в форму с последующей горячей декорировкой и горячей обработкой поверхности и края.

Следовательно, можно считать достоверным, что мастерам в Комарове было известно тихое дутье сосудов без вращения заготовки в форме и декорирование сосудов вгорячую. На поверхности многих сосудов есть следы ротации. Это свойство отличает изучаемые сосуды. Следы ротации более всего заметны на поверхности сосудов с гладкими стенками (без декора). Они настолько выразительны на стенках толщиной 0,2—0,4 *см*, что их не снимает даже огневая полировка.

Следы ротации обычны на керамических сосудах, изготовленных на гончарном круге. Следы ротации на стеклянном сосуде могут возникнуть лишь одним единственным путем, как слепок с поверхности формы, в которой они изготовлялись. Следовательно, комаровские мастера должны были использовать керамические формы для изготовления сосудов не только с каннелированными, но и с гладкими стенками (о применении керамических форм со ссылкой на А. Лукаса напоминает Н. Н. Качалов) [21].

Поскольку ни на одном фрагменте рассматриваемых сосудов нет следов соединения частей формы, нужно думать, что формы, которыми пользовались мастера в Комарове, были одночастными, а сосуды, выходящие из них, должны быть сужающимися книзу. Именно такие сосуды найдены деформированными, причем их деформация наступила в момент изготовления. Следовательно, для изготовления этих сосудов достаточно было сделанной из глины одночастной неразъемной формы. Исключение составляет лишь один сосуд (рис. 1, *17*).

Приводимый выше набор вещей и признаков отчасти может характеризовать мастерскую в Комарове. С их помощью можно представить техническую основу производства (химию стекловарения и технологию

[21] *Качалов Н.* Стекло. М.— Л., 1959, с. 52.

обработки стеклянной массы) и отчасти номенклатуру изделий. Последняя не исчерпывается сосудами. Среди отходов производства есть несколько бус (рис. 1, *21*), пряслиц (рис. 1, *22*) и плоских плит (рис. 1, *23*).

Сосуды, обладающие отмеченными признаками, составили серию и в профиле почти одинаковых сосудов (рис. 1, *2, 3, 8, 4, 6, 19, 20*). Именно эти однотипные сосуды были изготовлены в местной мастерской. Аналоги этим сосудам найти совсем нетрудно: серия сосудов из Танаиса [22], к которым Н. П. Сорокина добавляет сосуды из римских лагерей на Дунае, и найденные у дер. Козырка [23]. К ним можно прибавить сосуды из Аквинкума II — первой половины III вв.[24], кубки III—IV вв. из Косанова [25], II—III вв. из Каменки [26], Инкерманского могильника [27] и т. д.

Аналогичные по форме сосуды оказываются не только современными поселению, возможны и более древние параллели. Специальными хронологическими исследованиями, предпринятыми недавно Г. Рау, установлено, что подобные сосуды производились во второй половине III в. и что конец III в. самое позднее время для находок этого типа [28].

На комаровских сосудах отразились некоторые изменения, которыми III в. отмечен в истории стеклоделия, например постоянно употребляется понтия [29].

Таков в общих чертах круг хронологически близких аналогий. Принимая во внимание рецептуру стекловарения, круг поиска аналогов можно расширить географически за счет привлечения европейских римских провинций, а также Салоны, Аквилеи и Греции [30]. Стекла, сваренные по этой же норме, найдены в Интерцизе (Паннония) и в Херсонесе [31]. На этом фоне становится очевидной связь комаровской мастерской со стеклоделием европейских римских провинций. Круг формальных аналогий, как мы видим, охватывает римские провинции по Дунаю, районы Поднестровья, днепровского Правобережья, города Причерноморья. С точки зрения Г. Рау, «сосуды на ножке»,— ведущая форма, по его терминологии, в восточном горизонте находок [32].

Другая группа отличительных признаков связана с сосудами принципиально иными, чем только что рассмотренные. Самая примечательная отличительная деталь сосудов — украшение вхолодную: использование резьбы разной глубины, шлифовки, а нередко и полировки. Элементы, составляющие декор, несложны: это линии, длинные или короткие, прямые или кривые; овалы, круги, шестиугольники разной величины и глубины. На одном сосуде греческая надпись [33].

---

[22] *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды Танаиса.— МИА, № 127, 1965, с. 219, рис. 8, *1—7*. Края сосудов типа Б, первых двух вариантов.

[23] Там же, с. 220.

[24] *Szilaayi J.* Aquinkum. Budapest, 1956, Taf. XXV.

[25] *Кравченко Н. М.* Косановский могильник (по материалам раскопок Петрова В. П. и Кравченко Н. М. в 1961—1962 гг.).

[26] *Сымонович Э. А.* Стеклянная посуда середины I тысячелетия нашей эры с Нижнего Днепра.— КСИА АН СССР, № 69, 1957, с. 22, рис. 4, *7*.

[27] *Веймарн Є. В.* Археологічні роботі в районі Інкерману.— АП, т. XIII, с. 18, рис. 5, *3, 8, 9*.

[28] *Rau G.* Korpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlischen Jahrhunderts im Oder — Weichel — Raum.— Acta Praehistorica et Archaeologica, № 3, Berlin, 1972, S. 116, 117.

[29] *Скалон К. М.* О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора.— Сообщ. ГЭ, XXXVII, 1973, с. 52.

[30] *Szczapowa J. L.* Op. cit., ан.: 4, 11, 14, 16, 17, 19, 26, 27, 31, 36, 38, 40, 43, 54, 63, 68, 69, 72, 73, 99.

[31] *Безбородов М. А.* Химия и технология. Приложение, ан. 31, 35, 39 (Интерциза), 107 (Херсонес).

[32] *Rau G.* Op. cit., S. 120.

[33] *Кропоткин В. В.* Ук. соч., с. 241, рис. 72, *2, 19*; *Смишко М. Ю.* Поселення III — IV ст. н. э., с. 75—77.

Всюду, где эти сосуды известны, они считаются привозными. Открытия в Комарове, казалось бы, фиксируют пункт, где изготовление таких сосудов могло иметь место.

Каждому резному сосуд, найденному в Комарове, можно найти множество аналогий, каждая из которых локализуется в самых разных точках Европы и Средиземноморья [34]. К востоку же от Днепра и в Крыму резные сосуды практически неизвестны [35]. Основная масса резных сосудов, подобных комаровским, датируется второй-четвертой четвертями IV в.[36]

Нам представляется очевидным, что разница, которая свойственна сосудам, объединенным в две слабо связанные между собой цепочки, определяется различиями и в технологии изготовления изделий, и технике исполнения декора, и в их хронологии (минимальное различие в датах четверть столетия, максимальное может достигать столетия).

Невыясненными, как писал М. Ю. Смишко, были вопросы технологии и организации производства и его сырьевой базы.

Частично мы уже рассмотрели эти вопросы. Сосуды, которые, как мы считаем, изготовлены в мастерской, сделаны из того же стекла, из которого изготовлены оконные стекла, немногие бусы и пряслица (рис. 1, *21—23*). Технология изготовления перечисленных изделий несложна. Все изделия выработаны и обработаны непосредственно у печки, вгорячую. Бусы и пряслица изготовлены путем навивки на стержень, редкие оконные стекла — путем отливки. Техника изготовления оконных стекол путем литья — еще одно подтверждение ранней даты мастерской. С конца III в. известны выдутые оконные стекла [37], которые позднее становятся наиболее и широко употребительными. Для описанного комплекса технологических операций в мастерской требуется сооружать три печи: для обжига шихты, варки стекла и отжига готовых изделий. В качестве конкретного примера можно привести количество и взаимное расположение печей, открытых на городище у с. Заветное [38]. Какими были печи в Комарове можно лишь предполагать: сами печи не исследованы археологически.

Изделия мастерской имеют, можно считать, устойчивую технологическую и хронологическую характеристику, резко отличную от той, которой обладают другие изделия, найденные в Комарове. Например, резные сосуды и цветное оконное стекло. Резной сосуд, состав которого определялся химически [39], мог быть изготовлен в мастерской, связанной с собственно Римом, другие, особенно с греческой надписью, иного происхождения... Посуда немногих устойчивых форм изготавливалась в больших количествах. (В раскопе 1974 г. на площади 192 $м^2$ найдено около 200 обломков сосудов, возможно, местного производства [40]). Общее же число находок около 230. 30 обломков принадлежали сосудам, стенки которых украшены резным декором. Следовательно, на месте изготовления оседала значительная часть собственной продукции. Другая часть ее должна была находить иной рынок, рамки которого пока что трудно установить. Бесспорный сбыт имели бусы и другие мелкие поделки. Сложнее с оконным стеклом. В архитектуре черняховских жилищ, наземных и углубленных, глинобитных и каменных, такой элемент, как

---

[34] *Fremersdorf F.* Figurlich geschliffene Gläser. Köln, 1956.

[35] *Кропоткин В. В.* Ук. соч., рис. 20—22.

[36] *Rau G.* Op. cit., 160—166.

[37] *Harden D. B.* New Light on Roman and Early Mediaeval Window-Glass.— Glastechnische Berichte, Bd 32 K, Ht VIII, (1959), S. 14.

[38] *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972, с. 46—54, 136—145.

[39] *Безбородов М. А.* Исследование стекол..., ан. 7.

[40] *Смишко М. Ю., Щапова Ю. Л.* Раскопки у с. Комарово-Днестровка.— АО — 1974. М., 1975, с. 355.

застекленные окна, был, как свидетельствуют находки, неизвестен [41]. Единственное исключение составляет каменный дом, крытый черепицей, открытый Э. А. Рикманом на поселении у с. Собарь [42].

Оконные стекла, найденные в Комарове, цветные в отличие от бесцветных стекол с поселения у с. Собарь. Есть и другое отличие — комаровские стекла изготовлены путем литья, стекла из Собаря — путем дутья и развертки цилиндра в лист, в технике называемой цилиндр-процесс [43]. По Д. Б. Хардену, стекла, изготовленные в такой технике, появляются в самом конце III в., литые же стекла более ранние. Наличие оконных стекол среди остатков производства мастерской у с. Комарово заставляет искать их применение в архитектуре построек, устройство которых предполагало использование небольших цветных оконных стекол. Где располагались эти постройки, сказать трудно, возможно, вблизи Комарова или на самом поселении.

Технологические различия оконных стекол, найденных в Комарове и в Собаре I, нужно ставить в связь с существенной разницей в хронологии, полагая, что мастерская в Комарове существовала ранее, чем была найдена техника цилиндр — процесс, и ранее, чем были построены каменные дома и в Комарове, и в Собаре I.

Широкая номенклатура изделий, выходивших из мастерской, это особое ее свойство, которое отличает ее от других археологически известных и близких ей мастерских по времени. Одна из них — упоминавшаяся мастерская в Крыму [44], о двух других коротко сообщает П. Перро [45].

Условия находки и стратиграфии мастерских позволили П. Перро заключить, что на одном месте (холм Джелеми, недалеко от Хайфы) мастера работали приблизительно пять лет. Фрагментов стеклянной посуды много, но число форм ограничено: банки, бутылки, тарелки, кубки. Мастерская датируется монетами, чеканенными в Антиохии в 364 и 367 гг. Другая мастерская, о которой он пишет, датируется V—VI вв. и сведений о ней немного.

Осколков стекла в Комарове много, количество же форм изделий собственного производства, как удалось выяснить, невелико. По этим двум признакам мастерская в Комарове аналогична описываемым П. Перро. Небольшой культурный слой, который заключает остатки производства стекла в Комарове, косвенно свидетельствует о недолгом времени ее существования. Есть еще одно обстоятельство, которое нужно принять во внимание: это технические нормы эксплуатации стекловаренных печей. Современные нормы предусматривают небольшой срок службы печей: 5—6 лет. Принимая во внимание небольшую мощность культурного слоя, технические нормы и аналогии, можно думать, что и производственный комплекс, открытый в Комарове, просуществовал 5—6, может быть, 10 лет. Не позволяет широко растягивать во времени это производство и устойчивый облик производимой здесь продукции.

Следовательно, на протяжении III—IV вв., именно так датируется поселение близ Комарова, нужно найти короткий временной отрезок, наиболее благоприятный для появления здесь стеклоделов, которые традицией производства тесно связаны с провинциально-римским миром.

Что касается нижней даты, то она определена временем возникновения поселения, вторая половина III в. Верхнюю дату основания мастерской позволяет установить признание ее связи с европейскими рим-

---

[41] *Тиханова М. А.* О локальных вариантах черняховской культуры.— СА, 1957, № 4, с. 130; *Сымонович Э. А.* Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, № 139, 1967.

[42] *Рикман Э. А.* Поселение первых столетий нашей эры Собарь в Молдавии (о связях черняховцев с античным миром).— СА, 1970, № 2, с. 193—197.

[43] *Harden D. B.* Op. cit., p. 9, 10, 16.

[44] *Высотская Т. Н.* Ук. соч., с. 136—145.

[45] *Perrot P.* Search for Glass-Factory.— Archaelogy, vol. 17, № 4. N, Y., 1964.

скими провинциями. После перенесения границы империи за Дунай вероятность появления в Поднестровье мастеров, работающих в римских производственных традициях, уменьшается. Следовательно, третья четверть III в. наиболее вероятное время, в течение которого могли появиться провинциально-римские стеклоделы на среднем Днестре.

Третья четверть III в. как время создания мастерской устанавливается одинаково, если исходить из исторической ситуации и если специально рассматривать только продукцию мастерской. Как и какими путями стеклоделы, принадлежавшие к провинциальной римской школе стеклоделия, оказались так далеко от римского лимеса (на расстоянии 200—250 *км*), сказать трудно.

Мастерская у с. Комарово — пока что единственная, засвидетельствованная надежно археологически,— находится за пределами Римской империи. Т. Ставярская приводит сведения о 67 мастерских римского времени [46]. Упомянутые ею четыре другие (у Лукашевки, Балцат, Лопатны и Абидни) места изготовления стекла, находящиеся за лимесом, возможны, но не подтверждены археологически.

Очевидная связь мастерской с провинциально-римским миром признается М. Ю. Смишко, М. А. Безбородовым, В. В. Кропоткиным, Э. А. Сымоновичем. Произведя дополнительные исследования, мы установили, что производство это просуществовало недолго. Следы его достаточно выразительны на самом поселении, но за его пределами почти не улавливаются. Причины, определившие прекращение работ в мастерской, могут быть самые разные: глубокие, связанные с экономической и социальной структурой черняховского общества, и совсем прозаические — просто иссякли запасы привезенного сырья.

You. L. Chtchapova

UN ATELIER DE PRODUCTION DU VERRE PRES DU VILLAGE DE KOMAROVO

(IIIe-IVe s. de n. è.)

Résumé

M. You. Smichko a découvert en 1956-1957 les restes d'un atelier près du village de Komarovo. Ce spécialiste a mis à la disposition de l'auteur du présent article quelques centaines de fragments de vases en verre, ainsi que des morceaux de verre à vitre. On a procédé dans le laboratoire d'archéologie de l'Université de Moscou à l'analyse spectrale de 97 objets différents. Pour cet article on a utilisé les résultats de l'analyse chimique quantitative, qui ont été publiés par M. A. Bezborodov.

La présente étude offre un examen détaillé des résultats de l'analyse, accompagnés de commentaires sur le plan historico-technologique et historique.

Dans cet atelier, installeé dans le troisième quart du IIIe s. de n. è. à. Komarovo travaillaient des artisans qui appliquaient les règles et les normes connues dans les Provinces Romaines de l'Europe. Ils produisaient des récipients de verre, fabriqués au moyen d'un soufflage «doux», des perles de verre, du verre à vitre. Les récipients et les colliers de verroterie faisaient partie des objets très demandés à l'époque de Tcherniakovo. Le verre à vitre devait possèder son marché spécial. Mais cet atelier de fabrication du verre n'a pas existé longtemps, environ une dizaine d'années; c'était en son genre un phénomène, très peu lié à l'économie tcherniakovienne.

[46] *Stawiarska T.* Paciorki szklane z okresu wpływów rzymskich w kulturze zachodniobałtyjskej.— AP, 1974, t. XIX, z. 1, s. 178, 179, 199–200.

А. А. КУДРЯВЦЕВ

О ДАТИРОВКЕ ПЕРВЫХ САСАНИДСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ В ДЕРБЕНТЕ

Среди обширного исторического наследия сасанидского Ирана в Закавказье Дербент занимает особое место — это крупнейший памятник сасанидского строительства, сохранивший свой древний облик до наших дней. Возведенный в одном из наиболее удобных и стратегически важных мест Прикаспийского пути, этот город стал мощной преградой на пути кочевников севера к благодатному земледельческому югу и одним из главных опорных пунктов в борьбе с ними. Здесь персы и арабы воевали с хазарами и, укрепившись в Дербенте, смогли не только отстоять свои северные границы и остановить натиск кочевников, но и распространить свою власть и влияние на весь Восточный Кавказ.

Подобно мощной каменной плотине вытянулся между Каспийским морем и отрогами Джалганского хребта этот город-засов, немой свидетель былого величия огромной Сасанидской державы. Среди подобных оборонительных сооружений, возведенных в различных районах древнего цивилизованного мира, таких, как знаменитый Римский вал на Дунае, Абхазская, Бармакская и Ширванская «длинные стены» на Кавказе, русские валы на половецкой границе и другие укрепления, призванные охранять границы развитых земледельческих государств от набегов кочевников, фортификация Дербента выделяется своей мощью и исключительной продуманностью планировки, максимально приспособленной к рельефу местности.

Возникнув в период наибольшей активности кочевников на Кавказе, дербентские укрепления, подобно всем сооружениям такого рода, отделяли скотоводов от земледельцев и прикрывали от их опустошающих набегов Закавказье и Ближний Восток.

Исключительная прочность кладки и удивительная четкость архитектурно-планировочного решения, сочетающиеся с максимальной простотой конструкций, прекрасной обработкой камня и впечатляющей монументальностью стен, ставит Дербент в один ряд с крупнейшими фортификационными сооружениями мира.

Особенность его географического положения и стратегическая значимость нашли отражение в многоязычных названиях, данных этим важнейшим воротам из Восточной Европы в Переднюю Азию: Каспийские ворота, Албанские ворота, Морские ворота, Ворота Чора (Джора), иногда Цур (Сул), Дербент (запор ворот, связь ворот), Баб ал-абваб (ворота ворот), Казалка (ворота), Темир-капы (железные ворота) и многие другие.

Однако при всем обилии сообщений об этих главных воротах Прикаспийского пути в латинских, греческих, сирийских, армянских, грузинских, арабских и других древних источниках в исторической литературе остаются спорными вопросы о времени проникновения сасанидского Ирана в Дербентский проход и возведения здесь первых сасанидских укреплений.

Сколь значительную роль играл проход в исторических судьбах Переднего Востока и самого Ирана, Сасанидам пришлось почувствовать еще в период борьбы за власть. Едва возникнув на развалинах Парфянской державы, новое персидское государство вынуждено было вести войну с кочевниками, которые были пропущены через Дербентский проход по приказу антисасанидски настроенных правителей Закавказья.

Армянские раннесредневековые авторы V в.— Агафангел, Моисей Хоренский — в связи с событиями начала III в. сообщают, что царь Армении Хосров I (204—239 гг.), мстя за смерть своего родственника парфянского царя Артабана, убитого Арташиром I (226—242 гг.), «приказал открыть проходы Аланский и Дербентский или Джора» [1] и пропустил против персов воинственные племена Северного Кавказа и Прикаспия. И, видимо, хорошо понимая значение прохода, уже следующий правитель Ирана из династии Сасанидов, Шапур I (242—272 гг.), попытался распространить свою власть на Дербентские укрепления.

В надписи магупата (верховного жреца) Картира сообщается, что «... кони и люди Шапура, царя царей...», покорив Закавказье, «дошли до Албанских ворот, (там, где) Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам ... разрушения и пожарища и ... учинил» [2].

Раскопками, проводимыми в последние годы в Дербенте, в его культурных напластованиях, относящихся ко второй половине III в., были выявлены следы сильного пожара и разрушений, перекрытых сверху стерильной прослойкой, свидетельствующей о временном прекращении жизни здесь [3]. Сопоставление этих археологических данных с сообщениями приведенной надписи Картира на «Ка'бе Зороастра», позволяет связывать отмеченные на всей обживаемой территории следы пожаров, разрушений и временного запустения именно с этим походом Шапура I. Однако, несмотря на то, что, судя по надписи (ŠKZ) самого Шапура I [4], ему на какое-то время удалось захватить большую часть Закавказья, укрепиться в проходе Сасанидам в этот период не удалось, что подтверждается данными археологических исследований и анализом письменных источников. Даже блестящая победа над Валерианом в битве у Эдессы (260 г.), когда в плен попал сам император, не дала возможности персам полностью покорить Закавказье [5], сохранившее пока верность Риму [6]. В сложившейся обстановке, поскольку подчинить Закавказье Сасанидам в тот период не удалось [7], Дербентский проход вряд ли мог попасть под контроль иранцев надолго. В слоях Дербента этого времени полностью отсутствуют археологические материалы или сооружения, свидетельствующие о длительном пребывании здесь персов, и представляется вероятным, что после похода Шапура I к Дербентскому проходу и разрушения иранцами существующих там укреплений [8] на протяжении конца III—IV вв. никаких новых фортификационных сооружений они сами здесь не возводили.

В этот период сасанидский Иран и Восточная Римская империя, раздираемые внутренними противоречиями и бесконечными войнами друг с другом, не имели достаточно прочной власти на Восточном Кавказе, который становится ареной ожесточенной борьбы, и, вероятнее всего, ни

---

[1] *Патканьян К.* Опыт истории династии Сасанидов.— Тр. ВОРАО, ч. XIV. СПб., 1869, с. 12, 13, 20, 21.

[2] Накш-и Рустамская надпись Картира на «Ка'бе Зороастра» KKZ. Цит. по В. Г. Луконину. См. *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 87.

[3] *Кудрявцев А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 34, 38, 43, 44.

[4] *Луконин В. Г.* Ук. соч., с. 62; *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972, с. 295.

[5] *Юлий Капитолин.* Два Валериана, 6, 7 (перевод В. В. Латышева).— СК, т. II. СПб., 1904, с. 298.

[6] *Флавий Вописк.* Божественный Аврелиан, 41 (перевод В. В. Латышева).— СК, т. II. СПб., 1904, с. 306.

[7] *Дьяконов М. М.* Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, с. 263.

[8] *Кудрявцев А.* Ук. соч., с. 48, 49, 50.

та, ни другая сторона не была в силах контролировать проход. Лишь со второй половины IV в., когда в битве под Амидой албанский царь, в отличие от армянского и иберийского, выступает вместе с персами [9], и после раздела Закавказья в 387 году, можно говорить о распространении влияния сасанидского Ирана на Дербентский проход.

Одновременно на Кавказе происходят исторические события, приведшие к значительному повышению активности кочевников — здесь появляются гунны, частично осевшие в Приморском Дагестане севернее Дербента и образовавшие тут «царство гуннов». Теперь на смену эпизодическим походам отдельных отрядов аланских и сарматских вождей приходят систематические набеги мощного объединения степных пришельцев, в этнический конгломерат которых входили и кочевые племена Северного Кавказа и Прикаспия. Дербентский проход становится главнейшей дорогой кочевников в их набегах на Закавказье и Передний Восток, и в связи с этим он постоянно упоминается в различных раннесредневековых источниках. В этот период происходит замена обычного для античного времени наименования прохода «Каспийские ворота», «Албанские ворота» на «ворота Чора (Джора)», чаще «паһак Джора», т. е. «охрана Джора» [10] — в армянских источниках [11] и грузинской хронике [12], где иногда он именуется еще «Морскими воротами» [13], «укреплением Тзор, Тзур (Цур)» — у византийских авторов [14], «проход Чора», «ворота Чога», «княжество Чога» (марзпанство), «ворота гуннов», «великий город Чога» — у Моисея Каганкатваци [15]. Сирийские источники продолжают называть его «Каспийскими воротами» [16], а позднее «воротами Торайе» [17], и лишь в VII в., а по мнению И. Маркварта, в начале VIII в. [18] в источниках впервые появляется наименование «Дербент — город Чорского прохода, великая твердыня, построенная среди моря» [19]. В. Г. Луконин полагает, что название «Дербент» упомянуто уже в пехлевийских надписях на стенах города, т. е. зафиксировано еще в VI в.[20]

В раннесредневековых источниках этого периода Дербентские ворота носят различные наименования — от «ущелья», «ворот» до «великого города Чога», «великой твердыни среди моря», но в них нет конкретных данных о появлении здесь первых сасанидских укреплений.

---

[9] *Аммиан Марцеллин.* Кн. XVIII, 6 (перевод Ю. Кулаковского). Вып. 1, Киев, 1906, с. 233.

[10] *Патканьян К.* Ук. соч., с. 13, прим. 1.

[11] История Армении Моисея Хоренского (новый перевод Н. О. Эмина). М., 1893, с. 113, 151; История Егише вардапета (перевод П. Шаншиева). Тифлис, 1853, с. 19, 70, 104, 333; История епископа Себеоса (перевод Ст. Малхастянца). Ереван, 1939, с. 30, 121; История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века (перевод К. Патканьяна). СПб., 1862, с. 28; *Лазарь Парбский.* История Армении (на арм. яз.). Тифлис, 1904, с. 66.

[12] *Андроникашвили М. К.* Иранские племенные и географические названия в древнегрузинских исторических памятниках V—XIII вв.— Тр. Ин-та языкознания АН ГрузССР, серия вост. яз., т. I. Тбилиси 1954, с. 22; *Яков Цуртавели.* Мученичество Шушаники.— Грузинская проза. (Перевод К. Лордкипанидзе, С. Чиковани), т. I. М., 1955, с. 9, 10.

[13] *Шопен И.* Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866, с. 226.

[14] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами (перевод С. П. Кондратьева). М., 1950, с. 381.

[15] История агван Моисея Каганкатваци (перевод К. Патканова). СПб., 1861, с. 11, 12, 70, 80, 81, 85—86, 90, 105, 109, 110, 127, 150, 192.

[16] *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.— Л., 1941, с. 82, 165.

[17] Там же, с. 108.

[18] *Marquart J.* Eranšahr nach Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901, S. 101.

[19] *Патканов К. П.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому.— ЖМНП, 1883, март, с. 30.

[20] Эти, пока еще не опубликованные данные были любезно сообщены автору В. Г. Лукониным.

О времени возникновения в проходе первых сасанидских укреплений среди исследователей нет единого мнения — одни предполагают, что это произошло в правление Ездигерда II (439—457 гг.) [21], другие — Кавада I (488—531 гг.) [22], а некоторые относят их постройку лишь ко времени Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.) [23].

Существование различных точек зрения по этому вопросу связано с расхождениями историков в оценке известных сообщений армянских раннесредневековых авторов о первых документально зафиксированных сасанидских укреплениях на Восточном Кавказе, упоминаемых в связи с антииранским восстанием народов Закавказья в середине V в. И хотя источники единодушно локализуют эти укрепления в «проходе Чора», под которым общепринято понимать Дербентский проход, о местонахождении первой сасанидской фортификации, построенной Ездигердом II, в исторической литературе существуют различные мнения.

Одни исследователи локализуют эту фортификацию в Дарьяльском ущелье [24], другие видят в ней Бармакские укрепления [25], и лишь М. И. Артамонов справедливо полагал, что речь идет о Дербентских укреплениях [26]. Отождествление последних с сасанидской фортификацией первой половины V в. правомерно не только в силу того, что письменные источники V—VI вв. единодушно именуют эти сооружения «укреплениями, крепостью Чора (Джора), Чога, Чол» и помещают их на «границе владений албанов и хонов», но и потому, что в системе оборонительного комплекса Дербента помимо известных каменных стен имеются мощные сырцовые укрепления.

Однако при отсутствии в исторической литературе единого мнения о локализации упомянутых источниками оборонительных сооружений Ездигерда и времени возникновения первых сасанидских укреплений в Дербенте, для решения этого вопроса необходимы были широкие археологические исследования.

С этой целью в 1973—1974 гг. производились раскопки наиболее древнего предполагаемого укрепления Дербента — глинобитного вала, обнаруженного Б. Н. Засыпкиным в 1932 г. в нижней части города у внутренней грани северной городской стены и признанного им более древним, чем каменные стены Дербента. Расположение вала с внутренней стороны каменной стены позволило и другим исследователям (М. И. Артамонов, К. В. Тревер, С. О. Хан-Магомедов) предположить, что он предшествовал последней.

В самом деле, трудно представить, что при сохранности каменных стен Дербента в высоту на 10—15 *м* при толщине их 3—4 *м* рядом с ними позднее стали бы возводить сырцовый вал. М. И. Артамонов, обследовавший это сооружение после Б. Н. Засыпкина, пришел к выводу, что это сырцово-саманная стена, возможно, возведенная в правление Ездигерда II (439—457) [27]. Для выявления структуры стены, ее параметров, времени сооружения возможного нахождения под ней более древней фортификации, о которой упорно сообщают местные исторические хроники и предания, здесь были заложены разрезы R-1, R-3, размерами соответственно: 6×3 *м*, 10×2 *м*, 8×2,5 *м* (рис. 1). Раскопки показали, что данное сооружение представляет собой мощную стену, целиком построен-

---

[21] *Артамонов М. И.* Древний Дербент — СА, VIII, 1946, с. 137; *его же.* История хазар. Л., 1962, с. 60; *Бартольд В. В.* Дербент. Соч., т. III, М., 1965, с. 420.

[22] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 120, 121; *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, с. 277.

[23] Очерки истории СССР, III—IX вв. (отв. ред. Б. А. Рыбаков). М., 1958, с. 316.

[24] История армянского народа, ч. 1 (под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна). Ереван, 1951, с. 86; *Еремян С. Т.* Народно-освободительная война армян против персов.— ВДИ, 1951, № 4, с. 55.

[25] *Тревер К. В.* Ук. соч., с. 209.

[26] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 60.

[27] *Артамонов М. И.* Древний Дербент, с. 137.

ную из квадратного сырцового кирпича размером 39—42 × 39—42 × 10—12 *см*, реже 44 × 44 × 12—13 *см* (рис. 2—4). Толщина стены достигает 7,9—8 *м*, высота не менее 5,6—6 *м*, в настоящее время осталось 41—44 ряда кирпича, кладка плохо сохранилась в верхней части (рис. 4). Основанием стены служила очень плотная глинобитная платформа из темно-коричневой глины толщиной 35—40 *см*, лежащая на мощном слое плотной желтой глины толщиной 1,05—1,1 *м* с включением мелких фракций извести (рис. 2). В этом слое не было обнаружено культурных остатков (хотя они встречаются в весьма незначительном количестве и в кладке), и пока трудно судить о происхождении этого слоя (искусственное или естественное), но следует отметить несомненное сходство глины сырцовых кирпичей стены и этого слоя. Ниже слоя желтой глины лежала прослойка морского песка толщиной 7—10 *см*, а под ней мягкая влажная желтая глина типа ила толщиной 60—70 *см* (рис. 2), под которой располагался сплошной массив беловатого морского песка, в который заглубились для контроля на 1—1,2 *м*.

Никаких более древних оборонительных сооружений под стеной не обнаружено. Материал и размеры сырцовых кирпичей дербентской стены типичны для сасанидской архитектуры самого Ирана, Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока. Сохранность кирпича хорошая, но он не столь твердый, как в сырцовых сооружениях Средней Азии, что мы связываем с влажным морским климатом Дербента. Обе грани стены почти

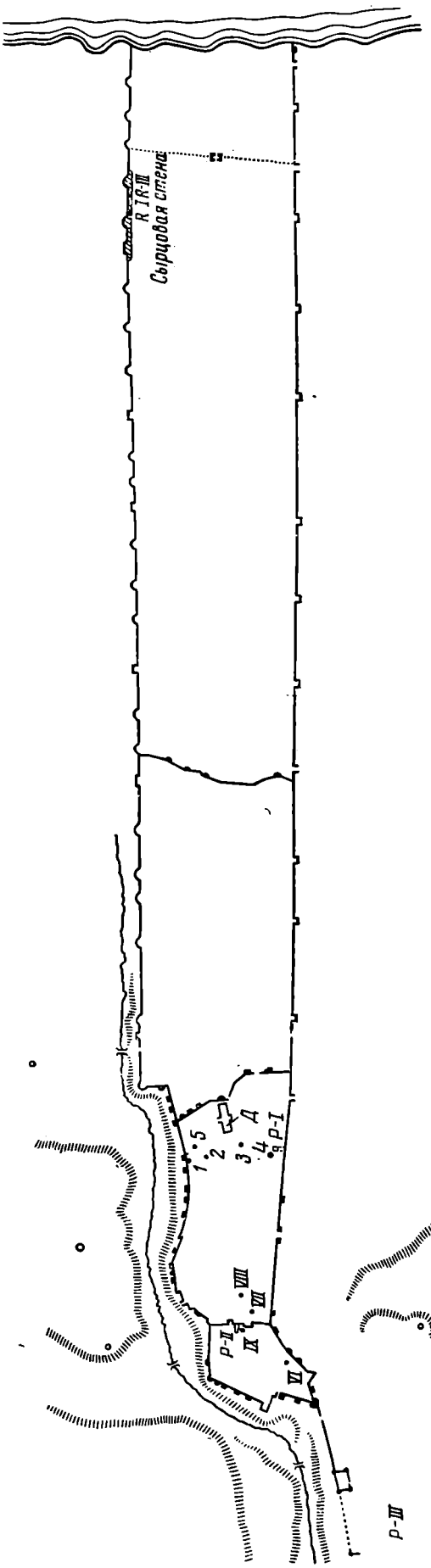


Рис. 1. План Дербента с указанием разрезов сырцовой стены. *1* — раскоп 1; *2*—2; *3*—3; *4*—4; *5* — раскоп 5 (все раскопы 1971 г.); VI — раскоп6; VII—7; VIII—8; IX — раскоп 9; Р-1 — раскоп I (все раскопы 1972 г.); P-II — раскоп II; P-III — раскоп III; R-I — разрез № 1; R-III — разрез № 3: *Д* — Джума-мечеть

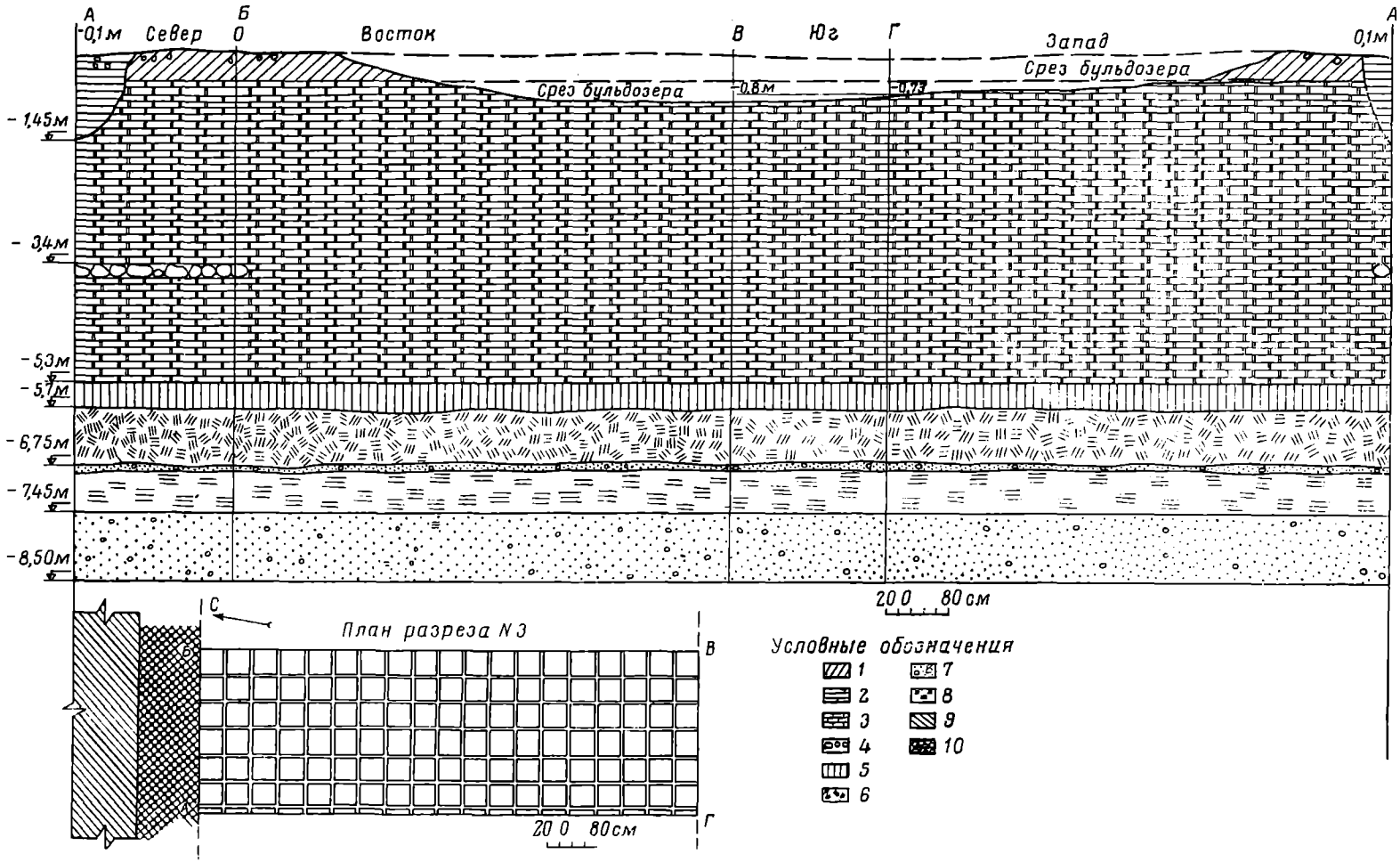


Рис. 2. План и развертка разреза 3. *1* – плотный серый натейно-надувной слой с включением мусора и битого кирпича; *2* – мусорная яма; *3* – сырцовый кирпич; *4* – бутовый камень; *5* – очень плотная платформа из темно - коричневой глины; *6* – плотная желтая глина с вкраплением частиц известняка или мела; *7* – беловатый песок с ракушками; 8 – мягкая влажная глина желтоватого цвета; *9* – северная каменная городская стена; *10* – засыпь между каменной и сырцовой стенами

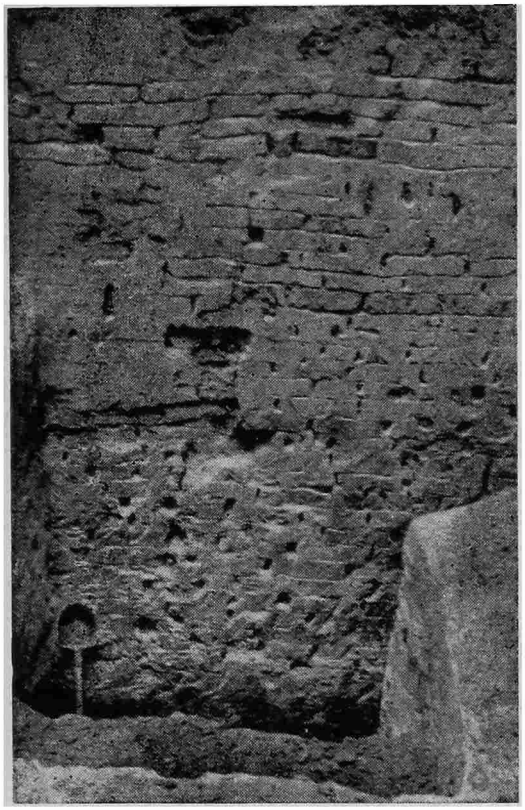


Рис. 3. Сырцовая стена, разрез 1

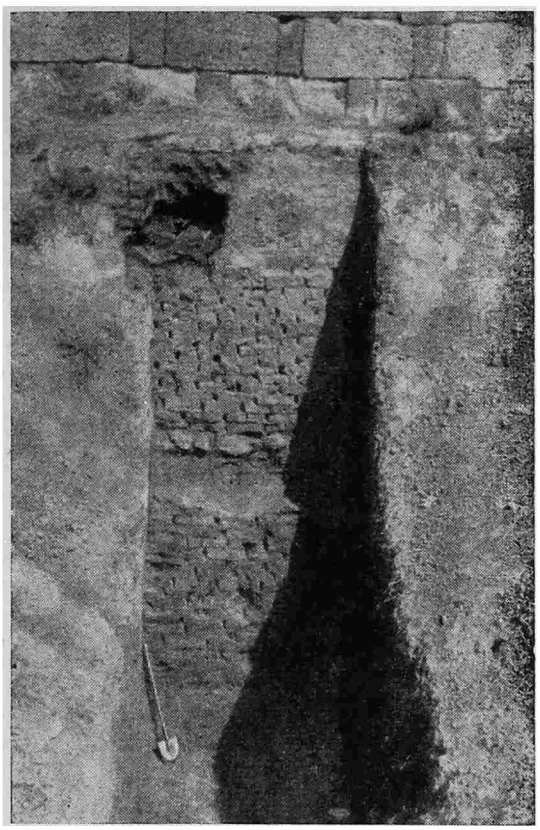


Рис. 4. Сырцовая стена, разрез 3

вертикальны и имеют весьма незначительные уклоны. Интерес представляет горизонтальная прослойка из бутового камня, шириной до 1 *м*, уложенного в один ряд (*h* — 25 *см*) в наружной части стены на отметке 3,2—3,3 *м* (рис. 2, 4). Расстояние между каменной и сырцовой стеной достигает 0,9—1 *м*, пространство между ними заполнено засыпью. В двух местах по засыпи устроена горизонтальная отмостка из мелких камней. Верхняя отметка сырцовой стены почти на 3—3,5 *м* ниже каменных стен, а основание ее лежит на 1,05—1,1 *м* ниже подошвы фундамента последних [28]. В настоящее время сырцовая стена сохранилась только в двух местах, наибольшая длина прослеживаемого участка 85—90 *м*, однако еще в 1932 г. Б. Н. Засыпкин зафиксировал ее на значительно большей площади — от железной дороги до городского сада. В 1923 г. А. С. Башкиров, обследуя участок у Шуринских ворот (т. е. значительно западнее этого места), обнаружил, по его сообщению, какие-то древние стены, возможно, что речь идет об этой же сырцовой стене [29]. Остатки ее были отмечены в шурфе № 1 (рис. 1), заложенном в 1971 г. у северной стены в районе Джума-мечети [30], т. е. более чем на 2,5 *км* западнее обследованного участка. Это позволяет предполагать, что стена тянулась от моря до цитадели и подобно каменной фортификации сплошь перекрывала весь проход.

Подобную точку зрения подтверждает обнаруженная на восточном краю вершины холма, рядом с каменной стеной цитадели, мощная сырцовая стена из квадратного кирпича [31] размером 39-44×39-44×9-13 *см*.

[28] *Хан-Магомедов С. О.* Стены и башни Дербентской крепости.— Архитектурное наследство, 1964, № 17, с. 123, рис. 2.

[29] *Башкиров А. С.* Изучение памятников старины.— ДС, т. III, 1927, с. 234.

[30] *Кудрявцев А. А.* Отчет о работе Дербентского археологического отряда в 1971 г.— РФ ИИЯЛ, № 357, Махачкала, 1972, с. 14.

[31] *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели древнего Дербента.— АО — 1973. М., 1974, с. 115.

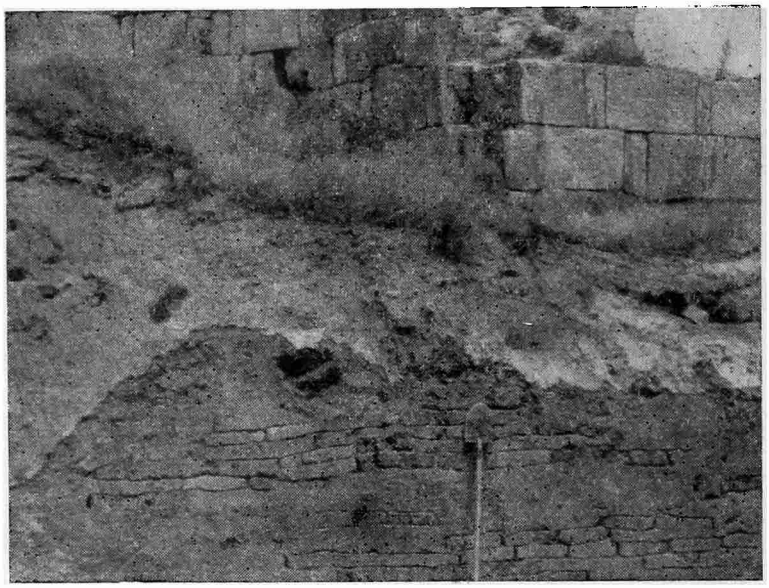


Рис. 5. Сырцовая стена с культурными напластованиями IX—XIII вв. над ней

Правда, здесь встречаются кирпичи и меньших размеров — 37×37×9—10 *см*. Стена имела толщину 4,5—5 *м* и сохранилась на высоту около 1—1,5 *м*. Сырцовая стена цитадели располагалась у внутренней грани ее каменной стены, что позволяет считать сырцовую стену более ранней, чем каменная.

Стена из сырцового кирпича в цитадели стоит на более ранних укреплениях скифского и албано-сарматского времени. Представляется вероятным, что данные сырцовые стены являются первым оборонительным комплексом Сасанидов в Дербенте. Видимо, первоначально иранцы пытались закрыть проход традиционным и привычным для них способом, применяя широко известную им сырцовую архитектуру, столь типичную для Передней и Средней Азии. Теперь становится очевидным, что первая сасанидская фортификация Дербента была глиняной и, видимо, мало чем отличалась в архитектурном отношении от сасанидских памятников Ирана и Средней Азии, хотя здесь интереснейшим явлением предстают наружные каменные цоколи и горизонтальные прослойки из бута в теле стены. Лишь позднее, в правление царя Кавада и его знаменитого сына Хосрова I Ануширвана, персы отказались от своей традиционной архитектуры, убедившись на опыте, что она уступает местной каменной, для возведения которой здесь имелись огромные запасы прекрасного, легко поддающегося обработке известняка и большое количество специалистов-каменщиков, имеющих традиционный опыт горцев, тысячелетиями строивших из камня. В связи с этим интересно отметить, что Бармакские и Ширванские укрепления, расположенные южнее Дербента, имеют глиняные стены, примыкающие к каменной цитадели, а стены Махачкалинского городища, отождествляемого сейчас дагестанскими археологами с древней столицей хазар Семендером, расположенные севернее Дербента, по материалу, характеру кладки и планировки очень сходны с каменной фортификацией Дербента. Письменные источники называют основателем двух последних сооружений Хосрова Ануширвана, что подтверждается в Дербенте пехлевийскими надписями на его стенах. Представляется вероятным, что наличие на Прикаспийском пути двух типов «длинных стен» отражает определенные этапы сасанидского строительства на Восточном Кавказе: первый, более ранний, отмечен сырцовыми стенами, возведение которых письменные источники в основном связывают с Ездигердом II — Кавадом; второй, поздний, представлен камен-

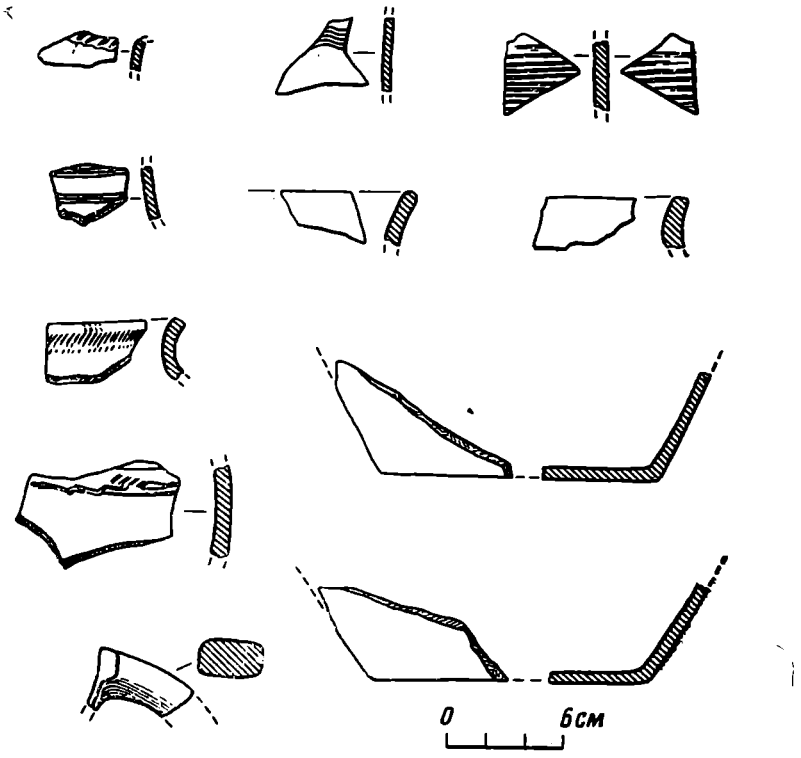


Рис. 6. Керамика V в. из сырцовой стены

ной фортификацией, строителем которой почти все средневековые авторы называют Хосрова Ануширвана.

При этом правителе строительство из камня получает широкий размах и в самом Иране, и в этом смысле каменная фортификация Дербента типична для позднесасанидского периода. Обнаружение в Дербенте глиняных стен цитадели позволяет полагать, что на более ранних этапах иранцы возводили подобные укрепления полностью из сырца, потом стали комбинировать камень и глину (цитадель каменная, стены из глины) и, наконец, при Хосрове Ануширване оборонительные сооружения на Прикаспийском пути стали возводиться целиком из камня.

Керамика, обнаруженная в кладке стены и засыпи между стенами, в основном относится к концу албано-сарматского — началу сасанидского периодов существования Дербента, что позволяет считать нижней хронологической датой бытования стены период не ранее конца IV — начала V в., т. е. времени проникновения и укрепления власти Сасанидов на Восточном Кавказе. Керамика сасанидского периода Дербента резко отличается по цвету, качеству и обжигу теста, приемам орнаментации и изготовления от керамики албано-сарматского и раннесредневекового времени как поселения этого периода в Дербенте, так и от керамики всего Дагестана вообще. Керамика из сырцовой стены и засыпи между ней и каменной стеной, как и вся посуда Дербента сасанидского периода, сделана из очень хорошо отмученного теста розового или красного цвета, почти вся равномерно обожжена, изготовлена на быстровращающемся круге (рис. 6). Орнаментация довольно проста, а чаще всего вообще отсутствует. Украшались в основном горловины и плечики сосудов. Ведущим мотивом орнамента являлись волнистые или прямые врезные линии, точечные проколы и защипы. Почти все изделия широкогорлые, с несколько отогнутым наружу или прямым венчиком и, судя по сохранившимся фрагментам нижних частей сосудов, имели плоское дно. Подобная форма и орнаментация посуды типичны для сасанидской керамики Дербента V в. В керамике, добытой из стены, отсутствуют сосуды, орнаментированные многорядными волнистыми линиями, сосуды с до-

вольно плохим коричневым и коричневато-красным тестом, с волнистой внутренней поверхностью стенок и рядом других признаков, типичных для посуды Дербента сасанидского периода VI—VII вв. Сверху сырцовая стена была перекрыта слоями IX—XII вв., появившимися над ней в период наибольшего расцвета Дербента, когда город полностью занял пространство между каменными стенами (рис. 5).

Археологические исследования сырцовых оборонительных сооружений Дербента и анализ керамики, полученной из самой стены и слоев, связанных с ней, не оставляют сомнений, что данное сооружение является сасанидской фортификацией города и представляет собой наиболее раннее иранское укрепление, предшествовавшее его каменным стенам.

Однако археологический материал и конструктивные особенности сырцовых стен не дают возможности определить точную дату возведения этой фортификации, так как подобные сырцовые укрепления бытуют в самом Иране и других сасанидских провинциях в течение довольно значительного периода (лишь в правление Хосрова Ануширвана строительство из камня получает широкий размах), а сасанидская керамика из Ирана и Прикаспия пока очень мало издана и для районов Кавказа почти не изучена.

Все это заставляет при решении вопроса о времени возведения первых сасанидских укреплений Дербента обратиться к сведениям письменных источников и попытаться датировать его сырцовые стены, опираясь на них.

Особый интерес здесь представляют сообщения авторов V—VI вв., которые в связи с историческими событиями на Кавказе в середине V в. приводят данные о существовании сасанидских укреплений в проходе уже в первой половине V в.

Здесь прежде всего надо отметить ценные данные армянского автора V века Егише, который в молодости был секретарем полководца Вардана и мог непосредственно находиться в этом районе и лично видеть укрепления, сооруженные персами в проходе.

В связи с историческими событиями, приведшими к антииранскому восстанию народов Закавказья в середине V в., он первый сообщает об укреплениях в проходе, где находились персидские и армянские войска, которые «охраняли от гуннов северные врата Дербентские» [32].

Егише сообщает, что Ездигерд II в «течение многого времени и с большим трудом построил крепость на границе области гуннов» [33]. После сооружения Ездигердом II в проходе Чора укреплений, где содержалось 10 000 иранской кавалерии, «перестали хайландуры выходить через пограничную крепость Чора» [34].

Здесь же впервые встречается титул марзпана Чора, который обладал столь значительными силами и полномочиями, что сам без поддержки центральных властей подавил восстание в Албании и отправился на подавление восставшей Армении [35].

Именно против этой крепости в Дербентском проходе, игравшей огромную военную и политическую роль в судьбах Закавказья (возможность союза с кочевниками против персов), нанесли главный удар восставшие, которые «направились к honским вратам, которыми завладели силою персы, взяли и разрушили врата и перебили войска, что располагались внутри, а ворота вверили власти Bahana, бывшего из рода царей Албанских» [36], из чего следует, что укрепления не потеряли своего значения. В дальнейшем эту крепость захватил правитель Армении Васак и

---

[32] История Егише вардапета, с. 70.
[33] Там же, с. 215.
[34] *Егише.* О Вардане и войне армянской (перевод И. А. Орбели). Ереван, 1971, с. 31.
[35] Там же, с. 76, 77.
[36] Там же, с. 79.

не пустил хонов помочь армянам в их борьбе, собрав против них «многочисленную конницу Ариев, закрыл и запер ворота их прохода, и вовсе не давал покоя царю Персидскому, но посылал и призывал многочисленные отряды в пограничную крепость Чора» [37]. Укрепления в проходе, разрушенные армянами, упоминает гунн Бел, из князей племени хайландуров, бежавший от персов к кидаритам [38].

В связи с антииранским восстанием в Закавказье в середине V в. Дербентские укрепления упоминает албанский историк Моисей Каганкатваци, который сообщает о разрушении крепости Ездигерда «при вратах хонов, которыми насильственно владели персы» [39].

О разрушении персидских укреплений, находящихся «на границе владений албанов и гуннов», восставшими народами Закавказья сообщает автор начала VI в. Лазарь Парбский (Парбеци), который также говорит о поставленном здесь комендантом албанском царевиче [40].

Как видно из этих сообщений раннесредневековых источников, уже к середине V в. в «проходе Чора», на «границе албанов и гуннов», существовали сасанидские укрепления, охранявшие «от гуннов северные врата Дербентские». А в том, что все упомянутые названия можно отнести только к Дербенту, вряд ли приходится сомневаться.

Раскопки, проведенные дагестанскими археологами в последние годы [41], убедительно свидетельствуют о правомерности предложенной рядом исследователей локализации «царства гуннов» и его столицы Варачана в Дагестане, к северу от Дербента, что исключает возможность прохождения «границы владений албанов и гуннов» в районах Дарьяла или Бармака.

Результаты новых археологических исследований в Дербенте [42] и анализ письменных источников дают веские основания считать границей между албанами и гуннами в IV—VI вв. Дербентский проход, что нашло широкое отражение в многочисленных сообщениях армянских [43], сирийских [44], византийских [45] раннесредневековых авторов, нередко именовавших проход «воротами гуннов». При этом они единодушно помещали «гуннские пределы», «царство гуннов» его столицу к северу, «за воротами» [46]. И если к этому еще добавить, что сам Дербент в источниках зовется великой твердыней и «городом Чорского прохода» [47], «великим городом Чога» [48], то наиболее вероятным и, пожалуй, единственным местом локализации этих укреплений Ездигерда II надо признать Дербентский проход.

Раннесредневековый топоним Чор, Джор, Джол отложился и в названии горы Джалган, на отрогах которой стоит Дербент, и в названии селения, расположенного в 3 *км* выше Дербента — Верхний Джалган, а также

---

[37] Там же, с. 91.

[38] Там же, с. 127.

[39] История агван Моисея Каганкатваци (перевод К. Патканьяна). СПб., 1861, с. 85—87.

[40] *Langlois V.* Collection des historiens ansiens et modernes de l'Armenie. Paris, 1867—1869, t. 11, pp. 293, 294; *Лазарь Парбский.* История Армении, с. 66; *Тревер К. В.* Ук. соч., с. 209.

[41] История Дагестана, т. I, гл. VI (отв. ред. В. Г. Гаджиев). М., 1967, с. 136, 137.

[42] *Кудрявцев А.* Город, не подвластный векам, с. 45, 66, 68.

[43] Агафангел, гл. II, § 10; История Армении Моисея Хоренского, с. 113, 151; История епископа Собеоса, с. 30, 121; История халифов вардапета Гевонда, с. 28; Армянская география VII в., с. 38.

[44] *Пигулевская Н.* Сирийские источники..., с. 82, 84, 85, 165, 166.

[45] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, с. 381; *Jonnis Malalae.* Chronographia. Ed. Dindorf, Bonnae, 1831, p. 406; *Grimmel I.* L'annec du monde, dans la Chronographie de Theophane. Actes du IV Congres des Etudes Byzantines. Sofhia, 1935, p. 126, 406.

[46] Армянская география VII в. ..., с. 38; *Патканов К. П.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, с. 28; *Пигулевская Н.* Сирийские источники..., с. 84, 85.

[47] *Патканов К. П.* Из нового списка географии, с. 30.

[48] История агван Моисея Каганкатваци, с. 105, 192.

и дагестанских языках, в которых Дербент и ныне называется Чурул (лак.), Чулли (даргин.) [49].

Как видно из приведенных источников, раннесредневековые авторы единодушно связывают постройку укреплений Чора с правлением Ездигерда II, т. е. со второй четвертью V в., так как в 450 г. эти оборонительные сооружения были разрушены восставшими. Исходя из времени правления Ездигерда II и даты разрушения Чора, можно ограничить хронологические рамки возведения первой сасанидской фортификации в проходе 439—450 гг.

Однако возникает вопрос, возможно ли отождествлять укрепления Ездигерда II с раскопанной сырцовой стеной или эти сведения касаются другого укрепления Дербента первой половины V в.

Отмечая, что подобной фортификации пока в Дербенте не обнаружено, обратимся к сообщениям некоторых раннесредневековых писателей, данные которых позволяют видеть в описанных укреплениях именно стену.

Прямо указывает на наличие здесь стены армянский автор V — начала VI в. Лазарь Парбский в связи с антииранским восстанием народов Закавказья в середине V в. Он пишет, что восставшие армяне «... достигли пахака стены, которая находится между владениями албанов и хонов» [50], т. е. в Дербентском проходе, который почти все раннесредневековые авторы единодушно называют границей между ними, «воротами гуннов», областью, за которой лежит «земля гуннов», «царство гуннов» и т. д. С наличием в середине V в. в проходе сырцовой стены мы связываем неудачную попытку сарагуров и акациров прорваться в Закавказье через Дербентский проход, предпринятую ими в правление Пероза (459—484 гг.), возможно, не без ведома византийского императора [51]. Встретив в проходе персов, кочевники были вынуждены повернуть «и пойти другой дорогой, по которой пришли к иверам» [52]. Повернуть мощное войско сарагуров персы, скорее всего, могли, лишь имея в проходе стену, так как тяжелая война на востоке с кидаритами не позволяла им держать в других местах огромные гарнизоны и даже для охраны очень важного для Ирана укрепления Юроипаах, они просили Византию дать им «денег или людей» [53].

Заслуживает внимания сообщение армянского историка Егише, автора первых данных о сасанидских укреплениях в проходе, который в связи с восстанием албанского царя Вече II в 461 г. говорит, что царь приступом взял ущелье Джора, а потом, перейдя на северную сторону его, «окопал паһак Чора и провел по эту сторону войска маскутов» [54], защитив, таким образом, себя от персов. Здесь интересно отметить быстрое восстановление в проходе укреплений, разрушенных восставшими армянами всего 10 лет назад, и вероятное наличие стены, которую, видимо, легко захватил Вече, напав с тыла.

Основателем сасанидских укреплений (именно стены) в проходе назван Ездигерд и в местной исторической хронике [55], по версии которой он очистил от песка и восстановил стену, возведенную Александром Великим.

В связи с вопросом о времени появления сасанидских укреплений в проходе уместно вспомнить сообщение средневекового армянского автора

---

[49] История Дагестана, т. I, гл. VI, с. 122; *Магомедов Р. М.* Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969, с. 20.

[50] *Лазарь Парбский.* История Армении, с. 66.

[51] *Дьяконов М. М.* Очерки истории древнего Ирана, с. 277.

[52] *Приск Панийский.* Готская история, кн. IV, 37 (перевод В. В. Латышева).— СК, т. I. СПб., 1903, с. 843.

[53] Там же, кн. IV, 37.

[54] *Егише.* О Вардане и войне армянской, с. 169.

[55] Тарихи Дербенд-наме (под ред. М. Алиханова-Аварского). Тифлис, 1898, с. 28, 94.

Гевонда, рассказывающего, что при халифе Сулеймане, в 716 г., арабы нашли в Дербенте надпись на камне, гласящую, что город этот построил император Маркиан (450—457 гг.), «истратив на него много талантов из своей казны» [56]. Здесь, видимо, имело место субсидирование Византией строительства оборонительных сооружений, возводимых Ираном для охраны проходов от кочевников, не раз обговоренное в мирных договорах этих стран [57].

Таким образом, сообщения наиболее авторитетных и осведомленных авторов V—VI вв., писавших о хорошо известных им событиях, позволяют отождествлять исследуемую нами стену с фортификацией Ездигерда II и считать ее первыми сасанидскими укреплениями Дербента, построенными между 439—450 гг.

Что же касается вопроса о строительной деятельности Кавада I в Дербенте, то ее можно связывать лишь со вторым этапом сасанидского строительства в проходе, приходящимся на начало VI в., который уже не имел отношения к сырцовой стене.

Во второй половине V в. сложилась неблагоприятная для сасанидского Ирана политическая обстановка.

Неудачные военные действия персов на восточной границе, пленение, а затем гибель Пероза в войне с эфталитами, внутренние противоречия и междоусобная борьба братьев Пероза Валарша и Зарера ослабили позиции Ирана на Кавказе. В 483—484 гг. Закавказье охватило мощное антииранское восстание под руководством Вахтанга Горгасара, в котором восставшие иберы, армяне, албаны привлекли к борьбе против персов кочевников Прикаспия и Северного Кавказа [58], которые, прорвавшись через Дербентские ворота, захватили области вплоть до Куры. Иран, раздираемый междоусобной борьбой, теснимый на востоке эфталитами, а на западе гуннами, вынужден был смириться с потерей Дербентских укреплений, которыми, по сообщениям византийских источников, овладел гуннский царь Амвазук [59]. Вернуть себе проход персы смогли лишь в правление Кавада, при котором начался второй этап сасанидского строительства на Восточном Кавказе. Прокопий Кесарийский утверждает, что Кавад овладел Каспийскими воротами после смерти Амвазука, родом гунна. Амвазук хотел передать охрану ворот Византии, но Анастасий, не надеясь на свои силы или не желая войны с персами, отказался взять их под свою охрану, а Кавад прогнал детей Амвазука и захватил ворота [60].

По мнению Н. В. Пигулевской, это произошло в 507—508 гг., так как Прокопий сообщает о данном событии до окончания постройки крепости Дары [61].

Вероятно, именно в это время начался второй этап сасанидского строительства в Дербенте [62], завершившийся сооружением огромного оборонительного комплекса из камня, в который входили северная и южная стены города, цитадель, горная стена с системой фортов и полуфортов, протянувшаяся более чем на 40 *км* в горы.

Основания для предположений об участии Кавада в строительстве Дербентского каменного комплекса дают особенности его планировки,

[56] История халифов вардапета Гевонда, гл. IX, с. 28; *Marquart J.* Op. cit., p. 105.

[57] *Дьяконов М. М.* Очерки истории древнего Ирана, с. 276, 277; *Кулаковский Ю.* История Византии, т. 1. Киев, 1913, с. 270, 378, 379.

[58] *Дьяконов М. М.* Ук. соч., с. 277.

[59] *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с. 13; *Пигулевская Н.* Сирийские источники..., с. 67.

[60] *Procopii Coesarensis.* De bello persico, I, 10; *Пигулевская Н.* Сирийские источники..., с. 67.

[61] *Пигулевская Н.* Сирийские источники..., с. 67.

[62] Подробнее о двух этапах сасанидского строительства в Дербенте и участии Кавада I в сооружении каменного комплекса см. *Кудрявцев А.* Город, не подвластный векам, с. 92—103.

позволяющие говорить о разновременности отдельных частей комплекса, а также сообщения ряда средневековых авторов [63] и местных исторических хроник [64].

Следует отметить, что в «Дербенд-наме» постройка дербентской стены между персами и хазарами обставлена весьма помпезно и торжественно. Кавад направляет для строительства в Дербент всех архитекторов и лучших строителей Ирана и даже вступает в опасный для Сасанидской династии брак с хазарской принцессой.

Представляется вероятным, что столь значительные приготовления с привлечением к работе лучших архитекторов и мастеров Ирана вряд ли могли сопровождать рядовое строительство, ведь даже сооружение Кавадом 30 *км* Ширванской стены [65] не отмечалось средневековыми авторами как выдающееся событие. Нам кажется, что подобная пышность и значимость проводимых работ могла быть связана не с возведением Дербентской 3,5 *км* сырцовой стены, как считает К. В. Тревер [66], а с началом каменного строительства в Дербенте.

Особенно интересно в этом плане сообщение Табари, который называет строителями сасанидских укреплений в проходе трех правителей Ирана: Переза, Кавада, Хосрова Ануширвана.

«Царь Фируз воздвиг (еще раньше) в области Сул и (в области) алан строение из скалы с целью оградить свою страну от проникновения тех народов, (а) царь Кобад сын Фируза воздвиг в этих местах после своего отца (также) много сооружений, а когда вступил на престол Хосров, то по его приказу были построены города и укрепления в области Сул из камня (букв. скалы)» [67].

Такая последовательность в сооружении фортификации прохода, вероятно, отражала истинное положение вещей, так как укреплять его вынуждены были и предшественники Хосрова, но окончательно Дербентский оборонительный комплекс оформился при нем.

И, видимо, не случайно албанский историк М. Каганкатваци говорил, что не царь, а «цари персидские изнурили страну нашу» для построения «великого сооружения между морем и горами» [68].

При такой постановке вопроса особый интерес представляет новое чтение пехлевийских надписей Дербента, предложенное В. Г. Лукониным [69].

Первоначальное чтение этой даты привело одних исследователей к определению ее как «год 700» [70] по «селевкидской эре, т. е. к 453 г., а дру-

---

[63] *Ибн-ал-Факих.* Книга о странах (Перевод Н. А. Караулова).— СМОМПК, XXXI, Тифлис, 1902, с. 11; *Ат-Табари.* История пророков и царей (Перевод А. Р. Шихсаидова). Махачкала, 1971, РФ ИИЯЛ, № 4803, с. 12.

[64] *Kazem-Beg Mirza A.* The Derbend-nâmeh. St.-Pétersbourg, 1851, p. 4, 5. В одном недавно открытом арабском списке «Дербенд-наме» Кавад выступает основателем всего Дербентского комплекса. Он очистил от песка разрушившуюся стену Александра Македонского: «Кавад шах восстановил то, чего не хватало, и исправил ее в течение года, пока не довел до вилайата Табасаран. Он поставил над ней ворота и, когда он завершил это, то поставил стену с южной стороны в течение семи месяцев». Перевод этого неизвестного ранее списка «Дербенд-наме» любезно предоставлен нам А. Р. Шихсаидовым.

[65] О постройке этой стены Кавадом см. *Пахомов Е. А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье.— ПИМК, 1933, № 9—10, с. 40—43; Очерки истории СССР, III—IX вв., с. 316; *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936; с. 131; *его же.* Древний Дербент, с. 136.

[66] *Тревер К. В.* Очерки..., с. 278.

[67] *Ат-Табари.* История пророков и царей, с. 12.

[68] История агван Моисея Каганкатваци, с. 105.

[69] Новое, пока еще не опубликованное чтение пехлевийских надписей Дербента было любезно предложено автору В. Г. Лукониным, я его с благодарностью принимаю, не исключая, однако, что имеющаяся в них дата может быть и годом правления Кавада I.

[70] *Ниберг Г. С.* Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербенда.— ИООИА, № 8, вып. V, 1929, с. 29.

гих — как «37» год правления Хосрова I Ануширвана [71]. Однако если палеографические особенности надписей и историческая обстановка позволяют считать первую дату неприемлемой для датировки каменных стен города, то и второй вариант чтения нельзя принимать безоговорочно [72], что признавал и сам Е. А. Пахомов.

Новое чтение даты В. Г. Лукониным как «год 9» или «год 18», если прилагать ее к периоду правления Кавада I, а не Хосрова Ануширвана, что, весьма вероятно, дает время отвоевания Кавадом Дербента у гуннов и укрепления персов в проходе.

Сейчас пока трудно достаточно аргументированно судить о правомерности подобных предположений, но тот факт, что, несмотря на существующую в средневековой мусульманской литературе идеализацию и гипертрофизацию образа Хосрова, которому подобно Александру Македонскому приписывали все великие деяния домусульманских царей Ирана, источники называют строителем Дербентского оборонительного комплекса и Кавада, позволяет считать подобные предположения вполне возможными. В связи с этим интересно отметить справедливое высказывание Ричарда Фрая: «Имя Хосров, как и имя Цезарь, стало для арабов обозначением сасанидских царей и одновременно синонимом великолепия и славы» [73].

Сопоставление результатов археологических исследований с данными письменных источников позволяют утверждать, что первая сасанидская фортификация Дербента была возведена в правление Ездигерда II, не позднее середины V в. н. э. Подобные выводы хорошо согласуются с нумизматическими данными, Среди сасанидских монет, обнаруженных в Дербенте, имеются монеты Ездигерда II [74]. Эти укрепления включали в себя мощную сырцовую стену, перекрывавшую весь проход от моря до дербентского холма и цитадель, возведенную также из сырцового кирпича на вершине холма. Данные сырцовые укрепления надо признать наиболее ранними в фортификации сасанидского Дербента — первым этапом ее возведения. На более позднем, втором этапе были сооружены всемирно известные каменные стены города, которые, как теперь стало ясно, возникли на целое столетие позже первых, сырцовых.

A. A. Koudriavtsev

SUR LA DATATION DES PREMIERES FORTIFICATIONS SASSANIDES DE DERBENT

Résumé

Dans les fortifications de Derbent, outre les célèbres constructions fortifiées en pierre, il existe des ouvrages en brique crue mélangée de paille, disposés à la limite intérieure de l'enceinte en pierre de la cité; ce fait a permis aux spécialistes d'avancer

[71] *Пахомов Е. А.* Пехлевийские надписи Дербенда.— ИООИА № 8, вып. V, 1929, с. 3—22; *его же.* К толкованию пехлевийских надписей Дербенда.— Изв. Аз. ГНИИ, т. I, вып. 2. Баку, 1930, с. 13—16.

[72] Е. А. Пахомов, которому принадлежит главная заслуга в сборе и публикации надписей, допуская чтение даты как 37 год, считал, что столь продолжительное правление имели только два сасанидских царя: Хосров I (531—579 гг.) и Хосров II (590 — 628 гг.), однако в правление последнего Иран уже не был в состоянии возводить такие колоссальные постройки. Однако он при этом исключал отца Хосрова I, Кавада, который имел продолжительность правления более 37 лет (488—431 гг.) и проводил большие строительные работы в Дербенте. Новое чтение даты В. Г. Лукониным еще больше ослабляет правомерность приложения даты лишь к правлению Хосрова Ануширвана.

[73] *Фрай Р.* Наследие Ирана, с. 307, 308.

[74] Монеты определены заведующим отдела нумизматики и эпиграфики музея истории Азербайджана АН АзССР канд. истор. наук А. М. Раджабли.

l'hypothèse que ces derniers ouvrages étaient d'une construction plus ancienne. Mais ce sont seulement les fouilles archéologiques, effectuées en ces lieux de 1973 à 1975, qui ont fourni des données sur les particularités de construction de l'enceinte, sur ses paramètres et l'époque de son édification, ainsi qu'une base pour son interprétation historique, compte tenu des renseignements offerts par la littérature orientale du Moyen Age et les chroniques sur l'histoire locale. Les recherches archéologiques ont montré que les ouvrages de brique crue formaient une puissante muraille, entièrement faite de briques, dont l'épaisseur atteignait 8 m, et qui présente encore une hauteur de 5 m 80 à 6 m. Une plate-forme d'argile battue, très compacte, servait de soutien à cette muraille. L'analyse des particularités de construction de l'enceinte et des matériaux employés, ainsi que de la céramique provenant du mur lui-même et des couches de terre qui lui appartiennent, a permis d'attribuer cet ouvrage à la période sassanide de l'existence de Derbent. Les fouilles ont révélé que le mur de brique crue s'étendait de la mer jusqu'au sommet de la colline de Derbent, où cette muraille rejoignait la citadelle, dont les murs avaient été tout d'abord également faits de brique crue, c.à.d. que, pareillement aux ouvrages défensifs en pierre de la cité, le mur barrait entièrement le passage de Derbent.

La confrontation des résultats des fouilles archéologiques avec les données contenues dans les sources écrites du haut Moyen Age a permis de comparer la muraille de brique crue de Derbent avec les célèbres ouvrages de défense d'Ezdigherd II, dans le Caucase oriental, et de dater ainsi son édification des années 439-450.

Критика и библиография

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА

(проблема механизма)

Переход к производящему хозяйству — проблема многогранная. Ее изучение допускает ряд различных подходов в зависимости от того, какая сторона этого процесса стоит в центре внимания исследователя. До недавнего времени главный акцент в работах археологов делался на решение вопроса о локализации первичных и вторичных центров становления земледелия и скотоводства и выявление их соотношения и взаимосвязи. Это направление получило особое развитие в нашей стране благодаря исследованиям Н. И. Вавилова и его учеников [1]. В настоящее время оно успешно развивается целой группой советских ученых, исследования которых убедительно доказывают идею полицентризма рассматриваемого процесса [2].

Не менее важным является установление места «неолитической революции» в историческом процессе, а также разработка ее периодизации. Этот круг проблем рассмотрен подробно в работах В. М. Массона, который также попытался в самых общих чертах наметить своеобразие процесса перехода к производящему хозяйству в разных очагах [3].

---

[1] *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений.— В кн.: *Вавилов Н. И.* Избранные произведения в двух томах, т. 1. Л., 1967; *Вавилов Н. И.* Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения.— Там же; *его же.* Ботанико-географические основы селекции.— Там же; *Боголюбский С. Н.* Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959; и др.

[2] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; *его же.* Роль перехода к земледелию в историческом процессе.— В сб.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972; *Башилов В. А., Гуляев В. И.* Становление производящих форм хозяйства в Мезоамерике и Центральных Андах. Тезисы докладов конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974; *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976; *Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972; *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973; *Лисицына Г. Н.* Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э.— СА, 1970, № 3; *ее же.* Древнейшие центры становления земледелия на юге СССР и Ближнем Востоке. Тезисы докладов на пленарных заседаниях Всесоюзной конференции «Новейшие достижения советских археологов». М., 1977, с. 14—18; *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964; *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л., 1971; *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974; *Титов В. С.* Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена.— КСИА АН СССР, № 88, 1962; *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976; *его же.* Современные данные о происхождении и характере океанийского земледелия.— В сб.: Проблемы изучения Австралии и Океании. М., 1976.

[3] *Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества.— В сб.: Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966; *его же.* Проблема неолитической революции. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г. М., 1968; *его же.* Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии.— ВИ, 1970, № 6; *его же.* Поселение Джейтун...

Но есть еще один вопрос, пока что не получивший должного анализа в нашей литературе. Он связан с механизмом возникновения земледелия и скотоводства. Нельзя сказать, чтобы ученые совсем обходили его. Пожалуй, первыми этот механизм попытались изучать эволюционисты второй половины XIX в. Однако за неимением первичных материалов они использовали для реконструкции исключительно этнографические данные, не задаваясь вопросом об их репрезентативности. Поэтому многие построения, сделанные до середины XX в., страдали большими недостатками, подменяя строгую научную реконструкцию картиной, полученной у того или иного конкретного отсталого этноса, безотносительно к тому, насколько она могла иметь место в период становления производящего хозяйства в первичных центрах. Положение кардинально изменилось после блестящих открытий, сделанных в 40—60-х годах в Передней Азии, Юго-Восточной Азии, Мезоамерике и Перу. Только теперь в руки ученых попали материалы, относящиеся непосредственно к периоду «неолитической революции». Правда, эти материалы еще очень немногочисленны и зачастую весьма фрагментарны. Кроме того, они неравномерно распределены между первичными очагами. Все это еще не дает оснований для каких-либо окончательных выводов, но позволяет высказать ряд предположений относительно тех конкретных условий, в которых проходили рассматриваемые процессы.

В последние годы в нашей науке утвердилось совершенно справедливое мнение о том, что переход к производящему хозяйству требовал ряда предпосылок, среди которых следует различать природные и культурные. К последним относятся достаточно высокий уровень техники, определенная плотность населения, известная степень развития положительных знаний [4]. В целом к сходным выводам сейчас пришла и зарубежная наука, представители которой выдвинули ряд интересных гипотез, призванных конкретизировать картину «неолитической революции».

В зарубежной науке начало глубокой разработки проблемы перехода к производящему хозяйству было положено Г. Чайлдом, который связал его с климатическими изменениями, считая, что начавшаяся засуха заставила людей и животных стремиться в оазисы, где на основе создавшегося симбиоза возникла доместикация животных [5]. Эта концепция под названием «оазисной теории» одно время получила широкое хождение в науке. Однако дальнейшие археологические исследования в Передней Азии заставили от нее отказаться. Выяснилось, что земледелие и скотоводство возникли в иной природной обстановке, чем это представлялось Г. Чайлду. Кроме того, новые данные, казалось бы, исключали возможность сколько-нибудь существенных изменений климата в Передней Азии на рубеже плейстоцена — голоцена [6]. Вследствие этого Р. Брейдвуд выдвинул новую концепцию согласно которой причиной перехода к производящему хозяйству явилось достижение определенного уровня развития культуры. Главную роль он отводил технико-экономическому фактору, который действовал на благоприятном экологическом фоне [7]. Естественно, что при таком подходе памятники переходного периода следовало искать прежде всего в центре области обитания диких предков культурных растений и домашних животных [8]. Однако этнографическое изучение отсталых охотников и собирателей в районах тропиков и субтропиков показало, что их обеспеченность пищевыми ресурсами находится на относительно высоком уровне и не стимулирует не только каких-

---

[4] *Новиков Ю. Ф.* О возникновении земледелия и его первоначальных формах.— СА, 1959, № 4, с. 32; *Массон В. М.* Поселение Джейтун..., с. 133; *Васильев Л. С.* Ук. соч., с. 105; *Чеснов Я. В.* Историческая этнография..., с. 23.

[5] *Childe V. G.* Man makes himself. London, 1941, p. 77, 78; *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, с. 57, 58.

[6] *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960, p. 122, 123, 168—181; *Braidwood R. J.* Prehistoric man. Chicago, 1957, p. 101, 102; *idem.* The earliest village — communities of Southwestern Asia reconsidered.— In: Atti del VI Congresso Internationale delle science Preistoriche e Protoistoriche, t. I. Roma, 1962, p. 115; *Braidwood R. J., Howe B.* Southwestern Asia beyond the lands of the Mediterranian littoral.— In: Courses towards urban life. Chicago, 1962, p. 142; *Тутов В. С.* Ук. соч., с. 17.

[7] *Braidwood R. J.* The Near East and the foundations for civilization. Oregon, 1952, p. 5, 6, 41—43; *idem.* Prehistoric man, p. 99; *idem.* The agricultural revolution.— Scientific American. 1960, v. 203, N 3, p. 134.

[8] *Braidwood R. J.* The earliest village — communities..., p. 115—117.

то шагов к доместикации, но даже и заимствования методов земледелия у соседних народов [9]. Поэтому палеоботаники Д. Хэрлан и Д. Зохари предположили, что первоначальная культивация родилась не там, где диких злаков было много, а на окраинах таких областей [10].

Действительно, судя по этнографическим данным, переход охотников и собирателей к земледелию и скотоводству, как правило, происходит лишь в условиях кризиса традиционного хозяйства, который бывает вызван тем, что прежние источники питания становятся менее доступными. Такая ситуация порождается рядом факторов, среди которых следует различать природные и культурно-исторические. К первым относятся климатические изменения, которые существенно видоизменяют природное окружение, заставляя человека изыскивать новые возможности для своего пропитания. Важно отметить, что климатические изменения происходят относительно медленно, что дает человеку время для перестройки прежней системы хозяйства. Среди факторов второго рода нужно различать эмиграцию, которая приводит людей в непривычную для них обстановку, и иммиграцию, в ходе которой пришельцы могут нарушить сложившиеся на данной территории связи, что неизбежно влечет за собой перестройку в хозяйстве аборигенов, если, правда, столкновение обеих групп не приводит к истребительной войне. К промежуточному между первым и вторым факторами следует отнести изменения окружающей среды, вызванные хозяйственной деятельностью человека. Все эти закономерности развития первобытного хозяйства были в последнее время обоснованы как археологическими, так и этнографическими материалами [11], что еще раз доказывает мысль об адаптивном характере человеческой деятельности, хотя это, конечно, адаптация особого рода [12].

Именно с этих позиций попытался подойти к проблеме Л. Уайт, полагавший, что переход к производящему хозяйству произошел в условиях кризиса, вызванного или климатическими изменениями, или увеличением населения в ходе миграции каких-то коллективов в уже заселенный район [13]. Л. Бинфорд развил тезис Л. Уайта о роли демографического фактора. По его мнению, последствия роста населения раньше всего проявились на окраинах наиболее развитых областей. Поэтому именно здесь на границах районов, сильно различавшихся по степени оседлости, и следует искать следы древнейшей производящей экономики. Если же последняя возникла на рубеже плейстоцена — голоцена, то по той причине, что лишь в это время создались условия по меньшей мере для временной оседлости на базе широкого использования водных ресурсов. Оседлость и повлекла за собой рост населения, излишки которого откатывались на окраины, где создавались «зоны адаптивного напряжения» [14].

Для К. Флэннери исходной проблемой первоначально служило изучение механизма бессознательного отбора, о котором писал еще Ч. Дарвин. Он отметил сезонность присваивающего хозяйства, которое по необходимости является многоресурсным и имеет дело с использованием самых разных экологических ниш в различные времена года. В ходе сезонных передвижений люди могли переносить с собой и зерна съедобных растений, которые, попадая в новую почву, подвергались естественному отбору. В итоге у некоторых растений, которые первоначально могли иметь второстепенное значение для первобытной экономики, возникли морфологиче-

---

[9] *Карнейро Р. Л.* Переход от охоты к земледелию.— СЭ, 1969, № 5, с. 68—70; *Lee R. B., DeVore I.* Problems in the study of hunters and gatherers.— In: Man the hunter. Chicago, 1968, p. 6; *Sahlins M.* Stone age economics. Chicago — New York, 1972, p. 9.

[10] *Harlan J. R., Zohary D.* Distribution of wild wheat and barley.— Science, 1966, v. 153, p. 1079.

[11] *Bökönyi S.* Effects of environmental and cultural changes on prehistoric fauna assemblages. In: Gastronomy. The anthropology of food and food habits. The Hague — Paris, 1975; *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 18; *Крупник И. И.* Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера. Автореф. канд. дис. М., 1977.

[12] *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 17.

[13] *White L.* The evolution of culture. New York, 1959, p. 285.

[14] *Binford L. R.* Post-pleistocene adaptation.— In: New perspectives in archaeology. Chicago, 1969, p. 313—341.

ские изменения, которые делали их все более привлекательными для человека. Суть перехода к производящему хозяйству, по К. Флэннери, заключалась в изменении отношений между людьми, животными и растениями, обитавшими в различных биотипах. Использование разных экологических ниш продолжалось и после перехода к новым видам хозяйства, что привело К. Флэннери к выводу о возможности возникновения яйлажного скотоводства чуть ли не в процессе этого перехода [15]. Позже, поняв односторонность этой концепции, К. Флэннери включил в нее отдельные положения, высказанные Р. Брейдвудом и Л. Бинфордом. Среди предпосылок возникновения земледелия и скотоводства он отметил, во-первых, тенденцию к более полному использованию природных ресурсов («революция широкого спектра»), наблюдавшуюся в течение верхнего палеолита, а во-вторых, появление ряда технических усовершенствований. Причиной их появления он вслед за Л. Бинфордом назвал демографическое давление, нарушившее баланс между обществом и природной средой и обусловившее технический прогресс. Отлив населения на окраины первоначально вызвал ту же самую «революцию широкого спектра», а позже – возникновение земледелия. Немаловажным фактором для последнего стало расширение зоны произрастания диких злаков в конце плейстоцена, связанное с климатическими колебаниями [16]. Недавно К. Флэннери пересмотрел и эту концепцию, указав на то, что археология не только не подтверждает ее, но даже в известной мере и опровергает, ибо свидетельствует об интенсивном росте населения не в «оптимальных» районах, а на их окраинах [17]. Подчеркивая факт расширения границ ареалов диких хлебных злаков и бобовых, К. Флэннери правильно считает, что сам по себе без соответствующих технологических и социальных предпосылок он не мог привести к возникновению земледелия [18].

Идея К. Флэннери о перенесении диких растений в новые биотипы была подхвачена Т. Линчем. Исходя из многообразия биотипов в горных районах Америки, этот автор считает, что охотники и собиратели, которые вели сезонное подвижное хозяйство, не могли поспевать в места сбора урожая диких растений в оптимальные для этого сроки. Если они опаздывали, то на их долю оставались лишь те растения, зерна из которых еще не выпали, что приводило к бессознательному искусственному отбору. При переносе этих зерен в другие места создавались особые популяции растений с отклонением от нормального генотипа, что сыграло важнейшую роль в создании культурных видов. Другой предпосылкой перехода к земледелию послужил конфликт, к которому приводила необходимость хозяйственной деятельности одновременно в разных далеко отстоящих друг от друга районах. Он мог быть разрешен только путем перенесения ряда растений в новые для них условия, поближе к месту основной хозяйственной активности человека [19].

Отметив ряд важных моментов, позволивших глубже осознать механизм становления производящего хозяйства, упомянутые исследователи упустили из виду еще один фактор, который мог иметь существенное влияние на хозяйство первобытного человека. Это — применение огня для охоты и обновления растительного покрова, которое широко известно у охотников и собирателей засушливых районов. В качестве гипотезы идею о возможной роли огня в деле доместикации животных высказал А. И. Першиц [20]. Недавно она была развита Х. Льюисом, который привлек ее для объяснения механизма перехода к производящему хозяйству в Передней Азии. Этот автор считает, что огонь, во-первых, намного улучшил экологическую ситуацию для диких предков культурных злаков, которые избавились, таким образом, от

[15] *Flannery K. V.* The ecology of early food production in Mesopotamia.— Science, 1965, v. 147, p. 1247—1256; *idem.* Archaeological systems theory and early Mesoamerica.— In: Prehistoric agriculture. New York, 1971, p. 80—96.

[16] *Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East. In: DEPA, London, 1969, p. 75—81.

[17] *Flannery K. V.* The origins of agriculture.— In: Annual review of anthropology 1973, vol. 2, p. 284.

[18] Ibid., p. 274—276.

[19] *Lynch T. F.* Harvest timing, transhumance and the process of domestication.— Am. Ant., 1973, v. 75, № 5, p. 1256, 1257.

[20] *Першиц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— В сб.: Проблемы истории первобытного общества. М.— Л., 1960, с. 159.

конкуренции с рядом других растений, менее приспособленных к нему. Во-вторых, периодическое обновление растительности привело к росту количества газелей и туров в местах их постоянного обитания, а также расширило ареал диких овец и коз. Но в то же время применение огня упростило взаимоотношения внутри экологических систем, значительно сократив пищевые цепи, что привело к росту их нестабильности, усилив одновременно и нестабильность первобытного хозяйства. В этом, по мнению Х. Льюиса, и кроется причина перехода к земледелию и скотоводству, призванного стабилизировать ситуацию [21].

Проверка важнейших из упомянутых гипотез была проведена на материалах Передней Азии Г. Райтом, Ф. Смитом и Т. К. Янгом [22], а на материалах Мезоамерики — Дж. Мейерсом [23]. Все они согласились, что переход к производящему хозяйству был обусловлен рядом факторов (природных, демографических, технологических и др.), которые действовали зачастую независимо друг от друга. Что же касается вопроса о взаимообусловленности этих факторов, то здесь мнения разделились. Ф. Смит и Т. К. Янг связывали рост населения с расширением ареала диких хлебных злаков в условиях потепления и увлажнения климата, а развитие земледельческой техники считали следствием демографического взрыва. Г. Райт основное значение придавал демографическому давлению в условиях ухудшения возможностей для собирательства и охоты. Дж. Мейерс также указывал на большую роль увеличения плотности населения, но подчеркивал, что само по себе без соответствующих природных и технологических предпосылок оно не могло привести к становлению производящего хозяйства.

Все это заставляет вновь обратиться к источникам, хотя следует иметь в виду, что их современное состояние позволяет ответить далеко не на все вопросы, стоящие перед исследователями. Для удобства изложения уместнее начать с лучше известных переднеазиатских данных. Первым, весьма существенным для решения поставленной проблемы является вопрос о климатических изменениях конца ледникового времени. Широко распространенное мнение об отсутствии существенных изменений климата, которое легло в основу большинства названных гипотез, было во второй половине 60-х годов опровергнуто [24]. Справедливости ради следует заметить, что и Л. Бинфорд и К. Флэннери, отрицая наличие «сколько-нибудь существенных климатических изменений», все же учитывали климатический фактор при построении своих моделей. В конце 60-х годов пересмотрел свои взгляды и Р. Брейдвуд. Не удивительно поэтому, что Г. Райт учел климатический фактор в своей работе [25]. Мнение Х. Льюиса о том, что пыльцевые диаграммы отражают ситуацию, созданную огнем, а не климатом [26], даже если оно подтвердится, не меняет дела, так как изменения климата фиксируются и по другим источникам (в частности, при изучении морских отложений). С другой стороны, Х. Льюис прав, указывая на существенную роль пожаров. Действительно, в районах с засушливым сезоном пожары уничтожают поросль лиственных деревьев и кустарников и способствуют распространению злаков и бобовых, а также животных, для которых последние служат важной пищей [27]. На фоне общего потепления пожары, несомненно, усилили его воздействие на экологическую ситуацию.

---

[21] *Lewis H. T.* The role of fire in the domestication of plants and animals in Southwestern Asia: a hypothesis.— Man, 1972, v. 7, № 2, p. 195—219.

[22] *Wright G. A.* Origins of food — production in Southwestern Asia: a survey of ideas.— CAn, 1971, v. 12, N 4—5, p. 447—470; *Smith P. E. L., Young T. C.* The evolution of early agriculture and culture in Greater Mesopotamia: a trial model.— In: Population growth: anthropological implications. Cambridge, 1972, p. 29—35.

[23] *Meyers J. T.* The origins of agriculture: an evaluation of three hypothesis.— In: Prehistoric agruculture. New York, 1971, p. 101—120.

[24] *Butzer K. W.* Environment and archaeology. An ecological approach to prehistory. London, 1972, p. 547—551; *Smith P. E. L., Young T. C.* Op. cit., p. 26, 27; *Bar-Yosef O.* The epipaleolithic in Palestine and Sinai.— In: Problems in prehistory' North Africa and the Levant. Dallas, 1975, p. 364—365; *Шнирельман В. А.* Экологические аспекты неолитической революции в Передней Азии.— В сб.: Актуальные проблемы этнографии. М., 1973, с. 27—37.

[25] *Wright G. A.* Op. cit., p. 454, 468.

[26] *Lewis H. T.* Op. cit., p. 208—214.

[27] *Одум Ю.* Основы экологии. М., 1975, с. 174—176.

Изменение природных условий выразилось, во-первых, в заболачивании прибрежных районов, что намного улучшило возможности человека в эксплуатации водных ресурсов, а во-вторых, в расширении зоны распространения диких злаков и бобовых. И то и другое имело далеко идущие последствия. Водные ресурсы являются гораздо более надежным источником пищи, чем охота [28], а одно только собирательство урожая дикой пшеницы способно обеспечить человеку безбедное существование в течение всего года, как блестяще показал эксперимент, проведенный Д. Хэрланом [29]. Устойчивость и надежность новых источников питания неизбежно повлекли за собой рост оседлости. А наличие более стабильных чем раньше, источников питания и оседлости, как показывают современные исследования, может стать основой для демографического взрыва [30]. Действительно, указанные тенденции имели место в мезолите Передней Азии. В ряде районов Палестины на протяжении мезолита отмечается усиление роли собирательства и использования водных ресурсов, причем дикие хлебные злаки и бобовые высоко ценились уже в кебаранский период [31]. Не удивительно поэтому, что по крайней мере в натуфе здесь появляются долговременные поселения, примером которых является Эйнан [32]. Те же процессы наблюдаются и в мезолите Северной Сирии, где базой для прочной оседлости стало собирательство диких хлебных злаков и бобовых, о чем свидетельствуют раскопки на поселении Мурейбит [33]. Менее ясна ситуация в горах Загроса, но и там в мезолите встречаются открытые стоянки, которые можно связать по меньшей мере с сезонной оседлостью [34]. Хозяйство населения Загроса конца верхнего палеолита — мезолита основывалось на охоте при подсобной роли эксплуатации водных ресурсов. В то же время картина развития материальной культуры определенно свидетельствует о росте роли собирательства растительной пищи [35]. Таким образом, если о сезонности ведения хозяйства в верхнем палеолите Ф. Хоул и К. Флэннери могли говорить лишь гипотетически [36], то для конца верхнего палеолита – мезолита эта модель является наиболее реальной. Сочетание базовых поселений и временных лагерей в пределах четко очерченных районов, включающих ряд различных экологических ниш,— такова картина обитания большинства человеческих коллективов в Передней Азии того времени [37]. Следует, однако, указать, что степень долговременности поселения зависела в первую очередь от богатства местных природных ресурсов.

---

[28] *Аверкиева Ю. П.* Род и община у алгонкинов и атапасков американского севера.— В сб.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 9; *Murdock G. P.* The current status of the world's hunting and gathering peoples.— In: Man the hunter. Chicago, 1968, p. 15.

[29] *Harlan J. R.* A wild wheat harvest in Turkey.— Archaeology, 1967, v. 20, № 3, p. 198.

[30] *Sussman R. W.* Child transport, family size and increase in human population during the neolithic.— CAn, 1972, v.13, № 2, p. 258, 259; *Hassan F. A.* On mechanisms of population growth during the neolithic.— CAn, 1973, v. 14, N 5, p. 535—540; *Gina Bari Kolata.* !Kung hunter-gatherers: feminism, diet and birth control.— Science, 1974, v. 185, p. 934.

[31] *Noy T., Legge A. J., Higgs E. S.* Recent excavations at Nahal Oren, Israel.— PPS, 1973. v. 39, p. 92.

[32] *Perrot J.* Le gisement natoufien de Mallaha (Eynan).— L'Anthropology, 1966, t. 70, № 5—6, p. 437—483. Правда, дома Эйнана еще не были приспособлены для круглогодичного обитания. См. *Legge A. J.* Cave climates.— In: Papers in economic prehistory. London, 1972, p. 102, 103.

[33] *Loon M. van, Skinner J. H.* The Oriental Institute excavations at Mureybit, Syria: preliminary report on the 1965 compaign.— JNES, 1968, v. 27, № 4, p. 265—282; *Zeist W. van.* The Oriental Institute excavations at Mureybit, Syria: preliminary report on the 1965 compaign. Part III: the palaeobotany.— JNES, 1970, v. 29, № 3, p. 167—176.

[34] Характер этих стоянок требует дополнительных исследований в особенности после того, как Ш. Бекени доказал, что считавшийся ранее временным лагерем Сараб являлся круглогодичным поселением. См. *Bökönyi S.* Zoological evidence for seasonal or permanent occupation of prehistoric settlements.— In: MSU, p. 125.

[35] *Smith P. E. L.* Iran, 9000—4000 B. C.: the neolithic. Expedition, 1971, v. 13, № 3—4, p. 6—9; *Oates J.* The background and development of early farming communities in Mesopotamia and Zagros.— PPS, 1973, v. 39, p. 150—152.

[36] *Hole F., Flannery K. V.* The prehistory of Southwestern Iran: a preliminary report.— PPS, 1968, v. 33, p. 162.

[37] *Solecki R. S.* Prehistory in Shanidar valley, North Iraq. Science, 1963, v. 139,

Какова же была роль сезонности хозяйства и роста населения в Передней Азии в эпоху мезолита? Для уяснения этого надо обратиться к анализу тех отношений, которые существуют у охотников и собирателей засушливых районов, экологически сходных с переднеазиатскими. Оказывается, что чем больше зависимость населения от собирательства растительной пищи и чем прочнее оседлость, тем ярче выраженным является право территориальности, тем в большей мере отдельные группы могут претендовать на единоличное владение и эксплуатацию особых районов. В то же время неравномерность в распределении разных ресурсов между разными годами и районами порождает обычай взаимопосещений, который заключается в том, что группа, на территории которой ожидается особенно богатый урожай, приглашает для его сбора соседние родственные или дружественные коллективы, ожидая в будущем того же и от них [38]. Вместе с тем группа ревниво следит за строгим соблюдением установленных правил и не допускает на свою территорию чужаков. В этом залог ее благополучия. Видимо, справедливым является мнение о сложении права территориальности в Передней Азии в рассматриваемое время [39]. С ростом населения отпочковавшимся группам приходилось покидать родные районы и вторгаться на территорию враждебного населения. Результатом этого столкновения было или истребление одной из групп, или оттеснение в еще менее благоприятный для жизни район обитания. В любом случае картина была не столь идиллической, как представлялось Л. Бинфорду. Вряд ли различные чуждые друг другу коллективы могли мирно сосуществовать на одной и той же территории, конкурируя друг с другом в использовании одних и тех же природных ресурсов. Кроме того, процесс проникновения шел весьма интенсивно и вряд ли мог сопровождаться столь же быстрой коренной ломкой сложившейся системы хозяйства. К принципиально иному решению проблемы происхождения земледелия приводит учет климатических колебаний конца плейстоцена — начала голоцена, длительный характер которых предоставлял человеку возможность для постепенной перестройки своего хозяйства. Они были наиболее чувствительны на окраинах областей распространения диких хлебных злаков и бобовых, где связанные с ними периодические неурожаи должны были заставить человека все в большей степени заботиться о растениях, ставших для него основой существования. Поэтому заслуживает большого внимания мысль о том, что культивация растений родилась как попытка людей сохранить прежние природные условия в период климатических колебаний [40]. Подвижный сезонный характер хозяйства и миграции способствовали распространению новых навыков и растений. К тому же результату приводил и обмен. Изучение путей распространения обсидиана показывает, что уже в конце верхнего палеолита отношения обмена охватывали территории до 300—400 *км* в поперечнике [41]. В горах Загроса широко практиковался обмен битумом [42]. О связях между Центральной Анатолией и Северной Сирией говорит нефритовый браслет, найденный в Мурейбите [43], а о связях между Северным Загросом и Восточной Анатолией — малахитовая подвеска из пещеры Шанидар [44]. Выемчатые и черешковые наконечники стрел Мурейбита находят аналогии в поздненатуфийском эль-

---

p. 191; *Vita-Finzi C., Higgs E. S.* Prehistoric economy in the Mount Carmel area of Palestine: site catchment analysis.— PPS, 1970, v. 36, p. 21.

[38] *Хрустов Г. Ф.* К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе.— СЭ, 1956, № 6, с. 16—35; *Бутинов Н. А.* Разделение труда в первобытном обществе.— В сб.: Проблемы истории первобытного общества. М.— Л., 1960, с. 120, 121; *Steward J. H.* Theory of culture change. Urbana, 1955, p. 103—108; *Flannery K. V.* Archaeological systems theory..., p. 89, 90.

[39] *Flannery K. V.* The origins of the village as a settlement type..., p. 28, 29. Ср. *Новиков Ю. Ф.* Ук. соч., с. 35.

[40] *Wright G. A.* Op. cit., p. 468. Ср. *Андрианов Б. В.* Роль перехода к земледелию..., с. 118; *Шнирельман В. А.* Ук. соч., с. 33.

[41] *Renfrew C., Dixon J. E., Cann J. R.* Obsidian and early cultural contacts in the Near East.— PPS, 1966, v. 32, p. 40—43.

[42] *Solecki R. S.* Op. cit., p. 182.

[43] *Loon M. van, Skinner J. H.* Op. cit., pl. XIIb; *Wright G. A.* Obsidian analyses and prehistoric Near Eastern trade: 7500—3500 B.C. Ann Arbor, 1969, p. 56.

[44] *Solecki R. S.* A copper mineral pendant from Northern Iraq.— Antiquity. 1969, v. 43, N 172, p. 311, 312.

Хиаме [45] и свидетельствуют о контактах между Палестиной и Северной Сирией.

Если проблема перехода к земледелию подверглась детальному анализу в рассмотренных работах, то гораздо меньше внимания было уделено доместикации животных, на чем и следует остановиться. Как уже правильно отмечалось, в то время как флористические комплексы Передней Азии и их границы существенно изменились на протяжении верхнего палеолита — мезолита, фауна здесь практически не изменилась [46]. Уже одно это заставляет искать причину доместикации животных в особой ситуации, сложившейся именно в мезолите. Изучение состава дичи на памятниках этого времени дает интересные сведения. Передняя Азия отличалась сравнительно небогатым набором фауны. Возможности его использования были еще более ограничены самим человеком, который почти не охотился на мелких животных, а из крупных предпочитал стадных копытных. Так, в Южной Палестине охотились преимущественно на коз [47], в районе горы Кармел и севернее — на газелей [48]; в Северной Сирии главными объектами охоты были газель, тур и дикий осел [49], в Северном Загросе — олень, коза, овца и онагр [50], а в южном Загросе — олень и коза [51]. Приведенные данные дают полное основание говорить о специализированной охоте. В еще большей степени на последнюю указывает своеобразный половозрастной состав дичи, встреченный на ряде памятников. Это или высокий процент молодых особей (на некоторых натуфийских памятниках и в Зави Чеми Шанидар) [52], или, наоборот, преобладание взрослых самцов (Асиаб) [53]. В любом случае наблюдается бережное отношение к самкам. Обычно отмеченное явление связывают с процессом доместикации, что далеко не всегда правомерно, в особенности если речь идет о газелях или каменных козлах (Capra ibex), которые никогда не были одомашнены.

Наличие специализированной охоты ставит вопрос о том, при каких условиях и в каком виде она могла существовать. Для ответа на него следует немного остановиться на экологии вышеназванных животных. Нетрудно заметить, что все они являются стадными копытными, которые, во-первых, в той или иной степени совершают сезонные миграции, а во-вторых, имеют текучий состав стада в течение года [54]. Поэтому наиболее эффективной может быть коллективная охота на них в сезоны их максимального скопления. Важность ее становится еще более понятной при учете того факта, что лук и стрелы появились в Восточном Средиземноморье лишь в мезолите, а в Месопотамии и того позже (в VI тысячелетии до н. э.). С другой стороны, необходимость коллективной сезонной охоты, какой и являлась специализированная охота мезолита, диктовалась ростом роли собирательства растительной пищи и оседлости, в результате чего охота стала постепенно отходить на второй план. Как показывают этнографические данные, охота приобретает такой характер именно там, где отмечается высокая роль собирательства [55]. В этом-то и

---

[45] Ср. *Loon M. van, Skinner J. H.* Op. cit., p. 282, pl. IX—X; *Neuville R.* Le paléolithique et le mesolithique du desert de Judée. Paris, 1951, fig. 70.

[46] *Wright H. E.* Natural environment of early food-production north of Mesopotamia.— Science, 1968, v. 161, p. 338.

[47] *Perkins D.* The fauna from Madamagh and Beidha.— PEQ, jan.— june 1966, p. 66, 67.

[48] *Garrod D. A. E., Bate D.* The stone age of Mount Carmel. Oxford, 1937, v. 1, p. 152—153; *Ducos P.* Les débuts de l'élevage en Palestine.— Syria, 1967, v. 44, N 3—4, p. 386.

[49] *Loon M. van, Skinner J. H.* Op. cit., p. 279.

[50] *Perkins D.* Prehistoric fauna from Shanidar, Iraq.— Science, 1964, v. 144, p. 1565; *Braidwood R. J.* The Iraq Jarmo Project.— In: Archaeological researches in retrospect. Cambridge, 1974, p. 69—71.

[51] *Hole F., Flannery K. V.* The prehistory of Southwestern Iran..., p. 161.

[52] *Noy T., Legge A. J., Higgs E. S.* Op. cit., p. 90, table 5; *Perkins D.* The fauna from Madamagh and Beidha..., p. 63; *idem.* The beginnings of animal domestication in the Near East.— AJA, 1973, v. 77, № 3, p. 279.

[53] *Bökönyi S.* Some problems of animal domestication in the Middle East.— DGH, p. 71.

[54] *Соколов И. И.* Копытные звери (отряды Perissodactyla и Artiodactyla). Фауна СССР, Млекопитающие, т. I, вып. 3. М.— Л., 1959, с. 219—220, 319—329, 412—416, 504—516, 600—616; *Harrison D. L.* The mammals of Arabia. London, 1968, v. 2, p. 335—343, 356—364.

[55] *Anell B.* Running down and driving the game in North America. Lund, 1969, p. 49.

проявляется тот избирательный способ хозяйственной деятельности, который позволяет использовать окружающие природные ресурсы с максимальным эффектом и о котором пишет К. Флэннери [56]. Этнографам широко известны коллективные охоты на стадных копытных, причем главными методами этих охот является окружение животных, или нагон их на охотников, сидящих в засаде, или, наконец, использование изгородей или ям-ловушек [57]. Весьма существенно, что в районах с сухим климатом или ярко выраженным сухим сезоном для таких охот часто применялся огонь [58]. Поэтому нельзя не согласиться с Х. Льюисом в том, что коллективные охоты с применением огня могли иметь место в древней Передней Азии, способствуя одновременно созданию более благоприятных условий для роста диких хлебных злаков и бобовых. Именно на этой основе возникли предпосылки для доместикации растений и животных [59]. Функциональная зависимость между ними проявилась в том, что при относительно стабильном режиме питания, связанном с запасами зерна, которые имелись уже на стадии усложненного собирательства, не было необходимости убивать всех пойманных животных сразу. Часть из них могла какое-то время содержаться невредимой, чему способствовали некоторые из методов загонной охоты [60]. В этом и заключался один из путей доместикации животных. Любопытно, что отдельные виды животных были одомашнены именно в тех районах, где охота на них имела наибольшее значение: овца — в Северном Загросе, коза — в Южном Загросе, а тур — в Анатолии [61]. Палестина, как показывает критический анализ имеющихся данных, вряд ли была сколько-нибудь важным центром доместикации животных [62]. Каменный козел, преобладающий в Палестине, не мог быть одомашнен. Гипотезы же о доместикации газели [63] не имеют прочных оснований. Особые поведенческие характеристики этих животных (скорость, резкость и пугливость) заставляют сомневаться в том, что их могли одомашнить люди, делавшие лишь первые шаги в доместикации животных [64]. Механизм последней еще требует детального изучения. Однако в целом совершенно правомерен вывод Г. Райта о том, что стимулом к этому послужило стремление сохранить важный источник питания в условиях роста роли растительной пищи и тенденции к оседлости, что привело к оттеснению охоты на второй план [65].

Иначе, чем в Передней Азии, развивались события в двух американских центрах: мезоамериканском и андском. Следует сразу же оговорить, что современная тенденция не учитывать влияние климатических колебаний на процесс становления и развития производящего хозяйства, связанная с работами К. Флэннери, кажется неправомерной. Климат в Америке был подвержен тем же колебаниям, что и в Старом Свете [66]. Игнорирование этого неизбежно приводит к искусственному обеднению фактологической базы для изучения причинно-следственных связей в развитии первобытной культуры. Наоборот, учет факта вымирания или ухода целого ряда живот-

---

[56] *Flannery K. V.* Archaeological systems theory..., p. 91, 92.

[57] Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1. Душанбе, 1966, с. 298—299; *Harrison D. L.* Op. cit., p. 335; *Anell B.* Op. cit., p. 21, 22, 36, 45—53, 99, *Ford C. D.* Habitat, economy and society. London, 1963, p. 29.

[58] *Anell B.* Op. cit., p. 36, 45–49, 67, 101; *Anell B.* Hunting and trapping methods in Australia and Oceania. Lund, 1960, p. 1–6; *Merrilees D.* Man the destroyer: late quaternery changes in the Australian marsupial fauna.— JRSWA, 1968, v. 51, pt 1, p. 4–5; *Lewis H. T.* Op. cit., p. 195–197.

[59] *Lewis H. T.* Op. cit., p. 215.

[60] *Anell B.* Running down and driving the game..., p. 52; *Downs J. F.* Domestication: an examination of the changing social relationships between man and animals.— In: Kroeber Anthropological Society. Berkeley, 1960, p. 36—38.

[61] *Perkins D.* The beginnings of animal domestication in the Near East, p. 280.

[62] Ibid; *Ducos P.* Sur quelques problemes poses par l'etude des premiers elevage en Asie du Sud — Ouest.— DGH, p. 82—85.

[63] *Legge A. J.* Prehistoric exoloitation of the Gazella in Palestine.— In: Papers in economic prehistory, p. 122; *Brentjes B.* Bemerkungen zur Entstehung der Domestication.— DGH, S. 89—91.

[64] *Hale E. B.* Domestication and the evolution of behaviour.— In: The behaviour of domestic animals. Baltimore, 1962, p. 30, *Henry D.* Fauna in Near Eastern archaeological deposits.— In: Problems in prehistory..., p. 379—383.

[65] *Wright G. A.* Origins of food-production..., p. 469, 470.

[66] *Heusser C. J.* Polar hemispheric correlation: palynological evidence from Chile and the Pacific north-west of America.— In: World climate from 8000 to 0 B. C. Lon-

ных, что отмечается в начале голоцена и в Центральной Америке [67] и в Андах [68], делает понятным причину роста роли собирательства растительной пищи, что создало предпосылку для перехода к земледелию [69]. Вместе с тем растянутость этого процесса, как справедливо отмечает К. Флэннери, была связана с особенностями природных ресурсов Америки. Действительно, маис стал высокопродуктивным злаком, способным служить основой для оседлости, лишь на определенной и далеко не ранней стадии доместикации [70]. Что же касается других съедобных растений Америки, то они, во-первых, не столь калорийны и не столь продуктивны, а во-вторых, встречаются в гораздо более мелких сообществах и обитают в различных биотипах, что обусловливает подвижность земледелия, примеры чего до сих пор наблюдаются в Андах [71]. Поэтому подвижное сезонное хозяйство, главным стержнем которого являлся сбор диких и в меньшей степени культурных растений, определяло жизнь древнего населения Америки гораздо дольше, нежели это имело место в Передней Азии. Мало способствовало возникновению оседлости и почти полное отсутствие рыболовства в засушливых горных районах. В связи с этим представляется невозможным объяснение механизма перехода к земледелию в Америке, исходя из модели Л. Бинфорда, как иногда делают [72]. Наоборот, гипотеза К. Флэннери и Т. Линча о переносе растений в новые места в условиях сезонного подвижного хозяйства кажется здесь наиболее подходящей. Однако подвижность образа жизни людей не способствовала доместикации животных, да и подходящих для этого животных в Америке почти не было. Кроме того, более низкий, чем в Передней Азии, уровень снабжения пищевыми ресурсами часто исключал возможность какой-либо охоты с выбором. Данные из ряда районов Мезоамерики показывают, что там убивали не только самцов и детенышей, но не менее часто и самок, в том числе и беременных [73]. Основным центром доместикации животных в Америке стали Анды, где были одомашнены гуанако и морские свинки. Любопытно, что своим поведением и образом жизни гуанако напоминают диких предков древнейших домашних животных Старого Света. Это тоже стадные животные, ведущие сезонный образ жизни. Состав стада в течение года колеблется [74]. По-видимому, и охота на них носила сезонный характер [75]. К сожалению, данные о доместикации этих животных все еще весьма скудны. Ясно, однако, что с конца плейстоцена гуанако были одним из объектов охоты, а с вымиранием ряда других животных стали главным видом дичи [76]. Кости гуанако и морских свинок неизменно встречаются на памятниках Аякучо с VII тысячелетия до н. э., причем со временем охота на этих животных приобретает все более важное значение. Сейчас еще нет данных для того, чтобы точно определить период их доместикации. Скорее всего этот процесс происходил где-то между серединой VI и началом III тысяче-

don, 1966, p. 124—140; *Maldonado-Koerdall M.* Geohistory and palaeogeography of Middle America.— In: Handbook of Middle American Indians. Texas, 1964, v. 1, p. 31; *Hubbs C. L., Rodden G. I.* Oceanography and marine life along the Pacific Coast of Middle America.— Ibid., p. 171, 172; *Lanning E. P., Patterson T. C.* Early man in South America.— Scientific American, 1967, v. 217, № 5, p. 47—49; *Hester J. J.* Late pleistocene environments and early man in South America.— In: Peoples and cultures of native South America. New York, 1973, p. 8.

[67] *Flannery K. V.* Vertebrate fauna and hunting patterns.— In: Prehistory of the Tehuacan valley, 1967, v. 1, p. 140—144.

[68] *MacNeish R. S., Nelken-Terner A., Cook A. G.* Second annual report of Ayacucho archaeological-botanical project. Andover, 1970, p. 33—36.

[69] *Башилов В. А., Гуляев В. И.* Ук. соч., с. 95.

[70] *Flannery K. V.* The origins of agriculture, p. 297—299; Ср. *Гуляев В. И.* Ук. соч., с. 46.

[71] *Webster S.* Native pastoralism in the South Andes.— Ethnology, 1973, v. 12, № 2, p. 118, 119.

[72] *Meyers J. T.* Op. cit., p. 118.

[73] *Flannery K. V.* Archaeological systems theory..., p. 87.

[74] *Хавесон Я. И.* Дикие и домашние формы верблюдовых.— В сб.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. 1. М., 1940, с. 295—298; *Herre W.* Züchtungsbiologische Betrachtungen an primitiven Tierzuchten.— ZTZ, 1958, Bd 71, Hf. 3, S. 256, 257.

[75] *Lynch T. F.* Preceramic transhumance in the Callejón de Huaylas, Peru.— AmA, 1971, v. 36, № 2, p. 145.

[76] *MacNeish R. S., Nelken-Terner A., Cook A. G.* Op. cit., p. 13—27; *Lantaro Nunez, True A. D. L., Patricio Nunez H.* Archaeological investigations in Northern Chile: project Tarapaka — preceramic resources.— AmA, 1970, v. 35, № 2, p. 182, 183.

летия до н. э., когда земледелие постепенно укрепляло свои позиции и совершался переход к более оседлому образу жизни [77].

Любопытные данные, позволяющие глубже понять суть доместикации животных, происходят из Мезоамерики. Здесь древнейшие следы земледелия фиксируются уже во второй половине VII тысячелетия до н. э. Однако долгое время оно соседствует с не менее важными охотой и собирательством при минимальной роли рыболовства. Лишь во второй половине III—II тысячелетии до н. э. совершается окончательная победа земледельческой экономики, возникают крупные круглогодичные поселения. Именно в этот период отмечается массовое поедание собак, которые появляются в долине Техуакана в период Абехас (3500—2500 гг. до н. э.) [78]. Поедание собак в сочетании со спорадической охотой на оленя, пекари и кроликов отмечается и у оседлых земледельцев долины Оахаки [79]. Эта картина, по-видимому, была типичной для Мезоамерики, испытывающей недостаток дичи для охоты. То же известно в обществах земледельцев некоторых других районов мира. Причем везде поеданию собак, как правило, сопутствует острая нехватка мясной пищи в связи с упадком или неразвитостью охоты [80].

Таковы современные данные о переходе к производящему хозяйству в трех важнейших первичных центрах: переднеазиатском, мезоамериканском и андском. Они показывают, что возникновение земледелия и скотоводства было закономерным и необходимым путем развития в ходе активной адаптации человека в новых постледниковых условиях там, где имелись дикие предки домашних животных и культурных растений и где иной способ адаптации был менее эффективным. Становление земледелия находилось в прямой связи со все более интенсивной эксплуатацией растительных ресурсов, тогда как доместикация животных была вызвана необходимостью в адекватном обеспечении мясной пищей в условиях падения роли охоты, к которому привели тенденция к оседлости и усиление роли растительной пищи и деятельности по ее добыче. Ход развития в Передней Азии и Америке отличался прежде всего своими темпами, что имело основой различия в богатстве природными ресурсами. В Передней Азии раньше появились более или менее крупные круглогодичные поселения, усложнилась общественная структура, более интенсивно шел процесс социальной и имущественной дифференциации. Причины этого коренились не только в раннем переходе к земледелию как основе хозяйства, но и в раннем возникновении скотоводства и его бурном развитии в процессе доместикации все новых и новых видов. Специфика путей перехода к производящему хозяйству в Передней Азии и Америке наложила свой отпечаток на темпы и характер классообразования и становления древнейших цивилизаций.

Подводя итог, следует отметить, что 60-е годы нашего века явились важной вехой в истории изучения проблемы возникновения земледелия и скотоводства. В это время были обобщены и оценены результаты работ в важнейших первичных центрах, что позволило перейти к реконструкции самого механизма этих процессов. Первые гипотетические модели, иногда более, иногда менее удачные, стали опорным пунктом для дальнейших исследований, в ходе которых только и можно будет окончательно проверить их справедливость.

В. А. Шнирельман

---

[77] *MacNeish R. S., Nelken-Terner A., Cook A. G.* Op. cit., p. 37, 38.

[78] *Flannery K. V.* Vertebrate fauna and hunting patterns..., p. 172, 173.

[79] *Flannery K. V., Schoenwetter J.* Climate and man in formative Oaxaca.— Archaeology, 1970, v. 23, № 2, p. 148.

[80] *Сергин В. Я.* Об одной гипотезе одомашнения собаки.— СА, 1971, № 1, с. 195, 196.

НОВЫЕ КНИГИ О НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Обзор публикаций 1973—1976 гг.)

К серии книг о наскальных изображениях, изученных археологами на территории СССР, интенсивно пополнявшейся за последние годы [1], добавилось в 1973—1976 гг. еще несколько книг и брошюр: три — о петроглифах Кавказа, три — о гравировках на скалах в Средней Азии и четыре — о писаницах Сибири.

Наиболее фундаментальным среди них является альбом И. М. Джафарзаде «Гобустан. Наскальные изображения», выпущенный АН Азербайджанской ССР [2]. Исследования гравировок на скалах к югу от Баку, в местности, называвшейся в первых публикациях «Кабристан», затем «Кобыстан» (что и вошло в литературу и поэтому, по-видимому, следует сохранить), а теперь «Гобустан», велись И. М. Джафарзаде с 1947 до 1966 г. За это время выявлено около 750 камней с изображениями и тщательно скопировано более 3500 рисунков. В нескольких пунктах проведены раскопки слоев, связанных с петроглифами и помогающих их датировать. Предварительные сообщения об этих работах не оставляли сомнений в том, что азербайджанские археологи открыли памятники, имеющие первостепенное значение как для понимания первобытного искусства, так и для восстановления ранних этапов истории Закавказья. С тем большим нетерпением ожидалось появление итоговой публикации.

Уже из предисловия к альбому мы узнаем, что автор не рассматривает это издание как итоговое. Здесь опубликованы далеко не все рисунки, ничего не сказано о раскопках, не приведено обоснование периодизации и датировки изображений. Все это И. М. Джафарзаде обещает дать в подготовляющейся сейчас монографии «Петроглифы Гобустана», а пока хочет ввести в научный оборот наиболее интересные рисунки с их характеристикой и анализом (с. 7).

Альбом издан неплохо. У него большой формат. Часть гравировок воспроизведена и в прорисях, и в фотографиях. Если в предварительных сообщениях опубликованы изображения примерно на 60 камнях, то здесь мы найдем рисунки со 120 камней. Впервые публикуются гравировки горы Кичик-даш (правда, всего лишь с трех камней). Таким образом, наше представление о наскальных изображениях Кобыстана, бесспорно, обогатилось.

И все же альбом вызывает чувство неудовлетворенности. Нет планов ни одной из четырех групп петроглифов, и неясно, как расположены по отношению друг к другу публикуемые рисунки. Прориси не всегда соответствуют фотографиям. Дело не в том, что на фотографиях не видны детали, зафиксированные на прорисях. На фотографии камня 46 верхней террасы Беюк-даша мы видим семь фигур людей, взявшихся за руки, а на прориси — только шесть. Очень непохожи фото и прорись камня 8 нижней террасы Беюк-даша. В издание не вошли некоторые интересные рисунки, изданные ранее (Беюк-Даш, верхняя терраса, камни 1, 60, 71, 72, 125; холм Язылы, камень 76).

В описаниях рисунков даны датировки, большей частью очень точные: «первые века VI тысячелетия до н. э.», «XVIII—XVII вв. до н. э.», но на чем они основаны — не сказано. Почему это не XIX и не XVI века до н. э.? Нет палеографического анализа арабской надписи на камне 91 холма Язылы, датированной XIII—XIV вв. н. э. Искусствоведческого анализа мы здесь тоже не находим. Выражения «образец с натуры» или «рисунки на реалистической основе» требуют расшифровки.

Выход в свет большого альбома, посвященного петроглифам Кобыстана, нельзя не приветствовать, но, к сажалению, он не дает ответа на множество вопросов, возникших у археологов в связи с открытием этого комплекса памятников. Необходима публикация материалов раскопок, детальное обоснование датировки рисунков.

В 1973 г. в Ереване на армянском языке вышла монография А. А. Мартиросяна о знаках на наскальных изображениях Армении [3]. Основной текст работы мне

---

[1] См. предшествующий обзор: *Формозов А. А.* Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968—1972 гг.).— СА, 1973, № 3, с. 257—265.

[2] *Джафарзаде И. М.* Гобустан. Наскальные изображения. Баку, 1973, 348 с. (резюме на азерб. и англ. яз.).

[3] *Мартиросян А. А.* Первобытные иероглифы Армении и их урартско-армянские двойники. Ереван, 1973, 84 с., 23 табл. илл. Текст на арм. яз. с русск. и англ. резюме

недоступен, но выводы ее ясны по резюме и появившимся ранее публикациям А. А. Мартиросяна [4]. Автор выделяет среди наскальных гравировок Армении серию до 100 знаков, 50 из которых он находит параллели в урартской клинописи и древнеармянской письменности. На основании этого делается вывод, что еще с III тысячелетия до н. э. в Армении существовала самобытная иероглифическая письменность, оказавшая влияние на развитие письма в этой стране в последующие эпохи. Этот очень ответственный вывод должен быть принят или отвергнут в зависимости от того доказан ли доурартский возраст знаков на скалах Армении, правомерны ли сопоставления знаков разных эпох и можно ли отождествлять систему знаков с иероглифическим письмом.

На все три вопроса приходится ответить отрицательно. Датировка петроглифов Армении все еще не разработана. Знаки на скалах вовсе не обязательно относятся к бронзовому веку, они могут быть и урартскими и послеурартскими. Создание петроглифов в районе высокогорных пастбищ, как мы хорошо знаем по Средней Азии, не прекратилось в первобытную эпоху, а продолжается порой до сего дня. То же могло быть и на Кавказе (очень поздние гравировки, бесспорно, есть в Кобыстане). В ряде случаев А. А. Мартиросян сопоставляет слишком простые по очертаниям знаки, совпадение которых ни о чем не говорит. Система знаков выделена А. Леруа-Гураном и среди палеолитических росписей и гравировок, но это, разумеется, не иероглифическая письменность.

Прежде чем ставить вопрос о доурартской письменности в Армении, надо разработать классификацию и хронологическую шкалу всех армянских петроглифов. Эта работа еще впереди.

Открытия в Кобыстане стимулировали исследование петроглифов не только в Армении, но и в Дагестане. С 1967 г. сотрудница Дагестанского филиала АН СССР В. М. Котович провела ряд экспедиций с целью поисков и копирования древних рисунков. В 1976 г. издательство «Наука» выпустило ее книгу «Древнейшие писаницы горного Дагестана» [5].

Из 26 выявленных местонахождений здесь описаны только три, которые автор считает древнейшими. Может быть, целесообразнее было дать сначала хотя бы краткий обзор всех имеющихся материалов и их классификацию. Тогда стало бы яснее место публикуемых росписей среди остальных рисунков.

Ценность книги несомненна и при выбранном автором подходе к материалу. В труднодоступном высокогорном районе экспедиции В. М. Котович тщательно скопировали древние росписи. Каждое изображение копировалось дважды разными художниками. Потом копии сопоставлялись и корректировались археологом. Изданы подробные описания всех фигур, их прориси, живописные копии, иногда и фотографии. Безусловно верны наблюдения над стратиграфией рисунков, показывающие более ранний возраст силуэтных и контурных изображений по сравнению с линейными. Исследователи древностей Кавказа получили в свои руки большой и принципиально новый материал.

К сожалению, выводы, сделанные из этого материала В. М. Котович, представляются спорными. Она считает, что два из описанных ею местонахождений — Чина-Хитта и Чувал-Хвараб-Нохо относятся к мезолиту и даже похожи на палеолитические росписи, третий же памятник — Харитани I — неолитический, отражающий земледельческие культы. В целом рисунки датированы X–V тысячелетиями до н. э.

Чина-Хитта и Чувал-Хвараб-Нохо расположены недалеко от мезолитической стоянки Чох, с материалами которой их все время и сопоставляет В. М. Котович.

---

[4] *Martirossian A. A.* Semantique des dessins rupestres des monts de Guegam (Armenie). VIII congrès international des sciences pré-historiques et protohistoriques (Belgrade, 1971). Les rapports et les communications de la delégation des archèologues de l'URSS. Moscou, 1971, 18 стр. *Мартиросян А. А.* Древние иероглифы Армении и их урартско-армянские двойники.— В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 39—46.

[5] *Котович В. М.* Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976, 100 с., 27 илл.

Ей кажется чрезвычайно важным, что в Чохе найдены куски охры, похожей на ту, что использовалась древними художниками, и кости зверей, запечатленных на скалах (хотя, на мой взгляд, видовые определения для этих схематических рисунков вряд ли возможны). Предполагается даже, что именно люди, жившие в Чохе, создали эти росписи. Такие сопоставления имели бы значение, если бы мы знали и памятники неолита, энеолита и бронзового века в том же районе и могли уверенно сказать, что там нет ни охры, ни костей определенных животных. Однако период между мезолитом и эпохой бронзы в этом районе совершенно не изучен. Не исключено, что и охра и кости тех же зверей будут обнаружены на стоянках времени неолита, энеолита и бронзового века.

Сами рисунки весьма схематичны, они наиболее близки кобыстанским изображениям эпохи бронзы и мало похожи на бесспорно мезолитические гравировки Кобыстана. Напрасно В. М. Котович пишет о их реализме. Среди изображений Чина-Хитта и Чувал-Хвараб-Нохо есть силуэты всадников. Об одном из них В. М. Котович говорит, что к мезолитическому рисунку дикой лошади фигура человека была пририсована позже (с. 53). Категорически исключить это нельзя, но такой путь интерпретации древних рисунков очень опасен. Недавно приходилось читать, что сибирские изображения лосей не что иное, как переработанные в неолите палеолитические рисунки носорогов. Подобные догадки могут увести слишком далеко от подлинного исследования. На опубликованных В. М. Котович росписях рядом с фигурами зверей множество знаков солярного характера. Им легко найти аналогии в материалах эпохи бронзы, но ничего похожего нет ни в мезолите, ни в палеолите, хотя В. М. Котович и пытается доказать противоположное. При разборе рисунков автор произвольно отбрасывает отдельные фигуры и даже отказывается от публикации целой группы росписей — Харитани II, заявляя, что все это поздние рисунки и здесь их можно не характеризовать. Тем самым читатель лишается возможности проверить выводы автора. Сопоставления, приведенные В. М. Котович для обоснования своих дат, часто очень далекие и неубедительные. Так, совершенно невнятная развилка на росписи Чина-Хитта (рис. 5) сравнивается с палеолитической статуэткой из Долних Вестониц в Чехословакии (с. 38). Думается, что обе писаницы со схематическими изображениями зверей и солярными знаками не старше бронзового века. Не случайно в Чувал-Хвараб-Нохо найден кремневый черешковый наконечник стрелы этого времени, к сожалению, лишь упомянутый (с. 9) в книге.

Что касается третьего пункта — Харитани I с изображениями главным образом людей в позе оранты и немногими схематическими фигурками животных, то датировка его неолитом решительно ни на чем не основана. Перечисленные автором в качестве аналогий неолитические изображения женских божеств нисколько не похожи на хаританские.

Не убеждает и анализ семантики рисунков. В. М. Котович старается откликнуться на все публикации, появившиеся за последние годы по этой тематике, опираясь порой и на книги и статьи малокомпетентных авторов, и на непроверенные гипотезы, и на очень далекие как территориально, так и сюжетно материалы. В. М. Котович отдает дань «календарному» увлечению, видя в обоих «мезолитических» росписях календари. Сначала это высказано как предположение, но в заключительной главе это уже «очевидно» (с. 91). Много говорится о тотемизме. Из книги философа Ю. И. Семенова заимствован принципиально неверный, опровергающийся всем этнографическим материалом тезис, что тотем – это основное промысловое животное племени (с. 45). Отсюда и чтение рисунков: «Определенная связь козла и женщины, результатом которой явилось оплодотворенное женское чрево» (с. 20, повтор на с. 37). Наконец, В. М. Котович считает твердо доказанным, что уже в VI тысячелетии до н. э. горный Дагестан был земледельческим районом (с. 81, 82, 96), одним из древнейших очагов земледелия в СССР (с. 90). Между тем это не более чем гипотеза В. Г. Котовича, не подкрепленная материалами раскопок каких-либо неолитических памятников. А сколько сделано отсюда далеко идущих выводов: о культах плодородия, о земледельческих символах-ромбах, изображающих вспаханные поля, и т. д. и т. п.! С доверием отнеслась В. М. Котович к интерпретации знаков онежских петроглифов как капканов (с. 21), хотя Ю. А. Савватеев, на которого она ссылается, отказался от этого и пишет теперь о солярных символах. Некритически

заимствованы ничем не обоснованные даты кобыстанских рисунков («конец VII — начало VI тысячелетия до н. э.» — с. 85).

Все это существенно подрывает ценность книги В. М. Котович, написанной после большой полевой работы и вводящей в науку интересные памятники. Хотелось бы, чтобы обещанная ею следующая книга о более поздних (на ее взгляд) петроглифах была осторожнее в выводах и содержала более строгий анализ фактов.

Литература о наскальных изображениях Средней Азии очень велика, но, кроме книжки для детей А. Ю. Рогинской. «Зараут-сай» (М., 1950), мы до сих пор не имели ни одной отдельной публикации, посвященной этим памятникам. В 1973 и 1976 гг. появилось две небольшие книжки или скорее брошюры на эти темы.

Первая из них принадлежит Г. В. Шацкому, специалисту по животноводству из Самарканда, интересующемуся петроглифами в связи с историей одомашнения животных [6]. Это типично дилетантское сочинение. Хотя книга издана обществом охраны памятников Узбекистана, здесь не описан ни один памятник, а приведены только вырванные из комплекса петроглифов отдельные рисунки. Книга выпущена узбекским издательством «Искусство», но петроглифы не анализируются и с искусствоведческой стороны. Не интересует автора и археология. Он не собирается углубляться в проблему датировки рисунков, предпочитая заняться расшифровкой их содержания (с. 9). Характерные для Средней Азии изображения козлов он спокойно датирует палеолитом (с. 102), фигуры всадников с кнутами относит к «среднекаменному веку» (с. 72), называет «скелетным стилем» то, что им отнюдь не является (с. 115). Удивительно, что такой опытный археолог, как М. Е. Массон, поставил редакторскую подпись под этим текстом.

Расшифровать смысл петроглифов, по мнению Г. В. Шацкого, проще простого. Это картинки с натуры. На них запечатлены конкретные охотничьи эпизоды (с. 15; 41), автопортреты (с. 47). Вот изображение человека и двух змей. Это, конечно, некролог человека, умершего от укуса змеи, выполненный его сородичами (с. 99). Зачем же делались рисунки на камне? Из «общечеловеческой склонности к изобразительному искусству» (с. 17). Предпринятые археологами попытки расшифровки петроглифов кажутся Г. В. Шацкому бесплодными фантазиями. Зачем думать о каких-то солярных знаках? Просто дети нарисовали для забавы обыкновенные колеса. Что за солярная ладья? Захотелось вспомнить о поездке на рыбалку, а солнце показано, чтобы было ясно, когда именно ездили (с. 20). «Тотемизм и магия — поздние поверхностные явления» (с. 21).

Подобные рассуждения попадали в литературу не раз. Для специалистов вред их очевиден. Сложнейшие исторические источники представляются чем-то легкодоступным для понимания, и даже если думающий так ведет поиски петроглифов и их фиксацию, этот труд обесценивается из-за произвольного подхода к собранному материалу.

Единственное, в чем прав Г. В. Шацкий, это в том, что археологи, берущие на себя смелость определять виды животных, запечатленных на петроглифах, нередко впадают в ошибки. Надо прибегать к консультациям со специалистами. Это, безусловно, верно. Но один приведенный Г. В. Шацким пример показывает, что дело не только в ошибках археологов (с. 30). Виды животных на росписях Зараут-сая определял не археолог А. А. Формозов, а зоолог А. Н. Формозов. Очевидно, расхождения в определениях между биологами связаны с тем, что рисунки слишком схематичны и иногда точное видовое определение даже специалистами-биологами невозможно.

Главное для Г. В. Шацкого найти на петроглифах Узбекистана отражение всех этапов одомашнения животных. Над тем, возможно ли это вообще, отражали ли петроглифы данные явления, происходило ли одомашнение на месте или домашние животные были заимствованы извне, автор не задумывается. Он убежден, что «район кишлака Чадак — крупный центр доместикации» (с. 70). Силуэты козлов с ногами, соединенными чертой, автор рассматривает как изображения «козлов-манщиков», с помощью которых древние люди подманивали стада диких животных. Для подтверждения этой догадки следовало бы привести какие-нибудь этнографические параллели,

---

[6] *Шацкий Г. В.* Рисунки на камне. Ташкент, 1973, 157 с.

но этнографические материалы автор совсем не использовал, хотя рисунки на скалах в Средней Азии кое-где выбивают до сих пор.

В целом книга Г. В. Шацкого должна быть оценена отрицательно. Она может только дезориентировать тех, кто интересуется древними наскальными изображениями.

Увы, немногим лучше вторая книга, написанная археологом Г. А. Помаскиной, занимавшейся в 1968—1969 гг. изучением известной группы петроглифов Саймалыташ в Киргизии. Книга выпущена издательством «Кыргызстан», очевидно, в расчете на широкого читателя. Она названа «Когда боги были на земле...» и оформлена весьма своеобразно. Спереди и сзади помещены стихотворение В. Блейка «В одном мгновенье видеть вечность...» и четыре гравюры А. Мисюрёва из серии «Человек и космос» [7]. Какое отношение это имеет к Саймалы-ташу, мне лично непонятно.

Для археолога ценно то, что Г. А. Помаскина публикует 94 рисунка Саймалыташа. Некоторые из них издаются впервые и очень интересны. Такова фигура человека с головой в виде солнца, напоминающая Аскызское изображение окуневской культуры на Енисее (рис. 64). К сожалению, ни под одним рисунком нет масштаба. Описания их содержат явно лишние сведения («ориентировано налево» или «направо», что и так видно) и не всегда точны. Говорится о скелетном стиле там, где его нет (рис. 38, 39, 42, 44). Под контурным рисунком 65 написано «контурное изображение в силуэтной манере». Трудно понять, что это значит. При описании петроглифов контур и силуэт всегда противопоставлялись. В подписях даются и интерпретации рисунков: «Две сцены, изображающие танец или скандал. В каждой сцене двое мужчин с хвостами и рогами, видимо, пытаются что-то доказать друг другу» (с. 32). На рис. 92 «объектом скандала является олень» (с. 33).

Но обратимся к тексту. Автор видит свою задачу в том, чтобы рассказать об истории религии, иллюстрируя разные этапы в ее развитии рисунками Саймалыташа. Сложнейшая задача, в осуществимости которой вообще можно усомниться, решается предельно упрощенно. Автор считает, что религия прошла три стадии: тотемизм, анимизм и фетишизм. «Появление фетишизма можно объяснить следующим образом. С появлением земледелия и скотоводства отпала необходимость коллективного участия людей в производстве. В качестве производителей определенных предметов выступают теперь отдельные индивиды. Появляются социальная зависимость и подчинение одному индивиду — «творцу», который требует поклонения и почитания... Это происходит в недрах тотемизма» (с. 15). Не думаю, что для историков религии такие формулировки будут приемлемы.

При интерпретации петроглифов Саймалы-таша Г. А. Помаскина, как и другой исследователь памятника — Ю. Н. Голендухин [8], много говорит о земледельческих культах. Хотя среди рисунков действительно есть сцена пахоты, нельзя забывать, что Саймалы-таш лежит на высоте 3000 *м* в районе, где земледелие никогда не было развито, а существовали лишь высокогорные пастбища. Как и Г. В. Шацкий, Г. А. Помаскина видит в Саймалы-таше сцены одомашнения животных, но о скотоводческих культурах почти не говорит. Вспоминаются Кецакоатль, Молох, чукчи, эскимосы, культы солнца, плодородия. «В исполнении ритуальных танцев присутствует сексуальный объект, который еще с древнейших времен проходил как элемент плодородия» (с. 27).

При частых отсылках к тотемизму, анимизму, фетишизму мы ни разу не встречаем слова «мифология». Между тем отражение именно скотоводческих мифов скорее всего можно найти на скалах Саймалы-таша. Г. А. Помаскина вспомнила только один миф о матери-оленухе, прародительнице киргизского рода Бугу (причем ссылается на роман Чингиза Айтматова «Белый пароход»). Но в Саймалы-таше, как и во всей Средней Азии, неизмеримо больше, чем изображений оленей, фигур горных козлов. О них Г. А. Помаскина не говорит ничего, а тут уместно было бы привести параллели из киргизского эпоса. Семетея — сына Манаса вскормила самка архара [9].

---

[7] *Помаскина Г. А.* Когда боги были на земле... (наскальная галерея Саймалы-таша). Фрунзе, 1976, 34 с., илл.

[8] *Голендухин Ю. Н.* Духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-таша.— В сб.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1971, с. 181—202.

[9] *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос. М., 1962, с. 101.

В «Манас» иногда входит, а иногда рассматривается как особый эпос сказание о Коджоджаше — истребителе горных коз. Серая коза заманивает его в горы, где он и погибает [10]. Напомню и известное исследование Н. А. Кислякова о культе Бурха — горного козла в Средней Азии [11]. Г. А. Помаскина взяла при изучении такого сложного комплекса, как Саймалы-таш, неверное направление. Надо не расшифровывать отдельные вырванные из контекста сцены, а сделать план памятника, зафиксировать все рисунки, создать их классификацию и уже затем подойти к выделению определенных сюжетов, сопоставляя их с фольклорными и этнографическими материалами. В рамках популярной брошюры показать все это нельзя, но и по этому тексту видны слабые стороны работы Г. А. Помаскиной.

Упомяну, наконец, о выходе в 1976 г. книги Д. Кабирова о петроглифах Сармичая [12]. Она издана на узбекском языке без русского резюме, и содержание ее мне недоступно.

О книгах про писаницы Сибири [13] в данной статье я говорить не буду.

Итак, библиотека книг по петроглифам СССР продолжает пополняться. Опубликовано много новых интересных материалов. К сожалению, большинство авторов спешат с их интерпретацией, пытаясь «читать петроглифы» без предварительной работы по их классификации и датировке.

А. А. Формозов

---

[10] Сказание о Коджоджаше, записанное со слов А. Усенбаева. Перевод С. Соловой. Фрунзе, 1958.

[11] *Кисляков Н. А.* Бурх — горный козел.— СЭ, 1934, № 1—2, с. 181—189.

[12] *Кабиров Ж.* Сармишсойнинг коя тошларидаги расмлар. Тошкент, 1976, 113 с., 21 табл.

[13] *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974, 125 с., 40 табл.; *Окладников А. П., Мазин А. И.* Писаницы реки Олекмы и верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976, 190 с., 65 табл., илл. в тексте; *Дэвлет М. А.* Большая Боярская писаница. М., 1976, 20 с. 8 табл., текст на русском и англ. яз.; *она же.* Петроглифы Улуг-хема. М., 1976, 43 с., 76 табл.

Doran J. E., Hodson F. R. Mathematics and Computers in Archaeology. Edinburgh, University Press, 1975, 381 pp., ill.

Былые споры о приемлемости или неприемлемости в археологии методов математической обработки наблюдений решены самой практикой исследований. Каждый год выходят в свет публикации новых результатов изучения массовых находок статистическими и иными математическими методами, в том числе с использованием ЭВМ. Вместе с тем на фоне возрастающего потока таких публикаций все больше ощущается дефицит в литературе учебно-методического характера. Археолог (студент, аспирант, научный работник), не имеющий математической подготовки, но осознавший необходимость использовать в своей работе количественные методы или, скажем, желающий подробно разобраться в том, что сделано его более преуспевшим в этой области коллегой, всегда ставит вопрос: «Что бы такое почитать, не очень трудное и систематичное?» Исследовательские археологические публикации такого рода рассчитаны на определенный уровень математической подготовки читателя, а литературы, которая бы имела своей целью довести читателя до этого уровня, до сих пор не было. Обращение к пособиям, предназначенным специалистам других наук (экономистам, лингвистам, биологам, медикам и т. д.), оказывалось недостаточно эффективным по многим причинам, из которых достаточно назвать две. Во-первых, такие учебники по своей логической структуре не всегда соответствуют логике исследования археолога. Во-вторых, большинство из них предполагает подготовку в объеме двухлетнего вузовского курса математического анализа.

Дефицит в подобного рода археологической литературе в настоящее время заполнен (в силу межъязыковых барьеров, конечно, не полностью) рецензируемой книгой. Ее авторы представляют собой весьма удачный для решения такого рода задачи коллектив. Джеймс Э. Доран — математик, сотрудник Вычислительного центра университета в Эссексе, имеет большой опыт сотрудничества с археологами и

известен в археологии как автор ряда интересных публикаций. Фрэнк Р. Ходсон — профессор факультета первобытной археологии Лондонского университета, специалист по железному веку Западной Европы доримского времени. Рассматриваемая книга уже не первая совместная работа авторов.

Книга по существу является учебно-методическим пособием для археологов. Вместе с тем в ней не оставлены без внимания некоторые недостаточно разработанные или спорные вопросы методики математической обработки и исторической интерпретации археологических наблюдений. Последовательно и доходчиво авторы знакомят читателя с различными математическими методами описания и анализа археологических фактов, а также со средствами их обработки на ЭВМ. Структура книги хорошо продумана и поэтому удобна для чтения. Разделение текста на три части соответствует как самой логике археологического исследования, так и интересам читателя.

Первая часть — «Основные археологические и математические инструменты» — не обязательна для всех. Читатель, обладающий некоторым археологическим и математическим минимумом знаний, может начинать изучение книги сразу со второй части — «Анализа данных». Третья часть — «Вне анализа данных. Проблемы и перспективы» — посвящена наименее разработанным вопросам: методам моделирования в археологических исследованиях, электронным банкам археологических данных, системному анализу и т. п.

Первая часть вводит неподготовленного читателя в мир основных математических понятий. Авторы хорошо чувствуют важный в данном случае вопрос: «Какая математика нужна археологу?» Поэтому они акцентируют внимание на элементах дискретного анализа, т. е. на таких понятиях, как множества, матрицы, графы и т. д. Подробно, но просто изложены элементарные основы теории вероятностей (глава 3), а также общие сведения о принципах действия вычислительной техники (глава 4).

Собственно археологические проблемы представлены во второй части. Здесь достаточно четко и последовательно рассматривается методика «предматематического» изучения археологических наблюдений. Вообще это самый важный этап работы, так как он включает систематическое описание материала, на основании которого археологические факты затем перерабатываются математическими средствами, безразличными к содержательной стороне исходных данных. Поэтому при изложении методов описания археологических материалов важны некоторые первичные установки, ориентирующие исследователя на выбор признаков в соответствии с целями работы.

В отличие от других распространенных на Западе концепций, например от «аналитической археологии» Д. Кларка, авторы рецензируемой книги хорошо понимают исторические задачи археологии. Это отмечено еще во введении и неоднократно подтверждается в других местах. Развиваемая здесь концепция «артефактной археологии» имеет расширительный смысл. Под артефактами понимаются «не только топоры и горшки, но и приручение животных, расчищенные (для земледелия) леса и целые поселения» (с. 3).

В методике подготовки археологических данных к математической обработке уже сложилась вполне устойчивая схема, к которой археологи различных стран пришли независимо друг от друга: выбор признаков, их описание и квантификация. Авторы следуют в принципе той же схеме (глава 5). Они справедливо подчеркивают важность процедуры выбора признаков, связь этого выбора с целями исследования, невозможность и ненужность полного избавления от исследовательской интуиции в выборе признаков. Отмечается также необходимость придерживаться избранной логической схемы, не смешивать признаки разных уровней и т. п. На конкретных примерах каменных орудий, керамики и металлических изделий показано, как производится отбор и описание признаков.

Затем, в этой же 5-й главе описывается методика предварительной организации и представления исходных данных. Помимо общепринятых статистических форм организации фактов — таблицы, простые и кумулятивные графики, гистограммы — здесь уделяется внимание редко используемым в археологии способам трехмерного и многомерного представления данных с использованием ЭВМ. Все это изложено не

абстрактно, а на конкретных археологических примерах, что, как известно, всегда облегчает пользование подобными учебниками.

В соответствии с общей логикой археологического исследования в следующей, 6-й главе рассматриваются вопросы измерения сходства и корреляции между качественными и количественными признаками и объектами как совокупностями признаков. На примере этой главы хорошо видна необходимость специального учебника для археологов. Измерение корреляции между количественными и качественными признаками — традиционная задача статистики, правила решения которой можно найти в любом учебнике. Измерение сходства — задача несколько иного плана, требующая не столько статистического, сколько дискретно-аналитического, комбинаторного подхода. Она больше относится к таксономическому анализу и в учебниках по статистике встречается редко. Поэтому археолог, незнакомый с математическим аппаратом измерения сходства, часто заменяет его измерением корреляции, что далеко не одно и то же.

Как это принято в таксономии, авторы сводят понятие «сходство» к понятию «расстояние» в многомерном пространстве признаков, а также показывают другие меры расстояния и сходства, занимающие промежуточное положение между нестатистическими и статистическими, например коэффициент Робинсона. Приводимые примеры облегчают содержательное понимание рассмотренных задач.

Задача главы 7 — «Автоматическая классификация, таксономия и типология» — показать методы преобразования «неуправляемой массы индивидуальных единиц, полученных в результате археологических исследований в полноценную информацию» (с. 158). Данная глава является, пожалуй, самой важной в книге. К ее изучению читателя подготавливают предшествующие главы II части. Без них она будет непонятна, а без ясного понимания содержания 7-й главы останутся непонятными другие, последующие разделы.

Сначала вводятся некоторые основные понятия и термины таксономического анализа. Затем на примерах исследований Чайлда и Рауза [1] рассматривается традиционный археологический подход к таксономии. Далее следует изложение собственно археологической таксономии на уровне ее современного состояния. Авторы полемизируют с А. Сполдингом, который в свое время ввел в американской археологии статистическую концепцию типа, получившую очень широкое признание, особенно в так называемой новой археологии. По-видимому, авторы правы, утверждая, что наличие значимой статистической связи между признаками не обязательно должно свидетельствовать о значимой археологической связи [2]. Как они считают, между статистической связью и значимой археологической связью существует фундаментальное различие (с. 169). В отличие от А. Сполдинга авторы полагаются в основном на дискретный анализ таксономических единиц и раскрывают его в разделах «Матричный анализ» и «Кластер-анализ признаков». В качестве положительного примера использования в археологии матричного анализа признаков, который без ЭВМ был бы практически неосуществим, авторы приводят монографию Д. Кларка о колоколовидных кубках Британии. Кластер-анализу, который, по-видимому, признается авторами основным методом археологической таксономии, посвящен целый параграф (с. 173—185). Это не удивительно: основные работы авторов, особенно Дж. Дорана, применительно к конкретным данным выполнены методом «кластеризации» [3]. Суть метода в принципе сводится к тому, что совокупность каких-то данных последовательно делится на группы по наличию или отсутствию некоторого признака. Так, например, 719 могил из Маундвилла (США, Алабама) разделились сначала на две большие группы, состоящие из 554 и 165 могил по наличию или отсутствию «простых кубков». Затем каждая из этих двух групп делится еще на две

[1] Кстати, И. Рауз под таксономией неверно понимает только дихотомическую классификацию (см. *Rouse I.* Introduction to Prehistory. N. Y., 1972, p. 52–55) и на этом основании противопоставляет ее типологической классификации.

[2] Этот вопрос поднимался и в нашей литературе. См. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М., 1975, с. 60.

[3] Перевод понятия «кластер-анализ» на русский язык (cluster — гроздь) так же мало эффективен, как перевод слов «рандомизация», «дисперсия» и др., тем более что он вошел в русскую специальную литературу (*Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. М., 1974, с. 197).

(итого уже 4) по наличию или отсутствию «простых бутылей для воды», затем — по бусам из раковин, по простым горшкам или банкам и т. д., пока не будет исчерпан весь список признаков. В этом примере, который приводится на с. 179 и заимствован авторами из работы К. Пибльза [4], в конечном счете могилы распределились на 13 групп-кластеров, каждая из которых содержала от 7 до 169 могил. Процедура кластеризации легко программируется и реализуется на ЭВМ, практически независимо от объема исходного материала.

Авторы считают все виды таксономии «базовыми» для археологического исследования, ибо в конечном счете, явно или неявно, каждый археолог по-своему занимается классификациями больших количеств сложных предметов.

Глава 8 посвящена другим методам многомерного анализа. Здесь сначала рассматриваются общие схемы двумерного и трехмерного пространства признаков. Затем излагаются метод главных компонент и факторный анализ, корреляционные плеяды, дискриминантный анализ и некоторые иные методы.

Следует отметить, что все рассмотренные в данной главе методы многомерного статистического анализа требуют достаточно высокого уровня математической культуры, а в еще большей степени — четкого описания и по возможности измерения значений признаков. До того как метод главных компонент и связанный с ним факторный анализ начали применяться в археологии, они использовались и продолжают использоваться в тех случаях, когда исследователь вынужден ограничиваться пассивным экспериментом, например при исследовании сейсмических процессов или в социологических наблюдениях, иными словами, тогда, когда изучаемые переменные величины задаются исследователю, а их изменение по заданной программе невозможно. При этом можно предположить, что наблюдаемые переменные изменяются под влиянием какого-то общего для них фактора, не представленного в явном виде в таблице результатов наблюдений. Если при изучении наблюдаемых величин принимаются во внимание их дисперсии, т. е. показатели рассеивания средних значений, то задача решается по методу главных компонент, а искомые новые переменные называются главными компонентами. Если же вычисляются парные коэффициенты корреляции между исходными данными, то прибегают к факторному анализу и ищут факторы, могущие быть причиной ковариации, т. е. причиной совместных изменений исходных данных. Одним из примеров использования этих методов с целью классификации для авторов служит исследование коллекции швейцарских фибул латенской эпохи. Этот пример взят из работы авторов, выполненной совместно с П. Снитом и опубликованной в 1966 г. [5]. Правда, в этой работе речь шла о методах машинной классификации, а не о методе обнаружения скрытых факторов, влияющих на вес тех или иных признаков. В рецензируемом учебнике этот пример кластер-анализа фибул дополнен результатами анализа «главных компонент». В качестве иллюстраций приводятся также результаты факторного анализа, выполненного на различных других археологических материалах (мустьерские орудия — С. и Л. Бинфорды, керамика пуэбло — Дж. Хилл и др.). К сожалению, методика этих видов многомерного статистического анализа не раскрыта подробно. Вероятно, это объясняется «не очень благосклонным» (с. 105) отношением авторов к той разновидности факторного анализа, которая отразилась на упомянутых археологических работах. Вообще говоря, авторы правы. Метод главных компонент и факторный анализ — это методы формулирования гипотез, т. е. методы, скорее относящиеся к постановке вопросов, чем к получению ответов.

Специальная глава (глава 9) посвящена отдельным примерам анализа археологических данных, взятым из «живой» практики. Важность этой главы прежде всего определяется тем, что для археолога-практика нет более удобного метода постижения той или иной методики, чем на конкретном примере. Авторы опять обращаются к уже упоминавшейся классификации латенских фибул из Швейцарии. Эта классификация являет собой яркий пример сочетания почти всех методов анализа, описанных в данной книге. При этом показано сходство и различие интуитивной

---

[4] *Peebles C. S.* Monothetic-divisive analysis of the Moundville burials — an initial report.— Newsletter Comput. Archaeology, 1972, t. 8 (2), p. 1—13.

[5] *Hodson F. R., Sneath P. H. A., Doran J. E.* Some experiments in the numerical analysis of archaeological data.— Biometrica, 1966, № 53.

и машинной классификации, их сильные и слабые стороны. Другие примеры, приведенные в главе 9 — это описание и классификация мечей периода Гальштатт-С, британских ручных рубил; анализ следов химических элементов в древних бронзовых и фаянсовых изделиях Западной Европы, верхнепалеолитических комплексов Сирии.

Буквальный русский перевод названия третьей части книги — «Вне анализа данных. Проблемы и перспективы» — звучит несколько экстравагантно, и его следует понимать как анализ данных, непосредственно в вещах, не представленных, а получаемых из сопоставления разных вещей и разных групп вещей между собой, а также из положения этих вещей в комплексах, слоях и т. п.

В главе 10 рассматриваются методы сравнения сериаций различных массовых археологических материалов, в частности на старых, известных и в нашей литературе примерах Робинсона и Форда. Описаны также методы машинного упорядочивания больших объемов данных, невыполнимого вручную в силу огромной трудоемкости.

В следующей, 11-й главе — «Математические модели и машинное моделирование» рассматриваются проблемы, которые можно считать не только нерешенными, но и, в применении к нашей науке, не всегда достаточно ясно поставленными. Здесь речь идет о таких мало употребимых, но потенциально полезных математических методах, как функции наибольшего правдоподобия, случайные тропы, цепи Маркова, ветвящиеся процессы, метод Монте-Карло, моделирование на ЭВМ. Как один из интересных примеров упоминается еще не полностью опубликованная работа Р. Уоллона[6], в которой моделируется поведение палеолитической популяции на протяжении периода времени от 100 до 500 лет с учетом динамических процессов (рождаемость, вступление в брак, перемещения в пространстве, смертность и т. п.) в соответствии с допускаемыми вероятностями и возможностями по каждому фактору.

Авторы признают, что знания методов моделирования и умения выбирать нужные методы еще не достаточно для археолога, ибо чаще всего он не располагает конкретными количественными данными для «наполнения» выбранных моделей. Главную пользу машинного моделирования авторы видят не столько в получении каких-то конкретных результатов, сколько в «самообучении» (с. 306) исследователя в том смысле, что он таким образом получает возможность постигать и совершенствовать логическую структуру собственного мышления и заодно узнавать возможности ЭВМ.

Дефицит количественных археологических данных для наполнения моделей хорошо иллюстрируется тем, что на с. 306—307 для демонстрации возможностей математической теории решений и минимаксных стратегий пришлось обратиться к восстанию Михаила Валахского Отважного в 1595 г. против Османской империи, ибо подобными по своей подробности историческими данными для древнейших эпох археология пока не располагает.

Большой интерес представляет программа комплексного исследования памятника в разных археологических, культурно-исторических, демографических и т. п. аспектах. Примером такого подхода является так называемый проект SOLCEM — изучение латенского могильника Мюнзинген в Швейцарии. Материалы из могильника, содержавшего более 200 могил, были расписаны по составу инвентаря, полу и возрасту погребенных, расположению могил, по первичной классификации предметов и по известным хронологическим отношениям, т. е. по перекрытиям одних могил другими и т. д. Машинная программа, написанная на языке АЛГОЛ-60, анализирует исходные данные, затем перечисляет гипотезы, которые могут соответствовать этим данным. Далее оценивается функция качества гипотез, на основе чего выбирается наименее противоречивая. Таких ступеней может быть много, и в каждом случае машина позволяет исследователю делать выбор из той или иной группы гипотез, объясняющих сочетания вещей и их наборов с полом, возрастом погребенных, положением в могильнике и другими признаками. Здесь тоже больше чисто

---

[6] Пользуемся случаем поблагодарить Р. Уоллона, Дж. Дорана, Р. Чинхолла и других наших коллег за присылку препринтов их неопубликованных работ.

«инструментальных» преимуществ, чем интеллектуальных, но большой труд по перебору альтернативных возможностей берет на себя ЭВМ.

Подводя итог данной главы, авторы приходят к весьма осторожным выводам, которые могут разочаровать археолога, ожидающего от применения математических методов и ЭВМ каких-то откровений: «Отдельные ситуации или процессы могут быть убедительно промоделированы на ЭВМ, если только имеются достаточно полные и достоверные исходные данные. С этим условием в археологической практике приходится сталкиваться очень редко» (с. 315).

В 12-й главе рассматривается совершенно новый для археологии комплекс проблем, получивший недавно особое название «Электронные банки археологических данных». Под этим необычным названием имеется в виду реальная возможность хранить в памяти больших ЭВМ (или сетей ЭВМ) сведения о музейных (не только археологических) коллекциях и в нужный момент извлекать необходимые данные не только об известных и известно где хранящихся предметах, но и о похожих предметах, не известных в данный момент исследователю. Иными словами, таким образом археолог, этнограф, вообще музейный работник может в значительной степени автоматизировать процесс поиска аналогий к изучаемому материалу. Возможность обращения к памяти ЭВМ на большом расстоянии, например по телефонному каналу, делает эту задачу очень заманчивой. Современная информационно-вычислительная техника позволяет реализовать такую задачу. Известно, что 23 музея Нью-Йорка, Вашингтона и восточного побережья США в 1968 г. образовали консорциум по проектированию «Музейной компьютерной сети», которая в настоящее время, судя по некоторым кратким публикациям, уже функционирует в экспериментальном режиме.

Перечислив основные проектируемые и функционирующие банки данных в США и некоторых странах Западной Европы, авторы отмечают возможности их различного ориентирования в зависимости от исследовательских задач, причем такая ориентированность не является жесткой, раз навсегда заданной. Раз навсегда в систему ЭВМ вводятся только исходные данные, которые, кстати, тоже могут дополняться и исправляться, а ответы на запросы уже зависят от того, насколько разнообразен пакет программ, обеспечивающий функционирование банка данных.

В создании банков данных имеются две основные трудности, которые возникают перед проектировщиками: адекватная запись исходной информации на языке, понятном ЭВМ, и составление пакета программ. Трудовые и временные затраты на эту работу пока еще чрезвычайно велики даже при использовании ЭВМ последнего поколения, способных к автоматическому программированию отдельных частей пакета. Достаточно сказать, что математическое обеспечение современных ЭВМ дороже, чем сама машина. Кроме того, возникает целый ряд содержательных вопросов и сомнений, порожденных «непривычностью» и недостаточной подготовленностью самих археологов и музейных работников к такой работе. С ссылкой на известного специалиста по археологическим банкам данных Ж.-К. Гардена авторы, например, указывают на большие трудности, связанные с этой задачей.

Последующие разделы 12-й главы имеют чисто познавательное значение, вводя читателя в технику обращения с ЭВМ. Между тем здесь поставлены и некоторые «глубинные» вопросы, которые не так заметны в традиционном исследовании, но оказываются на поверхности при формализованном подходе. Например, насколько подробной должна быть запись исходного материала, можно ли гарантировать, что признаки, несущественные сегодня, не окажутся чрезвычайно существенными через 30 лет; как должны соотноситься исторические выводы с исходными данными; какова оптимальная структура дескриптивных кодов и т. п. На эти вопросы пока нет однозначных ответов, все это проблемы сегодняшнего дня, подлежащие всестороннему исследованию.

В 13-й главе, названной авторами «Роль математики и компьютеров в археологии», справедливо отмечается, что целый ряд интересных исследований, выполненных с помощью ЭВМ на основе методов естественных наук, не является собственно археологическими исследованиями, а относится к тем наукам, которые в данном случае были привлечены, например, работы Дж. Хокинса о Стоунхендже как о древней астрономической обсерватории, спектральные и структурные анализы, расчеты

по C^{14} и т. д. Однако главным содержанием этой заключительной главы является попытка авторов реально оценить роль математических методов и ЭВМ в формировании некоторых разделов общей археологии. В связи с этим кратко рассмотрены вопросы применения общей теории систем в работе археологов. Изложив в двух словах характеристику общей теории систем, авторы высказывают сомнение в возможности существования такой теории, которая могла бы в едином контексте отразить, не вдаваясь в частности, то общее, что присуще всем системам, взятым вместе, и рассматривают ряд примеров, которые, по мнению археологов, авторов этих работ, сделаны с позиций общей теории систем. На самом же деле, ни Ньюкомб, ни Флэннери, ни другие исследователи при том, что ими сделаны значительные работы по разным типам памятников, облеченные в терминологию общей теории систем и сопровождаемые схемами с «входом», «выходом» и с «обратной связью», не смогли наполнить эти схемы конкретным содержанием по вполне объективной причине: «Археологические данные неполны (по своей фрагментарности — *Ф. Б., Я. Ш*) для математической обработки с позиций общей теории систем» (с. 339).

Иронизируя по поводу так называемого эксплицитного подхода точной науки, авторы показывают, что увлечения популярным в американской «новой» археологии гипотетико-дедуктивным методом, который уместен в формализованных науках, не дают ожидаемых результатов в археологии и, по-видимому, не могут их дать по той же причине, которая не позволяет в полной мере использовать методы общей теории систем.

В отдельных же случаях, когда речь идет об анализе логической структуры тех или иных рассуждений археолога, дедуктивные построения безусловно полезны. Поэтому искусство настоящего археолога должно состоять в том, чтобы правильно сочетать индуктивные и дедуктивные методы. В противном случае придется согласиться с авторами, что «чем меньше археология будет сайентистской, в этом смысле, тем лучше» (с. 343). Далее, рассматривая возможные «альтернативы» научного метода, авторы выражают свой скепсис по поводу результативности обсуждения последствий той или иной альтернативы, проистекающей от того или иного методологического подхода. Авторы считают, что «подчеркивать дедуктивные аспекты — значит способствовать тотальной путанице» (с. 345).

В завершающем разделе последней главы речь идет о тех элементарных основах математической обработки наблюдений, которые археологу надлежит знать прежде всего для того, чтобы самостоятельно разобраться в приемлемости метода, в его возможностях и «невозможностях». С этой целью, по мнению авторов, археологу полезно ознакомление с основами математической обработки наблюдений еще на студенческой скамье. Заканчивается книга вполне оптимистическим суждением о том, что в дальнейшем использование математических методов в археологии будет расширяться, однако «знание того, что **должно** произойти... вовсе не означает того, что **случится** под влиянием социальных, академических и технологических факторов» (с. 347).

Рецензируемая книга не свободна и от определенных недостатков, которые, с нашей точки зрения, можно разделить на три группы. Недостатки первой группы не носят серьезного характера, и авторы вольны принимать или не принимать наши замечания. Например, нам представляется, что в первой части можно было вполне обойтись без понятия о дифференциале (с. 19), тем более что такое изложение одинаково ничего не дает как неподготовленному читателю, так и читателю с математической подготовкой, поскольку для первого такое изложение слишком кратко и непонятно, а для второго оно не нужно. В главе 4 можно было бы избежать столь упрощенного изложения. Решение таких простых примеров не требует использования ЭВМ, эффективность которой как раз и определяется степенью сложности задачи. В главе 6 было бы интересно привести сравнительный анализ разных показателей сходства и показать, что выбор той или иной функции не вполне произволен, а зависит от поставленных вопросов.

Вторая группа недостатков более существенна и, по-видимому, связана с неполным учетом опыта применения математических методов и ЭВМ в конкретных археологических и музейных исследованиях. Опираясь в основном на опыт англо-американской археологии, авторы недостаточно осветили опыт своих французских

коллег в области дескриптивных исследований, а также по проблеме организации банков археологических и музейных коллекций. В частности, здесь не нашел отражения большой и интересный французский проект SATIN — I, связанный с созданием «L'Inventaire Général des Monuments et Richesses Artistiques de la France».

Полностью выпала из поля зрения авторов книги советская литература по этим вопросам, хотя, насколько нам известно, авторы знают о ее существовании и обмениваются информацией с советскими коллегами. Широкий хронологический и региональный диапазон памятников, которые изучает советская археология, не имеет себе равных в мире. Поэтому примеры из работ советских археологов, особенно по изучению античных поселений и раннесредневековых городов Средней Азии, в ряде случаев были бы более показательны, чем те, которые приведены в книге. Во всяком случае, советские археологи (А. В. Арциховский, М. П. Грязнов и другие) были в 30—40-х годах пионерами в этой области и не упомянуть их работы просто невозможно.

Третья группа недостатков, с нашей точки зрения наиболее серьезная, связана со второй и относится к уровню методологии. Если бы авторы учли в своей работе результаты советских исследований, может быть, у них не сложилось бы столь жесткого (а если выражаться на языке философии,— метафизического) подхода к выбору альтернатив между дедуктивными и индуктивными методами. Думается, что в работах советских археологов можно найти удачные примеры сочетания в нужных случаях тех и иных методов в диалектическом единстве с главным во всяком археологическом исследовании принципом историзма.

В заключение хотелось бы еще раз отметить полезность и своевременность рецензируемой книги. Вероятно, в силу этого она будет еще переиздаваться, и, как представляется, авторы должны быть заинтересованы в ее дальнейшем улучшении.

Ф. Р. Балонов, Я. А. Шер

Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976, 150 стр., 51 илл.

До недавнего времени представление о ямочно-гребенчатом неолите лесостепной зоны Европейской части СССР можно было получить лишь по отдельным публикациям небольших коллекций. В 60—70-х годах вопросами ямочно-гребенчатого неолита на Украине и в сопредельных областях РСФСР занималась В. И. Неприна. Ею была опубликована серия статей по этому поводу и издана книга «Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине», где подведены итоги изучения древностей этого типа в лесостепи. В этой работе отмечено, что на юге в настоящее время известно приблизительно 100 поселений с находками ямочно-гребенчатой керамики, расположенных на Днепре, Десне, Сейме, Дону, Суле, Ворксле, Орели, Северском Донце, Пеле, Осколе. Автор дает характеристику материалов основных памятников этого типа, предлагает их хронологию и локальные варианты, ставит вопрос о происхождении ямочно-гребенчатого неолита в лесостепи.

В результате стратиграфических наблюдений, проведенных на стоянках Погореловка-Вырчище, Долгое, Погореловка-Эсмань, Гришевка (с. 48—50), В. И. Неприна доказывает длительность существования культуры ямочно-гребенчатой керамики в лесостепи. Принимая во внимание, что в ряде случаев (Устье Оскола II и др.) горизонты с ямочно-гребенчатой керамикой залегают над слоями с материалами первого этапа днепро-донецкого неолита, датируемого Д. Я. Телегиным концом V — началом IV тысячелетия до н. э., В. И. Неприна относит появление ямочно-гребенчатой керамики в лесостепи (Погореловка-Вырчище, Волынцево и др.) к началу IV тысячелетия до н. э. (с. 114). Более поздние памятники (Погореловка-Коса, Погореловка-Эсмань, Погореловка-Бондаренкова Ямка, Скуносово-Рудого, Скуносово-Линского и др.) В. И. Неприна на основании трипольских импортов относит к концу IV—III тысячелетию до н. э. (с. 115, 116).

В развитии ямочно-гребенчатого неолита на Украине В. И. Неприна выделяет три этапа. Исследовательница пишет, что материалы памятников первого из них характеризуются орудиями труда, среди которых геометрические микролиты, округлые и концевые скребки, резцы, острия, двустороннеобработанные топоры и наконечники стрел и копий (с. 89, 90). Характерной чертой раннего этапа ямочно-гребенчатого неолита исследовательница считает «почти обязательное присутствие» в материалах посуды днепро-донецкого и лисогубского типа. Третьим отличием раннего этапа является керамика с ямочно-гребенчатыми узорами, заполняющими «всю поверхность сосуда», представляющими собой «чередование опоясывающих одиночных или двойных рядов ямок и косопоставленных оттисков штампа». Четвертым признаком раннего этапа являются мотивы из ямок, выполненных в «скорописной отступающей манере».

Для второго этапа, пишет В. И. Неприна (с. 104, 105), характерна «посуда с господством ямочного узора. Ямочный узор заполняет всю поверхность сосуда, располагаясь в шахматном порядке или в виде рядов, параллельных венчику, у края сосуда часты жемчужины». На втором этапе ямочно-гребенчатого неолита лесостепи «характерно горизонтально-зональное расположение узоров и разделение зон поясом без орнамента или 1—2 рядами из отпечатков косой гребенки». Кроме того, отмечены ямки, выполненные палочкой с намотанным на нее шнуром.

Мне кажется, что приведенные выше характеристики ямочно-гребенчатой керамики первого и второго этапов близки между собой. Новшеством можно считать лишь появление жемчужины и ямок, выполненных палочкой со шнуром. Так же как и на стоянках раннего периода, материалы развитого типа характеризуются наличием керамики, украшенной отступающей лопаточкой (поселение Погореловка-Эсмань — с. 90—94; Погореловка-Коса — с. 94—97; Скуносово-Рудого — с. 97—99; Скуносово-Линского — с. 99—101 и др.). Так же как на стоянках раннего периода, в более поздних памятниках отмечено наличие лисогубовской керамики (поселения Погореловка-Эсмань, Погореловка-Коса и др.). И наконец, «...для производственного инвентаря,— пишет В. И. Неприна,— выделить какие-либо особые признаки, характерные лишь для второго этапа культуры, не удается» (с. 104).

Представляется, что наиболее четко различия для керамики первого и второго этапов ямочно-гребенчатого неолита в лесостепи можно проиллюстрировать лишь результатами подсчетов фрагментов сосудов с тем или иным типом орнамента, а это сделано только для керамики поселения Погореловка-Вырчище с культурным слоем, мощностью 0,3—0,45 м (с. 53). Этот слой разбирался четырьмя «горизонтами взятия» (с. 63). Подсчеты показывают, что в верхнем горизонте наблюдается увеличение керамики, украшенной ямками, уменьшение фрагментов с оттисками штампа и наколами. Количество обломков сосудов с сочетанием ямок и оттисков гребенки стабильно во всех горизонтах.

В. Н. Неприна приводит процентное соотношение «орнаментальных групп посуды» на горизонтах поселения: «...группа посуды с ямочным орнаментом во всех горизонтах составляет преобладающую часть керамического комплекса и в трех нижних горизонтах составляет от 47 до 49%, но в верхнем горизонте ее количество возрастает до 58%.

Посуда с гребенчатым орнаментом в процентном отношении уменьшается от нижнего горизонта к верхнему. Так, в нижнем горизонте она составляет 33,5%, в III и II — 24—25%, в верхнем — 21%.

Группа посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом в процентном отношении во всех горизонтах представлена почти одинаково — в пределах 8—12%.

Показательны изменения процентного соотношения посуды, орнаментированной «отступающими» лопаточками. Наибольший процент ее в нижнем горизонте — 10, в III и II она сокращается до 8—7%. В верхнем — ее всего 2,6%».

Здесь В. И. Неприной прослежена закономерность в изменении орнаментации керамики. Нижние три горизонта В. И. Неприна относит к первому этапу ямочно-гребенчатого неолита, верхний горизонт — ко второму этапу (с. 48, 49).

Дискуссионным является и вопрос относительно выделения третьего этапа ямочно-гребенчатого неолита в лесостепи. К этому периоду В. И. Неприна относит поселение Погореловка-Бондаренкова Ямка в Сумской области (с 105—106) и стоянки

Мнево-Лес (Пустынка 5), Каменку, Пчелицу и др. в Черниговской области (с. 107—112).

Материалы поселения Погореловка-Бондаренкова Ямка представлены нуклеусами, пластинами, резчиками, топорами, скребками, ножами из кремневых пластин, проколками и резцами. Сосуды изготовлялись из глины с примесью песка и растительных волокон. Узоры состояли из ямок, расположенных в шахматном порядке, оттисков гребенки, наколов и ямчатых вдавлений, выполненных палочкой с намотанным на нее шнуром. Такая характеристика материалов, как мы видели, была свойственна и для поселений, отнесенных В. И. Неприной к предшествующему времени,— наличие в инвентаре ранних форм (резцы, ножевидные пластинки, мелкие скребочки), а также керамики с накольчатым орнаментом и вдавлениями палочки со шнуром. Поэтому вряд ли можно этот памятник относить к особой хронологической группе.

В отношении перечисленных выше стоянок в Черниговской области заметим, что их принадлежность к ямочно-гребенчатому неолиту более чем предположительна. Д. Я. Телегин, описавший материалы этих памятников, считает их днепро-донецкими [1]. С ним согласна и И. М. Тюрина, отметившая, кроме того, близость этих находок древностям юго-восточной Белоруссии [2]. С нашей точки зрения, поселения типа Пустынки 5, Каменки, Пчелицы следует считать принадлежащими к верхнеднепровской археологической культуре, в чем убеждает сравнение орнаментальных композиций на сосудах и количественное соотношение элементов орнамента (ямочный в среднем — 15%; гребенчатый — 36%; накольчатый — 5%; нарезной — 10%; без орнамента — 31%), что заметно отличает керамику поселений типа Пустынки 5, Каменки и им подобных от керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией (сравни с процентным соотношением элементов орнамента на керамике стоянки Погореловка-Вырчище) [3]. В рецензируемой книге не приведено никаких доказательств, позволяющих отнести упомянутые поселения к культуре ямочно-гребенчатой керамики, не проанализированы гипотезы Д. Я. Телегина и других исследователей. В свете сказанного выше представляется, что разделение ямочно-гребенчатого неолита Украины на три этапа неправомерно.

Гипотетично отнесение к ямочно-гребенчатому неолиту и памятников типа Мыса Очкинского (с. 65—67). Поселение Мыс Очкинский [4] находится в Подесенье, на севере Сумской области, вблизи от ее границ с Брянщиной, где в течение ряда лет были открыты и исследованы многие стоянки с аналогичными материалами (Черепеньки, Холм, Витховка, Белынец и др.). Последние характеризуются наличием двустороннеобработанных серповидных ножей, крупными ретушированными по краю кремневыми пластинами, выполняющими функцию ножей, округлыми, овальными, подтреугольными, четырехугольными скребками, наконечниками стрел и копий (ромбическими, листовидными, треугольночерешковыми, с выемкой в основании), топорами, долотами, остриями и т. п. изделиями, заметно отличающимися от находок на стоянках культуры ямочно-гребенчатой керамики, описанных в книге В. И. Неприной (с. 89, 90, 104, 105). Различны и керамические комплексы. На средней Десне неолитическая керамика изготовлялась из глины с примесью дресвы. Основой орнаментации на сосудах служили не белемнитные ямки, а ромбические вдавления, расположенные горизонтальными или наклонными рядами. Подобные мотивы, по данным И. Г. Розенфельдт, составляли 40—50% всех узоров. Оттиски штампа, наколы и прочее лишь сопутствовали этому основному виду орнаментации. Керамика, родственная среднедеснинской, в настоящее время известна лишь на верхней Оке (белевские памятники) [5].

---

[1] *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Киев, 1969, с. 111.

[2] *Тюрина И. М.* Некоторые данные о неолитических племенах верхнего Поднепровья.— МИА, № 172, 1973, с. 185, 186.

[3] *Третьяков В. П.* Неолит верхнего Поднепровья и его отношение к днепродонецкой культуре.— СА, 1975, № 2, с. 12, 13.

[4] *Розенфельдт И. Г.* Стоянка Мыс Очкинский.— КСИИМК, вып. XXXI, 1951, с. 130—140.

[5] *Розенфельдт И. Г.* К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э.— КСИИМК, вып. 75, 1959, с. 94—99.

На поселениях северной Украины известны фрагменты сосудов с ромбическими вдавлениями, но это единичные экземпляры, не составляющие серий. Такую же картину, т. е. незначительное проникновение ромбического орнамента, исследователи отмечали и на средней Оке[6], и в Посожье[7] и т. д., объясняя подобные факты результатом контакта различных этнических группировок. Исходя из сказанного можно сделать вывод лишь о влиянии среднеднепровского неолита на материалы Украины, но вряд ли можно рассматривать эти группы древностей как нечто единое. По-видимому, проникновение ромбического орнамента в южном направлении послужило одной из причин своеобразия ямочно-гребенчатой керамики на севере Украины по сравнению с более южными регионами.

Нам кажется, В. И. Неприна совершенно права, выделяя варианты украинского ямочно-гребенчатого неолита: северный и южный (с. 118—120). Это мнение исследовательницы подкреплено результатами анализа форм сосудов, технологии их изготовления, приемов орнаментации, а также сравнением коллекций изделий из кремня. Примечательно, что на юге (бассейны Орели, Псла, Сулы, Хорола) не известны стоянки с керамикой, украшенной ромбическими ямками (с 103 и др.), в то время как в низовьях Десны и в поречье Сейма эти узоры в ряде случаев обнаружены (хотя и не на всех стоянках, например Волынцево, с. 73—77).

Одним из важнейших вопросов, поставленных в книге В. И. Неприной, является вопрос о происхождении культуры ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины. До сих пор в литературе высказывалась точка зрения, согласно которой ее истоки следует искать в лесной зоне, скорее всего в пределах Волго-Окского междуречья. Так полагали М. Е. Фосс[8], Д. Я. Телегин[9], Н. Н. Гурина[10] и другие археологи. Подобная точка зрения высказывалась и автором этих строк[11].

Иного взгляда придерживается В. И. Неприна. По ее мнению, древности, характеризуемые ямочно-гребенчатой керамикой, сформировались в лесостепи «на базе культурного контакта племен раннего этапа днепро-донецкой культуры и племен с накольчатой керамикой верхнего и среднего Подонья, а также при участии племен, оставивших памятники типа Лисогубовки» (с. 125). Основанием для этого заключения послужили материалы стратифицированных памятников — Устье Оскола II, Лисогубовки и Гришевки.

Ранний этап днепро-донецкой культуры характеризуется орудиями труда, изготовленными из кремня, среди которых представлены трапеции, округлые, овальные, концевые, со скошенным рабочим краем скребки, наконечники стрел из пластин, топоры, резцы, одноплощадочные нуклеусы и т. п. Эти изделия сопровождаются обломками сосудов, украшенных оттисками штампа и нарезками. Материалы типа Лисогубовки представляют собой наборы орудий труда, близкие отмеченному выше и содержащие, кроме того, двустороннеобработанные наконечники копий. Керамика представлена фрагментами, украшенными гребенчатыми и накольчатыми узорами. Заметим, что многие исследователи рассматривали лисогубовские древности как один из вариантов днепро-донецкой культуры[12].

Сравнивая находки со стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой и коллекции с поселений с гребенчато-накольчатой керамикой, В. И. Неприна отмечает сходство в кремневом инвентаре этих памятников (с. 127—132). Кроме того, она полагает, что «типичный ямочно-гребенчатый узор возникает из накольчатого» (с. 134). Другими

---

[6] *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, с. 58.

[7] *Гаврилова И. В.* Дюнная стоянка Романовичи.— КСИА АН СССР, № 97, 1964, с. 113—119.

[8] *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР.— МИА, 29, 1952, с. 153—193.

[9] *Телегин Д. Я.* О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины.— СА, 1962, № 4, с. 28—36.

[10] *Гурина Н. Н.* Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР.— МИА, № 166, 1970, с. 153.

[11] *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972, с. 42—50.

[12] *Левенок В. П.* Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР.— КСИА АН СССР, № 126, 1971, с. 108—114; *Березанская С. С.* Неолитическая стоянка у хутора Гришевка на средней Десне.— СА, 1975, № 2, с. 148—167.

словами, гребенчато-накольчатый орнамент трансформировался в ямочно-гребенчатый (с. 51, 132—134).

При анализе этой точки зрения чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что В. И. Неприна в понимании существа археологической культуры исходит из представлений А. Я. Брюсова, отождествлявшего археологические культуры эпохи неолита с этническими общностями (группами родственных племен) (с. 121) [13]. Это обстоятельство заставляет дифференцированно рассматривать различные элементы материальной культуры в качестве источников по этнической истории.

В то же время еще М. Е. Фосс писала, что неолитические орудия труда не являются этнокультурным показателем [14]. Точка зрения М. Е. Фосс была поддержана в работах А. П. Смирнова [15], А. Л. Монгайта [16] и других исследователей. Автор этих строк разделяет подобную оценку орудий труда [17]. Думается, что сходство изделий из кремня на стоянках с ямочно-гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамикой в лесостепи, справедливо подмеченное В. И. Неприной, не является веским доводом в пользу генетического родства населения, оставившего эти памятники. Ведь известно, что следствием передвижений древних племен в области с новыми физико-географическими условиями может быть изменение традиционной каменной индустрии. Причем не просто изменение, а восприятие тех приемов изготовления орудий труда и их типов, что находились в употреблении у населения того района, где появились пришельцы.

Подобная картина прослежена М. Е. Фосс в Каргополье и на берегах Белого моря, что позволило исследовательнице отметить: «Независимо от этнического различия или этнической общности, при одинаковых способах ведения хозяйства или одинаковых трудовых процессах нередко наблюдается применение орудий совершенно одинаковой формы» [18]. Изучив материалы по неолиту Карелии, Н. Н. Гурина отметила аналогичное обстоятельство: «Можно отчетливо видеть,— пишет Н. Н. Гурина,— как при повторяющихся чертах большинства каменных и костяных орудий, найденных в близлежащих друг от друга памятниках, каждый из них содержал совершенно отличную керамику» [19]. Такая же картина прослежена и в Волго-Окском междуречье, где пришельцы-волосовцы восприняли местную традицию в изготовлении орудий труда, характерную для аборигенов этой области – носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики [20]. Хотя не все исследователи отрицательно относятся к каменным орудиям как к источнику по этнической истории, автору рецензируемой книги следовало обосновать свою точку зрения.

Теперь рассмотрим гипотезу о формировании ямочно-гребенчатой керамики на базе гребенчато-накольчатой на территории лесостепи. В ее защиту В. И. Неприна приводит следующие доводы: а) горизонты с ямочно-гребенчатой керамикой на Украине залегают над слоями с гребенчато-накольчатой, в частности лисогубской, керамикой (с. 47—48); б) часть ямочно-гребенчатой керамики на стоянках украшена наколами, например на стоянке Погореловка-Вырчище (с. 63); в) в ряде случаев ямочно-гребенчатой керамике сопутствует посуда лисогубовского (по С. С. Березанской, В. П. Левенку, днепро-донецкого — см. выше) типа (с. 48, 64—65).

Перечисленные доводы не являются бесспорными. Примесь гребенчато-накольчатой керамики лисогубовского типа в горизонтах с фрагментами ямочно-гребенчатых сосудов свидетельствует не столько о генетическом родстве этих комплексов, сколько о механическом смешении различных по происхождению материалов в одном

---

[13] *Брюсов А. Я.* Ук. соч., с. 20.

[14] *Фосс М. Е.* Ук. соч., с. 78—138.

[15] *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре.— СА, 1964, № 4.

[16] *Монгайт А. Л.* Археологические культуры и этнические общности.— Народы Азии и Африки, 1967, № 1.

[17] *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики..., с. 16—18.

[18] *Фосс М. Е.* Ук. соч., с. 110.

[19] *Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР.— МИА, № 87, 1961, с. 47, 48.

[20] *Фосс М. Е.* Неолитическая стоянка Бисерово Озеро.— КСИИМК, № 75, 1959, с. 37—39; *ее же.* Рец.: *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.— ВДИ, 1953, 2; *Третьяков В. П.* К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья.— МИА, № 131, 1965; *его же.* Культура ямочно-гребенчатой керамики..., с. 29—38, 91—118.

слое. Примеры подобного смешения многочисленны. Это Левшинская стоянка в Прикамье с залегающими в одном горизонте древностями мезолита, неолита и эпохи металла, III Старо-Мазиковская стоянка в среднем Поволжье с волго-окской и волго-камской керамикой, поселения Выселки и Большое Козино в Волго-Окском междуречье с ямочно-гребенчатой и турбинской керамикой, стоянка Нарва I в Прибалтике с нарвской и ямочно-гребенчатой керамикой, поселение Холм в Подесенье с материалами эпохи неолита и раннего металла и десятки других. В пользу нашего тезиса о возможности механического смешения на лесостепных поселениях ямочно-гребенчатых и гребенчато-накольчатых древностей свидетельствует и то обстоятельство, что лисогубовская керамика с накольчатыми узорами присутствует не только на стоянках первого этапа ямочно-гребенчатого неолита, но и на поселениях второго этапа (Погореловка-Эсмань, Погореловка-Коса — с 90—97). Это может свидетельствовать в лучшем случае об одновременности ямочно-гребенчатых и лисогубовских материалов, но никак не об их генетической связи. Об этом же говорит и стратиграфическое положение лисогубовской керамики на стоянке Погореловка-Вырчище. На этом памятнике лисогубовская керамика наряду с ямочно-гребенчатой представлена во всех четырех горизонтах культурного слоя, но, как отмечает В. И. Неприна (с. 65), основная ее масса находится не в нижнем, а во втором (от верха) горизонте, т. е. она перекрывает ямочно-гребенчатую керамику.

Наличие накольчатого орнамента на ямочно-гребенчатой керамике также может быть истолковано по-разному. Напомним, что Д. Я. Телегин [21], В. П. Левенок [22], А. Т. Синюк [23] не без основания полагают, что это явление может быть следствием контакта местных и пришлых племен, результатом передачи навыков в технологии изготовления и орнаментации сосудов. По-видимому, это верно, поскольку гребенчато-накольчатая керамика в лесостепи сохраняется до III тысячелетия до н. э. включительно, т. е. она долгое время сосуществует с ямочно-гребенчатой керамикой. Добавим, что аналогичные контакты населения лесостепи со своими северными соседями прослеживаются не только на Украине, но и в среднем Поволжье [24], на Оке [25], в Подесенье [26], на верхнем Днепре [27].

Наконец, рассмотрим данные стратиграфии. Выше мы уже писали, что на стоянке Погореловка-Вырчище основная масса лисогубовских древностей перекрывает два горизонта ямочно-гребенчатой керамикой, что может свидетельствовать против преемственности последней от лисогубовских материалов. На собственно Лисогубовском поселении (с. 48) [28] наблюдается обратная картина. Нижний культурный слой на этой стоянке представлен гребенчато-накольчатой керамикой лисогубовского типа. Выше находится горизонт с обломками сосудов второго этапа культуры ямочно-гребенчатой керамики и несколькими фрагментами ранней ямочно-гребенчатой керамики, локализовавшимися на небольшом участке на краю исследованной части стоянки (они были найдены при зачистке берега) [29]. При публикации материалов Лисогубовского поселения авторы статьи В. И. Неприна и А. С. Беляев отмечали, что возможность выделения материалов первого этапа культуры ямочно-гребенчатой керамики «еще нужно проверить при будущих работах» [30]. Заметим, что фрагменты

---

[21] *Телегин Д. Я.* О хронологии..., с. 36.

[22] *Левенок В. П.* Неолит верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР. Автореф. канд. дис. Л., 1969, с. 17, 18.

[23] *Синюк А. Т.* Памятники неолита и энеолита на среднем Дону. Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 16, 17.

[24] *Халиков А. Х.* Древняя история среднего Поволжья. М., 1969, с. 49 сл.; *Третьяков В. П.* Ранненеолитические памятники среднего Поволжья.— КСИА АН СССР, 131, 1972, с. 46—52.

[25] *Третьяков В. П.* О юго-западных связях рязанского неолита.— СА, 1964, № 4, с. 18—24; *его же.* Культура ямочно-гребенчатой керамики..., с. 54—61.

[26] Материалы стоянок Черепеньки, Холм, Пионерская и др. (Фонды Брянского и Трубчевского краеведческих музеев и Гос. исторического музея).

[27] *Тюрина И. М.* Неолит верхнего Поднепровья.— СА, 1970, № 3, с. 40—49.

[28] *Неприна В. И., Беляев А. С.* Поселение и могильник новой неолитической культуры на северной Украине.— СА, 1974, № 2, с. 144—156.

[29] Там же, с. 149.

[30] Там же, с. 144.

керамики, о которых идет речь, украшены рядами ямок, чередующихся с рядами косопоставленной гребенки [31], но на с. 104 рецензируемой книги В. И. Неприна пишет: «Особенно характерно для конца второго этапа (ямочно-гребенчатого неолита.— *В. Т.*) горизонтально-зональное расположение узоров и разделение зон поясом без орнамента или 1—2 рядами из отпечатков косой гребенки». Другими словами, выделение ранней ямочно-гребенчатой керамики в Лисогубовке сомнительно. Если же выше слоя с лисогубовскими древностями на данном поселении находится горизонт с ямочно-гребенчатой керамикой второго этапа ее развития, то говорить о преемственности этих комплексов нельзя.

Интересные данные мы получаем, знакомясь со стратиграфией Гришевского поселения на р. Трубине (с. 67—73). По мнению В. И. Неприной, расположение материала по слоям на этом памятнике подтверждает гипотезу о формировании ямочно-гребенчатого неолита на основе гребенчато-накольчатой керамики. Исследовательница пишет, что в основании культурных горизонтов лежат древности лисогубовского и струмельского типа, а над ними слои, содержащие материалы первого, второго и третьего этапов ямочно-гребенчатого неолита. Это утверждение находится в противоречии с тем, что пишет автор раскопок и публикации материалов Гришевского поселения С. С. Березанская, в статье которой мы находим чертеж разреза данного памятника [32]. С. С. Березанская, отмечает здесь шесть культурных горизонтов. В их основании располагаются материалы днепро-донецкого облика (лисогубовского, по В. И. Неприной) с керамикой, изготовленной из глины с примесью песка и растительной трухи и украшенной гребенчато-накольчатыми мотивами в сочетании с ямочными и лапчатыми вдавлениями. Выше лежат два горизонта с ямочно-гребенчатой керамикой, перекрываемые еще одним слоем с днепро-донецкими находками, аналогичными материалам нижнего горизонта. Над верхним днепро-донецким слоем с хорошо сохранившимся жилищем, пишет С. С. Березанская, находятся еще два горизонта с ямочно-гребенчатой керамикой. Подобная стратиграфия, т. е. наличие верхнего днепро-донецкого горизонта, перекрывающего ямочно-гребенчатые древности, противоречит гипотезе о перерастании гребенчато-накольчатой керамики в ямочно-гребенчатую, свидетельствует лишь о возможности сосуществования этих комплексов в лесостепи.

Не является свидетельством перерастания днепро-донецких древностей в ямочно-гребенчатый неолит и поселение Устье Оскола II, где были зафиксированы два культурных слоя, нижний из которых содержал гребенчато-прочерченную керамику первого этапа днепро-донецкой культуры, а верхний – ямочную. По-видимому, Д. Я. Телегин совершенно прав, отмечая, что этот памятник дает возможность предполагать лишь время появления в лесостепи ямочно-гребенчатой керамики [33]. Ведь керамика верхнего слоя на стоянке Устье Оскола II не имеет никаких днепро-донецких черт. Дата нижнего слоя этого поселения конец V — начало IV тысячелетия до н. э. На этом основании верхний слой В. И. Неприна датирует началом IV тысячелетия до н. э. По ее мнению (с. 114), это один из самых ранних памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики в лесостепи. В Волго-Окском бассейне, по мнению В. И. Неприной, наиболее ранние поселения с ямочно-гребенчатой керамикой датируются рубежом IV—III тысячелетий до н. э. На этом основании делается вывод о том, что материалы с ямочно-гребенчатой керамикой в лесостепи древнее их северных аналогов и поэтому послужили основой для сложения неолитической культуры данного типа в лесной зоне. Но ведь в Поволжье в настоящее время есть памятники с льяловской ямочно-гребенчатой керамикой, датируемые радиокарбонным методом рубежом первой и второй четверти IV тысячелетия до н. э. (Берендеево I, Заречье — нижний слой) [34]. К тому же памятники лесостепи датированы менее точно (по различным аналогиям в материалах других поселений). Поэтому мы еще раз подчеркиваем, что говорить о зарождении ямочно-гребенчатых

[31] Там же, с. 149.

[32] *Березанская С. С.* Ук. соч., с. 148—167.

[33] *Телегин Д. Я.* Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола.— МИА, № 79, 1960, с. 176—187.

[34] *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода).— В сб.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 61.

древностей в лесостепи и о последующем привнесении их в лесную зону пока преждевременно.

В целом, несмотря на дискуссионность некоторых положений, содержащихся в книге В. И. Неприной, мы полагаем, что публикация этой работы своевременна. Автор характеризует материалы многих до сих пор не известных памятников ямочно-гребенчатого неолита на Украине, систематизирует их, отмечает их неоднородный характер, что позволяет ей выделять варианты древностей этого типа. Что же касается спорных вопросов, то они, по-видимому, еще будут решаться (равно как и ставиться новые), и правильные ответы на них дадут дальнейшие исследования и в лесостепи, и на территории лесной полосы Европейской части СССР.

В. П. Третьяков

H. R. Ellis Davidson. The Viking Road to Byzantium. London, 1976, 341 p., 6 fig., 4 pl.

Профессор Кембриджского университета (Великобритания) Х. Р. Эллис Дэвидсон — специалист по раннесредневековой литературе и археологии Северной Европы. Ее монографии [1] и статьи, посвященные в основном скандинавской языческой мифологии и искусству, построены на синтезе сведений письменных источников и данных материальной культуры. Книга «Путь викингов в Византию» основана также на систематизации сведений исландских саг, европейских хронистов, летописцев и арабских ученых о норманнах в Восточной и Юго-Восточной Европе и на сопоставлении этих сведений с данными археологии. В давних спорах о роли варягов на Руси, касавшихся в основном летописных известий и в последнее время археологических источников, исследователи редко затрагивали собственно древнескандинавскую литературу. В отечественной науке этой проблемой занималась Е. И. Рыдзевская, статьи которой стали необходимым пособием для исследователей русско-скандинавских отношений.

В рецензируемой работе рассматривается скорее не роль норманнов, а их судьбы в Прибалтике, на Руси и в Византии, преимущественно на основе исландских саг, интерес к которым как к источникам по истории культуры значительно возрос и в СССР [2].

Автор отмечает, что в современной науке старое романтическое отношение к викингам как к последним представителям «героического века» или, наоборот, как к варварам и пиратам сменилось конкретным изучением их быта (с. 11). На Востоке, как и на Западе, викинги торговали, воевали, пытались захватить торговые центры, но, как правило, не в состоянии были долго удерживать захваченное и не могли противостоять организованному отпору. Важнейшей проблемой отношений Скандинавии и Восточной Европы является мало разработанный вопрос о восточных влияниях в культуре норманнов (с. 12, 13).

Проникновение норманнов в Восточную Прибалтику, в земли куршей и эстов, началось, согласно легендам, записанным хронистом XII в. Саксоном Грамматиком, а также содержащимся в «Саге об Инглингах» и других сагах о древних временах, до эпохи викингов — в VII в. Походы датчан и шведов в Прибалтику учащаются к IX в.: их цель (по скандинавским источникам) — торговля и сбор дани с прибрежного населения. Возможно, скандинавам удалось закрепиться в районе Гробини, где раскопано три скандинавских некрополя (Б. Нерман отождествляет находки с упомянутым в источниках Сибургом). Х. Дэвидсон считает, что скандинавы в этот период совершали отдельные походы, стремясь укрепиться в центрах с постоянными гарнизонами, откуда можно было бы собирать дань, но признает, что археологические доказательства этого (их пытался собрать Нерман) чрезвычайно слабы (с. 27) и говорить о скандинавских колониях не приходится. Легендарные сведения и данные исландских саг, записанных преимущественно в XIII в., нуждаются в тщатель-

[1] *Ellis H. R.* The road to Hel, Cambridge, 1942; *Davidson H. R. E.* Gods and myths of Northern Europe. London, 1964; *idem.* Pagan Scandinavia, London, 1976.

[2] *Гуревич А. Я.* История и сага. М., 1972.

ной проверке как археологическим материалом, так и одновременными описываемым событиям письменными источниками. В частности, Житие Ансгара, написанное около 870 г., подтверждает сведения о скандинавских походах IX в. в Прибалтику. Достоверным, но поздним (в основном XI в.) источником являются также рунические камни, надписи на которых сообщают о погибших в Прибалтике, чаще просто на Востоке, норманнах (с. 29—31). Судя по сагам, Юго-Восточная Прибалтика входила в сферу интересов шведов, жителей Готланда и датчан. Норвежцев больше занимал финнский север: через Финнмарк, где они собирали дань с лаппов, норвежцы проникали в Биармию (Биармаланд), местоположение и этнический состав населения которой и после работы К. Тиандера [3] не вполне ясно. Лингвистически древнеисландское *biarm* соотносится с древнерусским *Пермь* (Великая Пермь на Каме), но, судя по описаниям некоторых саг, Биармия располагалась на Белом море. Дэвидсон склоняется к точке зрения Тальгрена и Э. Кивикоски, согласно которой «биармы» — не этноним, а название охотников-финнов, населявших территорию от Финнмарка и Белого моря до Приладожья. По данным «Саги об Хальфдане Эйстейнссоне», в походах на Биармию принимали участие и жители Ладоги (с. 41). Однако трудно согласиться с тем, что представления саг о сказочных богатствах, зарытых в курганах биармов, отражали реальное богатство приладожских курганов (с. 36). Приладожье, судя по открытым там скандинавским погребениям и многочисленным предметам материальной культуры IX—XI вв., было хорошо известно норманнам и не ассоциировалось с далекой страной. Возможно, сведения о биармских сокровищах носят фантастический (мифологический) характер: Биармия располагалась на краю известного скандинавам мира (с. 35). В ранней работе [4] исследовательница показала, что скандинавы приравнивали далекую поездку путешествию в загробный мир, который они помещали на севере. Но входом в загробный мир считали и курган — обычным подвигом героев саг была борьба с обитателем кургана за сокровище, им хранимое, сюжет — аналогичный ограблению курганов и святилищ в Биармии. Этот сплав мифа и реальных познаний, трансформированный поколениями рассказчиков и переписчиками саг, создает особые трудности при источниковедческом их использовании. В целом сведения о норманнах на севере дают картину, схожую с их деятельностью в Прибалтике: во время походов они грабили местное население, собирали с него дань. Основным богатством были не подкурганные сокровища, а меха. Ареал поездок норманнов, по сагам,— к Северу от Ладоги и Новгорода и к востоку от Северной Норвегии до Северной Двины (с. 43).

Появление норманнов на Руси рассматривается Х. Дэвидсон в связи с их проникновением в Прибалтику. Их опорным пунктом (подобным Гробини-Сибургу) она считает скандинавское поселение IX в. в Старой Ладоге. Несомненно, Ладога была воротами и на Русь, и в Скандинавию; исследования показали, однако, что город возник на местной финнской основе (что признает и автор — с. 45, 46) и развивался как разноэтничный торгово-ремесленный центр, где жили и славяне, и скандинавы, и финны. О присутствии там скандинавов свидетельствует, в частности, некрополь в Урочище Плакун, где открыты погребения в ладьях, аналогичные среднешведским. Дальнейшее проникновение норманнов на Русь происходило по основным речным магистралям, прежде всего, как считает автор, по Волжскому пути. Однако, вопреки категоричным утверждениям шведских археологов, здесь не найдено следов скандинавских поселений; находки скандинавских вещей в курганах Владимирщины и Ярославщины могут означать, пишет Х. Дэвидсон, ссылаясь на П. Сойера, лишь наличие торговых контактов с Северной Европой. Вряд ли, однако, предметами скандинавского племенного убора и культа могли торговать на иноплеменных территориях — скорее они свидетельствуют о присутствии некоторого числа норманнов в Верхнем Поволжье и в Ростово-Суздальской земле в IX — начале XI в. Х. Дэвидсон справедливо отмечает недостаточность источниковедческой базы для выяснения характера деятельности и размеров скандинавских групп на Руси в IX в.: противоречия летописей и неясность археологических источников для IX в. не позволяют делать окончательные выводы. Поэтому недостаточно обоснованным представляется

---

[3] *Тиандер К.* Поездки норманнов в Белое море. Пб., 1910.
[4] *Elliis H. R.* Op. cit.

предположение автора о наличии скандинавских «торговых пунктов» на Руси IX в., хотя и очевиден рост торговых контактов во второй его половине, когда из Руси начинает поступать в Скандинавию восточное серебро (с. 52). «Стремление к торговле и нужда в серебре заставляли скандинавов искать новые пути, что привело их в Поднепровье» (Гнездово — с. 55).

Специальная глава книги посвящена проблеме «появления Руси». Это «появление» не согласуется с общей картиной проникновения норманнов в Восточную Европу по данным археологии и скандинавских источников. Отождествляющие русь и норманнов Бертинские анналы (839 г.) и сообщение Аль-Якуби о русах-викингах, напавших на Севилью (834—844 гг.), дают слишком раннюю дату, хотя Х. Дэвидсон предполагает, что малочисленные отряды викингов могли проникать через Восточную Европу в Средиземноморье и в первой половине IX в. Возможно, норманны проникали в Византию, а оттуда в Ингельхейм и Испанию в составе отрядов руси, чьи походы отнесены житиями Стефана Сурожского и Георгия Амастридского к первой половине IX в. Это, вероятно, и служило поводом для отождествления в ранних источниках руси и норманнов [5]. Автор подчеркивает, что идентификации русов и норманнов противоречит то обстоятельство, что название «рос» обычно для юга Восточной Европы (р. Рось, росомоны Иордана); наконец, Русью называлась территория на Среднем Днепре (с. 58—60). В книге, однако, русы — синоним скандинавов, хотя и отмечаются источники, отождествляющие их со славянами. При общей дискуссионности проблемы происхождения этнонима «Русь», которому придавался в источниках то этнический, то социальный оттенок (дружинная верхушка) [6], немаловажным обстоятельством оказывается то, что для арабских и западноевропейских хронистов выходцы из Руси-государства (прежде всего дружинники русского князя [7]), очевидно, были русами вне зависимости от их этнического происхождения.

Особенно актуальной в последние годы стала проблема экономических контактов Руси и Скандинавии в IX—XI вв., поскольку она затрагивает не только внешние связи, но и внутреннее социально-экономическое развитие раннефеодальных государств. Глава о торговых центрах и крепостях (с. 68—79) начинается с характеристики главных скандинавских виков — Бирки, Хедебю, Ширингссаля, из которых первые два были связаны с Восточной Европой. На Руси скандинавы застали складывающиеся городские поселения и способствовали, по мнению Х. Дэвидсон, их превращению в значительные крепости: к ним она относит Киев и Новгород (с. 73—76). Присутствие варягов в двух основных центрах Руси несомненно: в Киеве кроме упоминаний летописи оно документируется находками погребений, аналогичных камерным гробницам Бирки и принадлежавших представителям дружинных верхов. Но влияние скандинавов на экономическое развитие этих городов, прежде всего их ремесла, не выяснено. Немногочисленные следы ремесленного производства по скандинавским образцам обнаружены не в основных центрах, таких, как Новгород или Смоленск, а на торгово-ремесленных поселениях и их некрополях, возникавших рядом с русскими городами. Показательна в этом отношении фибула с «Рюрикова» городища под Новгородом [8] вещи-«гибриды» из Гнёздова под Смоленском и другие предметы, несущие трансформированные черты скандинавского стиля [9]. Б. А. Рыбаков считает «Рюриково», Гнёздово и Урочище Угорское под Киевом лагерями варяжских дружин, которые не смогли укрепиться в исконных центрах Руси [10]. Действительно, находки скандинавских вещей или погребений в Гнёздове, на Сарском городище под Ростовом и Тимерёвском селище на Ярославщине указывают

[5] *Сахаров А. Н.* У истоков русской дипломатии.— История СССР, 1975, № 5. Подобный прецедент, видимо, имел место и во время походов Святослава, когда входившие в его войско норманны с Балканского полуострова отправились грабить Андалусию (*Калинина Т. М.* Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 98, 99).

[6] *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973, с. 46—63.

[7] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 46—50.

[8] *Корзухина Г. Ф.* Находка на Рюриковом городище под Новгородом.— КСИА АН СССР, № 104, 1965.

[9] *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманнские древности Киевской Руси.— В сб.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 240, 241.

[10] История СССР с древнейших времен, т. 1. М., 1966, с. 489.

на активность скандинавов именно в этих центрах, близким по социально-экономическим характеристикам скандинавским викам [11]. В XI в. их торгово-ремесленные функции целиком переходят к древним городам, которые, как отмечает автор, подчиняют своим интересам и норманнов (с. 148). Тогда же заканчивается ассимиляция норманнов, осевших на Руси: Х. Дэвидсон справедливо подчеркивает, что бесполезно искать следы «чистой» скандинавской культуры на Руси — скандинавы приспосабливались к местным условиям, постепенно воспринимая славянскую культуру (с. 79). Показателем ассимиляции являются упомянутые вещи-«гибриды» и своеобразные «метисные» формы обрядности [12].

В главе «Путь в Константинополь», интересно сопоставление описания днепровских порогов Константином Багрянородным с описанием порогов на русской реке в «Саге об Ингваре», повествующем о путешествии через них шведов во времена Ярослава Мудрого.

Характеристика торговли Руси и скандинавов в Византии основана у Х. Дэвидсон на данных летописи (договоры), саг и арабских писателей о товарах, привозимых в империю и на восточные рынки: шкуры, мех, скот, воск, мед, рабы.

Вторая часть книги посвящена военным действиям норманнов и Руси в Восточной Европе, в Византии и на Кавказе. Она построена на сообщениях арабских и византийских писателей (особенно Льва Диакона и Фотия), на сведениях летописи о походах Олега и Святослава. Эти походы справедливо рассматриваются не только как следствие грабительских и захватнических устремлений, но и в связи с торговыми интересами (с. 125). Роль скандинавов на протяжении этих кампаний изменялась: Святослав возглавляет в основном уже славянские войска (с. 137); в эпоху Владимира скандинавы выступают уже не в составе господствующей верхушки, а лишь в качестве наемников русских князей. Облик таких наемников рисуют исландские саги, повествующие преимущественно о временах Ярослава,— «Сага об Эймунде», «Сага об Ингваре», «Сага об Орваре-Одде», «Книга Плоского острова» и др. (с. 148—163). Одним из последних варягов-викингов, искавших удачи на Востоке и сложивших там головы, был швед Ингвар (умер около 1042 г.); о его путешествиях упоминают кроме саги 26 рунических камней, поставленных в Швеции в память о людях, погибших с ним (с. 166—170).

Данные археологии значительно уточняют картину, реконструируемую по письменным источникам. Большая часть скандинавских древностей и в могилах, и на поселениях датируется второй половиной X в. и происходит из Средней Швеции (в сагах упоминаются, как правило, норвежцы). По-видимому, находки скандинавских вещей на Смоленщине, Черниговщине, Ярославщине, во Владимиро-Суздальской земле отмечают процесс оседания дружины, а в ее составе и варягов, на местах, т. е. общий процесс феодализации. Результатом этого оседания была и ускоренная ассимиляция иноэтнических элементов — отсюда исчезновение норманнских древностей в первой половине XI в. Варяги второго и третьего поколений, чьи предки осели на Руси, стали русскими феодалами; пришельцы же норманны в первой половине XI в. использовались в основном как наемники и не оставили заметного следа в материальной культуре [13].

Наиболее развитым наемничество было в Византии (этому посвящена третья часть книги), где эта традиция восходила ко временам Константина (с. 177). Скандинавы служили там наряду с немцами, венграми, печенегами и др. До 988 г., как считает Х. Дэвидсон, варяги, видимо, не составляли отдельного отряда. Как полагают советские исследователи, корпус, подавивший в 988 г. восстание Варды Фоки, состоял из варягов и русских, а «варяго-русское боевое соединение почти на два столетия стало постоянной единицей византийского наемного войска» (что за-

---

[11] *Пушкина Т. А.* Гнёздовское поселение в истории Смоленской земли. Автореф. канд. дис. М., 1974; *Леонтьев А. Е.* Сарское городище в истории Ростовской земли. Автореф. канд. дис. М., 1975; *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнёздово и Бирка.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1975; *Дубов И. В., Добровольский И. Г.* Комплекс памятников у д. Большое Тимерёво под Ярославлем.— Вестн. ЛГУ, 1975, № 2.

[12] *Петрухин В. Я.* Ритуальные сосуды в курганах Гнёздова и Чернигова.— Вестн. МГУ, 1975, № 2.

[13] Впрочем, отдельные представители варяжской аристократии (Якун, Шимон) продолжали играть важную роль при великокняжеском дворе.

ставляет вспомнить ранние примеры отождествления русов и варягов). Х. Дэвидсон подробно разбирает древнеисландские сведения о варяжской гвардии, жизни ее в Константинополе (Миклагарде исландских саг), посвящает специальную главу Харальду Сигурдсону, прибывшему в Константинополь в 1043 г. от двора князя Ярослава, а также службе других, менее знаменитых варягов, в основном исландцев. В качестве источников использованы и рунические камни, а также интересные археологические материалы — резные изображения драконов на стене часовни и каменного склепа недалеко от Констанцы (Румыния), выполненные около 1000 г. в манере, напоминающей скандинавский стиль борре (с. 244—246). Возможно, это уникальное свидетельство о пребывании норманнов в Юго-Восточной Европе.

В главе о Константинополе как о центре христианизации особое внимание уделено автором описанию крещения княжны Ольги.

Интересная и наиболее спорная часть книги — «Идеи с Востока». Влияние византийской культуры сочеталось с проникновением в Скандинавию традиций варварских народов Восточной Европы [14]. К восточным влияниям Х. Дэвидсон относит сюжет гибели героя в змеином рву, характерный для древнеисландской литературы (хотя представление о змеях-демонах нижнего загробного мира и носителях смерти присуще и скандинавской языческой традиции). Огнедышащего дракона и доспех, неуязвимый для огня, исследовательница сопоставляет с греческим огнем и защитным доспехом против него (впрочем, фольклорный мотив огнедышащего дракона сам по себе распространен достаточно широко).

Связанной с восточными влияниями считает Х. Дэвидсон роль шаманства в скандинавском язычестве. Самоповешение Одина на мировом древе, его способность проникать в иные миры на восьминогом коне, в образе птицы или змеи, она вслед за многими учеными (О. Ольмаркс, М. Элиаде) сопоставляет с шаманскими представлениями угро-финнских и сибирских народов. Близок камланию и описанный сагами обряд прорицания на особой платформе в специальной одежде, не характерный, как отмечает Х. Дэвидсон, для германского язычества и сопоставимый с шаманскими ритуалами Сибири (у эвенков и других). Колдовские обряды насылания порчи, вызывания ненастья, некромантия, оборотничество и т. п. также увязываются с шаманизмов. Основными проводниками этих идей обычно считают финнские племена Севера Скандинавии (лаппы-саамы), но вероятно также, по Х. Дэвидсон, влияние народов Восточной Европы (с. 283—299). Следует отметить, на наш взгляд, что помимо возможных культурных влияний и заимствований необходимо учитывать определенную типологическую общность дохристианских верований и культов, которая обнаруживается, в частности, в параллелизме некоторых исландских ритуалов и камлания сибирских шаманов, подчеркнутом Х. Дэвидсон.

Вероятность «конвергентного» сходства следует учитывать и при сопоставлении изображений въезда героя-всадника в Вальхаллу на готландских памятных камнях с «фракийским всадником» на надгробиях римского времени в Юго-Восточной Европе. Германцы могли познакомиться с популярным культом всадника в эпоху Великого переселения и занести его в Скандинавию, но сюжет торжественного въезда в Вальхаллу, несомненно, имел местные скандинавские корни, обнаруживаемые не только на готландских камнях, но и в произведениях скальдов (отмеченных Х. Дэвидсон — с. 301—304).

Обычай парного погребения — убийства женщины на похоронах вождя, сравниваемый обычно с древнеиндийским «сатти», Х. Дэвидсон также выводит из Восточной Европы. Последнее, однако, не подтверждается археологией — на Руси нет ранних парных погребений (до X в.), тогда как в Скандинавии уже в IX в. известны погребения со слугами (Осеберг). Скорее распространение человеческих жертвоприношений в эпоху викингов связано с развитием рабства и на Руси, и в Скандинавии.

В целом работа Х. Р. Эллис Дэвидсон обнаруживает новые интересные и актуальные проблемы в традиционной полемике по норманнскому вопросу и в изучении всей эпохи викингов. Дальнейшая разработка этих проблем, как подчеркивает автор, требует сотрудничества специалистов по разным дисциплинам.

В. Я. Петрухин

[14] Интересно, что Снорри Стурлусон в эвгемеристических пассажах из «Младшей Эдды» и «Саги об Инглингах» выводил скандинавских богов асов из Малой Азии (Трои); в Данию они пришли якобы через Гардарики (Русь) и Саксонию.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., «Наука», 1976, 104 стр., XXX таблиц, тираж 4700

До сего времени военное дело средневековой Руси изучено сравнительно мало и поэтому появление каждой новой работы на эту тему, естественно, привлекает пристальное внимание. Рецензируемая книга является продолжением хорошо известных исследований А. Н. Кирпичникова на данную тему.

Следует отметить, что название сочинения обещает больше, чем оно в себе заключает. Исследователь концентрирует основное внимание на хорошо знакомой ему оружиеведческой тематике.

Главы новой работы А. Н. Кирпичникова далеко не равнозначны. Одни имеют обобщающе-теоретический характер, другие более фактологичны. Следует отметить конкретный материал, положенный в основу глав: «Вооружение второй половины XIII—XV вв», «Укрепления, тактика осады и обороны», «Огнестрельное оружие в начальный период его развития». Интересны наблюдения, сделанные на основании миниатюр Симоновско-Хлудовской псалтыри, данные археологического изучения крепостей Старой Ладоги и Орешка, стволы огнестрельных орудий из Ивановского краеведческого музея, а также найденный на дне р. Лух. Эти материалы открывают новые страницы русских военных древностей и заслуживают внимания. Гораздо более слабыми представляются те места исследования, где автор переходит к обобщениям и теоретическим размышлениям. Здесь многое вызывает сомнения и возражения.

Обратим прежде всего внимание на историческую основу, на которой А. Н. Кирпичников возводит здание своих теоретических рассуждений. Он, в частности, видимо, убежден, что уже в 1240 г. зарождаются какие-то основы централизации русской государственности (с. 3). Таким образом, достаточно хорошо изученный процесс возникновения Московского государства [1] произвольно «омолаживается» более чем на сто лет.

Исходя из этого ошибочного представления о социально-экономическом развитии Восточной Европы, А. Н. Кирпичников позволяет себе говорить, имея в виду XIV в., об «общерусской армии» (с. 96), «общерусском офицерском ядре армии» (с. 96), «общерусской мобилизации» (с. 100), хотя каждому, более или менее знакомому с русской историей, совершенно очевидно, что никакой «общерусской армии» в XIV в. не было и быть не могло, так как в то время Восточная Европа делилась на множество самостоятельных княжеств-государств.

Столь вольное отношение к важнейшим чертам социально-экономической истории характерно в целом для всей работы А. Н. Кирпичникова, который как бы не замечает существования в Восточной Европе феодальной раздробленности. Так, он утверждает, что «унаследованная» от XII в .«система войны на два фронта получает в XIII—XIV вв. многообразное развитие» (с. 97), говорит о войне «на несколько фронтов» (с. 11). Получается совершеннейшая модернизация, не имеющая абсолютно ничего общего с конкретной исторической обстановкой того времени, когда в Восточной Европе возникали, то укрупняясь, то дробясь, бесконечные феодальные государства, главной заботой которых была беспрерывная междоусобная борьба, в которой наряду с восточными славянами деятельное участие принимали и соседние народы.

Такими же неоправданными модернизациями являются и такие малообоснованные утверждения А. Н. Кирпичникова: «Русь XIII в. передовая техническая держава» (с. 95); «XIII—XV вв. период сбережения и развития блестящих технических достижений домонгольской Руси» (с. 101) и т. п.

Понимая Русь периода феодальной раздробленности как нечто цельное, А. Н. Кирпичников допускает много ошибочных заключений и при рассмотрении военного дела. Так, например, вне его внимания остаются отличия южнорусских княжеств от северо-западных земель Восточной Европы. Первые отличались своим авторитарным устройством, географически располагались в лесо-степной зоне и вели

---

[1] *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 627 сл.

постоянную борьбу с подвижными отрядами кочевников. Вторые представляли собой боярские республики, их территории покрывали густые леса, а главным противником были рыцарские шведско-немецкие отряды. Естественно, что все эти различные условия определяли и специфику военного дела этих земель. «Политическая дробность русских княжеств в XIII—XIV вв., обусловившая их поражение в борьбе с монголо-татарами, — справедливо пишет Б. А. Рыбаков,— требует рассмотрения русского военного искусства особо в каждой отдельной земле: Галиче и Волыни, Новгороде и Вятке, Твери, Суздали и Нижнем Новгороде и, наконец, в Москве, ставшей в XIV в. «большим воеводою» объединенных русских сил» [2]. Ничего подобного в работе А. Н. Кирпичникова нет, что приводит к созданию искаженной картины состояния военного дела на Руси.

Увлечение неудачными теоретическими построениями приводит к тому, что А. Н. Кирпичников выдвигает тезис, согласно которому в XVI в. пехота (чернь) заменяется «дворянской конницей» (с. 12). Но в действительности к XVI в. на Руси, так же как и в странах Западной Европе, происходит коренной перелом в военном деле, связанный с революционизирующим значением огнестрельного оружия (о чем нет никаких упоминаний в работе А. Н. Кирпичникова). В этих условиях роль плохо обученного и вооруженного ополчения резко снижается. Для использования огнестрельного оружия нужны профессиональные воины. Создаются отряды «пищальников», замененные несколько позднее стрельцами, которые и становятся костяком русской пехоты того времени. «Дворянское же ополчение» ни в коей мере не было равнозначно пешему ополчению (черни), поскольку в его основу входили конные воины-профессионалы (дворяне), получавшие за свою воинскую службу определенные земельные наделы [3]. В целом русская армия XVI в принципиально иная организация, нежели рати предшествующего времени, и проводить между ними аналогии надо с большой осторожностью.

Многие частные вопросы военного дела в изложении А. Н. Кирпичникова также вызывают возражения. Так, неясно, на чем основывается высказывание, что в XII в. «приемы боя» достигли «классической отработанности» (с. 14). Та же мысль варьируется и в другом месте: «Как и на юго-западе, на севере легко меняли установившиеся в XII в. каноны классического конного боя» (с. 9). При этом неясно, что названо «классическим конным боем». В южнорусских степях «конный бой» в открытых просторах против легковооруженной конницы коренным образом отличался от характера военных действий на северо-западных рубежах Руси, где приходилось в условиях лесистой местности иметь дело с тяжеловооруженной рыцарской конницей.

Совершенно произвольными являются утверждения А. Н. Кирпичникова, что в XIII в. «применяются самые неожиданные и неизвестные раннее комбинации: пехота сталкивается с конницей, конница спешивается...» (с. 7). Все это было известно в Восточной Европе задолго до этого, да и не является вообще какими-то «новыми комбинациями», как это представляется А. Н. Кирпичникову. Известно, например, что еще при Святославе «русы» в основном сражались пешими и против конных печенежских орд и против византийской конницы Цимисхия. Спешивались для боя новгородцы. В 1096 г. «и сседоша с коней новгородцы, и сступишася на Кулачьце, и бысть брань крепка» [4]. Поэтому нет никаких оснований приписывать подобные «новшества» XIII в.

Недостаточно убедительно звучит утверждение А. Н. Кирпичникова о существовании до XIII в. «традиционного» боевого построения в три полка (с. 13). Многие исследователи и до него высказывали предположения о бытовании стабильных боевых построений в Древней Руси. Одни при этом утверждали, что таким постоянным

---

[2] *Рыбаков Б. А.* Военное искусство.— В сб.: Очерки русской культуры XIII—XV веков, т. 1. М., 1970, с. 349.

[3] *Строков А. А.* История военного искусства, т. 1. М., 1955, с. 344—348; *Разин Е. А.* История военного искусства, т. II. М., 1957, с. 328—334.

[4] ПВЛ, т. 1. М.— Л., 1950, с. 170.

боевым порядком было пять полков [5], другие же придерживались мнения, что древнерусское войско строилось в три полка [6].

Однако, судя по источникам, древнерусские войска в XI—XIII вв. применяли разнообразные формы боевого построения, зависевшие от конкретных условий того или иного сражения. В целом в летописях упоминаются следующие построения: в четырех случаях в один полк, в десяти случаях в два полка, в четырнадцати случаях в три полка, в двух случаях в четыре полка, в десяти случаях в пять полков, в одном случае в семь полков. Эти цифры достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что ни о каком схематическом, обязательном боевом порядке не может быть и речи. Боевые порядки рассматриваемого времени не были жесткими, неизменными построениями, а были гибкими, меняющимися в зависимости от конкретных условий того или иного сражения.

Нет никаких оснований также вслед за М. Г. Рабиновичем утверждать, что древнерусские полки состояли из мелких единиц — «стягов» (с. 10), а тем более усугублять эту ошибку предположением о существовании еще более мелких единиц — «копий» (с. 96). В данном случае А. Н. Кирпичников совершенно явно уподобляет организацию русского войска той системе, которая существовала в Польше, где «десятичная» система раннего периода заменяется новыми тактическими формами: «копье», «бандера» [7]. Следует отметить, что вышеприведенная точка зрения заменила прежнее, столь же мало аргументированное предположение А. Н. Кирпичникова, что «В качестве тактической единицы оформляется отряд всадников» [8], которое уже было подвергнуто критике с нашей стороны [9].

В настоящее время нет данных, позволяющих говорить о каком-либо членении древнерусского полка. Вероятно, в эпоху древнерусской государственности, когда еще были сильны пережитки родо-общинного строя, в военной структуре сохранялось прежнее деление на «десятки», «сотни» и т. п., которые и представляли те мелкие тактические единицы, на которые делился полк. Наиболее долго подобное деление, можно предполагать, сохранялось в Новгородской земле, где народные ополчения продолжали сохранять доминирующее положение. В феодальных дружинах структура, вероятно, стала иной, но какой именно — неизвестно. Оснований для реконструкции, к сожалению, нет. Использовать аналогии следует крайне осторожно хотя бы уже потому, что существование тактической единицы типа «копье» предусматривает наличие определенной феодальной иерархии, наличие которой на Руси пока не зафиксировано.

Следует заметить, что в Галицко-Волынской летописи, действительно, в ряде случаев термины «стяг», «хоругвь» используются для обозначения не знамен, а «полка», «войска»: «позрев же семь и семь и види стяг Василков стояще и добре борющь и угры гоняшу» [10]; «узрев же хоругвь его по Ляхам женущу» [11]. Однако невозможно сказать, какая в данных случаях существует взаимосвязь и подобна ли она той трансформации понятия «хоругвь» — знамя и «хоругвь» — тактическое подразделение, которое имело место в соседней Польше [12]. При этом «стяги» и «хоругви» гораздо чаще упоминаются в той же летописи в прямом значении [13].

Совершенно непонятно, на каком основании А. Н. Кирпичников настойчиво занижает уровень военного дела у татаро-монголов (с. 5 и др.), опровергая тем самым

---

[5] *Федоров В. Г.* Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла? М., 1956, с. 126; *Бескровный Л. Г.* Обзор Большой Советской Энциклопедии.— Военная Мысль, 1956, № 5, с. 75; *Строков А. А.* Военные вопросы в очерках истории СССР.— Военная мысль, 1955, № 7, с. 91.

[6] *Рыбаков Б. А.* Военное дело.— В сб.: История культуры Древней Руси, т. 1. М.– Л., 1948, с. 408; *Довженок В. И.* Військова справа в Київський Русі. Киев, 1950, с. 70.

[7] *Krakowski S.* Polska sztuka wojenna w okresie rozdrobnienia feudalnego.— In: Studia i materialy do historii sztuki wojennej, t. II Warszawa, 1956, s. 420.

[8] *Кирпичников А. Н.* Вооружение Руси XI—XIII вв.— ВИ, 1970, № 1, с. 45.

[9] *Вілінбахов В. Б.* Галицько-Волинський літопис як военно-історичне джерело.— УУЖ, 1974, № 4, с. 32, прим. 44.

[10] ПСРЛ, т. II, с. 172.

[11] Там же, с. 184.

[12] *Kukiel M.* Zarys historii wojskowosci w Polsce. Krakow, 1929, s. 17.

[13] *Вілінбахов В. Б.* Ук. соч., с. 32.

твердо установившееся мнение [14]. Столь важное положение требует весьма убедительной аргументации, но таковой, к сожалению, нет, верить же на слово в таком важном вопросе, естественно, нет никаких оснований. Кроме того, А. Н. Кирпичников забывает, сравнивая состояние военного дела у русских и монголов, что если княжеские дружины можно считать войском, превосходящим по вооружению монгольскую конницу, то об основной наиболее многочисленной части русских ратей — городских и сельских ополченцах — этого сказать никак нельзя. Ополчение, безусловно, уступало кочевникам в вооружении. Обычным оружием смердов и горожан были топоры, рогатины, реже — копья [15]. Уступая монголам в вооружении спешно набранное ополчение, конечно, уступало им и в умении владеть оружием, т. е. воевать [16].

Работа не свободна и от ошибок частного порядка, в том числе и в области оружиеведения. Так, сомнительно предположение А. Н. Кирпичникова, что всадники-рыцари были вооружены двуручными мечами полутораметровой длины (с. 24). Таковые, насколько известно, были вооружением пехоты, так как действовать ими с коня дело невероятно трудное. Говоря о Куликовской битве, А. Н. Кирпичников пишет, что татары, заимствовав у русских копья, выстроили плотные ряды «копьеносцев» (с. 16). Но ведь в составе войск Мамая, как известно, находились генуэзские отряды из Крыма. Они-то, а не татары, и составляли те ряды «копьеносцев», о которых сообщается в отрывке из Никоновской летописи, приведенном в рецензируемой работе.

А. Н. Кирпичников считает, что первая достоверная дата появления огнестрельного оружия в Западной Европе — 1338 г. (с. 77). Однако в действительности первым документом, в котором упоминается новое оружие, является указ флорентийского сената 1326 г., говорящий о железных ядрах и металлических стволах [17]. Следующее известие о пушках в Италии датируется 1331 г. [18] Ошибочна и приводимая им дата первоначального использования огнестрельного оружия в Китае — 1366 г. (с. 78). Огнеметные «тухоцян» стали заряжаться железными пулями и камнями в 1353—1359 гг., что и явилось началом использования в Китае ствольного огнестрельного оружия, заряженного твердыми снарядами [19].

Говоря о времени появления огнестрельного оружия на Руси, А. Н. Кирпичников оставляет без внимания летопись солигаличского Воскресенского монастыря, хранящуюся ныне в Солигаличском краеведческом музее, из которой следует, что в 1355 г. в Солигаличе имелось огнестрельное оружие [20]. Мы не утверждаем, что данное известие соответствует истине, поскольку вышеуказанная летопись не была еще подвергнута тщательному изучению, однако полагаем, что в любом случае таковое должно быть оговорено.

Иронизируя в связи с нашим предположением, что Русь в 1377 г. могла познакомиться с огнестрельным оружием при осаде Орденом замка Друя, А. Н. Кирпичников замечает, что Полоцкая земля с 1307 г. входила в состав Литвы и, следовательно, данное известие к Руси не имеет никакого отношения (с. 77, примечание), забывая, однако, при этом, что в ту эпоху большинство русских западных земель входило в состав Польско-Литовского государства, что ни в коей мере не являлось свидетельством их исключения из обобщающего национально-географического понятия «Русь».

Не оговаривает А. Н. Кирпичников и дату 1382 г. (время зафиксированного летописью использования огнестрельного оружия при осаде татарами Москвы),

---

[14] *Krakowski S.* Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII wieku. Warszawa, 1956, s. 41.

[15] *Арциховский А. В.* Русское оружие X—XII вв.— ДСИФ МГУ, № 4, 1946, с. 3, 4, 14.

[16] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, с. 80, 81.

[17] *Libri.* Histoire des Sciences Mathematiques en Italie, Roma, 1838, p. 73; *Davidsohn.* Geschichte von Florenz. Berlin, 1912, S. 758.

[18] *Muratori L.* Rerum Italicarum Sriptores, t. XXIV (Fragmenta Chronici Forojuliensis), Milano, 1738, p. 1228, 1229.

[19] *Фэн Цзя-шэн.* Изобретение пороха в Китае и его распространение на Запад. Шанхай, 1954 (китайский язык), с. 40.

[20] Военно-исторический журнал 1964, № 9, с. 124.

несмотря на то что В. К. Кузаковым было высказано предположение, что рассказ об использовании пушек и тюфяков в 1382 г. попал в летописные своды вместе с повестью «О взятии Москвы от царя Тахтамыша» не ранее 1418 г. и поэтому не заслуживает доверия [21].

Помимо больших и мелких ошибок исследование А. Н. Кирпичникова страдает еще одним существенным недостатком. В нем много противоречивых утверждений, неубедительной или слишком незначительной аргументации. Так, например, он пишет, говоря о XIII в.: «Большой самостоятельностью отличались северные лучники, рекрутировавшиеся из пехотной „молоды"» (с. 9). Но это только фантазия, ибо источники ничего не сообщают о новгородских лучниках вообще, а тем более об их «самостоятельности» и способах рекрутирования. Единственный случай, когда в новгородском войске упоминаются лучники,— это рассказ «Рифмованной хроники» о битве на Чудском озере, но ее известий мало для того, чтобы решаться делать столь широкие выводы.

Часто в рассуждениях А. Н. Кирпичникова довольно трудно найти логическую нить. Так, на с. 10 без всякого порядка и связи следуют друг за другом высказывания об осаде городов, доспехах, оборонительных сооружениях.

Отсутствие логики сказывается и в том, что на с. 14, где идет речь о копьях, перемешаны известия о пехоте и коннице, хотя известно, что способы использования оружия в различных родах войск отличаются друг от друга. Примерно такая же мешанина имеется и на с. 19 и 20. Говоря на странице 26 о том, что в XIV—XV вв. сабля всюду на Руси «потеснила» меч, на следующей (27 с.) А. Н. Кирпичников пишет: «Русские сабли XIV—XV вв. не известны». Тогда на основании чего, спрашивается, сделано предшествующее заключение?

В ряде случаев А. Н. Кирпичников довольно своеобразно использует источники. Описывая Куликовскую битву, он говорит: «В предвидении тесного боя русские полки были сильно укреплены: «Доспехи же русских сынов, аки вода и в вся ветры колыбашеся» (с. 16). «Полки были сильно укреплены» — речь явно идет о каких-то фортификационных сооружениях, однако оказывается, судя по цитате из источника — доспехами?! Рассказывая о больших пехотных щитах — павезах, А. Н. Кирпичников в подтверждение их использования в русском войске XVI в. приводит выдержку из «Казанской истории», в которой говорится: «пусти ко граду впереди великий полк пеших оружников за великими щиты древянными» (с. 47). Но в данном случае речь идет скорее всего о подвижном осадном устройстве-прикрытии, так называемом «гуляй-городе», представлявшем собой деревянный забор на колесах, укрываясь за которым воины приближались к стенам неприятельской крепости. Подобные сооружения широко использовались в средние века и были хорошо известны на Руси [22].

Ничем не аргументируются утверждения, что татары заимствовали у русских боевые порядки (с. 15); что «И Переяславль, и Ладога строились не непосредственно князьями, а, очевидно, политически близкими им единомышленниками» (с. 57); что «военно-технический взлет Руси в XII—XIII вв. был настолько мощным и многообразным, что оказал заметное воздействие на все последующее развитие военной техники» (с. 11). По поводу последней цитаты заметим, что если действительно дело обстояло таким образом, то все было не столь хорошо, как это представляется автору. Ведь если и после появления огнестрельного оружия в оружейном деле Руси продолжали господствовать традиции XII—XIII вв., то это свидетельство никак не прогресса, а как раз наоборот.

Бесспорным недостатком работы А. Н. Кирпичникова является и то, что в отдельных случаях он вольно или невольно игнорирует исследования своих предшественников. Так, говоря о том, что первоначальные образцы огнестрельного оружия генетически скорее всего происходили от предшествующего им огнеметного оружия (с. 84), он не ссылается на то, что подобная точка зрения уже была

---

[21] *Кузаков В. К.* О появлении огнестрельного оружия на Руси.— В сб.: Вопросы истории естествознания и техники, вып. 17. М., 1964, с. 108—111.

[22] *Разин Е. А.* Ук. соч., с. 337.

сформулирована другими исследователями [23]. Таким же образом А. Н. Кирпичников поступает и в другом случае, когда ведет речь о том, что «тюфяки» своим генезисом связаны с огнеметными аппаратами (с. 86) [24].

Равным образом А. Н. Кирпичников предпочитает не оговаривать и те случаи, когда он изменяет свои ранее высказанные соображения. В рецензируемой работе он, с нашей точки зрения, совершенно правильно полагает, что уже в XIII в. сражения приняли довольно сложную, многоэтапную форму, в которой противоборствующие стороны сравнительно широко использовали маневр на поле боя. А между тем еще в 1969 г. он полагал, что бой того времени представлял собой кратковременную схватку, в которой дело в основном решалось первым же ударом конных дружин [25]. Подобное изменение позиции в принципиальном вопросе не заключает в себе ничего зазорного, но произошедшая трансформация мнения, естественно, нуждается в объяснении.

Наконец, заканчивая перечисление недостатков книги, следует остановиться на языке, которым она написана. Пренебрегая общепринятой терминологией А. Н. Кирпичников вводит множество придуманных им самим терминов и словосочетаний, которые крайне затрудняют чтение и понимание того, что хочет сказать автор.

Такова, в частности, нововведенная терминология: «полковождение» (с. 7); «полевой бой» (с. 7); «копья остаются оружием первого натиска» (с. 19); «тесный бой» (с. 27); «тесная схватка» (с. 57); «копьевые тараны» (с. 45); «градоделие» (с. 57, 62); «походные операции» (с. 57); «активный бой» (с. 57); «приступные бои» (с. 58, 96); «прикрытия» — доспехи (с. 8, 9); «дальнобойная стрелковая оборона» (с. 61); «походные действия» (с. 62).

Еще более тяжелы для понимания некоторые замысловатые фразы. Приведем некоторые из них. «Военные факторы выступают на данном отрезке отечественной истории с особой силой и **слитностью** (здесь и далее подчеркнуто нами.— *В. В.*) (с. 3); «Даже объединенное войско нескольких земель не могло противостоять такой **армаде** (речь идет о татаро-монголах.— *В. В.*) (с. 5); «связанных с ростом **оперативной** самостоятельности **тактической единицы-полка**» (с. 8); «создание **нового воинского психологического климата**» (результаты Куликовской битвы.— *В. В.*) (с. 9); «**слитность построения** тактической единицы» (с. 10); «**Международные по выбору боевые средства** позволяли русским захватывать инициативу и успешно действовать **на разных** фронтах» (с. 11); «За первой рукопашной, если враждующие ее выдерживали, «**волнообразно**» могли происходить и следующие» (с. 14); русские сражаются «**стоя в позиции**» (с. 14); «ордынцы не могли **их обойти и были скованы в тесном лобовом противоборстве**» (с. 16); «Первые русские укрепления захватывались **не прямой атакой**, а с помощью **внезапного нападения**» (с. 51); «**смяв** города Посулья» (с. 52); «**оборонительный мемориал** создавался в **прославление и защиту** очевидных политических и военных княжеско-династических интересов» (с. 53); «Стремились ли **градодельцы к эксперименту с противопожарным устройством, оценили ли они доступность выработки** местного плитняка, или, как в случае с Переяславлем, перед нами **превентивная попытка** укрепить и усилить окраинные подступы Руси, оборонить в предвидении **надвигающихся** военных конфликтов клин выдвинувшихся на север земель» (с. 54); «эти сооружения свидетельствовали о повышении роли **настенной защиты** и **знаменовали** переход к преградам с **выраженными контрштурмующими средствами**» (с. 57); «был принят **особый прием** осады, **обусловленный методами полевой борьбы**» (с. 57); «Первое ясное свидетельство **о наступательном городовом бое** относится к 1078 г. и уже в это время **такого рода акции носили ожесточенный характер и сопровождались увечьями**

---

[23] *Арендт В. В.* К истории средневековой артиллерии. Архив науки и техники, вып. VII, 1935, с. 320; *Вилинбахов В. Б.* О первоначальном типе огнестрельного оружия.— СА, 1962, № 1, с. 295—298; *Wilinbachow W.* Bizancjum a rozwoj broni palnej.— KHNT, 1961, N. 3, s. 403—417.

[24] *Wilinbachow W.* Op. cit., s. 413—414; *idem.* Poczatkowy okres rozwoju broni palnej w krajach slowianskich.— KHNT, 1963, N. 2, s. 226—230.

[25] *Кирпичников А. Н.* Битвы стародавньої Русі.— УУЖ, 1969, № 10, с. 79. Мы уже указывали на эту ошибку в одной из своих работ (*Вілінбахов В. Б.* Галицько-Волинський..., с. 34).

и жертвами» (с. 58); «В XIII в. **окологородской бой окончательно преобразовывается в целях прорыва и захвата** укреплений и подавления стрелковой обороны осажденных» (с. 58); «Между 1382 и 1426 гг. **огнестрельное оружие, бывшее на первых** порах исключительно средством крепостной защиты, **действовало в составе существовавшего военно-технического комплекса**» (с. 65); «Лук и стрелы — средство прежде всего полевой борьбы (?! — *В. В.*). Это оружие — впрочем, с долей преувеличения — **считали даже стратегическим**» (оружие такого типа вообще появилось только после развития тяжелой авиации и особенно ракетно-ядерного оружия.— *В. В*) (с. 67); «Пехота северных городов **шла на последний бой** в Донское поле» (с. 97); «Строительство и защита укреплений **поднимаются на уровень дальновидных стратегических задач**» (с. 100)...

Этих примеров вполне достаточно для того, чтобы понять каким надуманно-сложным, часто переходящим грамматические рамки языком изложено содержание работы А. Н. Кирпичникова. Читая ее, хочется спросить, где же был и что делал издательский редактор данного труда?

В целом, несмотря на больший и интересный фактический материал, сочинение А. Н. Кирпичникова страдает столь существенными недостатками в своей обобщающе-теоретической части, настолько запутывает ряд вопросов, заключает в себе столько произвольных толкований, что ни в коей мере не способствует разрешению «темных мест» военного дела Древней Руси.

В. Б. Вилинбахов

ЗАРУБЕЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ *

1976

Археологические исследования в Казахстане. (Отв. ред. Акишев К. А.). Алма-Ата, 1973, 208 с.
Rec.: Glaesser G.— EW, vol. 26, N 1–2, p. 253–257.
Археологический атлас Литовской ССР. (Отв. ред. Римантене Р. К.). Вильнюс, 1974, 247 с.
Rec.: Häusler A. — ZFA, Jg, 10, N 1, S. 324.
Археологія, 1—12/1971—1973. Київ.
Rec.: Mihăilescu — Birliba V.— In: Memoria antiquitatis. 4–5, 1972–1973. Bucureşti, 1976, p. 311, 312.
Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971, 212 с.
Rec.: Glaesser G. —EW, vol. 26, N 1—2, p. 261—266.
Березанская С. С., Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев, 1974, 150 с.
Rec. Häusler A.— ZfA, Jg. 10, N 1, S. 320—323.
Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1.
Rec.: Buco A. — AP, t. XXI, z. 1, s. 211—215.
Джафарзаде И. М. Кобустан. Наскальные изображения. Баку, 1973, 248 с.
Rec.: E. A.— In: Boll. del centro Camuno di studi preistorici, Capo di Ponte, vol. 13—14, p. 219—222.
Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970, 240 с.
Rec.: Glaesser A. — EW, vol 26, N 1—2, p. 249—253.
Каракумские древности. (Сост. Карриев А. К., Массон В. М., Атагаррыев Е., Бердыев О). Ашхабад, 1972, 184 с.
Rec.: Glaesser G. — EW, vol. 26, N 1—2, p. 270—273.
Кобылина М. М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972, 32 с.
Rec.: Majewski K.— In: Archeologia, t. 26, 1975, Wrocław e. a. 1976, s. 179.
Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972, 151 с.
Rec.: Häusler A. — ZfA, Jg. 10, N 1, S. 150—153.
Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, 269 с.
Rec.: Glaesser G. — EW, vol. 26, N 1—2, p. 266—270.
Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975, 166 с.
Rec.: Glaesser G. — EW, vol. 26, N 1—2, p. 273—277.
Okladnikow A. P. Der Hirsch mit dem goldenen Geweih. Vorgeschichtliche Felsbilder Sibiriens. F. A. Brochhaus. Wiesbaden, 1972, 184 S.
Rec.: Yetter K. — PZ, Bd. 51, H. 1, S. 112, 113.
По следам древних культур Казахстана. (Отв. ред. Кадырбаев М. К.). Алма-Ата, 1970, 294 с.
Rec.: Glaesser G. — EW, vol. 26, N 1—2, p. 257—261.
Сб.: Проблемы археологии и древней истории угров. (Ред.: Смирнов А. П., Черницов В. Н., Эрдели И. Ф.). М., 1972, 311 с.
Rec.: Häusler A. — ZfA, Jg.. 10, N 1, S. 146—150.
Свешников І. К. Історія населения Передкарпаття, Подилля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ, 1974, 208 с.
Rec.: Krzak Z.— Ap. t. 21, z. 2, S. 409–413.
Сидорова Н. А. Искусство эгейского мира. М., 1972, 227 с.
Rec.: Majewski K. — In: Archeologie, t. 26, 1975. Wrocław e. a. 1976, s. 173, 174.
Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса, т. 1. Киев, 1964, т. 2, Киев, 1973.
Rec.: Pečirka J. Eirene, t. XIV.

1977

Сб.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, 230 с.
Rec.: Slama I. — AR, r. 29, N 2, s. 218—220.
Збенович В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья, Киев, 1974.
Rec.: Krzak Z.— AP, t. XXII, z. 1, S. 225—229.
Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго—Окского междуречья. Фатьяновская культура. М., 1972, с. 272.
Rec.: Krzak Z.— AP, t. XXII, z. 1, S. 220—225.
Советская археология, 1974, № 1, 279 с.
Rec.: Kuchynska Z.— AR, r. 29, N 2, s. 226, 227.
Советская археология, 1974, № 2, 326 с.

---

* Перечень составлен по библиографическим указателям, издаваемым Институтом научной информации по общественным наукам АН СССР.

Rec.: Matoušek V.— AR, r. 29, N 2, s. 227.
Советская археология, 1974, № 3, 317 с.
Rec.: Draganovová J.— AR, r. 29, N 2, s. 227—229.
Советская археология, 1974, № 4, 336 с.
Rec.: Lavřel P.— AR, r. 29, N 2, s. 229.
Советская археология, 1975, № 1, 336 с.
Rec.: Hus M.— AR, r. 29, N 2, s. 229, 230.

1973—1975*

Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, 279 с.
Rec.: Brentjes B.— BO, Jg. XXXI, N 3/6. Mai — November 1974, p. 337, 338.
Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971, 212 с.
Rec.: Brentjes B.— BO, Jg. XXX, N 3/4, May — Iuli, 1973, p. 305.
Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973, 83 с.
Rec.: Brentjes B.— BO, Jg. XXXI, N 3/6, 1974, p. 338.
Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи VII—V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. М., 1973, 160 с.
Rec.: Häusler A.— ZfG, Jg. 23, H. 11, 1975, S. 1344.
Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, 272 с.
Rec.: Brentjes B.— BO, Jg. XXXII, N 3/4, p. Mai—Iuli, 1975, p. 264.
Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, 269 с.
Rec.: 1) Brentjes B.— BO, t. XXX, N 3—4, 1973, p. 302, 303.
2) Fussman G.— In: Journal Asiatique, t. CCLXI, N 3—4, 1974, p. 486—490.
3) Girshman R.— In: Artibus Asiae, t. XXV, N 4, Dresden, 1962, p. 371—375.
Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972. 258 с.; Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н. э.). М., 1973; Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. (Могильники Западной Ферганы, I—II—III). Рец. на три выпуска: Brentjes B.— BO, t. XXXI, N 3—6, 1974, p. 339.
Рец. на вып. 3 (Украшения...); Glaesser G.— EW, vol. 25, N 1–2. 1975, p. 210–213.
Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. Архитектура, живопись, скульптура. М., 1971, 259 с.
Rec.: 1) Fussman G.— In: Arts Asiatiques, t. XXVIII, 1973, p. 227—231.
2) Brentjes B.— BO, t. XXX, N 1—2, Januari — Maart, 1973, p. 116.
3) Glaesser G.— EW, vol. 25, N 1—2, 1975, p. 206—210.
Окладников А. П. Центральноазиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск, 1972, 54 с.
Rec.: Brentjes B.—BO, Jg. XXXI, N 3/6, Mai—November, 1974, p. 339.
Рындина Н. В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971, 142 с.
Rec.: 1) Tylecote R. F.— In: Bulletin of the Historical Metallurgy Group, vol. 7, N 1. Newcastle. 1973. p. 45, 46.
2) Bath — Bilková B.— In: Památky archeologické, roč LXV, N 1. Praha, 1974, p. 224—227.
Studia Archaeologica in memoriam Herri Moora (Hrsg. v. Schmiedehelm M., Yaanits L., Selirand I.) Tallinn, 1970. 251 S.
Rec.: Häusler A.— EAZ, Jg. 15, H. 4, S. 738—740.
Черных А. П. Палеолит и мезолит Приднепровья. Карты и каталог находок. М., 1973, 126 с.
Rec.: Häusler A.— ZfG, Jg. 23, H. 11, 1975, S. 1343.
Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.
Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972.
Rec.: Pečirka J.— Eirene, XIII, 1975.

---

* Дополнения к публикации — см. СА, 1977, № 1.

Хроника

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ КЛАССИФИКАЦИИ И НОМЕНКЛАТУРЫ ЗУБЧАТО-ВЫЕМЧАТЫХ ОРУДИЙ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА

(Ленинград, 1974 г.)

13—16 мая 1974 г. в Секторе палеолита Ленинградского отделения Института археологии АН СССР состоялось совещание с обсуждением вопроса о классификации зубчато-выемчатых орудий эпохи палеолита. В работе совещания помимо сотрудников Сектора палеолита, Трасологической лаборатории ЛОИА АН СССР и Государственного Эрмитажа приняли участие специалисты из Москвы и ряда археологических учреждений УССР и АрмССР).

Теоретическую направленность работе совещания задал уже первый доклад Г. П. Григорьева «Сопряженная группа зубчатых орудий и зубчатый путь развития», вызвавший оживленную дискуссию. Г. П. Григорьев отошел от привычного, им же самим предложенного понимания «пути развития» как таксономической единицы более высокого ранга, чем археологическая культура. В его новой трактовке «путь развития» и «археологическая культура» не соподчиняются; это понятия, выработанные при различном подходе к материалу. Если культура, по Г. П. Григорьеву, выделяется на основе всей типологии данного материала на уровне культурообразующих типов, то в основе выделения пути развития лежит понятие «сопряженная группа орудий» — единица морфологически и технически неродственных подгрупп (категорий более высокого уровня, чем культурные типы), встречающаяся в самых различных, обычно неродственных культурах, на разных территориях в разные эпохи. Помимо сопряженной группы орудий в любом памятнике имеется «типологический остаток», различный в разных культурах и не учитывающийся при отнесении этого памятника к тому или иному пути развития. Таким образом, путь развития экстерриториален, не имеет определенных хронологических границ, не обнаруживает внутри себя обязательного генетического родства. Это понятие предлагается Г. П. Григорьевым для анализа встречаемости сходных форм орудий в заведомо неродственных памятниках, которые могут быть значительно удалены друг от друга во времени и в пространстве (явление конвергенции).

По основным положениям доклада Г. П. Григорьева развернулась острая дискуссия, возобновлявшаяся на протяжении всей работы совещания. Сразу же был поставлен вопрос об историческом содержании понятия «путь развития» (З. А. Абрамова, В. Н. Гладилин, Б. Г. Ерицян, Н. Д. Праслов). С ним связаны вопросы о взаимообусловленности подгрупп внутри сопряженной группы (В. П. Любин), и возможных соотношениях «путей развития» и «археологических культур» (В. Н. Гладилин, И. И. Коробков, Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев). По Г. П. Григорьеву, археология является самостоятельной не исторической наукой, с этой точки зрения любое археологическое понятие, в том числе «путь развития» самоценно, не несет обязательной исторической нагрузки. Взаимная встречаемость (сопряженность) групп орудий не означает того, что каждая из них обуславливает другие, является причиной их существования («причинная связь из морфологии не выводится»). «Путь развития» и «археологическая культура» — понятия разноплановые, и вопрос об их соотношении неправомерен.

В своем развернутом выступлении А. Н. Рогачев упрекал Г. П. Григорьева в том, что, оставаясь на своих прежних позициях самостоятельности и независимости процессов развития каменных орудий, физического типа людей и их общественной организации, он тем самым не соблюдает принцип историзма, отрывает явление от породивших его причин, уходит от решения проблемы природной и социальной детерминации каменного инвентаря. Рассматривая проблему конвергенции, он считает, что категории Г. П. Григорьева не способствуют ее правильному решению, что подходить к этой проблеме следует, исходя из культур, исходя в каждом данном случае из конкретной типологии конкретных памятников.

Г. П. Григорьев выделил шесть «путей развития» и по ним был сделан ряд конкретных замечаний. В. П. Любин и Н. Д. Праслов отмечали, что ряд их по тем

или иным причинам не соответствует определению, предложенному автором. В. П. Любин указал, что леваллуазский путь развития «в значительной мере базируется на технике расщепления камня с разной типологической основой». По мнению Н. Д. Праслова, в памятниках прондницкого пути развития «сопряженная группа» (пронднини и грошаки) не преобладает, а составляет не более 10—20% от общего количества каменных орудий.

В целом большинство участников совещания одобрило направление исследования, разрабатывающееся Г. П. Григорьевым, но при этом понятия «сопряженная группа орудий» и «путь развития» многими понимаются и принимаются неоднозначно. Так, например, Б. Г. Ерицян остается на позициях первоначального определения «пути развития»; В. П. Любин видит в «сопряженных группах» менее жесткие, бесконечно разнообразные качественно и количественно конструкции, которым соответствует такое же разнообразие «путей развития», иногда сочетающихся в одном памятнике.

Практически все выступавшие сошлись на том, что памятники с зубчатыми индустриями обладают общностью более высокого ранга, чем археологическая культура. Общность эта, однако, определялась различно. По Г. П. Григорьеву, данные памятники относятся к зубчатому пути развития, определяемому сопряженной группой орудий, включающей следующие подгруппы: зубчатую, выемчатую, усеченную, клювовидную и подгруппу высоких форм. С ним согласился Н. К. Анисюткин, признав существование данной сопряженной группы орудий в исследуемой им стинковской культуре. Григорьевскую трактовку зубчатого пути развития в значительной мере принял и В. П. Любин, указав на необходимость доработки списка сопряженной группы орудий (подгруппа усеченных орудий, по его мнению, скорее относится к шарантьену, понимаемому В. П. Любиным как самостоятельный путь развития).

В. Н. Гладилин, пользуясь термином «зубчатый путь развития», в его определении остается на позиции Ф. Борда, которую считает более ясной и конкретной: для отнесения памятника к зубчатому пути развития следует учитывать только зубчатые орудия, которые должны составлять не менее 50% от всего набора инвентаря.

И. И. Коробков рассматривает выделяемый Г. П. Григорьевым «тейякско-зубчатый путь развития» (или «круг памятников») как «отражение и развитие во времени определенных закономерностей, связанных с социально-хозяйственной жизнью коллективов» (термин Г. П. Григорьева приобретает здесь уже иную, историческую окраску). Общие технико-типологические черты памятников этого круга следующие: *1* – невыразительность, незавершенность обработки массового материала; 2 — разнообразный характер наложения ретуши на заготовку и самой ретуши; 3 — общая зубчатость и выемчатость очертаний краев; 4 — выражение орудий чаще всего не в виде самостоятельных однофункциональных типологических форм, а в виде бесконечных вариаций и сочетаний разнофункциональных и разнооформленных рабочих элементов на одной заготовке.

Большое место в работе совещания заняли вопросы археологической классификации зубчатых орудий. Значительная роль при этом была отведена проблеме принципов археологической классификации. По мнению В. Н. Гладилина, в основе классификации любых изделий нижнего палеолита должна лежать единая иерархическая схема, построенная на основе соподчинения морфологических признаков. В качестве таковой им была предложена схема, состоящая из девяти соподчиненных ступеней, каждая из которых определяется по набору признаков одного характера. Соподчинение между ступенями выведено эмпирически, на основе представлений В. Н. Гладилина о признаках «более общих» и «более частных». В ходе дискуссии М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев и Н. Б. Леонова исходили из невозможности создания единой, заранее заданной иерархической схемы, пригодной для рассмотрения любых орудий. Морфологические признаки, выделяемые ими, не распределяются заранее по степени значимости; их устойчивые сочетания разного уровня сложности должны выводиться в ходе самого исследования, причем в каждом конкретном случае при анализе разных орудий один и тот же признак может приобретать большую и меньшую значимость, а то и вовсе «не работать». В результате выделяются соподчиненные группы инвентаря, но, во-первых, у различных орудий и один и тот же признак может иметь различную значимость, работать на разных соподчиненных уровнях,— в этом смысле, по Г. П. Григорьеву, не существует единого «языка» (т. е. общей схемы) для описания всего набора нижнепалеолитических изделий. Путаница, взаимное непонимание возникают не из-за отсутствия таковой схемы, а из-за применения «языка», специфичного, скажем, для зубчатых орудий, к другим материалам. Во-вторых, не всякие изделия можно «опустить» до самых нижних ступеней образующейся в ходе исследования типологической лестницы. Например, как отмечал Г. П. Григорьев, «сложность состоит в том, что ниже скребка „á museau" спуститься нельзя, а это не типообразующая категория». Взаимосвязь признаков как ведущий момент при выделении типов, несущественность их иерархии отмечал в ходе дискуссии Н. К. Анисюткин. А. Н. Рогачев, говоря об основных принципах классификации каменных орудий, подчеркнул, что главное здесь — понимание исследуемых изделий как продуктов человеческой дея-

тельности, как результата определенных социальных условий; понимание особой роли вещей в первобытном обществе по сравнению с классовыми. Эти положения общи, но учет их в конкретном построении классификации необходим, хотя и очень труден. Реализация их возможна прежде всего через принцип конкретно-исторического подхода, защищавшийся А. Н. Рогачевым в ряде работ.

С попытками подойти к изучаемым изделиям как к продукту человеческой деятельности связаны затронутые на совещании вопросы о значении функции в морфологической классификации, о роли экспериментального и трасологического методов в анализе каменных изделий, о понятии «рабочий (морфологический) элемент».

Большинство участников совещания согласились с тем, что в построении типологической классификации учет функции в принципе необходим, однако проблема конкретной увязки типологического и функционального изучения орудий широко не обсуждалась. Отдельные моменты этой сложной проблемы были затронуты только в выступлении В. Е. Щелинского и в докладе И. И. Коробкова. В. Е. Щелинский отметил, что при ориентации типологии в первую очередь на общую форму упускаются из виду два момента. Во-первых, форма (орудия целиком или его лезвия), с которой сталкивается исследователь, зачастую возникала не как воплощение цели, заранее намеченной мастером, но в результате многократного переоформления первоначального орудия, изнашивающегося в процессе использования. Как пример В. Е. Щелинский привел данные эксперимента по использованию кремневой пластины в качестве ножа по дереву. Лезвие, быстро выходящее из строя, приходилось поправлять каждые 20—30 мин., причем его форма значительно менялась.

Во-вторых, при подходе к такой обширной и расплывчатой группе, как зубчатые орудия, необходимо принимать во внимание, что зубчатость многих из них могла являться результатом повреждения, а не специальной подготовки. Так, в результате второго эксперимента (неретушированные пластины и отщепы были разбросаны по площадке, по которой обычно ходили участники экспедиции, не знавшие о проводившемся эксперименте) был получен ряд «зубчатых» форм, сопоставимых, как отмечал В. Е. Щелинский, с обычно выделяемыми «зубчатыми орудиями».

Таким образом, необходимо предварительное выделение признаков, по которым можно было бы установить степень изношенности орудия для учета роли утилизации и подправки в форме и отличать повреждения от ретуши для исключения поврежденных вещей из списка орудий. Исследования под бинокуляром ряда вещей из Монашеской пещеры показали, что к числу признаков повреждения относится точечный люстраж, сочетающийся иногда с мелкой выкрошенностью, которую зачастую принимают за ретушь утилизации.

Выступление В. Е. Щелинского вызвало большой интерес. В ходе его обсуждения были высказаны резко различные мнения. Так, Г. П. Григорьев выступил против самого метода, лежащего в основе работ В. Е. Щелинского. По его мнению, эксперименты такого рода не являются научными экспериментами, так как в них отсутствует многократное повторение, не делается попытки выявления факторов, характера связей. В. Е. Щелинский начал экспериментировать с неретушированными заготовками и получил определенные результаты. Если бы он исходил из ретушированных тем или иным способом изделий, результаты были бы каждый раз иными. Поскольку мы не знаем и не можем знать, из чего исходил палеолитический человек,— эти эксперименты отражают только личный опыт В. Е. Щелинского, а для изучения орудий каменного века бесполезны. Что касается трасологии, то, изучая следы сработанности, мы познаем не функцию орудия, а лишь кинематику его движения в процессе использования. Нужно учесть и то, что использование могло быть случайным, не отвечающим первоначальному назначению орудия. Следовательно в изучении функций палеолитических орудий данный метод ничем существенным помочь не может.

Большинство выступавших, однако, одобрительно отзывалось о направлении исследования, разрабатываемого В. Е. Щелинским, отмечая важность экспериментального и трасологического методов для изучения каменных орудий (Е. А. Векилова, Ю. Г. Колосов, И. И. Коробков, Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев и др.). Отдельные положения выступления В. Е. Щелинского подверглись критике. Так, В. П. Любин отметил, что эксперимент по образованию зубчатых форм путем вытаптывания не может объяснить происхождения зубчатых орудий, так как не отвечает на вопрос, почему они не возникали повсеместно, даже в пределах одного многослойного памятника. В. Кударо III, например, зубчатые орудия встречены только внизу, а в вышележащих слоях отсутствовали. Н. К. Анисюткин отметил, что из всех изделий, полученных в результате этого эксперимента, только два-три можно принять за орудия, остальные же в любой коллекции рассматривались бы как результат повреждения. О несовершенстве единичного эксперимента, проведенного В. Е. Щелинским, о необходимости дальнейшего продолжения и углубления экспериментов такого рода говорил Н. Д. Праслов.

Оживленная дискуссия развернулась и по докладу И. И. Коробкова «Проблемы зубчатых индустрий в палеолите». В этом докладе И. И. Коробков развивал предложенный им ранее подход к изучению зубчато-выемчатых орудий, заключающийся в выделении на изделиях, общая форма которых может быть различной, устойчи-

вых, повторяющихся «рабочих элементов», четко обособленных друг от друга и функционально и типологически. Причиной такого подхода к материалу является давно замеченная аморфность, расплывчатость категории зубчато-выемчатых орудий, если оценивать их с позиции общей формы.

И. И. Коробков выделяет в памятниках, относящихся к кругу «тейякско-зубчатых индустрий» семь основных рабочих элементов: 1 — зубчатые ножи-скребла; 2 — крупнозубчатые ножи-пилки; 3 — скребки чаще высокого типа; 4 — долотовидные формы; 5 — выемки; 6— острия; 7 — «ножи-резчики».

В конкретном материале данные элементы могут сочетаться на одной заготовке в каких угодно комбинациях, чаще всего не давая устойчивой серии таких сочетаний. Заготовки, на которые накладываются данные элементы, в разных комплексах могут быть получены разными техническими приемами, т. е. в индустриях тейякско-зубчатого круга (или пути развития) отсутствует строгое технико-типологическое соответствие. Следовательно, в пределах этого круга можно выделить ряд технических фаций (по способу получения заготовок): тейякскую, протомустьерскую, леваллуазскую.

В ходе развернувшейся дискуссии И. И. Коробков уточнил некоторые свои положения, в частности снял термин «рабочий элемент», заменив его термином «морфологический элемент». Это было им сделано в ответ на целый ряд замечаний, указывающих, что мы не можем с самого начала говорить о функциях орудий, отмечать в них «рабочие элементы», «элементы аккомодации», что такую возможность мы не всегда получаем даже после длительного исследования (В. И. Беляева, Г. П. Григорьев, В. П. Любин, А. К. Филиппов). Изменения эти не касаются основы взглядов исследователя.

В реальном познании функции, в реальном выделении рабочих аккомодационных и оформительских элементов орудия И. И. Коробков видит важнейшие задачи, стоящие перед археологией, решение которых (с помощью методов трасологического и экспериментального) окажет в свою очередь обратное воздействие на типологию.

Против подхода И. И. Коробкова выступили Г. П. Григорьев и В. П. Любин. По мнению Г. П. Григорьева, методика Г. А. Бонч-Осмоловского и И. И. Коробкова «противоречит практике археологического исследования, согласно которой типологический анализ представляет собой попытку установления общих свойств рассматриваемого явления и установления закономерного их сочетания». По его мнению, «элементы» И. И. Коробкова гораздо более неопределенное понятие по сравнению с «рабочими элементами» Г. А. Бонч-Осмоловского; неясно соотношение их с признаком (могут выражаться одним признаком или быть комбинацией нескольких). В результате «выпадает самый первый шаг к обобщению — установление общих для разных орудий сочетаний признаков (типов)», границы элементов не определены, пользоваться системой нельзя.

В. П. Любин отметил, что, понимая и принимая выделение отдельных морфологических элементов орудий на определенной стадии исследования, он против их отделения, отчуждения от общей формы орудия, против работы с ними как с самостоятельными единицами. Главным, по мнению В. П. Любина, остается подход к орудию (в том числе и к комбинированному) как к единому целому, выделение таких черт, которые позволяют группировать орудия на основе их общих форм, а не отдельных элементов.

Ряд участников дискуссии поддержали направление, разрабатываемое И. И. Коробковым (Н. К. Анисюткин, Е. А. Векилова, Б. Г. Ерицян, Н. Д. Праслов), Н. Д. Праслов отметил, что отрицание «рабочих элементов» во многом объясняется установившейся традицией, привычкой уже со студенческих лет рассматривать орудия как единое целое. Выделение рабочих элементов, однако, не исключает и общей характеристики орудий.

Несмотря на различные подходы к проблеме классификации зубчатых орудий, все участники совещания сошлись на одном: при детальном подходе зубчатые орудия могут служить источником (точнее, одним из источников) не только для установления такой широкой общности, как «путь развития», но и для выделения конкретных археологических культур. Такого рода попыткой явился доклад Н. К. Анисюткина «Зубчатые орудия стинковской мустьерской культуры». Рассматривая зубчатые орудия этой культуры, Н. К. Анисюткин выделил среди них две группы типов (скребковидные и скребла-ножи) и два культурных типа (пилки и боковые острия), служащие одним из показателей культурной принадлежности. Доклад был встречен с одобрением, хотя и отмечалось, что выделенные типы еще нельзя считать надежными показателями: они нуждаются в более строгом обосновании (В. П. Любин).

Заключительный день заседания был посвящен демонстрации В. Н. Гладилиным, Г. П. Григорьевым и И. И. Коробковым своего подхода к зубчатому материалу на конкретных коллекциях, дискуссии (основные затронутые вопросы освещены выше), выработке и принятию резолюции совещания.

В резолюции выражено удовлетворение ходом работы совещания, позволившего во многом уяснить вопросы исследования зубчато-выемчатого инвентаря палеолитических местонахождений и выяснить методологические и практические трудности

общей проблемы классификации каменных орудий эпохи палеолита, ставшей неотложной в связи с написанием первых томов «Археологии СССР». Совещание констатировало, что комплексы «зубчатого мустье» представляют собой своеобразную и типологически самостоятельную группу мустьерских памятников. Для наименования этой общности может быть использован предложенный Г. П. Григорьевым термин «путь развития». Участники совещания, однако, разошлись в мнениях относительно критериев выделения и исторической интерпретации данной категории. Совещание считает, что классификация палеолитических изделий должна основываться на всестороннем морфологическом анализе с учетом всех признаков и элементов и должна строиться по принципу иерархического соподчинения признаков. Совещание поддерживает экспериментально-трасологические исследования с целью выработки критериев естественных повреждений и следов работы на археологическом материале. Рабочее совещание одобряет намерение Сектора палеолита систематически проводить расширенные рабочие совещания специалистов с обсуждением различных вопросов проблемы классификации каменных орудий, выдвигая на обсуждение заранее подготовленные проекты классификации определенных технико-морфологических групп с обоснованием опыта их дифференциации и конкретного описания по возможности всех выделенных типов.

М. В. Аникович

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ И ТЕХНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ПАЛЕОЛИТА

С 18 по 21 мая 1976 г. в секторе палеолита ЛОИА АН СССР проходило расширенное заседание, посвященное обсуждению вопросов методики и техники исследования каменных орудий. По составу и количеству участников, по диапазону проблем, нашедших отражение в докладах и прениях, это заседание по существу явилось проблемной конференцией общесоюзного значения. Подобные совещания становятся в секторе палеолита ЛОИА уже традиционными. Преемственность выразилась в том, что заседание начало свою работу с доклада М. В. Аниковича, в котором подводились итоги предыдущего совещания, посвященного вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий палеолита [1].

На заседании было представлено 18 докладов, объединенных общей проблемой классификации орудий и технических приемов в самом широком понимании. Однако конкретная тематика выступлений была настолько широка и многообразна, что выявить какой-то единый логический стержень совещания очень трудно. В какой-то мере это можно отнести за счет недостатков организации: большинство участников не имели возможности заранее ознакомиться с докладами коллег, что, естественно, повлияло на ход дискуссии. Задавалось много пояснительных вопросов. Однако в гораздо большей степени это относится за счет различий в понимании основных целей и задач первобытной археологии.

Настоящее совещание, по мысли его организаторов, призвано было поставить и наметить пути разрешения проблемы соотношения эмпирического и логического в археологическом (историческом) познании. Совещание было призвано сделать акцент на логико-методическом вооружении исследователей первобытной археологии, на том, чтобы наметить пути преодоления недостатков эмпиризма, обсудить принципы создания общей теории первобытной археологии. Необходимость разработки этих вопросов признается далеко не всеми; большая часть археологов не включает их в непосредственные археологические задачи. Поэтому ряд представленных на совещании докладов, где внимание было сосредоточено на логико-методологическом оснащении науки (А. Н. Рогачев, М. В. Аникович, Г. П. Григорьев) получил скептическую оценку со стороны некоторых участников (В. А. Ранова, В. Н. Гладилина, Г. Н. Матюшина, Ю. Г. Колосова). С этих позиций представленные доклады и их авторов можно разделить на две группы: первая, видящая дальнейшее развитие науки в совершенствовании логической методики исследования археологического объекта, и вторая, уделяющая первостепенное значение углублению эмпирической методологии и конкретных методик анализа археологических источников. И если представители первого направления не отрицают второго, а просто отодвигают его на второй план, то критическое отношение представителей второй группы по отношению к первой подчас сводится к сомнению в актуальности, целесообразности подобных разработок. Различие это касается самых общих принципов и перспектив развития первобытной археологии. Здесь речь скорее идет о будущем науки, чем о ее настоящем. Однако уже сейчас важно определить тенденции палеолитоведения, те способы, посредством которых осуществляется поступательное раз-

[1] *Аникович М. В.* Совещание по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий палеолита (Ленинград, май 1974 г.) — См. хронику в настоящем номере журнала.

витие позитивного знания. В этой связи особую важность получают проблемы, связанные с основным методом современной археологии — типологическим и с содержанием и значением самой категории «тип».

Пути решения этих задач видятся как в углублении типологического метода, так и в скептическом к нему отношении; как в расширении, подчас до всеобщих пределов, области действия метода, так и в сужении задач, которые призвана решать типология до частных аспектов конкретного эмпирического исследования.

Наиболее широкое понимание области применения типологического метода было представлено в совместном докладе М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьева, Д. В. Деопик, Н. Б. Леоновой «Классификация орудий на уровнях между типом и категорией орудия». Здесь под типологическим методом понимается «средство описания и упорядочения археологического материала», при помощи которого «можно построить цельную картину археологического универсума... установить правильности и закономерности как составных частей универсума, так и его самого как чего-то целого». Именно принятие типологического метода за основной метод исследования, по их мнению, и определяет специфику археологии в системе гуманитарного знания. За исходное в докладе названных исследователей принимается положение о том, что система понятий типологического анализа имеет многолинейную структуру. Здесь речь шла только об анализе понятий, основанных на контексте артефакта, отличая их от тех, которые предполагают устойчивое сочетание в контексте памятника (например, культура). Тип выделяется на основе устойчивого сочетания признаков и отражает самую низкую категорию анализа: «Он есть наименьшее сочетание общих признаков, первое и наименьшее из понятий, отражающих общие, а не частные свойства предметов».

В анализируемой системе понятий наивысшим уровнем является «категория каменного орудия». На основе анализа конкретных коллекций каменного инвентаря докладчиками было установлено, что «сложность разных категорий каменных орудий различна: если одна категория складывается из четырех уровней, то другая членится на трех уровнях на разные единицы классификации». Предлагается следующая номенклатура: I категория, II группа родственных типов, надтип, III тип. На двух крайних точках этого звена строятся две разные линии — от типа к культуре; от категории к зоне, периоду, эпохе. Понятия промежуточного уровня между типом и категорией связываются преимущественно с понятием «путь развития». Динамика развития археологического универсума отражается в приведенной модели на эмпирическом (точнее, на конкретно-методологическом) уровне, не касаясь содержания самих понятий.

Общеметодической стороне анализа понятийной системы был посвящен доклад Г. П. Григорьева «О разграничении понятий культурно-генетического (исторического) и конвергентного развития первобытной техники каменных орудий в эпоху палеолита». Для установления законов развития палеолитических орудий необходимо представление о том, что развивается, каков субъект развития. Развитие представляют и культура, и эпоха, и сам путь развития. Но если для развития культуры важно конкретное изменение всех ее компонентов (типов), то для эпохи важно общее в развитии (категориального уровня), а для пути развития — особенное (сопряженная группа типов). Другими словами, «имеется несколько возможностей описать развитие материала ... в зависимости от того, как организован материал, какого рода классификационные единицы положены в основу упорядочения его». Однозначный принцип описания возможен только в том случае, когда субъектом развития выступает эпоха (олдувей, ашель, мустье, верхний палеолит, мезолит, и пр.). Категория «путь развития» отражает в первую очередь конвергентное сходство. Археологическая культура представляет развитие как ряд параллельных процессов (уменьшение количества бифасов, улучшение качества нуклеусов и т. д.), как правило, не связанных с процессами изменения другой культуры, поэтому тут, по-видимому, не может быть однозначного абстрактного ответа: в каждом конкретном случае решение проблемы взаимодействия генетического и конвергентного будет своеобразным.

Главным выводом этих двух докладов следует считать установление разных уровней и линий классификации, одинаково значимых для раскрытия внутренних закономерностей развития и функционирования каменных орудий. Законы развития каменных орудий раскрываются через категорию археологического универсума. При этом субъектом развития является любое таксономическое (выделяемое исследователем) понятие (и культура, и эпоха, и путь развития), т. е. во главу ставится гносеологическая сторона вопроса.

Другая группа докладчиков (А. Н. Рогачев, М. В. Аникович) рассматривает развитие каменных орудий и первобытной культуры через способ производства средств жизни, при этом субъектом развития является сам человек, его деятельность, выраженная в остатках его материальной культуры. В противоположность пониманию категории «тип» Г. П. Григорьевым у А. Н. Рогачева это не статистическое формально-логическое понятие, а воплощенный в материальной форме образ предмета, служащий для удовлетворения определенных, исторически обусловленных и непрерывно развивающихся материальных и духовных потребностей. В этих докладах выход из «критической ситуации в историческом исследовании памятников эпохи

палеолита, в изучении каменных орудий» (А. Н. Рогачев) видится «в поиске путей конкретно-исторического объяснения субстанционального единства истории природы и истории человеческого общества» на основании теории первобытнообщинного строя как метода первобытной археологии. Ключевым понятием первобытной археологии А. Н. Рогачев считает понятие «культура», т. е. таксономический уровень исходной логической посылки для образования понятийного аппарата здесь значительно выше, чем в предыдущей группе докладов. При этом археологическая культура понимается не как конечная единица познания, а только как надежный инструмент, с помощью которого фиксируется социальный характер исторического процесса, сущность которого состоит во взаимодействии человека с природой с помощью орудий труда. По А. Н. Рогачеву, конкретно-социальная обусловленность средств производства выражается в функциональных образах вещей и через это раскрывается сущность преобразовательной деятельности вообще. Для обоснования и определения эмпирического содержания основного элемента анализа комплексов кремневого инвентаря А. Н. Рогачевым было предложено понятие «технико-морфологической группы» как «основы покультурной группировки памятников, способствующей их изучению во многих отношениях». Определение понятия в привычном виде не было дано, что вызвало разнообразные, подчас отрицательные (В. А. Ранов, В. Н. Гладилин, В. П. Любин) мнения по поводу необходимости и целесообразности этого термина. Однако тот факт, что это понятие фигурировало во многих докладах и даже в названиях докладов, говорит сам за себя.

В докладе А. Н. Рогачева было дано таксономическое место понятия технико-морфологическая группа (в самом общем виде — между культурой и вещью), его сущность как технического показателя социального прогресса производственной деятельности в ее конкретном выражении и его значение как способа фиксации и логической группировки материала. Что касается конкретного механизма функционирования этого понятия, то в какой-то мере эти моменты нашли отражение в докладах М. В. Аниковича, Г. В. Григорьевой, Н. К. Анисюткина, где была сделана попытка применения этой категории анализа для исследования конкретных коллекций каменного инвентаря. В самом общем виде можно заметить, что это понятие здесь на конкретно-содержательном уровне раскрывает значение такого класса вещей, которое наиболее близко привычному термину «категория», но рассматривается не как квинтэссенция сходных типов, а как «взаимосвязь между формой вещей, их назначением и имеющимися техническими возможностями» (М. В. Аникович), т. е. акцент делается не на устойчивости классообразующих признаков, а на способе их изменчивости, иных рамках вариабильности, нежели внутренняя изменчивость типов. Наиболее ярко это видно из доклада Н. К. Анисюткина «Технико-морфологические группы Стинковской культуры и их дифференциация». На основе анализа инвентаря стинковских поселений исследователь приходит к заключению, что технико-морфологические группы стинковской культуры различно отражают ее специфику. Бесспорно, типичной для этого единства можно признать выдержанную серию мелких листовидных острий удлиненно-овальной формы, остальные же характерные показатели не дают устойчивых серий: «Выделенные на одном памятнике, они не встречаются в том же виде на другом...». Поэтому исследователь оперирует такими терминами, как бифасы, зубчатые орудия и т. д. Здесь типы, технико-морфологические группы и отдельные технические приемы образуют традицию кремнеобрабатывающего производства на едином содержательном (познавательном) уровне. В докладе показано, что типологическая классификация не является универсальным и единственным видом классификации материала и что изменчивость такой же культурообразующий показатель, как и устойчивость. Раскрытие содержания понятий «тип», технико-морфологическая группа, «технический прием» на одном таксономическом уровне (без соподчиненной иерархии) объединяет взгляды Н. К. Анисюткина и М. В. Аниковича.

Несколько иное наблюдается у Г. В. Григорьевой, которая использует понятие «технико-морфологическая группа» при описании и анализе каменных орудий позднепалеолитических памятников междуречья Днестра и Прута. Здесь термин «технико-морфологическая» группа по существу ничем не отличается от традиционного термина «категория». У Г. В. Григорьевой «технико-морфологическая группа» не элементарное понятие, а дробится на типы, с которыми связано линейной иерархической зависимостью. По существу в методологическом плане это то же самое, что представлено в совместном докладе М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьева, Д. В. Деопик, Н. Б. Леоновой и докладе Г. П. Григорьева. Культурное своеобразие отражается в наборе типов; технико-морфологические группы имеют для этих целей второстепенное значение. В докладе предлагается двучленная периодизация верхнего палеолита Молдавии; среди ранних памятников выделяются две группы: «с ориньякскими типами орудий (Климауцы I, Бобулешты VI и др.)» и без ориньякских форм, такие, как Брынзены I (3 слой). Памятники конца позднего палеолита делятся на три группы: 1 — ориньякоидные стоянки Рашков VII, VIII, IX и, по-видимому, Брынзены II; 2 — памятники с двусторонними формами орудий: Йоржница, Курешница, Голошница и раковецкие пункты; 3 — стоянки с так называемыми граветтскими элементами: Костешты I (на р. Прут) и Атаки I, II (на р. Днестр). Каждая из групп характеризуется большим количеством типов (около 50), но их значение для характеристики содержания каждой группы признается различным: по суще-

ству выделенные культуры характеризуются только типами и только изредка отдельными техническими приемами.

Акцент на содержание понятия «технико-морфологическая группа» и попытка его определения была дана в докладе М. В. Аниковича «О понятии «технико-морфологическая группа». Технико-морфологические группы и их дефиниция в памятниках костенковско-стрелецкой культуры». Здесь технико-морфологическая группа — «это понятие, описывающее единство артефактов по форме, достигнутой определенным техническим приемом (приемами), наблюдаемое в широких временных и пространственных границах и обычно хорошо распознаваемое эмпирически. Временные и пространственные границы существования отдельных технико-морфологических групп определяются различно: от периода археологической эпохи до ряда таких эпох и от части континента до всего земного шара». Каждый прием вторичной обработки свойствен не одной, но все же ограниченному количеству технико-морфологических групп. Определенная совокупность технико-морфологических групп, детальная их дифференциация вплоть до выделения типов (такое сочетание признаков, которое отражает форму орудия как единое законченное целое), их количественное соотношение вместе со своеобразием приемов первичного раскалывания и отдельными специфическими техническими приемами — все это в совокупности и определяет традицию материальной культуры. Археологическая культура понимается не как механическая сумма элементов, а как нечто большее за счет способа упорядоченности этих элементов, их структурного соотношения. Однако эта задача на современном уровне развития науки слишком сложна и поэтому можно в описательном плане ограничиваться рассмотрением культуры как суммы элементов традиции.

М. В. Аникович выделяет в костенковско-стрелецкой культуре 10 технико-морфологических групп (скребки, резцы, острия, «кинсоны», ножевидные орудия на плитках, двустороннеобработанные листовидные острия, орудия с чешуйчатой подтеской, орудия с усеченными концами — «стамескообразные», скребла, проколки), характеризующихся единой специфической техникой первичного раскалывания (нуклеусы параллельного снятия с прямым краем ударной площадки), единой спецификой приемов вторичной обработки (высокий и стабильный процент двусторонней краевой и двусторонней покрывающей ретуши, сильный заход односторонней ретуши на поверхности заготовки, наличие настильной и полное отсутствие вертикальной краевой ретуши, слабое развитие техники резцового скола и приема чешуйчатой подтески), а также таким специфическим типом, как стрелецкий двустороннеобработанный треугольный наконечник с вогнутым основанием. Исходя из этого М. В. Аникович включает в круг стрелецкой культуры пять памятников Костенковско-Боршевского района: Костенки XII (сл. 3 и 1а), Костенки 1 (сл. 5), Костенки XI (сл. 5) и Стрелецкая II, а также Сунгирь. На основе их стратиграфического положения и количественного соотношения традиционно значимых элементов выделяются две хронологические группы: ранняя (Костенки XII 3 сл., Стрелецкая II) и поздняя, включающая все остальные. Применение понятия «технико-морфологическая группа» как элемента традиции позволило М. В. Аниковичу отделить от вышеназванных памятников такие комплексы, как Костенки XII сл. 1, Костенки XI сл. 3, которые кое-где фигурируют как стрелецкие, а также Бызовую стоянку Печоры.

Вокруг докладов разгорелась оживленная дискуссия, но в целом новые попытки описания археологических культур получили положительную оценку и признание необходимости дальнейшей работы в этом направлении.

По существу почти все рассмотренные доклады были направлены на преодоление свойственного нашей науке подхода к археологическим материалам, основанного на выделении «ведущих форм» и так называемого комплексно-статистического метода. Сейчас уже можно констатировать, что в чистом виде эти подходы никто не применяет, но их недостатки преодолеваются разными исследователями по-разному. Одна из таких попыток была представлена в докладе Ю. Г. Колосова «Специфические типы орудий как основа для выделения археологических культур». На основе анализа кремневого инвентаря памятников Аккайской культуры исследователь пришел к выводу о том, что основой выделения наряду с количественным соотношением всех типов являются специфические типы орудий. Такой подход к материалу сам по себе не нов. Здесь новым является выделение не одного-двух специфических типов, а восьми, причем во-первых признается наличие у всех них общих показателей скорее логического (наличие обушка, двусторонней обработки...), чем морфологического плана; во-вторых, процент этих орудий достаточно велик (до 12%); и в-третьих, наличие и количественный состав специфических групп инвентаря непосредственно связывается Ю. Г. Колосовым с разделением ареала культуры на центр и периферию, т. е. устанавливается значение, «вес» комплекса стоянки в пределах других однокультурных поселений. Ряд положений доклада Ю. Г. Колосова вызвал возражения. Так, по мнению В. Н. Гладилина и Н. Д. Праслова, тот факт, что специфическими типами признаются Пронднки, ножи Бокштейн и т. д., встреченные в других культурах, лишает их права быть «специфическими». Г. П. Григорьев считает, что наличие у специфических ножей аккайской культуры весомых общих показателей ставит под сомнение правомерность их внутренней дифферен-

циации. Кроме этого, естественно, возникает вопрос о степени сходства «специфических» типов в их аккайском проявлении с их аналогами в эпонимных культурах, а следовательно, и уместности самих названий.

Терминологически-номенклатурный аспект археологического исследования занимал на совещании особое место. В этом плане в первую очередь интересен доклад Г. И. Медведева, посвященный номенклатуре технико-морфологических понятий, применяемых для описания каменных орудий. Предложенная система названий основывается на формально-технических показателях отдельных категорий каменного инвентаря и, как представляется, имеет более широкое, чем просто описательное значение. Отдельные исследования автора в этой области уже опубликованы [2]. Использование латинских наименований имеет ряд преимуществ, не говоря уже о том, что это значительно упрощает контакт с зарубежными исследователями. Однако склонность к чрезмерно широкому использованию иностранных слов не всегда отражает лаконизм и удобство, поэтому возможна замена некоторых иностранных терминов русскими. Разработки Г. И. Медведева и его иркутских коллег касаются пока только эмпирического описания, не выходя на более высокие уровни исследования (А. Н. Рогачев). Естественно, что номенклатура, претендующая на всеобщность будет упрощением конкретно-исторических процессов производственной деятельности (Н. К. Анисюткин), но открытый принцип построения аппарата системы позволит, как можно надеяться, избежать этого недостатка. Признание органической связи терминологии с классификацией лежит и в основе доклада А. К. Филиппова «Технико-технологическая терминология и основания классификации активных элементов каменных орудий». Технико-технологическая основа классификации в сочетании с данными трасологии и эксперимента позволят, по мнению этого исследователя, выделить три взаимосвязанные классификации: 1) на основе технико-технологической морфологии обработки; 2) на основе традиционно-стилистической морфологии; 3) и, наконец, на основе технико-технологической морфологии износа. Отсюда устанавливается структура взаимообусловленности активных и «комфортно-аккомодационных» элементов орудия, причем допускается возможность выявления двух уровней целостности, выраженных в степени устойчивости пропорций. На этой основе строится классификация иерархического плана и соподчиненная терминологическая система. Построения А. К. Филиппова по существу отражают только конкретно-методический уровень исследования и поэтому остается неясным характер связи технологической классификации с культурой (А. Н. Рогачев), иногда возникает сомнение в целесообразности отдельных новых наименований (Г. Н. Матюшин). В связи с этим докладом следует заметить, что работы сотрудников трасологической лаборатории ЛОИА в настоящее время выходят за пределы чисто эмпирических исследований, что позволяет использовать полученные ими данные для формальных классификаций. Только такой двуединый подход дает возможность установления общих закономерностей через изучение конкретных особенностей производства и употребления каменных орудий (А. Н. Рогачев). Актуальность создания общей методологии конкретного археологического исследования особенно была подчеркнута в докладе В. Е. Щелинского «О технико-функциональном изучении палеолитических изделий». Рассматривая принципы фиксации, описания и систематизации макро- и микроморфологических признаков на мустьерских изделиях докладчик выделил несколько взаимообусловленных стадий конкретного эмпирического исследования. Доклад вызвал большой интерес как по его теоретическим основам, так и по частным моментам.

Все исследования, представленные описанной группой докладов основаны на эмпирической морфологии каменного инвентаря и только иногда дополняются статистикой. Практически все дефиниции основаны в этих докладах на интуиции исследователя и не случайно каждый доклад вызывал много вопросов и широкие дискуссии. Объективизации оценок, выработке методик учета, фиксации и формализации археологического источника была посвящена другая группа докладов. Авторы их исходили из разработки конкретных методик археологического исследования на основе широкого применения формализации и математических методов с использованием ЭВМ. Во всех докладах этой группы математические методы рассматривались не как эвристические, способные дать возможность для принципиально новых выводов сами по себе, а только как методы проверки и иллюстрации тех или иных гипотез и положений. Кроме того, всеми исследователями признавалось, что различным целям исследования прямо соответствуют и разные методы. Методика, предложенная в докладе В. А. Ранова и А. Г. Амосовой «Количественный метод и его перспективы в археологии» определяется тремя задачами: 1) установлением соотношения технических и типологических элементов внутри одного класса

---

[2] *Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Леженко И. Л.* О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья. — В сб.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. I. Иркутск, 1974, с. 60—90; *Медведев Г. И.* К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий (номенклатурные детали наглядных моделей).— В сб.: Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Иркутск, 1975, с. 21—42.

изделий; 2) то же внутри типа (по формальным и техническим показателям); 3) решением программ, связанных со сравнением памятников по совокупности признаков с учетом уровня достоверности аналогий на основе индексов сходства. Исследование проводилось вместе со специалистами — математиками и шло по многим направлениям (попытки выявить статистически идеальный нуклеус; определить «коэффициент сходства» во взглядах и опыте разных исследователей и т. д.). Ряд объективных трудностей, таких, как нахождение общего языка с математиками; различение типов нуклеусов от стадий их сработанности (Г. П. Григорьев) привели к преобладанию в докладе негативных выводов над позитивными, но показали и перспективы подобного подхода, а в конечном счете и невозможность эмпирического исследования без формализации и метрики (В. И. Беляева).

В докладе В. И. Беляевой, посвященном выделению и дифференциации категорий предметов стоянки Костенки I (верхний слой) рассмотрены были, в основном, наконечники с боковой выемкой. Применяемая методика наглядно показала естественный в ходе исследования переход от описательно-таксономических методов через классификационные к теоретическим интерпретационным, их органическую взаимосвязь и единство. Четкое обоснование получило разделение наконечников на две группы, проведенное по шести количественным и качественным признакам. Конкретно это выразилось в противопоставлении наконечников с боковой выемкой Костенок I, Авдеева, Виллендорфа, наконечникам Гагарина, Костенок XXI, ряда стоянок Франции. Кроме этого, намечены пути внутренней дифференциации этих групп. Наглядность и достоверность выводов вызвала положительную реакцию со стороны исследователей, стоящих на разных теоретических позициях (А. Н. Рогачев, В. А. Ранов, В. П. Любин) и показала этим, что предложенная методика и конечные выводы выходят за пределы узких целей исследования автора и имеют более широкое методологическое значение. Принципиально новым является вывод о характеристике содержания Костенковско-Виллендорфского единства не только через общность типов, категорий и их количественных соотношений, чему отвечает только сходство Костенок I и Авдеева, но и через постоянство приемов обработки в самом широком, категориальном плане.

Акцент на внутренней дифференциации и таксономической иерархии крупных категорий каменного инвентаря был сделан в докладе Г. Н. Матюшина «Принципы классификации пластинчатых изделий». Методика, применяемая этим исследователем, уже получила отражение в печати [3]. Методологической основой построений Г. Н. Матюшина является соединение корреляционной системы учета морфологических признаков с таксономической классификацией американских археологов (Сэкит, Мовиус) и на этой базе разработка иерархической типологии для основных категорий каменного инвентаря. В целом совещание признало полезными работы этого направления, хотя было высказано ряд замечаний частного порядка и сомнений прагматического плана относительно предложенной методики (Г. П. Григорьев). Кроме того, в докладе была показана прямая зависимость произвольной типологии от некритического использования терминологии различными авторами (пример с наконечниками и трапециями).

Из докладчиков этой группы, пожалуй, только О. Кверкелия придает математическим методам более широкое, познавательное значение. На основе анализа техники первичного расщепления (нуклеусов и сколов) коллекций Сванта Саване и Мгвимеви, используя средние величины наиболее значимых признаков, она выделяет несколько классов нуклеусов и сколов. Количественное соотношение этих классов внутри комплекса является здесь хронологическим показателем: на этой основе Сванта Саване относится к началу верхнего палеолита, Мгвимеви — к более позднему времени. В докладе признается возможность выделения локальных вариантов культуры на основе числовых показателей.

Проблема выделения локальных культур в Верхнем палеолите Грузии является сейчас одной из главных задач грузинских археологов. Специально этому был посвящен доклад Н. З. Бердзенишвили «О Кавказской зоне верхнего палеолита (по материалам Грузии)». Приводя развернутую аргументацию, Н. З. Бердзенишвили выделила два локальных варианта раннего верхнего палеолита — Имеретинский и Причерноморский. Возникшие на основе местного мустье эти культуры эволюционно развиваются на протяжении всего верхнего палеолита, составляя особую, отличную от Переднеазиатской, зону развития верхнепалеолитической культуры. Доклад и проделанная работа получили положительную оценку во многих выступлениях (В. П. Любин, Б. Г. Ерицян, Х. А. Амирханов).

На совещании были представлены и сообщения чисто информационного плана, ставящие своей задачей ознакомление специалистов с новейшими полевыми исследованиями в различных районах Советского Союза. Сообщение М. Г. Ниорадзе было посвящено результатам работы Цхалцительской археологической экспедции в пещере

---

[3] *Матюшин Г. Н.* О методах классификации кремневого инвентаря.— В сб.: Проблемы терминологии и анализа, с. 11—14; его же. О методах классификации массового инвентаря памятников каменного века (верхний палеолит — энеолит).— ИМКУ, № 12, 1975, с. 38—59.

Сакажия, где был выявлен новый, мустьерский слой, представленный четырьмя горизонтами находок. Результаты работ уже получили отражение в печати [4].

Большой интерес вызвало сообщение В. А. Ранова о исследовании стоянки Каратау I. Материал ее по возрасту ископаемой почвы, в которой он залегает, датируется термолюминесцентным методом 200 тыс. лет (одновременно позднему соану и позднему ашелю) [5]. В. Н. Гладилиным демонстрировались материалы нижнепалеолетической стоянки Королево.

Резолюция совещания кратко суммировала положение дел в современной первобытной археологии. В частности, с удовлетворением было отмечено, что кроме давно признанных центров палеолитоведения, какими являются сектор палеолита ЛОИА и сектор неолита и бронзы Института археологии СССР, в других городах страны созданы при различных научных учреждениях группы специалистов, успешно и плодотворно занимающиеся разработкой вопросов исследования методики и техники каменных орудий палеолита. Особо были отмечены успехи в этой области археологов Украины, Грузии, Армении, Таджикистана, а также иркутских исследователей.

На заседании с достаточной полнотой обнажились основные теоретические и методологические тенденции в изучении каменного века. Бесспорна необходимость совершенствования технической базы науки на основе более широкого внедрения современных достижений статистики, комбинаторики, математического моделирования. Большую актуальность в настоящее время приобретают номенклатурно-терминологические исследования и связанные с ними вопросы классификации и метода аналогий. Совершенствуется методика полевых исследований и методика абсолютного датирования. Однако наряду с проблемой совершенствования технической базы науки со всей остротой встает проблема логической вооруженности первобытной археологии. Опыт настоящего обсуждения этой проблемы показывает, что не все исследователи осознают ее в одинаковой мере. Поэтому развитие методологических (в основном формально-статистических) исследований значительно опережает развитие археологии в области теории и метода. Накопленный же материал требует обобщения не только на сравнительно-историческом (культурно-хронологическом) уровне, но и на содержательно-логическом. Здесь же находится и стык археологии с другими гуманитарными науками, а в конечном итоге и путь к созданию синтетической науки о человеке, в которой первобытной археологии принадлежит одно из главных мест.

А. А. Синицын

---

[4] *Каландадзе А., Ниорадзе М., Церетели Д.* К итогам работ экспедиции по изучению памятников каменного века Кутаисского края.— ПАИ — 1974. Тбилиси, 1976, с. 3—5.

[5] *Лазаренко А. А., Ранов В. А.* Палеолитическая стоянка Карату I.— УСА, № 3, 1975, с. 69—71; *Ранов В. А.* Палеолитические находки в среднеплейстоценовых лессах Южного Таджикистана.— В сб.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции), ч. I. Киев, 1975, с. 16—18; *Лазаренко А. А., Ранов В. А.* Каратау I — древнейший палеолитический памятник в лессах Средней Азии.— БКИЧП № 47, 1977, с. 45—57.

VII ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

VII Всесоюзная скандинавская конференция работала в Ленинграде с 6 по 10 декабря 1976 г. Основная работа конференции велась по секциям. В работе секции археологии и этнографии приняло участие более 40 специалистов, в том числе археолог А. Сталсберг-Алсвик из Норвегии. Был заслушан 21 доклад. Основная тематика касалась роли и значения норманнов на Руси на ее водных путях.

Заседания секции открылись докладом А. Н. Кирпичникова (Ленинград) «Русские и шведские оборонительные сооружения средневековой Корелы (XIV—XVII вв.)». В нем впервые на археологических, письменных и шведских графических источниках была дана реконструкция крепостных сооружений новгородской и московской Корелы. Выяснено, что крепость XIV в. была однобашенной, а городские управления XVI в., помещавшиеся на двух островах, имели бастионный характер. Докладчик дал реконструкцию территории Корелы XVI в., при этом феномен ее бурного развития объяснил положением города как крупнейшего торгового центра на севере Московского государства. В прениях была отмечена важность темы для истории архитектуры и полное использование источников, вплоть до дендрохронологических.

Д. А. Авдусин (Москва) в своем докладе «Скандинавские трупоположения в Гнёздове» осветил этот ранее малоизвестный в Гнёздове погребальный обряд, число случаев которого, открытых и изученных Смоленской экспедицией МГУ, достигло 19. Особенно выделяются два камерные погребения, одно из которых содержало женское трупоположение с богатым инвентарем, а другое — погребение воина с конем,

также сопровождавшееся многочисленными вещами. Оба камерные погребения, вероятно, следует считать скандинавскими, а в остальных 17 случаях возможны погребения как скандинавов, так и славян. Докладчик отметил некоторые вещи, в частности крестообразные привески, которые могут оказаться индикаторами христианских погребений. Выступившие по докладу Е. А. Шмидт, А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин отметили, что открытие нового типа погребальных памятников в Гнёздове — большой вклад в изучение этого замечательного памятника. Количество открытых ингумаций дает надежную базу для этнических и иных выводов. По мнению Г. С. Лебедева, открытие Д. А. Авдусина дает недостающее звено в цепи подобных захоронений от Ладоги до Шестовицы и Киева. Лебедев также отметил восточное влияние, сказавшееся на погребальном инвентаре гнёздовских камерных погребений.

Серию докладов о Старой Ладоге открыл В. П. Петренко (Ленинград) сообщением «Новые находки скандинавского происхождения из Старой Ладоги», в котором рассмотрел вещи из раскопок на этом памятнике в 1972—1976 гг. Докладчик отметил комплексы, связанные со скандинавской частью населения Старой Ладоги. Он рассказал о находке фрагмента лодки или корабля в слоях IX—X вв. и прокомментировал ее. В. П. Петренко проанализировал также новые данные о древней топографии изучаемого поселения и связал их с некоторыми представлениями о социально-экономическом характере Старой Ладоги. Докладчик сообщил также об оригинальной постройке, внутри которой найдена подвеска с руническими знаками.

Выступившие в прениях А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев отметили насыщенность доклада новыми материалами, выразили сожаление о недостаточно подробной интерпретации открытой постройки. По мнению Г. С. Лебедева, основная территория Ладоги в свете сообщения В. П. Петренко выступает не как предградье городища, а как ремесленно-торговое поселение.

В докладе Контакты населения Северо-Западного Приладожья с Эстонией и Финляндией в I начале II тысячелетия н. э. С. И. Кочкуркина (Петрозаводск) проанализировала памятники этого времени и пришла к выводу, что население Северо-Западного Приладожья отличалось этнической пестротой. Она оспорила мнение ряда финских археологов, считавших появление на карельской территории некоторых вещей (в том числе каменные огнива) свидетельством западнофинского происхождения материальной культуры рассматриваемого района. По мнению С. И. Кочкуркиной, такие кресала широко распространены в Западной Европе, и их присутствие в Приладожье можно объяснить контактами с Прибалтикой, в частности с Эстонией. Эти связи прослеживаются также по находке втульчатого топора начала I тысячелетия. С другой стороны, она показала, как на материалах X—XII вв. отчетливо прослеживаются прочные связи с Новгородом и соседними финно-уграми.

В прениях А. Н. Кирпичников отметил важность доклада, но заметил, что, по его мнению, на имеющемся материале правильнее говорить о более общих направлениях контактов.

Е. И. Оятева (Ленинград) в докладе «Ритуальная функция обуви и ее отражение в древненорвежском обряде усыновления» проследила обряд «введения в род» по древненорвежским судебникам Гулатинг и Фростатинг. Привлекая археологические, этнографические и лингвистические источники для анализа обрядовых действий с обувью, Е. И. Оятева пришла к выводу, что в этом обряде отражается древнеязыческая идеология, восходящая к тотемическим представлениям. Синтез данных смежных исторических дисциплин, по мнению Е. И. Оятевой, позволяет определить первичную функцию обуви как «след тотема».

В. Я. Петрухин отметил, что доклад Е. И. Оятевой вскрывает глубинную сущность конкретно-исторических процессов, которыми занимаются археологи. Несомненна связь древних скандинавских верований с тотемизмом. Однако, по мнению В. Я. Петрухина, вызывает сомнение вывод о том, что рациональная функция обуви возникла из ритуальной; обе эти стороны нерасчленимы.

В докладе «Основные этапы развития шведской этнологии» М. Н. Морозова (Москва) рассмотрела историю этнографической науки Скандинавии, в первую очередь Швеции. Особое внимание она уделила деятельности Сигурда Эриксона, которого считает создателем шведской этнографической школы, занявшей достойное место в европейской этнологии. По мнению М. Н. Морозовой, в шведской этнографии отношение к марксистской науке доброжелательное.

Л. А. Голубева (Москва) прочитала доклад «Волжский путь и финская периферия», в котором рассмотрела формы и степень участия финского населения Верхнего Поволжья и рязанского течения Оки в торговле по великому Волжскому пути в IX и X вв. Так, население поселка у дер. Городище вело крупную пушную торговлю. Встречаются предметы скандинавского импорта, дирхемы, болгарская красноглиняная посуда. Как показала Л. А. Голубева, финские элементы в материальной культуре преобладали.

А. Н. Кирпичников отметил ценность наблюдений Л. А. Голубевой, особенно интересно ее заключение о поселении — поставщике пушнины. И. В. Дубов не согласился с докладчицей; по его мнению, в Ярославском Поволжье финские элементы появляются относительно поздно, а сравнение материалов с данными Сарского

городища невозможно. Коробчатые же замки могли изготовляться по скандинавским образцам и местными мастерами.

Е. Н. Носов (Ленинград) сделал доклад «Балтийско-Волжский путь и поселения Ильменского бассейна и Поволховья в конце VIII—X вв.», посвященный рассмотрению основного направления этого пути на территории складывающейся Новгородской земли. Автор полагает, что основной поток арабского серебра проходил по рекам Ильменского бассейна и Волхову, а не через более восточные области, как до сих пор полагают многие. В районах, через которые шел Балтийско-Волжский путь, по мнению докладчика, находились в основном укрепленные поселения, служившие прежде всего центрами ремесла и торговли, опорными пунктами на водных дорогах. В таких центрах сосредотачивалась социальная верхушка и местная власть. Именно эти поселения в дальнейшем развивались в города.

В прениях А. Н. Кирпичников счел убедительной аргументацию докладчика о волховском направлении пути. Е. А. Шмидт посоветовал заменить термины «западный» и «восточный» путь на «северный» и «южный», т. е. рассматривать эти направления по отношению к Волге. И. В. Дубов отметил, что поселения известны только по Волхову, Мсте и другим более западным рекам, а вариант пути через Белоозеро изучен недостаточно, поэтому нет уверенности в правильности вывода.

В докладе Н. В. Тухтиной (Москва) «К вопросу о скандинавских погребениях в Приладожье» были рассмотрены приладожские погребения с этнически определяющими украшениями и деталями погребального обряда. Всего выявлено 27 комплексов как с ингумациями, так и с кремациями. Во всех погребениях с набором скандинавских фибул выделены скандинавские и местные весские украшения. Критерием определения скандинавских мужских погребений служили детали погребального обряда. Во всех рассмотренных курганах устройство насыпи и основные черты обряда оказались весскими. Скандинавы, по мнению Н. В. Тухтиной, быстро растворялись в местной среде, и хоронили их по местному обряду.

В докладе «О роли норманнов в происхождении Приладожской курганной культуры» В. А. Назаренко (Ленинград) сделал попытку выявить различия в материальной культуре и погребальных обычаях местного населения и предполагаемых пришельцев. Он гипотетически реконструировал погребальные памятники местного населения в докурганный период (до начала X в.: «домики мертвых», могильники). Появление курганного обряда докладчик считает результатом взаимодействия местного населения со скандинавами и носителями «культуры сопок». В ранних (X в.) курганах Приладожья В. А. Назаренко видит памятники скандинавов, испытавших влияние погребальной обрядности местного населения. Собственно финские захоронения в курганах появляются, по его мнению, с конца X — начала XI в.

В прениях по докладу В. Я. Петрухин отметил, что нет просто финского или просто скандинавского обряда. Обычно доминируют местные черты. Слабая сторона доклада В. А. Назаренко, по его мнению,— описание автохтонной культуры в свете влияний и заимствований. Надо говорить о ее самостоятельном сложении. По мнению Н. В. Тухтиной, существенным недостатком доклада В. А. Назаренко является выборочность использованного материала. Надо было использовать широкий статистический материал, и вряд ли закономерно использование «домиков мертвых», т. е. финского материала, при рассмотрении скандинавских погребений.

В сообщении И. Г. Добровольского (Ленинград) «Об одной группе восточных загадочных монет» говорилось о двуязычных восточных монетах, опубликованных еще Френом, который относил их к туркестанскому чекану. Докладчик высказал мнение, что арабская часть легенды является лишь подражанием куфическому шрифту. По мнению докладчика, учитывая топографию находок (Прибалтика), не исключено, что и разгадку происхождения этих монет надо искать в Прибалтике.

В. Я. Петрухин (Москва) в докладе «Скандинавское язычество и погребальные памятники эпохи викингов» указал, что сопоставление погребальных памятников и данных скандинавской мифологии позволяет выявить символику обряда и отношение коллектива к умершему и смерти. Обрядом «реставрировался» социальный статус умершего, восстанавливались общественные связи коллектива. Обряд завершался пиром — восстановлением жизненных сил коллектива.

Е. А. Шмидт отметил важность направления, представленного этим докладом. На базе широкого фактического материала В. Я. Петрухин восстанавливает трудно поддающиеся реконструкции идеологические представления. Е. И. Оятева отметила, что докладчик показал приемы раскрытия семантики древних идеологических и социальных явлений.

Э. А. Сымонович (Москва) в докладе «„Готицизм“ в археологии» предложил ввести в практику термин «готицизм», по примеру шведского историка А. Свенунга (1967 г.). «Готицизм» подразумевает преувеличение роли готов в культурном развитии местных племен юга СССР в областях распространения черняховской культуры. По мнению докладчика, «готицизм» в археологии является аналогом норманизма, перенесенного в глубокое прошлое. Докладчик призвал к преодолению ошибочного, на его взгляд, подхода к готской проблеме.

По мнению Е. А. Шмидта докладчик переоценил отрицание славянства черняховской культуры. Готы же неоднократно упоминаются в письменных источниках,

следовательно должны были занимать какую-то территорию. М. А. Тиханова отметила, что докладчик сам не объективен в данном вопросе: отрицая готскую принадлежность ряда вещей, он никак не доказал их славянское происхождение. Среди источников, которые, по мнению Э. А. Сымоновича, так малочисленны, он не упомянул Аммиана Марцеллина. М. Б. Щукин указал, что важен конкретно-исторический процесс, поэтому нельзя отрицать присутствия и важной роли готов, если о них говорят источники. Дело не в терминах, а в фактах, которые надо рассматривать в узких хронологических срезах, подробнее, внимательнее. В археологии, по его мнению, нет акцентирования внимания на готах, проблема рассматривается всесторонне.

В докладе М. А. Тихановой (Ленинград) «К вопросу об этногенезе германцев» отмечалось, что этой проблеме в советской литературе уделяется незаслуженно мало внимания. М. А. Тиханова рассмотрела историографию проблемы, отметив, что к вопросам этногенеза за рубежом сейчас проявляется некоторая настороженность. М. А. Тиханова особо охарактеризовала ясторфскую культуру, с которой связывают происхождение германцев. Эта культура еще недавно считалась привнесенной из Скандинавии, теперь же археологи ряда стран, в том числе ГДР и Польши, безоговорочно принимают местное происхождение ясторфских племен.

В прениях В. Я. Петрухин отметил, что доклад М. А. Тихановой представляет собой модель подхода к проблеме, метод, отработанный на конкретном материале, а без такого метода решать вопросы этногенеза нельзя. Э. А. Сымонович отметил, что вопрос о ясторфской культуре важен и для понимания этногенеза других народов. Е. А. Шмидт указал на ценность историографической части доклада М. А. Тихановой.

Доклад Е. А. Шмидта (Смоленск) «О скандинавах эпохи викингов в районе Смоленска и их влияния на местную культуру» был построен главным образом на материалах курганной группы Новоселки под Смоленском. Этот и некоторые другие памятники (Рокот, Мизиново, Слобода, Клименки, Заозерье) подтверждают присутствие скандинавов на верхнем Днепре и его притоках. Отдельные погребения со скандинавскими вещами восходят к концу IX — началу X в. Влияние скандинавов сказывается преимущественно вдоль водных магистралей пути «из варяг в греки», а в отдалении от них почти не проявляется. Новые материалы подтверждают указание летописи о появлении варягов у Смоленска во времена Олега.

Выступивший в прениях Д. А. Авдусин указал, что найденный материал не позволяет обрывать дату памятника на середине X в. Например, фибулы с крылышками изготовлялись в Скандинавии на всем протяжении второй половины X в. Мало данных и о включении Смоленска в зону влияния Киева. А. Н. Кирпичников отметил, что, по его мнению, в Новоселках найдены самые ранние военные древности на Руси.

Доклад Ф. Д. Гуревич (Ленинград) «Скандинавские колонии на территории древних пруссов» построен на материале двух кладбищ с погребениями скандинавов. Одно из них — могильник в Эльблонге (ПНР) — датируется VIII—IX вв., второе— курганы на севере Калининградской обл.— относится к IX—XI вв. Археологические материалы подтверждают свидетельства средневековых авторов о военных столкновениях норманнов с пруссами и о торговых связях, существовавших между этими племенами.

А. Н. Кирпичников отметил, что доклад Ф. Д. Гуревич вновь обращает внимание на важнейшую тематику Прибалтики. Д. А. Авдусин указал на значение статистических подсчетов, выполненных докладчиком.

Доклад В. А. Булкина «Некоторые данные о комплексах со скандинавскими вещами Гнёздовского могильника» был посвящен источниковедческому анализу небольшой группы вещей из разрушенных курганов у дер. Гнёздово. Докладчик высказал некоторые предположения о погребальном обряде в одном из разрушенных курганов, где он предположил камеру.

Д. А. Авдусин, отметив тщательность произведенного разбора, считает, однако, что такая работа дает право лишь на предположение. Другие выступавшие также отметили добросовестность проделанной работы.

Т. А. Пушкина (Москва) в докладе «Гнёздовские клады» рассмотрела всю совокупность из семи ныне известных вещевых и монетных кладов. Все они зарыты в X в., вещи, входившие в их состав, имеют аналогии в Скандинавии и западнославянских землях. Причиной зарытия кладов Т. А. Пушкина считает военную опасность, нависшую над округой Гнёздова в середине X в., что согласуется с открытым обширным слоем пожарища на поселении. Все клады, как считает докладчик, найдены на селище.

А. Н. Кирпичников считает доклад Пушкиной первой попыткой изучения топографии гнёздовских кладов и, по его мнению, успешной. Д. А. Авдусин отметил, что в докладе содержится новый, комплексный подход к их изучению, когда изучаются и курганы и поселения.

В докладе И. В. Дубова (Ленинград) «Находки скандинавских вещей в Тимерево под Ярославлем» проанализированы погребальные комплексы и отдельные вещи скандинавского происхождения из Тимеревских курганов и селища. Докладчик датирует эти материалы IX в. По его мнению, скандинавы попадают в Ярославское Поволжье вместе с волной славянского расселения из новгородских земель. Скандн-

навские вещи X в. говорят лишь об активной торговой связи Древней Руси и Скандинавии.

Д. А. Авдусин отметил, что самым важным открытием в Тимереве является открытие линии укрепления древнего поселения. А. Н. Кирпичников преложил найти в летописях имя города, которое якобы было у Тимерева.

В докладе Г. С. Лебедева (Ленинград) «Об изучении норманнской проблемы в советской и зарубежной археологии за последнее десятилетие» сделана попытка суммировать итоги этого изучения. По мнению докладчика, установлена связь норманнов с русскими протогородами, определен гибридный характер раннефеодальной культуры, синтезировавшей восточные, скандинавские и другие элементы. По мнению Г. С. Лебедева, выявлен пласт норманнских древностей IX в. на Руси. Докладчик выступил также с утверждением, что теперь антинорманизм не моден.

В прениях выступил В. Я. Петрухин, отметивший, что противоречия между норманистами и антинорманистами еще далеко не преодолены, так как акцент в норманнской теории переместился на глубинные процессы генезиса государства. Так называемый «норманнский» период на Руси беден скандинавскими находками, они гораздо чаще встречаются с X в. Расширение источниковедческой базы интенсивными раскопками поможет в дальнейших исследованиях. А. Н. Кирпичников предложил рассматривать крепость IX в. в Старой Ладоге как оборонительное сооружение местных варягов, направленное против их воинственных сородичей. В. А. Булкин обратил внимание на трудности вычленения древностей IX в. И. В. Дубов одобрил положения доклада Г. С. Лебедева и обратил внимание на важность изучения проблемы протогородов. В. А. Назаренко утверждал, что и норманистические, и антинорманистические теории теперь становятся непопулярными.

Выступивший затем Д. А. Авдусин сказал, что форма доклада Г. С. Лебедева не совпадает с сутью высказанных им положений. Главенствующая роль норманнов в войске, полиции, суде — тезис норманистический, так как это главные органы государственной власти. Тезис, что «антинорманизм не моден» по сути дела ревизует положение марксизма-ленинизма о том, что государства — результат внутреннего развития общества, а не создание пришельцев. По мнению Д. А. Авдусина, также неверен тезис о том, что на Руси выделен пласт норманнских древностей IX в. Такие вещи появляются лишь изредка на заре X в., но они не создают «пласта». Д. А. Авдусин считает, что каждый абзац доклада Г. С. Лебедева легко оспорить; этот доклад – шаг назад, так как он полон норманистических положений.

В заключительном слове Г. С. Лебедев сказал, что он не считает себя норманистом. Он согласен с тем, что скандинавы не сыграли значительной роли в истории Древнерусского государства. Г. С. Лебедев утверждал, что его доклад не содержит норманистических положений, а норманизм теперь вообще лишь воображаемый противник, тень. Председательствующий Д. А. Авдусин не согласился с заключением Г. С. Лебедева, отметил живучесть норманизма и выразил надежду, что докладчик переосмыслит высказанные им положения.

А. П. Журавлев (Петрозаводск) сделал доклад «О ромбо-ямочном орнаменте на посуде северных финно-угров». Такой орнамент встречается на энеолитических памятниках Прионежья, Приладожья и юго-восточной Финляндии. Этот орнамент рассматривался докладчиком как главный источник для решения вопросов этногенеза северных племен, их расселения и составляет, по его мнению, особую область художественной культуры. Для изучения орнамента автором применен метод круговых разверток. В. Я. Петрухин отметил высокую художественность орнамента, оригинальность подхода к его изучению, и присоединился к мнению докладчика о важности использования этого орнамента в качестве исторического источника.

Секция единогласно приняла резюме, в котором отмечается высокий уровень докладов, содержавших информацию о новых открытиях и выводах советских скандинавистов. Участники конференции подчеркнули важность создания особой секции археологии и этнографии, расширение ее тематики по сравнению с первым опытом работы на VI конференции в Таллине. Однако была вновь отмечена пассивность археологов и этнографов Прибалтийских республик и Белоруссии в изучении проблем скандинавистики. Были высказаны упреки и в адрес этнографов, приславших на конференцию только двух докладчиков. Отмечалось, что общее число участников секции возросло и доклады привлекали членов других секций. Работа секции прошла на высоком идейном и научном уровне, в атмосфере благожелательного сотрудничества.

Д. А. Авдусин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1955
АДСВ — Сб.: Античная древность и средние века. Свердловск
АИМ — Сб.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АО — Сб.: Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВОКК — Вісник Одеської комісії краезнавства. Одесса
ВОРАО — Восточное Отделение Русского археологического общества
ВЭИНП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ДВК — Сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970
ДС — Дагестанский сборник. Махачкала
ДСИФ МГУ — Доклады и сообщения Исторического фак-та Московского гос. ун-та
ЕКМ — Евпаторийский краеведческий музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР. Симферополь
ИМКУ — Сб.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИООИА — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
КАМ — Сб.: Культура античного мира. М., 1966
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МДАПВ — Матеріали дослідження з археології Прикарпаття и Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИА ЮЗ — Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МКТ — Сб.: Материальная культура Туркменистана
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
НЗІСН — Наукові записки Інституту суспільних наук. Київ
НЗІІА — Наукові записки Інституту історії та археології УРСР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПАДИУ — Сб.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972
ПВЛ — Повесть временных лет, ч. I, II. М.— Л., 1950
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РФИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы
СА — Советская археология
САн — Советская антропология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СГУ — Саратовский гос. университет
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
СЭ — Советская этнография
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник
Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии. М.— Л.
Тр. КИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского государственного ун-та

ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской ахеологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УІЖ — Український Історичний журнал. Київ
AmA — American Antiquity. Menasha — Salt Lake Sity
AmAnt — American Anthropologist
AJA — American Journal of Archaeology. Institute of America
AÉ — Archaeologiai Értesitö
Annuario — Annuario della scuola archeologica di Atene della missioni italiani in Oriente
AP – Archeologia Polski. Wroclaw — Warszawa — Kraków
AR — Arheologické rozhledy
BCH — Bulletin de Correspondence Hellénique. Paris
BO — Bibliotheca Orientalis. Leiden
BRGK — Bericht der Römisch — Germanischen Komission
DGH — Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Budapest, 1973
DEPA — Domestication and exploitation of plants and animals. London, 1969
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
EW — East and West. Roma
IG — Inscriptiones Graeci. Berlin
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JIVUF — Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt am Main
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JRSWA — Journal of the Royal Society of Western Australia
KHNT — Kwartalnik historii Nauki i Techniki. Warszawa
MCA — Materiale şi cercetări de archeologie
MSU — Man, settlement and urbanism. London, 1972
MUSJ — Mélanges de l'Universite Saint — Josef
PEQ — Palestine Exploration Quartely. London
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge
PZ — Prächistorische Zeitschrift
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real — Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti
ZfA — Zeitschrift für Archäologie
ZfG — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft
ZfE — Zeitschrift für Ethnologie
ZTZ — Zeitschrift für Tierzüchtung und Züchtungsbiologie

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. **Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.**

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Сноски печатаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается **постатейная** (сквозная). Сноски печатаются через два интервала (как и текст статьи).

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следует давать на языке оригинала.

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

I. Книги

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 150.
2. Там же, с. 160.
3. Lacy A. D. Greek pottery in the bronze age. London, 1967; Montelius O. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig, 1960. idem. Die tipologische Methode. Stockholm, 1903.
4. Lacy A. D. Op. cit., p. 12.

II. Журналы и продолжающиеся издания (Труды, Ученые записки, Издания, Сообщения и т. п.)

1. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2, с. 193.
2. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, № 252. Серия истории искусств, вып. 29. 1958; Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
3. Kutscher G. Nordperuanische Keramik.— MA, Bd. 1 1954, Abb. 80; Boul M. I'Art prehistorique dans les Pyrenees. Nouvell decouvert.— L'Anthropologue, 1923, t. 33, № 4, p. 441.

III. Сборники

1. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.– В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 3; Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы.— Там же, с. 152.
2. Perkins A. The Relative Chronology of Mesopotamia.— In: Relative Chronologies in Old world Archaeology. Chicago, 1965, p. 145.

IV. Рецензии

Черных Е. Н. Рец.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.— СА, 1976, № 3; Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.— In: East and West, Roma, 1973, vol. 23, № 1—2, p. 204, 205.

V. Авторефераты диссертаций

Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1968; Аскаров А. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962.

VI. Архивные материалы

2) диссертации

Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). Канд. дис. М., 1966. Архив ИА АН СССР, р – 2, № 1959, с. 40.

б) отчеты

Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4876.

в) отчеты за разные годы одного автора

Крушкол Ю. С. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4264, погр. 2, 4; 1970 г., р — 1, № 4310, погр. 23; 1972 г. р — 1, № 4859.

г) повторная ссылка на отчет

Крушкол Ю. С. Ук. отчет за 1970 г., с. 20.

VII. Повторное упоминание работ одного автора

1. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964; его же. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА. 1958, № 64, с. 290.
2. Смирнов К. Ф. Меотский могильник..., с. 20.
3. Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 10.

VIII. Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

АО — 1969. М., 1970
АИУ — 1970, Киев, 1972
АИМ — 1968, Кишинев, 1970
ОАК за 1900 г. СПб., 1901, с. 42.

IX. Оформление сборников типа МИА, КСИА, КСИИМК

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.– МИА, № 83, 1960, с. 75 сл.; *Никитин А. В.* Раскопки в Великом Устюге.– КСИА АН СССР, № 96, 1963; *Белов Г. Д.* Раскопки Херсонеса в 1955 г.– КСИА АН УССР, № 7, 1957; *Киселев С. В.* Лугавская стоянка.– КСИИМК, XXV, 1949.

6. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страницу машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на французский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в 2 экз.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

9. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

10. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.